37
М.82

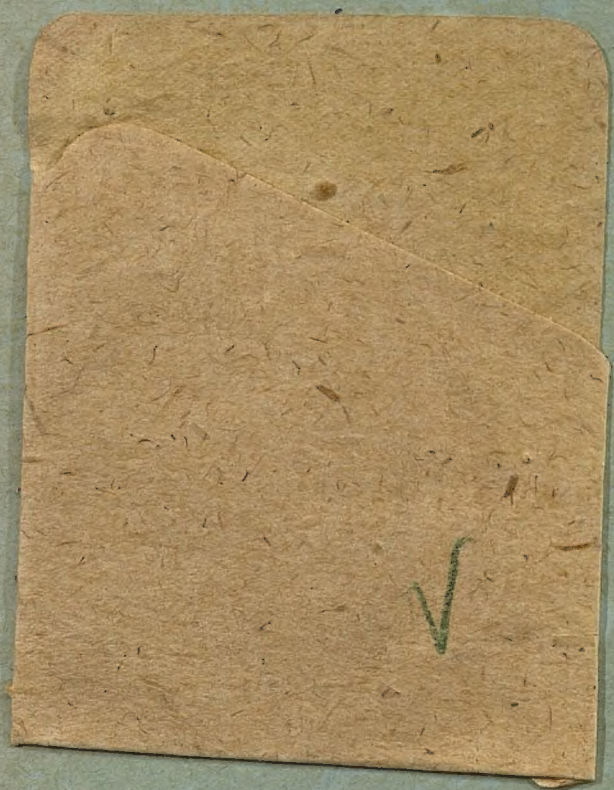
МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

1755–1930

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

Изданіе Парижскаго и Пражскаго Комитетовъ по ознаменованію 175-лѣтія Московскаго Университета подъ редакціей профессоровъ В.Б.Ельяшевича, А.А.Кизеветтера и М.М.Новикова

ПАРИЖЪ
ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"
1930



Старое зданіе Университета

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

1755-1930

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

БИБЛИОТЕКА (б) АППОЦ.К.ВКП
2544
143765

Изданіе Парижскаго и Пражскаго Комитетовъ по ознаменованію 175-лѣтія Московскаго Университета подъ редакціей профессоровъ В.Б.Ельяшевича, А.А.Кизеветтера и М.М.Новикова

1948

ПАРИЖЪ
ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
106, rue de la Tour, Paris (16e)
1930

37
М-82
Библиотека АП РФ
2 010002 35714 7

Tous droits réservés

ПРЕДИСЛОВІЕ

Значеніе Московскаго университета въ исторіи русской культуры по-истинѣ громадно. Научная, просвѣтительная и общественная работа, творившаяся имъ, неизмѣнно развертывалась во всероссійскомъ размахѣ. Изъ среды его профессуры вышелъ длинный рядъ блестящихъ дѣятелей русской науки во всѣхъ отрасляхъ научнаго вѣянія. Притягательная сила его просвѣтительнаго воздѣйствія охватывала всю Россію, и его аудиторіи всегда были переполнены молодежью, стекавшейся туда со всѣхъ концовъ русской земли. Тѣсная связь соединяла его съ жизнью всего русскаго общества, и лучшіе его дѣятели вносили свѣтъ научнаго знанія въ обсужденіе животрепещущихъ общественныхъ вопросовъ. Эта тріединая творческая работа Московскаго университета сдѣлала его дорогимъ и близкимъ для каждаго образованнаго русскаго человѣка, отдающаго себѣ сознательный отчетъ въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ проистекли духовныя цѣнности, составляющія основу русской культуры.

Вотъ почему, когда создавшееся въ Парижѣ Общество бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Московскаго Университета и организованный при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ особый Комитетъ выступили съ мыслью объ организаціи чествованія Московскаго университета по случаю исполнившагося 175-лѣтія его существованія — этотъ призывъ вызвалъ горячій откликъ во всѣхъ странахъ русскаго разсѣянія. Вездѣ создались соотвѣтствующіе Комитеты, выразившіе готовность работать рука объ руку для выполненія намѣченной задачи. На почвѣ такого общаго одушевленнаго единенія создался и

этотъ Сборникъ, цѣль котораго — оживить, запечатлѣть и закрѣпить въ умахъ русскихъ людей великое значеніе Московскаго университета, какъ органа русскаго національнаго самосознанія, русской научной мысли, русскаго общественнаго культурнаго творчества. Сборникъ открывается историческими очерками, въ которыхъ обрисованы главнѣйшіе этапы жизни университета отъ его основанія вплоть до трагическихъ минутъ ниспроверженія его автономіи большевицкой властью. Далѣе слѣдуетъ рядъ воспоминаній бывшихъ профессоровъ и студентовъ университета, относящихся къ различнымъ моментамъ его существованія.

Сборникъ осуществленъ соединенными силами Пражскаго и Парижскаго Комитетовъ чествованія 175-лѣтія Московскаго университета, на собранныя въ разныхъ странахъ пожертвованія. Чистый доходъ отъ продажи Сборника предназначенъ на основаніе стипендій для русскихъ студентовъ въ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Предлагая Сборникъ вниманію читателей, редакторы питаютъ твердую увѣренность въ томъ, что русскіе люди, дорожащіе завѣтами великой русской культуры, которая и въ зловѣщей ночи теперешняго ужаснаго безвременья сіяетъ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, — путеводнымъ и призывнымъ, — единодушно поддержатъ Сборникъ своимъ сочувствіемъ.

I

Московскій Университетъ

Историческій очеркъ.

12-го января 1755 г. совершилось событіе, получившее великое значеніе въ исторіи русской культуры. Въ этотъ день императрица Елизавета Петровна подписала указъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и утвердила Положеніе объ этомъ университетѣ, составленное гр. И. И. Шуваловымъ при ближайшемъ участіи Ломоносова.

Такъ было положено начало учрежденію, которому предстояло сыграть въ послѣдующемъ ходѣ культурнаго развитія Россіи роль великаго двигателя умственной жизни всей страны. Бросимъ-ли взглядъ на судьбы русской науки; представимъ-ли себѣ постепенный ростъ народнаго просвѣщенія въ Россіи; припомнимъ-ли главнѣйшіе моменты въ развитіи тѣхъ идеологій, которыя въ свое время налагали глубокую печать на культурныя и политическія устремленія русскаго общества, — во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ нами съ разительной ясностью выступитъ роль Московскаго университета, какъ одного изъ крупнѣйшихъ фокусовъ русской культуры, проявлявшаго мощную силу лучеиспусканія.

Конечно, далеко не всѣ образованные люди съ полной отчетливостью представляли и представляютъ себѣ, въ чемъ именно состоитъ вкладъ Московскаго университета въ духовную жизнь страны: вѣдь для этого потребны не малыя спеціальныя познанія. Но громадному большинству русскаго образованнаго общества всегда было свойственно признаніе великихъ заслугъ Московскаго университета передъ родиной. Не буду уже говорить о тѣхъ русскихъ людяхъ, которые получили высшее образованіе въ стѣнахъ этого университета. Какъ бы ни сложились для каждаго изъ нихъ обстоятельства студенческой жизни, — всѣ они хранятъ въ душѣ отрадное воспоминаніе о ста-

ромъ Московскомъ домѣ на Моховой, какъ о своей духовной отчизнѣ. Но какъ ни великъ былъ кругъ людей, пившихъ живительную влагу знанія непосредственно изъ этого источника, — сфера просвѣтительнаго вліянія Московскаго университета выходила далеко за предѣлы этого круга. Московскій университетъ за все время своего существованія имѣлъ всероссійское значеніе и въ этомъ то и состоитъ истинный смыслъ исторической даты, которая отмѣчается настоящимъ сборникомъ.

На чемъ же основывается это всероссійское значеніе Московскаго университета? На томъ-ли, что онъ былъ первымъ по времени возникновенія русскимъ университетомъ? Конечно, это хронологическое первенство значитъ немало на вѣсахъ общественнаго мнѣнія. Но, во-первыхъ, оно относительно, а, во-вторыхъ, само по себѣ оно все же было-бы недостаточно. Вѣдь еще задолго до появленія достопамятнаго указа 12 января 1755 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ университетъ при Академіи Наукъ. И однако память объ этомъ такъ назыв. «Академическомъ Университетѣ» почти не сохранилась въ русскомъ обществѣ, онъ канулъ въ Лету, ибо это былъ университетъ только по имени и отъ его эфемернаго существованія русскому обществу не было ни тепло, ни холодно.

Потому-то лишь съ момента появленія Московскаго университета всѣ начинаютъ исторію университетскаго образованія въ Россіи.

Громадное значеніе въ утвержденіи всероссійской славы Московскаго университета имѣла конечно высота его ученыхъ и учебныхъ заслугъ. Длинная вереница крупныхъ свѣтилъ науки, связанныхъ съ Московскимъ университетомъ, такъ блестяща, что этотъ блескъ просто слѣпитъ глаза. И вліяніе этихъ ученыхъ на развитіе русской университетской науки простиралось на всю страну. Если подсчитать, сколько каѳедръ въ иныхъ университетахъ бывало занимаемо профессорами, которые являлись птенцами Московскаго ученаго гнѣзда, — процентъ получится весьма внушительный.

Но, если бы значеніе Московскаго университета исчерпывалось его блистательными успѣхами на поприщѣ разработки науки и ея преподаванія, то — какъ ни высокъ былъ бы его авторитетъ въ общественномъ сознаніи, все же отношеніе къ нему со стороны широкихъ общественныхъ круговъ не было бы согрѣто той любовью, тѣмъ по-

вышеннымъ одушевленіемъ, которое неизмѣнно проявлялось въ общественныхъ чествованіяхъ его заслугъ.

Московскій университетъ всегда былъ окруженъ въ общественномъ сознаніи особымъ ореоломъ, дѣлавшимъ его дорогимъ и близкимъ для всей страны. И объясняется это тѣмъ, что Московскій университетъ никогда не жилъ жизнью ученаго скита, закупореннаго въ самомъ себѣ и наглухо отгороженнаго отъ живыхъ запросовъ окружающей его современности. Жизненный пульсъ Московскаго университета бился въ тактъ съ жизненнымъ пульсомъ всей страны и было нѣсколько моментовъ въ исторіи русской общественности, когда среди общей придавленности общественной жизни Московскій университетъ, — по образному выраженію Герцена, — «первый начиналъ вырѣзываться изъ общаго тумана» и подавать свой голосъ среди общей тишины. Служеніе наукѣ неотдѣлимо отъ служенія общественному благу — такова основная традиція Московскаго университета, которую всегда поддерживали его славнѣйшіе дѣятели. И потому — исторія Московскаго университета составляетъ столь важную страницу не только въ исторіи русской учености и русскаго просвѣщенія, но и въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы дѣлаемъ попытку обозрѣть общій ходъ исторіи Московскаго университета. Мы можемъ сдѣлать это лишь въ очень сжатой формѣ, — какъ по ограниченности мѣста, которымъ мы располагаемъ, такъ и по невозможности воспользоваться здѣсь, вдали отъ родины, всѣми нужными пособіями. Мы принуждены ограничиться лишь общей характеристикой тѣхъ этаповъ, чрезъ которые прошелъ Московскій университетъ въ своемъ послѣдовательномъ ростѣ.

Теченіе его жизни не было ровнымъ и спокойнымъ. Повороты и зигзаги общеполитической жизни Россіи — въ полной мѣрѣ отражались и на судьбахъ университета. Моменты подъема и расцвѣта смѣнялись періодами относительнаго упадка, но за ними наступала затѣмъ пора дальнѣйшаго обновленія.

Такъ великая рѣка въ своемъ теченіи проползаетъ порой чрезъ мелководные перекаты, иногда перескакиваетъ бурнымъ водоворотомъ чрезъ преграждающіе ея путь пороги, но, — несмотря ни на что, — безостановочно несетъ все впередъ и впередъ свои живыя воды туда, — къ безбрежному простору морей.

ГЛАВА I.

Первая четверть вѣка.

I.

Изъ задушевныхъ бесѣдъ и изъ довѣрительной дѣловой переписки русскаго просвѣщеннаго вельможи и русскаго геніальнаго ученаго народился планъ устройства Московскаго университета.

Среди русскихъ вельможъ середины XVIII ст. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ выдается одушевленнымъ увлеченіемъ просвѣтительными планами. У каждаго истинно государственнаго человѣка есть всегда излюбленная, магистральная идея, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ его усилій, и къ которой всѣ его отдѣльныя предпріятія устремляются, какъ радіусы къ центру. Въ государственныхъ замыслахъ Ивана Ивановича Шувалова все нанизывалось на основную завѣтную мечту: покрыть Россію сплошной сѣтью учебныхъ заведеній, озарить русскій народъ свѣтомъ знанія, и тѣмъ открыть ему путь къ широкому прогрессу во всѣхъ областяхъ жизни. Шуваловъ увлекался мечтой установить въ Россіи законченную систему народнаго образованія, начиная съ низшихъ школъ, продолжая гимназіями, и восходя къ разсадникамъ высшаго научнаго знанія — университетамъ. Эта благородная мечта опережала то время. Цѣликомъ осуществить ее Шувалову не пришлось. Но кое чего онъ достигъ. И это «кое что» было достаточно полновѣсно, чтобы обезсмертить имя Шувалова въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Когда Шуваловъ пришелъ къ мысли поставить на очередь вопросъ объ учрежденіи университета въ Москвѣ, онъ нашелъ въ Ломоносовѣ горячаго сторонника этого замысла. Глубоко разочарованный въ «академическомъ университетѣ», Ломоносовъ давно уже твердилъ и въ прозѣ и въ стихахъ о необходимости учредить въ Россіи «настоящій» университетъ, который не по имени только, а на самомъ дѣлѣ представлялъ бы собою высшую школу, подобную западно-европейскимъ университетамъ. Ломоносовъ работалъ надъ вопросомъ о преобразованіи «академическаго университета» на новыхъ началахъ, но

въ то же время опредѣленно указывалъ на желательность учредить настоящій университетъ въ Москвѣ. И въ подготовительныхъ работахъ Шувалова по этому вопросу Ломоносовъ принялъ дѣятельное участіе.

До насъ дошло письмо Ломоносова къ Шувалову, ясно свидѣтельствующее объ этомъ. Ломоносовъ высказываетъ здѣсь важныя и глубокія мысли. Во-первыхъ, онъ горячо настаиваетъ на томъ, чтобы планъ университета сразу былъ поставленъ на широкое основаніе. Великое это дѣло нужно дѣлать впрокъ, планъ долженъ быть не узкій, а широкій, расчитанный на будущія времена. Ломоносовъ указывалъ далѣе на необходимость предоставить университету совершенно самостоятельное и независимое положеніе. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы свобода научной мысли въ стѣнахъ университета не подвергалась стѣсненіямъ и въ частности требовалъ, чтобы преподаваніе наукъ о природѣ отнюдь не подчинялось бы контролю духовенства. Ломоносовъ набросалъ и свой планъ внутренняго устройства университета, раздѣленія его на факультеты и распредѣленія по факультетамъ преподаваемыхъ предметовъ. Наконецъ, онъ указывалъ на необходимость учрежденія при университетѣ гимназіи ,которая подготовляла бы для университета студентовъ, ибо, — какъ выразился Ломоносовъ, — «безъ гимназіи университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ».

Указанія Ломоносова были приняты во вниманіе Шуваловымъ. Уже въ 1754 г. Шуваловъ далъ оффиціальное движеніе дѣлу учрежденія Московскаго университета. 19 іюля 1754 г. Правительствующій Сенатъ слушалъ поданное Шуваловымъ доношеніе по этому предмету. Въ этомъ доношеніи Шуваловъ обстоятельно мотивировалъ избраніе Москвы мѣстомъ учрежденія университета. Именно въ Москвѣ, — утверждалъ онъ, — всего легче можно будетъ достигнуть наполненія университета достаточнымъ количествомъ учащихся: Москва находится въ центрѣ имперіи; она наполнена дворянствомъ и разночинцами; живущіе въ Москвѣ и по близости отъ Москвы помѣщики нанимаютъ для своихъ дѣтей домашнихъ учителей, нерѣдко совсѣмъ непригодныхъ, и тратятъ на это немалыя средства. Наконецъ, въ Москвѣ студентамъ будетъ не трудно содержать себя, такъ какъ при дешевизнѣ жизни у нихъ тамъ будетъ много родства и знакомыхъ.

Сенатъ апробовалъ проектъ Шувалова и 12 января

1755 г., — въ день именинъ матери Шувалова, — проектъ этотъ былъ поднесенъ императрицѣ и получилъ ея утвержденіе.

Основныя начала, на которыхъ была построена тогда организація университета, состояли въ слѣдующемъ.

Университетъ не подчиняется никакому иному присутственному мѣсту кромѣ Правительствующаго Сената и ни отъ какого иного мѣста не обязанъ принимать повелѣній. Профессора и преподаватели университета, а также и студенты подсудны лишь особому университетскому суду и могутъ быть преданы суду въ общемъ порядкѣ не иначе, какъ съ согласія кураторовъ университета. Всѣ служащіе въ университетѣ освобождаются отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ повинностей и вычетовъ изъ жалованья.

Этими постановленіями университету сообщалось высокое, самостоятельное и авторитетное положеніе въ системѣ государственныхъ учрежденій.

Схема управленія университетомъ была установлена слѣдующая.

Во главѣ университета стояли кураторы. Они назначались Высочайшей властью. Число ихъ не было опредѣлено. Ихъ обязанностью было пещись о благосостояніи университета во всѣхъ отношеніяхъ, имъ принадлежалъ рѣшающій голосъ по всѣмъ университетскимъ дѣламъ, они являлись посредниками между университетомъ, сенатомъ и верховною властью.

Для завѣдыванія текущими дѣлами университета — учебными и хозяйственными — назначался директоръ, подчиненный кураторамъ. Разъ въ недѣлю — по субботамъ — подъ предсѣдательствомъ директора собиралась конференція профессоровъ для обсужденія учебныхъ дѣлъ. Въ отношеніи системы преподаванія и избранія основнаго учебнаго пособія по своему курсу каждый профессоръ подчинялся рѣшеніямъ конференціи, утверждаемымъ кураторами.

Согласно предположеніямъ Ломоносова университетъ дѣлился на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. На всѣ факультеты предназначалось десять профессоровъ, а именно: на юридическомъ факультетѣ — три профессора 1) всеобщей юриспруденціи, 2) россійской юриспруденціи, 3) политики *); на медицинскомъ факуль-

*) Профессоръ политики долженъ былъ «показывать взаимныя

тетѣ — три профессора: 1) химіи, 2) натуральной исторіи, 3) анатоміи въ связи съ медицинской практикой; на философскомъ факультетѣ — четыре профессора: 1) философіи (логика, метафизика и нравоученіе), 2) физики экспериментальной и теоретической, 3) краснорѣчія (ораторія и стихотворство), 4) исторіи — всеобщей и русской съ древностями и геральдикой.

Профессорскія лекціи должны были читаться двоякія — публичныя и приватныя. Однако, — приватные курсы для желающихъ профессоръ долженъ былъ читать съ такимъ расчетомъ, чтобы отъ этого не было никакой остановки и помѣшательства для лекцій публичныхъ, на которыя допускались всѣ слушатели безъ всякой платы. Эти публичные курсы каждый профессоръ долженъ былъ читать ежедневно кромѣ субботы и воскресенья по два часа въ день. По субботамъ, какъ уже сказано, профессора вмѣсто чтенія лекцій должны были присутствовать на конференціи.

Кромѣ чтенія лекцій въ составѣ преподаванія важное мѣсто было отведено студенческимъ диспутамъ. Въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца студенты должны были держать диспуты подъ руководствомъ профессоровъ на тезисы, объявляемые во всеобщее свѣдѣніе за три дня до диспута.

Въ студенты университета могли быть принимаемы юноши всѣхъ общественныхъ состояній — дворяне и разночинцы. Для подготовки къ университету въ Москвѣ были учреждены двѣ гимназіи — одна для дворянъ, другая — для разночинцевъ. Окончившіе одну изъ этихъ гимназій поступали въ университетъ, впрочемъ, — такъ же, какъ и юноши домашней подготовки, — по особому вступительному экзамену, весьма снисходительному. Въ университетѣ, въ противоположность средней школѣ, дворяне и разночинцы учились уже сообща, безъ всякаго раздѣленія, Такимъ образомъ, университетъ былъ основанъ, какъ всесословная высшая школа. Только крѣпостнымъ людямъ доступъ въ университетъ былъ закрытъ, «понеже науки требуютъ вольности» и для поступленія въ университетъ человѣкъ, состоявшій въ крѣпостной зависимости, дол-

---

поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою въ прошлыя и нынѣшнія времена».

женъ былъ предъявить отпускную на волю отъ своего господина *).

Университетскій курсъ продолжался три года. Окончившіе курсъ получали аттестаты, по которымъ они могли опредѣляться въ гражданскую службу съ преимуществомъ передъ другими.

Прохожденію учебнаго курса могла препятствовать обязательная тогда для дворянства государственная служба. Въ виду этого Высочайшимъ указомъ 17 мая 1756 г. «недорослямъ изъ шляхетства» было дозволено учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, а при склонности къ наукамъ и до 20 лѣтняго возраста, при чемъ во время ученья они могли числиться уже и на службѣ съ выслугою чиновъ и при окончаніи курса получать прямо оберъ-офицерскій чинъ.

Студенты раздѣлялись на своекоштныхъ и казенно-коштныхъ, обязанныхъ за полученное ими казенное содержаніе отслужить опредѣленное число лѣтъ на казенной службѣ. При учрежденіи университета положено было опредѣлить число казенно-коштныхъ студентовъ въ 50 человѣкъ.

Таковы были основанія устройства Московскаго университета при его первоначальномъ возникновеніи.

Подъ помѣщеніе университета и состоящихъ при немъ гимназій временно былъ отведенъ по распоряженію Сената домъ у Воскресенскихъ воротъ, который былъ перестроенъ для нуждъ университета. Здѣсь то 26 апрѣля 1755 г. состоялось открытіе университета въ присутствіи знатныхъ особъ и многочисленной приглашенной публики.

---

*) Начало всесословности горячо отстаивалъ Ломоносовъ. Его возмущало, что въ Петербургскій Академическій университетъ былъ закрытъ доступъ для податныхъ сословій. Въ Европѣ, — писалъ онъ, — имѣется уже великое множество ученыхъ людей, а все же тамъ допускаются въ высшія учебныя заведенія всякаго званія люди, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей; а въ Россіи — «при самомъ наукъ начинаніи сей источникъ запертъ: положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ академическій принимать воспрещается. Будто-бы 40 алтынъ толь великая и тяжелая казнѣ была сумма, которую жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина». (Сочиненія Ломоносова 1847 г. т. I, стр. 775). Эти указанія были приняты во вниманіе при учрежденіи Московскаго университета въ 1755 г. Людямъ податныхъ сословій — за исключеніемъ крѣпостныхъ — было предоставлено право вступать въ число студентовъ.

Торжеству былъ приданъ видъ блестящаго пышнаго празднества, на которыя былъ такъ тароватъ XVIII вѣкъ. Торжественный актъ съ рѣчами профессоровъ, роскошное угощеніе, вечеромъ — великолѣпная иллюминація съ затѣйливыми аллегорическими фигурами, — таковы были главные моменты этого цѣлодневнаго праздника. Весь день и почти до четвертаго часа по-полуночи несчетное число народа тѣснилось около университетскаго дома.

Открытіе Московскаго университета было справлено всенародно и съ первыхъ же дней существованія этого университета Московское общество стало привыкать смотрѣть на него, какъ на с в о е, дорогое и родное достояніе, какъ на свое любимое дѣтище, какъ на свою гордость.

II.

Устроителямъ Московскаго университета приходилось вспахивать дѣвственную новь, подымать цѣлину. Не трудно было выработать схему организаціи университета, и назначить кураторовъ и директора. Но это вѣдь не разрѣшало главнаго вопроса — откуда взять профессоровъ и студентовъ? Профессоровъ предстояло еще подготовить, а юношей учебнаго возраста и ихъ родителей надо было еще пріучить пользоваться услугами невѣдомаго дотолѣ новаго учрежденія. На все это нужно было время. И потому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что по крайней мѣрѣ вся первая четверть вѣка существованія Московскаго университета должна быть признана начальнымъ періодомъ его исторіи, когда университетъ только еще постепенно оперялся и мало по малу вросталъ въ родную землю.

Успѣшность этихъ трудныхъ первыхъ шаговъ новорожденнаго учрежденія въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ энергіи, умѣнья и любви къ дѣлу университетскихъ кураторовъ. Попеченіе объ университетѣ всецѣло было отдано въ ихъ руки. Отъ нихъ зависѣло одѣть плотью и кровью голый скелетъ, созданный учредительнымъ актомъ, и вдохнуть въ него духъ жизни.

Къ счастью, во главѣ университета въ качествѣ главнаго куратора былъ поставленъ самъ создатель университета, относившійся къ своему дѣтищу съ отеческой любовью.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ оставался на посту куратора въ теченіе 42 лѣтъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1797 году. И если подъ конецъ въ виду его преклонныхъ лѣтъ и утраты имъ того значенія, какимъ онъ нѣкогда пользовался въ правящихъ сферахъ, это кураторство стало уже номинальнымъ, то въ пору крѣпости своихъ силъ и своего вліянія онъ являлся усерднѣйшимъ пѣстуномъ университета, отдавалъ ему всѣ свои помыслы, съ увлеченіемъ хлопоталъ о его преуспѣяніи и внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ его жизни. По тѣмъ ордерамъ, которые Шуваловъ насылалъ въ университетъ, можно видѣть, какъ всеобъемлющи были его заботы. Онъ не ограничивался распоряженіями общаго характера и принималъ близко къ сердцу всѣ подробности университетскаго дѣла. Онъ самъ просматривалъ тезисы для студенческихъ диспутовъ; слѣдилъ за темами, которыя профессора выбирали для рѣчей на публичныхъ актовыхъ собраніяхъ и давалъ свои очень обдуманныя указанія. Это вовсе не былъ контроль, направленный на стѣсненіе свободы профессоровъ. Указанія Шувалова имѣли въ виду только пользу общаго дѣла. Слѣдующій примѣръ хорошо обозначаетъ характеръ этого руководительства. Профессора любили говорить на актахъ рѣчи о пользѣ и достоинствахъ той или иной науки. И вотъ, Шуваловъ въ 1757 г. пытается внести большее разнообразіе въ содержаніе этихъ рѣчей. «Оная матерія — пишетъ онъ — такъ уже истощена, въ которой науки и другъ друга похваляемъ, что весьма осторожно въ послѣднемъ поступать должно». Замѣчаніе это не осталось безъ послѣдствій, какъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Рѣчи профессоровъ, занятія студентовъ, дѣятельность вспомогательныхъ университетскихъ учрежденій — библіотеки, аптеки, типографіи, даже студенческіе спектакли, все привлекало его вниманіе, во всемъ онъ являлся руководителемъ вдумчивымъ и доброжелательнымъ. Онъ былъ сторонникомъ мягкаго гуманнаго отношенія къ студентамъ, и подчасъ оборонялъ провинившихся отъ суровыхъ наказаній. Всякій приходившій къ нему изъ числа работающихъ въ университетѣ лицъ могъ съ увѣренностью расчитывать на самый любезный пріемъ. И когда его уже не стало, когда льстивыя хвалы изъ корыстныхъ цѣлей не имѣли бы никакого смысла, всѣ, вспоминавшіе его дѣятельность на пользу университета, говорили о

немъ съ теплою любовью. Нѣтъ сомнѣнія, что университетъ въ періодъ своего первоначальнаго обзаведенія много выигралъ отъ того, что на стражѣ его интересовъ стоялъ такой человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Вторымъ куратором при Шуваловѣ первоначально былъ назначенъ академикъ Блументростъ. Онъ вскорѣ скончался, не успѣвъ ознаменовать своего кураторства ничѣмъ, достойнымъ упоминанія. Въ 1760 г. на его мѣсто былъ опредѣленъ генералъ-маіоръ Ѳ. П. Веселовскій. Еще при Петрѣ Вел. началъ Веселовскій свое служебное поприще и ко времени назначенія куратором университета это былъ уже глубокій старикъ, неспособный къ энергической дѣятельности. Онъ пробылъ на посту куратора очень недолго, вскорѣ по воцареніи Екатерины II вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ В. Е. Ададуровымъ. Ададуровъ имѣлъ прикосновеніе къ наукѣ, нѣкогда онъ былъ при Академіи адъюнктомъ математики; есть преданіе, что онъ преподавалъ русскій языкъ Екатеринѣ II въ бытность ея великой княгиней. Затѣмъ онъ впалъ въ немилость при дворѣ Елизаветы и удалился въ Оренбургъ товарищемъ губернатора. Оттуда онъ велъ дѣятельную переписку съ академикомъ Миллеромъ и посылалъ своему бывшему учителю чучелы и скелеты животныхъ оренбургскаго края. Воцареніе Екатерины открыло Ададурову болѣе широкія перспективы. Онъ переселяется въ Москву, назначается президентомъ Мануфактуръ-коллегіи, а съ 1764 г. — сенаторомъ и въ то же время съ 1762 г. по 1777 годъ занимаетъ должность куратора Московскаго университета. Шуваловъ въ это время былъ за-границей, и заботы объ университетѣ сосредоточились въ рукахъ Ададурова. Если Веселовскій отъ дряхлости былъ бездѣятеленъ, то Ададуровъ являлся воплощенной энергіей. Онъ сразу съ жаромъ принялся за упорядоченіе университетскихъ дѣлъ. Канцелярію университета онъ нашелъ въ большой запущенности, которая объяснялась между прочимъ и тѣмъ, что Шуваловъ управлялъ университетомъ довольно патріархально и, какъ признавалъ онъ самъ въ своихъ отвѣтахъ на запросы Ададурова, обращалъ вниманіе не столько на канцелярскія формы, сколько на существо дѣла. Ададуровъ принялся энергично наводить порядокъ и вступилъ въ непріятныя и задорныя объясненія съ Шуваловымъ, можетъ быть пользуясь тѣмъ, что съ кончиною Елизаветы миновали времена фавора Шуваловыхъ.

Особенное вниманіе Ададуровъ обратилъ на выработку проекта университетскаго устава, чѣмъ уже и ранѣе занималась конференція профессоровъ. Повидимому Ададуровъ привлекъ къ этому дѣлу и своего учителя академика Миллера, составившаго по этому предмету обширную записку, — о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Второй заботой Ададурова было пополненіе профессорской коллегіи новыми силами, и, какъ увидимъ далѣе, онъ и въ этомъ отношеніи достигъ полезныхъ результатовъ. Активная дѣятельность Ададурова въ качествѣ куратора продолжалась до 1770 г. Остальные восемь лѣтъ своей жизни онъ всецѣло провелъ въ Петербургѣ и сохранялъ за собою лишь почетное кураторство. Въ 1778 г. онъ скончался.

Уже въ февралѣ 1771 г. на помощь Шувалову былъ назначенъ кураторомъ И. И. Мелиссино. Мелиссино родился въ 1718 г. и былъ сыномъ греческаго лѣкаря, выѣхавшаго въ Россію изъ Венеціи при Петрѣ Вел. Мелиссино окончилъ курсъ Сухопутнаго Кадетскаго корпуса. Съ 1757 по 1763 г. онъ состоялъ директоромъ Московскаго университета, а въ 1763 г. оставилъ эту должность, будучи назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода. Теперь, въ 1771 году, въ чинѣ тайнаго совѣтника онъ становится куратором университета и одновременно опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

Уже въ качествѣ директора Мелиссино расторопно и умѣло работалъ на пользу университета. Въ качествѣ куратора онъ, подобно Ададурову, сдѣлалъ немало для развитія различныхъ сторонъ университетскаго устройства. Отличительной особенностью его было то, что онъ обращалъ большое вниманіе на оживленіе связей университета съ московскимъ обществомъ. Онъ любилъ устраивать всякаго рода публичныя торжества, привлекавшія въ стѣны университета разнообразную публику. Въ тѣхъ же видахъ онъ основалъ при университетѣ литературное и ученое общество подъ названіемъ «Вольное россійское собраніе», которое немало содѣйствовало усиленію популярности университета въ общественныхъ кругахъ. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что, встрѣтивъ позднѣе на этомъ пути достойнаго соперника въ лицѣ профессора Шварца, Мелиссино сталъ на почву мелочной зависти и началъ усиленно противодѣйствовать Шварцу, доведя свою борьбу противъ просвѣтительныхъ начинаній Шварца и Новико-

ва до того, что Шварцу пришлось покинуть университетъ, котораго онъ былъ достойнѣйшимъ украшеніемъ. Этому важному эпизоду въ исторіи университета намъ еще предстоитъ удѣлить особое вниманіе.

Мелиссино скончался въ мартѣ 1795 г. Но еще въ 1778 году число кураторовъ университета увеличилось съ назначеніемъ на эту должность М. М. Хераскова. Съ 1763 по 1770 г. Херасковъ состоялъ директоромъ университета. Затѣмъ онъ перемѣнилъ эту должность на постъ вице-директора Беръ-коллегіи. Теперь, въ 1778 г., онъ заиялъ мѣсто куратора университета наряду съ Шуваловымъ и Мелиссино. Это назначеніе сыграло важную роль во внутренней жизни университета. Поэтъ и масонъ, Херасковъ былъ тѣсно связанъ съ умственнымъ броженіемъ своего времени и его соединяли дружественныя узы съ тѣмъ масонскимъ кружкомъ, который сплотился тогда въ Москвѣ около Новикова и Шварца. Конечно, именно Херасковъ и явился соединительнымъ звеномъ между Новиковымъ и Московскимъ университетомъ и намъ еще придется говорить о томъ, какая яркая полоса въ жизни университета получалась въ результатѣ этого сближенія университета съ Новиковскимъ кружкомъ.

Вотъ — тѣ люди, которые въ качествѣ кураторовъ стояли у руля Московскаго университета за первую четверть вѣка его существованія. Кураторы были, какъ-бы сказать, высшими направителями теченія университетской жизни. Исполнителемъ ихъ предначертаній, распорядительнымъ органомъ въ ходѣ текущихъ дѣлъ являлся директоръ университета, опредѣлявшійся къ должности не по выбору профессорской коллегіи, а по административному назначенію. За первую четверть вѣка существованія университета перемѣнилось четыре директора. То были: Аргамаковъ (1755 - 1757) — влагавшій немало энергіи и матеріальныхъ пожертвованій въ дѣло устроенія университета, но отличавшійся небрежностью въ канцелярской отчетности, что и послужило причиной послѣдующихъ споровъ между Ададуровымъ и Шуваловымъ; Мелиссино (1757 - 1763); Херасковъ (1763 - 1770 г. г.) и Приклонскій — (1771 - 1784 г. г.).

Директоръ дѣйствовалъ не совсѣмъ единолично. При немъ состояла конференція, состоявшая изъ трехъ ассессоровъ (въ числѣ которыхъ находился Херасковъ до назначенія его директоромъ) и трехъ профессоровъ.

За первое 25 лѣтіе та внѣшняя обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать университету, послѣдовательно совершенствовалась. Уже къ началу 1756 г. отведенный университету первоначально домъ у Воскресенскихъ воротъ оказался слишкомъ недостаточнымъ и Сенатскимъ указомъ 4 мая 1756 г. для университета сверхъ того былъ еще пріобрѣтенъ домъ Главной Аптеки на Моховой ул.

Такъ, университетъ водворился на томъ самомъ мѣстѣ, которое и по сіе время остается центральнымъ средоточіемъ университетскихъ владѣній *).

Послѣдовательно увеличивалась опредѣляемая на содержаніе университета штатная сумма. Мало-по-малу росли и развивались вспомогательныя университетскія учрежденія — какъ-то: типографія, книжная лавка, библіотека, издававшаяся при университетѣ газета «Московскія Вѣдомости» и т. д. Расширялись и состоявшія при университетѣ двѣ гимназіи — дворянская и разночинская, управленіе которыми принадлежало университету и осуществлялось чрезъ ректора и инспектора изъ числа университетскихъ профессоровъ. Въ такое же отношеніе былъ поставленъ Московскій университетъ и къ гимназіи, основанной Шуваловымъ въ Казани, которая уже при Александрѣ I была преобразована въ Казанскій университетъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ слѣдить здѣсь за всѣми этими предметами, какъ ни важны они для исторіи университета. Мы спѣшимъ обратиться къ тому, что составляло главное существо внутренней жизни университета за этотъ начальный періодъ его исторіи. Намъ предстоитъ бросить взглядъ на то, какъ формировалась профессорская коллегія, какъ составлялся кадръ студенчества, какъ налаживалась и въ чемъ выражалась ученая, учебная и общественно-просвѣтительная дѣятельность университета на первой порѣ его существованія.

III.

Задача заполнить профессорами десять каѳедръ, установленныхъ Положеніемъ объ университетѣ, была нелег-

*) Въ 80-хъ годахъ XVIII ст. владѣнія университета на Моховой улицѣ были расширены новыми пріобрѣтеніями и были выстроены тамъ новые университетскіе корпуса. Подробную справку о всемъ этомъ см. въ особой статьѣ Н. И. Астрова въ этомъ Сборникѣ.

ка. И пришлось лишь исподволь приближаться къ ея разрѣшенію. Нечего было и думать о томъ, чтобы составить всю профессуру изъ русскихъ ученыхъ. Вѣдь это самому университету предстояло въ будущемъ приготовить для себя русскихъ профессоровъ, а пока — взять таковыхъ было почти неоткуда. Существовалъ для этого лишь одинъ источникъ. Это — Петербургская Академія Наукъ. Туда-то и обратились прежде всего устроители Московскаго университета и — не напрасно. Академія дала Московскому университету двухъ профессоровъ изъ числа своихъ русскихъ питомцевъ. То были Поповскій и Барсовъ. Вплоть до 1761 г. ими двумя и исчерпывалась русская часть московской профессуры, если не считать магистра физики Савича, который вскорѣ былъ командированъ въ Казанскую гимназію. Только съ 1761 г. начинаютъ время отъ времени появляться новыя русскія имена въ составѣ профессоровъ. До тѣхъ поръ изъ 10 каѳедръ только двѣ были заняты русскими учеными.

Зато Поповскій и Барсовъ съ честью несли свое профессорское званіе.

Поповскій родился около 1730 г. Въ 1748 г. послѣдовало распоряженіе зачислить въ студенты Академіи Наукъ лучшихъ воспитанниковъ синодальныхъ школъ. Тогда-то и Поповскій попалъ въ этотъ наборъ. Тамъ ему предстояло счастье сдѣлаться любимымъ ученикомъ Ломоносова по классу Поэзіи и Краснорѣчія россійскаго. Ломоносовъ не могъ нахвалиться своимъ ученикомъ и часто посылалъ Шувалову его стихотворныя произведенія, сопровождая ихъ своими хвалебными отзывами. Въ 1754 г. Поповскій закончилъ стихотворный переводъ «Опыта о человѣкѣ» Попа. Ломоносовъ былъ въ восторгѣ. Этотъ трудъ послужилъ основаніемъ литературной извѣстности Поповскаго. Его переводъ поэмы Попа имѣлъ немалый успѣхъ у читающей публики и до 1802 г. выдержалъ четыре изданія.

Ставъ инспекторомъ Академической гимназіи, Поповскій продолжалъ литературную дѣятельность и сочинилъ оду на воцареніе Елизаветы. Ломоносовъ такъ часто обращалъ вниманіе Шувалова на успѣхи своего даровитаго ученика, что Шуваловъ въ поискахъ профессоровъ для Московскаго университета прежде всего подумалъ о Поповскомъ. Поповскій и занялъ тамъ въ 1755 г. каѳедру элоквенціи со званіемъ магистра философіи. Онъ съ одушевленіемъ принялся за дѣло и въ первой же вступитель-

ной своей лекціи обнаружилъ свою благородную горячность. Говоря о пользѣ и важномъ значеніи теоретической философіи, онъ горячо возсталъ противъ того предразсудка, что философію можно будто бы преподавать только на латинскомъ языкѣ. — «Я чаю, говорилъ онъ, что философіи умершихъ и въ прахъ обратившихся уже римлянъ разговоръ довольно наскучилъ». Истолкованіе философскихъ истинъ нуждается не въ мертвой, а въ живой рѣчи, — для провозглашенія въ то время такой мысли надо было имѣть смѣлость, ибо это значило тогда выступить противъ рутины съ еретическимъ новшествомъ. Къ неудовольствію своихъ иностранныхъ коллегъ Поповскій простеръ свою смѣлость и еще далѣе и заявилъ, что русскій языкъ также вполнѣ пригоденъ для преподаванія философіи. — «Нѣтъ такой мысли — сказалъ Поповскій — кою бы по россійски изъяснить было невозможно... Итакъ, съ Божіимъ споспѣшествованіемъ начнемъ философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изо всей Россіи или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться». Поповскій былъ полонъ вѣры въ грядущій расцвѣтъ русской культуры. Въ одной изъ своихъ торжественныхъ рѣчей онъ предсказывалъ ту важную роль, которая предстояла и Московскому университету въ культурномъ прогрессѣ Россіи. Въ рѣчи на университетскомъ актѣ 1756 г. онъ восклицалъ: «безчисленныя тысячи нашихъ потомковъ прежде еще своего рожденія уже облагодѣтельствованы учрежденіемъ нашего университета: настанетъ время, когда изъ сего мѣста произойдутъ многіе судьи, правду отъ клеветы отдѣляющіе; полководцы, спокойствіе своего отечества утверждающіе; мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе»...

Къ произведеніямъ собственнаго пера Поповскій былъ очень строгъ. Передъ смертью онъ сжегъ многія неизданные свои труды, среди которыхъ находились переводъ большей части исторіи Ливія, переводы одъ Анакреона и оригинальныя свои стихотворенія. Однако, по дошедшимъ до насъ его стихотворнымъ опытамъ видно, что ему былъ присущъ подлинный поэтическій талантъ. Таковы его — письмо въ стихахъ Шувалову «о пользѣ наукъ и воспитанія въ нихъ юношества», и его переводы поэмы Попа, «De Arte poetica» — Горація и Гораціевыхъ одъ.

Подобно своему геніальному учителю Ломоносову По-

повскій былъ страстенъ въ отстаиваніи своихъ убѣжденій и чуждъ искательства. Онъ настойчиво пропагандировалъ въ университетской конференціи мысль о введеніи преподаванія на русскомъ, а не на латинскомъ языкѣ и имѣлъ по этому поводу столкновенія со своими коллегами-нѣмцами. Поповскій пробылъ на каѳедрѣ только около 5 лѣтъ. Въ 1760 г. онъ скончался.

Его русскимъ коллегой при возникновеніи университета былъ Барсовъ. Барсовъ родился въ 1730 г. въ Москвѣ. Онъ былъ сынъ директора Московской Духовной Типографіи, ученика Лихудова. Подобно Поповскому онъ въ 1748 г. былъ взятъ изъ духовной семинаріи въ Академію, гдѣ и заслужилъ лестное признаніе своихъ дарованій и успѣховъ отъ академической конференціи. Онъ изучалъ философію, элоквенцію и математику. Блестяще окончивъ курсъ, онъ сталъ преподавателемъ математики въ Академической гимназіи. Ему то предложилъ Шуваловъ въ 1755 г. каѳедру математики въ Московскомъ университетѣ. До 1761 г. Барсовъ и преподавалъ тамъ математику, а затѣмъ, по смерти Поповскаго, перешелъ на каѳедру элоквенціи и занималъ ее въ теченіе 30 лѣтъ, до своей кончины въ 1791 г. Колоритное описаніе наружности Барсова въ старости находимъ въ воспоминаніяхъ проф. Тимковскаго.

Нѣсколько низкаго роста, кубической толщины, онъ имѣлъ большое круглое лицо, обвислыя щеки, крупные выпуклые глаза, большой носъ и — парикъ на головѣ; языкъ у него былъ «съ присыкомъ», говорилъ красно, писалъ сухо. Онъ подъѣзжалъ къ университету въ каретѣ и, пока всходилъ по лѣстницѣ, опираясь на высокую трость съ золотою головкою, служитель несъ передъ нимъ на плечѣ большой красный сафьянный мѣшокъ, наполненный книгами. Онъ любилъ шутки и насмѣшки. Всегда у него была на готовѣ язвительная пословица и, отпуская колючую шутку, онъ наклонялъ лицо, закрывалъ бровь рукою и глядѣлъ исподлобья. Со студентами онъ не стѣснялся. — «Что, судырь, у васъ — голова или найникъ?» — такія любезности онъ отпускалъ то и дѣло. Онъ былъ очень популяренъ въ обществѣ. Для своего времени это былъ первый витія на университетскихъ торжествахъ и эти свои рѣчи онъ издалъ отдѣльной книгой. Московскіе церковные проповѣдники тревожно слѣдили, произнося проповѣдь, за яркими выраженіями его физіономіи, читая

въ нихъ приговоръ ошибкамъ своимъ въ слогѣ. Онъ имѣлъ собственный большой двухэтажный домъ за Тверскими воротами и громадную библіотеку. Онъ держалъ себя съ вѣсомъ и не лѣзъ въ карманъ за словомъ. Потемкинъ, во времена своего могущества посѣтившій не разъ университетскія торжества, какъ-то сказалъ Барсову: «помните, какъ вы было выключили меня изъ университета?» — «Ваша свѣтлость тогда сего заслуживали» — тотчасъ же отвѣтилъ Барсовъ.

Помимо торжественныхъ актовыхъ рѣчей Барсовъ написалъ «Россійскую Грамматику» въ 4-хъ частяхъ со многими любопытными новизнами. Ея неизданная рукопись хранилась въ университетскомъ архивѣ. Барсову довелось исполнить важныя литературныя работы по порученію императрицы. Онъ перевелъ «Политическія наставленія» Бильфельда, извѣстнаго нѣмецкаго полицеиста (Екатерина сама участвовала въ этомъ переводѣ); онъ сочинилъ для Бецкаго «Генеральный планъ» или уставъ Московскаго Воспитательнаго Дома; онъ составлялъ многія статьи по законоположеніямъ о дворянствѣ для законодательной комиссіи 1767 г.; онъ былъ членомъ образованной Екатериною въ 1783 г. комиссіи по составленію Записокъ о древней россійской исторіи.

Исполняя всѣ эти оффиціальныя порученія, Барсовъ не упускалъ изъ виду и работы на пользу университета. Онъ усердно читалъ лекціи по риторикѣ, разбиралъ со студентами произведенія древнихъ классиковъ и Ломоносова и состоялъ безсмѣннымъ секретаремъ Вольнаго Россійскаго Собранія. Подъ его редакторствомъ были напечатаны «Труды» этого Собранія въ шести частяхъ (1774 - 1783 г. г.).

Къ этимъ двумъ русскимъ профессорамъ въ 1756 г. было приданo трое выписанныхъ изъ-за границы иностранцевъ. То были — довольно безцвѣтный Фроманнъ, почтенный, способный и серьезный Шаденъ и свѣдущій въ своемъ предметѣ, но болѣе всего наблюдающій свою выгоду Дильтей.

Фроманнъ былъ выписанъ въ Москву изъ Штутгарта чрезъ посредство академика Миллера. Ему была поручена каѳедра логики, метафизики и нравоученія. Черезъ девять лѣтъ, въ 1765 году, онъ оставилъ службу, ссылаясь на болѣзнь, но, уѣхавъ на родину, въ 1766 г.,

занялъ каѳедру философіи въ Тюбингенскомъ университетѣ.

Шаденъ, напротивъ того, крѣпко сросся съ Москвой и болѣе 40 лѣтъ дѣятельно трудился на пользу университета и состоявшихъ при немъ гимназій и только смерть (Шаденъ скончался въ августѣ 1797 г.) прервала эту его дѣятельность.

Шаденъ родился въ Венгріи, въ г. Пресбургѣ. Въ 1752 г. онъ поступилъ студентомъ въ Тюбингенскій университетъ. Тамъ извѣстный Бильфингеръ насаждалъ философію Лейбница и Вольфа и Шаденъ сдѣлался на всю жизнь убѣжденнымъ вольфьянцемъ. Въ Тюбингенѣ получилъ онъ степень доктора философіи и въ 1756 г. — все чрезъ того же Миллера — былъ приглашенъ въ Москву. Онъ былъ приглашенъ собственно для занятія должности ректора университетскихъ гимназій, но ревностно исполняя эту должность, онъ въ тоже время читалъ различные курсы также и студентамъ университета. Въ гимназіи онъ преподавалъ риторику, латинскій языкъ и начала философіи. Въ университетѣ онъ читалъ курсы римскихъ и греческихъ древностей, логику, метафизику, этику, народное право, политику и по обычаю того времени произносилъ на актахъ рѣчи на весьма разнообразныя темы. Если онъ не оставилъ трудовъ, которые можно было бы признать вкладомъ въ научную литературу, то въ своемъ преподаваніи онъ обнаруживалъ не малый педагогическій талантъ и мы имѣемъ лестные отзывы о его профессорской дѣятельности отъ такихъ авторитетныхъ цѣнителей, какъ Фонъ-Визинъ, Тимковскій и Карамзинъ, бывшихъ его учениками. Фонъ-Визинъ писалъ о Шаденѣ: — «сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны». По свидѣтельству Тимковскаго лекціи Шадена отличались изложеніемъ живымъ, чуждымъ педантизма. Читалъ онъ лекціи — какъ и всѣ иностранцы, въ то время, по латыни, но, какъ сообщаетъ Тимковскій, — «для прикрасы вставлялъ и русскія выраженія вродѣ: «хочешь, батюшка, имѣть жену, выбирай годъ, выбирай два».

Карамзинъ, обучавшійся въ частномъ пансіонѣ Шадена, добромъ помянулъ Шадена въ «Письмахъ русскаго путешественника».

Слѣдуетъ отмѣтить, что Шаденъ былъ не чуждъ стремленія приблизить изложеніе науки къ вопросамъ русской

дѣйствительности. Въ 1772 г. онъ сдалъ должность гимназическаго ректора вновь прибывшему въ Москву магистру Маттеи изъ Лейпцига, а самъ занялъ въ университетѣ каѳедру практической философіи и политики. Съ 1778 г. онъ перешелъ съ философскаго факультета на юридическій и читалъ тамъ Государственное право по Ахенвалю—«связывая науку Общаго права съ правомъ россійскимъ».

Въ своей профессорской дѣятельности Шаденъ не застылъ на однажды воспринятыхъ положеніяхъ. Онъ, видимо, слѣдилъ за движеніемъ науки. Такъ, воспитанный на философіи Вольфа, онъ въ своихъ послѣдующихъ лекціяхъ обнаруживалъ знакомство и съ философіей Канта.

Третьимъ иностраннымъ профессоромъ перваго набора въ Московскомъ университетѣ былъ Дильтей. Родомъ изъ Тироля, онъ прошелъ университетскіе курсы въ Инспрукѣ, Страсбургѣ и Вѣнѣ, въ 1753 г. получилъ въ Вѣнѣ степень доктора и былъ членомъ Майнцской Академіи. Въ 1756 г. Миллеръ и Бюшингъ устроили его приглашеніе въ Московскій университетъ на каѳедру «исторіи и правъ». Дильтей былъ хорошимъ для своего времени спеціалистомъ въ юридическихъ наукахъ. Четверть вѣка (1756 - 1781 г. г.) продолжалась его профессорская дѣятельность въ Москвѣ. Но проходила она не совсѣмъ гладко, что объяснялось съ одной стороны личнымъ характеромъ Дильтея, а съ другой стороны особенностями того положенія, въ какое неминуемо попадалъ тогда иностранный профессоръ юриспруденціи въ Россіи. Во-первыхъ, Дильтею долгое время пришлось представлять въ одномъ своемъ лицѣ весь юридическій факультетъ, т. е. читать одновременно курсы чуть-ли не по всѣмъ юридическимъ дисциплинамъ. Во-вторыхъ, преподаваніе Дильтея неизбѣжно должно было принять характеръ слишкомъ отвлеченно-схоластическій, вѣдь онъ совсѣмъ не зналъ той страны, куда занесла его судьба, не зналъ ея устройства, ея юридическаго быта, особенностей ея государственной исторіи. Надо отдать справедливость Дильтею, мало-по-малу онъ началъ обнаруживать желаніе вникнуть въ окружающую его жизнь и, какъ увидимъ, успѣлъ сдѣлать въ этомъ направленіи кое-что небезполезное. Но онъ пришелъ къ этому цѣною горькаго опыта, послѣ того, какъ своимъ отвлеченно-схоластическимъ изложеніемъ Естественнаго права растерялъ всѣхъ своихъ учениковъ, остался при одномъ слушателѣ и встрѣтилъ оппозицію въ университетской

конференціи. Впрочемъ, его нелады съ коллегами и съ университетскимъ начальствомъ имѣли еще и другія основанія. Жалованье профессора было невелико, а Дильтей не принадлежалъ къ числу идеалистовъ не отъ міра сего и стремился устроить свои матерьяльныя обстоятельства возможно лучше. И вотъ, онъ забрасывалъ свои университетскія обязанности, все рѣже являлся на лекціи и набиралъ частные уроки, устраивалъ частные публичные курсы, за которые взималъ значительную плату, пробовалъ заводить частные пансіоны (любопытна его неудавшаяся попытка подготовить изъ числа крѣпостныхъ людей гувернеровъ для частныхъ семействъ) и все это отвлекало его отъ прямой его профессорской дѣятельности. Видимо, былъ онъ не совсѣмъ разборчивъ въ пріемахъ при исканіи успѣха. Книга, которую онъ однажды напечаталъ съ посвященіемъ одному важному лицу, оказалась въ большей своей части плагіатомъ и это вызвало процессъ противъ Дильтея и временное удаленіе Дильтея изъ университета. Дѣло доходило до императрицы, но Екатерина приказала дѣло погасить и вновь принять Дильтея въ число профессоровъ. Тогда-то онъ задумался надъ задачей университетскаго преподавателя, серьезнѣе принялся за дѣло, сталъ все болѣе оживлять и разнообразить свои курсы, приближая ихъ къ практическимъ жизненнымъ вопросамъ. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ читалъ и уголовное право и вексельное право, и даже исторію русскаго права, — курсъ, свидѣтельствовавшій болѣе о похвальномъ желаніи вникнуть въ юридическій бытъ Россіи, нежели о правильномъ подходѣ къ выполненію этой задачи. Онъ просто взялъ готовую систему римскаго права и прилагалъ къ ней русскіе законы, довольно произвольно истолковывая ихъ примѣнительно къ своимъ отвлеченнымъ положеніямъ. При всемъ томъ, вліяніе преподаванія Дильтея осталось не безъ пользы для движенія юридической мысли въ Россіи.

Предпріимчивость Дильтея отразилась на его литературной производительности. Онъ напечаталъ рядъ сочиненій, постепенно все ближе подходя къ изученію русской жизни. Таковы его труды: «Начальныя основанія векселънаго права, а особливо россійскаго купно съ шведскимъ»; «Юридическое изслѣдованіе о судебной власти и судоустройствѣ»; «Топографія Тульской губерніи»; «Атласъ для

дѣтей» въ шести частяхъ; четвертая часть посвящена Россіи.

Итакъ, — на второй годъ существованія университета вмѣсто положенныхъ по штату десяти профессоровъ въ немъ было всего пять профессоровъ, — двое русскихъ и три иностранца, — изъ нихъ четверо принадлежали къ философскому факультету; юридическій факультетъ былъ представленъ всего однимъ профессоромъ, а къ составленію медицинскаго факультета и совсѣмъ не было еще приступлено.

Университетъ, такимъ образомъ, только еще слагался. Постепенно, мало-по-малу подвигалось его дальнѣйшее устройство. Оно состояло, во-первыхъ, въ призывѣ изъза границы новыхъ иностранныхъ ученыхъ, а, во-вторыхъ, на ряду съ этимъ на вѣтвяхъ университетскаго древа исподволь выпочковывались свои собственные цвѣты, — русскіе ученые спеціалисты изъ числа воспитанниковъ университета.

1757 годъ принесъ университету сразу шесть новыхъ преподавателей. Не буду останавливаться на трехъ изъ нихъ — лекторѣ французскаго яз. Раулѣ, пробывшемъ въ университетѣ всего два года; лекторѣ итальянскаго яз. Папафило, также очень быстро промелькнувшемъ въ университетѣ и аббатѣ Франкози, который прочелъ только два курса экспериментальной физики на французскомъ языкѣ. Курсы были публичны, на нихъ присутствовало много слушателей, въ томъ числѣ и дамы.

Болѣе важное пріобрѣтеніе университетъ получилъ въ 1757 г. въ лицѣ трехъ профессоровъ Роста, Рейхеля и Келлнера. Ихъ выписалъ для Московскаго университета Миллеръ, Роста — изъ Геттингена, а Рейхеля и Келлнера — изъ Лейпцига. Всѣ трое опять таки вошли въ составъ философскаго факультета.

Келлнеръ явился первымъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ. Рекомендованный для Москвы его учителемъ извѣстнымъ Готшедомъ, Келлнеръ готовился къ чтенію нѣмецкой литературы, но неожиданно для себя былъ назначенъ на каѳедру исторіи. Ему пришлось ограничиваться компиляціями изъ Роллена. Въ 1760 г. онъ скончался и тогда Рейхель читавшій первоначально нѣмецкую литературу, перешелъ на каѳедру всеобщей исторіи. Рейхель вмѣстѣ съ Келлнеромъ учился въ Лейпцигѣ у Готшеда и былъ послѣдователемъ взглядовъ

своего учителя. Прибытіе въ университетъ послѣдователей Готштеда не понравилось вольфіанцу Шадену и между ними на почвѣ идейныхъ разногласій возникли непріятности. Любопытно отмѣтить это первое проявленіе идеологической борьбы въ московской профессурѣ.

Свой курсъ всеобщей исторіи Рейхель строилъ очень педагогично, примѣнительно къ тогдашнимъ потребностямъ своей аудиторіи. Онъ сравнительно быстро проходилъ древнія эпохи и все расширялъ изложеніе по мѣрѣ приближенія къ новѣйшимъ временамъ. Исторію Европы онъ сопровождалъ статистическимъ обзоромъ внутренняго состоянія европейскихъ странъ и впослѣдствіи сталъ даже читать и особый курсъ статистики. Свой курсъ онъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ съ латинскаго оригинала подъ названіемъ «Краткое руководство къ познанію состоянія европейскихъ государствъ». Для своего времени это было полезное справочное пособіе.

Занявъ историческую каѳедру, Рейхель не отсталъ и отъ занятій литературою. Онъ доставлялъ студентамъ переводную работу и при этомъ разгадалъ и оцѣнилъ литературное дарованіе молодого Фонъ-Визина.

Рейхель велъ трудовую жизнь. Университетское жалованье было невелико. Приходилось давать частные уроки въ богатыхъ домахъ. До 4 часовъ пополудни онъ занимался съ дѣтьми у одного знатнаго барина. Оттуда отправлялся пѣшкомъ въ университетъ, гдѣ читалъ лекціи отъ 4 до 6 часовъ, а потомъ шелъ пѣшкомъ же домой, страдая отъ нападеній собакъ, во множествѣ бродившихъ по улицамъ той глухой части города, гдѣ онъ квартировалъ. Въ 1762 г. онъ предпринялъ было періодическое изданіе: «Собраніе лучшихъ сочиненій», но оно продержалось только одинъ годъ. Рейхель скончался въ 1778 г.

Гораздо болѣе ловко устраивалъ свои дѣла третій иностранный профессоръ, прибывшій въ Москву въ 1757 г. — Ростъ. Это былъ воспитанникъ Геттингенскаго университета. Начавъ въ Москвѣ съ преподаванія англійскаго языка, онъ съ 1758 г. перешелъ на математику и экспериментальную физику. Ему то довелось положить начало той части философскаго факультета, которая обнимала физико-математическія науки. Это былъ мастеръ на всѣ руки. Онъ прекрасно зналъ пять языковъ. Въ актовыхъ рѣчахъ онъ брался за освѣщеніе самыхъ разнообразныхъ вопросовъ практической жизни. Онъ читалъ и о способахъ вы-

варки соли, и о борьбѣ съ плохимъ воздухомъ въ жилищахъ (въ связи съ чумою 1771 г.), и о борьбѣ съ пожарами, и объ избраніи здоровыхъ мѣстъ для построенія городовъ и т. д. Недостаточное профессорское жалованье пополнялъ онъ не бѣганьемъ по частнымъ урокамъ, а службою главнымъ комиссіонеромъ при Голландско-россійской Кампаніи, вывозившей изъ Россіи хлѣбъ, пеньку, масло, сало и прочее. Зато онъ и оставилъ сыновьямъ значительное наслѣдство. У него былъ собственный домъ близъ Варварки, съ голландскою крышею и весьма высокимъ заборомъ. Онъ былъ средняго роста, худощавъ, носилъ рыжій парикъ и обладалъ пискливымъ голосомъ. Онъ былъ всегда бодръ и дѣятеленъ. Онъ скончался въ 1791 г.

Итакъ, философскій факультетъ былъ болѣе или менѣе устроенъ, хотя это устройство и носило еще лишь самый первоначальный характеръ. Теперь предстояло приступить къ устройству несуществовавшаго еще факультета медицинскаго и къ пополненію факультета юридическаго, гдѣ былъ пока всего одинъ преподаватель.

Въ 1758 г. прибылъ въ Москву наконецъ первый профессоръ для медицинскаго факультета. То былъ Керштенсъ, выписанный изъ Лейпцига. Былъ онъ докторомъ медицины, но прямой его спеціальностью была химія и минералогія. Эти то науки и сталъ онъ читать на медицинскомъ факультетѣ, подходя къ химіи со стороны потребностей медицинскихъ наукъ. Въ тоже время онъ состоялъ врачемъ университетской больницы и завѣдывалъ минералогическимъ кабинетомъ, принесеннымъ университету въ даръ наслѣдниками А. Н. Демидова.

Пробывъ въ Москвѣ болѣе 10 лѣтъ, Керштенсъ въ 1770 году уѣхалъ на родину.

Свое пребываніе въ Россіи онъ ознаменовалъ составленіемъ руководства по леченію болѣзней среди простолюдиновъ и, по отзывамъ современниковъ, при этомъ съ большимъ искусствомъ приноровилъ свои врачебныя указанія къ бытовымъ условіямъ русскаго крестьянства; потому-то это руководство было переведено на русскій языкъ (написано оно было, разумѣется, по латыни) и пользовалось распространеніемъ въ русскихъ помѣщичьихъ усадьбахъ.

Еще до отъѣзда Керштенса на медицинскій факультетъ былъ приглашенъ еще одинъ преподаватель — докторъ медицины изъ Страсбурга, по спеціальности гинекологъ,

Эразмусъ. Первоначально онъ состоялъ въ Москвѣ городскимъ акушеромъ. Въ 1764 г. Ададуровъ предоставилъ ему въ университетѣ каѳедру анатоміи и хирургіи. Эразмусу принадлежало первоначальное устройство анатомическаго театра при университетѣ. Въ своихъ рѣчахъ на публичныхъ университетскихъ собраніяхъ онъ горько жаловался на тѣ затрудненія, какія чинила ему полиція въ добываніи труповъ для анатомическаго театра, и на тѣ обвиненія медицинскихъ наукъ въ безбожіи, которыя слышались порою со стороны духовенства.

Въ 1764 г. нарушилось, наконецъ, и одиночество Дильтея на юридическомъ факультетѣ: въ Москву былъ выписанъ изъ Іены профессоръ Лангеръ, который сталъ читать курсы естественнаго и народнаго права и политики. Въ своихъ публичныхъ рѣчахъ онъ развивалъ мысль о тѣсной связи юриспруденціи съ философіей, а по своимъ философскимъ взглядамъ онъ принадлежалъ къ волфіанцамъ. Кромѣ того онъ составилъ «Полный Географическій Словарь всѣхъ частей свѣта» въ 3-хъ частяхъ, вышедшій на русскомъ языкѣ въ Москвѣ въ 1791 - 1792 г. въ типографіи Клаузія. Добрымъ словомъ нужно помянуть Лангера въ особенности потому, что онъ оказывалъ дѣятельную поддержку молодому талантливому русскому юристу Десницкому, когда тотъ готовился къ профессорской дѣятельности.

60-ые и 70-ые годы XVIII ст. должны быть признаны важной эпохой въ начальной исторіи Московскаго университета: за эти два десятилѣтія на университетскихъ каѳедрахъ появилась цѣлая фаланга молодыхъ русскихъ ученыхъ, вышедшихъ изъ нѣдръ самого Московскаго университета и большею частью довершившихъ свое научное образованіе за границей. Если въ 50-хъ годахъ въ спискѣ профессоровъ мы находимъ всего два русскихъ имени, (Поповскій и Барсовъ), то за 60-ые и 70-ые годы на каѳедры вновь вступили всего 21 новый профессоръ *) и въ томъ числѣ — 50% составили русскіе молодые ученые.

Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ выступаютъ два русскихъ ученыхъ — Лобановъ и Аничковъ.

Лобановъ былъ родомъ изъ Осташковской слободы

*) Эти новыя назначенія производились и въ связи съ открытіемъ новыхъ каѳедръ и для замѣщенія умершихъ или оставившихъ университетъ профессоровъ.

и обучался въ Тверской семинаріи. Въ 1757 - 1760 г. г. состоялъ студентомъ Московскаго университета, и Барсовъ, преподававшій тогда математику, считалъ его лучшимъ своимъ ученикомъ. Въ 1761 г. онъ уже началъ читать въ университетѣ чистую математику, но въ слѣдующемъ же году былъ переведенъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ въ Петербургѣ профессоромъ физики и математики. Въ 1770 г. онъ перешелъ на службу въ Сенатъ и въ томъ же году скончался отъ чахотки. Онъ написалъ руководства по физикѣ и математикѣ, оставшіяся ненапечатанными.

Почти одновременно съ Лобановымъ выступилъ на поприще профессуры Аничковъ. Всѣ дошедшіе до насъ отзывы объ Аничковѣ рисуютъ его человѣкомъ выдающейся талантливости. Повидимому то была первая серьезная научная величина, блеснувшая на горизонтѣ университета изъ среды его питомцевъ. Онъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Учился въ Троицкой лаврѣ и вошелъ затѣмъ в ъсоставъ перваго набора студентовъ въ университетѣ. Это былъ блестящій студентъ. Золотыми медалями былъ, можно сказать, усыпанъ его студенческій путь. Барсовъ, Дильтей, Фроманнъ. Керштенсъ наперерывъ награждали его успѣхи лестными похвалами. Начало его профессорской дѣятельности омрачилось тяжелой исторіей. Его сочиненіе «О началѣ и происшествіи натуральнаго богословія» вызвало протестъ московскаго архіепископа, нашедшаго тамъ признаки религіозной неблагонадежности. Мы еще коснемся въ дальнѣйшемъ этого эпизода. Но скопившіяся было надъ головой молодого ученаго тучи благополучно разсѣялись, и Аничковъ съ 1762 по 1788 г. благополучно преподавалъ въ университетѣ логику, метафизику и математику

Аничковъ составилъ и напечаталъ первый на русскомъ языкѣ оригинальный «Курсъ чистой математики». Составленная имъ «Ариѳметика» представляла собою крупный шагъ впередъ сравнительно съ «ариѳметикой» Магницкаго. Его «Геометрія» была признана явленіемъ замѣчательнымъ въ тогдашней научной литературѣ.

На медицинскомъ факультетѣ каѳедру анатоміи занялъ съ 1765 г. Зыбелинъ, прошедшій Московскій, Кенигсбергскій и Лейденскій университеты. Онъ считался прекраснымъ лекторомъ. По мнѣнію спеціалистовъ, онъ много содѣйствовалъ выработкѣ яснаго, точнаго и изящнаго языка для врачебной науки въ Россіи, вслѣд-

ствіе чего Россійская Академія избрала его въ 1784 году въ дѣйствительные члены. Когда въ 1771 году въ Москвѣ разразилась чума, онъ проявилъ безкорыстную и самоотверженную дѣятельность въ борьбѣ съ этимъ бичомъ; рискуя жизнью, онъ неустанно посѣщалъ больныхъ, поддерживалъ малодушныхъ, помогалъ изъ своихъ средствъ бѣднякамъ. Долго хранилась о немъ благодарная память и благословлялось его имя во многихъ домахъ Москвы.

Одновременно съ Зыбелинымъ посланъ былъ за-границу для изученія медицины Веніаминовъ, такъ же, какъ и Зыбелинъ, подготовленный къ университету Заиконоспасской Духовной Академіей и вошедшій въ первый наборъ университетскихъ студентовъ. Въ Кенигсбергѣ и Лейденѣ онъ занимался у выдающихся профессоровъ-медиковъ, въ томъ числѣ у знаменитаго Боля, лейбъ-медика прусскаго короля. Однако, по возвращеніи его въ Москву въ 1765 г., Керштенсъ и Эразмусъ остались не вполнѣ довольны его отвѣтами на экзаменѣ и ему было предложено преподавать медицинскую ботанику. Эту то науку онъ и преподавалъ до своей смерти въ 1775 г., популяризируя систему Линнея. Онъ имѣлъ въ Москвѣ большую частную медицинскую практику.

Съ самаго начала 60-хъ годовъ Шуваловъ отправилъ въ Англію еще двухъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, подававшихъ надежды и не обманувшихъ ихъ. То были два русскіе юриста — Третьяковъ и Десницкій.

Третьяковъ, — уроженецъ Тверской губерніи, — происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ поступилъ въ университетъ изъ тверской семинаріи, одновременно съ Десницкимъ, поступившимъ туда изъ Троицкой Лавры. Оба они были замѣчены профессорами, какъ многообѣщающіе въ будущемъ научные дѣятели. Въ 1761 г. Шуваловъ устроилъ имъ командировку въ Глазговскій университетъ, блиставшій именами Блекстона, Юма, Адама Смита.

Третьяковъ получилъ въ Глазго степень доктора правъ и защитилъ диссертацію по римскому праву: «О позывѣ на судъ» (1767 г.), — сочиненіе, въ которомъ ярко отразилось историко-прагматическое направленіе, почерпнутое отъ Блекстона. Авторъ углублялся въ исторію правовыхъ отношеній и въ ней то отыскивалъ источникъ, изъ котораго возникали постепенно догмы права. Въ 1768 г. онъ занялъ въ Москвѣ кафедру римскаго права. До насъ

дошли три его рѣчи — 1) «о происхожденіи и учрежденіи университетовъ въ Европѣ» (1768 г.), въ которой онъ излагаетъ исторію университетовъ на фонѣ исторіи науки и просвѣщенія въ Европѣ, 2) «о римскомъ правленіи и его перемѣнахъ» (1769 г.), гдѣ опять-таки сильно выдвинута историческая основа изученія юридическихъ понятій и 3) «о причинахъ изобилія и медлительности обогащенія государствъ» (1772 г.) — рѣчь, въ высокой степени интересная, какъ первая въ Россіи популяризація идей Адама Смита, усвоенныхъ Третьяковымъ изъ устъ великаго ученаго еще до выхода въ свѣтъ знаменитаго труда Смита, составившаго эпоху въ политико-экономической наукѣ. Въ 1779 г. смерть оборвала столь плодотворно начавшуюся дѣятельность даровитаго русскаго юриста.

Съ еще большимъ блескомъ насаждалъ въ Московскомъ университетѣ новыя научныя идеи высокоталантливый Десницкій. Можно смѣло сказать, что за XVIII столѣтіе имя Десницкаго явилось самымъ блестящимъ украшеніемъ Московскаго университета. Его успѣхи въ Гласго были оцѣнены такъ высоко, что вмѣстѣ съ степенью доктора правъ ему было тамъ дано почетное гражданство. Явившись въ Москву на каѳедру, Десницкій началъ съ того, что заявилъ рѣшительное желаніе отбросить при преподаваніи государствовѣдѣнія латинскій языкъ и читать лекціи по русски. Профессора-иностранцы рѣзко отвергли это притязаніе, утверждая, что только на латинскомъ языкѣ можно преподавать философію и юриспруденцію, не унижая достоинства науки. Десницкій не сдавался. Дѣло дошло до самой императрицы и Екатерина указомъ 1767 г. рѣшила споръ въ пользу русскаго языка. Уже этотъ эпизодъ обнаружилъ въ молодомъ русскомъ ученомъ врага рутины. Такой же смѣлостью и широтой мысли было проникнуто и самое содержаніе его преподаванія. Онъ принесъ съ собою свѣжую струю въ академическую жизнь университета, въ которой слишкомъ уже стала господствовать нѣмецкая схоластика той эпохи. Обвѣянный идеями Блекстона и Юма, Десницкій отвергалъ въ изученіи права отвлеченно-демонстративный методъ вольфіянцевъ, котораго держались нѣмецкіе профессора, преподававшіе въ Москвѣ, и выдвигалъ сравнительно-историческое изученіе права. Ему принадлежала крупная заслуга въ научной постановкѣ русской юриспруденціи, основоположникомъ которой единогласно признаютъ его спеціалисты.

Борьбой съ схоластической догматикой проникнуты и его рѣчь «о способѣ изученія русской юриспруденціи» (1763 годъ) ,и его слово «о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства» (1778 г.), и его «разсужденіе о понятіи собственности у разныхъ народовъ» (1781 г.), гдѣ развитіе института собственности ставится въ связь съ измѣненіями экономическаго быта», и его разсужденія «о началѣ супружества» (1774 г.), гдѣ онъ высказывается за равноправіе половъ, «о смертныхъ казняхъ» (1770 г.), «о священныхъ вещахъ» (1772 г.) и др. Всѣ эти рѣчи и разсужденія (онѣ напечатаны въ I томѣ «Рѣчей Московскаго университета» М. 1819 г.) обнаруживаютъ широкую начитанность въ спеціальной философско-юридической литературѣ и силу самостоятельной мысли. Поклонникъ англійскихъ государственныхъ учрежденій, онъ перевелъ на русскій языкъ по порученію императрицы знаменитый трактатъ Блекстона («Истолкованія англійскихъ законовъ» Блекстона, три тома, М. 1780 - 1787 г.). Его перу принадлежитъ также проектъ преобразованія русскихъ государственныхъ учрежденій, носящій на себѣ печать его политическаго англоманства.

Въ 1787 г. онъ оставилъ профессуру и перешелъ на пенсію. Въ 1789 г. его не стало.

Къ этимъ двумъ медикамъ и двумъ юристамъ надлежитъ присоединить еще одного русскаго естественника, также съ успѣхомъ прошедшаго заграничную школу на пользу Московскому университету.

Афонинъ поступилъ въ студенты университета изъ университетской дворянской гимназіи. Въ 1758 г. Шуваловъ отправилъ его въ Кенигсбергъ. Тамъ онъ занимался философскими науками, но затѣмъ получилъ распоряженіе Шувалова ѣхать въ Швецію, въ Упсалу для изученія земледѣлія и горныхъ наукъ. Тамъ онъ занимался ботаникой и зоологіей у Линнея и химіей и металлургіей у Валлерія, а земледѣліе и луговодство изучалъ самостоятельно по книгамъ и собственнымъ практическимъ изслѣдованіямъ. Линней и Валлерій дали самые лестные отзывы о занятіяхъ Афонина и о представленной имъ диссертаціи о роли растеній и животныхъ въ домашнемъ быту. Съ 1770 года онъ началъ преподавать въ Москвѣ — послѣ строгаго экзамена въ факультетѣ — зоологію и ботанику, къ которымъ по уходѣ Керштенса присоединилась и минералогія. Такъ сложилась не существовавшая дотолѣ каѳедра

«естественной исторіи». Кромѣ того Афонинъ преподавалъ и совершенно новый предметъ — «земледѣліе». Въ 1771 г. онъ произнесъ и напечаталъ обширную рѣчь о черноземѣ. Въ 1777 г. онъ по болѣзненному состоянію оставилъ университетъ и остатокъ жизни (умеръ въ 1810 г.) провелъ въ Крыму, гдѣ далъ ему землю Потемкинъ, когда то его товарищъ по студенчеству въ Москвѣ, получившій отъ Афонина матеріальную поддержку въ дни бѣдственной юности и не забывшій этихъ благодѣяній въ дни своей славы. Тамъ Афонинъ производилъ агрономическіе опыты, о которыхъ сообщалось въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества».

По уходѣ Афонина въ теченіе шести лѣтъ (1777 - 1783) читалъ естественныя науки воспитанникъ Московскаго университета Сибирскій, ранѣе читавшій патологію и терапію.

Нѣкоторое время въ 70-хъ г. г. читалъ «логику и нравственность» также воспитанникъ университета Сырейщиковъ, затѣмъ перешедшій въ Петербургъ преподавателемъ гимназіи.

Наконецъ, въ самый послѣдній годъ первой четверти вѣка университета началъ профессорскую дѣятельность Чеботаревъ Х. А., которому съ 1804 г. довелось стать первымъ выборнымъ ректоромъ университета и о которомъ мы еще будемъ имѣть случай говорить въ дальнѣйшемъ.

Что касается вновь вступившихъ за 70-ые г. г. иностранцевъ, то списокъ ихъ сводится къ тремъ профессорамъ, то были — венгерецъ Керестури, пріѣхавшій въ Москву изъ Пешта въ 1762 г., развившій въ Москвѣ широкую медицинскую практику и съ 1777 по 1805 г. состоявшій профессоромъ анатоміи и хирургіи; физіологъ Вечь, — питомецъ вѣнскаго университета, занимавшійся затѣмъ въ Парижѣ у Борде и съ 1776 г. ставшій въ Москвѣ профессоромъ физіологіи и патологіи, — въ 1779 г. онъ скончался; и — грекъ Скіаданъ, съ 1776 по 1802 г. преподававшій одновременно физіологію и патологію на медицинскомъ факультетѣ и — по смерти Шадена - естественное право по Пуффендорфу на юридическомъ факультетѣ, при чемъ философію Канта называлъ онъ «подогрѣтыми щами»; это былъ болѣе врачъ-практикъ, нежели ученый. Остальные были — лекторы различныхъ языковъ.

Такъ постепенно формировались каѳедры въ теченіе

первой четверти вѣка существованія университета. Мы видѣли, что процессъ этого формированія шелъ не быстро. Тѣмъ не менѣе къ концу этого начальнаго періода составъ профессуры былъ уже значительно пополненъ. Конечно, профессора-иностранцы все еще занимали въ университетѣ значительную роль: это продолжится еще и въ первыя десятилѣтія XIX стол. Но русскій элементъ въ составѣ профессуры прибывалъ во все умножающемся числѣ. Это означало, что университетъ сталъ уже слагаться въ жизнедѣятельный организмъ, обнаруживавшій несомнѣнную силу плодоношенія, способный къ развитію изнутри себя самого. Иностранцы, приглашенные на его каѳедры, не принадлежали къ числу крупныхъ научныхъ свѣтилъ. Но среди нихъ были основательные спеціалисты, съ хорошей школой, и съ готовностью добросовѣстно дѣлать свое просвѣтительное дѣло. А среди русскихъ молодыхъ ученыхъ выдвинулось уже нѣсколько человѣкъ, заслужившихъ лестные отзывы такихъ авторитетовъ, какъ Линней, Блекстонъ и др. Въ лицѣ Десницкаго университетъ получилъ профессора, озарившаго его научную жизнь подлиннымъ блескомъ.

IV.

Если не такъ-то легко было сформировать сразу составъ профессуры, то и наборъ студентовъ не былъ простымъ дѣломъ. На первыхъ порахъ тутъ получался своего рода логическій кругъ. Устремленіе юношества въ университетъ возможно было лишь при извѣстномъ подъемѣ культуры въ обществѣ. Но только наличіе и развитіе университетской образованности могло вызвать самый этотъ культурный подъемъ. Не мудрено поэтому, что число студентовъ долгое время не могло быть значительнымъ. При томъ, въ странѣ почти еще и не существовало учебныхъ заведеній, которыя могли бы подготовлять молодежь къ университету. Мы видѣли, что для этой цѣли при самомъ университетѣ были образованы двѣ гимназіи для дворянъ и для разночинцевъ. Но предстояло выждать, пока эти гимназіи начнутъ давать выпуски. Пока же на первомъ мѣстѣ въ качествѣ источника для доставленія университету студентовъ стояли духовныя учебныя заведенія: семинаріи и духовныя академіи. Выше, при обзорѣ профессо-

ровъ, вышедшихъ изъ среды московскаго студенчества, намъ постоянно приходилось указывать, что въ студенты они попадали изъ академій и семинарій. Изъ протоколовъ университетской конференціи усматривается, что большинство студентовъ въ этотъ періодъ выходило оттуда же. Значитъ, по соціальному составу студенчества университетъ долгое время обслуживалъ не столько дворянство, сколько лицъ духовнаго происхожденія и разночинцевъ. Правда, за отсутствіемъ гимназій дворянскіе дѣти воспитывались нерѣдко въ частныхъ пансіонахъ и могли прямо оттуда держать вступительный экзаменъ въ университетъ. Но дворяне были еще привязаны къ служебной повинности и спѣшили поступать на службу, а не въ университетъ. Лишь послѣ того, какъ вышелъ указъ о зачисленіи дворянамъ годовъ ученья въ университетѣ въ служебную выслугу чиновъ, списки студентовъ стали мало-помалу наполняться именами князей, графовъ и видныхъ, хотя и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій. Конечно, въ первую очередь по этому пути двинулось дворянство столичное, у котораго и университетъ былъ подъ бокомъ, и были въ наличности средства для оплаты ученія. Дворянство провинціальное, рядовое лишь постепенно по мѣрѣ поднятія общественной культуры стало пріобрѣтать привычку посылать сыновей въ университетъ. Для разночинцевъ же университетъ имѣлъ особую притягательность: вѣдь при успѣшномъ окончаніи курса въ университетѣ разночинецъ получалъ дворянское званіе.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ за это время статистики студенчества. Намъ извѣстно только число казеннокоштныхъ студентовъ, но не своекоштныхъ. При открытіи университета положено было принять на казенный коштъ 50 чел. Черезъ три года, въ началѣ 1758 г. казеннокоштныхъ студентовъ, — дворянъ и разночинцевъ, — было 100. А въ 1760 г. ихъ было 30. Общаго количества всѣхъ студентовъ мы не знаемъ, но есть рядъ опредѣленныхъ указаній, что ихъ было весьма немного. Только съ 1759 г. университетская гимназія начала производить выпуски окончившихъ гимназическій курсъ. Это должно было увеличить количество студентовъ. Но большого увеличенія не достигалось. Повидимому всѣхъ населеннѣе былъ факультетъ философскій. Но медицинскій факультетъ въ 1768 г. въ отвѣтъ на призывъ куратора устраивать студенческіе диспуты, донесъ, что на факультетѣ имѣется всего одинъ сту-

дентъ и ему диспутировать не съ кѣмъ. Былъ моментъ, когда и юристъ Дильтей жаловался на то, что у него въ аудиторіи остался всего одинъ студентъ. Въ 1764 г. медицинская коллегія потребовала отъ университета прислать для ея надобностей 25 студентовъ. Конференція пришла въ большое смущеніе и отвѣтила, что исполненіе этого требованія на 5 лѣтъ остановитъ дѣло ученія.

Повторимъ еще разъ, что не приходится удивляться малочисленности студентовъ на первыхъ порахъ. Кромѣ уже указанныхъ выше обстоятельствъ, объясняющихъ это явленіе, слѣдуетъ принять во вниманіе также и то, что обиліе на каѳедрахъ иностранцевъ, которыхъ слушатели плохо понимали; отвлеченный характеръ преподаванія; наконецъ чтеніе почти всѣхъ лекцій на латинскомъ языкѣ — семинаристы и тутъ выигрывали! — все это — не могло особенно привлекать слушателей. Мы видѣли, какую борьбу пришлось выдерживать по вопросу о языкѣ преподаванія Поповскому и Десницкому противъ своихъ иностранныхъ коллегъ. Рѣшеніе Екатерины раздвинуло, наконецъ, рамки русскаго языка для русскихъ лекторовъ, но иностранцы-то все же продолжали читать по латыни.

Судя по протоколамъ конференціи, довольно часты были случаи исключенія студентовъ изъ университета за лѣность и нехожденіе на лекціи. Что виноваты тутъ бывали не только студенты, но и преподаватели, — можно видѣть хотя бы изъ того, что исключенію за отсутствіе любознательности были подвергнуты... Н. И. Новиковъ и Потемкинъ! Впрочемъ, не слѣдуетъ и преувеличивать тѣней на счетъ свѣта.

Фонъ-Визинъ, Лубяновскій, Тимковскій и нѣкоторые другіе мемуаристы помянули добромъ годы своего ученія и сохраняли благодарную память о рядѣ профессоровъ. Да уже одно то, что университетъ за этотъ первоначальный періодъ сумѣлъ выдвинуть изъ своей среды рядъ полезныхъ профессоровъ, показываетъ, что въ немъ, какъ ни какъ, бился пульсъ научной жизни.

Порою само правительство опустошало и безъ того рѣдкіе ряды студенчества. Всюду чувствовался тогда недостатокъ интеллигентныхъ силъ и правящая власть порой сама отвлекала студентовъ отъ окончанія курса. Мы уже упомянули о требованіяхъ Медицинской коллегіи. А когда въ 1767 г. открылась Комиссія депутатовъ, правительство затребовало отъ университета 18 студентовъ для

обслуживанія тамъ письменныхъ работъ. И опять конференція сокрушалась, что университетъ опустѣетъ. Юридическій факультетъ заявилъ, что за высылкой въ Уложенную Комиссію 18 студентовъ, на факультетѣ осталось всего 4 студента и конференція распорядилась, чтобы философскій факультетъ подѣлился съ юридическимъ и уступилъ ему пять студентовъ.

Въ 1770 г. триста студентовъ вышло изъ университета до окончанія курса.

Все это указываетъ на то, что внутренняя жизнь университета еще не приняла сколько нибудь опредѣленныхъ устойчивыхъ формъ. Самый составъ студенчества былъ довольно пестрый. Были тамъ почти мальчики, были и мужи лѣтъ подъ сорокъ.

Студенты носили мундиры зеленаго цвѣта съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, шляпы и шпаги. Волосы должны были пудрить. За проступки у нихъ отбирали шпаги, сажали на хлѣбъ и на воду, одѣвали въ крестьянское платье, дѣлали вычеты изъ жалованья. Шуваловъ вообще былъ противъ излишнихъ строгостей. Студенты были подсудны только университетскому суду, гдѣ судьями были профессора. Если полиція хватала студента на улицѣ за безпорядокъ или какое нибудь правонарушеніе, она должна была отводить захваченнаго въ университетъ.

Въ Екатерининское время студенческій мундиръ былъ съ синимъ воротникомъ. Но студенты обыкновенно одѣвались кто во что гораздъ, по своему усмотрѣнію. Казенно-коштные жили въ казенномъ домѣ, гдѣ жили и гимназисты. Тамъ имѣлся театръ съ полнымъ наборомъ декорацій и студенты устраивали спектакли, балы, маскарады, посѣщаемые семьями профессоровъ.

Въ 1778 г. кураторъ Херасковъ учредилъ при университетѣ Вольный Благородный пансіонъ, который сыгралъ впослѣдствіи столь извѣстную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Согласно первоначальной мысли устроителя этотъ пансіонъ долженъ былъ явиться подготовительной школой къ университету для дворянскихъ дѣтей. Впослѣдствіи при директорствѣ Прокоповича - Антонскаго характеръ пансіона измѣнился. Пансіонъ сталъ какъ бы дубликатомъ нѣкоторыхъ частей университета, сталъ замѣнять собою университетъ для своихъ дворянскихъ воспитанниковъ въ разрѣзъ съ идеей всесословности высшей школы,

принятой за основу при учрежденіи Московскаго университета.

Бросается въ глаза одна черта въ жизни Московскаго университета уже за этотъ періодъ. Это — связь университета съ обществомъ. Университетъ радушно звалъ въ свои стѣны всѣхъ цѣнителей его просвѣтительной миссіи, а общество охотно откликалось на этотъ призывъ и въ изобиліи наполняло университетскія залы въ дни публичныхъ собраній, актовъ, диспутовъ. Эти собранія и акты играли важную роль въ жизни университета. Онѣ устраивались часто, всѣ профессора поочередно произносили на нихъ научныя рѣчи. Профессора правильно полагали, что на первыхъ порахъ ихъ главная задача состоитъ въ пропагандѣ общаго интереса къ наукѣ и разъясненіи ея значенія. И долгое время въ актовыхъ рѣчахъ каждый профессоръ превозносилъ достоинство своей науки, и указывалъ на ея пользу. Наконецъ, это вошло уже въ своего рода трафаретъ. И чуткій Шуваловъ направилъ профессорское краснорѣчіе въ новое русло. Стали читаться рѣчи по различнымъ конкретнымъ вопросамъ той или иной науки, порою затрагивались темы актуальнаго значенія примѣнительно къ текущимъ событіямъ и съ отвлеченно-метафизическихъ высотъ ученые мужи нисходили къ практическимъ потребностямъ жизни. Нѣкоторые примѣры тому мы указали выше при обзорѣ дѣятельности отдѣльныхъ профессоровъ. Кромѣ того университетскія лекціи большею частью были публичны, такъ же, какъ и студенческіе диспуты на объявленные заранѣе тезисы, — которые были тогда въ большомъ ходу въ университетскомъ преподаваніи. Очень любила публика акты по случаю выпуска оконч вшихъ курсъ студентовъ съ раздачами медалей и прочихъ наградъ. По описанію Лубяновскаго акты эти происходили въ обширной залѣ, гдѣ подъ балдахиномъ стоялъ императорскій тронъ. Старики въ лентахъ и дамы переполняли мѣста для публики. Выходили два профессора. Одинъ читалъ рѣчь по-латыни, другой — по-русски. Потомъ была читана длинная ода. Играла музыка. Наконецъ, кураторъ Херасковъ становился у подножія трона и по провозглашеніи инспекторомъ именъ новопроизведенныхъ студентовъ, куратор говорилъ: «Ея Величество, премудрая наша монархиня, въ воздаяніе за ваше прилежаніе и успѣхи въ наукахъ всемилостивѣйше изволитъ жаловать вамъ офицерскія шпаги». И каждому студенту кураторъ вручалъ стальную шпа-

гу. Потомъ раздавались медали отличившимся. И тогда «красныя и синія ленты, дамы и всѣ любители просвѣщенія окружали куратора и директора и благодарили ихъ за труды по распространенію просвѣщенія».

Общественное расположеніе къ университету не было лишь платоническимъ. Крупныя частныя пожертвованія на университетъ проходятъ красной нитью чрезъ всю его исторію. При самомъ основаніи университета Прокопій, Григорій и Никита Акинѳіевичи Демидовы пожертвовали 21 тыс. руб. на содержаніе студентовъ, а затѣмъ принесли университету въ даръ великолѣпный минералогическій кабинетъ, нѣкогда пріобрѣтенный Акинѳіемъ Никитичемъ въ Фрейбургѣ и еще умноженный имъ въ Сибири.

Въ 1779 г. Прокопій Акинѳіевичъ Демидовъ пожертвовалъ еще 20 тыс. руб. Эти деньги были помѣщены въ банкъ и на проценты съ нихъ положено содержать шесть студентовъ, именовавшихся демидовскими пенсіонерами. Когда въ 1789 г. П. А. Демидовъ скончался, его вдова и сыновья принесли университету въ даръ его знаменитый гербарій и часть библіотеки. Извѣстный заводчикъ Твердышевъ пожертвовалъ 40 тыс. руб. на содержаніе студентовъ и на благотворительныя учрежденія при университетѣ. Было учреждено и еще нѣсколько стипендій на пожертвованія частныхъ лицъ.

Наконецъ, университетъ закрѣплялъ свою связь съ обществомъ посредствомъ различныхъ періодическихъ изданій, предназначенныхъ для широкой публики. Рядъ такихъ изданій открылся съ 1760 г., появленіемъ журнала Полезное увеселеніе, которое издавалось Херасковымъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Здѣсь участвовали профессора и студенты, въ томъ числѣ Фонъ-Визинъ и Богдановичъ. Въ 1762 г. проф. Рейхель издавалъ «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія». Оно продолжалось годъ, вышло 4 выпуска. Въ 1763 г. при университетѣ выходило два журнала: «Свободные часы» Хераскова и «Невинное упражненіе» Богдановича, а въ 1764 г. студентъ Санковскій издавалъ «Доброе намѣреніе». Кромѣ періодическихъ изданій университетъ выпускалъ немало отдѣльныхъ сочиненій. Перечень ихъ занялъ бы много мѣста. Замѣчательнѣйшей изъ этихъ публикацій была Исторія россійская Татищева (двѣ части первой кни-

ги, 1768 - 1769 г. г.), рукопись которой подарилъ университету сынъ историка, да еще — «Собраніе 4291 древнихъ русскихъ пословицъ», приписываемое проф. Барсову.

Итакъ, университетъ уже въ начальный періодъ своего существованія былъ довольно тѣсно связанъ съ обществомъ. Впрочемъ, характеръ этой связи пока былъ еще не глубокъ, она основывалась лишь на общемъ, расплывчатомъ чувствѣ любви къ просвѣщенію. Но приближался моментъ, когда университетъ впервые явился средоточіемъ опредѣленнаго идейнаго движенія, охватившаго часть общества, и связанныхъ съ этимъ движеніемъ широкихъ общественно-просвѣтительныхъ начинаній.

ГЛАВА II.

Шварцъ и Новиковъ. Университетъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ.

I.

Въ 1778 г. Херасковъ былъ назначенъ куратором Московскаго университета. Въ маѣ 1779 г. Херасковъ заключилъ отъ имени университета контрактъ съ Н. И. Новиковымъ объ отдачѣ Новикову въ аренду университетской типографіи на десять лѣтъ — по первое мая 1789 г. Въ сентябрѣ 1779 г. въ университетъ вступилъ профессоромъ нѣмецкаго языка нѣмецъ изъ Трансильваніи Шварцъ, прибывшій въ 1776 г.

Всѣ эти факты имѣли между собою внутреннюю связь, и ихъ непосредственнымъ слѣдствіемъ было вступленіе университета въ одинъ изъ яркихъ моментовъ его жизни. Поэтъ Херасковъ еще съ 60-хъ годовъ XVIII ст. принадлежалъ къ русскому масонству. Новиковъ, прославившійся въ первой половинѣ 70-хъ годовъ издававшимся имъ сатирическими журналами, («Трутень», «Живописецъ», «Кошелекъ») и изданіемъ большихъ историческихъ трудовъ (Древняя Россійская вивліофика — 10 частей) и разныхъ историческихъ памятниковъ. — въ 1775 году также вступилъ въ масонскую ложу «Уранія», надѣясь найти тамъ

утоленіе своихъ тревожныхъ сомнѣній и чувствуя себя «на распутіи между волтерьянствомъ и религіей».

Уже въ Петербургѣ Новиковъ приступилъ къ издательской дѣятельности, в томъ убѣжденіи, что р спространеніе просвѣщенія составляетъ главную очередную задачу общественнаго дѣятеля. Снятіе въ аренду типографіи Московскаго университета представлялось ему наилучшимъ средствомъ для приданія своему издательству широкаго размаха. А Херасковъ могъ только сочувствовать этому плану, зная предпріимчивость и возвышенныя намѣренія Новикова и питая къ нему братское чувство, какъ къ единомышленнику-масону.

Что же касается Шварца, то этотъ молодой энтузіастъ-идеалистъ, преисполненный стремленія служить благу человѣчества, еще въ Германіи слышалъ о кипучей журнальной и издательской дѣятельности Новикова и чувствовалъ желаніе сойтись съ этимъ интереснымъ человѣкомъ. Попавъ въ Россію въ качествѣ гувернера въ семьѣ одного русскаго барина, Шварцъ скоро появляется въ Москвѣ, вступаетъ въ масонскую ложу, руководимую кн. Н. Н. Трубецкимъ, и первый идетъ къ Новикову.

— «Однажды, — повѣствуетъ самъ Новиковъ, — пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ. То былъ — Шварцъ».

Они начали работать рука объ руку, хотя и не вполнѣ были схожи по натурѣ и по основѣ своихъ стремленій. Новиковъ примкнулъ къ масонству, ища нравственной опоры въ борьбѣ противъ отпустѣвшаго ему «вольтерьянства», но душа его всегда влеклась не столько къ философскимъ тонкостямъ масонскаго ученія и къ усиліямъ масоновъ проникнуть въ таинства природы и міросозданія для подчиненія природныхъ законовъ силѣ человѣческаго духа, сколько къ дѣятельной работѣ по распространенію просвѣщенія въ духѣ всечеловѣческаго братства и къ сплоченію людей въ братскіе союзы на почвѣ общей работы на благо ближнихъ.

Шварцъ также горѣлъ стремленіемъ къ активной работѣ въ этомъ направленіи, но онъ придавалъ огромную важность теоретическому обоснованію такой человѣческой дѣятельности и задачей своей работы въ университетѣ ставилъ проведеніе въ сознаніе своихъ слушателей опредѣленнаго философско-мистическаго міровоззрѣнія.

Новиковъ опытной и смѣлой рукой быстро поднялъ на возможную высоту захирѣвшую было университетскую типографію; сталъ печатать огромное количество книгъ, — литературныхъ, философскихъ и религіозныхъ, — и тотчасъ предпринялъ новое періодическое изданіе. Уже въ Петербургѣ онъ началъ журналъ «Утренній свѣтъ», наполнявшійся религіозно-мистическими статьями. Въ Москвѣ «Утренній свѣтъ» былъ имъ замѣненъ журналомъ «Вечерняя Заря», въ которомъ большое мѣсто было отведено сотрудничеству Шварца *)

Шварцъ съ жаромъ принялся проводить свои идеи и въ журналѣ Новикова и на университетской каѳедрѣ, гдѣ скоро отъ преподаванія нѣмецкаго языка онъ перешелъ къ чтенію лекцій по философіи, эстетикѣ и педагогикѣ.

Въ лицѣ Шварца университетъ получилъ профессора совсѣмъ особаго склада. Это былъ не только свѣдущій ученый и прекрасный лекторъ. Это былъ энтузіастъ возвышенной идеи, способный зажигать аудиторію огнемъ своего воодушевленія, поднимать слушателей на высоту нравственнаго идеала, увлекать людей на дѣятельное служеніе правдѣ и добру.

Впечатлѣніе отъ лекцій Шварца было чрезвычайное. Слушатели толпой устремились въ его аудиторію и чувствовали себя плѣненными и новизною его идей и прелестью изложенія и обаятельностью нравственной личности профессора. Подобно тому, какъ это позднѣе было съ Грановскимъ, Шварцъ сдѣлался какъ бы сказать жизненнымъ нервомъ всего университета, словно — въ университетскомъ фонарѣ, дотолѣ не освѣщенномъ, вдругъ появилася зажженная свѣча. Ключевскій въ своей рѣчи о Новиковѣ такъ обозначаетъ результаты того общаго оживленія, которое было внесено въ жизнь университета вліяніемъ Шварца: — «въ штатныхъ лампахъ науки, прежде больше декорировавшихъ, чѣмъ освѣщавшихъ университетскія стѣны, что-то затеплилось. Среди студентовъ стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, наклонность къ размышленію, нѣкоторый навыкъ самонаблюденія и способность загораться отъ идеи, которая предшествуетъ исканію истины».

---

*) Философскія статьи въ «Вечерней Зарѣ» не подписаны. Но я считаю вполнѣ основательной догадку П. Н. Милюкова о томъ, что онѣ принадлежали Шварцу.

Къ этому надо добавить, что способность благотворно вліять на свою аудиторію соединялась въ Шварцѣ съ умѣньемъ совмѣщать въ себѣ академическаго преподавателя съ общественнымъ дѣятелемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Его вліяніе выходило за предѣлы университета, онъ умѣлъ стать своего рода соединительнымъ звеномъ между университетомъ и внѣуниверситетскимъ общественнымъ движеніемъ, благодаря чему онъ опять таки рисуется намъ отдаленнымъ предтечею Грановскаго.

Ходъ его короткой, но многознаменательной профессорской и общественной дѣятельности представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Какъ уже сказано, онъ началъ въ университетѣ съ преподаванія нѣмецкаго языка. Дѣло пошло такъ хорошо, что Конференція поручила ему разработку проектовъ по реформированію университетской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шварцъ тотчасъ обнаружилъ свой организаторскій талантъ. Онъ подалъ мысль образовать при университетѣ «педагогическую семинарію» для приготовленія учителей. Обратили на это дѣло часть денегъ, пожертвованныхъ университету Демидовыми, да самъ Шварцъ, урывая у себя послѣднія сбереженія — по смерти онъ не оставилъ семьѣ ни копѣйки — вложилъ въ семинарію 5 тыс. руб.

Семинарія открылась въ ноябрѣ 1779 г. Шварцъ занялъ мѣсто ея инспектора. Онъ тотчасъ вошелъ въ близкія отношенія со студентами, давалъ имъ книги, возбудилъ во всѣхъ къ себѣ довѣріе и любовь; молва о немъ пошла по городу; родители приходили къ нему горячо благодарить его за доброе вліяніе, оказываемое имъ на ихъ сыновей. И Шварцъ почувствовалъ, что его сѣмена падаютъ не на каменистую, а на плодородную почву. Онъ задумалъ организовать болѣе широкое объединеніе студенчества и съ этою цѣлью учредилъ въ 1781 г. «Собраніе университетскихъ питомцевъ», — общество, цѣлью котораго ставилось: совмѣстный разборъ литературныхъ трудовъ его членовъ для образованія ихъ ума и вкуса, обсужденіе вопросовъ моральныхъ и дѣла благотворенія на тѣ средства, которыя должны были получаться отъ изданія литературныхъ произведеній членовъ Общества.

Здѣсь нравственное вліяніе Шварца стало проявляться еще сильнѣе и много лѣтъ спустя по смерти Шварца бывшіе члены этого Общества восторженно вспоминали о сво-

емъ руководителѣ, а иные даже ставили въ своей комнатѣ бюстъ Шварца рядомъ съ Распятіемъ.

Возросталъ авторитетъ Шварца и въ университетской коллегіи. Онъ былъ возведенъ въ званіе профессора философіи и согласно представленному имъ плану было приступлено къ полному преобразованію университетской гимназіи. Теперь его мечта направилась на то, чтобы уже не студентовъ только, но всѣхъ, готовыхъ работать на благо человѣчества во имя правды и добра сплотить въ дружескій союзъ. Въ это время Шварцъ, какъ и Новиковъ, были уже связаны съ кружкомъ москвичей, одушевленныхъ масонскими идеями, тутъ были — кн. Ю. Н. и Н. Н. Трубецкіе, кн. Черкасскій, Херасковъ, Чулковъ, И. П. Тургеневъ и др. Когда Шварцъ развивалъ передъ ними свои широкіе планы, они, сочувствуя ему въ принципѣ, качали, однако, головами и называли его мечты Платоновской утопіей. И въ самомъ дѣлѣ, для осуществленія этихъ плановъ нужны были не малыя средства.

Между тѣмъ Шварцъ былъ приглашенъ въ воспитатели сына П. А. Татищева. Татищевъ былъ утопавшій въ роскоши богачъ, пресыщенный жизнью, разочарованный въ людяхъ, но не видѣвшій уже никакого смысла въ своемъ существованіи. Казалось бы, такой человѣкъ всего менѣе могъ увлечься планами Шварца. Но тутъ-то и сказалась необычайная сила нравственнаго вліянія, излучавшаяся отъ Шварца. Татищевъ вдругъ поддался обаянію рѣчей Шварца и загорѣлся желаніемъ помочь его дѣлу. Онъ пожертвовалъ сразу большую сумму въ распоряженіе своего новаго друга и, по словамъ самого Шварца, — «Колумбъ, впервые завидѣвшій землю, не могъ радоваться болѣе его, когда въ рукахъ его очутился значительный капиталъ для осуществленія его платоновской идеи». Теперь можно было приступить къ составленію большого общества для содѣйствія широкому распространенію просвѣщенія въ странѣ путемъ массоваго изданія книгъ, устройства воспитательныхъ учрежденій на началахъ истиннаго воспитанія, подготовки русскихъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія и воспитанія.

Прежде чѣмъ вплотную приступить къ этому дѣлу, Шварцу пришлось съѣздить за границу. Въ 1781 г. университетъ командировалъ его въ западно-европейскія страны для обслѣдованія положенія тамъ школьнаго дѣла. А товарищи - масоны также возложили на него специ-

альное порученіе. Московскіе масоны находились въ большихъ колебаніяхъ; они не знали, къ какому изъ многихъ развѣтвленій тогдашняго масонства пристать, ибо имъ было неясно, въ которомъ изъ нихъ можно найти настоящій путь къ истинѣ. Шварцъ исполнилъ оба порученія: университету привезъ отчетъ о своихъ наблюденіяхъ за постановкой школьнаго дѣла въ Европѣ, а своимъ братьямъ-масонамъ объявилъ, что въ Германіи онъ вступилъ въ орденъ злато-розоваго креста. Такъ положено было въ Москвѣ начало «розенкрейцерству». Тогда-то окончательно основалось «Дружеское Общество», во главѣ котораго кромѣ Шварца и Новикова стали Трубецкіе, Ив. Петр. Тургеневъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Черкасскій, Татищевъ, Херасковъ, Чулковъ, Поздѣевъ, Кутузовъ и проф. Х. А. Чеботаревъ. Первымъ дѣломъ этого Общества было — по предложенію Шварца — образовать при университетѣ новую семинарію — «переводческую», на устроеніе которой Татищевъ пожертвовалъ крупную сумму и которая — по мысли Шварца — должна была явиться первымъ шагомъ на пути образованія молодыхъ русскихъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія. Члены этой семинаріи предназначались къ выполненію переводовъ на русскій языкъ сочиненій моральнаго характера. Кромѣ того Дружеское Общество брало на свое содержаніе 35 человѣкъ, подающихъ надежды студентовъ, давая имъ возможность по окончаніи курса ѣхать за границу для довершенія образованія. Самъ Шварцъ съ 1782 г. начинаетъ чтеніе въ университетѣ лекцій по эстетикѣ и философіи. Эти курсы имѣли еще большій успѣхъ, нежели предшествовавшіе. Шварцъ подводилъ тутъ философскій теоретическій фундаментъ подъ свою просвѣтительную дѣятельность. Онъ не занимался изложеніемъ съ каѳедры масонскаго ученія, какъ его стали въ этомъ обвинять его недоброжелатели. Но, конечно, философская система, имъ излагавшаяся, стояла въ непосредственной связи съ его розенкрейцерствомъ. Это была мистическая философія въ духѣ Якова Бема и Сенъ-Мартена, которую Шварцъ старался, однако, своеобразно согласовать съ данными тогдашней положительной науки. Это была большая новость для студенческой аудиторіи, которую другіе преподаватели держали въ кругѣ вольфіанской философіи. Въ лекціяхъ Шварца слушатели, захваченные его краснорѣчіемъ, усматривали новое откровеніе, и оно ихъ плѣняло

болѣе всего волнующими призывами къ моральному совершенствованію, въ которомъ Шварцъ, какъ масонъ, видѣлъ одновременно и путь къ добру и источникъ познанія истины и тайнъ мірозданія, не открываемыхъ положительною наукою.

Казалось, Шварцъ поднимался на такую высоту успѣха, съ которой ему открывалась свободная возможность все болѣе расширять свою дѣятельность и душа его — по его собственнымъ словамъ — наполнялась «райскими ощущеніями». Но надъ его головою уже собралась гроза.

Появленіе Шварца въ университетѣ и быстрый расцвѣтъ его дѣятельности произошли въ то время, когда кураторъ Мелиссино находился въ отлучкѣ, за границей, и кураторъ Херасковъ, самъ связанный съ масонами, могъ безпрепятственно поддерживать Шварца. Въ 1782 г. Мелиссино возвратился въ Москву. Сначала, онъ какъ будто остался доволенъ начинаніями Шварца и самъ вступилъ въ члены Дружескаго Общества. Однако, это продолжалось недолго. Среди профессуры Шварца недолюбливали такіе вліятельные профессора, какъ Барсовъ и Шаденъ, которому Шварцъ первый бросилъ перчатку, подвергнувъ критикѣ его методъ преподаванія. Прислушиваясь къ навѣтамъ недоброжелателей Шварца, Мелиссино и самъ началъ имѣть противъ него зубъ. Мелиссино почувствовалъ, что Шварцъ съ своимъ «Дружескимъ Обществомъ» какъ бы заслоняетъ и перебиваетъ успѣхъ «Вольнаго россійскаго собранія», гдѣ основателемъ и первымъ лицомъ былъ онъ—Мелиссино. Въ самомъ дѣлѣ «Дружеское Общество», торжественно открытое въ ноябрѣ 1782 г. въ домѣ Татищева въ присутствіи многочисленной публики во главѣ съ самимъ главнокомандующимъ Москвы гр. Чернышевымъ, заняло видное мѣсто въ общественной жизни столицы. Меллисино призвалъ къ себѣ Шварца и предложилъ слить во-едино оба Общества. Шварцъ призналъ это невозможнымъ въ виду различія ихъ цѣлей и задачъ. Тогда Меллисино объявилъ Шварцу рѣшительную войну. Между тѣмъ лекціи Шварца продолжали привлекать многочисленныхъ слушателей. Въ университетѣ онъ читалъ курсъ эстетической критики. У себя на дому — приватный курсъ «о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ» и еще другой курсъ по философіи исторіи. Этотъ курсъ онъ началъ читать приватно группѣ студентовъ. Но нѣсколько знакомыхъ Шварца, случайно зайдя къ нему во

время лекціи, заслушались, быстро разнеслась по Москвѣ молва объ этихъ чтеніяхъ, привалила публика и пришлось превратить этотъ курсъ въ публичный, который все время затѣмъ привлекалъ многихъ слушателей« всякаго рода и званія».

Враги Шварца протрубили о неблагонадежности этихъ чтеній и Шварцу пришлось доказывать въ отвѣтъ на запросы начальства, что онъ вовсе не занимается въ лекціяхъ пропагандой масонства. Мелиссино началъ изводить Шварца всевозможными придирками по службѣ и достигъ того, что въ самомъ концѣ 1782 г. Шварцъ вышелъ въ отставку. Удаленный изъ университета, Шварцъ еще усилилъ дѣятельность по Дружескому Обществу и по масонскимъ дѣламъ, но съ осени 1783 г. онъ расхворался и 17 февраля 1784 г. его не стало.

Кратковременна была дѣятельность Шварца въ университетѣ. Но въ исторіи университета она должна быть признана въ высшей степени важнымъ моментомъ, не по содержанію мистическо-масонскаго философствованія, введеннаго Шварцемъ въ свои университетскіе курсы, — то было отраженіе одного изъ преходящихъ теченій въ умственной жизни русскаго общества, — а по высоко-гуманитарному настроенію, которое Шварцъ возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ, и не въ меньшей степени также и потому, что своею дѣятельностью Шварцъ ярко выразилъ назначеніе профессора служить соединительнымъ звеномъ между университетомъ и благородной культурной работой сознательной части общества.

По смерти Шварца Новиковъ продолжалъ усиленно развивать издательскую дѣятельность университетской типографіи и Дружескаго Общества. Оставаясь масономъ, Новиковъ, однако, не раздѣлялъ увлеченія своихъ друзей масонскими «тайнами». Не розенкрейцерство стояло у него на первомъ планѣ, а общія задачи распространенія просвѣщенія въ странѣ и онъ грудами печаталъ въ университ. типографіи книги, полезныя для ума и сердца и умѣло подыскивалъ въ разныхъ углахъ Россіи комиссіонеровъ для распространенія этихъ изданій. Въ тоже время онъ высоко поднялъ внутреннее достоинство и размѣръ тиража университетской газеты — «Московскія Вѣдомости». Университетъ по истинѣ могъ гордиться такимъ сотрудникомъ по расширенію его просвѣтительной миссіи. Съ выходомъ указа о разрѣшеніи основанія «вольныхъ типографій» Но-

виковъ убѣдилъ сотоварищей превратить Дружеское Общество въ акціонерную «Типографическую Компанію», а, когда грянулъ голодъ 1787 г., Новиковъ приступилъ къ широкой организаціи общественной помощи голодающимъ. Тогда-то богачъ Походяшинъ, восхищенный починомъ Новикова, предоставилъ въ его распоряженіе всѣ свои капиталы. Новиковскій кружокъ выросталъ въ крупную общественную силу. Это, — въ связи съ различными подозрѣніями по отношенію къ масонству, — испугало Екатерину. Уже съ 1780 г. Екатерина начала литературный походъ на масоновъ. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ она перешла отъ литературной полемики къ правительственнымъ распряженіямъ, указывавшимъ на собиравшуюся надъ масонами грозу. 1 мая 1789 г. кончался десятилѣтній контрактъ Новикова съ университетомъ по содержанію университетской типографіи и «Московскихъ Вѣдомостей». Новиковъ расчитывалъ на возобновленіе контракта. Но Екатерина поспѣшила наложить свое veto и аренда на типографію и газету была сдана купцу Окорокову.

Такъ была оборвана связь просвѣтительныхъ начинаній Новикова съ университетомъ. А вскорѣ (1792 г.) всѣ эти предпріятія были совершенно разрушены волею императрицы, а самъ Новиковъ очутился въ Шлиссельбургской крѣпости.

II.

Мы изложили самый яркій эпизодъ въ жизни Московскаго университета въ концѣ XVIII ст. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о другихъ явленіяхъ университетской жизни на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій.

Прежде всего приходится отмѣтить значительнѣйшія перемѣны въ составѣ университетскихъ дѣятелей. Кураторы прежніе сошли со сцены лишь къ самому концу XVIII ст.: Мелиссино умеръ въ мартѣ 1795 г.; въ ноябрѣ 1797 г. не стало Шувалова; на ихъ мѣсто кураторами были назначены кн. Голицынъ и Голенищевъ-Кутузовъ и позднѣе Коваленскій. Всѣ они вмѣстѣ съ Херасковымъ были уволены въ 1803 г., когда въ связи съ общимъ преобразованіемъ университета должность кураторская вообще была упразднена. Директорами университета за это время были — Павелъ Фонъ-Визинъ (1784 - 1796 г. г.) и Иванъ Петровичъ Тургеневъ (1796 - 1803 г. г.).

Но коллегія профессорская за послѣднія два десятилѣтія XVIII в. измѣнилась въ своемъ составѣ очень сильно. Къ началу 80-хъ г. г. XVIII ст. изъ 35 профессоровъ первоначальнаго состава, съ большинствомъ которыхъ мы познакомились въ предшествующемъ изложеніи, умерло или выбыло 25 человѣкъ, остальные десять умерли или выбыли въ теченіе 80-хъ и 90-хъ г. г., въ томъ числѣ въ 1781 г. ушелъ Дильтей (въ этомъ же году затѣмъ и умершій), въ 1791 г. умеръ Барсовъ, въ 1797 г. —Шаденъ. Такъ къ концу XVIII ст. сошли со сцены три столпа изъ самаго начальнаго состава профессоровъ.

Приходилось, такимъ образомъ, усиленно обновлять составъ профессуры. Въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ XVIII ст. было вновь назначено всего 29 профессоровъ, въ томъ числѣ 14 изъ иностранныхъ ученыхъ и 15 — изъ русскихъ. Русскій элементъ въ составѣ профессуры все крѣпнулъ. Изъ этихъ 29 профессоровъ 8 скончались уже до наступленія XIX стол., 10 перешли за порогъ XIX ст., но послѣдніе трое изъ нихъ скончались въ 1811 г.; 5 — умерло во второмъ десятилѣтіи XIX в. и 5 — въ 20-хъ годахъ его. Наконецъ — одинъ (Двигубскій) дожилъ на каѳедрѣ до 1833 г.

Пока мы остановимся на тѣхъ профессорахъ, чья университетская дѣятельность или всецѣло или большею своею частью пришлась на 80 и 90-ые г. г. XVIII ст.

Въ 80-хъ годахъ XVIII ст. прибыло въ университетъ всего 18 профессоровъ и изъ нихъ 7 умерло, не доживъ до наступленія XIX стол. Изъ этихъ 7-ми трое принадлежали къ философскому факультету, двое были юристы, одинъ — медикъ и одинъ — естествовѣдъ. Изъ первыхъ трехъ о Шварцѣ мы только что подробно говорили. За нимъ по времени поступленія слѣдовали Вигандъ (1784-1793), попавшій на каѳедру всеобщей исторіи послѣ Рейхеля изъ проповѣдниковъ Сарептской евангелической церкви и въ 1793 г. возвратившійся въ свою Сарепту; слушатели отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ; и — философъ Синьковскій родомъ изъ села Синькова Дмитровскаго уѣзда Московской губ., учился въ семинаріи и въ Московскомъ университетѣ, занималъ каѳедру недолго (1786 - 1794) и много хворалъ. Двое юристовъ были — Шнейдеръ, читавшій въ 80-хъ г. г. римское право, о коемъ надо замѣтить лишь то, что онъ руководствовалъ Горюшкина, при подготовкѣ того къ профессурѣ и

Пургольдъ, — читавшій (1787 - 1791 г.) римское право сравнительно съ русскимъ, что послѣ 1791 г. продолжалъ Баузе. На медицинскомъ факультетѣ появился «университетскій аптекарскій демонстраторъ» Готлибъ Гильдебрантъ, показывавшій студентамъ аптекарскія лекарства (1782 - 1795) и наконецъ всего годъ (1784-85 г.) пробылъ на каѳедрѣ зоологіи, ботаники и минералогіи Ѳеодосій Константъ. Курика — ученикъ академической гимназіи и Московскаго университета, довершившій образованіе во Франціи и Голландіи, докторъ Лейденскаго университета. Преждевременная смерть скосила его въ самомъ началѣ профессуры. Здѣсь же назовемъ профессора, вступившаго въ университетъ уже въ 1792 г., но также выбывшаго до наступленія XIX ст. Это былъ злополучный профессоръ древне-римской словесности Мельманъ, трагической исторіи котораго мы коснемся нѣсколько ниже.

Остальные 11 профессоровъ, вступившіе въ 80-хъ г. г., равно какъ и всѣ (кромѣ Мельмана), вступившіе въ 90-хъ г. г. (ихъ было тоже 11), оставались профессорами и въ началѣ XIX ст. Въ этой главѣ мы отмѣтимъ только наиболѣе выдающихся изъ тѣхъ, дѣятельность которыхъ въ наибольшей мѣрѣ относилась къ XVIII ст. и которые въ началѣ XIX ст. только уже доживали свой вѣкъ.

На послѣднее 20-лѣтіе XVIII ст. падаетъ лучшая часть дѣятельности Харитона Андреевича Чеботарева, — профессора исторіи, нравоученія и краснорѣчія. Онъ родился въ Вологдѣ въ 1746 г. и былъ сынъ сержанта. Онъ прошелъ курсъ университетской гимназіи и университета. Съ 1767 г. учительствовалъ въ гимназіи, затѣмъ состоялъ помощникомъ университетскаго библіотекаря и издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ 1776 г. онъ получилъ профессорскую каѳедру. Онъ не читалъ связнаго курса словесности, а разбиралъ отдѣльныя сочиненія старыхъ авторовъ и тогдашнія выдающіяся литературныя новинки, какъ, напр., оды Державина, входя въ разсмотрѣніе ихъ языка и содержанія и попутно сообщая свѣдѣнія по исторіи русскаго языка и словесности. По сохранившемуся отрывку изъ его лекцій по древней русской исторіи видно, что онъ настаивалъ на критическомъ отношеніи къ баснословнымъ преданіямъ, варягамъ приписывалъ готское происхожденіе, а руссовъ считалъ за особое отъ варяговъ и славянъ племя, жившее на Черноморскомъ побережьи.

Въ XVIII ст. привыкли цѣнить знанія Чеботарева по русской исторіи. Онъ дѣлалъ выписки изъ лѣтописей для предпринятыхъ Екатериною «Записокъ по русской исторіи». Шлецеръ называлъ Чеботарева своимъ руководителемъ по русской исторіи. Чеботаревъ принадлежалъ къ Новиковскому кружку и былъ близокъ съ Шварцемъ. Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ рисуетъ его человѣкомъ средняго роста, худощавымъ, съ продолговатымъ румянымъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтлорусыми волосами, съ звонкимъ, «басисто-бронзовымъ» голосомъ и съ непринужденно-рѣзкимъ обращеніемъ. Лекцію онъ начиналъ словами: «ну-съ дрррузья мои», съ раскатомъ на буквѣ «р» и къ студентамъ обращался на ты, что, впрочемъ, и въ началѣ XIX ст. долго еще было распространеннымъ обыкновеніемъ у профессоровъ. Мы еще встрѣтимся съ Чеботаревымъ въ роли перваго выборнаго ректора университета.

Почти поровну между концомъ XVIII и началомъ XIX стол. дѣлится университетская дѣятельность выдающагося профессора Баузе. Онъ происходилъ изъ Саксоніи и былъ сыномъ пастора. Въ Лейпцигскомъ университетѣ онъ изучалъ юриспруденцію и древнюю литературу. Въ 1773 г. онъ появляется въ Петербургѣ и вплоть до 1782 г. работаетъ въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра (Peterschule). Онъ сталъ извѣстенъ, какъ хорошій педагогъ и основательный ученый. Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ 1782 г. Баузе былъ приглашенъ въ Москву на каѳедру правовѣдѣнія, освободившуюся за уходомъ Дильтея. Онъ началъ дѣятельность въ Московскомъ университетѣ рѣчью о юриспруденціи, какъ наукѣ. Въ этой рѣчи онъ энергично отвергалъ взглядъ на правовѣдѣніе, какъ на простое начетничество въ законахъ и раскрывалъ философскія и историческія основы правовѣдѣнія. Баузе преподавалъ различныя отрасли правовѣдѣнія, а съ 1791 г. — по отставкѣ проф. Пургольта сталъ читать римское право. Онъ придерживался въ юриспруденціи, подобно Дильтею и Пургольту, воззрѣній германской школы XVIII ст. и историческо-практическое направленіе, принесенное въ Московскій университетъ изъ Гласго Десницкимъ и Третьяковымъ, оставалось ему чуждымъ. Но въ рамкахъ своего направленія Баузе являлся солиднымъ спеціалистомъ и студенты цѣнили его преподаваніе.

Въ тоже время онъ былъ страстнымъ коллекціонеромъ

древнихъ русскихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ, монетъ. За 30 лѣтъ онъ, вѣчно бродя по толкучимъ рынкамъ, собралъ громадную и высокоцѣнную коллекцію. Къ сожалѣнію, она погибла въ 1812 г. Онъ видимо удѣлялъ немало вниманія русской исторіи среди своихъ разнообразныхъ изученій. Замѣчательна была для своего времени его рѣчь о состояніи просвѣщенія въ Россіи до Петра Великаго. Онъ возсталъ противъ шаблонныхъ взглядовъ иностранцевъ на варварскую дикость до-петровской Руси и собралъ немало фактовъ, опровергающихъ эти взгляды. Въ началѣ XIX в. онъ занимался также и исторіей русской литературы. При уставѣ 1804 г. онъ былъ и деканомъ и ректоромъ. Въ 1811 г. онъ вышелъ въ отставку и въ маѣ 1812 г. скончался.

Долженъ быть упомянутъ здѣсь и проф. Маттеи — крупный знатокъ античной словесности и выдающійся палеографъ. Дважды пріѣзжалъ онъ въ Россію. Въ 1772 г. онъ былъ приглашенъ въ Москву изъ Лейпцигскаго университета; въ 1784 г. онъ вернулся въ Лейпцигъ, затѣмъ преподавалъ въ Виттенбергѣ. Въ 1803 г. Муравьевъ вновь пригласилъ его въ Москву и онъ профессорствовалъ тамъ до своей смерти (1811 г.). Ему принадлежитъ крупная роль въ исторіи науки въ особенности потому, что онъ съ величайшей энергіей обслѣдовалъ русскія древнехранилища — рукописныя собранія библіотекъ синода и синодальной типографіи, составилъ научныя описанія хранившихся тамъ памятниковъ древне-греческой словесности и многія изъ нихъ издалъ. Онъ первый открылъ для науки и ввелъ въ ученый оборотъ эти рукописныя Московскія сокровища.

Списокъ ученыхъ сочиненій и изданій Маттеи занимаетъ немало страницъ убористаго печатнаго шрифта.

Съ 1786 г. началъ свое университетское преподаваніе Горюшкинъ — одна изъ стильныхъ фигуръ московской профессуры той эпохи. Путь къ каѳедрѣ открыла ему не научная подготовка, которой онъ совершенно не имѣлъ, а съ младыхъ лѣтъ начавшаяся и всю его жизнь продолжавшаяся практическая работа въ многоразличныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова самоучка. Сынъ скромнаго дворянина, онъ родился въ 1748 г. и въ юности выучился лишь читать и писать и уже въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ поступилъ на службу въ воеводскую канцелярію. Затѣмъ въ теченіе болѣе двад-

цати лѣтъ онъ прошелъ послѣдовательно чрезъ многія ступени тогдашней приказной службы, служилъ въ Сыскномъ приказѣ, въ Судномъ приказѣ, въ Вотчинной Коллегіи и въ Коллегіи Юстиціи вплоть до ея закрытія. Надѣленный отъ природы острымъ умомъ, онъ въ силу служебной практики сдѣлался величайшимъ знатокомъ всѣхъ подробностей и тонкостей тогдашней приказной службы и судопроизводства. Въ 80-хъ годахъ, живя въ Москвѣ, онъ пользовался славою отличнѣйшаго адвоката, на него глядѣли, какъ на своего рода оракула при рѣшеніи запутаннѣйшихъ судебныхъ казусовъ. Законы и всевозможные указы, тогда еще не собранные, онъ зналъ превосходно и отлично разбирался въ ихъ безконечныхъ лабиринтахъ. Природная любознательность вовлекла его въ разысканья и изученіе древнихъ юридическихъ памятниковъ. Онъ нашелъ нѣсколько списковъ «Русской Правды» XV стол. и Кіевской лѣтописи, которыми пользовался Карамзинъ. Все это и побудило директора университета Фонъ-Визина въ 1786 г. привлечь Горюшкина къ преподаванію «практическаго русскаго законоискусства» въ университетѣ. Онъ былъ полезенъ студентамъ, сообщая имъ свои обширнѣйшія практическія свѣдѣнія и часто устраивая въ аудиторіи примѣрныя судопроизводства при чемъ между студентами распредѣлялись роли судей, истцовъ и отвѣтчиковъ. Но онъ былъ не въ состояніи ввести въ преподаваніе что либо, похожее на научную систему. Онъ составилъ и издалъ въ 4 частяхъ «Руководство къ познанію россійскаго законоискусства» (М. 1811 - 1816). Здѣсь авторъ обнаружилъ всю громадность своихъ свѣдѣній и полную безпомощность въ ихъ научной систематизаціи. Уже занимая каѳедру, Горюшкинъ продолжалъ служить въ палатѣ уголовнаго суда, а потомъ въ казенной палатѣ. Этотъ замаѳерѣлый въ приказной службѣ законоискусникъ съ типичнымъ обликомъ подъячаго, — неказистое морщинистое лицо, придушеный голосъ, — и съ авторитетомъ знатока всѣхъ судебныхъ и приказныхъ крючкотворствъ, — сумѣлъ обнаружить подлинное гражданское мужество, будучи призванъ къ участію въ разборѣ дѣла московскихъ мартинистовъ: онъ одинъ рѣшительно высказывался противъ суровыхъ каръ.

Въ области естествовѣдѣнія и наукъ медицинскихъ нельзя здѣсь пройти молчаніемъ Ѳ. Г. Политковскаго, поступившаго въ Московскій университетъ въ 1774 г. изъ

Черниговской духовной семинаріи. По окончаніи университета онъ много работалъ въ Лейденѣ и Парижѣ и въ 1783 г. возвратился въ Москву, снабженный самыми лестными отзывами иностранныхъ ученыхъ знаменитостей. Въ 1783 г. онъ вступилъ на каѳедру естественной исторіи, освободившуюся за смертью Сибирскаго. На своей вступительной лекціи онъ первый въ Москвѣ показалъ опыты съ водороднымъ газомъ. Преподавая въ университетѣ минералогію, зоологію и ботанику по системѣ Линнея, онъ часто выступалъ и съ публичными курсами, привлекавшими живое вниманіе общества и тогда же отмѣченными въ одной изъ статей Карамзина. Въ этихъ курсахъ было много новаго для русскихъ слушателей, а профессоръ читалъ очень живо, съ увлеченіемъ и юморомъ. Съ 1803 г. Политковскій перешелъ на каѳедру практической медицины. Онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность въ Москвѣ, какъ практическій врачъ. Его любили и почитали, и какъ знаменитаго врача и какъ гуманнаго безсребренника. По высотѣ своей популярности онъ явился въ Москвѣ какъ бы преемникомъ Иноземцева. Онъ умеръ въ 1809 г.

Тутъ же скажемъ и о профессорѣ Страховѣ, дѣятельность котораго началась въ 1787 г. и продолжалась до его смерти въ 1813 г. Страховъ былъ сыномъ московскаго псаломщика. Онъ родился въ 1757 г. Пройдя курсъ гимназіи, онъ въ 1774 г. сталъ студентомъ. Его влекло къ поэзіи и искусству. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ актеровъ на студенческихъ спектакляхъ. Кураторъ Херасковъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и ввелъ въ домъ князей Трубецкихъ, гдѣ онъ также отличался на домашнемъ театрѣ князя. Все это сблизило его съ кружкомъ Новикова. Въ 1785 г. онъ былъ посланъ за границу для осмотра заграничныхъ учебныхъ заведеній. Его желаніе было занять каѳедру краснорѣчія, но она досталась Чеботареву. Въ 1789 г. за смертью Роста ему была поручена каѳедра опытной физики. И изъ него вышелъ блестящій лекторъ и экспериментаторъ. Его лекціи, сопровождаемыя опытами, собирали массу студентовъ всѣхъ факультетовъ. И, какъ сообщаетъ одинъ изъ мемуаристовъ, послѣ лекціи всегда толпа слушателей провожала его по улицамъ, забрасывая любимаго профессора вопросами. Его публичные курсы гремѣли по Москвѣ такъ же, какъ и курсы Мерзлякова. Онъ былъ превосходный ораторъ. Его опыты удавались блестяще не такъ, какъ позднѣе у Двигубскаго. Онъ дол-

го былъ ректоромъ послѣ Чеботарева. Онъ скончался въ 1813 году, разболѣвшись послѣ потрясеній, связанныхъ съ нашествіемъ Наполеона на Россію.

Страховъ перевелъ на русскій языкъ курсъ физики Бриссона и самъ составилъ «Краткое начертаніе физики» (1810 г.).

Объ Аршеневскомъ, Рихтерѣ, Сохацкомъ, которые также начали свою дѣятельность въ концѣ XVIII ст., будемъ говорить далѣе, такъ какъ важнѣйшая часть ихъ дѣятельности падаетъ уже на XIX ст.

На исходѣ XVIII ст. на медицинскомъ факультетѣ находимъ до шести преподавателей; на философскомъ факультетѣ — было пять профессоровъ по наукамъ гуманитарнымъ, не считая лекторовъ языковъ и два—по наукамъ естественнымъ. Всего скуднѣе былъ обставленъ въ концѣ 90-хъ г. г. XVIII ст. факультетъ юридическій: многіе профессора умерли, новыхъ пополненій не было, такъ что по смерти Шадена (въ 1797 г.) тамъ было всего два профессора — Баузе, читавшій римское право и юридическую энциклопедію и Горюшкинъ. Уже съ 1800 г. къ нимъ присоединился медикъ Скіаданъ, начавшій читать право естественное и право народное (т. е. международное) по Пуффендорфу. Но уже приближался моментъ общаго обновленія всего устройства и жизни университета. Прежде, чѣмъ перейдемъ къ этому новому періоду, упомянемъ о тѣхъ осложненіяхъ особаго рода, съ которыми приходилось время отъ времени сталкиваться университетской наукѣ въ XVIII ст. При Елизаветѣ и Екатеринѣ II не было конфликтовъ между университетомъ и властью на почвѣ политической подозрительности правительства. Только въ дѣлѣ Шварца, связанномъ съ дѣломъ мартинистовъ, былъ и свой политическій моментъ. Но университетскимъ преподавателямъ случалось порою подвергаться нападкамъ церковныхъ іерарховъ съ точки зрѣнія религіознаго правовѣрія. Въ 1765 г. разыгралась непріятная исторія съ молодымъ философомъ Аничковымъ. Онъ представилъ диссертацію по вопросу о началѣ натуральнаго богословія. Нѣкоторые профессора, — въ томъ числѣ особенно Рейхель, — указали въ конференціи на рядъ неосторожно выраженныхъ мѣстъ въ работѣ Аничкова и Аничковъ перепечаталъ диссертацію съ соотвѣтственными исправленіями. Тѣмъ не менѣе, московскій архіепископъ Амвросій и противъ второй редакціи подалъ протестъ въ Синодъ. Си-

нодъ не нашелъ въ работѣ Аничкова сознательной проповѣди невѣрія, но призналъ, что нѣкоторыя мѣста по неосторожности выраженія могутъ ввести читателей въ соблазнъ и поставилъ потребовать отъ сената, чтобы сенатъ воспретилъ университету печатать такія неосторожныя сочиненія, и подтвердилъ бы, чтобы и въ лекціяхъ не было примѣшиваемо ничего затрогивающаго религію. Любопытно, что это постановленіе Синода было опротестовано синодскимъ оберъ-прокуроромъ бригадиромъ Чебышевымъ. Чебышевъ въ своемъ письменномъ «предложеніи» Синоду заявлялъ, что въ сочиненіи Аничкова онъ не находитъ ничего противнаго православному закону, да и въ доношеніи Амвросія и въ опредѣленіи Синода не изъяснено, какимъ догматамъ православнаго закона противно это сочиненіе. При томъ же — замѣчалъ далѣе оберъ-прокуроръ — сочиненіе это читано «въ мѣстѣ государственномъ и ученомъ», гдѣ никакого соблазна и непристойности произойти не можетъ».

Гроза пронеслась благополучно надъ головой молодого философа. Впослѣдствіи Аничковъ проявлялъ въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ самое безукоризненное правовѣріе.

Зато трагически закончился случай съ проф. Мельманомъ, разыгравшійся въ 1795 г. Мельманъ былъ приглашенъ въ Москву изъ Геттингена въ 1786 г. Лубяновскій, слушавшій его лекціи, такъ описываетъ его: «Это былъ мужчина лѣтъ сорока. Всегда одинъ, словно въ кельѣ, всегда погруженный въ размышленія, онъ слылъ безстрастнымъ отшельникомъ отъ міра, влюбленнымъ въ безжалостную критику — дщерь философіи Канта». Лекціи читалъ онъ чрезвычайно краснорѣчиво и одушевленно и, изъясняя Цицерона, Вергилія, Лукреція, Тацита, вдавался въ развитіе идей политическихъ и нравственныхъ. Студенты слушали его съ удовольствіемъ. Вдругъ онъ пересталъ являться на лекціи. Надъ нимъ стряслась большая бѣда. По какому то личному дѣлу онъ посѣтилъ митрополита Платона. Они затронули въ бесѣдѣ вопросы религіозные и Мельманъ сталъ доказывать, что нравственность и самая религія должны основываться на разумѣ. Платонъ на это возражалъ, что выше разума должно почитаться Божественное Откровеніе, выраженное въ Писаніи. Отпустивъ Мельмана, Платонъ вовсе не думалъ возбуждать на него гоненія. Но профессора Чеботаревъ и Шаденъ, прослы-

шавъ объ этой бесѣдѣ Мельмана съ Платономъ, затрезвонили въ колокола, подняли на ноги университетскую конференцію и кураторовъ, предъявили начальству лекціи Мельмана, обличая его въ атеизмѣ. Мельманъ въ своихъ объясненіяхъ не признавалъ себя атеистомъ, а утверждалъ, что является послѣдователемъ философіи Канта, — которая тогда составляла великую новость, — и раздѣляетъ его ученіе о нравственномъ долгѣ. Ему было предложено дать подписку объ отказѣ отъ своихъ заблужденій. Онъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе. Дѣло дошло до императрицы и Мельманъ былъ высланъ изъ Россіи. Онъ уѣхалъ въ состояніи глубокой меланхоліи и близъ Кенигсберга внезапно скончался. Прошелъ слухъ, что онъ застрѣлился. Такъ трагически погибъ одинъ изъ первыхъ кантіанцевъ среди московской профессуры.

ГЛАВА III.

Начало XIX ст. Подъемъ университета.

I.

Воцареніе Александра I вызвало, какъ извѣстно, большое оживленіе и въ правящихъ кругахъ и въ обществѣ. Правительство приступало къ либеральнымъ реформамъ; общество было охвачено надеждами на скорое наступленіе для всѣхъ и каждаго счастливыхъ временъ.

Это оживленіе коснулось и учебнаго дѣла, въ частности и — университетовъ. На очередь былъ поставленъ вопросъ объ открытіи новыхъ университетовъ и о введеніи новаго университетскаго устройства въ связи съ преобразованіемъ всей системы учебныхъ заведеній въ Россіи.

Уже при Екатеринѣ II шли работы по пересмотру университетскаго устройства. Московскіе профессора въ своей конференціи составляли проектъ университетскаго устава, въ которомъ проводилась идея университетской автономіи съ выборнымъ ректоромъ, выборными деканами и расширенными правами профессорскаго совѣта. Въ такомъ же духѣ высказывался академикъ Миллеръ въ своемъ проектѣ. Затѣмъ, указомъ 29 января 1782 г. Екатери-

на предписала «Комиссіи объ учрежденіи училищъ» составить планъ устройства университетовъ и гимназій. Къ февралю 1787 г. Комиссія эту задачу выполнила. Раздѣляя университетъ, по примѣру существующаго уже въ Москвѣ порядка, на три факультета и составивъ планъ предметовъ преподаванія на каждомъ изъ нихъ, Комиссія выдвинула нѣсколько замѣчательныхъ общихъ положеній. Она энергично настаивала на свободѣ университтескаго преподаванія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: — «профессора не должны подвергаться принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ. Свобода мысли способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо». Другое замѣчательное требованіе, выдвинутое Комиссіей, состояло въ предоставленіи свободнаго доступа в ъуниверситетъ всѣмъ желающимъ, — и студентамъ и постороннимъ слушателямъ, — безъ различія лѣтъ и сословія. Мы видѣли, что въ Московскій университетъ съ 1755 г. допускались лица всѣхъ сословій кромѣ крепостныхъ. Въ планѣ 1787 г. Комиссія требовала отмѣны и этого послѣдняго ограниченія. Допущеніе несвободныхъ людей въ университетъ, — утверждала Комиссія, — ни мало не унизитъ ни наукъ, ни ученыхъ мужей, вѣдь не унижаются же цари и князи тѣмъ, что несвободные бываютъ вмѣстѣ съ ними въ храмѣ и слушаютъ слово Божіе, а исторія и древняя и новая представляетъ примѣры тому, какъ люди самаго низкаго состоянія пріобрѣтали себѣ науками великую славу.

Съ воцареніемъ Александра I учрежденная при Екатеринѣ въ 1782 г. «Комиссія объ учрежденіи училищъ» была преобразована въ «Главное училищъ правленіе». Тамъ предсѣдательствовалъ гр. Завадовскій, а членами были — Муравьевъ, Чарторійскій, Потоцкій, Клингеръ, Янковичъ де Миріево, академики Озерецковскій и Фусъ.

Въ первую же очередь Правленіе занялось выработкой университетскаго устава, при чемъ наибольшая часть работы выпала на долю Фуса и дѣлопроизводителя Правленія — Каразина.

Разнообразные матеріалы были при этомъ приняты во вниманіе. Какъ установилъ акад. Сухомлиновъ, на работы Правленія оказали свое вліяніе — и русскіе — проекты XVIII ст., и проектъ Кондорсе 1792 г., и система, ввe-

денная въ Польшѣ с ъ1783 г., и рѣзкая критика бюрократическаго строя Петербургской Академіи, принадлежавшая Августу Шлецеру, и вышедшая въ 1801 - 1802 г. г. въ Геттингенѣ книга проф. Мейнерса «Объ устройствѣ и управленіи нѣмецкихъ университетовъ», а также и непосредственныя сношенія съМейнерсомъ.

Комбинируя идеи, почерпнутыя изъ всѣхъ этихъ различныхъ источниковъ, Главное Правленіе училищъ выработало систему, которая и была осуществлена сначала изданными 24 января 1803 г. «Предварительными правилами народнаго просвѣщенія», содержавшими въ себѣ установленіе общихъ основныхъ началъ всей учебной системы и затѣмъ — рядомъ спеціальныхъ уставовъ для университетовъ — Виленскаго и Дерптскаго (18 мая и 12 сент. 1803 года) и Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго (5 ноября 1804 г.). Для стараго Московскаго и вновь учрежденныхъ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ были изданы уставы почти одинаковаго содержанія. Виленскій и Дерптскій получили нѣкоторыя мѣстныя отличія.

Мы сейчасъ увидимъ, въ какія новыя условія попалъ теперь Московскій университетъ въ связи съ этимъ общимъ преобразованіемъ.

Согласно идеѣ, выраженной въ планѣ Кондорсе, и положенной также въ основу польской учебной реформы, каждый университетъ былъ признанъ теперь не только разсадникомъ наукъ и высшаго образованія, но и органомъ высшаго управленія всѣми низшими и средними учебными заведеніями даннаго учебнаго округа, которыя, такимъ образомъ, смыкались въ сплошную цѣпь, завершавшуюся въ округѣ университетомъ. А всѣ университеты были подчинены Главному Правленію училищъ, членами котораго состояли всѣ попечители учебныхъ округовъ, и которое входило въ составъ Министерства Народнаго просвѣщенія. При этомъ — и то была идея, усиленно выдвигавшаяся профессоромъ Мейнерсомъ, — попечитель округа отнюдь не долженъ былъ жить въ университетскомъ городѣ своего округа; онъ долженъ былъ постоянно находиться въ Петербургѣ и засѣдать въ Правленіи училищъ, лишь наѣзжая періодически въ свой округъ для визитаціи и надзора. Это было сдѣлано, — согласно мысли Мейнерса, — для того, чтобы близкое присутствіе попечителя не повело къ умаленію университета, какъ начальствующей надъ округомъ инстанціи, тогда какъ попечи-

тель долженъ былъ имѣть лишь общую заботу о благосостояніи округа, предоставляя руководительство всѣми текущими дѣлами окружнаго управленія университету, для чего при университетѣ долженъ былъ состоять особый «училищный Комитетъ» изъ профессоровъ и эти профессора должны были періодически визитировать среднія и низшія учебныя заведенія округа. Какъ же были организованы сами университеты по новому уставу? Здѣсь уже вопреки Мейнерсу, выступавшему противъ выборнаго начала, и въ большемъ согласіи съ русскими проектами XVIII стол., въ университетахъ было заведено выборное самоуправленіе. Прежній назначенный «директоръ» уступилъ мѣсто ректору, избираемому совѣтомъ профессоровъ. Совѣтъ получилъ также право избирать профессоровъ, адъюнктовъ и почетныхъ членовъ университета. Совѣтъ рѣшалъ всѣ вопросы учебные и судебные, ибо всѣ служащіе при университетѣ и всѣ подчиненные ему лица и мѣста были подсудны не общимъ судебнымъ установленіямъ, а единственно суду университетскаго Совѣта, на приговоры котораго допускалась апелляція лишь въ сенатъ.

Кромѣ обычныхъ засѣданій Совѣта разъ въ мѣсяцъ должны были происходить особенныя собранія съ участіемъ почетныхъ членовъ для обсужденія новыхъ сочиненій, открытій, опытовъ и изслѣдованій. — Университетъ могъ печатать въ своей типографіи все, что по опредѣленію Совѣта можетъ служить къ распространенію знаній, и всѣ книги, печатаемыя въ университетской типографіи, не подлежали общей цензурѣ.

Если вся учебная и ученая часть была ввѣрена исключительно вѣдѣнію Совѣта, то для завѣдыванія хозяйственными дѣлами учреждалось Правленіе, состоявшее изъ ректора и деканов отдѣленій (факультетовъ). Ректоръ избирался Совѣтомъ профессоровъ, деканы избирались факультетами.

Вмѣсто прежнихъ трехъ отдѣленій или факультетовъ уставъ 1804 г. устанавливалъ четыре, вслѣдствіе того, что науки математическія и естественныя отсѣкались отъ философскаго отдѣленія. Такимъ образомъ установлены были четыре отдѣленія: 1) нравственныхъ и политическихъ наукъ (факультетъ этико-политическій, соотвѣтствовавшій позднѣйшему юридическому), 2) физическихъ и математическихъ наукъ, 3) врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и 4) словесныхъ наукъ. Вмѣсто прежнихъ 10 каѳедръ

теперь на весь университетъ было назначено 28 каѳедръ, а именно: на этико-политическомъ отдѣленіи — 7 каѳедръ (здѣсь съ науками юридическими соединялись философскія и политическая экономія — то были каѳедры: 1) богословія, 2) церковной исторіи и толкованія Св. Писанія, 3) философіи, 4) правъ естественнаго, политическаго и народнаго, 5) гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россіи, 6) правъ знатнѣйшихъ древнихъ и нынѣшнихъ народовъ и 7) дипломатики и политической экономіи. На физико-математическомъ отдѣленіи — 8 каѳедръ: 1) физики, 2) чистой математики, 3) прикладной математики, 4) астрономіи, 5) химіи, 6) ботаники, 7) минералогіи и сельскаго домоводства, 8) технологіи и наукъ, относящихся до торговли и фабрикъ.

На медицинскомъ отдѣленіи — 6 каѳедръ: 1) анатоміи, физіологіи и судебной медицины, 2) патологіи, терапіи и клиники, 3) врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолеченія. На отдѣленіи словесныхъ наукъ — 7 каѳедръ: 1) краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго, 2) греческаго языка и словесности, 3) латинскихъ древностей и языка, 4) всемірной исторіи, статистики и географіи, 5) исторіи, статистики и географіи россійскаго государства, 6) восточныхъ языковъ, 7) теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи.

Конечно, встрѣчаются въ этомъ распредѣленіи нѣкоторыя странности съ точки зрѣнія позднѣйшаго строя университетскаго преподаванія. Но въ общемъ сразу бросается въ глаза, какой крупный шагъ сдѣланъ былъ теперь въ развитіи университетскаго преподаванія сравнительно съ тѣмъ зачаточнымъ его видомъ, какой мы наблюдали въ предшествующемъ періодѣ.

Таковы были основы университетскаго устройства, введенныя уставомъ 1804 года. Какъ же онѣ осуществлялись на практикѣ, какъ пошла дѣйствительная жизнь преобразованнаго университета?

II.

Первымъ попечителемъ Московскаго округа, замѣнившимъ для университета прежнихъ кураторовъ, былъ назначенъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, состоявшій

одновременно и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Это было очень удачное назначеніе. Поэтъ во вкусѣ новомоднаго тогда Карамзинскаго сентиментализма, Муравьевъ принималъ близко къ сердцу дѣло просвѣщенія, а московскій университетъ, гдѣ онъ самъ учился, былъ ему особенно дорогъ.

Три съ половиною года (съ 1803 по 28 іюля 1807 г., когда онъ скончался) занималъ онъ постъ попечителя Московскаго округа и за это время имъ сдѣлано было немало для наполненія новымъ живымъ содержаніемъ вновь созданныхъ рамокъ для университета.

По введеніи новаго устава Совѣтъ избралъ ректоромъ извѣстнаго намъ профессора Чеботарева. Теперь это былъ уже старикъ и печать наивной патріархальности лежала и на его обликѣ и на пріемахъ его управленія. Старожилъ университета, весь вѣкъ прослужившій въ попечительной канцеляріи Третьяковъ говоритъ про Чеботарева, что въ должности ректора онъ со всѣми дружилъ, былъ слабъ и безпеченъ. — «Странно было смотрѣть на ректора, — пишетъ Третьяковъ, — когда послѣ обѣда онъ въ длиннополомъ сертукѣ, въ спальныхъ сафьяныхъ сапогахъ, съ треуголкой съ плюмажемъ на головѣ посѣщалъ комнаты казеннокоштныхъ студентовъ. Онъ пробылъ ректоромъ одинъ годъ и былъ замѣненъ Страховымъ. Послѣ ректоромъ былъ Баузе. Ректоръ съ деканами составлялъ Правленіе. Но при Чеботаревѣ и въ Правленіи дѣла велись съ полной патріархальностью: деканы два раза въ недѣлю заходили въ ректорскую комнату и подписывали заранѣе приготовленныя рѣшенія по всѣмъ дѣламъ.

Между тѣмъ, обновленіе университета шло энергично. И увеличеніе каѳедръ и сильно порѣдѣвшій составъ прежнихъ профессоровъ вызывали необходимость въ широкомъ пополненіи профессуры новыми силами. За это-то дѣло серьезно принялся Муравьевъ. Онъ выписалъ вновь до 11 профессоровъ изъ-за границы и далъ ходъ къ каѳедрѣ вновь поспѣвшимъ русскимъ молодымъ ученымъ. Такъ, за первое десятилѣтіе XIX ст. немногіе старики, — наслѣдіе XVIII ст., — оказались окруженными новымъ поколѣніемъ профессуры. Университетъ дѣйствительно вступалъ въ новую фазу существованія , не только по внѣшнимъ формамъ устройства, но и по составу своихъ живыхъ силъ.

За время отъ 1800 до 1812 г. встрѣчаемъ на каѳедрахъ Московскаго университета всего 18 профессоровъ, начав-

шихъ дѣятельность еще въ концѣ XVIII ст. О семи изъ нихъ мы уже говорили выше. Это тѣ, кто лучшей порой своей дѣятельности принадлежали къ XVIII ст. Изъ нихъ только двое — Чеботаревъ и Керестури дожили до 1815 года; остальные скончались до 1812 г. Двѣнадцать профессоровъ, вступившихъ на каѳедру на самомъ исходѣ XVIII ст., были еще въ полной силѣ въ началѣ XIX стол.; иные изъ нихъ дожили до 20-ыхъ годовъ XIX стол. Итакъ, о нихъ надлежитъ говорить здѣсь, при разсказѣ объ университетѣ, преобразованномъ въ 1804 году.

Изъ этой дюжины ровно половина приходилась на факультетъ словесныхъ наукъ. Геймъ явился въ Россію изъ Геттингена въ 1779 г. и сначала опредѣлился въ университетъ лекторомъ нѣмецкаго языка и помошникомъ библіотекаря. Къ 1786 г. онъ уже освоился съ русскимъ языкомъ и сдѣлался ординарнымъ профессоромъ исторіи, статистики и коммерческой географіи. Онъ прожилъ до 1822 г. Въ продолженіи 12 лѣтъ былъ ректоромъ. Написалъ рядъ трудовъ по географіи (всего важнѣе: «Подробное топографическое и статистическое описаніе Россійскаго Государства» — болѣе тысячи страницъ) и по статистикѣ, держась направленія Ахенваля и Шлецера. Съ большимъ трудолюбіемъ онъ соединялъ мягкость характера и доброту сердца. Въ мемуарахъ бывшихъ студентовъ не разъ добромъ поминается его имя при воспоминаніи о ласковости, которую онъ обнаруживалъ, какъ ректоръ, къ вновь вступающимъ новичкамъ, отечески ободряя ихъ.

Философъ Брянцевъ началъ по-ломоносовски. Сынъ бѣднаго церковнаго причетника въ пустынкѣ близъ Вологды, онъ юношей съ нѣсколькими копѣйками пѣшкомъ пришелъ въ Москву за наукой, кончилъ курсъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи, а потомъ прошелъ и курсъ университета, учительствовалъ въ гимназіи, въ 1787 г. получилъ степень магистра философіи за диссертацію «De criterio veritatis» и съ 1788 г. сталъ профессоромъ логики и метафизики. Скромный и застѣнчивый, онъ не блисталъ ни въ обществѣ, ни на каѳедрѣ, но работалъ серьезно, подвергая критикѣ распространенное тогда вольфіанство. Въ 1812 г. погибла его большая библіотека, собранная въ теченіе 50 лѣтъ. Онъ умеръ въ 1821 г. на 73 году жизни во время подготовки къ очередной лекціи.

М. Г. Гавриловъ преподавалъ словесность и тео-

рію изящныхъ искусствъ, а съ 1811 г. — литературу славянскихъ народовъ. Съ 1790 г. въ теченіе 38 лѣтъ онъ издавалъ «Историческій, статистическій и географическій журналъ» (ранѣе называвшійся «Политическимъ журналомъ»), наполнявшійся переводами изъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Въ 1782 г. — студентомъ, — онъ былъ предсѣдателемъ Шварцевскаго «Собранія питомцевъ Московскаго университета» и поддерживалъ сношенія съ Новиковскимъ кружкомъ. Въ 20-хъ годахъ XIX ст. онъ представлялъ собою на каѳедрѣ уже притчу во языцѣхъ. Студенты засыпали на его лекціяхъ или развлекались тѣмъ, что приглашали на его лекціи товарищей съ другихъ факультетовъ, чего профессоръ не выносилъ, и весь часъ проходилъ въ томъ, что студенты ежеминутно указывали профессору на того или иного «чужака», профессоръ прерывалъ чтеніе, торжественно выводилъ «чужака» изъ аудиторіи, но лишь только онъ садился затѣмъ на каѳедру, начинался говоръ по аудиторіи: «вотъ и еще чужакъ» и профессоръ опять приходилъ въ волненіе. Комедія продолжалась пока звонокъ не возвѣщалъ о концѣ лекціи. Гавриловъ умеръ въ 1829 г.

Съ 1799 по 1823 г. преподавалъ всемірную исторію Черепановъ, питомецъ Вятской духовной семинаріи и Московскаго университета, — фигура блѣдная и тусклая.

Зато несомнѣнно серьезную величину представлялъ собою Сохацкій, профессоръ греческой и римской словесности и эстетики. Сынъ священника Полтавской губерніи, онъ изъ Кіевской Духовной Академіи перешелъ въ Московскій университетъ. Онъ сталъ большимъ знатокомъ древнихъ классическихъ писателей. По удаленіи Мельмана, сдѣлался профессоромъ древней словесности и очень оживилъ преподаваніе этого предмета, умѣя ввести слушателей въ міръ понятій, мыслей и чувствъ античнаго общества. Но настоящее значеніе его, какъ университетскаго дѣятеля, сказалось тогда, когда съ 1805 г. ему было поручено преподаваніе эстетики. Мы имѣемъ компетентный отзывъ Буслаева о высокихъ достоинствахъ чтеній Сохацкаго по эстетикѣ, основныя мысли которыхъ были изложены Сохацкимъ въ его сочиненіи: «Изъясненія объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ» и въ его рѣчи: «О предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни» (1801 г.). Онъ соединялъ тогдашнія французскія ученія объ изящномъ съ воззрѣніями Винкельмана и, воспитавъ

эстетическое чувство на классическихъ образцахъ, возсталъ противъ входившаго въ моду романтизма съ его пристрастіемъ къ чудовищнымъ ужасамъ, ко всему таинственному и мрачному. Изъ школы Сохацкаго вышелъ талантливый Мерзляковъ, сыгравшій затѣмъ столь видную роль въ той борьбѣ классиковъ съ романтиками, которая стояла въ центрѣ общественнаго вниманія въ 20 и 30-хъ годахъ XIX ст.

Намъ остается назвать еще М. М. Снегирева (отца) (1796 - 1820), читавшаго логику, этику и права естественное, политическое и народное, и Двигубскаго, о которомъ, впрочемъ, правильнѣе говорить не въ этой связи, ибо хотя онъ уже въ 1798 г. сталъ адъюнктомъ и началъ лекціи, но профессуру онъ получилъ уже въ 1808 г. послѣ заграничнаго путешествія, итакъ — его надлежитъ причислить къ профессорамъ Муравьевскаго періода.

Всѣ остальные профессора, дѣйствовавшіе въ 10-хъ годахъ XIX ст., были новобранцами при началѣ примѣненія устава 1804 г. и появились на каѳедрѣ при непосредственномъ участіи попечителя Муравьева. Ихъ — немало: двое являются въ 1803 г., въ одномъ 1804 г. выступаетъ сразу 15 новыхъ профессоровъ, въ 1805 — 4, въ 1806 — 5 и въ 1807 — 3. Итого за время попечительства Муравьева вновь вступило въ университетъ 29 профессоровъ; изъ нихъ — 14 иностранцевъ и 15 русскихъ. Этотъ притокъ продолжался и при преемникахъ Муравьева: при попечительствѣ гр. Разумовскаго (1807 - 1810 г. г.) вступило — семь профессоровъ (изъ нихъ 2 иностранца) и при попечительствѣ Голенищева-Кутузова (1810 - 1812 г. г.) — 4 (изъ нихъ одинъ иностранецъ). Итого — съ 1803 по 1812 годъ обновленіе профессуры выразилось въ появленіи 40 профессоровъ, изъ коихъ 17 иностранцевъ и 23 — русскихъ.

Изъ нихъ около половины не дожило до 20-хъ годовъ, 5 умерло въ 20-хъ годахъ, 13 — въ 30-хъ г. г., а одинъ — Качеповскій — дожилъ до 1842 г.

Мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ этой новой тогда профессуры въ порядкѣ факультетовъ. Факультетъ словесныхъ наукъ обогатился тогда рядомъ профессоровъ, имена которыхъ прочно вошли въ исторію русской науки и русскаго просвѣщенія. Изъ иностранцевъ то были — Шлецеръ, Буле, изъ русскихъ — Мерзляковъ и Качеповскій, и во второмъ ряду — Тимковскій и Болдыревъ.

Христіанъ Шлецеръ, сынъ знаменитаго Августа Шлецера, — былъ приглашенъ изъ Германіи — сначала въ Дерптскій (1800 г.), а потомъ въ Московскій университетъ (въ 1801 г.). Онъ положилъ начало научному преподаванію въ Россіи политической экономіи и статистики. Въ 1805 г. вышла его книга «Начальныя основанія государственнаго хозяйства» (затѣмъ появившаяся также на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ). То было — по словамъ гр. Н. П. Румянцева — «первое въ Россіи сочиненіе, дающее понятіе о государственномъ хозяйствѣ». Но въ то время и въ иностранной литературѣ почти еще не существовало систематическихъ изложеній началъ политической экономіи и книга Шлецера примѣнялась и въ Германіи, какъ университетское руководство. Шлецеръ всецѣло опирается на Адама Смита, и примѣняетъ его идеи къ построенію науки политической экономіи. Онъ издалъ также рядъ работъ по теоріи статистики. Для русскаго общества все это было открытіемъ совершенно новаго міра научныхъ идей и Шлецеръ пользовался высокимъ уваженіемъ и авторитетомъ и въ студенчествѣ и въ обществѣ. Въ 1826 г. онъ прекратилъ преподаваніе въ Москвѣ и остальную часть жизни провелъ въ Боннѣ.

Крупное пріобрѣтеніе сдѣлалъ Московскій университетъ и въ лицѣ проф. Буле, выписаннаго Муравьевымъ изъ Геттингена въ 1804 г. Буле прошелъ прекрасную школу по изученію античной древности въ Филологической семинаріи Геттингенскаго университета подъ руководствомъ знаменитаго Гейне и столь же серьезно занимался философіей. Ставъ профессоромъ въ Геттингенѣ, онъ развилъ энергичную научную дѣятельность, среди плодовъ которой особенно выдается пятитомное научное изданіе сочиненій Аристотеля. Въ Московскомъ университетѣ онъ читалъ прекрасные курсы по античной литературѣ, по теоріи и исторіи искусствъ и по философіи. Его частные курсы на дому по исторіи искусствъ и археологіи посѣщалъ Грибоѣдовъ. А въ преподаваніи философіи онъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ прежними курсами преподававшихъ въ Москвѣ вольфіанцевъ. Буле, начиная съ 1806-7 учебнаго года, уже знакомилъ москвичей подробно съ философскими системами Канта, Фихте и Шеллинга. Тѣсная дружба связывала Буле съ высокопросвѣщеннымъ Муравьевымъ. По мысли и при непосредственномъ соучастіи Муравьева Буле издавалъ въ Москвѣ

журналы: «Журналъ изящныхъ искусствъ» и «Московскія Ученыя Вѣдомости», посвященные критическимъ разборамъ новинокъ западно-европейской научной литературы. Буле приступилъ къ составленію и «Опыта критической литературы русской исторіи» — т. е. обзора источниковъ и памятниковъ. Но это предпріятіе остановилось на первомъ томѣ, касавшемся древнѣйшаго періода. Съ 1812 г. Буле покидаетъ Московскій университетъ, онъ поступаетъ на службу при дворѣ в. кн. Екатерины Павловны, а затѣмъ уѣзжаетъ за границу и получаетъ профессуру въ Брауншвейгѣ.

Одновременно съ Буле былъ выписанъ изъ Геттингена Грелльманъ на каѳедру исторіи и статистики. Его научные труды обѣщали въ немъ очень полезнаго профессора. Но смерть похитила его почти тотчасъ по его прибытіи въ Москву. Ульрихсъ съ 1807 г. состоявшій при университетѣ лекторомъ нѣмецкаго языка, съ 1823 г., по смерти Черепанова ,читалъ до 1832 г. всеобщую исторію и статистику европейскихъ государствъ. Не сохранилось свѣдѣній, какую онъ прошелъ школу и откуда явился въ Москву. И преподаваніемъ своимъ онъ, повидимому, не оставилъ замѣтнаго слѣда въ памяти учениковъ. Переходя къ русскимъ профессорамъ словеснаго факультета, мы встрѣчаемъ прежде всего яркія фигуры Мерзлякова и Каченовскаго.

Мерзляковъ родился въ 1778 г. въ провинціальномъ городѣ Пермской губ. въ небогатой купеческой семьѣ. Будучи ученикомъ Пермскаго народнаго училища, Мерзляковъ сталъ уже писать стихи. 13 лѣтъ отъ роду написалъ онъ оду на заключеніе мира съ Швеціей. Пермскій генералъ-губернаторъ переслалъ Оду министру народнаго просвѣщенія Завадовскому, а тотъ — представилъ ее императрицѣ. Въ результатѣ юный поэтъ былъ принятъ на казенный счетъ въ Московскую гимназію и порученъ покровительству Хераскова — куратора университета. Въ 1796 г. — онъ уже студентъ. Его стихи охотно печатаются въ московскихъ журналахъ. Онъ привѣтствуетъ Одой воцареніе Александра, прилежно изучаетъ языки, переводитъ итальянскихъ поэтовъ и вступаетъ въ дружбу съ Жуковскимъ. Когда въ 1804 г. Чеботаревъ сталъ ректоромъ, каѳедра россійскаго краснорѣчія и поэзіи досталась Мерзлякову. Онъ занималъ ее затѣмъ до своей смерти въ 1830 году. Скоро къ извѣстности поэта прибавилась его слава

увлекательнаго профессора и остраго литературнаго критика. Его университетская аудиторія всегда была переполнена слушателями. Слушать его собирались студенты всѣхъ факультетовъ и множество посторонней публики. — Мурзакевичъ въ своихъ мемуарахъ пишетъ: — «Кандидатъ, кончившій курсъ, студентикъ 15 лѣтъ, пожилой сенатскій чиновникъ, армейскій офицеръ, — все это сидѣло, стояло, лѣпилось, гдѣ попало, на изящныхъ лекціяхъ Мерзлякова. И всю эту разнородную толпу держалъ въ напряженіи стоявшій на каѳедрѣ невысокій, плотный, широкоплечій человѣкъ, съ большой головой, на которой волосы были острижены почти въ кружокъ, и съ овальнымъ, скулистымъ лицомъ, на которомъ изъ-подъ густыхъ бровей и длинныхъ рѣсницъ свѣтились сѣрые глаза, исполненные огня и жизни. И какъ раньше Шварцъ и позднѣе Грановскій, Мерзляковъ сплачивалъ университетъ съ обществомъ. Такой профессоръ оказывался нужнымъ не только студентамъ, но и всему городу. Мерзлякову приходилось читать публичные курсы, на которые съѣзжалась «вся Москва». Въ 1812 г. въ теченіе всего поста онъ читалъ такой курсъ въ громадной залѣ дома кн. Б. В. Голицына на Басманной. Въ 1816 г. читалъ курсъ изъ 24 лекцій въ домѣ А. Ѳ. Кокошкиной.

Въ тѣ годы въ Мерзляковѣ, можно сказать, была олицетворена общественная цѣнность университета. Въ чемъ же былъ источникъ такой его популярности? Не въ томъ только, что онъ былъ вдохновенный лекторъ-импровизаторъ, а еще болѣе въ томъ, что онъ своими лекціями врѣзывался въ центръ идейной борьбы, охватившей тогда мыслящую часть общества. То была борьба не политическая, а философско-эстетическая. Но она волновала умы и возбуждала страсти. Это была битва между классицизмомъ и романтизмомъ. Романтизмъ входилъ въ моду, молодежь имъ увлекалась, въ немъ чувствовался какой то порывъ противъ всякой омертвѣлой рутины. Замѣчательно, что Мерзляковъ въ этой борьбѣ сталъ на сторону не новизны, а старины. Идя по стопамъ своего учителя Сохацкаго, онъ бросалъ перчатку романтикамъ, — въ томъ числѣ и своему другу Жуковскому, и бралъ на себя оборону классическихъ традицій. Сила и обаятельность его таланта въ томъ именно и сказывалась, что онъ завоевывалъ громкую популярность, отстаивая непопулярную позицію. Имъ восхищались и тѣ, кто съ нимъ не соглашался. Онъ

не былъ сильнымъ теоретикомъ. Теоретическую часть своего курса онъ бралъ цѣликомъ у Эшенбурга, впадая, однако, въ нѣкоторыя противорѣчія и непослѣдовательности и въ нихъ то именно и заключался секретъ его успѣха. Непроизвольно и для него самого безсознательно живое поэтическое чувство прорывалось у него чрезъ оковы мертвенной ложно-классической догмы. Мѣтко сказалъ про него одинъ изъ его слушателей Мурзакевичъ: — «этотъ ратоборецъ противъ романтизма самъ былъ въ душѣ романтикомъ». Строя всю свою піитику на Ломоносовскихъ и Державинскихъ одахъ (но Державина за большую простоту предпочитая Ломоносову), и отвергая баллады Жуковскаго, Мерзляковъ остановился въ недоумѣніи предъ первыми романтическими поэмами Пушкина. Читая «Кавказскаго плѣнника», онъ плакалъ и говорилъ: «я плачу отъ восторга, ибо чувствую, что это — прекрасно, хотя и не понимаю, почему оно прекрасно». Потому то и, какъ поэтъ, настраивая свою лиру на условно-напыщенный тонъ въ ложно-классическомъ духѣ, онъ, однако, сочинилъ рядъ пѣсенъ съ печатью истинной народности, которыя получили безсмертіе («Среди долины ровныя» и др.). И когда въ своихъ импровизаціяхъ съ каѳедры онъ набрасывалъ характеристики отдѣльныхъ писателей, давая волю природному чувству изящнаго, аудиторія внимала ему, затаивъ дыханіе и ни мало не заботясь о его теоретическомъ консерватизмѣ. Онъ былъ живой, блестящій собесѣдникъ въ общественной компаніи и тогдашняя интеллигентная Москва носила его на рукахъ. Къ серединѣ 20-хъ годовъ онъ значительно опустился, сталъ запивать, пропускать лекціи, но и тогда бывали у него счастливыя вспышки таланта. Молодежь, совсѣмъ разошедшаяся съ его направленіемъ, все еще любила его за его талантъ, за его боевой пылъ, за его искренность.

К а ч е н о в с к і й, — вождь такъ называемой «скептической школы» въ русской исторіографіи, — также тревожилъ умы своихъ слушателей и возбуждалъ ихъ къ критической дѣятельности. Онъ родился въ 1775 г., въ Харьковѣ. Отецъ его — Качони — былъ грекъ, выселившійся изъ Балаклавы въ Харьковъ. Окончивъ курсъ Харьковскаго колегіума въ 1788 г. тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Качеповскій вплоть до 1801 г. проходилъ самыя скромныя должности на военной службѣ съ перерывомъ въ два года, когда онъ поступилъ было на гражданскую службу. Такъ, онъ

былъ послѣдовательно — урядникомъ Екатеринославскаго казачьяго ополченія, канцеляристомъ Харьковскаго губернскаго магистрата и военнымъ квартермейстеромъ, при чемъ попалъ подъ судъ за недочетъ казеннаго пороха, но былъ оправданъ. Казалось, ничто не предвѣщало, что этому захолустному чиновнику предстоитъ блестящая карьера столичнаго профессора. Однако, Каченовскій какъ то ухитрялся между дѣломъ писать сентиментальные стихи и критическія замѣтки по вопросамъ русской исторіи и печатать ихъ въ журналахъ. Въ 1801 г. онъ поступаетъ библіотекаремъ къ гр. Алексѣю Кирилловичу Разумовскому и попадаетъ въ Москву. Разумовскій, ставъ въ 1807 г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа, дѣлаетъ Каченовскаго правителемъ своей канцеляріи. А еще съ 1805 г. Каченовскій принимаетъ отъ Карамзина редактированіе «Вѣстника Европы». Съ этимъ журналомъ онъ уже не разстается почти всю жизнь, редактируя его то единолично, то совмѣстно съ Жуковскимъ и другими вплоть до 1830 г. Теперь то онъ сталъ развертывать въ печати обильныя и многостороннія ученыя свѣдѣнія, какимъ-то образомъ нахватанныя имъ въ теченіе предшествующей скромной провинціальной жизни. Эти свѣдѣнія оказались столь значительными, что въ 1806 году Каченовскій могъ получить степень доктора философіи и изящныхъ искусствъ, а съ 1810 г. онъ занялъ каѳедру теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Такъ недавній квартирмейстеръ превратился въ профессора и скоро пріобрѣлъ себѣ на каѳедрѣ громкое имя, возбудивъ ученую полемику своими смѣлыми критическими выступленіями противъ традиціонныхъ взглядовъ на древнюю русскую исторію. Впрочемъ, въ этой роли Каченовскій выступилъ съ наибольшей энергіей уже съ 1821 г., когда онъ перешелъ на каѳедру русской исторіи, статистики и географіи. Объ этомъ мы еще будемъ говорить въ послѣдующемъ изложеніи.

Въ 1811 г. въ Московскомъ университетѣ появился первый ученый оріенталистъ — Болдыревъ (1811 - 1837 г. г.). Въ 1809 г. началъ свои лекціи Тимковскій — профессоръ древней греческой и римской и древнерусской словесности, извѣстный изданіемъ Федра и изысканіями по изученію древнерусской лѣтописи.

Этико-политическій факультетъ получилъ за эти годы трехъ привозныхъ изъ-за границы профессоровъ: философа-юриста Рейнгарта, изъ Кельна, читавшаго прак-

тическую философію и естественное право, Штельцера изъ Галле, который съ 1806 по 1812 г. перечиталъ въ Москвѣ почти всѣ науки юридическаго факультета, какъ бы подражая временамъ Дильтея, и Турнейзена — по каѳедрѣ науки о финансахъ, который только промелькнулъ въ Москвѣ въ 1806 г. и вскорѣ былъ переведенъ въ Ярославскій Демидовскій лицей. Въ 1805 г. началась тридцатилѣтняя профессорская дѣятельность выдающагося русскаго юриста первой половины XIX ст. Льва Цвѣтаева. Какъ и большинство русскихъ профессоровъ той эпохи, онъ происходилъ изъ духовнаго званія и въ университетъ перешелъ изъ Славяно-греко-латинской Академіи. Въ 1801 г. кураторъ кн. Голицынъ взялъ его съ собою въ заграничное путешествіе и онъ слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ, потомъ въ Парижѣ, а въ Геттингенѣ получилъ докторскую степень. Съ 1805 г. по 1835 г., до своей смерти, онъ читалъ въ Москвѣ курсы по различнымъ юридическимъ предметамъ, но центральное мѣсто въ его преподаваніи занимало римское право. Ему принадлежитъ рядъ ученыхъ руководствъ по каждому изъ читанныхъ имъ предметовъ. Въ частности, онъ издалъ «Начала естественнаго права», «Начертаніе теоріи законовъ» и три сочиненія по римскому праву. Студенты любили его за тихій, кроткій нравъ, а спеціалисты высоко цѣнили Цвѣтаева, какъ ученаго юриста, и онъ оказалъ не малое вліяніе на русскую юридическую школу начала XIX стол. Правда, онъ, какъ бы, застылъ на воспринятыхъ имъ въ молодости юридическихъ концепціяхъ. Блестящіе успѣхи историко-юридической школы Нибура и Савиньи прошли мимо него и въ 20-хъ г. г. онъ уже отсталъ отъ движенія европейской науки. Тѣмъ не менѣе за нимъ должна быть признана несомнѣнная заслуга распространенія и укрѣпленія научнаго духа въ русскомъ законовѣдѣніи.

Наканунѣ Отечественной войны, въ 1811 г., выступили на профессорское поприще два русскихъ юриста — Сандуновъ и Смирновъ. Ихъ имена встрѣчаются на каждомъ шагу въ мемуарной хроникѣ университета за 20-е годы. Особенно яркую фигуру представлялъ Сандуновъ, преемникъ по каѳедрѣ Горюшкина. О немъ и о Смирновѣ скажемъ далѣе въ связи съ картиной состоянія университета въ 20-хъ годахъ.

Важныя пріобрѣтенія получилъ физико-математическій

факультетъ въ періодъ попечительства Муравьева. Крупнѣйшее изъ всѣхъ вообще пріобрѣтеній, которыми Московскій университетъ обязанъ Муравьеву, представлялъ собою знаменитый естествоиспытатель Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ-отецъ, ученикъ Вернера и Кювье, другъ Гумбольта и Гете. Въ 1804 г. онъ прибылъ въ Москву, уже съ именемъ, окруженнымъ славой крупнаго ученаго. Въ Россіи онъ тотчасъ же съ увлеченіемъ предался изученію богатствъ русской природы и плодомъ этихъ его занятій явились два сочиненія: Энтомографія Россіи и Ориктографія Московской губерніи, которыя создали автору міровую славу и закрѣпили за нимъ въ западно-европейской научной литературѣ прозваніе русскаго Кювье, ибо въ этихъ трудахъ изученіе русской природы и русскаго животнаго міра сопровождалось рядомъ важныхъ общетеоретическихъ выводовъ, вошедшихъ въ міровую науку. Громадно было вліяніе этого ученаго и на успѣхи естествознанія въ Россіи. Оно выразилось и въ появленіи многочисленныхъ учениковъ у знаменитаго профессора и въ энергичной его дѣятельности по основанію Общества Испытателей природы и по руководительству Обществомъ Сельскаго хозяйства, и по описанію и устройству пожертвованныхъ университету громадныхъ коллекцій естественныхъ предметовъ П. Г. Демидова. Фишеръ-отецъ скончался въ 1853 г. Такъ, въ теченіе всей первой половины XIX ст. ему принадлежала первостепенная роль въ исторіи русскаго естествознанія. При всей своей знаменитости онъ былъ чуждъ важности: «Это — очень ученый, веселый и забавный старичекъ», — пишетъ о немъ Костенецкій, — студентъ 20-хъ годовъ.

Велико было значеніе приглашенія въ Москву и геттингенскаго профессора ботаники Гофмана. Гофманъ былъ извѣстенъ въ наукѣ изслѣдованіемъ систематики тайнобрачныхъ растеній, пополнявшимъ труды Линнея. Гете и Гумбольтъ слушали его лекціи въ Геттингенѣ. Занявъ въ 1804 г. каѳедру въ Москвѣ, Гофманъ организовалъ университетскій ботаническій садъ и издалъ его ученое описаніе. Онъ же много потрудился по составленію университетскаго гербарія, въ составъ котораго ему удалось включить замѣчательное собраніе растеній, составленное въ Упсалѣ подъ руководствомъ самого Линнея. Многое изъ этого погибло въ московскомъ пожарѣ 1812 г. Гофманъ скончался въ 1826 г., успѣвъ еще ознаменовать свое пребы-

ваніе въ Россіи важными изслѣдованіями по изученію зонтичныхъ растеній.

Къ той же партіи выписныхъ профессоровъ принадлежалъ еще Геттингенскій математикъ Идe, который, пробывъ на московской каѳедрѣ всего 3 года, скончался въ 1807 г.

Тогда же, въ 1804 г., былъ приглашенъ въ Москву лейпцигскій астрономъ Гольдбахъ — по рекомендаціи Боде и Лаланда. И ранѣе въ Москвѣ, повидимому преподавалась астрономія, но настоящее научное ея преподаваніе было заложено въ Москвѣ Гольдбахомъ. Тогда же разрабатывался проектъ устройства университетской обсерваторіи и Гольдбахъ дѣятельно участвовалъ въ выпискѣ изъ-за границы для университета всѣхъ необходимыхъ астрономическихъ снарядовъ.

Изъ среды русскихъ спеціалистовъ появилась тогда въ университетѣ группа молодыхъ математиковъ. То были — Загорскій (1805 - 1810 г.), читавшій многіе отдѣлы математики, въ томъ числѣ уже и дифференціальное и интегральное исчисленія, что было тогда новостью въ преподаваніи въ Московскомъ университетѣ; о его лекціяхъ хранилъ благодарное воспоминаніе ученикъ его, проф. П. С. Щепкинъ. Перелоговъ — воспитанникъ Суздальской духовной семинаріи и Моск. университета, — развившій профессорскую дѣятельность собственно послѣ 1812 г. и продолжавшій ее до 1825 г.; Суворовъ, отправившійся въ 1765 г. прямо изъ Тверской духовной семинаріи въ Оксфордскій университетъ, гдѣ и получилъ степень магистра наукъ, которая сообщила ему всѣ права природнаго англійскаго гражданина. Съ 1775 г. по 1804 г. онъ преподавалъ въ Петербургскомъ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1808 г. вышелъ въ отставку съ пенсіей за долговременную службу, а въ 1810 г. получилъ каѳедру высшей математики въ Москвѣ. Но въ 1814 г. онъ уже скончался. Еще ранѣе названныхъ профессоровъ, еще съ 1789 г. началъ преподаваніе Аршеневскій, скончавшійся въ 1808 г. Онъ первый сдѣлалъ шагъ впередъ послѣ своихъ учителей Аничкова и Роста, постепенно подводя свое преподаваніе къ отдѣламъ математики высшей.

Имена этихъ математиковъ должны быть сохранены въ исторіи Московскаго университета, какъ указаніе на то, что математическія каѳедры въ Москвѣ издавна уже питались только своими русскими силами.

Упомянемъ, наконецъ, что съ 1807 по 1811 г. читалъ химію и технологію А. Х. Чеботаревъ — сынъ историка и ректора Х. А. Чеботарева, а съ 1806 по 1835 г. Мягковъ читалъ военныя науки на физико-математическомъ факультетѣ. Его засталъ на каѳедрѣ еще Герценъ, сказавшій про него въ «Быломъ и Думахъ», что этотъ Мягковъ, читавшій самыя твердыя, т. е. военныя науки, въ самой манерѣ чтенія усвоилъ себѣ военную замашку, выкрикивая свои лекціи тономъ военной команды.

Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что въ XVIII ст. въ наиболѣе зачаточномъ состояніи находилось преподаваніе на факультетѣ медицинскомъ. Теперь и этотъ факультетъ началъ наполняться новыми силами. Иностранцевъ въ ихъ числѣ было немного. Въ 1804 г. былъ приглашенъ изъ Геттингена Рейсъ на каѳедру химіи и фармакологіи, только что передъ тѣмъ получившій извѣстность, впервые подвергнувъ химическому изслѣдованію лимфу и млечный сокъ лошади. Онъ преподавалъ въ Москвѣ до 1832 г. и цѣнился слушателями за чрезвычайную ясность его лекцій. Онъ завѣдывалъ Покровской аптекой и въ должности университетскаго библіотекаря положилъ солидное начало каталогу этой библіотеки.

До 1819 г. состоялъ на медицинскомъ факультетѣ начавшій свою университетскую дѣятельность еще съ 1790 года акушеръ Рихтеръ. Онъ былъ сынъ нѣмецкаго пастора Михайловской лютеранской церкви въ Москвѣ. Окончивъ Московскій университетъ, онъ долго работалъ въ университетахъ Германіи, Франціи, Англіи и Голландіи. Ставъ профессоромъ повивальнаго искусства въ Москвѣ въ 1790 г., онъ въ теченіе 20 лѣтъ проявлялъ изумительную энергію, читая лекціи и имѣя обширную врачебную практику; онъ основалъ при университетѣ повивальный институтъ и родильный госпиталь, состоялъ директоромъ родильнаго госпиталя при Воспитательномъ домѣ, руководилъ въ теченіе 12 лѣтъ физико-медицинскимъ Обществомъ и при всемъ томъ успѣлъ еще написать по архивнымъ документамъ большую книгу, до сихъ поръ сохраняющую значеніе «Исторія медицины въ Россіи». Въ 1818 году онъ оставилъ университетъ, будучи назначенъ лейбъ-медикомъ императорскаго двора.

Еще 12 русскихъ медиковъ выступило въ началѣ XIX ст. на университетскихъ каѳедрахъ. Назовемъ изъ нихъ два

имени, оставившія прочный слѣдъ въ исторіи университета — Двигубскаго и Мудрова.

О начальныхъ шагахъ Двигубскаго уже сказано выше. Въ началѣ XIX ст. Муравьевъ устроилъ ему продолжительную поѣздку за границу, гдѣ Двигубскій, претерпѣвая великія неудобства отъ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ, объѣздилъ Германію, Францію, Чехію, Венгрію и съ 1808 г. занялъ въ Москвѣ каѳедру врачебнаго веществословія и естественной исторіи. Принадлежа къ медицинскому факультету, онъ собственно являлся профессоромъ естественныхъ наукъ, читалъ физику и ботанику и издавалъ большое количество сочиненій по зоологіи, изъ которыхъ выдавались: «Московская фауна», и «Описаніе всѣхъ животныхъ россійской имперіи». Въ 1833 г. онъ вышелъ въ отставку и въ 1839 г. скончался. Много разъ онъ бывалъ ректоромъ. Онъ имѣлъ такой внушительный видъ — грузный мужчина съ широкими плечами и огромной, точно медвѣжьей головой, что студенты изъ семинаристовъ порою называли его непроизвольно — «отецъ ректоръ», — а онъ смотрѣлъ на студентовъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «эка невидаль, смотрѣть то нечего».

Въ 10-хъ годахъ уже расцвѣла московская слава профессора медицины Мудрова. Сынъ вологодскаго іерея, онъ прибылъ въ Москву въ университетъ въ 1794 г. и былъ обласканъ Херасковымъ, а позднѣе Иванъ Петровичъ Тургеневъ и проф. Чеботаревъ, — на дочери котораго Мудровъ женился, — свели его съ членами бывшаго Новиковскаго кружка. Въ 1802 г. Мудровъ получилъ заграничную командировку отъ университета. Въ Берлинѣ, Геттингенѣ, Парижѣ онъ занимался у первоклассныхъ медицинскихъ знаменитостей того времени. На обратномъ пути въ Россію въ 1807 г. онъ былъ ъзадержанъ въ Вильнѣ, гдѣ былъ главный военный госпиталь русской арміи и сразу пріобрѣлъ популярность удачной борьбой съ эпидеміей кроваваго поноса въ русскихъ войскахъ. Въ Москвѣ онъ занялъ каѳедру патологіи и терапіи и вскорѣ сталъ славиться по всей Москвѣ, какъ искуснѣйшій врачебный практикъ. Наибольшее число отзывовъ о немъ дошло до насъ въ мемуарахъ о 20-хъ годахъ XIX ст. Поэтому, мы еще будемъ говорить о немъ въ послѣдующемъ изложеніи.

Таково было оживленіе университетскаго преподаванія въ Москвѣ съ введеніемъ устава 1804 г. Такъ умножился и

расцвѣтился громкими именами составъ профессуры. Попечитель Муравьевъ не только сумѣлъ привлечь въ университетъ рядъ высокоцѣнныхъ ученыхъ изъ-за границы и наполнить каѳедры молодыми русскими профессорами. Онъ вступалъ въ тѣсное духовное общеніе съ профессорами, входилъ въ ихъ научные интересы, поддерживалъ ихъ духъ своимъ участіемъ. Мы указывали на его близость съ проф. Буле. Когда на горизонтѣ университета появилось молодое дарованіе Мерзлякова, Муравьевъ вызвалъ его къ себѣ въ Петербургъ, обласкалъ его, ввелъ его въ свой домъ, видимо стремился всячески поощрить молодого ученаго и создать ему общеніе съ интеллигентными общественными кругами. Онъ вызывалъ на разные научные труды и Тимковскаго и другихъ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Напечатанныя письма къ нему Мудрова изъ-за границы ясно рисуютъ, какія прекрасныя довѣрительныя отношенія умѣлъ установить Муравьевъ съ русской ученой молодежью.

Университетъ Московскій явственно вступалъ тогда въ періодъ цвѣтенія. Въ уставѣ 1804 г. было сказано, что возникновеніе при университетѣ ученыхъ Обществъ причитается къ особому достоинству университета.

И вотъ, — въ маѣ 1804 г. возникаетъ «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ», почетными членами коего избираются Шлецеръ, Карамзинъ, Бантышъ-Каменскій, Мусинъ-Пушкинъ. 2 января 1805 г. было открыто «Общество соревнователей медицинскихъ и физическихъ наукъ». Въ сентябрѣ 1804 г. образовалось «Общество испытателей природы», въ 1811 г. — «Общество любителей россійской словесности».

Обростая учеными обществами, изъ которыхъ каждое сыграло затѣмъ столь видную роль въ ходѣ русской науки и просвѣщенія, а равно и въ общественной жизни Москвы, университетъ въ то же время снабжался важными вспомогательными учрежденіями, которыя содѣйствовали поднятію на должную высоту его и ученой и учебной дѣятельности. Въ 1805 и 1806 г. г. были открыты институты хирургическій, клиническій, повивальный; положено начало университетскому ботаническому саду; начался быстрый ростъ университетской библіотеки; открытъ музей натуральной исторіи, устроенъ минц-кабинетъ, шли подготовительныя работы по устройству астрономической обсерваторіи. Обсерваторія была открыта только въ 1830-

31 г. Эта кипучая созидательная работа по оборудованію университетскихъ учрежденій развертывалась при горячемъ, высокопросвѣщенномъ содѣйствіи общества. Частныя пожертвованія притекали широкимъ потокомъ. Упомянемъ лишь главнѣйшія изъ нихъ. И теперь, какъ и ранѣе, Демидовы стояли во главѣ жертвователей. Въ 1803 году П. Г. Демидовъ пожертвовалъ Московскому университету 100 тысячъ руб. на содержаніе студентовъ, на командировку за границу молодыхъ ученыхъ, на содержаніе каѳедры натуральной исторіи и сверхъ того подарилъ кабинетъ натуральной исторіи и минц-кабинетъ громадной цѣнности. Княгиня Дашкова и князь Урусовъ пожертвовали большія книжныя собранія въ библіотеку, а Дашкова сверхъ того — кабинетъ натуральной исторіи, собиравшійся болѣе 30 лѣтъ. Списка всѣхъ жертвователей мы привести здѣсь не можемъ. Скажемъ только, что въ этомъ длинномъ спискѣ встрѣчаются лица всѣхъ сословій и духовные, и дворяне, и купцы, и мѣщане, и крестьяне.

Муравьевъ скончался въ іюлѣ 1807 г. Его замѣнилъ на посту попечителя гр. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій. Онъ стоялъ отъ университета довольно далеко въ пышномъ величіи высокаго вельможи. Но ростъ университета во всѣхъ отрасляхъ его жизни продолжался и при Разумовскомъ. Починъ Муравьева оказывалъ свое вліяніе и по смерти Муравьева. Въ 1810 г. Разумовскій сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, а попечительство перешло къ П. И. Голенищеву-Кутузову, который нѣкогда былъ кураторомъ университета.

Почти наканунѣ Отечественной войны въ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья съ общей характеристикой состоянія Московскаго университета. Набросавъ широкую картину внѣшняго и внутренняго роста университета, авторъ съ удовлетвореніемъ подчеркивалъ, что университетъ все болѣе принимаетъ характеръ русскаго высшаго учено-учебнаго заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ значеніи, какое продолжало имѣть занятіе многихъ каѳедръ иностранцами, русская стихія тамъ крѣпла и ширилась и, казалось, все предвѣщало этому естественному росту университета безпрепятственный дальнѣйшій расцвѣтъ. Но приближались событія, нанесшія университету великіе ущербы.

ГЛАВА IV.

Вторая половина Александровской эпохи и начало 30-хъ годовъ XIX ст.

I.

Военная гроза 1812 г. причинила великое раззореніе университету. Во время московскаго пожара сгорѣли всѣ университетскія зданія за исключеніемъ лишь двухъ корпусовъ — больничнаго и такъ наз. «Пушкинскаго». Погибъ музей, погибли великолѣпныя естественныя коллекціи, библіотека съ болѣе, чѣмъ 20 тыс. книгами, цѣннѣйшія собранія физическихъ, астрономическихъ, хирургическихъ инструментовъ и химическихъ препаратовъ. Многіе профессора лишились своихъ частныхъ большихъ библіотекъ.

Когда по удаленіи непріятеля мало-по-малу съѣхались въ Москву ректоръ (Геймъ) и профессора, немедленно началось возстановленіе разрушеннаго. Сначала дѣйствовала временная комиссія изъ профессоровъ, оказавшихся въ наличности. 11 іюля можно было уже открыть засѣданія Совѣта, а въ августѣ начались лекціи во временномъ наемномъ помѣщеніи. На помощь университету пришли и правительство и щедрые частные жертвователи. Въ теченіе года въ библіотекѣ было уже 5.000 книгъ, а затѣмъ непрерывно слѣдовали дальнѣйшія приращенія. Пополнялись и музеи и кабинеты. Правительство пріобрѣло для университета анатомическій кабинетъ проф. Лодера, Демидовы снова стояли во главѣ жертвователей и снова за ними слѣдовала длинная вереница другихъ. Къ іюлю 1819 г. было уже отстроено новое главное зданіе университета.

Затягивались раны, нанесенныя военной катастрофой. Но другого рода опасности начинали грозить университету.

Съ 1817 года — превозобладавшее во внутренней политикѣ реакціонное направленіе проявилось въ самыхъ мрачныхъ формахъ по отношенію къ университетамъ. Что сдѣлалъ въ эти годы съ Казанскимъ университетомъ Магницкій, — достаточно извѣстно. Въ Петербургѣ Галичъ, Велланскій и нѣкоторые другіе профессора оказались также жертвами торжествующей реакціи.

Къ счастью, Московскій университетъ пережилъ сравнительно благополучно эту тревожную пору. Немалая заслуга въ томъ должна быть признана за княземъ А. П. Оболенскимъ, который въ 1817 году смѣнилъ Голенищева-Кутузова на посту попечителя Московскаго учебнаго округа. Была молва о томъ, что Магницкій, надругавшійся безмѣрно надъ Казанскимъ университетомъ, очень добивался командировки для ревизіи также и Московскаго университета, но кн. Оболенскій Москву отстоялъ, заявивъ категорически, что онъ Магницкаго въ свой округъ ни за что не пуститъ.

И вотъ, за время попечительства Оболенскаго (1817-1825 г. г.), по согласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, Московскій университетъ переживалъ «патріархальный періодъ». Оболенскій не давалъ касаться Московскаго университета ретивымъ экспериментаторамъ во вкусѣ Магницкаго и жизнь тамъ текла спокойно, безъ уродливыхъ ея искаженій. Кое-какіе слабые отголоски петербургскихъ вѣяній долетали и сюда, но дѣло ограничивалось лишь тѣмъ, что и въ Москвѣ въ медицинскихъ аудиторіяхъ появились надписи «врачу исцѣлися самъ» и per crucem ad lucem. И если въ пріемной для больныхъ знаменитаго профессора-медика Мудрова висѣло на стѣнѣ расписаніе, какимъ святымъ надо служить молебны для излеченія отъ той или иной болѣзни, то это было сдѣлано вовсе не по начальственному приказу, а по доброй волѣ профессора, который на самомъ дѣлѣ отличался глубокой религіозностью. Но если Оболенскій оборонялъ университетъ отъ вторженія модныхъ тогда теченій казеннаго ханжества, то при немъ прекратилось и то полезное возбудительное воздѣйствіе на прогрессъ университетской жизни, которое такъ дѣятельно оказывалъ Муравьевъ. Оболенскій пользовался общею любовью, былъ со всѣми ласковъ, привѣтливъ, но совсѣмъ не вникалъ въ ходъ университетскихъ дѣлъ. Пироговъ, вступившій въ студенты въ 1824 г., говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «попечителя Оболенскаго мы видѣли только на актѣ, разъ въ годъ, издали». Да и съ ректоромъ (Прокоповичемъ-Антонскимъ) имѣли дѣло только кутилы и забіяки. Никто ни за чѣмъ не слѣдилъ. За студентами не было никакого надзора.

Все это рѣзко перемѣнилось съ началомъ новаго царствованія, въ связи съ бунтомъ 14-го декабря 1825 года.

Вмѣсто ушедшаго Оболенскаго попечителемъ былъ присланъ въ Москву генералъ Писаревъ. До тѣхъ поръ кураторами, а потомъ попечителями назначали вельможъ, изъ которыхъ иные на самомъ дѣлѣ были, а иные старались казаться благосклонными покровителями просвѣщенія. Теперь впервые явился въ роли попечителя генералъ, который хотѣлъ управлять университетомъ такъ, какъ командуютъ фронтомъ. Правда, онъ считался литераторомъ, потому что издалъ подъ названіемъ «Калужскія вечера» сборникъ разсказовъ разныхъ писателей. Но это обстоятельство ни мало не свидѣтельствовало о его способности серьезно понять подлинное существо университета и университетской науки. Теперь попечитель то и дѣло сталъ появляться въ университетѣ, въ мундирѣ и орденахъ, шумѣлъ, кричалъ, и всю свою роль полагалъ въ наведеніи внѣшняго порядка, требовалъ отъ студентовъ стрижки волосъ, точнаго соблюденія формы и внѣшней субординаціи. Часто онъ поражалъ окружающихъ изрѣченіями, не свидѣтельствовавшими объ особенной силѣ ума. Разъ при входѣ его въ аудиторію всѣ студенты встали, кромѣ одного. «Почему не встаешь?» грозно крикнулъ Писаревъ. — «У меня нѣтъ ногъ», — отвѣтилъ студентъ, дѣйствительно не владѣвшій ногами. — «Хоть и безъ ногъ, да стой!» — подалъ реплику Писаревъ.

Легко понять, какой духъ водворился въ университетѣ при такомъ начальникѣ.

Когда въ 1828 г. на посту министра народнаго просвѣщенія Шишковъ былъ замѣненъ Ливеномъ, часть московскихъ профессоровъ стала хлопотать о томъ, чтобы избавиться отъ Писарева. Это удалось въ 1830 г. и Писарева замѣнилъ кн. С. М. Голицынъ. Тогда сразу вернулись патріархальныя времена Оболенскаго. Гончаровъ вспоминаетъ: «попечитель С. М. Голицынъ всего одинъ разъ пріѣхалъ въ университетъ, сіяя довольствомъ и добротой на лицѣ и звѣздами на мундирномъ фракѣ. Онъ весело поздоровался съ нами, присѣлъ къ профессору и поглядывалъ на насъ кротко и ласково, какъ дядя на любимыхъ племянниковъ». Сколь туманно представлялъ себѣ этотъ благодушный попечитель университетское дѣло, можно судить по тому, что онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, почему лекція не можетъ состояться, если профессоръ боленъ; онъ полагалъ, что лекцію въ такомъ случаѣ долженъ читать слѣдующій профессоръ по очереди.

Таковы были смѣны въ начальственныхъ вліяніяхъ по отношенію къ университету за 1817 - 1835 годы. Что же представлялъ собою самъ университетъ за это время?

До насъ дошелъ рядъ воспоминаній объ университетѣ двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ. Авторами этихъ воспоминаній являются незаурядные наблюдатели и цѣнители: напр., Костенецкій, Мурзакевичъ, Герценъ, Гончаровъ, Пироговъ. Сопоставляя ихъ отзывы и характеристики, приходишь къ заключенію, что послѣ подъема 1804 - 1811 г. г. теперь наступилъ извѣстный упадокъ. Однако, было бы совершенно ошибочно преувеличивать этотъ упадокъ и полагать, что въ университетѣ тогда совсѣмъ замерло движеніе мысли и идейная борьба. На самомъ дѣлѣ было далеко не такъ. Какъ разъ въ 20-хъ годахъ университетъ становится все въ большей мѣрѣ ареной броженія научныхъ, философскихъ, а затѣмъ и общественно-политическихъ идей, которое разгорается все сильнѣе къ 30-мъ годамъ и принимаетъ еще болѣе яркую форму въ 40-хъ годахъ. Впечатлѣніе упадка получается на первый взглядъ отъ того, что мемуаристы охотно и пространно говорятъ о разныхъ заживщихся на каѳедрахъ чудакахъ, своего рода окаменѣлостяхъ профессорскаго міра, которыхъ было по нѣскольку экземпляровъ на каждомъ факультетѣ и которые уже не могли дать слушателямъ ничего кромѣ забавнаго развлеченія отъ ихъ нелѣпыхъ чудачествъ. На словесномъ факультетѣ старый словесникъ Гавриловъ бормоталъ съ каѳедры что то невнятное и ежеминутно прерывалъ чтеніе, чтобы вывести изъ аудиторіи одного изъ студентовъ чужого факультета, нарочно для этого представленія являвшихся на лекцію Гаврилова. На медицинскомъ факультетѣ Котельницкій являлся на лекцію въ бланжевыхъ панталонахъ, заправленныхъ въ сапоги съ кисточками, съ кулькомъ провизіи въ одной рукѣ — прямо изъ Охотнаго ряда — и съ фармакологіей Шпренгеля въ другой рукѣ, садился на каѳедру и, звучно, съ храпомъ нюхая табакъ, начиналъ читать прямо по печатной книгѣ, по близорукости дѣлая такія ошибки: «клевещиное масло, — к и т а й ц ы придаютъ ему горькій вкусъ» и прибавлялъ: «вишь ты, китайцы придаютъ клевещиному то маслу горькій вкусъ», а въ книжкѣ стояло не к и т а й ц ы, а к о ж и ц ы. На юридическомъ (этико-политическомъ) факультетѣ Щедритскій — профессоръ всеобщей статистики—подъ громкій говоръ сту-

дентовъ что то тихо читалъ, а когда студенты вдругъ умолкали, онъ конфузился и умоляюще говорилъ: «что же это вы дѣлаете, господа? зачѣмъ замолчали?»

Читая про все это, можно подумать, что университетъ представлялъ собою въ 20-хъ г. г. какую то богадѣльню для профессорскихъ мумій. На самомъ дѣлѣ кругомъ такихъ мумій кипѣла жизнь.

На словесномъ факультетѣ уже старѣющій Мерзляковъ продолжалъ волновать аудиторію своими краснорѣчивыми нападками на все болѣе ярко распускавшійся въ литературѣ романтизмъ. Молодой Погодинъ такъ описывалъ картину лекціи Мерзлякова въ началѣ 20-хъ годовъ: аудиторія набита биткомъ, «всѣ дрожали, сердца бились, слухъ былъ напряженъ». Всѣ пришли слушать, какъ Мерзляковъ будетъ громить Байрона за «Шильонскаго узника», полнаго по мнѣнію профессора прегрѣшеній противъ здраваго смысла. Но слушая Мерзлякова, любуясь его задорными нападками на новую поэзію, молодежь вовсе уже не шла послушно за своимъ профессоромъ, молившимся старымъ богамъ литературы; молодежь восхищалась Байрономъ и даже потихоньку отъ Мерзлякова восторгалась «Русланомъ и Людмилой».

Мерзляковъ до конца жизни не переставалъ ратовать за классицизмъ. Въ 1830 г. молодой ученый Надеждинъ защищалъ диссертацію: «О происхожденіи и природѣ романтической поэзіи». Здѣсь вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ переводился на историческую точку зрѣнія, оба направленія разсматривались, какъ проявленія опредѣленныхъ стадій культуры и указывалось на то, что попытки возродить какъ античный классицизмъ, такъ и средневѣковый романтизмъ могутъ дать лишь жалкія поддѣлки. Диспутъ былъ очень оживленный. На немъ выступилъ и Мерзляковъ въ защиту вѣчнаго значенія классицизма. То была его лебединая пѣснь. Чувствовалось, что они съ Надеждинымъ говорятъ на разныхъ языкахъ. Въ томъ же году Мерзляковъ скончался.

Поклоненіе старымъ богамъ вообще выходило изъ моды. Критика традицій увлекала умы. И на нѣкоторое время кумиромъ аудиторіи сдѣлался знакомый уже намъ Каченовскій. Въ 1821 г. онъ перешелъ съ каѳедры теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи на каѳедру русской исторіи и началъ и съ каѳедры и въ печати кампанію противъ Карамзина и противъ подлинности древнерусскихъ

историческихъ памятниковъ. Каченовскій въ общемъ вовсе не былъ увлекательнымъ лекторомъ, читалъ скучно, но онъ вдругъ преображался, лишь только начиналъ опровергать какое либо общепринятое мнѣніе, тогда его щеки розовѣли, глаза искрились, голосъ звенѣлъ и аудиторія настораживалась. Каченовскій доказывалъ, что до XIII ст. Русь была такъ первобытна, что не могла имѣть ни городовъ, ни торговли, ни денежной системы и если обо всемъ этомъ говорится въ лѣтописяхъ, въ Русской Правдѣ, въ договорахъ Руси съ греками, то это означаетъ лишь то, что всѣ памятники древнѣйшаго періода русской исторіи поддѣльны и вся вытекающая изъ нихъ картина историческаго быта не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Это было для аудиторіи такъ ново, казалось такимъ смѣлымъ возстаніемъ противъ общепризнанныхъ авторитетовъ, и такъ отвѣчало долетавшимъ уже до студенчества новымъ идеямъ Нибуровой исторической критики, что Каченовскій, не обладавшій никакимъ краснорѣчіемъ, сталъ властителемъ думъ студенчества. — «Въ наше время, — пишетъ К. Аксаковъ, — любили, цѣнили и боялись при томъ чуть ли не больше всѣхъ Каченовскаго. Молодость охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе, и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ, Бодянскій съ жаромъ развивали его мысли. Я тоже былъ увлеченъ. Только впослѣдствіи увидалъ я всю несостоятельность нашего историческаго скептицизма». Въ 20-хъ годахъ ученики Каченовскаго печатали статьи въ его духѣ. На рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ эта такъ назыв. «скептическая школа» стала вызывать реакцію противъ себя. Въ 1826 г. вступилъ на каѳедру молодой Погодинъ и скоро вступилъ въ запальчивую полемику съ Каченовскимъ, отстаивая достовѣрность заподозрѣнныхъ Каченовскимъ памятниковъ. Полемика шла и съ каѳедры и въ журналахъ и осложнилась еще болѣе, когда противъ Карамзина выступилъ Полевой. По свидѣтельству Костенецкаго первыя выступленія Погодина на каѳедрѣ живо заинтересовали слушателей, а когда начались литературныя схватки между Погодинымъ и Полевымъ, слушатели Погодина пылали негодованіемъ на Полевого и даже собирались его побить. Гончаровъ, слушавшій Погодина нѣсколько позже, говоритъ, что Погодинъ читалъ монотонно и невнятно, а когда пытался вдаться въ риторику,

то чувствовалось въ этомъ нѣчто напускное и дѣланное.

Погодинъ былъ тогда при началѣ своего поприща, Каченовскій уже близился къ концу своей карьеры. Однако въ началѣ 30-хъ годовъ и Каченовскій еще не утратилъ своего одушевленія и у Гончарова находимъ великолѣпное описаніе спора, разыгравшагося между Каченовскимъ и Пушкинымъ, посѣтившимъ университетъ. Споръ шелъ о подлинности «Слова о полку Игоревѣ». Пушкинъ тихимъ голосомъ горячо отстаивалъ подлинность Слова, а Каченовскій «вонзалъ въ него свой аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ, а глаза бросали молніи сквозь очки». Однако, то были уже послѣднія вспышки. Въ 30-хъ годахъ Каченовскій лишается каѳедры русской исторіи, которая достается Погодину (до этого Погодинъ читалъ всеобщую исторію на словесномъ факультетѣ, а русскую только на этико-политическомъ), и принуждается читать то русскую словесность, то всеобщую исторію, то съ 1835 г. славянскія нарѣчія, когда онъ былъ уже дряхлъ и всѣми покинутъ. Онъ скончался въ 1842 г.

Пріемы и выводы «скептической школы» были признаны несостоятельными послѣдующей научной критикой. Но въ 20-хъ и 30-хъ годахъ возбужденная ими полемика много содѣйствовала оживленію научнаго интереса къ вопросамъ русской исторіи и среди спеціалистовъ-ученыхъ и среди широкихъ круговъ студенчества.

Эти споры о классицизмѣ и романтизмѣ и о степени первобытности внутренняго состоянія Руси на зарѣ ея исторической жизни, — захватывали тогда умы въ особенности потому, что въ концѣ концовъ разногласіе по частнымъ вопросамъ опиралось тутъ на болѣе глубокія общефилософскія проблемы. Не одна только поэтическая прелесть Байроновскихъ поэмъ, стиховъ Жуковскаго и Пушкина охлаждала вкусъ къ старымъ классическимъ авторитетамъ поэзіи и не одно только скептическое остроуміе при критикѣ текста того или иного стариннаго памятника возбуждало симпатіи слушателей къ лекціямъ Каченовскаго.

Суть дѣла заключалась въ томъ, что и новые литературные вкусы и новый подходъ къ историческому прошлому такъ или иначе примыкали къ новому философскому міровоззрѣнію, которое стало тогда завоевывать вниманіе русской интеллигенціи. Уже въ самомъ началѣ XIX ст. и затѣмъ въ 10-хъ годахъ Велланскій и Галичъ — въ Петер-

бургѣ — выступили съ популяризаціей философской системы Шеллинга. Теперь, начиная съ 20-хъ годовъ, шеллингіанство становится модным новымъ идеологическимъ направленіемъ и въ Москвѣ. Въ связи съ этимъ въ Московскомъ университетѣ разыгрался знаменательный эпизодъ, также указывающій на повышеніе умственныхъ интересовъ въ университетской средѣ той поры. Героемъ этого эпизода явился проф. Давыдовъ. Въ 1808 г. вступилъ онъ въ студенты философскаго факультета, гдѣ занимался и историко-философскими и математическими науками. Въ 1814 г. онъ получилъ степень магистра за диссертацію «О критикѣ въ древней филологіи» и въ 1815 г. степень доктора за диссертацію «О преобразованіяхъ въ наукахъ, произведенныхъ Бэкономъ». Съ 1817 г. онъ началъ читать лекціи по исторіи римской словесности. Это былъ человѣкъ способный и свѣдущій, но моральныя его качества были не высоки. Онъ всегда стремился болѣе всего къ карьернымъ успѣхамъ, при помощи угожденія вліятельнымъ лицамъ. Будучи склоннымъ, на самомъ дѣлѣ, къ эмпирическимъ воззрѣніямъ въ философіи, Давыдовъ въ 20-хъ г. г., почувствовавъ моду на шеллингіанство, вдругъ выступилъ послѣдователемъ Шеллинга. Въ дневникѣ проф. П. С. Щепкина записано подъ 26 марта 1822 г.: «Обѣдалъ у Давыдова. Онъ удивилъ меня превращеніемъ своихъ сужденій. Любивши всегда французскую философію, онъ теперь пренебрегаетъ ею. Теперь у него Шеллингъ — все». Еще въ 1821 г. по смерти Брянцева университетъ избралъ Давыдова на каѳедру философіи. Но вплоть до 1826 г. министръ Шишковъ не давалъ утвержденія на это избраніе и преподаваніе философіи прекратилось. Наконецъ въ февралѣ 1826 г. удалось получить утвержденіе отъ Шишкова. 12 мая 1826 г. была назначена первая лекція Давыдова на тему: «О возможности философіи, какъ науки».

Это возобновленіе лекцій по философіи вызвало большой интересъ въ студенчествѣ и въ обществѣ. Собралось множество слушателей. Среди нихъ находился генералъ-адъютантъ Строгановъ, присланный для ревизіи университета. Давыдовъ началъ лекцію молитвою и просилъ Бога вразумить его и дать ему вѣщее слово. Онъ сдѣлалъ все, чтобы не могло остаться сомнѣнія въ его полной благонадежности. Онъ говорилъ о несостоятельности разрозненныхъ эмпирическихъ знаній въ каждой отрасли науки, не освѣщаемыхъ обобщающимъ философскимъ принци-

помъ. Слушатели были очень заинтересованы. Лекція вышла печатной брошюрой, которую быстро раскупили. Но Строгановъ неожиданно заявилъ, что продолженіе философскихъ лекцій не разрѣшается. Лишь черезъ 10 лѣтъ съ введеніемъ новаго университетскаго устава возобновилось преподаваніе философіи. А Давыдовъ перешелъ на каѳедру математики, а съ 1832 г. на каѳедру русской словесности и очень скоро заявилъ себя благонадежнѣйшимъ профессоромъ.

Кромѣ Погодина и Давыдова заслуживаетъ упоминанія вступившій въ 1816 г. въ число университетскихъ преподавателей Иванъ Михайловичъ Снегиревъ. Съ 1816 по 1835 г. онъ преподавалъ латинскую словесность и въ тоже время получилъ извѣстность рядомъ трудовъ по русскому фольклору; таковы его работы: «Русскіе въ своихъ пословицахъ», «Русскіе праздники и суевѣрные обряды», «Лубочныя картинки», «Древности россійскаго государства», «Памятники московской древности» и мн. др.

Выше было упомянуто о Надеждинѣ. Его профессорская дѣятельность была коротка (1831 - 1835), но блестяща. Онъ читалъ лекціи по теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Гончаровъ съ увлеченіемъ отзывается въ своихъ воспоминаніяхъ о «вдохновенныхъ, горячихъ» лекціяхъ Надеждина, насыщенныхъ многообразными свѣдѣніями: «Онъ почти страстно изливалъ передъ нами сокровища знанія и расширялъ нашъ горизонтъ». Такіе же восторженные отзывы о Надеждинѣ находимъ въ воспоминаніяхъ Прозорова: «Надеждинъ принесъ на каѳедру всеобъемлемость Шеллингова воззрѣнія на искусство и свободную, живую импровизацію. Онъ умѣлъ самымъ отвлеченнымъ понятіямъ сообщить осязаемость». Его лекціи привлекали студентовъ всѣхъ факультетовъ и вызывали чрезвычайный энтузіазмъ. Бывали лекціи, когда «студенты, записывавшіе лекцію, бросали перья, чтобъ не проронить ни слова и только смотрѣли на профессора, котораго глаза горѣли огнемъ вдохновенія». Извѣстно, что профессорская дѣятельность Надеждина оборвалась навсегда, когда онъ былъ отправленъ въ административную ссылку въ Устьсысольскъ за напечатаніе «Философическихъ писемъ» Чаадаева въ издававшемся имъ журналѣ «Телескопъ». Отбывъ ссылку, уже не вернулся къ профессурѣ и жизнь его пошла по инымъ путямъ.

Итакъ, съ 1826 г. философская каѳедра въ Московскомъ университетѣ исчезла.

Но — «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно». И по изгнаніи изъ университета философской каѳедры студенты всѣхъ факультетовъ собирались слушать ясное и изящное изложеніе шеллинговой системы на лекціяхъ... физики, минералогіи и сельскаго хозяйства, которыя читались на физико-математическомъ факультетѣ убѣжденнымъ шеллингіанцемъ проф. Павловымъ. «Физикѣ,— говоритъ Герценъ, — трудно было научиться на лекціяхъ Павлова, сельскому хозяйству — невозможно». Но вмѣсто того Павловъ являлся въ то время талантливѣйшимъ популяризаторомъ шеллингіанства. «Вы хотите знать природу, — говорилъ онъ, — но что такое природа, что такое — знать?» — и начиналъ посвящать слушателей въ систему натурфилософіи. Мемуарная литература полна восторженныхъ отзывовъ о лекціяхъ Павлова, о ихъ общеобразовательномъ значеніи для тогдашняго студенчества.

Однако, шеллингіанскія увлеченія Павлова не встрѣчали сочувствія у многихъ его коллегъ по факультету, которые полагали, что натурфилософія имѣетъ мало общаго съ основами научнаго естествознанія. Такъ и на физико-математическомъ факультетѣ происходило броженіе идей, выражавшееся въ борьбѣ между эмпириками и натуръ-философами и одинъ изъ мемуаристовъ рисуетъ намъ живой споръ, возникшій на этой почвѣ при одномъ экзаменѣ между Павловымъ и Двигубскимъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Герценъ лишь для краснаго словца прибавилъ, что Павловъ не могъ ничему научить въ области сельскаго хозяйства. Ученикъ Теэра, Павловъ и въ этой области былъ свѣдущъ и оставилъ солидный трудъ по земледѣльческой химіи.

Послѣдователемъ Павлова явился ботаникъ Максимовичъ. Онъ окончилъ Московскій университетъ въ 1823 г., пройдя и словесный и физико-математическій факультеты. Ботаникой занимался у Гольдбаха и Гофмана и былъ плѣненъ лекціями Павлова. Съ 1826 по 1836 г. читалъ ботанику въ Московскомъ университетѣ, а въ 1836 г. перешелъ въ вновь открытый Кіевскій университетъ, гдѣ занялъ каѳедру русской словесности. Въ своихъ трудахъ по естествознанію, напр., «Основанія зоологіи», «Системы растительнаго царства», онъ проводилъ усвоенные у Павлова натуръ-философскіе взгляды.

Изъ другихъ профессоровъ физико-математическаго факультета особенно выдавались, начиная съ 20-хъ годовъ, два математика — Щепкинъ и Перевощиковъ. Перевощиковъ (1818 - 1851 г.) читалъ математику и астрономію и считался увлекательнымъ преподавателемъ. Лекціи Щепкина цѣнились за чрезвычайную ясность и точность изложенія.

На юридическомъ факультетѣ въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ вліятельнѣйшее положеніе занимали Цвѣтаевъ (см. выше) и Сандуновъ, съ 1811 г. замѣнившій Горюшкина по каѳедрѣ россійскаго судопроизводства. Въ сущности и тутъ сталкивались два направленія: Цвѣтаевъ выдвигалъ философско-правовыя конструкціи, а Сандуновъ не хотѣлъ знать никакихъ теорій, и сознательно отмахивался отъ нихъ. Въ сущности Сандуновъ продолжалъ традицію Горюшкина. Онъ вводилъ слушателей въ дебри судопроизводственной казуистики и, какъ это дѣлалъ и Горюшкинъ, устраивалъ постоянно со студентами примѣрныя судоговоренія, принося для этого въ аудиторію старыя судебныя дѣла. Онъ былъ прирожденный комикъ (онъ былъ родной братъ актера Сандунова) и, слушая студенческіе отвѣты, выдѣлывалъ такія шутовскія гримасы, что аудиторія покатывалась со смѣху. На балагурство и паясничество уходило у него много времени. Отъ всей его фигуры и повадокъ вѣяло глубокой патріархальной стариной.

Кромѣ Сандунова исторію русскаго права читалъ еще Смирновъ (1811 - 1834 г.). Онъ читалъ прямо по своей книгѣ «Легчайшій способъ къ познанію россійскихъ законовъ» и навѣвалъ ужасную скуку. Въ общемъ юридическій факультетъ того времени нуждался въ основательномъ освѣженіи. Часъ этого освѣженія уже приближался, какъ скоро увидимъ.

На медицинскомъ факультетѣ первенствовало созвѣздіе Лодера, Мудрова и Мухина. Лодеръ былъ уроженцемъ Риги. Онъ учился въ Германіи, былъ профессоромъ анатоміи и хирургіи въ Іенѣ и Галле, въ 1806 г. пріѣхалъ въ Россію, во время Отечественной войны управлялъ военными госпиталями. Въ 1818 г. государь купилъ у него для Московскаго университета его анатомическій кабинетъ и при университетѣ былъ тогда устроенъ анатомическій театръ, а Лодеръ, состоя лейбъ-медикомъ, принялъ на себя безвозмездно чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ

которое и продолжалъ до 1832 г. Пироговъ, учившійся у Лодера въ 20-хъ годахъ, съ большимъ уваженіемъ отзывается о его познаніяхъ.

Мухинъ и Мудровъ были врачебными знаменитостями въ тогдашней Москвѣ. О первыхъ шагахъ Мудрова мы уже говорили. Мухинъ еще студентомъ былъ взятъ въ 1787 г. изъ Харьковскаго коллегіума въ главную квартиру Потемкина и въ турецкихъ походахъ набилъ руку въ операціяхъ. Затѣмъ онъ долго работалъ въ Московскомъ Военномъ госпиталѣ и въ 1800 г. получилъ степень доктора медицины. Съ 1813 по 1835 г. онъ состоялъ профессоромъ анатоміи и хирургіи, имѣлъ большую практику и былъ на ножахъ съ Лодеромъ, возставая вообще противъ нѣмецкихъ ученыхъ. Мудровъ, имя котораго тоже гремѣло по Москвѣ, нѣмцевъ не чуждался и ладилъ съ Лодеромъ. Въ 20-хъ г. г. студенты восхищались лекціями Мудрова. Онъ увлекся тогда новымъ направленіемъ въ медицинѣ француза Бруссэ, которое вызывало много споровъ.

Таково было состояніе университетскаго преподаванія въ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ г. г. XIX ст. Многаго еще оставалось желать. Но и тогда въ университетѣ была жизнь, было движеніе и вѣяніе научныхъ интересовъ. Герценъ и Пироговъ, оба вложившіе немало ѣдкости въ свои мемуары о Московскомъ университетѣ 20 - 30 г. г., все же въ заключеніе поминаютъ его добрымъ словомъ. Герценъ пишетъ: «учились-ли мы чему нибудь, могли-ли научиться? Полагаю, что да. Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ 40-хъ г. г. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать, онъ долженъ только поставить студента въ состояніе продолжать на своихъ ногахъ. Это и дѣлали такіе профессора, какъ Павловъ и Каченовскій. Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ»...

А у Пирогова читаемъ: «у меня отъ пребыванія моего въ Московскомъ университетѣ вмѣстѣ съ курьезами разнаго рода остались впечатлѣнія, глубоко, на всю жизнь врѣзавшіяся въ душу и давшія ей извѣстное направленіе на всю жизнь. Лекціи Лодера поселили во мнѣ желаніе заниматься анатоміей».

Въ 1828 г. была принята важная мѣра: былъ образованъ такъ назыв. «профессорскій институтъ». Изъ разныхъ университетовъ были вызваны подающіе надежды молодые люди, желающіе готовиться къ профессорскому

званію. Ихъ отправили предварительно въ Дерптъ, а потомъ — за границу. Эта мѣра принесла блестящіе плоды, какъ скоро увидимъ.

II.

Учащихся въ университетѣ было — въ 1822 - 23 г. — 695, въ 1823 - 24 г. — 768, въ 1824 - 25 г. — 800, въ 1825 - 26 г. — 876. Они принадлежали ко всѣмъ сословіямъ. Съ конца 20-хъ и съ начала 30-хъ годовъ сталъ замѣтенъ большій приливъ въ университетъ студентовъ изъ дворянскихъ семействъ, нежели это было ранѣе. Но въ университетскихъ аудиторіяхъ всѣ студенты сливались въ общую массу. «Пестрая молодежь, — говоритъ Герценъ объ этихъ годахъ, — пришедшая сверху и снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества... и студентъ, который бы вздумалъ хвастаться бѣлой костью, былъ бы отлученъ отъ воды и огня». — «Въ университетъ, какъ въ общій резервуаръ, вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, — говоритъ далѣе Герценъ, — въ его залахъ они очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собою и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея».

Совершенно ошибочно было бы представлять себѣ студенчество тѣхъ временъ сплошнымъ собраніемъ богатенькихъ дворянскихъ маменькиныхъ сынковъ. Много тамъ было бѣдняковъ изъ всѣхъ слоевъ населенія. Многіе своекоштные студенты имѣли одну шинель на пятерыхъ.

Впрочемъ наперерѣзъ этому важному процессу соціальной нивеллировки, творимому университетомъ, выдвинута была одна мѣра, содѣйствовавшая нѣкоторому обособленію дворянскихъ элементовъ студенчества. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, что въ концѣ XVIII ст. кураторъ Херасковъ завелъ при университетѣ «Благородный пансіонъ», куда принимались только дворяне. Этотъ пансіонъ привился и получилъ большое развитіе въ началѣ XIX ст. Здѣсь надо сказать объ одномъ видномъ университетскомъ дѣятелѣ тѣхъ временъ — профессорѣ Прокоповичѣ-Антонскомъ. Онъ еще съ 1788 г. сталъ профессоромъ естественныхъ наукъ, но мы о немъ до сихъ поръ не упоминали, такъ какъ въ исторіи университета роль его важна не столько со стороны его научно-преподаватель-

ской дѣятельности, сколько со стороны административной — онъ долго былъ ректоромъ, — и педагогической:—онъ безсмѣнно состоялъ инспекторомъ Благороднаго пансіона до 1818 г., когда сталъ его директоромъ. Исторія этого пансіона какъ бы слилась съ личностью Прокоповича-Антонскаго. Пансіонъ сыгралъ важную роль въ исторіи воспитанія дворянскаго юношества въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Пансіонъ какъ-то сразу сталъ удачно прививать къ своимъ питомцамъ духъ товарищества и серьезные литературные интересы. Среди его воспитанниковъ находимъ рядъ именъ, получившихъ затѣмъ литературную извѣстность, назовемъ, напр., — Озерова, Кайсарова, Воейкова, Жуковскаго, Дашкова, Милонова, Писарева, Шевырева, Строева, Александра Тургенева, кн. Влад. Одоевскаго. Хотя пансіонъ съ самаго начала былъ учрежденъ, какъ сословно-дворянское учебно-воспитательное заведеніе, но до 1818 г. это было заведеніе, подготовлявшее молодыхъ людей къ университету и, слѣдовательно, замѣнявшее для своихъ питомцевъ лишь гимназію, а гимназіи вѣдь также дѣлились тогда на дворянскую и разночинскую. Но съ 1818 г. пансіону былъ приданъ иной характеръ. Онъ сталъ дублировать не гимназію, а самый университетъ ;къ нему были присоединены высшіе классы, гдѣ лучшіе профессора читали свои университетскіе курсы. Это было уже нѣчто вродѣ дворянскаго отдѣленія при университетѣ для тѣхъ, кто сторонился отъ разночиннаго университета. Въ такомъ видѣ пансіонъ просуществовалъ до 1830 г., когда онъ былъ преобразованъ въ гимназію на общихъ началахъ. Преобразованіе это было вызвано тѣмъ, что правительство было недовольно «духомъ» заведенія, гдѣ среди воспитанниковъ сталъ проявляться усиленный интересъ къ новой нѣмецкой философіи (шеллингіанство), а также и тѣмъ, что съ 1818 г., когда при престарѣломъ уже директорѣ Антонскомъ инспекторомъ сталъ Давыдовъ, тамъ завелись злоупотребленія въ управленіи и пошла молва о взяткахъ съ богатыхъ родителей.

По согласному отзыву всѣхъ мемуаристовъ наибольшая часть студенчества 10-хъ и 20-хъ г. г. представляла собой совсѣмъ зеленую молодежь. Это были почти мальчики и вели они себя въ аудиторіяхъ по мальчишески, устраивая совсѣмъ дѣтскія забавныя издѣвательства надъ тѣми престарѣлыми профессорами, которые подавали къ тому поводъ своими чудачествами и пустотою своего пре-

подаванія. Даже тогдашнія такъ называемыя «студенческія исторіи», т. е. шумныя массовыя демонстраціи, принимавшіяся властями всерьезъ, были в ъсущности такими же чисто школьническими эксцессами. Такъ, надѣлала тогда шуму такъ называемая «Маловская исторія», о которой даже принято упоминать въ очеркахъ по исторіи общественныхъ движеній. Въ сущности она совсѣмъ не заслуживаетъ такой чести. Маловъ былъ съ 1819 г. адъюнктомъ при проф. Цвѣтаевѣ и читалъ курсы по разнымъ юридическимъ предметамъ. Лекціи его были весьма жидки и пусты, а человѣкъ онъ былъ весьма несимпатичный, тщеславный и надутый, а передъ сильными искательный и подобострастный. Студенты относились къ нему презрительно. Въ 1830 г. и разыгралась съ нимъ исторія. Возмущенные рѣзкимъ замѣчаніемъ Малова, котораго студенты изводили шумомъ во время лекціи, студенты рѣшили ему отомстить, стали заглушать его рѣчь топаньемъ ногъ, а, когда онъ сдѣлалъ новое вызывающее замѣчаніе, стали кричать «вонъ». Маловъ бѣжалъ изъ университета, а студенты провожали его и по улицамъ криками и бранью. Вотъ и вся исторія. Но всполошились власти, дѣло дошло до III-го Отдѣленія. Въ концѣ концовъ Маловъ оставилъ университетъ. Говорили, будто бы Маловъ подалъ заявленіе о томъ, что студенты учинили эту демонстрацію, когда онъ читалъ о монархической власти. Теперь выяснено документально, что такого доноса Маловъ не дѣлалъ; если бы онъ поступилъ такъ, дѣло, конечно, обернулось бы гораздо круче. Итакъ, никакой серьезной общественной подкладки тутъ не было, была — самая элементарная школьная исторія.

Въ общемъ же отношенія между профессорами и студентами были весьма патріархальны. Большинство профессоровъ говорили студентамъ «ты», а Мудровъ еще прибавлялъ: «ты, душа». Профессора острили при смѣхѣ аудиторіи надъ наружностью отдѣльныхъ студентовъ и т. п. А профессоръ Сандуновъ говорилъ неудачно отвѣчавшимъ студентамъ: — «Эхъ, вы — Ерусланы Лазаревичи, гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало, передъ кармазинный, а задъ крашенинный» и при этомъ сильно ударялъ по кабедрѣ табакеркой. Много было старомодно-смѣшного въ тогдашнихъ нравахъ. У одного профессора передъ началомъ лекціи такъ называемый «репетиторъ» читалъ краткое резюме предшествующей лекціи. При этомъ каждый

разъ повторялась, какъ по нотамъ, одна и та же сцена. Репетиторъ говорилъ: «въ прошедшей лекціи такого то числа господинъ профессоръ такой-то — надворный совѣтникъ и кавалеръ излагалъ то-то и то-то». Профессоръ непремѣнно прерывалъ замѣчаніемъ: «я точно надворный совѣтникъ, но не кавалеръ» и репетиторъ неизмѣнно отвѣтствовалъ: «какъ же, у васъ есть медаль за 1812-й годъ на владимірской лентѣ». Охотники до смѣха собирались на эту комедію со всѣхъ факультетовъ.

Однако, уже въ 20-хъ годахъ въ студенчествѣ стали обнаруживаться и болѣе зрѣлыя и серьезныя теченія. Уже въ это время нарождается явленіе, получившее затѣмъ сильное дальнѣйшее развитіе. Среди студенчества возникаютъ философскіе кружки. Такъ, будущій авторъ «Русскихъ ночей», кн. В. Ѳ. Одоевскій образовалъ съ другими студентами «Общество любомудрія», задавшееся цѣлью изучать и пропагандировать систему Шеллинга. Послѣ 14 декабря 1825 г. члены Общества сами закрыли его и торжественно сожгли его протоколы. Но молодые шеллингисты продолжали собираться на дому у Одоевскаго. Тутъ бывали Веневитиновъ, Кошелевъ, Кюхельбекеръ, братья Кирѣевскіе, ботаникъ Максимовичъ, Шевыревъ. Кружокъ этотъ выпустилъ 4 книжки альманаха М н е м о з и н а, гдѣ, между прочимъ, и проф. Павловъ помѣстилъ статью съ изложеніемъ усвоенныхъ имъ шеллингистскихъ взглядовъ.

Начинали проявляться и политическіе интересы среди студенчества. Такъ называемое «Сунгуровское дѣло», изъза котораго пострадали нѣкоторые студенты (Костенецкій), показываетъ, что около студенческой молодежи похаживали провокаторы, стараясь уловить юношей, не чуждыхъ культу героевъ «14 декабря». А въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, — по свидѣтельству Герцена о его студенческихъ годахъ, — теоретическіе интересы уже у многихъ студентовъ соединялись съ «гражданскими чувствами», запрещенные стихи ходили по рукамъ, «запрещенныя книги читались съ комментаріями». Все это были явленія, показывавшія, что студенческая молодежь стояла уже на рубежѣ отходившаго въ прошлое патріархальнаго университетскаго періода. Студенчество начинало становиться частью общественности.

ГЛАВА V.

Обновленіе университета въ 30 - 40-хъ г. г. XIX ст.

I.

Еще въ 1826 г. былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ министра народн. просвѣщенія (Шишкова) «Особый Комитетъ устройства учебныхъ заведеній» въ составѣ членовъ: Ливена, Сперанскаго, Ламберта, Уварова, Сиверса, Шторха, Перовскаго и Строганова. Комитету было поручено выработать проектъ новаго университетскаго устава.

Десять лѣтъ ушло на эту работу. Она началась при министрѣ Шишковѣ, продолжалась при преемникѣ Шишкова генералѣ Ливенѣ (1828 - 1833 г. г.) и была завершена уже при министрѣ Уваровѣ. Новый уставъ былъ опубликованъ и введенъ въ дѣйствіе 26 іюля 1835 г. Двѣ тенденціи были положены въ его основу: 1) расширеніе университетскаго преподаванія и 2) ограниченіе университетской автономіи. Общее положеніе университета кореннымъ образомъ было измѣнено въ связи съ измѣненіемъ всей схемы учебныхъ заведеній. Университетъ пересталъ быть главою низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній учебнаго округа. Единая сплошная цѣпь учебныхъ заведеній была уничтожена. Теперь и низшія и среднія и высшія учебныя заведенія одинаково были поставлены въ непосредственное подчиненіе попечителю округа и министру. Такъ, съ университета были сняты административныя функціи по завѣдыванію средними и низшими учебными заведеніями. Университетъ сталъ исключительно — высшимъ ученоучебнымъ учрежденіемъ. Умножено было число каѳедръ: съ 28 до 35. Установленъ 4-хъ годичный курсъ ученія, а для медицинскаго факультета — 5-ти годичный. Философскій факультетъ раздѣленъ уже на 3 отдѣленія — словесное, математическое и естественныхъ наукъ, ранѣе соединенное съ математическимъ. Преподаваніе богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія, — ранѣе принадлежавшее къ этико-политическому факультету, сдѣлано общефакультетскимъ. На словесномъ отдѣленіи учреждена новая каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. На факультетахъ юридическомъ (этико-полити-

ческомъ) и медицинскомъ увеличено число каѳедръ и тѣмъ усилено разграниченіе преподаванія по спеціальностямъ. Повышены оклады жалованья профессорамъ.

Все это могло пойти на пользу преподаванія. Но одновременно съ этимъ новый уставъ ограничивалъ университетское самоуправленіе.

Попечитель изъ опекуна университета теперь былъ превращенъ въ его прямого начальника. Совѣтъ профессоровъ былъ поставленъ въ непосредственное подчиненіе попечителю, при чемъ вся хозяйственная часть отошла къ Правленію. Ректоръ и деканы остались выборными, но срокъ ихъ полномочій удлиненъ съ одного года до четырехъ. Судебныя функціи съ университета снимались. Наблюденіе за студентами, ранѣе порученное профессорамъ (эферы), теперь ввѣрялось вновь созданному должностному органу: «инспектору студентовъ», который назначался изъ постороннихъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ.

Таковы были перемѣны, внесенныя въ положеніе университетовъ уставомъ 1835 г. Онѣ могли повести къ значительному стѣсненію дѣятельности университета. Къ счастью для Московскаго университета попечителемъ Московскаго учебнаго округа въ 1835 г. былъ назначенъ гр. Серг. Григ. Строгановъ, который и пробылъ на этомъ посту до ноября 1847 г. Выше было сказано о томъ, какъ Строгановъ, ревизуя Московскій университетъ, содѣйствовалъ прекращенію лекцій Давыдова по философіи. Однако, ставъ попечителемъ, Строгановъ оказался просвѣщеннѣйшимъ администраторомъ и своими горячими заботами о благосостояніи университета продолжалъ дѣло М. Н. Муравьева. Съ наружными повадками высокопоставленнаго вельможи Строгановъ соединялъ умѣнье входить въ тѣсное общеніе съ тѣми людьми науки, въ которыхъ онъ видѣлъ ученыя достоинства, знаніе, талантъ и истинную преданность дѣлу просвѣщенія. Къ той профессорской молодежи, которая появилась теперь на каѳедрахъ, и представляла собою новое поколѣніе университетскихъ дѣятелей, Строгановъ отнесся съ глубокой симпатіей и неизмѣнно оказывалъ ей поддержку, обороняя ее и отъ интригъ, возникавшихъ въ самой профессорской средѣ, и отъ непріятностей, порою грозившихъ отъ высшаго начальства. Этимъ дружнымъ взаимодѣйствіемъ просвѣщеннаго и благожелательнаго попечителя и молодыхъ талант-

ливыхъ и широкомыслящихъ профессоровъ и былъ достигнутъ блестящій расцвѣтъ Московскаго университета въ десятилѣтіе 1835 - 1847 г., которое такъ и было прозвано «Строгановскимъ десятилѣтіемъ».

Интенсивный притокъ въ университетъ свѣжихъ профессорскихъ силъ за 1832 - 1848 г. г. выразился въ томъ, что за эти годы на каѳедрахъ появилось 66 новыхъ профессоровъ. Любопытно, что эти поступленія распредѣляются ровно поровну между 30-ми и 40-ми годами, за 1832-1839 г. г. поступило 33 новыхъ профессора и за 1840 - 1848 тоже — 33. — Въ 30-хъ годахъ закончили заграничныя командировки посланные за границу отъ «профессорскаго института» и Строгановъ встрѣтилъ ихъ съ открытыми объятіями; въ теченіе 30-хъ г. г. командировки еще продолжались и дали къ 40-мъ г. г. новыхъ молодыхъ профессоровъ, кромѣ того Строгановъ привлекалъ на каѳедры подходящихъ людей отовсюду, гдѣ они объявлялись.

Изъ этихъ, 66 новыхъ профессоровъ — приходится: 17 — спеціалистовъ по исторіи, филологіи, философіи, 15 — представителей юридическихъ наукъ, 9 — спеціалистовъ по естествознанію и 25 медиковъ.

Упомянемъ о наиболѣе выдающихся профессорахъ каждой изъ этихъ категорій.

Серія пріобрѣтеній словеснаго факультета открылась С. П. Шевыревымъ. Онъ родился въ 1806 г., съ 1818 по 1822 г. учился въ Благородномъ пансіонѣ (онъ происходилъ изъ дворянъ Саратовской губ.). Въ университетъ онъ поступить не могъ по нѣкоторымъ формальнымъ причинамъ, но усердно посѣщалъ лекціи Мерзлякова, Давыдова, Каченовскаго и сошелся съ кружкомъ шеллингіанцевъ въ домѣ Одоевскаго, переводилъ книгу Тика «объ искусствѣ и художникахъ» и въ то же время усиленно работалъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина. Въ 1829 г. онъ уѣхалъ въ Италію въ качествѣ учителя сына Зинаиды Волконской и оставался тамъ до 1832 г., съ увлеченіемъ занимаясь изученіемъ памятниковъ искусства, сочиненій Винкельмана, Лессинга и исторіей поэзіи. Тамъ же написалъ онъ изслѣдованіе «О возможности ввести итальянскую октаву въ русское стихотвореніе», обратившее на себя общее вниманіе. По возвращеніи его въ Россію, министръ Уваровъ предложилъ ему каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Въ 1833 г. онъ открылъ свои чтенія по исторіи поэзіи индійцевъ и евреевъ. Эти лекціи заинтересовали студентовъ обиліемъ

новыхъ для нихъ фактовъ и изысканной отдѣлкой изложенія. Скоро, однако, аудиторія почувствовала въ Шевыревѣ напыщеннаго ритора и когда онъ дѣлалъ видъ, что волненіе мѣшаетъ ему продолжать рѣчь, никто не вѣрилъ его искренности. Послѣдующіе свои курсы онъ посвящалъ всего чаще исторіи русской словесности древняго періода и въ 1845 - 1860 г. г. онъ издалъ эти свои чтенія въ четырехъ томахъ. Для своего времени это было полезное пособіе по подбору фактовъ, но и здѣсь въ чрезмѣрной дозѣ преподносилась напыщенная риторика. Въ40 - 50-хъ годахъ Шевыревъ явился представителемъ шовинистическаго національнализма. Это онъ пустилъ крылатое словцо о «гніеніи Запада». Воюя съ «западниками», онъ былъ далекъ и отъ «славянофиловъ», не раздѣляя ихъ склонности къ свободному народному самоопредѣленію. Вмѣстѣ съ Погодинымъ и Давыдовымъ онъ былъ представителемъ провозглашенной Уваровымъ «оффиціальной народности», служилъ оффиціальному правительственному курсу, принадлежа къ той «уваровской» группѣ профессоровъ, которая сторонилась отъ группы «строгановской». Онъ проводилъ свои идеи на каѳедрѣ, какъ профессоръ, и въ журналистикѣ, какъ литературный критикъ и публицистъ. Онъ дѣятельно участвовалъ въ тогдашнихъ литературныхъ схваткахъ и часто служилъ мишенью для ѣдкихъ нападокъ Бѣлинскаго. Крайне самолюбивый, и заносчивый, не обладавшій вкусомъ и чувствомъ мѣры, онъ въ 1857 г. неожиданно испортилъ свою карьеру, затѣявъ на одномъ вечерѣ рѣзкій споръ съ гр. Бобринскимъ, закончившійся дракой. Послѣ этого Шевыревъ уѣхалъ за границу. Во Флоренціи и въ Парижѣ читалъ публичные курсы о русской литературѣ и уже не возвращаясь въ Россію, скончался въ Парижѣ въ 1864 г.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, напыщенномъ педантизмѣ и велерѣчіи, онъ все же приносилъ своимъ университетскимъ слушателямъ извѣстную пользу, выдвигая историческую основу въ изученіи литературы и этимъ дѣлая несомнѣнный шагъ впередъ сравнительно съ Мерзляковымъ и Давыдовымъ.

Въ 1835 г. вступилъ на каѳедру одинъ изъ замѣчательныхъ профессоровъ того времени — Д. Л. Крюковъ. Онъ былъ вызванъ въ «профессорскій институтъ» изъ Казанскаго университета, но по возвращеніи его изъ-за границы гр. Строгановъ такъ плѣнился одной его лекціей,

что уговорилъ его предпочесть Казани Москву. Крюковъ читалъ курсы по римской словесности и по римскимъ древностямъ. Это былъ элегантный профессоръ во всѣхъ смыслахъ слова. Студенты такъ его и звали: vir elegantissimus. Превосходно владѣя своимъ предметомъ, стоя на уровнѣ европейской науки, Крюковъ облекалъ свои лекціи въ удивительно изящную форму и читалъ ихъ звучнымъ, музыкальнымъ голосомъ. Онъ не отпускалъ риторно-напыщенныхъ фразъ, какъ Давыдовъ и Шевыревъ. Во всемъ соблюдалъ онъ строго-художественную мѣру. Его изящныя лекціи были полны содержанія: «онъ вспахалъ наши умы», говоритъ о немъ Соловьевъ, слушавшій его курсы въ качествѣ студента. Спеціально занимался онъ Тацитомъ и религіозными древностями Рима. Но его познанія въ античной исторіи и литературѣ были очень обширны и, можно сказать, что онъ первый читалъ въ Московскомъ университетѣ научную исторію древняго Рима.

По силѣ впечатлѣнія отъ его лекцій Крюковъ раздѣлялъ лавры Грановскаго, съ которымъ его связывала тѣсная дружба. Только въ отличіе отъ Грановскаго отъ изящныхъ лекцій Крюкова вѣяло холодомъ мраморныхъ изваяній. Не было той внутренней теплоты, которою было согрѣто все, что исходило отъ Грановскаго. Крюковъ скончался въ 1845 г.

Въ 1839 г. совершилось одно изъ крупнѣйшихъ событій въ исторіи Московскаго университета—на каѳедрѣ появился Грановскій.

Въ русскомъ общественномъ сознаніи имя Грановскаго стало какъ бы символомъ возвышенно-гуманизирующаго значенія университетской науки. Часто университетъ называютъ храмомъ науки. Лучшій способъ вскрыть глубокій внутренній смыслъ этого затасканнаго выраженія, — это: внимательно вникнуть въ ходъ профессорской дѣятельности Грановскаго.

Окончивъ юридическій факультетъ Петербургскаго университета въ 1835 г., Грановскій со скудными средствами, безъ опредѣленныхъ жизненныхъ перспективъ, прозябалъ на службѣ въ одной изъ канцелярій и пописывалъ небольшія статьи въ журналахъ. Онѣ то и обратили на молодого человѣка вниманіе профессоровъ и литераторовъ. Какимъ то путемъ его узналъ гр. Строгановъ, только что назначенный Московскимъ попечителемъ и угадалъ въ немъ будущаго замѣчательнаго профессора. Одинъ уже этотъ фактъ

даетъ Строганову безсмертіе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Строгановъ предложилъ Грановскому стипендію отъ «профессорскаго института» для поѣздки за границу и подготовки къ профессурѣ. Это значило открыть Грановскому путь къ его истинному природному призванію. Въ 1836 - 39 г. г. Грановскій пробылъ за границей, преимущественно въ Берлинѣ. Здѣсь въ общеніи съ Невѣровымъ, Тургеневымъ, Станкевичемъ онъ погрузился въ изученіе Гегеля и на всю жизнь гегелева система сдѣлалась основою его научно-историческихъ воззрѣній. Однако, онъ разбирался самостоятельно въ выводахъ, которые могли быть извлекаемы изъ этой системы и остался совсѣмъ чуждъ той идеализаціи разумности дѣйствительности, чрезъ которую прошли въ пору увлеченія Гегелемъ Бакунинъ и Бѣлинскій. Точно также глубокій интересъ къ «исторической школѣ» Савиньи нисколько не умалилъ въ глазахъ Грановскаго высокаго значенія творческой силы личности въ историческомъ процессѣ. Именно эта высокая оцѣнка человѣческой личности привлекала вниманіе Грановскаго къ лекціямъ географа Риттера, въ которыхъ такъ ярко раскрывалось вліяніе человѣка на природу. А живой и конкретный историческій прагматизмъ очаровывалъ его въ лекціяхъ Ранке. Съ 1839 г. началась дѣятельность Грановскаго въ Московскомъ университетѣ. Спеціалиста-изслѣдователя не вышло изъ Грановскаго. Небольшими двумя монографіями, написанными въ качествѣ диссертацій, —«Юлинъ, Іомсбургъ и Винета» (1845 г.) и «Аббатъ Сугерій» (1849 г.), ограничились результаты его монографическихъ изслѣдованій. Но Грановскій явился геніальнымъ профессоромъ на каѳедрѣ . Слушавшій его впервые въ первыя минуты испытывалъ разочарованіе, и ему казалось, что у прославленнаго лектора нѣтъ никакихъ данныхъ для преподаванія съ каѳедры. Грановскій говорилъ очень тихимъ голосомъ, пришепетывалъ, глоталъ слова, — но, черезъ нѣсколько минутъ слушатель уже не могъ оторваться отъ лившейся съ каѳедры рѣчи, очарованный раскрывающимися передъ нимъ широкими перспективами историческаго развитія, яркими картинами историческихъ эпохъ и какимъ-то прямо не выражаемымъ, но ясно сквозящимъ во всемъ построеніи лекціи просвѣтленнымъ и одушевленнымъ указаніемъ на нравственное достоинство человѣческой личности въ ея борьбѣ за идеалы правды, добра и справедливости. Въ чемъ была сила краснорѣчія

Грановскаго? Онъ совершенно чуждался щегольской, отточенной фразы, пышныхъ ораторскихъ фіоритуръ. Его рѣчь была скромна въ своей художественной простотѣ. Никогда не слышалось въ его изложеніи и нарочитыхъ намековъ на его политическія симпатіи. И тѣмъ не менѣе его лекціи производили неотразимое впечатлѣніе и силою возбуждающаго дѣйствія на мысль, расширявшаго умственный горизонтъ слушателей, и силою какого-то облагораживающаго, очистительнаго вліянія на нравственное чувство и сознаніе внимающихъ ему людей. Объяснялось это тѣмъ, что Грановскій вкладывалъ въ свое яркое художественное изложеніе тѣ подлинныя, завѣтныя свои убѣжденія, которыми было исполнено его существо. А убѣжденія эти сводились къ тому положенію, что процессъ исторіи состоитъ «въ разложеніи массъ мыслью», ибо «массы коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность». Такимъ образомъ изображеніе историческихъ судебъ человѣчества само собою соединялось съ призывомъ къ творческимъ усиліямъ личности на общее благо и закономѣрность всемірно-историческаго процесса оказывалась совпадающей съ стремленіемъ человѣчества къ достиженію высшей нравственной цѣли. Въ этомъ то смыслѣ Герценъ и сказалъ, что Грановскій «думалъ исторіей, чувствовалъ исторіей и исторіей дѣлалъ пропаганду». И болѣе всего благодаря Грановскому Московскій университетъ сдѣлался въ 40-хъ годахъ средоточіемъ умственнаго и общественнаго движенія, охватившаго передовые общественные круги. Отнюдь не всѣ участники этого движенія раздѣляли идеалы Грановскаго. Онъ вовсе не поднимался надъ тогдашними партіями на какую-то безстрастную высоту, и при всей своей умиротворяющей мягкости, самъ велъ опредѣленную «западническую» линію въ тогдашней идейной борьбѣ. Но обаяніе его таланта и его благородной искренности плѣняло даже его противниковъ и, крѣпко связанный съ одной изъ боровшихся группъ, Грановскій въ то же время, какъ то незамѣтно для себя и для другихъ, сталъ центральной личностью для всѣхъ, кто во взаимныхъ спорахъ и пререканіяхъ стремился тогда къ отысканію истины. Великимъ блескомъ озарился въ ту пору университетъ отъ дѣятельности Грановскаго и мы еще увидимъ, какъ именно въ стѣ-

нахъ университета разыгрывались тогда яркіе эпизоды общественнаго движенія 40-хъ годовъ.

Съ 1845 г. началась многолѣтняя блистательная дѣятельность С. М. Соловьева. Онъ родился въ 1820 г. Въ 1838 - 42 г. г. проходилъ университетскій курсъ и, хотя формально и явился преемникомъ по каѳедрѣ Погодина, но вовсе не Погодинъ, а Крюковъ и Грановскій увлекали его, когда онъ уже на студенческой скамьѣ чувствовалъ себя призваннымъ къ занятіямъ исторической наукой. Въ 1842 - 44 годахъ онъ путешествовалъ по Европѣ съ семьею Строганова, слушалъ знаменитыхъ профессоровъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Парижѣ, посѣтилъ и славянскія страны, а въ Прагѣ познакомился съ Палацкимъ, Шафарикомъ и Ганкой. Въ 1845 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» и въ 1847 г. — защитилъ докторскую диссертацію — «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». То были изслѣдованія, указывавшія на то, что молодой профессоръ былъ предназначенъ поставить науку русской исторіи на новые рельсы, поднять ее на истинную научную высоту, передъ которой знаменитая «Исторія» Карамзина могла сохранить значеніе лишь литературнаго явленія, а труды предшественниковъ Соловьева на каѳедрѣ — Каченовскаго и Погодина— оказывались лишь разрозненными подготовительными работами, основанными на устарѣвшихъ методахъ. Исходя отъ книги Эверса, Соловьевъ примѣнилъ теорію родового быта къ объясненію отношеній между русскими князьями X - XIII в. в. и для того времени это было крупное открытіе, озарявшее новымъ свѣтомъ историческій процессъ. Конечно, теорія родового быта сама по себѣ въ томъ видѣ, какъ ее примѣнилъ Соловьевъ къ фактамъ древней русской исторіи, не удержалась въ наукѣ въ послѣдующія десятилѣтія, но значеніе этихъ трудовъ Соловьева было глубже: въ нихъ впервые въ русской исторической литературѣ раскрывался на фактахъ русской исторіи органическій характеръ историческаго процесса, органическая связь историческихъ явленій.

Тотчасъ по окончаніи докторской диссертаціи Соловьевъ приступилъ къ тому колоссальному труду, который сталъ затѣмъ дѣломъ всей его жизни и составилъ эпоху въ русской историографіи. Въ 1851 г. появился въ свѣтъ первый томъ его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ вре-

менъ». И затѣмъ вплоть до кончины историка въ 1879 г. аккуратно каждый годъ выходило по тому. Пока мы стоимъ еще у самаго истока этой безпримѣрной въ лѣтописяхъ русской науки громадной ученой производительности Соловьева. Импозантная фигура Соловьева осѣняетъ затѣмъ Московскій университетъ въ теченіе трехъ съ лишнимъ десятилѣтій.

Въ 1847 г. Грановскій имѣлъ счастье увидѣть на каѳедрѣ достойнаго продолжателя своего дѣла. Въ этомъ году началась профессорская дѣятельность П. Н. Кудрявцева. Рано оборвалась она. Уже въ 1858 г. смерть скосила талантливѣйшаго профессора. Но за эти десять лѣтъ Кудрявцевъ успѣлъ занять такое положеніе, что его имя осталось неотдѣлимымъ отъ имени его учителя — Грановскаго въ исторіи университета. Многое связывало ихъ, въ многомъ выражалось сродство ихъ научныхъ воззрѣній, ихъ морально-общественныхъ идеаловъ, ихъ умственнаго склада и пріемовъ воздѣйствія на аудиторію. Кудрявцевъ благоговѣлъ передъ Грановскимъ и, вовсе не подражая ему рабски, прокладывая собственные пути, онъ достойно поддерживалъ традиціи каѳедры, созданной Грановскимъ.

Подобно Грановскому Кудрявцевъ былъ лекторомъ-художникомъ, и въ направленіи своихъ научно-историческихъ интересовъ слѣдовалъ въ значительной мѣрѣ своимъ нравственнымъ идеаламъ. Но онъ обнаруживалъ уже большую склонность къ детальному, дробному изученію историческихъ явленій, элементъ монографическаго изслѣдованія занималъ большее мѣсто въ его книгахъ и въ его лекціяхъ и особенное мастерство проявлялъ онъ въ детальномъ психологическомъ анализѣ при изученіи историческихъ дѣятелей. Такъ въ его курсѣ по исторіи реформаціи выдавался мастерскій анализъ личности Лютера. Тонкій психологическій анализъ составлялъ особенность и тѣхъ художественныхъ повѣстей, которыя онъ писалъ временами и которыя были привѣтствованы Бѣлинскимъ. Главными научными печатными его трудами были — «Судьбы Италіи», «Карлъ V», «Дантъ, его вѣкъ и жизнь», «Римскія женщины». Всего на три года пережилъ онъ Грановскаго. Эти два имени остались неразрывными въ памяти послѣдующихъ поколѣній такъ же, какъ ихъ всегда соединяли вмѣстѣ ихъ современники.

Къ серьезнымъ силамъ словеснаго факультета въ тѣ го-

ды принадлежали недолго остававшіеся на каѳедрахъ Ефремовъ (1843 - 46 г.),—географъ, ученикъ Риттера, и Катковъ, съ 1845 - 1851 г., читавшій лекціи по философіи, а затѣмъ навсегда распростившійся съ каѳедрой и отдавшійся журналистикѣ.

Намъ остается упомянуть еще нѣсколько именъ выдающихся ученыхъ, въ 40-хъ годахъ стоявшихъ при началѣ своего поприща, впослѣдствіи развернувшагося широко, о чемъ еще предстоитъ говорить въ послѣдующемъ изложеніи.

Въ 1842 г. возвратился изъ командировки по славянскимъ странамъ Бодянскій, кончившій Московскій университетъ въ 1834 г., и занялъ каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. До 1877 г. продолжалась его дѣятельность, въ теченіе которой онъ издалъ большое количество историческихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Россіи и остального славянства. Въ 1848 г. надъ нимъ стряслась бѣда. Онъ напечаталъ переводъ сочиненія о Россіи Флетчера. Хотя это сочиненіе и относится къ древнимъ временамъ Московскаго царства и по содержанію и по времени своего появленія, но ѣдкая критика русскихъ порядковъ XVI столѣтія, выдвинутая Флетчеромъ, встревожила цензуру 40-хъ годовъ XIX в., и Бодянскаго подвергли административной карѣ: переводу изъ Московскаго университета въ Казанскій, откуда на мѣсто Бодянскаго въ Москву былъ переведенъ казанскій профессоръ Григоровичъ. Однако, Бодянскій въ Казань не поѣхалъ и совсѣмъ отстранился отъ профессуры, уйдя въ отставку. Черезъ годъ гроза миновала, Бодянскій былъ возстановленъ на своей каѳедрѣ, а Григоровичъ отправился обратно въ Казань. Въ 1848 г. Бодянскій перевелъ на русскій языкъ «Славянскія древности» Шафарика въ пяти книгахъ.

Въ 1842 г. началась университетская дѣятельность Буслаева, чье имя стало вскорѣ украшеніемъ русской науки. Окончивъ Московскій университетъ въ 1838 г., Буслаевъ отправился на два года за границу съ семьей гр. Уварова, а съ 1842 г. опредѣленъ помошникомъ Давыдова и Шевырева по занятіямъ со студентами. Увлеченный «Грамматикой нѣмецкаго языка» Якова Гримма, Буслаевъ посвятилъ себя изученію исторіи русскаго языка. Въ 1844 г. онъ уже издалъ въ двухъ томахъ выдающееся сочиненіе: «О преподаваніи отечественнаго языка», которое сразу обнаружило, что въ лицѣ Буслаева народилась новая круп-

ная научная величина. Съ 1847 г. онъ началъ читать лекціи по исторіи русскаго языка и словесности, а въ 1848 г. получилъ степень магистра за диссертацію: «О вліяніи христіанства на славянскіе языки. Опытъ исторіи языка по Остромирову евангелію». Это былъ замѣчательный опытъ историческаго изученія языка въ связи съ ходомъ культурныхъ отношеній. Такъ блестяще начиналъ Буслаевъ ученое поприще. Мы увидимъ далѣе, что оно продолжалось съ неменьшимъ успѣхомъ.

На исходѣ 40-хъ годовъ занялъ каѳедру римской словесности и древностей ученикъ Крюкова — Л е о н т ь е в ъ. Въ 1850 г. онъ дебютировалъ магистерской диссертаціей «О поклоненіи Зевсу», написанной подъ сильнымъ вліяніемъ «Философіи миѳологіи» Шеллинга.

Обратимся теперь къ юридическому факультету. И тамъ мы встрѣчаемъ картину яркаго обновленія. Еще въ 1833 г. появился новый профессоръ М о р о ш к и н ъ, читавшій россійское гражданское законодательство. Это былъ профессоръ, какъ бы сказать, переходнаго типа. Обнаруживъ при окончаніи университета большія способности и знанія, онъ получилъ предложеніе ѣхать за границу отъ «профессорскаго института», но отказался отъ этого. Въ 1833 г. получилъ степень магистра («О постепенномъ образованіи законодательствъ»), а въ 1837 г. — степень доктора («О владѣніи по началамъ россійскаго законодательства»). Морошкинъ соединялъ въ себѣ ученость, основанную на знакомствѣ съ западно-европейской теоретической литературой, съ патріархальными наклонностями профессоровъ уже отходившаго въ прошлое поколѣнія. Сандуновъ былъ идеаломъ Морошкина, онъ искренно восхищался Сандуновымъ и повидимому подражалъ ему въ манерахъ и пріемахъ преподаванія. Часто смѣшилъ онъ аудиторію мѣткими остротами архаическаго склада. Онъ упорно проповѣдывалъ фантастическія идеи о томъ, что всѣ народы происходятъ отъ славянъ и подкрѣплялъ это мнѣніе самодѣльной филологіей. Эти чудачества не мѣшали ему быть хорошимъ знатокомъ русскихъ юридическихъ древностей, что обнаружилось въ его дѣльной рѣчи объ Уложеніи 1649 г., хотя и уснащенной старомоднымъ велерѣчіемъ.

Но юридическій факультетъ уже пополнялся русскими учеными новой формаціи.

1835 годъ принесъ университету Крылова, Рѣдкина,

Чивилева, — только что прибывшихъ изъ заграничной командировки отъ «профессорскаго института». Они сразу внесли свѣжую струю въ преподаваніе.

Никита Ив. К р ы л о в ъ,—профессоръ совершенно исключительной даровитости, — почти 40 лѣтъ былъ знаменитостью юридическаго факультета. Изъ Германіи онъ вывезъ твердую приверженность къ исторической школѣ юриспруденціи, основанной Савиньи и Эйхгорномъ, и являлся краснорѣчивѣйшимъ ея представителемъ въ русской университетской наукѣ. Печатныхъ слѣдовъ его дѣятельности почти не осталось. Едва-ли они не сводятся лишь къ одной актовой его рѣчи «Объ историческомъ значеніи римскаго права» (1838 г.). Но вліяніе Крылова на рядъ поколѣній русскихъ юристовъ было громадно. Его курсъ римскаго права представлялъ собою, по отзыву его ученика Муромцева, философскія размышленія надъ римскимъ правомъ и получалъ для молодыхъ юристовъ важное общеобразовательное значеніе. Его лекціи врѣзывались неизгладимо въ сознаніе слушателей. Онъ читалъ, какъ артистъ, съ яркимъ темпераментомъ у него соединялась самобытная сверкающая образность рѣчи, блестящій юморъ, удивительно тонкое проникновеніе въ психологическія основы конструкцій римскаго права. На протяженіи всей почти 40-лѣтней профессорской дѣятельности (1835 - 1872 г. г.) онъ вызывалъ неизмѣнное восхищеніе аудиторіи. Одинаково восторженные отзывы о немъ имѣемъ и отъ раннихъ его учениковъ и отъ такихъ компетентныхъ цѣнителей позднѣйшихъ годовъ, какъ Кони, Муромцевъ и др.

Къ сожалѣнію нравственныя черты личности Крылова не стояли на уровнѣ его ученыхъ дарованій. О такъ называемой «Крыловской исторіи», въ связи съ которой университетъ потерялъ нѣсколько выдающихся профессоровъ, скажемъ далѣе.

Одновременно съ Крыловымъ появился на каѳедрѣ Р ѣ д к и н ъ, также пройдя при посредствѣ «профессорскаго института» заграничную школу. Рѣдкинъ пріѣхалъ въ Москву изъ Германіи страстнымъ послѣдователемъ гегельянства. Онъ первый печатно познакомилъ русское общество съ системою Гегеля (статья «О гегелевой логикѣ» въ «Москвитянинѣ» 1851 г.). Его курсъ энциклопедіи права былъ построенъ въ строгомъ согласованіи съ системою Гегеля. На каѳедрѣ онъ явился эффектнымъ лекторомъ,

говорилъ съ страстнымъ одушевленіемъ, пересыпалъ лекціи призывами къ гуманнымъ идеаламъ и часто, закончивъ лекцію, въ искреннемъ волненіи, быстро соскакивалъ съ каѳедры и убѣгалъ бѣгомъ изъ аудиторіи. Его яркая профессорская дѣятельность въ Москвѣ оборвалась внезапно въ 1848 г. въ связи съ «Крыловской исторіей». Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ Петербургскаго университета и въ началѣ 60-хъ г. г. превратился изъ гегельянца въ позитивиста.

Третьимъ пріобрѣтеніемъ факультета чрезъ посредство профессорскаго института былъ Чивилевъ — профессоръ политической экономіи и статистики. Рядъ мемуаристовъ отзываются о его лекціяхъ очень сдержанно и утверждаютъ, что онъ не могъ заинтересовать аудиторіи, но С. М. Соловьевъ, слушавшій его въ качествѣ студента, называетъ Чивилева самымъ замѣчательнымъ профессоромъ послѣ Грановскаго и Крюкова. По словамъ Соловьева, это былъ джентельмэнъ по наружности и манерамъ, сдержанный, точный, злоостроумный и холодный. Въ 1849 году Чивилевъ перешелъ на службу въ департаментъ удѣловъ, а его каѳедра перешла къ Вернадскому. Былъ и еще одинъ питомецъ профессорскаго института — Баршевъ по каѳедрѣ уголовнаго права, которую онъ занималъ съ 1835 по 1876 г. Какъ можно судить по его печатному курсу: «Общія начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ» М. 1841 г. — (первый курсъ уголовнаго права на русскомъ языкѣ), Баршевъ въ свое время впервые поставилъ у насъ на научную почву преподаваніе этого предмета. Но по своимъ моральнымъ чертамъ Баршевъ рѣзко отдѣлился отъ сотоварищей по профессорскому институту. Герценъ весьма ярко изобразилъ, какъ Баршевъ изъ-за угодничества грубо приспособлялъ свои лекціи къ видамъ высшаго начальства и славословилъ розгу и кнутъ.

Нѣсколько позднѣе изъ-за границы же явился Лешковъ, съ 1839 г. читавшій «народное (т. е. международное) право», а затѣмъ занявшій каѳедру «государственнаго благоустройства» (т. е. полицейскаго права). Лешковъ не отличался даровитостью и среди прочихъ молодыхъ профессоровъ того времени являлся довольно тусклой фигурой.

Всего въ теченіе четырехъ лѣтъ 1844 - 1848 г. г. промелькнулъ въ Московскомъ университетѣ молодой Ка-

велинъ. Онъ окончилъ университетскій курсъ въ Москвѣ въ 1839 г. Студентомъ находился подъ обаяніемъ лекцій Крылова и Рѣдкина. Въ 1843 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію «Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства» и приступилъ къ чтенію курса по исторіи русскаго законодательства. Вмѣстѣ съ Соловьевымъ Кавелинъ примѣнялъ теорію родового быта къ объясненію явленій древнерусской исторіи и полагалъ начало такъ называемой «юридической школы въ русской исторіографіи». Онъ усиленно полемизировалъ и съ Погодинымъ, который, возражая противъ односторонности юридической школы, восклицалъ: «а куда же вы дѣнете преподобнаго Сергія съ вашей юридической школой?», и — противъ славянофиловъ, не признававшихъ родовой теоріи и отстаивавшихъ теорію общиннаго быта въ древней Руси. Студенты съ увлеченіемъ внимали блестящимъ по логической ясности построеніямъ молодого Кавелина. Вскорѣ ему было поручено читать другой курсъ, посвященный объясненію строя государственныхъ и губернскихъ учрежденій Россіи. Онъ и въ этотъ гораздо болѣе сухой предметъ сумѣлъ внести живой интересъ, оставаясь любимцемъ аудиторіи. То были первые шаги его научной дѣятельности. Они были прерваны въ 1848 г. въ связи съ Крыловской исторіей и Кавелинъ подобно Рѣдкину перешелъ въ Петербургскій университетъ.

Въ 1848 г. Рѣдкина замѣнилъ Орнатскій, а Кавелина — Калачевъ, — спеціалистъ весьма свѣдущій, но читавшій курсы обильные фактами, однако лишенные обобщающаго освѣщенія.

И на факультетѣ физико-математическомъ каѳедры сильно обновлялись за эти годы. Не менѣе десяти профессоровъ прибыло тогда въ составъ этого факультета, въ ихъ числѣ — математики Брашманъ и Зерновъ, физикъ — Спасскій, астрономъ — Драшусовъ, механикъ — Ершовъ и др. Особо должны быть выдѣлены по ихъ выдающемуся положенію въ московской профессурѣ — Щуровскій и Рулье.

Щуровскій изучалъ въ университетѣ медицину и естествознаніе. Дѣятельность свою онъ и началъ въ качествѣ медика-ординатора при Воспитательномъ домѣ. Но его влекла къ себѣ научная работа въ области естествознанія Въ 1832 г. ему посчастливилось получить каѳедру «естественной исторіи» и онъ увлекся совершенно новой тогда

для Россіи дисциплиной: сравнительной анатоміей животныхъ. Въ 1834 г. онъ положилъ начало русской научной литературѣ въ этой области, издавъ свой трудъ: «Органологія животныхъ». А въ 1835 г. онъ перемѣщается на новую тогда, ранѣе не существовавшую, каѳедру минералогіи и геогнозіи и тотчасъ предпринимаетъ научное путешествіе по Уральскому хребту, а чрезъ нѣкоторое время — и по Алтаю. Плодомъ этихъ экспедицій явились его книги объ Уралѣ (1841 г.) и объ Алтаѣ (1846 г.). Слѣдующимъ крупнымъ дѣломъ его было выполненное имъ приведеніе въ порядокъ и научное описаніе университетскаго минералогическаго кабинета, обогащеннаго коллекціями, имъ самимъ вывезенными изъ его путешествій. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ выпустилъ трудъ по геологіи Московскаго бассейна (1864 - 66 г. г.) и «Геологическіе очерки Кавказа» (1862 - 1878 г. г.). Онъ дожилъ до 1884 г., занимая авторитетное положеніе Нестора русскихъ естествовѣдовъ и отдавая много времени работѣ въ Обществѣ Естествознанія и Антропологіи.

Также и другой выдающійся университетскій естествовѣдъ, начавшій тогда свое поприще, перешелъ къ естествовѣдѣнію отъ медицины. Родившійся въ Нижнемъ-Новгородѣ сынъ натурализованнаго въ Россіи француза, — Рулье кончилъ курсъ Московской медико-хирургической академіи и поступилъ на службу военнымъ полковымъ врачемъ. Онъ мечталъ о научной дѣятельности, о каѳедрѣ, и содѣйствіе авторитетнаго профессора Фишерафонъ-Вальдгейма, помогло ему въ осуществленіи этой его мечты. Онъ получилъ научную командировку за границу и затѣмъ съ увлеченіемъ изучалъ различные раіоны Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи. Онъ увлекся зоологіей и съ 1840 г. занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру зоологіи. Уже въ 40-хъ годахъ онъ сталъ извѣстенъ трудами, посвященными изученію животныхъ Московской губерніи. Впослѣдствіи къ этимъ изслѣдованіямъ онъ присоединилъ работы по геологіи и палеонтологіи. Въ 40-хъ и 50-хъ г. г. онъ выдавался, какъ даровитый представитель теоріи трансформизма. Онъ былъ первымъ директоромъ комитета акклиматизаціи животныхъ и растеній и издавалъ первый въ Россіи естественно-историческій журналъ: «Вѣстникъ естественныхъ наукъ», выходившій при «Обществѣ испытателей природы».

Я уже замѣтилъ выше, что медицинскій факультетъ

подвергся согласно университетскому уставу 1835 г. сильному преобразованію съ умноженіемъ и большей спеціализаціей каѳедръ. До 25 новыхъ профессоровъ вступило въ его составъ. Самой яркой величиной среди нихъ былъ Иноземцевъ. Онъ былъ сынъ персіанина, вывезеннаго изъ Персіи въ Россію гр. Бутурлинымъ. Онъ былъ посланъ за границу профессорскимъ институтомъ отъ Харьковскаго медицинскаго факультета (изъ Москвы былъ посланъ тогда Пироговъ). Въ 1835 г. онъ занялъ въ Москвѣ каѳедру хирургіи и занималъ ее до своей смерти, послѣдовавшей въ 1869 г. Своею славой практическаго хирурга онъ затмилъ стариковъ Лодера и Мухина, а своей чрезвычайной популярностью во всѣхъ слояхъ Московскаго населенія превосходилъ Мудрова. Его имя гремѣло по Москвѣ, а его широкая общительность, гуманность и отзывчивость сдѣлала его любимцемъ его многочисленныхъ паціентовъ. Подробности о немъ читатель найдетъ въ статьѣ Н. И. Астрова, помѣщенной въ этомъ Сборникѣ. Славился тогда по Москвѣ и проф. Оверъ (1842 - 1864). Имя Иноземцева навсегда сохранится и въ исторіи корпоративной организаціи русскихъ врачей: его починомъ и его энергіей было создано «Общество русскихъ врачей въ Москвѣ», въ которомъ онъ былъ первымъ предсѣдателемъ. Съ 1858 по 1862 г. онъ издавалъ «Московскую медицинскую газету» и тамъ впервые высказалъ и ревностно пропагандировалъ мысль о созданіи съѣздовъ русскихъ врачей.

Всѣхъ приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что 30-ые годы XIX ст. должны быть признаны началомъ новой эпохи въ развитіи Московскаго университета. То былъ поворотный моментъ. Обновленный притокомъ свѣжихъ силъ, наполненный молодыми профессорами, стоявшими на уровнѣ европейской науки и блиставшими знаніемъ и талантами, — Московскій университетъ входитъ въ полосу полной зрѣлости своей духовной жизни. Пора, когда профессора-иностранцы сосредоточивали въ своихъ рукахъ руководство насажденіемъ въ Москвѣ университетской науки, теперь рѣшительно отходила въ прошлое. Университетъ сталъ на собственныя ноги. Каѳедры въ громадномъ большинствѣ были теперь замѣщены русскими учеными, поставленными въ непосредственное общеніе съ центрами міровой науки. Московскій уни-

верситетъ въ истинномъ смыслѣ слова вошелъ теперь въ семью европейскихъ университетовъ, какъ равноправный по своимъ достоинствамъ членъ ея. Послѣдующія десятилѣтія принесли ему лишь дальнѣйшее развитіе и дальнѣйшій ростъ въ этомъ же направленіи, несмотря на выпадавшія на его долю временныя превратности, связанныя съ зигзагами общаго политическаго положенія Россіи.

Въ то же время появившаяся въ Москвѣ въ 30 и 40-хъ годахъ плеяда молодыхъ профессоровъ была за отдѣльными исключеніями проникнута высокимъ представленіемъ о назначеніи профессора. Въ этомъ представленіи служеніе наукѣ неразрывно связывалось съ проведеніемъ въ сознаніе общества идеаловъ гуманитарнаго прогресса.

Молодые профессора 30-хъ годовъ — по словамъ Герцена — «привезли съ собою горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности и каѳедры для нихъ были налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторіи не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи».

Эта высокая настроенность передовыхъ профессоровъ поддерживалась оживленнымъ идейнымъ броженіемъ, которое охватило тогда интеллигентные круги общества, и не могло остаться чуждымъ и студенческой молодежи, наполнявшей аудиторіи Грановскаго, Кудрявцева, Рѣдкина и Кавелина.

II.

Число студентовъ въ теченіе 1835 - 1848 г. г. послѣдовательно возрастало. Ихъ было:

Въ 1836 г. — 438, 1837 — 611, 1838 — 673, 1839 — 765, 1840 — 889, 1841 — 875, 1842 — 878, 1843 — 852, 1844 — 814, 1845 — 917, 1847 — 1251, 1848 — 1210.

Надо замѣтить, однако, что доступъ на лекціи былъ свободенъ для всѣхъ и аудиторіи популярныхъ профессоровъ наполнялись кромѣ студентовъ многочисленными слушателями изъ всѣхъ слоевъ общества.

Надъ пестрой и многообразной студенческой массой царилъ инспекторъ студентовъ Платонъ Степанычъ Нахимовъ — братъ будущаго черноморскаго героя. Но царилъ онъ въ высшей степени добродушно. Можетъ быть трудно было бы подыскать другого человѣка, о которомъ такъ согласно и единодушно отзывались бы всѣ безъ ис-

ключенія современники. Платонъ Степановичъ,—морской офицеръ, — былъ примѣрнымъ служакой тѣхъ временъ; соблюденіе дисциплины, формы и внѣшняго во всемъ единообразія было для него высшимъ руководящимъ принципомъ жизни. На видъ онъ былъ грозенъ, со студентами обращался, какъ всевластный отецъ-командиръ, всѣмъ говорилъ «ты», преслѣдовалъ малѣйшее отклоненіе отъ формы, велъ упорную борьбу съ нестриженными волосами, топалъ ногами и кричалъ, грозилъ карцеромъ, и при всемъ томъ былъ — человѣкомъ добрѣйшей души. Налетитъ на студента грозой, накричитъ и натопаетъ, и сейчасъ же бѣжитъ просить ему снисхожденія или прощенія у начальства. Студенческіе мемуары того времени переполнены безчисленными разсказами объ этомъ человѣкѣ съ грозной фигурой и золотымъ сердцемъ. Но уже и одного слѣдующаго разсказа будетъ достаточно, чтобы его личность обрисовалась во всей ея моральной красотѣ. Одинъ студентъ упорно не желалъ остричь своей пышной шевелюры, несмотря на требованія инспектора. Наконецъ, Платонъ Степановичъ, выйдя изъ терпѣнія, заявилъ: — «даю тебѣ честное слово, понимаешь: честное слово, что если встрѣчу тебя еще разъ не остриженнымъ, то выгоню вонъ изъ университета». И вотъ, увидѣвъ черезъ нѣсколько дней въ университетѣ этого студента все еще лохматымъ, онъ весь день усиленно маневрировалъ, чтобъ какъ нибудь не столкнуться съ непокорнымъ. Студенты отъ души любили этого милаго добряка и никто не думалъ обижаться на патріархальную фамильярность его обращенія.

А между тѣмъ, студенческая масса далеко уже не походила теперь на то собраніе подростковъ, которое въ 20-хъ годахъ рѣзвилось и мальчишески куралесило на лекціяхъ скучныхъ профессоровъ. Студенты 30 и 40-хъ годовъ были уже гораздо зрѣлѣе и гораздо сильнѣе были захвачены серьезными интересами. Въ знаменитой «Британіи» и другихъ трактирахъ, облюбованныхъ студентами, читались новыя книжки журналовъ, шли литературные, философскіе, политическіе споры. Въ университетскихъ аудиторіяхъ сформировались тогда первоначально тѣ кружки, которые затѣмъ выступили на общественно-литературную арену и изъ которыхъ вышли вожди общественнаго мнѣнія 40-ыхъ годовъ. Это движеніе общественной мысли налагало свою печать и на универ-

ситетскую дѣятельность молодыхъ профессоровъ, связанныхъ тѣсными духовными узами съ передовыми кругами тогдашней общественности. Борьбою западниковъ со славянофилами наполнена была тогдашняя жизнь интеллигентнаго общества. Въ эту борьбу вмѣшивалась, нѣсколько путая карты, третья группа — приверженцевъ оффиціальной правительственной программы, съ которой — по существу — ни западникамъ, ни славянофиламъ не было по пути. Какъ отражалась эта ситуація на университетскихъ дѣятеляхъ?

Профессора дѣлились на передовыхъ западниковъ, во главѣ которыхъ стояли Грановскій, Рѣдкинъ, Крюковъ, Соловьевъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ, — эта группа находила полную поддержку въ попечителѣ гр. Строгановѣ, — и на приверженцевъ оффиціальной благонадежности, во главѣ которыхъ стояли Давыдовъ, Шевыревъ и Погодинъ, кадившіе и льстившіе министру нар. просвѣщенія гр. Уварову, который былъ въ рѣзкихъ неладахъ со Строгановымъ. Славянофиловъ на каѳедрахъ почти не было, но борьба западниковъ и славянофиловъ, кипѣвшая въ московскихъ салонахъ, часто перебрасывалась и на арену университета, — поводъ къ чему давали диспуты и публичные курсы. Отмѣтимъ два наиболѣе важные въ этомъ отношеніи момента. Оба они связаны съ личностью Грановскаго.

Изъ писемъ, дневниковъ и мемуаровъ, какъ друзей, такъ и противниковъ Грановскаго — (Герценъ, Погодинъ, Аксаковъ и др.) можно получить отчетливое впечатлѣніе о томъ, какимъ громкимъ общественнымъ событіемъ явился первый публичный курсъ, прочитанный Грановскимъ въ ноябрѣ-декабрѣ 1843 г. (затѣмъ Грановскій читалъ еще и другіе публичные курсы). Вся интеллигентная Москва тѣснилась тогда въ стѣнахъ университета и это торжество «западника» обрадовало однихъ, озадачило другихъ, разсердило третьихъ. Тамъ, въ университетѣ бился въ тѣ дни пульсъ всей общественности. И такое же впечатлѣніе произвелъ магистерскій диспутъ Грановскаго 21 февраля 1845 г., которому предшествовали некрасивыя партійныя интриги университетскихъ противниковъ Грановскаго и на которомъ произошла рѣзкая перепалка между Рѣдкинымъ и Шевыревымъ.

Повышенной кипучей жизнью жилъ въ тѣ годы университетъ, исполненный живого научнаго движенія и тѣс-

но связанный съ идеологической общественной борьбой.

Къ концу 40-хъ годовъ въ университетѣ произошла тяжелая исторія, разстроившая передовую профессорскую группу. Пошли настойчивые слухи о томъ, что Крыловъ занимается мздоимствомъ. Эти слухи подтвердила жена Крылова, страдавшая отъ грубаго обращенія мужа. Товарищи по факультету потребовали отъ Крылова, чтобы онъ или оправдался или покинулъ университетъ. Онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого. Тогда Кавелинъ и Рѣдкинъ сами ушли изъ Московскаго университета, не считая возможнымъ дѣлать общее дѣло съ Крыловымъ. Хотѣлъ уйти и Грановскій, но министерство его не пустило, ссылаясь на неотслуженную еще имъ стипендію. Грановскій остался одинокимъ. Впрочемъ, и вообще для университетовъ настали тяжелые дни.

ГЛАВА VI.

Вторая половина XIX ст. Начало XX ст.

I.

Послѣ революціонныхъ событій въ Европѣ въ 1848 г. правительственная политика въ Россіи приняла рѣзко реакціонный характеръ. Это имѣло весьма печальныя послѣдствія для университетовъ, которые были взяты подъ подозрѣніе въ отношеніи политической благонадежности. Число своекоштныхъ студентовъ было ограничено въ 300 чел., кромѣ медицинскаго факультета. Общее количество студентовъ сразу сильно сократилось. Въ 1848 г. оно составляло 1210 чел., въ 1849 г. — всего 926, въ 1850 г. — 906, въ 1851 г. — 847. Въ 1849 г. министръ нар. просвѣщенія Уваровъ замѣненъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, а еще раньше гр. Строгановъ оставилъ постъ попечителя и былъ замѣненъ Голохвастовымъ, а затѣмъ Назимовымъ. Въ 1849 г. выборные ректоръ и деканы замѣнены назначенными. На декановъ возложена обязанность строго слѣдить за благонадежностью профессорскихъ лекцій. Совсѣмъ отмѣнено преподаваніе государственнаго права иностранныхъ державъ и философіи. Преподаваніе логики и психологіи возложено на профессоровъ богословія. Воз-

вышена плата за ученіе. Тягостная атмосфера установилась въ университетахъ. То была пора, когда Грановскій завидовалъ Бѣлинскому, «умершему во-время». Прекратились заграничныя командировки молодыхъ ученыхъ. Изъ профессоровъ, вновь вступившихъ на каѳедры въ эти годы, надо отмѣтить экономиста Вернадскаго, выученика Кіевскаго университета въ началѣ 40-хъ годовъ успѣвшаго поработать за границей, а въ 1850 г. переведеннаго изъ Кіева въ Москву на каѳедру политической экономіи и статистики, освободившуюся за уходомъ Чивилева. Вернадскій пробылъ на каѳедрѣ шесть лѣтъ и успѣлъ выпустить рядъ солидныхъ трудовъ, въ которыхъ проводилъ политико-экономическіе взгляды манчестерской школы.

Въ 1850 же году началъ преподаваніе математикъ Давидовъ, въ 1852 г. — историкъ русскаго права И. Д. Бѣляевъ и въ 1854 г. — физикъ Любимовъ, но развитіе ихъ дѣятельности относится уже къ слѣдующему періоду.

Тяжелые сумерки университетской жизни этихъ лѣтъ скрасились подъ самый конецъ этого періода большимъ праздникомъ: 12-го января 1855 г. былъ торжественно отпразднованъ столѣтній юбилей Московскаго университета. На этомъ юбилеѣ Грановскій былъ въ центрѣ общаго вниманія; съѣхавшіеся на торжество отовсюду делегаты и гости наперерывъ устремлялись къ Грановскому и оказывали ему всевозможные знаки почтенія и восхищенія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того — 4 октября 1855 года — Грановскій скончался.

Состояніе напряженной реакціи разрѣшилось съ перемѣной царствованія. Наступила пора либеральныхъ преобразованій. И въ университетахъ тотчасъ же началась новая жизнь. Быстро, одна за другой были отмѣнены всѣ стѣснительныя мѣры 1848 - 1855 г. г. относительно университетовъ и на очередь была поставлена подготовка новаго университетскаго устава. Работы по составленію новаго устава признаны были спѣшными, между прочимъ, и въ виду довольно рѣзкихъ студенческихъ волненій, которыя разыгрались въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1861 г. Возникли эти волненія на почвѣ общаго политическаго возбужденія, вызваннаго поворотомъ правительственнаго курса съ перемѣною царствованія, а неумѣлыя и неудачныя мѣры министерства народнаго просвѣщенія (министромъ былъ адмиралъ Путятинъ) только подлили масла въ огонь.

Въ Москвѣ поводомъ къ волненіямъ послужило столкновеніе студентовъ съ полиціей въ какомъ то ресторанѣ, при чемъ полицейскіе побили студентовъ. Къ этому присоединился протестъ студентовъ противъ новыхъ правилъ, затруднявшихъ пріемъ въ университетъ несостоятельныхъ лицъ. Начались сходки, студенты начали составлять обращеніе къ государю, между дѣйствіями университетскихъ властей и генералъ-губернатора Тучкова не было согласованности и затянувшіяся волненія вызвали, наконецъ, крупное побоище близъ гостиницы «Дрезденъ» («битва подъ Дрезденомъ»), когда полиція и толпа простонародья избили студенческую процессію, ходившую къ генералъ-губернаторскому дому для подачи адреса государю съ изложеніемъ своихъ требованій. Проектъ новаго устава разрабатывался съ 1858 по 1863 г. и прошелъ черезъ пять редакцій, обсуждавшихся и совѣтами университетовъ, и особыми комиссіями, и иностранными учеными, и, наконецъ, Государственнымъ Совѣтомъ. 18 іюня 1863 г. новый уставъ былъ утвержденъ государемъ. Онъ принесъ установленіе университетской автономіи. Главнымъ органомъ управленія университетомъ сталъ совѣтъ профессоровъ. Ректоръ, деканы, проректоръ избирались совѣтомъ, такимъ же порядкомъ замѣщались и профессорскія каѳедры, только при незамѣщеніи каѳедры по выбору въ теченіе года, профессора могъ назначить министръ. Все руководство учебной частью ввѣрялось факультетскимъ собраніямъ и совѣту. Устанавливая университетское самоуправленіе, уставъ 1863 г. устранялъ въ то же время всякую корпоративную организацію студентовъ и каждый студентъ признавался «отдѣльнымъ посѣтителемъ университета».

Снова было увеличено количество каѳедръ. По уставу 1835 г. каѳедръ было 35, теперь ихъ устанавливалось — 53. Возобновились ученыя командировки за границу. Возобновился притокъ въ университетъ свѣжихъ преподавательскихъ силъ.

Тотчасъ съ перемѣною царствованія и въ ближайшіе затѣмъ годы, еще до изданія устава 1863 г., университетъ обогатился цѣлой группой новыхъ профессоровъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ уже рядъ университетскихъ дѣятелей новаго времени, долго служившихъ университету вплоть до 80-хъ и даже 90-хъ годовъ XIX ст. Пока лишь перечислимъ имена ихъ съ обозначеніемъ годовъ ихъ всту-

пленія въ университетъ: это — юристы Капустинъ (1850), Дмитріевъ (1859), Никольскій (1859), Чичеринъ (1861); экономистъ — Бабстъ (1857), историкъ литературы — Тихонравовъ (1857), историкъ — Нилъ Поповъ (1860), философы — Юркевичъ (1861) и Троицкій (1863), естественники — Рачинскій (1859), Богдановъ (1858), Усовъ (1861), Слудскій (1861), Толстопятовъ (1861), Бабухинъ (1862); математикъ — Цингеръ (1862), астрономъ Бредихинъ (1857), медики — Матюшенковъ (1859), Захарьинъ (1862). Все, за малыми исключеніями, — яркія научныя величины, а нѣкоторые изъ нихъ — свѣтила перваго разряда.

Грановскаго въ живыхъ уже не было. Но и къ оставшимся его былымъ соратникамъ съ Соловьевымъ во главѣ примкнули нѣкоторые вновь вступившіе молодые профессора — Чичеринъ, Дмитріевъ, Капустинъ, Рачинскій — и такъ составилось вѣрное духу Грановскаго тѣсно сплоченное ядро, готовое служить безкорыстно укрѣпленію и развитію только что возстановленной университетской автономіи. Разумѣется, сплотилась и противоположная партія. Первое серьезное столкновеніе произошло при выборѣ ректора. Прогрессивные профессора выставили кандидатуру Соловьева, ихъ противники выдвинули кандидатуру Баршева и оказались побѣдителями. Въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ вслѣдъ за введеніемъ устава 1863 года партія, возглавленная Баршевымъ, дѣятельно укрѣпляла свое положеніе, безцеремонно нарушая уставъ, и на этой почвѣ разыгрались тяжелые эпизоды, подробно описанные въ недавно опубликованныхъ Запискахъ Б. Н. Чичерина. Разрѣшились эти столкновенія новой сецессіей выдающихся профессоровъ: Чичеринъ, Дмитріевъ и Капустинъ покинули университетъ. Соловьевъ удержался и впослѣдствіи, съ измѣненіемъ къ лучшему внутреннихъ университетскихъ отношеній, стоялъ таки во главѣ университета въ качествѣ выборнаго ректора.

Уставъ 1863 г. продержался до начала 80-хъ годовъ, хотя уже съ середины 60-хъ годовъ, — когда министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто Головина, проведшаго уставъ 1863 г., сталъ Д. Толстой, — постепенно началъ выдвигаться вопросъ о новой реорганизаціи университетовъ. Въ 1874 г. вспыхнули новыя университетскія волненія и теперь, — въ связи съ общимъ поправѣніемъ правительственнаго курса, — онѣ послужили толчкомъ къ началу под-

готовки университетской реформы. Московскіе профессора — Леонтьевъ и Любимовъ, — сподвижники Каткова, повели кампанію противъ университетской автономіи, которую отстаивалъ въ печати проф. Герье. Въ 1875 - 1880 г. г. въ рядѣ комиссій разрабатывался проектъ новаго устава, направленный противъ университетской автономіи. Несмотря на рѣшительную оппозицію университетскихъ совѣтовъ этому проекту, онъ былъ внесенъ въ 1880 г. въ Государственный Совѣтъ. Но въ томъ же году ставшій у власти Лорисъ-Меликовъ настоялъ на отставкѣ Толстого, преемникъ котораго Сабуровъ рѣшилъ сохранить уставъ 1863 г. Того же мнѣнія держался и преемникъ Сабурова Николаи, но, когда въ 1882 г. министромъ народнаго просвѣщенія сталъ Деляновъ, участь устава 1863 г. была рѣшена. Деляновъ внесъ вторично въ Гос. Совѣтъ проектъ Толстого и хотя большинство членовъ Гос. Совѣта высказалось противъ этого проекта, Александръ III утвердилъ его 23 августа 1884 г.

Этотъ уставъ, сводившій къ нулю университетскую автономію, просуществовалъ, — подвергаясь впрочемъ существеннымъ частичнымъ измѣненіямъ, — вплоть до 1904 года.

II.

Бросимъ теперь взглядъ на ученую жизнь Московскаго университета во второй половинѣ XIX стол. Выше мы старались отмѣчать тѣ ступени, по которымъ Московскій университетъ постепенно восходилъ на положеніе настоящаго научнаго центра европейскаго типа. Къ серединѣ XIX ст. это положеніе было достигнуто. Созрѣваніе университета было завершено. И потому для второй половины XIX ст. мы не считаемъ необходимымъ дробить нашъ обзоръ на отдѣльные періоды и постараемся дать общую картину тѣхъ успѣховъ, которые достигались университетомъ въ теченіе всей этой поры его блестящей научной зрѣлости. Мы увидимъ, что университетъ не только не оскудѣвалъ выдающимися представителями русской науки, но среди его профессоровъ являлись и такіе мощные двигатели этой науки, которые создавали цѣлыя новыя отрасли научнаго вѣдѣнія на русской почвѣ и становились во главѣ цѣлыхъ ученыхъ школъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы просимъ отнюдь не ис-

кать исчерпывающаго перечисленія всѣхъ дѣятелей Московскаго университета второй половины XIX-го и начала XX-го стол. Перечислить всѣхъ ихъ здѣсь нѣтъ возможности. Мы хотимъ только напомнить читателю рядъ тѣхъ именъ, съ которыми связаны наиболѣе яркія достиженія Московскаго университета на поприщѣ научнаго творчества.

На факультетѣ историко-филологическомъ чрезъ три десятилѣтія — 50-е, 60-е и 70-е годы — проходитъ неустанная и по истинѣ грандіозная творческая дѣятельность С. М. Соловьева. Тридцать лѣтъ подрядъ великій историкъ выпускалъ ежегодно по новому тому своей «Исторіи Россіи» и созданные имъ 29 томовъ этого громаднаго труда составили эпоху въ русской исторіографіи. А къ концу жизни этого замѣчательнаго историка, на исходѣ 70-хъ годовъ, изъ его школы вышелъ на арену научнаго творчества великій ученый и геніальный профессоръ В. О. Ключевскій. Своими монографическими изслѣдованіями «Житія святыхъ, какъ историческій источникъ» (1871 г.), «Боярская Дума древней Руси» (1882 г.), «Происхожденіе крѣпостного права» (1885 г.), «Составъ представительства на земскихъ соборахъ XVI в.» (1890 - 1892 г. г.) и др., онъ пролилъ новый свѣтъ на рядъ важныхъ процессовъ въ исторической жизни Россіи, а своимъ университетскимъ курсомъ, который съ начала 80-хъ г. г. съ такой артистической художественностью читался имъ съ каѳедры, онъ создалъ синтетическое построеніе русской исторіи, поразительное по широтѣ охвата исторической жизни, по глубинѣ обобщающей мысли, по яркому освѣщенію взаимозависимости историческихъ явленій. Ключевскій скончался въ маѣ 1911 г. Многочисленны его непосредственные ученики, преподававшіе въ Московскомъ университетѣ въ 90-хъ и 900-хъ годахъ (Милюковъ, Любавскій, Кизеветтеръ, Богословскій, Готье, Яковлевъ, Бахрушинъ, Пичета, Бочкаревъ и др.), но немало дѣятелей другихъ университетовъ испытывали на себѣ его вліяніе.

Каѳедру всеобщей исторіи по смерти Кудрявцева принялъ Ешевскій и достойно поддержалъ блескъ этой каѳедры, созданной Грановскимъ и Кудрявцевымъ, у которыхъ Ешевскій учился. Сначала Ешевскій профессорствовалъ въ Казани. Въ 1858 г. по смерти Кудрявцева занялъ каѳедру въ Москвѣ, въ 1865 г. онъ скончался. Съ 1865 г. началась профессорская дѣятельность В. И. Герье, ко-

торый и стоялъ затѣмъ во главѣ каѳедры всеобщей исторіи въ теченіе всей второй половины XIX ст., а также и въ первомъ десятилѣтіи XX ст. Онъ скончался въ глубокой старости уже послѣ большевицкаго переворота. Длинный рядъ поколѣній прошелъ такимъ образомъ чрезъ его школу. Вѣрный основамъ идеалистической философіи исторіи, воспринятымъ имъ въ молодости, онъ съ большимъ талантомъ приноравливалъ ихъ въ теченіе своей долгой профессорской дѣятельности къ результатамъ послѣдующаго движенія европейской исторической науки. Уже всецѣло на почвѣ этихъ новыхъ научныхъ воззрѣній стояли его ученики, выступившіе на каѳедрахъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Съ начала 80-хъ г. г. началась профессорская дѣятельность П. Г. Виноградова, уже совершенно чуждаго какихъ-либо отголосковъ стараго гегельянства. Виноградовъ составилъ себѣ европейское имя изслѣдованіями по соціальной исторіи средневѣковой Англіи. Онъ закончилъ свою дѣятельность профессоромъ въ Оксфордѣ, куда переселился изъ Москвы въ 1911 г., послѣ столкновенія съ министерствомъ по университетскимъ дѣламъ.

Въ 90-хъ годахъ выступили ученики Виноградова; изъ нихъ въ Московскомъ университетѣ въ 900-хъ г. г. преподавали — Петрушевскій (собственно ученикъ кіевскаго профессора Лучицкаго, переселившійся въ Москву для занятій въ семинаріяхъ Виноградова), Савинъ, Егоровъ. Изъ школы Герье вышелъ проф. Корелинъ, наиболѣе близко примыкавшій къ направленію своего учителя, и проф. Виппера, далеко отошедшій отъ этого направленія въ сторону новыхъ теченій европейской исторической науки.

Каѳедра исторіи русской словесности во второй половинѣ XIX стол. была обставлена не менѣе блестяще. На ней сіяли такія крупныя научныя величины, какъ Буслаевъ и Тихонравовъ. Лишь чисто формально считали ихъ учениками Шевырева. На самомъ дѣлѣ они двинули науку исторіи русской словесности на совсѣмъ новые пути, оплодотворили ее новыми методами, поставили ее на уровень европейской научной мысли и оставили послѣ себя труды, вошедшіе въ исторію науки.

Важные труды въ области изученія народной словесности, особенно былиннаго эпоса, принадлежали Всеволоду Фед. Миллеру, который преподавалъ также санскритъ и много работалъ въ области лингвистики и этнографіи.

Исторія всеобщей литературы до середины XIX ст. не была представлена у насъ особой каѳедрой. Кое-какія свѣдѣнія по этой части сообщались обыкновенно студентамъ лекторами новыхъ языковъ и уже отсюда можно видѣть, сколь примитивно и недостаточно освѣщался этотъ предметъ. Позднѣе профессора русской литературы стали эпизодически касаться литературы иностранной, какъ это дѣлывалъ Тихонравовъ въ началѣ своей профессуры. Конечно, и это не могло восполнить пробѣла, оставляемаго отсутствіемъ самостоятельной каѳедры. Съ начала 70-хъ годовъ пробѣлъ этотъ былъ восполненъ. Въ 70, 80 и 90-хъ годахъ преподаваніе исторіи всеобщей литературы находилось въ рукахъ извѣстнаго шекспиролога Сторожен-ко и извѣстнаго мольериста Алексѣя Веселовскаго; позднѣе ихъ преемникомъ явился М. Н. Розановъ.

Каѳедра языковѣдѣнія съ начала 70-хъ г. г. и до начала XX ст. была занята Филиппомъ Федор. Фортунатовымъ, ученымъ мірового калибра, ибо въ рядѣ важныхъ вопросовъ сравнительнаго языкознанія онъ явился піонеромъ и основателемъ ученій, которыя легли затѣмъ въ основу работъ западныхъ ученыхъ, пошедшихъ по стопамъ Фортунатова. Именно имъ былъ установленъ рядъ законовъ въ ученіи объ удареніи въ индо-европейскихъ языкахъ; высокое научное значеніе принадлежитъ и читаннымъ имъ совершенно самостоятельнымъ курсамъ по фонетикѣ общеславянскаго и старославянскаго языковъ, а также онъ первый началъ читать курсы по литовскому языку. Многочисленны его русскіе ученики, — (въ томъ числѣ акад. Шахматовъ), — но и цѣлый рядъ извѣстныхъ западныхъ ученыхъ прошелъ чрезъ его школу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые творятъ науку, и въ своемъ научномъ творчествѣ идутъ собственными, оригинальными путями. Бодянскій, Дювернуа, Брандъ, Щепкинъ разрабатывали славистику и славяновѣдѣніе. Наука античной филологіи, литературы и античныхъ древностей имѣла во второй половинѣ XIX ст. блестящаго представителя въ лицѣ Леонтьева (ученика Крюкова), а послѣ Леонтьева въ ряду спеціалистовъ въ этой области на московскихъ каѳедрахъ выдѣлились глубоко свѣдущій Г. А. Ивановъ, хорошій знатокъ античной эпиграфики И. В. Цвѣтаевъ и геніальный языковѣдъ Ѳ. Е. Коршъ. Многообразна была ученая работа по каѳедрѣ философіи. Въ 60-хъ годахъ ее занималъ метафизикъ

Юркевичъ. Въ этомъ же десятилѣтіи въ Московскомъ университетѣ выступилъ талантливый представитель англійскаго позитивизма Троицкій, который и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ преподаваніе философскихъ наукъ въ 70 и 80-хъ годахъ. Къ 90-мъ годамъ опять беретъ верхъ направленіе метафизическое, получившее въ университетѣ такихъ яркихъ представителей, какъ Гротъ, Лопатинъ, кн. С. Трубецкой, обособленно отъ которыхъ стоялъ психологъ Челпановъ.

Факультетъ юридическій также не былъ бѣденъ за этотъ періодъ крупными силами. Мы уже говорили, что въ связи съ борьбой партій въ Совѣтѣ университета университетъ потерялъ на исходѣ 60-хъ годовъ такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ Дмитріевъ, Капустинъ и въ особенности Чичеринъ. То была очень тяжелая утрата. При всей односторонности своего научнаго міровоззрѣнія Чичеринъ, на всю жизнь оставшійся послѣдовательнымъ гегельянцемъ, обогатилъ русскую науку классическими трудами въ области исторіи русскаго права, государствовѣдѣнія и философіи, а Дмитріевъ издалъ высокоцѣнный трудъ по исторіи древне-русскаго судоустройства и судопроизводства (Исторія судебныхъ инстанцій).

До 1872 г. продолжалась еще профессорская дѣятельность Никиты Крылова, хотя въ это время онъ уже не слѣдилъ за наукой и буквально повторялъ свой старый курсъ, являясь блестящимъ могиканомъ минувшей эпохи, но все еще дѣйствовало обаяніе его таланта, которымъ продолжали восхищаться и его позднѣйшіе ученики.

Съ середины 70-хъ г. г. на смѣну Крылову — правовѣрному послѣдователю Савиньи, — выступилъ молодымъ доцентомъ новый романистъ и цивилистъ С. А. Муромцевъ, уже въ 1877 г. получившій докторскую степень и каѳедру. Муромцевъ принесъ съ собою на каѳедру ученіе Іеринга и англо-французскихъ позитивистовъ, однако не слѣдуя имъ слѣпо, а подвергая самостоятельной переработкѣ отдѣльныя стороны ихъ ученій. Въ выпущенныхъ имъ въ 1883 и 1885 г. г. трудахъ — «Гражданское право древняго Рима» и «Рецепція римскаго права на Западѣ» онъ выдвинулъ оригинальные взгляды, уже впослѣдствіи развитые также и нѣкоторыми западно-европейскими учеными, изъ которыхъ иные прямо цитировали Муромцева. Въ 1884 г. его профессорская дѣятельность оборвалась. Онъ былъ отстраненъ отъ каѳедры за его либеральные по-

литическіе взгляды, за открытое сочувствіе конституціоннымъ началамъ. Онъ ушелъ въ адвокатуру, но долго сохранялъ связь съ университетомъ, какъ предсѣдатель состоявшаго при университетѣ «Юридическаго Общества». Въ 1899 г. это Общество было закрыто. Муромцевъ въ это время принималъ дѣятельное участіе въ освободительномъ движеніи, которое вынесло его въ 1906 г. на постъ предсѣдателя первой Государственной Думы. По роспущеніи Первой Думы онъ вернулся къ профессорской дѣятельности, которой и посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ скончался въ 1910 году.

Наряду съ Муромцевымъ авторитетнѣйшее положеніе на юридическомъ факультетѣ 70 - 80-хъ годовъ занималъ пользовавшійся европейской извѣстностью государствовѣдъ, соціологъ и историкъ права М. М. Ковалевскій, одинъ изъ плодовитѣйшихъ ученыхъ писателей Россіи, оставившій длинный рядъ капитальныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія, по исторіи политическихъ ученій и по соціальной исторіи Европы. Въ области юриспруденціи онъ, какъ и Муромцевъ, стоялъ на почвѣ позитивизма. Десять лѣтъ продолжалась его профессорская дѣятельность въ Москвѣ: съ 1877 по 1887 г., когда онъ занималъ каѳедру государственнаго права иностранныхъ державъ. Въ 1887 г. онъ долженъ былъ покинуть Московскій университетъ по своей политической неблагонадежности, и никогда уже болѣе не возвратился въ него. Каѳедрѣ исторіи русскаго права не повезло. Послѣ Калачева ее занималъ И. Д. Бѣляевъ (1852 - 1873 г. г.), очень трудолюбивый изслѣдователь, написавшій немало содержательныхъ работъ (важнѣйшая: «Крестьяне на Руси»), но онъ былъ неталантливъ и не былъ въ состояніи намѣтить въ своей наукѣ новыя перспективы. И еще ниже его стоялъ въ этомъ отношеніи его преемникъ Мрочекъ-Дроздовскій, (70 и 80 г. г.) и только въ 90-хъ г. г. преемникъ Мрочка-Дроздовскаго, — Филипповъ придалъ преподаванію этого предмета большую научную содержательность. Слабое состояніе каѳедры исторіи русскаго права уравновѣшивалось тѣмъ, что въ составѣ факультета имѣлся такой крупный по своимъ научнымъ заслугамъ историкъ-юристъ, какъ канонистъ Павловъ.

Каѳедра философіи права по уходѣ Рѣдкина попала въ руки Орнатскаго, который былъ очень плохъ. Преподававшій этотъ предметъ съ 80-хъ г. г. Звѣревъ, бу-

дучи хорошимъ лекторомъ, не принадлежалъ къ числу крупныхъ представителей своей спеціальности. Эта каѳедра ожила въ 900-хъ годахъ при преемникѣ Звѣрева Новгородцевѣ, который блисталъ и свѣжестью новаго направленія и яркостью изслѣдовательскаго и преподавательскаго таланта. Въ 1906 г. перешелъ изъ Кіева въ Москву кн. Е. Н. Трубецкой — блестящій преподаватель и писатель-публицистъ. Большое образовательное вліяніе на студентовъ имѣли лекціи цивилиста Гамбарова.

На высокомъ уровнѣ стояла всегда въ Московскомъ университетѣ каѳедра политической экономіи и статистики. Послѣ краткаго пребыванія на ней уже упомянутаго выше Вернадскаго, ее занималъ Бабстъ съ 1857 по 1874 г. Бабстъ началъ съ занятій исторіей и былъ любимымъ ученикомъ Грановскаго. Эти занятія увѣнчались магистерской диссертаціей: «Государственные мужи древней Греціи» (1851 г.). Послѣ того Бабстъ занялъ въ Казани каѳедру политической экономіи и обнаружилъ прекрасное знакомство съ вопросами банковаго кредита и денежнаго обращенія. Его книга о «Джонѣ Ло» и его рѣчь «Объ условіяхъ умноженія народнаго капитала» вызвали приглашеніе его въ Москву на каѳедру, освободившуюся по уходѣ Вернадскаго. Уже въ Москвѣ онъ напечаталъ важныя статьи объ историческомъ методѣ въ политической экономіи, о промышленныхъ кризисахъ, о свободѣ труда, о ярмаркахъ и др. Развивая наряду съ профессурой оживленную журнальную дѣятельность по экономическимъ вопросамъ, онъ съ 1867 г. еще управлялъ Московскимъ Купеческимъ банкомъ.

Ученикомъ и преемникомъ Бабста на каѳедрѣ явился А. И. Чупровъ, вступившій на каѳедру въ 1874 г. и занимавшій ее въ 70, 80 и 90-хъ годахъ. Имя Чупрова часто ставили наряду съ именемъ Грановскаго по тому положенію, какое онъ занялъ въ университетѣ, какъ самый блестящій и самый популярный знаменосецъ идеи служенія университетской науки началамъ гуманизма и общественнаго идеализма. Какъ въ 40-хъ г. г. духовная сила университета, какъ фактора прогрессивнаго общественнаго развитія, олицетворялась и символизировалась для широкихъ круговъ общества въ лицѣ Грановскаго, такъ въ 80 и 90-хъ годахъ — въ лицѣ Чупрова. Велико было почтеніе и любовь университетскихъ учениковъ къ Чупрову, велики были популярность и авторитетъ Чупрова во всей Москвѣ,

гдѣ онъ былъ по истинѣ «излюбленнымъ человѣкомъ» и гдѣ ни одно общественно-просвѣтительное предпріятіе и начинаніе не обходилось безъ его дѣятельнаго участія. Связь науки съ животрепещущей современностью составляла руководящее начало всей его дѣятельности. Это сказалось и въ томъ, что обѣ его диссертаціи, защищенныя имъ въ 70-хъ годахъ, были посвящены научному освѣщенію очередного тогда вопроса русской экономической жизни: введенія парового транспорта въ хозяйственную жизнь страны съ усиленнымъ развитіемъ въ Россіи желѣзно-дорожной сѣти. Это сказалось и въ томъ, что во всѣ послѣдующіе годы онъ дѣлилъ свои труды между каѳедрой и журналистикой, вкладывая массу энергіи въ руководительство экономическимъ отдѣломъ газеты «Русскія Вѣдомости». И на каѳедрѣ и въ газетныхъ статьяхъ, и при разъясненіи научно-теоретическихъ проблемъ и при разсмотрѣніи задачъ практической общественной жизни, Чупровъ обнаруживалъ плѣнительную ясность въ изложеніи самыхъ сложныхъ вопросовъ, и этотъ его даръ въ связи съ чарующими свойствами его моральной личности дѣлалъ изъ него превосходнаго профессора и крупнаго общественнаго дѣятеля.

Преемникомъ Чупрова по каѳедрѣ явился съ конца 90-хъ г. г. А. А. Мануиловъ. Ученикъ Посникова, перешедшій въ Москву изъ Одессы, Мануиловъ сыгралъ выдающуюся роль въ жизни Московскаго университета въ 900-хъ г. г. Подобно Чупрову Мануиловъ сочеталъ крупныя дарованія ученаго съ темпераментомъ и талантами публициста и общественнаго бойца. Это сдѣлало его и авторитетнымъ ученымъ экономистомъ и дѣятельнымъ публицистомъ (тѣ же «Русскія Вѣдомости») и центральною личностью среди профессуры въ отстаиваніи университетскаго самоуправленія, о чемъ далѣе будетъ особая рѣчь.

Каѳедру статистики по уходѣ Чупрова (который въ 1899 г. переселился за границу), занималъ Каблуковъ. Энергичную дѣятельность по руководительству семинаріемъ по политической экономіи развилъ проф. Гольдштейнъ. За какой нибудь десятокъ лѣтъ этотъ семинарій выпустилъ 16 томовъ оригинальныхъ изслѣдованій по самымъ насущнымъ вопросамъ экономической науки. Къ моменту большевицкаго переворота было подготовлено къ печати еще 20 томовъ, которые всѣ погиб-

ли, какъ погибъ и самъ семинарій при общей разрухѣ университета.

Науку о финансахъ послѣ Мильгаузена читалъ съ 1876 года ученикъ его Янжулъ, защитившій въ этомъ году диссертацію «Англійская свободная торговля». Сторонникъ историко-этической школы и государственнаго соціализма, онъ соединялъ съ богатой эрудиціей талантъ живой популяризаціи. Съ 1882 по 1887 г. онъ, сохраняя каѳедру, состоялъ фабричнымъ инспекторомъ Московскаго фабричнаго округа и выпущенный имъ въ печати его инспекторскій отчетъ подъ заголовкомъ «Фабричный бытъ Московской губерніи» обратилъ на себя общее вниманіе. Въ 1898 г. избранный въ академики, онъ передалъ каѳедру своему ученику Озерову.

Съ 1874 г. началъ преподаваніе гр. Комаровскій профессоръ международнаго права, занимавшійся у Блунчли въ Гейдельбергѣ. Это былъ энтузіастъ международнаго права. Онъ скончался въ началѣ XX ст.

Переходя къ факультету физико-математическому, встрѣчаемся съ внушительной картиной послѣдовательнаго роста научныхъ силъ. Съ 1839 по 1866 г. чистую и прикладную математику преподавалъ Брашманъ, уроженецъ Моравіи и питомецъ Вѣнскаго университета. Онъ много способствовалъ развитію и распространенію математическихъ знаній въ Россіи.

Его ученикъ Давидовъ началъ профессорскую дѣятельность съ 1853 г. Онъ много работалъ въ области теоріи вѣроятности и ея примѣненія къ медицинѣ и статистикѣ. Рядъ изданныхъ имъ математическихъ учебниковъ имѣлъ большое распространеніе. Бугаевъ былъ ученикомъ Брашмана и Давидова. Въ 1863 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію «Сходимость безконечныхъ рядовъ» и въ 1866 г. — докторскую: «Числовыя тождества». Чрезъ всю вторую половину XIX ст. проходитъ его дѣятельность. Его изслѣдованія въ области прерывныхъ функцій и анализа дали очень важные результаты. Ему принадлежитъ первое систематическое изложеніе теоріи прерывныхъ функцій и установленіе методовъ ихъ изслѣдованія. Уже по его стопамъ пошли въ этой области иностранные ученые. Въ области анализа онъ выдвинулъ многіе новые вопросы и установилъ новыя соотношенія. Онъ создалъ цѣлую школу и соотвѣтствующія каѳедры въ Харьковѣ,

Варшавѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ были заняты его учениками. Въ Москвѣ его преемникомъ явился Некрасовъ.

Къ именамъ Давидова и Бугаева надо присоединить имя Цингера, профессорствовавшаго въ Москвѣ съ 1862 по 1898 г. Его работы относятся преимущественно къ области раціональной механики и синтетической геометріи, преподаваніе которой было тогда новостью въ Россіи. Цингеръ былъ изящный и вдохновенный математикъ. И у него, какъ и Бугаева, было очень много учениковъ. Въ 1898 г. онъ ушелъ въ отставку и въ своемъ Тульскомъ имѣніи предался увлеченію ботаникой. На исходѣ 90-хъ годовъ выступилъ рядъ новыхъ свѣжихъ силъ на математическихъ каѳедрахъ. Это были серьезные и талантливые математики — Млодзѣевскій, Лахтинъ, Егоровъ, Лузинъ и др.

Каѳедру астрономіи съ 1862 по 1890 г. занималъ блестящій профессоръ Бредихинъ, которому принадлежатъ важные труды по изученію кометъ (о хвостахъ кометъ) и который увлекательно излагалъ содержаніе своей науки. Въ 1890 г. онъ принялъ постъ директора Пулковской обсерваторіи, и каѳедра перешла къ его талантливому ученику Цераскому.

На каѳедрѣ механики мы встрѣчаемся съ перворазряднымъ ученымъ совершенно исключительной даровитости. Я разумѣю Н. Е. Жуковскаго. Онъ выступилъ въ наукѣ въ 1876 г. съ магистерской диссертаціей «Кинематика жидкаго тѣла», признанной всѣми капитальнѣйшимъ вкладомъ въ гидромеханику. Въ 1882 г. послѣдовала его докторская диссертація: «О прочности движенія», представляющая величайшій научный интересъ. Его послѣдующія многочисленныя изслѣдованія, касающіяся всевозможныхъ вопросовъ механики, часто достигали уровня геніальности. До 1886 г. онъ преподавалъ въ Техническомъ училищѣ, а съ этого года вступилъ на университетскую каѳедру. Онъ скончался въ 1921 г.

Разработка физики въ Московскомъ университетѣ съ средины XIX ст. отмѣчена именами Любимова, Столѣтова, Умова, Лебедева.

Любимовъ, читавшій физику съ 1854 г. по 1882 г. и посвящавшій вмѣстѣ съ тѣмъ немало времени журнальной работѣ въ изданіяхъ Каткова, гдѣ онъ велъ между прочимъ запальчивую борьбу противъ университетской автономіи, и написавшій историческій трудъ «Крушеніе мо-

нархіи во Франціи» (1893 г.), — въ области своей спеціальности извѣстенъ серьезными работами по электродинамикѣ и оптикѣ, а также рядомъ статей по исторіи физики. Въ 1882 г. онъ оставилъ университетъ, будучи назначенъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія.

Столѣтовъ, — по окончаніи университетскаго курса въ 1860 г., — долго работалъ за границей у Кирхгофа и др. и въ 1869 и 1872 г. г. выступилъ съ диссертаціями, доставившими ему имя въ наукѣ: «Задачи электростатики» и «О функціяхъ намагниченія мягкаго желѣза». Какъ профессоръ, онъ далъ сильный толчокъ развитію физики въ Россіи и, такъ же, какъ и Бугаевъ, наполнилъ своими учениками каѳедры многихъ университетовъ. Въ 1895 г. онъ скончался послѣ тяжелаго нервнаго потрясенія, вызваннаго его столкновеніями съ Академіей Наукъ. — Умовъ окончилъ Московскій университетъ въ 1867 г. Съ 1871 г. онъ преподавалъ въ Новороссійскомъ университетѣ (Одесса), а съ 1893 по 1915 г. — въ Московскомъ до смерти Столѣтова теоретическую физику, а потомъ вмѣсто Столѣтова — экспериментальную. Онъ скончался въ 1915 г.

Лебедевъ — былъ геніальнымъ экспериментаторомъ. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго Страсбургскаго экспериментатора Кундта. Главнымъ научнымъ его достиженіемъ, составившимъ его славу, было опытное доказательство существованія свѣтового давленія. Послѣ того, какъ Максвеллъ выдвинулъ теорію свѣтового давленія, въ теченіе болѣе, чѣмъ 30 лѣтъ, никто не могъ подтвердить на опытѣ этой теоріи. Лебедевъ, преодолѣвъ всѣ экспериментальныя затрудненія, не только установилъ опытнымъ путемъ существованіе свѣтового давленія, но и измѣрилъ величину его. Затѣмъ ему удалось доказать, что теорія Масквелла примѣнима и къ газамъ. Далѣе Лебедевъ и шведъ Арреніусъ примѣнили эту теорію къ ученію о кометныхъ хвостахъ. Ученыя заслуги Лебедева высоко оцѣнены въ міровой наукѣ. А при Московскомъ университетѣ онъ создалъ цѣлую школу физиковъ - экспериментаторовъ, каковой до Лебедева не существовало.

Уже увѣнчаннымъ славою большого ученаго переѣхалъ изъ Петербурга въ Москву въ 1881 г. В. О. Ковалевскій, чтобы замѣстить каѳедру скончавшагося Щуровскаго. Не долго пробылъ онъ на этой каѳедрѣ: въ 1883 г. Ковалевскій уже скончался. Это — крупнѣйшій русскій

палеонтологъ. Его работы по палеонтологіи высшихъ позвоночныхъ животныхъ получили капитальное значеніе въ развитіи палеонтологической науки.

Съ середины 60-хъ и по начало 90-хъ г. г. энергично работалъ по организаціи научныхъ силъ въ Москвѣ зоологъ и антропологъ Богдановъ. Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Комитетъ акклиматизаціи животныхъ, Зоологическій садъ и т. д. были ареной его предпріимчивой организаторской дѣятельности. Съ конца 70-хъ г. г. развертывается такая же кипучая дѣятельность Анучина — географа, этнографа, антрополога и археолога, написавшаго нѣсколько десятковъ изслѣдованій по всѣмъ этимъ отраслямъ науки. Онъ умеръ въ глубокой старости уже послѣ большевицкаго переворота.

Опасаясь чрезмѣрно удлинить этотъ списокъ, назовемъ еще зоологовъ Усова и Мензбира, къ которымъ присоединились затѣмъ Сѣверцовъ и Новиковъ, ботаника Тимирязева, геолога Павлова, минеролога Вернадскаго, химиковъ Сабанѣева, Зелинскаго, Гулевича, агронома Сабанина.

Намъ остается коснуться факультета медицинскаго. И здѣсь необходимо отмѣтить нѣсколько очень крупныхъ именъ. Вышедшій изъ клиники Овера Захарьинъ съ 1862 г. и Остроумовъ съ 1879 г. играли во второй половинѣ XIX ст. такую же роль чудодѣйствующихъ врачебныхъ знаменитостей въ Москвѣ, какъ въ былыя времена — Мухинъ и Мудровъ, Иноземцевъ и Оверъ. Въ хирургіи первенствовалъ Склифасовскій въ 1880 - 1893 г. г. Крупную и оригинальную научную силу представлялъ собою гистологъ Бабухинъ, преемникомъ котораго сталъ Огневъ. Съ 1873 г. выдвинулся Снегиревъ, какъ хирургъ-гинекологъ и руководитель гинекологической клиники, Поспѣловъ съ 1884 г., какъ дерматологъ, Зерновъ, какъ анатомъ.

Перечислить всѣхъ многочисленныхъ дѣятелей медицинскаго факультета за вторую половину XIX ст. и начало XX ст. мы не имѣемъ возможности. Назовемъ здѣсь только тѣхъ крупнѣйшихъ изъ нихъ, которые образовали цѣлыя новыя школы въ различныхъ отрасляхъ медицины. Таковы — Тольскій — первый устроитель каѳедры дѣтскихъ болѣзней и Филатовъ — крупнѣйшій спеціалистъ въ этой области, лекціи котораго привлекали

массу студентовъ и врачей, который установилъ нѣсколько новыхъ болѣзненныхъ формъ и указалъ новые признаки для ряда болѣзней и составилъ блестящія клиническія лекціи и учебники по дѣтскимъ болѣзнямъ, переведенные на многіе иностранные языки. Таковы — Кожевниковъ и Корсаковъ. Кожевниковъ въ 1890 г. учредилъ при университетѣ спеціальное Общество невропатологовъ и психіатровъ и былъ устроителемъ клиникъ для душевныхъ болѣзней (въ 1887 г.) и для нервныхъ болѣзней (въ 1893 г.). Корсаковъ — авторъ знаменитаго курса психіатріи (изд. въ 1893 г.) — признается отцомъ русской психіатріи. О его школѣ, внесшей переворотъ въ постановку этой части медицины, читатель найдетъ въ настоящемъ Сборникѣ особую статью д-ра Осипова, ассистента Сербскаго, ученика Корсакова.

Наконецъ, нельзя умолчать о томъ, что отецъ русской физіологіи, знаменитый Сѣченовъ подъ конецъ своей славной дѣятельности перешелъ на каѳедру Московскаго университета.

Мы должны ограничиться здѣсь этимъ неполнымъ и блѣднымъ очеркомъ научной жизни Московскаго университета за вторую половину XIX ст. и начало XX ст. Думается, впрочемъ, что и по этому очерку можно уже видѣть, какъ велики были успѣхи и достиженія научнаго творчества во всѣхъ областяхъ знанія, развертывавшагося подъ сѣнью этого университета за указанный періодъ. По истинѣ грандіозенъ былъ вкладъ Московскаго университета въ сокровищницу русской, а отчасти, и — міровой науки. Являясь столь мощнымъ центромъ научнаго прогресса и успѣховъ просвѣщенія, Московскій университетъ по прежнему игралъ немалую роль также и въ общественной жизни страны. И въ заключеніе нашего очерка мы должны остановиться и на этой сторонѣ его дѣятельности.

III.

Роль Московскаго университета, какъ фактора просвѣщенія во всей Россіи, обрисовывается прежде всего количествомъ притекавшаго къ нему студенчества. Послѣ отмѣны введенной въ 1848 г. ограничительной нормы, число сту-

дентовъ вновь стало возрастать. Въ 1851 г. — студентовъ и вольнослушателей было всего 847. Въ 1855 г. ихъ было — 1060, къ концу 70-хъ годовъ — ихъ количество достигло 1568 чел.; а къ началу 90-хъ годовъ — 3470 ч. и затѣмъ этотъ ростъ все продолжался. При этомъ Москва обнаруживала притягательную силу по отношенію ко всѣмъ раіонамъ Россіи и даже мѣры, принятыя правительствомъ въ 90-хъ г. г. по прикрѣпленію гимназическихъ абитуріентовъ къ университетамъ соотвѣтствующихъ учебныхъ округовъ, не могли устранить совершенно этой тяги къ Москвѣ учащейся молодежи съ различныхъ концовъ Россіи. Тутъ дѣйствовали, конечно, и соображенія о болѣе легкой возможности бѣдному студенту устроить свою жизнь въ Москвѣ, гдѣ такой широкой волной разливалась матеріальная помощь студенчеству со стороны и отдѣльныхъ щедрыхъ жертвователей и цѣлыхъ общественныхъ организацій, на этотъ именно предметъ заведенныхъ.

Но притягивалъ къ себѣ Московскій университетъ, словно магнитъ, и блескомъ своей научной славы и прекраснымъ устройствомъ своихъ вспомогательныхъ учебныхъ учрежденій. Эти вспомогательныя учрежденія размножались, и росли и на государственныя средства и на обильный притокъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ, принимавшихъ близко къ сердцу благосостояніе родного университета.

Въ этомъ отношеніи прецеденты, установленные въ самый начальный періодъ жизни университета, находили себѣ подражаніе въ теченіе всей послѣдующей его исторіи. Такъ, частные жертвователи соревновали съ государствомъ при построеніи цѣлаго городка университетскихъ клиникъ, выросшаго на Дѣвичьемъ Полѣ. Эти клиники составили истинную гордость Москвы и ея университета по великолѣпному ихъ оборудованію. Можно указать на цѣлые научные институты при университетѣ, основанные цѣликомъ по частному почину и на частныя средства. Таковъ, напр., Институтъ Экспериментальной психологіи, построенный и устроенный Щукинымъ потому, что онъ былъ увлеченъ работами проф. Челпанова въ этой области.

Получая отъ общества эти щедрые дары, университетъ съ своей стороны слѣдовалъ своимъ изначальнымъ завѣтамъ тѣснаго единенія своей работы съ общественными интересами. И по прежнему соединительнымъ звеномъ ме-

жду университетомъ и обществомъ служили всего болѣе возникавшія при университетѣ научныя Общества.

Мы видѣли, что уже въ XVIII ст. возникали такія Общества. Затѣмъ въ 1804 г. основано было Общество Исторіи и Древностей россійскихъ, принесшее затѣмъ огромную пользу русской исторической наукѣ изданіемъ своихъ «Чтеній», и Общество физико-математическое. Въ 1805 г. возникло Общество испытателей природы, въ 1811 году — Общество любителей россійской словесности. Оживленіе общественной жизни въ началѣ 60-хъ г. г. вызвало учрежденіе при университетѣ Юридическаго Общества и тогда же возникло Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Въ 1884 г. появляется Психологическое Общество, въ 1890 г. — Общество психіатровъ, въ 1891 г. — Общество дѣтскихъ врачей. Процессъ образованія такихъ Обществъ продолжался и впослѣдствіи и потребовалось бы много мѣста для перечисленія всѣхъ ихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ Обществъ играли особенно замѣтную и оживленную роль въ общественной жизни Москвы.

Общество любителей россійской словесности связывало университетъ съ дѣятелями литературы и искусства. Корифеи литературы, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Писемскій и др. и знаменитые артисты Московскихъ театровъ не разъ выступали на собраніяхъ этого Общества. Ключевскій читалъ тамъ свои знаменитыя историко-литературныя рѣчи о Пушкинѣ, о Новиковѣ. И въ дни громкихъ литературныхъ торжествъ — какъ-то при открытіи въ Москвѣ памятниковъ Пушкину и Гоголю и при различныхъ многознаменательныхъ юбилеяхъ, — это Общество являлось центромъ культурныхъ празднествъ, привлекавшихъ въ стѣны университета огромное скопленіе посѣтителей. Психологическое Общество также возбуждало вниманіе московской интеллигенціи, когда въ общественныхъ кругахъ въ 90-хъ годахъ вновь ожилъ интересъ къ философскимъ проблемамъ. Здѣсь выступали Владиміръ Соловьевъ, Гротъ, Лопатинъ, Кони, появлялся изрѣдка съ докладами и маститый Чичеринъ и все это были истинные праздники для людей, охваченныхъ интересомъ къ идеологическимъ спорамъ.

Велико было общественное значеніе и Юридическаго Общества. По самому своему существу вопросы обществовѣдѣнія представляютъ собою, какъ бы сказать, соеди-

нительный мостъ между научной теоріей и животрепещущими интересами текущей жизни. А во главѣ Юридическаго Общества къ тому же стояли ученые, проникнутые стремленіемъ къ служенію общественному благу: — Муромцевъ, Ковалевскій, Чупровъ, Янжулъ, Гольцевъ и др. И на ряду съ научно-теоретическими докладами въ Юридическомъ Обществѣ ставились и обсуждались вопросы актуальнаго жизненнаго значенія. Въ пору контръ-реформъ, въ 80 и 90-хъ годахъ XIX ст., когда открытое обсужденіе вопросовъ политики было очень стѣснено, засѣданія Юридическаго Общества пріобрѣтали сугубое общественное значеніе. Въ лицѣ своихъ выдающихся профессоровъ университетъ опять шелъ рука объ руку съ передовыми элементами общества, разрабатывая вопросы о необходимыхъ демократическихъ реформахъ и о выдвигаемой жизнью задачѣ преобразованія государственнаго устройства на конституціонныхъ началахъ. Мы уже видѣли, что Муромцевъ, Ковалевскій поплатились за открытое отстаиваніе своихъ убѣжденій лишеніемъ каѳедръ, чему подвергся еще В. А. Гольцевъ, только что занявшій каѳедру Лешкова, а въ 1899 г. было закрыто и само Юридическое Общество за неблагонадежность своего направленія. Оно возобновилось лишь черезъ нѣсколько лѣтъ.

Положеніе университета стало весьма осложняться по мѣрѣ того, какъ въ теченіе 90-хъ и 900-хъ годовъ разросталось политическое движеніе въ странѣ. Уже въ 80-хъ годахъ нѣсколько разъ вспыхивали студенческія волненія, имѣвшія несомнѣнную связь съ политическимъ движеніемъ. Въ 90-хъ г. г. движеніе среди студенчества разростается и принимаетъ все болѣе организованный характеръ. Возникаетъ совѣтъ объединеннаго студенчества, устанавливается контактъ между выступленіями студенчества разныхъ университетовъ. Когда съ началомъ 900-хъ годовъ начало развиваться политическое броженіе во всей странѣ, студенческое движеніе приняло характеръ массовыхъ университетскихъ забастовокъ, на долгое время прерывавшихъ учебныя занятія по всей Россіи.

Въ это время въ Москвѣ, какъ и въ другихъ университетахъ образовалась большая и сплоченная группа профессоровъ, убѣжденныхъ въ томъ, что жизнь университетовъ можетъ войти въ норму лишь при преобразованіи всего государственнаго порядка на основахъ закономѣрности. Вопросъ о конституціонной реформѣ уже выдви-

гался въ общественномъ сознаніи на первую очередь и неотъемлемой частью общеполитической реформы почиталось возстановленіе университетской автономіи, уничтоженной уставомъ 1884 г. Когда въ 1904 г. образовался Союзъ дѣятелей высшей школы, значительное число московскихъ профессоровъ вошло въ составъ этого Союза. Наиболѣе рѣшительную и энергичную кампанію въ печати за необходимость установленія университетской автономіи повелъ тогда московскій профессоръ, философъ кн. С. Н. Трубецкой, вложившій въ эту кампанію весь блескъ своего публицистическаго таланта. Когда въ 1905 году состоялся указъ о введеніи нѣкоторыхъ элементовъ университетской автономіи, а именно: были возстановлены выборы ректора и профессоровъ и расширена компетенція университетскихъ совѣтовъ, Совѣтъ Московскаго университета почти единогласно избралъ ректоромъ кн. С. Н. Трубецкого, который являлся самымъ естественнымъ кандидатомъ на этотъ постъ. Помошникомъ ректора былъ избранъ А. А. Мануиловъ. Трубецкой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался отъ разрыва сердца, надорваннаго волненіями того бурнаго времени. Тогда ректоромъ былъ избранъ А. А. Мануиловъ, помощникомъ ректора М. А. Мензбиръ и проректоромъ А. А. Минаковъ. Мануиловъ оставался на посту избраннаго ректора до 1911-го года. Онъ проявилъ на этомъ посту большой административный талантъ, искреннюю преданность началамъ университетской автономіи, и твердую рѣшимость охранять эти начала отъ всякихъ посягательствъ, откуда бы таковыя ни исходили. Онъ пользовался высокимъ авторитетомъ среди всей той части русской профессуры, которая стояла за автономный строй университета, и въ Москвѣ на его квартирѣ происходили періодическіе съѣзды представителей разныхъ университетовъ для совмѣстнаго обсужденія текущихъ вопросовъ университетской жизни. Вопросовъ этихъ было много, они были порой весьма острыми, ибо приходилось оборонять автономію отъ посягательствъ сверху и въ тоже время сдерживать эксцессы учащейся молодежи, въ средѣ которой продолжалось броженіе, вызываемое общимъ напряженнымъ состояніемъ политической жизни.

Соединеніе твердости съ благожелательнымъ тактомъ, отличавшее А. А. Мануилова, сыграло большую роль въ жизни университета за это время, способствуя постепен-

ному введенію этой жизни въ спокойное русло. Въ февралѣ 1911 года произошелъ рѣзкій конфликтъ между Совѣтомъ Московскаго университета и министромъ нар. просвѣщенія Кассо, который началъ нарушать автономныя права университета, утвержденныя Высочайшимъ указомъ. Въ отвѣтъ на протесты университета, Кассо уволилъ со службы Мануилова, Мензбира и Минакова. Но профессура тогда не была распылена. Въ тѣсномъ согласіи съ Мануиловымъ дѣйствовала компактная группа профессоровъ и преподавателей университета, связанныхъ единствомъ убѣжденій. Всѣ члены этой группы (130 чел.) добровольно вышли въ отставку, выразивъ тѣмъ моральную солидарность съ уволенными членами президіума Совѣта.

Съ образованіемъ въ 1917 г. Временнаго Правительства, въ составѣ котораго портфель министра народнаго просвѣщенія былъ предоставленъ Мануилову, университетская автономія была возстановлена и сецессіонисты вернулись на свои каѳедры.

Большевицкій переворотъ повлекъ за собою полное искаженіе всего университетскаго строя и университеты раздѣлили участь всей Россіи, вступивъ въ полосу глубокаго паденія, когда свободное служеніе наукѣ и просвѣщенію приравнивается къ тяжкому преступленію и вмѣсто того въ основу всей университетской жизни полагается рабски безпрекословное выполненіе декретовъ деспотической власти коммунистической партіи.

Мы обозрѣли по мѣрѣ возможности славное прошлое Московскаго университета. Мы видѣли, какимъ мощнымъ аккумуляторомъ духовныхъ силъ русскаго народа являлся Московскій университетъ за время почти двухвѣкового своего существованія. Онъ возникъ въ ту эпоху, когда поле русскаго просвѣщенія представляло собою почти еще нетронутую новь и на первыхъ порахъ своего существованія онъ долженъ былъ по необходимости явиться учрежденіемъ полуиностраннымъ по составу своихъ дѣятелей. Но стоило лишь бросить въ борозды этого свѣжевспаханнаго поля первыя сѣмена европейской науки, — и оно быстро зазеленѣло, заколосилось и стало давать роскошные плоды. Уже въ XVIII ст. Московскій университетъ породилъ такое блестящее явленіе, какимъ былъ даровитѣйшій русскій ученый юристъ Десницкій. Въ тече-

ніе XIX-го столѣтія каждое десятилѣтіе ознаменовывалось все болѣе широкимъ притокомъ русскихъ ученыхъ силъ на каѳедры университета и въ 30 и 40-хъ годахъ XIX ст. во главѣ университета стояла уже цѣлая фаланга русскихъ ученыхъ, по научной подготовкѣ не уступавшихъ своимъ западно-европейскимъ собратьямъ, а по блеску своихъ талантовъ достойно выражавшихъ великую даровитость русскаго народа. Во второй половинѣ XIX ст. и въ началѣ XX ст. мы встрѣчаемъ на каѳедрахъ Московскаго университета уже и такихъ ученыхъ, которые выступаютъ создателями цѣлыхъ отраслей науки и тѣмъ получаютъ право на мѣсто въ первомъ ряду дѣятелей міровой науки. Служеніе наукѣ Московскій университетъ никогда не отдѣлялъ отъ служенія текущимъ духовнымъ потребностямъ общества. Онъ всегда умѣлъ вводить свою научную работу въ русло кардинальныхъ вопросовъ, овладѣвавшихъ общественнымъ вниманіемъ, и отсюда проистекала глубокая духовная связь его со всѣмъ русскимъ обществомъ. Его судьбы тѣсно сплелись съ судьбами всей Россіи. Сейчасъ университетъ страждетъ, потому что страждетъ и вся Россія. Можетъ ли онъ безвозвратно погибнуть въ этой пучинѣ? Ставить такой вопросъ — все равно, что спросить: — можетъ ли безвозвратно погибнуть Россія?

Когда взойдетъ надъ Россіей солнце жизненнаго обновленія, тогда и славный, старый дубъ въ Москвѣ на Моховой заблеститъ яркой свѣжей зеленью и проявитъ вновь неизсякаемый запасъ творческой мощи, которую можно временно приглушить мѣрами грубаго насилія, но истребить которую не въ состояніи никакая власть, никакая сила.

А. Кизеветтеръ.

Страничка изъ исторіи Московскаго Университета

Въ своихъ донесеніяхъ о состояніи Москвы послѣ нашествія французовъ въ 1812 году гр. Ростопчинъ писалъ въ Петербургъ, что всѣ зданія Московскаго Университета, Московское Благородное Собраніе, Англійскій клубъ — сгорѣли. Въ протоколахъ Временной Комиссіи, образованной Попечителемъ П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ для управленія текущими дѣлами Университета и его учебнаго округа — «на время, пока университетъ соберется въ одно мѣсто, а всѣ онаго части примутъ свое дѣйствіе» — (въ составъ Комиссіи входили: ректоръ университета Геймъ, и профессора — Рихтеръ, Снегиревъ, Мерзляковъ и Кочановскій) — имѣются указанія, что всѣ университетскія зданія, за исключеніемъ двухъ домовъ, называвшихся въ свое время больничнымъ и Пушкинскимъ, были разрушены пожаромъ. Отъ пожара погибли университетская библіотека и большая часть ученыхъ и учебныхъ пособій. Сгорѣлъ университетскій архивъ и свѣдѣнія о студентахъ устанавливались профессорами по памяти. Для возстановленія университетской библіотеки объявленъ былъ пріемъ пожертвованій книгами. Большинство профессоровъ университета лишилось своихъ библіотекъ и растеряло свои ученые труды въ рукописяхъ. Такое разрушеніе университетскаго имущества произошло между прочимъ вслѣдствіе того, что лишь часть «университетскихъ вещей» была вывезена въ Нижній-Новгородъ.

Въ такомъ плачевномъ состояніи оказался Московскій Университетъ послѣ «нашествія Наполеона». Московскія Вѣдомости въ своемъ первомъ номерѣ отъ 23 ноября 1812 г., вышедшемъ послѣ трехъ-мѣсячнаго перерыва, писали: «Наконецъ, благодареніе Богу, мы вновь начинаемъ дышать свободою. Врагъ человѣчества, упившись кровію неповинныхъ, съ адскою въ сердцѣ злобою оставилъ древнюю нашу столицу, и каждый изъ насъ, за попечитель-

нымъ о благѣ нашемъ правительствомъ, занимается теперь безпрепятственно отправленіемъ дѣлъ своихъ».

Нужно было рѣшить вопросъ, — гдѣ и какъ возстановить Московскій Университетъ, разрушенный пожаромъ, раззоренный имущественно, съ разбредшимися по Россіи профессорами и студентами.

Какъ извѣстно, первоначально Московскій Университетъ помѣщался въ старомъ зданіи на Красной площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи, въ началѣ 80 годовъ былъ построенъ Историческій музей. Въ 1785 г. Екатерина II пожаловала Московскому Университету домъ генералъ-поручика кн. Барятинскаго на Моховой. «Сіе распространеніе жилищъ Музъ, писали 11 октября 1785 г. Московскія Вѣдомости (№ 82), будетъ служить новымъ средствомъ къ распространенію наукъ и просвѣщенію, равномѣрно сія милость Ея Императорскаго Величества воспламенитъ въ юныхъ сердцахъ университетскихъ питомцевъ вящшее прилежаніе къ наукамъ и вѣчную благодарность къ источнику своего просвѣщенія и своего счастія. Университетъ же, принимая съ благоговѣніемъ и искреннею благодарностью сіе монаршее о себѣ попеченіе, поставляетъ себѣ за долгъ неусыпно стараться споспѣшествовать благимъ видамъ и великимъ намѣреніямъ своей милосердной Покровительницы».

Въ слѣдующемъ году въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ (№ 68) давалось описаніе торжественной закладки большого университетскаго корпуса, совершенной 23 августа. Изъ этого описанія видно, что, когда въ университетскій домъ прибылъ его превосходительство, господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кураторъ, Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, то, во-первыхъ, отправлено было благодарственное молебствіе, потомъ на мѣстѣ закладки совершено водоосвященіе, по окончаніи котораго, при окропленіи святой водой всего начинающагося зданія «положенъ первый камень самимъ его превосходительствомъ, присутствовавшимъ тутъ же господиномъ куратором, со вложеніемъ въ него мѣдной доски, изображающей высочайшія щедроты Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйше оказанныя университету въ сооруженіи Московскимъ Музамъ толь огромнаго зданія, и нѣсколько монетъ, битыхъ въ благополучное царствованіе Великой Екатери-

ны». Послѣ этого «его превосходительство господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и директоръ университета Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ, положилъ нѣсколько камней, съ присутствовавшими тутъ членами университета, господами профессорами онаго, при радостномъ восклицаніи ура отъ каменщиковъ, чѣмъ сіе дѣйствіе и кончилось».

На мѣдной доскѣ, положенной при закладкѣ въ нарочито изготовленный круглый камень, между прочимъ было обозначено, что «строеніе производилось подъ смотрѣніемъ д. с. с. и онаго же университета директора П. И. фонъ-Визина, архитекторомъ надв. сов. Матвѣемъ Козаковымъ».

Это зданіе было освящено въ 1791 году и съ этого времени въ него переведенъ университетъ.

Къ пожертвованному Екатериной владѣнію было прикуплено университетомъ владѣніе надворнаго совѣтника И. П. Іевлева близъ церкви св. Георгія Побѣдоносца на Красной горкѣ, а въ 1786 г. было куплено угловое владѣніе по Моховой и Никитской. Это владѣніе въ отдаленныя времена принадлежало боярину и начальнику Сибирскаго Приказа кн. Ив. Бор. Репнину, умершему въ 1697 г., затѣмъ сыну его фельдмаршалу, Военной Коллегіи президенту и Лифляндскому Генералъ-Губернатору, кн. Н. И. Репнину. Въ зданіяхъ этого владѣнія были размѣщены университетская библіотека и квартиры служащихъ.

А. Мартыновъ въ своей «Московской Старинѣ» передаетъ преданіе, что, когда Императрица Екатерина II приказала архитектору Козакову составить планъ для постройки университета, то Прокопій Акинфіевичъ Демидовъ изъявилъ желаніе построить его своимъ иждивеніемъ на Воробьевыхъ горахъ и назначилъ для этого полтора милліона рублей. Однако, соизволенія на это почему то не послѣдовало.

Въ 1790 г. директоръ университета Фонъ-Визинъ просилъ Митрополита Платона «прикосновенную къ Университету церковь св. Діонисія Ареопагита сломать съ предоставленіемъ Университету навсегда полной власти на владѣніе всѣмъ принадлежащимъ къ ней мѣстомъ въ пользу и надобность его». Эта церковь находилась на углу Никитской ул. и не существующаго теперь Леонтьевскаго переулка, названнаго по имени другой церкви, находившейся тутъ же, а именно, церкви св. Леонтія чудотворца Ростовскаго. Эта послѣдняя была построена въ 1519 г., а цер-

ковь Діонисія Ареопагита — въ 1514 г. Алевизомъ Фрязинымъ. Консисторія опредѣлила Діонисіевскую церковь дозволить разобрать и землю отдать подъ строенія Университета. Та же участь постигла и церковь св. Леонтія Ростовскаго «на Вражкѣ» близъ Университета. Въ 1791 г. благочинный донесъ Митрополиту Платону, что «эта церковь до крайности обветшала, такъ что въ придѣлѣ Чудотворца Николая и службы отправлять нѣтъ уже возможности, поколику кровля обвалилась и сквозь сводъ проходитъ течь, печь упала, надъ дверью разсѣлина, и входить въ нее не безопасно, а западная стѣна разсѣлась; въ настоящей церкви подобнымъ образомъ крыша совершенно сгнила, и какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви бываетъ течь; иконостасъ облинялъ, церковное мѣстоположеніе стало низко, что во время весеннее и дождливое церковь съ улицы наполняется водою не менѣе аршина глубиною; священникъ служитъ рѣдко, приходъ одинъ только дворъ, а вкладчиковъ никакихъ нѣтъ». Эта церковь по опредѣленію Митрополита Платона была упразднена. А въ слѣдующемъ году тотъ же Фонъ-Визинъ писалъ Митрополиту, что названная церковь «вошла во внутренность самого университетскаго дома и застроена съ великимъ утѣсненіемъ, деревяннымъ, въ совершенную уже ветхость дошедшимъ строеніямъ, такъ что угрожаетъ публичному мѣсту опасностью и сверхъ того дѣлаетъ ему безобразіе». Въ 1793 г. обѣихъ церквей уже не существовало, а участки земли, когда то ими занятые, были поглощены усадьбой Московскаго Университета.

Такъ округлилось къ концу XVIII вѣка владѣніе Московскаго университета.

Послѣ пожара 1812 г. только въ ноябрѣ 1816 г. разрѣшенъ былъ окончательно вопросъ о возобновленіи главныхъ зданій Университета. Было три предположенія: или возстановить прежнія погорѣвшія университетскія зданія, или помѣстить университетъ въ такъ называемомъ Запасномъ Дворцѣ, принадлежавшемъ Кремлевской экспедиціи, или купить для университета домъ генерала Апраксина на Знаменкѣ (гдѣ помѣщалось впослѣдствіи Александровское военное училище). Совѣтъ Университета, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного голоса профессора Сандунова, полагавшаго желательнымъ обстоятельно

обслѣдовать какъ Запасной Дворецъ, такъ и домъ ген. Апраксина, высказался за возстановленіе погорѣвшихъ зданій. Таково же было мнѣніе и Московскаго военнаго Генералъ-Губернатора Гр. Тормасова. 14 февраля 1817 г. состоялось высочайшее повелѣніе о возобновленіи прежнихъ зданій университета, а для губернской гимназіи былъ назначенъ такъ называемый Лопухинскій домъ. При этомъ указано было, что Комиссія для строеній въ Москвѣ можетъ «въ семъ случаѣ воспомоществовать матеріалами за дешевѣйшую цѣну, нежели какъ пріобрѣсти можно оные покупкой у частныхъ людей и въ нужномъ случаѣ рабочими людьми».

Возобновленіе зданій, принадлежавшихъ университету, началось съ главнаго типографскаго корпуса по Страстному бульвару. Главный же каменный корпусъ, такъ называемаго, «Стараго зданія» университета отстроенъ былъ вновь въ 1818 году, покоемъ съ двумя крыльями въ четыре этажа. Усадьба Университета выходила на улицы Моховую и Никитскую и въ Долгоруковскій переулокъ. Въ зданіи Университета считалось тогда 86 комнатъ, 27 сѣней при шести лѣстницахъ, проведенныхъ во всѣ этажи, и восемь кладовыхъ. Уцѣлѣвшій отъ пожара Пушкинскій корпусъ имѣлъ 31 комнату, больничный корпусъ — 43 комнаты. Въ 1819 г. былъ отстроенъ аптечный каменный корпусъ, Мосоловскій или медицинскій институтъ имѣлъ 31 комнату и анатомическій театръ — 22 комнаты.

Въ 1832 году университетомъ пріобрѣтено обширное владѣніе на углу Моховой и Б. Никитской, гдѣ сооружено такъ называемое «новое зданіе» Университета. Это въ старину владѣніе кн. Григорія Сунгулеевича Черкасскаго, умершаго въ 1693 г. Владѣніе это переходило къ адмиралу Ѳ. М. Апраксину, къ генералу фельдмаршалу кн. В. В. Долгорукову. Послѣ ссылки его въ Нарву домъ отошелъ въ казну и въ 1737 г. отданъ во владѣніе Медицинской Канцеляріи для содержанія въ немъ Главной Аптеки. Корпусъ во дворѣ былъ занятъ аптекой съ матеріальными и конторными палатами. Во флигелѣ, гдѣ впослѣдствіи была университетская церковь, была квартира аптекаря Липольда, въ другомъ, направо отъ воротъ, жили аптекарскіе гезели и ученики; позади устроенъ былъ аптекарскій огородъ. Въ 1738 г. къ этому огороду были присоединены дворы: церкви Уара мученика, что при дворцѣ, попа Прокопія Михайлова и Бутырскаго полка капитана кн. Ѳ. И.

Голицына. Въ 1793 г. все это владѣніе перешло къ женѣ кол. ас. Д. И. Пашковой, а въ 1826 г. къ д. т. с. В. А. Пашкову, отъ котораго и перешло къ университету. Послѣ перестройки эти зданія были открыты 17 августа 1836 года.

Сохранившіяся воспоминанія бывшихъ студентовъ Московскаго университета возстанавливаютъ своеобразныя черты давно минувшаго быта этого университета, его профессоровъ и студентовъ начала прошлаго вѣка.

Въ воспоминаніяхъ И. М. Снигирева (Русскій Архивъ 1866 г.) одинъ за другимъ намѣчаются силуэты старыхъ профессоровъ Московскаго университета начала XIX столѣтія.

Снигиревъ поступилъ въ университетъ въ 1807 году. Съ дѣтскимъ восхищеніемъ, говоритъ онъ, надѣлъ я студенческій мундиръ, треуголку и привѣсилъ шпагу, которую клалъ съ собой на постель. Мое торжество раздѣляла со мной матушка и бабушка. Мнѣ казалось, что не только родные и сосѣди, но и встрѣчные и поперечные заглядывались на мою шпагу, а что болѣе льстило моему ребяческому тщеславію, — будочники и солдаты отдавали мнѣ честь...

Разсказывая о первомъ ректорѣ университета Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ, начавшемъ свою службу еще при Екатеринѣ II, Снигиревъ отзывается о немъ, какъ о почтенномъ, сановитомъ старцѣ, ученѣйшемъ профессорѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина, бывшемъ въ тискахъ у Шишковскаго. Знаменитый Шлетцеръ называлъ Чеботарева «своимъ руководителемъ въ русской исторіи». Онъ былъ профессоромъ русской словесности и исторіи, былъ участникомъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при университетѣ; масонъ, первый предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Къ изумленію своему, авторъ воспоминаній встрѣтилъ однажды ректора университета въ классѣ въ одномъ нижнемъ платьѣ и въ короткомъ плащѣ безъ воротника, съ Анненскимъ орденомъ на шеѣ, съ плюмажной шляпой на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни куклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставкѣ и въ походкѣ его выражалась самоувѣренность. Всѣмъ онъ говорилъ «ты», почти всѣхъ называлъ по имени, а не по отчеству. Обхожденіе его могло бы показать-

ся грубымъ, если бы оно не было выраженіемъ благодушія. Новое поколѣніе едва повѣритъ, говоритъ Снигиревъ, что никто, при видѣ Харитона Андреевича, не смѣлъ улыбнуться, а тѣмъ паче засмѣяться и зашикать. Такъ его уважали!

Мѣсто ректора Чеботарева заступилъ Страховъ, профессоръ физики. Это былъ «статный безъ принужденія, величественный безъ напыщенности, красивый безъ притязаній и вѣжливый безъ манерности — истинно почтенный и благородный мужъ». Самый видъ его внушалъ невольное къ нему уваженіе. Его уважали и любили. На его публичныя лекціи собирались изъ всѣхъ почти сословій въ Москвѣ. Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры его провожали толпы слушателей, которые дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное. Какъ просвѣщенный любитель изящныхъ искусствъ, Страховъ завелъ въ университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Въ воскресные дни дворъ его былъ полонъ каретъ и колясокъ, а церковь тѣсна для многочисленныхъ посѣтителей. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Въ вакаціонное время, въ классахъ устроенъ былъ, при содѣйствіи Страхова, театръ, на коемъ играны были питомцами комедіи и оперы. Здѣсь проявились блестящіе таланты, которыми любовались спеціалисты въ этомъ — оба брата Сандуновы. Восхищалась своя и посторонняя публика, такъ что не доставало мѣста для желающихъ. Страховъ пользовался большой популярностью среди всего населенія Москвы.

Далѣе идутъ профессора Московскаго университета. Профессоръ философіи, деканъ этико-политическаго отдѣленія, А. М. Брянцовъ, маленькаго роста, неуклюжій, съ длинной косой, въ старомодномъ кафтанѣ съ большими пуговицами. По праздникамъ его всегда можно было видѣть въ Успенскомъ соборѣ у лѣваго столба. Онъ былъ не по имени, а по дѣламъ философъ христіанскій, считавшій, что «поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное — утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ». Профессоръ математики Панкевичъ — образецъ честности и прямодушія. П. А. Сахацкій, преподававшій эстетику и римскихъ классиковъ; съ обильной ученостью соединялъ онъ тонкій вкусъ и развитое чувство изящна-

го, а также рѣдкій даръ слова, которымъ увлекалъ слушателей. Филологъ и знатокъ эллинскаго и латинскаго языковъ Маттеи. Его лекціи посѣщались охотно. Однажды, изображая Юпитера Олимпійца, который мановеніемъ своихъ бровей потрясалъ небо и землю, Маттеи свалился со стула и парикъ его не удержался на головѣ. М. Т. Кочановскій — полковой аудиторъ, потомъ правитель канцеляріи Попечителя Московскаго университета, гр. Разумовскаго, произведенный безъ экзамена, распоряженіемъ попечителя, сперва магистромъ, потомъ докторомъ словесныхъ наукъ, «по возложенной отъ университетскаго начальства обязанности» читалъ сначала въ университетѣ риторику, потомъ перешелъ къ русской исторіи, потомъ къ археологіи и теоріи изящныхъ искусствъ. По словамъ автора воспоминаній, онъ былъ одаренъ воспріимчивымъ умомъ и счастливой памятью, былъ дѣятеленъ и необыкновенно трудолюбивъ и во многихъ предметахъ учености былъ самоучкой. Его замѣчанія, дѣльныя и находчивыя, обнаруживали его ученость, или, лучше сказать, начитанность и остроуміе.

Особенно интересны страницы, посвященныя воспоминаніямъ о «законоискусникѣ» Захарѣ Аникѣевичѣ Горюшкинѣ. По словамъ Снигирева, это былъ мужъ опытный, любознательный, честный, твердаго характера. Службу свою онъ началъ почти ребенкомъ въ воеводской канцеляріи, въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, когда секретари и повытчики за маловажные проступки таскали за волосы подъячихъ, а судьи самихъ секретарей. Проходя всѣ степени канцелярской службы, онъ былъ подъячимъ въ страшномъ Сыскномъ Приказѣ, на Житномъ дворѣ у Калужскихъ воротъ, гдѣ при допросахъ пытали и того, кто закричалъ роковое «слово и дѣло» и того, противъ котораго это слово было произнесено. Кровавыя сцены въ Сыскномъ Приказѣ и сообщество съ палачами и подобными имъ судьями и подъячими ему омерзѣли. Добывъ себѣ русскую грамматику, ариѳметику и логику, онъ принялся самъ учиться безъ учителя. Вмѣсто чтенія пыточныхъ рѣчей, онъ сталъ твердить части рѣчи въ грамматикѣ. При помощи малограмотной жены выучилъ склоненія. Съ неимовѣрнымъ трудомъ выучилъ ариѳметику и логику, съ усиленнымъ вниманіемъ изучилъ историческія, богословскія, философскія и юридическія книги; искалъ знакомства съ учены-

ми. Съ этой цѣлью онъ сблизился съ профессорами Аничковымъ и Десницкимъ. Приложеніе пріобрѣтенныхъ знаній ему доставило мѣсто члена въ уголовной и казенной палатахъ. Споръ его съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ по дѣлу Новикова въ уголовной палатѣ обнаружилъ въ Горюшкинѣ гражданское мужество; одинъ опирался на личное мнѣніе императрицы, а другой на силу закона и не убоялся гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить государынѣ обвиненіемъ Новикова. Познанія и опытность въ отечественномъ законовѣдѣніи сдѣлали Горюшкина извѣстнымъ директору Московскаго университета П. И. Фонъ-Визину; онъ пригласилъ его преподавать въ университетѣ и потомъ въ бывшемъ при университетѣ благородномъ пансіонѣ практическое законовѣдѣніе. Своимъ лекціямъ онъ давалъ драматическую форму; классъ его представлялъ присутствіе, гдѣ производился судъ по законному порядку. Изъ студентовъ и учениковъ избирались наставникомъ предсѣдатели, судьи, секретари и т. д. Впослѣдствіи изъ нихъ выходили сенаторы и министры. Изданное имъ сочиненіе — «Описаніе судебныхъ дѣйствій» замѣчательно не только въ юридическомъ, но и въ археологическомъ отношеніи, какъ значительный матеріалъ юридическихъ древностей. «Руководство къ познанію Россійскаго законоискусства» Горюшкина есть созданная имъ самимъ система, въ которой сильная, но безформенная народность борется съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юрисконсультовъ. Онъ едва ли не первый у насъ показалъ источникъ юриспруденціи въ правахъ, обычаяхъ и пословицахъ русскаго народа. Какъ опытный законоискусникъ, онъ былъ оракуломъ для многихъ. Къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы и профессора. У него была домашняя школа законовѣдѣнія; образовавшіеся у него молодые люди выходили хорошими стряпчими. Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленькій театръ и музыку. По пріемамъ и костюму, Захаръ Аникѣевичъ не походилъ на прежняго подъячаго, но скорѣе на щеголеватаго барина; черты его лица были у него правильныя, глаза маленькіе, ротъ узкій, выражавшій проницательность и скромность. Онъ пудрился, украшалъ волосы пуклями, носилъ модный кафтанъ и шлифныя на башмакахъ пряжки съ роза-

ми, или стразами, двое часовъ въ карманахъ съ золотыми цѣпочками, на пальцахъ жалованные брилліантовые перстни...

Студенческія воспоминанія Инспектора Рязанской гимназіи и потомъ Инспектора Одесскаго учебнаго округа Ф. Л. Ляликова (Р. А. 1875 г.) относятся къ нѣсколько болѣе позднему времени. Ляликовъ поступилъ въ Московскій университетъ въ 1818 году. Тогда университетъ временно помѣщался въ домѣ Яковлева, потомъ купца Монахова, въ Долгоруковскомъ переулкѣ. По пріѣздѣ въ Москву его отецъ, въ парадномъ, красномъ екатерининскомъ мундирѣ, повелъ его въ университетъ. Прошеніе о поступленіи въ университетъ, по просьбѣ отца, было написано Кондратьевымъ, позднѣе секретаремъ Правленія, за что данъ ему былъ полтинникъ. «Уже не знаю почему, пишетъ Ляликовъ, по слухамъ ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ, или такъ, изъ уваженія (чистаго, безъ побужденій: дѣйствительно то былъ вѣкъ уваженія), родители рѣшили сдѣлать визиты со мною Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву. То было время сюрпризовъ и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами». Полотенца были поднесены какъ Сандунову, такъ и супругѣ Снегирева.

Изъ оконъ комнаты, куда помѣстили Ляликова, виденъ былъ университетскій дворъ, гдѣ только что еще начинали разсаживать деревья. Theatrum anatomicum еще отдѣлывался и «мы бывало, пишетъ онъ, смотримъ изъ окна, какъ знаменитый Лодеръ, пріѣзжавшій четверкой въ каретѣ, со звѣздой на груди, лазилъ по лѣстницѣ, чтобы осмотрѣть поближе и исправить латинскую на фронтонѣ надпись. Изъ любопытства мы нѣсколько разъ ходили на его лекціи. Помню, внутри полукруглой залы или аудиторіи была надпись: «Руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя, научи мя заповѣдемъ Твоимъ». А надъ каминомъ, за каѳедрой, тоже надпись: «Искушайте время, яко дніе лукави суть». При выходѣ же, въ сѣняхъ, по гречески: «познай самого себя».

Инспекторъ студентовъ, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, знаменитый въ свое время профессоръ патологіи и директоръ терапевтической клиники, отличался особой набож-

постью. По его требованію во всѣхъ корридорахъ больничнаго корпуса на стѣнахъ были вылѣплены изъ алебастра кресты. Въ пріемной у доктора Мудрова на стѣнѣ была вывѣшена табличка за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, написаннымъ киноварью, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны, и затѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой.

Тамъ, гдѣ теперь алтарь университетской церкви, была, продолжаетъ Ляликовъ, театральная гардеробная, и, когда начинался съѣздъ артистокъ, артистовъ и кордебалета (въ огромныхъ каретахъ, которыхъ теперь уже не видать) можно было изъ оконъ, гдѣ теперь университетскіе часы, видѣть всю эту разукрашенную суматоху: окна или вовсе не занавѣшивались, или занавѣшивались плохо... Въ бенефисы, какой-то невѣдомый театральный посланецъ раздавалъ намъ нѣсколько даровыхъ билетовъ, разумѣется, въ раёкъ, со словами: «хлопайте, господа, больше». Близость театра подавала возможность, у кого были деньги, посѣщать лучшіе спектакли. Все помнится: и Эдипъ въ Аѳинахъ (Семенова) и Дмитрій Донской, и Поликсена, и Русалка, и Коварство и Любовь (Мочаловъ)...

«Въ 1820 г. мы задумали въ своей средѣ основать общество литературное, т. е. читать заготовляемыя сочиненія и разбирать ихъ критически. Для нашихъ засѣданій предложилъ просторную свою квартиру И. В. Титовъ близъ церкви Николы въ Голутвинѣ, за Москвой-рѣкой. Мы сходились раза три; потомъ слышимъ, что квартальный съ буточниками за нами наблюдаетъ, а дальше и хозяинъ дома объявляетъ Титову, что онъ держать его въ своемъ домѣ, если не прекратятся сборища, не можетъ. Нечего дѣлать, надо было бросить. Такимъ образомъ самое невинное, чистое дѣло погасло не отъ бѣса полуденнаго, а отъ неотесаннаго алгвазилы».

Къ болѣе позднему времени относятся воспоминанія С. Смирнова о Ѳ. И. Иноземцевѣ. (Р. А. 1872 г.). Память объ этомъ выдающемся человѣкѣ и профессорѣ Московскаго университета, даже имя его, едва ли сохранилась у новыхъ поколѣній. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ круп-

нѣйшихъ дѣятелей въ области русской медицины, сочетавшій «служеніе научной истинѣ со служеніемъ общественному благу». Иноземцевъ жилъ и работалъ въ то самое время, когда жилъ и совершалъ свое общественное служеніе Т. Н. Грановскій. Вліяніе Иноземцева въ сферѣ его дѣятельности было столь же значительно, какъ и вліяніе Грановскаго и другихъ выдающихся дѣятелей Московскаго университета. Современниками Иноземцева были Пироговъ, Филомотицкій, Рѣдкинъ, Крыловъ, Баршевъ, Неволинъ и др.

Иноземцевъ появился въ темную пору, когда русской медицины еще не было и когда, какъ говоритъ авторъ воспоминаній, «носилось смутное убѣжденіе, что ея и быть не можетъ». Въ представленіи народа русскій лѣкарь былъ чѣмъ то совершенно инымъ, чѣмъ «нѣмецъ-дохтуръ». Русскимъ лѣкаремъ могла быть повивальная бабка, знахарь, мельникъ-колдунъ, много-много фельдшеръ, а дохтуромъ непремѣнно долженъ былъ быть нѣмецъ. Русскій лѣкарь — это созданіе собственной среды. Нѣмецкій докторъ — по историческимъ преданіямъ временъ петровскихъ, скорѣе нѣчто страшное, чѣмъ полезное. Высшее общество того времени признавало только иностранную медицинскую науку, а къ русскимъ врачамъ относилось, какъ къ «паріямъ». До Иноземцева въ Москвѣ пользовались особой извѣстностью врачи французы: Митивье, Помо, Скюдери, впослѣдствіи Оверъ, нѣмцы врачи — Фразе (Фразеръ) и Рейманъ, а послѣ 1812 г. Мархусъ и Рихтеръ. Въ Петербургѣ до 1820 г. царили врачи англичане — Лейтонъ и Крейтонъ. Русскихъ врачей и въ поминѣ не было. «Непризнанные съ одной стороны, непоощренные съ другой, они теряли вѣру въ самихъ себя и готовы были отступиться отъ научнаго соревнованія». Лишь изрѣдка раздавался съ каѳедры русскій голосъ — Мудрова, Мухина, Дядьковскаго... Въ ученыхъ профессорахъ нѣмецкихъ не было личнаго сочувствія къ намъ, пишетъ Смирновъ, и мы сами имѣли горесть слышать отъ нихъ, что для русскихъ студентовъ они считаютъ своимъ долгомъ выполнить только свою служебную обязанность, т. е. просидѣть на каѳедрѣ отъ звонка до звонка... Вся ихъ наука заключалась въ старыхъ запискахъ, которыя не давали даже идеи науки, а въ живомъ словѣ передавались разные анекдоты на латинскомъ языкѣ и мы не слыхали даже и намековъ на путь, по которому надо идти на встрѣ-

чу наукѣ. Затвердивъ тетрадки, мы уже знали науку и должны были считать себя достаточно учеными для предстоящаго намъ поприща.

Въ эту пору появился Иноземцевъ. Онъ вѣрно оцѣнилъ положеніе русскаго врача въ обществѣ и въ наукѣ. Съ него началась новая эпоха. Отъ него, — говоритъ Смирновъ, — мы услыхали въ первый разъ новое для насъ тогда слово «русская наука», «русская медицина». Это былъ начинатель русской медицинской науки. Онъ сумѣлъ вызвать въ слушателяхъ любовь къ наукѣ ради науки, внѣ зависимости отъ матеріальныхъ выгодъ, которыя можетъ принести знаніе медицины. Въ Иноземцевѣ его слушатели видѣли олицетворенную, абсолютную любовь къ наукѣ, любовь, охотно жертвовавшую удобствами житейскими и находившую въ себѣ самой вознагражденіе и счастье. Отъ него постоянно слышали, что честность въ наукѣ столь же обязательна и важна, какъ и честность въ жизни. Въ этомъ было нравственное основаніе его ученія. Стремясь къ объединенію труда русскихъ врачей и послѣ окончанія ими университета, Иноземцевъ на собственныя средства основалъ въ Москвѣ Медицинскую газету, а вскорѣ въ Москвѣ же возникло при его содѣйствіи Общество Русскихъ Врачей, а за нимъ начали образовываться первыя медицинскія общества въ губернскихъ городахъ Россіи.

— «Любовь творитъ, говорилъ Иноземцевъ, одинъ эгоизмъ ничего не производитъ».

Его задачей было примирить теорію съ практикой; образовать врачей научно-практическихъ — было его любимой мечтой. И эта мечта Иноземцева стала дѣйствительностью. Иноземцеву Россія обязана въ значительной мѣрѣ тѣмъ типомъ русскаго врача, образованнаго служителя общественному благу, который такъ отличаетъ русскихъ врачей отъ столь распространеннаго типа врачей ремесленниковъ.

Иноземцевъ происходилъ изъ выходцевъ изъ Персіи. Родился въ 1802 г. Въ Харьковскомъ университетѣ, прослушавъ два года курсъ общихъ наукъ, онъ, какъ казенно-коштный студентъ, былъ «назначенъ начальствомъ» на словесный факультетъ и впослѣдствіи былъ преподавателемъ математики въ Льговскомъ уѣздномъ училищѣ.

Въ 1826 г. вновь поступилъ въ Харьковскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ числѣ выдающихся студентовъ онъ поступилъ въ Профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ и послѣ заграничной командировки въ 1835 г. былъ назначенъ преподавателемъ хирургіи въ Московскомъ университетѣ.

К. А. Леонтьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣлаетъ интересное сопоставленіе двухъ знаменитыхъ въ то время врачей въ Москвѣ — Иноземцева и Овера. Онъ приводитъ отзывъ одной великосвѣтской дамы, которая въ разговорѣ съ пріятельницей, говоритъ:

— «Нѣтъ, милый другъ, если бы отъ меня зависѣлъ выборъ, я бы любила Иноземцева, а лѣчилась у Овера. Ѳедора Ивановича можно обожать, но онъ все бы меня «питалъ млекомъ», а я этому не вѣрю».

Въ этомъ намекъ на увлеченіе Иноземцева молочнымъ лѣченіемъ. Однако, Леонтьевъ всецѣло на сторонѣ Иноземцева. Онъ очень сурово относится къ Оверу, отмѣчая его нѣсколько наглую манеру, его равнодушіе къ студентамъ, его обращеніе съ ближайшими подчиненными нерѣдко очень грубое. Все это было рѣзкимъ контрастомъ съ «милой мрачностью Иноземцева, съ его любовью и добротою къ ученикамъ, съ его мягкой и серьезной порядочностью». Оверъ, французъ, въ своемъ модномъ коричневомъ фракѣ и при всей великосвѣтскости своей, былъ все таки менѣе джентлеменъ, менѣе distingué, чѣмъ Иноземцевъ въ своемъ чиновничьемъ, до верху застегнутомъ, синемъ вицъ-мундирѣ. Въ темныхъ глазахъ Иноземцева, немного томныхъ, какъ будто задумчивыхъ и даже печальныхъ, свѣтилась чрезвычайная доброта, его лицо темное, неправильное, задумчивое, крайне милое, пожалуй, пріятно некрасивое, мыслящее, было полно тихаго достоинства. «Онъ казался, продолжаетъ Леонтьевъ, или добрымъ и вмѣстѣ энергичнымъ русскимъ бариномъ, съ удачной примѣсью азіатской крови и азіатской серьезности, или даже какимъ то великодушнымъ, задумчивымъ и благороднымъ поэтомъ съ береговъ Инда или Евфрата, поступившимъ, по обстоятельствамъ, на коронную службу къ Бѣлому Царю».

Вотъ силуэты далекаго прошлаго нашего Московскаго университета. Видѣнья прошлаго, картины прошлыхъ лѣтъ, давно забытыя, проносятся какъ слабыя тѣни. А между тѣмъ въ этомъ прошломъ слагались славныя традиціи Московскаго университета, какъ источника знанія и благого просвѣщенія.

Н. Астровъ.

Прага.

Московскій Университетъ въ первый періодъ большевицкаго режима

Часто бываетъ, что человѣческій организмъ, наканунѣ серьезнаго заболѣванія, когда въ немъ уже гнѣздятся разрушительные микробы, испытываетъ особый приливъ энергіи и ощущеніе полноты физическаго здоровья. Это происходитъ потому, что въ организмѣ совершается какъ-бы мобилизація всѣхъ его силъ и элементовъ, способныхъ къ борьбѣ съ проникшими въ него паразитами, и такимъ образомъ усиливается обмѣнъ веществъ, что выражается сначала въ подъемѣ бодрости, а затѣмъ уже переходитъ въ изнурительную лихорадку.

Такое ощущеніе сравнительнаго благополучія переживала русская высшая школа въ началѣ большевизма передъ тѣмъ, когда она подверглась небывалому, даже въ ея многострадальной исторіи, разрушительному натиску со стороны правительства. А въ Московскомъ университетѣ, въ теченіе послѣдняго передъ большевицкой реформой учебнаго года наблюдался даже повышенный темпъ жизнедѣятельности. Помимо сознанія грозившей университету опасности, которое, если не совсѣмъ устранило, то въ значительной степени смягчило существовавшія до того недоразумѣнія между различными возрастными группами академической семьи, профессурой, младшимъ преподавательскимъ персоналомъ и студенчествомъ, важную роль въ этомъ сравнительномъ благополучіи сыграло то обстоятельство, что, какъ разъ передъ захватомъ государственной власти большевиками, былъ изданъ рядъ законодательныхъ новеллъ, которыми устанавливалась автономія высшей школы. Подъ покровомъ автономіи нормальная жизнь этой школы и удержалась нѣсколько дольше по сравненію со средней и низшей школой.

Этотъ полуторалѣтній періодъ съ весны 1919 г. до осени 1920 г., когда большевики наносили университету рядъ отдѣльныхъ, подчасъ весьма чувствительныхъ ударовъ,

но не покушались еще на его автономію въ цѣломъ, я и постараюсь охарактеризовать въ настоящемъ очеркѣ. При отсутствіи матеріаловъ и документовъ я не могу разсчитывать на полноту очерка; онъ составляется лишь изъ обрывковъ воспоминаній.

Уже въ концѣ 1918 г. Комиссаріатомъ Народнаго Просвѣщенія была сдѣлана первая попытка общей реформы высшей школы. Былъ созванъ съѣздъ дѣятелей этой школы, въ которомъ приняли участіе и представители студенчества. Въ числѣ участниковъ было нѣкоторое количество коммунистовъ, какъ изъ старыхъ учебныхъ заведеній, такъ, главнымъ образомъ, изъ вновь возникшихъ къ тому времени большевицкихъ учрежденій: соціалистической академіи, коммунистическаго университета и т. д. Комиссаріатъ предложилъ съѣзду проектъ новаго Положенія о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Основой этого проекта было разбитіе каждой школы на три ступени: высшую — научно-изслѣдовательскіе институты, среднюю — учрежденія для преподавательской дѣятельности и низшую — подготовительные курсы для лицъ, не имѣющихъ достаточнаго образовательнаго ценза. И управленіе высшей школой разбивалось соотвѣтственно этимъ тремъ ступенямъ съ ущербомъ, конечно, для автономіи въ пользу какъ Комиссаріата, такъ и общественныхъ, т. е. другими словами партійно-коммунистическихъ, организацій. На съѣздѣ развернулись горячія пренія, исходъ которыхъ былъ явно неблагопріятенъ для правительственнаго проекта. Поэтому закончился съѣздъ избраніемъ комиссій, которыя должны были заняться разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ частей предлагаемой реформы. Но и комиссіи, поработавъ нѣкоторое время, прекратили свое существованіе, такъ что эта первая реформаторская попытка Комиссаріата осталась висѣть въ воздухѣ, а высшія учебныя заведенія продолжали жить по законамъ, изданнымъ Временнымъ Правительствомъ.

Приписавъ неудачу съѣзда наличію буржуазно-академическихъ предразсудковъ, укоренившихся не только въ профессорской, но и въ студенческой средѣ, Комиссаріатъ рѣшилъ, повидимому, начать съ другого конца и подго-

товить такую академическую среду, которая относилась-бы болѣе сочувственно къ его мѣропріятіямъ. Въ осуществленіе этого Московскій университетъ, равно какъ и другія высшія учебныя заведенія, получилъ три приказа. Однимъ изъ нихъ предлагалось открыть двери университетовъ для широкихъ слоевъ общества и принимать въ качествѣ студентовъ всѣхъ, достигшихъ 16-лѣтняго возраста, независимо отъ ихъ образовательной подготовки. Вторымъ — всѣ приватъ-доценты, пробывшіе въ этой должности не менѣе трехъ лѣтъ, возводились въ профессорское званіе и получали такимъ образомъ право непосредственнаго участія въ факультетскихъ засѣданіяхъ и въ Совѣтѣ университета (до того времени приватъ-доценты принимали такое участіе лишь черезъ избранныхъ ими представителей). Профессорами-же становились приватъ-доценты университета, занимавшіе профессорскую должность въ какомъ-либо другомъ высшемъ учебномъ заведеніи. И, наконецъ, третьимъ было потребовано произвести въ освѣженныхъ такимъ образомъ университетскихъ коллегіяхъ перевыборы всѣхъ профессоровъ, прослужившихъ 10 и болѣе лѣтъ. Но и эта вторая попытка Комиссаріата не привела къ желательнымъ для него результатамъ.

Составъ слушателей, правда, быстро возросъ въ Московскомъ университетѣ съ прежнихъ одиннадцати до двадцати съ чѣмъ-то тысячъ, но большинство вновь поступившихъ, не будучи допускаемо къ семинарскимъ и практическимъ занятіямъ, чувствовало себя въ роли посторонникъ посѣтителей университета, притомъ недостаточно подготовленныхъ, чтобы сознательно и съ успѣхомъ слѣдить за чтеніемъ университетскихъ лекцій. Вскорѣ началось фактическое отпаденіе этихъ чуждыхъ университету элементовъ и послѣ непродолжительнаго наводненія студенческіе кадры вновь вступили въ свои нормальные берега.

Что касается «демократизаціи» факультетскихъ собраній и Совѣта, то и эта мѣра не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій. Къ обсужденію университетскихъ дѣлъ было привлечено нѣкоторое количество свѣжихъ силъ, что само по себѣ было только плюсомъ при тогдашнихъ трудныхъ временахъ. Но сторонниковъ Комиссаріата среди нихъ было очень немного. Такимъ образомъ, въ результатѣ реформы засѣданія университетскихъ коллегій сдѣлались болѣе затяжными; нерѣдко они осложнялись

выступленіями сторонниковъ Комиссаріата, носившими партійную окраску; но въ общемъ приливъ молодыхъ элементовъ только усилилъ сопротивляемость этихъ коллегій и готовность ихъ стоять на стражѣ академической автономіи.

Очень отчетливо это проявилось при перевыборахъ профессуры. Сколько мнѣ помнится, никто изъ профессоровъ, кромѣ коммуниста профессора астрономіи Штернберга, не былъ забаллотированъ, никто изъ молодыхъ не покусился занять мѣсто своего учителя или старшаго коллеги, явленіе, которое, къ сожалѣнію не чуждо академической жизни и которое въ весьма тягостныхъ формахъ наблюдалось во время разгрома Московскаго университета министромъ Кассо въ 1911 году.

Такимъ образомъ осуществленіе лозунга divide et impera не удалось на этотъ разъ Комиссаріату. Разсчетъ его на разногласія, издавна существовавшія между полноправной профессурой и безправными «младшими преподавателями» университета, не оправдался по двумъ причинамъ. Первая изъ нихъ заключалась въ томъ, что еще на съѣздѣ преподавателей высшей школы, созванномъ въ Петроградѣ при Временномъ Правительствѣ, состоялось согласованіе взглядовъ двухъ категорій преподавательскаго персонала, причемъ младшая категорія получила право делегировать въ управляющія коллегіи университетовъ своихъ представителей, какъ равноправныхъ членовъ этихъ коллегій. Другой-же причиной явилось тѣсное объединеніе всѣхъ группъ преподавательскаго персонала передъ лицомъ опасности, грозившей университетской автономіи. Къ этому объединенію примкнули и студенческія организаціи, существовавшія на основѣ закона, опубликованнаго при Временномъ Правительствѣ. Такимъ образомъ академическая семья являла въ это время картину сплоченности и взаимнаго пониманія, давно уже, а можетъ быть и никогда не виданную въ исторіи россійскихъ университетовъ.

Когда профессора, прослужившіе не менѣе 10 лѣтъ, должны были подвергнуться перебаллотировкѣ, и въ силу этого тѣ изъ нихъ, которые занимали административныя должности, должны были сложить ихъ съ себя, то въ порядкѣ старшинства мнѣ пришлось занять должность де-

кана физико-математическаго факультета. Такъ какъ у меня существовали наилучшія личныя отношенія съ большинствомъ членовъ факультета, а въ средѣ младшаго преподавательскаго персонала я былъ извѣстенъ, какъ авторъ закона предоставившаго ему участіе въ управленіи университетомъ и иниціаторъ вышеупомянутаго Петроградскаго съѣзда, то выполненіе деканскихъ обязанностей проходило у меня совершенно гладко. Серьезнымъ осложненіемъ этихъ обязанностей была необходимость организовать перевыборы. Въ университетскихъ кругахъ не опасались какихъ-либо неожиданностей по существу этого акта. Но многихъ пугала техническая сторона дѣла. На нашемъ факультетѣ подвергалось переизбранію нѣсколько десятковъ лицъ, и нѣкоторые члены факультета высказывали мнѣ опасенія, что выборная процедура можетъ затянуться на цѣлую недѣлю и привести къ какой-нибудь путаницѣ. Тогда, вооружившись всей опытностью, которая у меня накопилась за время многолѣтняго пребыванія гласнымъ Московской Городской Думы и членомъ Государственной Думы, я такъ тщательно разработалъ выборное производство и такъ энергично предсѣдательствовалъ во время выборовъ, что они оказались законченными въ теченіе одного полдня, прошли съ самымъ заботливымъ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формальностей и не вызвали совершенно никакихъ недоразумѣній. Физико-математическій факультетъ былъ первый, а за нимъ, по его примѣру, перевыборы такъ же гладко прошли и на другихъ факультетахъ.

Послѣ этой реконструкціи факультета мнѣ пришлось продолжать нести деканскія обязанности, но уже на основаніи факультетскаго избранія. Въ своей послѣдующей работѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ, разсмотрѣніе которыхъ совершалось обычно въ весьма дружественной атмосферѣ, Факультетъ поставилъ на очередь два существенныхъ организаціонныхъ вопроса. Первый — это урегулированіе магистрантскихъ экзаменовъ путемъ выработки списка группъ предметовъ, подлежащихъ сдачѣ. При этомъ вмѣсто прежней пестроты и даже нѣкоторой произвольности этихъ группъ было установлено, что каждый магистрантъ долженъ сдать одинъ главный и два второстепенныхъ предмета. Вторая и болѣе значительная реформа заключалась въ организаціи предметныхъ комиссій, т. е. общихъ собраній всѣхъ преподавателей по каждому препо-

даваемому на факультетѣ предмету для обсужденія вопросовъ программы и осуществленія преподаванія. Этимъ путемъ создалась какъ-бы мелкая академическая единица, подобная той мелкой земской единицѣ, которая такъ долго была предметомъ вожделѣній русской общественности. Главнымъ положительнымъ свойствомъ предметныхъ комиссій было то, что въ нихъ могли быть допущены и «младшіе преподаватели». Давно уже, какъ сказано выше, въ университетахъ существовалъ нѣкоторый антагонизмъ между профессурой и остальнымъ преподавательскимъ составомъ (прозекторами, ассистентами, приватъ-доцентами). Немногочисленное представительство въ совѣтахъ и факультетскихъ собраніяхъ не всѣмъ давало полное удовлетвореніе. Многія лица изъ этого состава, почтенные научные дѣятели, ведшіе отвѣтственную преподавательскую работу, чувствовали обиду по поводу того, что направленіе и распорядокъ этой работы устанавливался совершенно безъ ихъ вѣдома, иногда лишь на основаніи годами создававшагося обычая. А вслѣдствіе этого новыя вѣянія науки не всегда могли быть достаточно представлены въ университетскомъ преподаваніи. Допущеніе-же всѣхъ преподавателей въ совѣты и факультетскія собранія сдѣлали-бы эти учрежденія черезчуръ многолюдными, а потому и неработоспособными. Вѣдь общее число преподавателей Московскаго университета простиралось до 800 человѣкъ. Созданіе предметныхъ комиссій внесло новую струю мира во взаимоотношенія между различными группами академическаго персонала. Творческая совмѣстная работа часто бываетъ наилучшей почвой для сглаживанія треній и устраненія обидъ. Но особенное значеніе предметныя комиссіи должны имѣть для такихъ факультетовъ, какъ физико-математическій и медицинскій, гдѣ практическія занятія, а иногда и веденіе цѣлаго учебно-вспомогательнаго учрежденія ложится на плечи «младшаго преподавателя». Предоставленіе ему права голоса въ обсужденіи вопросовъ преподаванія столь-же цѣлесообразно, какъ и справедливо *).

А на ряду съ образованіемъ предметныхъ комиссій

*) Первое начало предметнымъ комиссіямъ, хотя и не въ оффиціальномъ порядкѣ было положено В. О. Ключевскимъ, который созывалъ всѣхъ преподавателей по каѳедрѣ русской исторіи для обсужденія программы преподаванія.

оказалось нетруднымъ разбить нашъ факультетъ на большее, по сравненію съ прежнимъ, число отдѣленій, о чемъ уже давно шли разговоры въ факультетѣ. Вмѣсто математическаго и естественно-научнаго были созданы, поскольку мнѣ не измѣняетъ память, отдѣленія: математическое, физико-химическое, біологическое и агрономическое. Въ общемъ получилась довольно планомѣрная децентрализація завѣдыванія учебнымъ дѣломъ, сущность управленія которымъ продолжала быть сосредоточенной въ факультетскомъ собраніи.

Впослѣдствіи институтъ предметныхъ комиссій былъ воспринятъ въ большевицкій уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ качествѣ обязательнаго для всѣхъ факультетовъ, при томъ въ значительно испорченномъ видѣ.

Весной-же 1919 года, послѣ вышеописанной перетряски всего преподавательскаго персонала университета, должны были состояться выборы ректора, его помощника и проректора. На предварительномъ совѣщаніи была выдвинута моя кандидатура. Я былъ исполненъ готовности взять въ свои руки защиту университетской автономіи, столь дорогой мнѣ какъ по существу ея, такъ и потому, что всѣ послѣдніе годы, сначала въ Государственной Думѣ, а потомъ при Временномъ Правительствѣ въ Комиссіи по реформѣ высшихъ учебныхъ заведеній мнѣ пришлось работать надъ ея осуществленіемъ. Но тѣмъ не менѣе я очень колебался, считая, что мое прежнее общественное положеніе дѣлало изъ меня фигуру, дразнящую коммунистовъ. И только послѣ того, какъ ко мнѣ явилась депутація студентовъ, просившая меня не отказываться отъ должности ректора и обѣщавшая мнѣ поддержку студенчества, мои колебанія смягчились, и я былъ избранъ. Существенно отмѣтить, что автономія университетскаго управленія была въ это время осуществлена въ столь широкой степени, что никакого утвержденія избираемыхъ должностныхъ лицъ не происходило, а университетъ сообщалъ Наркомпросу о состоявшихся выборахъ лишь для свѣдѣнія.

Въ виду чрезвычайной трудности совмѣщенія ректорскихъ и деканскихъ обязанностей, на должность декана физико-математическаго Факультета былъ затѣмъ из-

бранъ проф. А. Н. Реформатскій, котораго впослѣдствіи, осенью 1919 г., замѣнилъ проф. В. В. Стратоновъ.

Вскорѣ послѣ вступленія моего въ должность ректора произошелъ инцидентъ, доставившій мнѣ немало хлопотъ и волненій. Университетомъ была получена бумага отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, въ которой значилось, что я вмѣстѣ съ предшествующимъ ректоромъ, за неисполненіе декрета о ликвидаціи домовыхъ церквей, отдаюсь подъ судъ, а Московскому Совѣту рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ высказывается порицаніе за нераспорядительность, выразившуюся въ томъ, что университетская церковь продолжаетъ оставаться въ нетронутомъ видѣ. Черезъ нѣсколько дней пришло извѣщеніе отъ пожелавшаго искупить свою вину Московскаго Совѣта о томъ, что въ ближайшую ночь, въ 12 часовъ, пріѣдетъ къ университету нарядъ рабочихъ для снятія со зданія церкви наружныхъ эмблемъ, т. е. креста, иконы св. Татьяны и надписи на фронтонѣ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ». Я приглашался присутствовать при этомъ актѣ, подписать протоколъ и принять снятыя вещи. Наступила ненастная ночь, а когда я прибылъ къ университетской церкви, то разразилась жестокая гроза. Точно въ назначенное время подъѣхали два грузовика съ рабочими, которые подъ проливнымъ дождемъ, при грозныхъ раскатахъ грома и блескѣ молніи приступили къ своей разрушительной работѣ. Крестъ и икона были сняты довольно быстро, но сбиваніе надписи потребовало значительнаго времени, такъ что я отправился въ находившуюся неподалеку квартиру университетскаго экзекутора, гдѣ мнѣ устроили ночлегъ. Лишь подъ утро работа закончилась и распорядитель ея явился ко мнѣ для подписанія протокола. Все было проведено съ обѣихъ сторонъ вполнѣ корректно. Что-же касается рабочихъ, то несмотря на то, что былъ посланъ, повидимому, особенно испытанный кадръ, въ лицахъ и движеніяхъ ихъ явно сквозило смущеніе, вызванное какъ странностью порученной имъ ночной работы, такъ и грозной картиной разбушевавшейся стихіи.

Самъ по себѣ актъ снятія религіозныхъ эмблемъ имѣлъ лишь демонстративное значеніе, ибо богослуженіе въ университетской церкви въ то время уже не производилось; оно было перенесено въ одну изъ ближайшихъ приходскихъ церквей, которая прежде, до устройства домашней церкви, считалась университетской. Удаленіе-же

надписи, являвшейся достояніемъ недавняго прошлаго и весьма безвкусно сдѣланной древнеславянской вязью на зданіи въ стилѣ ампиръ, послужило лишь къ возстановленію архитектурной гармоніи зданія.

Судебное слѣдствіе потянулось нѣкоторое время, но до суда дѣло не дошло: процессъ былъ прекращенъ. Уже впослѣдствіи нами былъ полученъ дальнѣйшій приказъ ликвидировать и внутреннюю обстановку церкви. Но такъ какъ въ ней было значительное число старинныхъ художественныхъ предметовъ, въ томъ числѣ икона, приписываемая кисти Рублева, то вся обстановка была признана цѣннымъ музейнымъ достояніемъ. Въ алтарь были снесены всѣ художественныя вещи и онъ былъ отдѣленъ стѣной отъ остального пространства церкви, въ которомъ были размѣщены шкафы одной изъ библіотекъ юридическаго факультета.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ у насъ началась работа, совершенно необыкновенная по тому времени въ Москвѣ. Въ то время, когда всюду разрушались дома, одни отъ недостатка ремонта или отъ хищническаго ихъ использованія, другіе, деревянные, при активномъ содѣйствіи населенія, ибо они разбирались на топливо, намъ удалось приступить къ достройкѣ такъ назыв. геологическаго корпуса. Корпусъ этотъ былъ начатъ постройкой уже давно, но, послѣ подведенія его подъ крышу, работы по недостатку кредитовъ прекратились. Весной 1919 г. онъ представлялъ печальную картину недостроеннаго, брошеннаго и потому начинавшаго приходить въ упадокъ, зданія. А геологическія и минералогическія коллекціи ютились въ неудобномъ, неприспособленномъ для нихъ помѣщеніи стараго зданія университета. Чувство хозяйственности не могло мириться съ такимъ положеніемъ вещей, и я предложилъ Правленію университета приступить къ достройкѣ и оборудованію зданія. Удалось получить отъ Наркомпроса нужные кредиты, былъ разысканъ прежній, строившій зданіе, подрядчикъ, и работа, хотя и съ большими трудностями, была доведена до конца, такъ что осенью минералогическій, а также геологическій и палеонтологическій институты могли быть размѣщены со всѣмъ комфортомъ въ новомъ зданіи.

Въ теченіе лѣта 1919 г. у меня наладилась большая и отвѣтственная работа внѣ университета. При Научно-техническомъ Отдѣлѣ Высшаго Совѣта народнаго хозяйства была организована Научная Комиссія, составившаяся изъ представителей Высшихъ учебныхъ заведеній и Ученыхъ обществъ по спеціальностямъ естествознанія и техники. Этой Комиссіи, разбившейся на 7 секцій и объединившей въ себѣ всѣхъ наиболѣе выдающихся московскихъ спеціалистовъ по названнымъ отраслямъ знанія, была предоставлена необходимая для научной работы свобода и самостоятельность. Избранный предсѣдателемъ этой комиссіи я постарался какъ можно шире развернуть дѣятельность, видя въ ней съ одной стороны могучее средство для оживленія научной работы, столь затрудненной въ то время въ высшихъ школахъ, съ другой — возможность придти на помощь ученымъ въ ихъ тяжкомъ матеріальномъ положеніи и съ третьей — центръ, вокругъ котораго могли-бы объединиться ученые разныхъ спеціальностей, принадлежавшіе къ составу различныхъ учрежденій, чтобы въ этомъ общеніи освѣжать свои научные запросы и черпать, столь нужную въ то время, моральную поддержку. Забѣгая впередъ, скажу, что плодотворная работа Комиссіи продолжалась около четырехъ лѣтъ и лишь въ сентябрѣ 1922 г. въ тотъ-же день, когда я получилъ отъ ГПУ предложеніе въ 7-дневный срокъ покинуть Россію, я узналъ, что Научная Комиссія постановленіемъ Коллегіи ВСНХ снята съ государственнаго снабженія. Лишенная матеріальнаго базиса Комиссія вскорѣ послѣ этого захирѣла и прекратила свое существованіе.

Въ виду моей перегруженности работой, а главнымъ образомъ въ виду того, что мое избраніе весной происходило въ нѣсколько необычайной обстановкѣ, при участіи цѣлаго ряда новыхъ членовъ Совѣта, еще не ориентировавшихся въ ходѣ административной работы университета, на осень вновь были назначены выборы ректора. Назначая выборы, я руководился также своими старыми опасеніями, какъ-бы мое пребываніе на посту ректора не явилось источникомъ правительственныхъ каръ на университетъ. Основательность этого опасенія подтверждалась тѣмъ обстоятельствомъ, что этой-же осенью у меня на квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, и я избѣгъ ареста только благодаря своему своевременному отъѣзду изъ Москвы. Не лишена своеобразной колоритности исторія

моего возвращенія. Я вернулся въ Москву примѣрно послѣ 10-дневнаго отсутствія, когда дѣло, по которому я подлежалъ аресту, было ликвидировано, и красноармейцы, помѣщенные въ засаду, были удалены съ моей квартиры. Не заходя домой, я прежде всего отправился въ Комиссаріатъ Просвѣщенія и получилъ отъ замѣстителя Народнаго Комиссара М. Н. Покровскаго оффиціальную справку, что мое дѣло прекращено. Но когда я спросилъ у него, могу-ли я теперь ночевать у себя дома, онъ мнѣ посовѣтовалъ нѣсколько ночей на всякій случай переждать съ этимъ.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ мнѣ казалось, что другое лицо было-бы болѣе умѣстно, чѣмъ я, на посту ректора. Но въ различныхъ группахъ Совѣта сложилось твердое настроеніе въ пользу моей кандидатуры и даже одинъ изъ профессоровъ, близкихъ къ правительственнымъ кругамъ, работавшій въ Наркомпросѣ и ВСНХ, въ отвѣтъ на мое заявленіе о трудности совмѣщенія должностей ректора и предсѣдателя Научной комиссіи заявилъ, что такое совмѣщеніе будетъ весьма полезно для университета въ смыслѣ лучшихъ возможностей снабженія его научными пособіями, что на самомъ дѣлѣ впослѣдствіи и оправдалось. При этихъ обстоятельствахъ мнѣ ничего не оставалось, какъ принять избраніе, т. е. взвалить на себя почти непосильный трудъ и тягчайшую отвѣтственность.

Заручившись во время выборовъ обѣщаніемъ членовъ Совѣта оказывать мнѣ всемѣрную поддержку, я воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы возстановить дѣятельность давно уже не собиравшейся Совѣтской комиссіи, состоявшей изъ наиболѣе почтенныхъ, заслуженныхъ профессоровъ. Этотъ сеньоренъ-конвентъ университета, не выносившій окончательныхъ рѣшеній, а лишь подготовлявшій дѣла къ Совѣту, имѣлъ, однако, особенно въ описываемый періодъ времени, громадное значеніе, ибо въ немъ ректоръ могъ получить и компетентную консультацію по текущимъ дѣламъ и весьма существенную моральную поддержку.

Административная-же работа, какъ въ хозяйственной, такъ и въ учебной области наталкивалась на немалыя затрудненія.

Въ хозяйственномъ отношеніи надо было съ наступ-

леніемъ холодовъ прежде всего разрѣшить вопросъ отопленія. Въ теченіе предшествующей зимы, когда дрова въ Москвѣ стали рѣдкимъ явленіемъ, университетъ почти вовсе не отапливался, такъ что температура въ помѣщеніяхъ доходила до 0, а въ нѣкоторыхъ спускалась до —8°. Физико-математическимъ факультетомъ было вынесено постановленіе, которымъ разрѣшалось не читать лекціи, если морозъ въ аудиторіи доходилъ до —5°. Былобы ужасно испытывать дальше терпѣніе больныхъ въ клиникахъ, а также героизмъ профессоровъ и студентовъ, которые являлись на лекціи, закутанные въ шубы, а на практическихъ занятіяхъ разогрѣвали пробирки съ жидкостями, изъ-за неаккуратной подачи газа, теплотой своихъ рукъ или держа пробирки надъ зажженными спичками, если таковыя имѣлись. При Правленіи университета былъ тогда организованъ Отдѣлъ снабженія, во главѣ котораго сталъ молодой, предпріимчивый человѣкъ изъ московскихъ коммерсантовъ, инженеръ Азархъ. Было рѣшено, что Отдѣлъ, свободный отъ какихъ-либо бюрократическихъ стѣсненій, будетъ на чисто коммерческихъ началахъ закупать дрова не только на московскихъ рынкахъ, гдѣ ихъ было крайне недостаточно, но главнымъ образомъ непосредственно на мѣстахъ ихъ заготовокъ, въ которыхъ и самъ приметъ участіе. Предполагалось далѣе, что онъ, помимо пріобрѣтенія разныхъ вещей, необходимыхъ для канцеляріи и для учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, сумѣетъ доставить и нѣкоторое количество продовольствія, столь необходимаго для голодавшаго тогда персонала университета. Но это послѣднее предположеніе осуществилось въ ничтожной степени, тогда какъ дровяная операція была проведена, примѣнительно къ обстоятельствамъ того времени, блестяще. Полопавшіяся въ теченіе предшествующей зимы отъ морозовъ трубы и батареи центральнаго отопленія были ремонтированы, на дворѣ университета стали часто появляться обозы дровъ, надъ расходованіемъ которыхъ былъ установленъ строжайшій контроль, и скоро температура въ аудиторіяхъ оказалась 7 - 8°, а въ нѣкоторыхъ лабораторіяхъ и клиникахъ поднялась даже до 10 - 12°. Посѣщаемость университетскихъ занятій значительно возросла, и университетъ сталъ не только средоточіемъ духовныхъ интересовъ, но и мѣстомъ, гдѣ можно было согрѣться послѣ пребыванія въ промерзлой квартирѣ. Лишь

во время рождественскихъ каникулъ, когда, по соображеніямъ экономіи, отопленіе было пріостановлено, лопнуло нѣсколько трубъ, но съ началомъ учебныхъ занятій, все было снова приведено въ порядокъ. Въ эту зиму университетъ оказался въ положеніи одного изъ немногихъ, сравнительно теплыхъ оазисовъ въ Москвѣ, и даже изъ плохо отапливаемаго Наркомпроса пытались разузнать нашъ секретъ добыванія дровъ.

Былъ и еще одинъ случай, когда Комиссаріату пришлось позавидовать, на этотъ разъ старой, организаціи Московскаго университета. Въ одно изъ моихъ посѣщеній Комиссаріата, куда мнѣ приходилось ѣздить главнымъ образомъ для того, чтобы хлопотать объ освобожденіи арестованныхъ профессоровъ и другихъ лицъ университетскаго персонала, мнѣ было предложено раскассировать университетскую канцелярію, какъ гнѣздилище старыхъ бюрократическихъ традицій, несовмѣстимыхъ съ новымъ государственнымъ строемъ. Я категорически отказался это сдѣлать, ссылаясь на то, что канцелярію надо разсматривать не съ партійной точки зрѣнія, а какъ дѣловой аппаратъ, который въ университетѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго и при замѣнѣ котораго сложное университетское дѣло можетъ придти въ состояніе непоправимаго разстройства. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора я узналъ, что Наркомпросъ переманиваетъ нашихъ служащихъ въ свою канцелярію, что по отношенію къ одному изъ нихъ ему и удалось.

Ободренное успѣхами достройки геологическаго корпуса, Правленіе университета рѣшило предпринять дальнѣйшую строительную работу — ремонтъ стараго зданія. Это зданіе — твореніе геніальнаго Казакова, реставрированное послѣ московскаго пожара 1812 г. архитекторомъ Джеларди, представляетъ собой одну изъ первоклассныхъ архитектурно - художественныхъ достопримѣчательностей. Потребность въ ремонтѣ его чувствовалась уже давно, и оно нѣсколько лѣтъ стояло, окруженное лѣсами, которые въ періодъ недостатка дровъ были разобраны на отопленіе. А между тѣмъ выяснилось, что старыя щели въ стѣнахъ зданія стали катастрофически расширяться, такъ что зданію угрожала явная опасность. Внѣшній-же видъ былъ настолько изуродованъ временемъ и испорченъ лѣсами, что художественно-историческій памятникъ производилъ самое жалкое, антихудожественное впечатлѣніе.

Воспользовавшись пріѣздами Комиссара по просвѣщенію А. В. Луначарскаго въ университетъ въ связи съ юбилеемъ Герцена, въ январѣ 1920 г., когда я впервые познакомился съ Комиссаромъ, и зная его эстетическія наклонности, я попытался заинтересовать его художественной стороной дѣла и получилъ отъ него обѣщаніе отпустить кредиты. Обѣщаніе было быстро исполнено, и при Правленіи университета была создана художественно-архитектурная Комиссія, членами которой были наиболѣе выдающіеся московскіе архитектора и художники. Съ наступленіемъ строительнаго сезона начались работы по укрѣпленію стѣнъ, давшихъ трещины, и къ тому-же времени былъ готовъ тщательно разработанный на основаніи историческихъ данныхъ планъ реставраціи внѣшняго фасада и приведенія его въ тотъ самый видъ, какой онъ имѣлъ во времена Казакова и Джеларди. Окраска золотистой охрой съ бѣлыми колоннами и скульптурными украшеніями и крыша синяго цвѣта. Снова воздвиглись по фасаду, выходящему на Моховую улицу, лѣса, давшіе поводъ московскимъ насмѣшникамъ для разсужденій о томъ, какъ университетъ запасаетъ себѣ отопленіе; но на этотъ разъ работа по ремонту закипѣла. Чрезвычайно умѣлое и заботливое, притомъ совершенно безкорыстное руководство дѣломъ со стороны художественно-архитектурной комиссіи обезпечило успѣхъ дѣла. Пока производился штукатурный ремонтъ, съ великимъ трудомъ удалось добыть въ безтоварной Москвѣ нужный запасъ краски. Мнѣ вспоминаются два примѣра горячаго отношенія къ дѣлу со стороны членовъ комиссіи. Когда принесли изъ мастерской первую партію барельефныхъ украшеній для фасада (старыя были почти всѣ попорчены), то мнѣ они казались совершенно точными копіями старыхъ, и я былъ склоненъ подтвердить мастерской дальнѣйшій заказъ. Но когда одинъ изъ членовъ комиссіи увидѣлъ ихъ, онъ проявилъ большое огорченіе по поводу отсутствія въ барельефахъ мягкости, свойственной старымъ образцамъ. Была созвана комиссія, которая потребовала и настояла на томъ, чтобы вся поставка была передѣлана на основаніи данныхъ ею указаній. А въ другой разъ членъ комиссіи, предсѣдатель Московскаго архитектурнаго общества, звонитъ мнѣ по телефону и проситъ экстренно пріостановить начатую штукатурку колоннъ. Дѣло въ томъ, что штукатурка производилась ме-

ханическимъ путемъ, съ тѣмъ, чтобы каждая колонна представляла собой точно вертикальное сооруженіе. А между тѣмъ изученіе фотографій и разсчетъ плановъ привели моего собесѣдника къ соображенію, что при принятомъ способѣ ремонта совокупность колоннъ будетъ производить въ перспективѣ впечатлѣніе растопыренныхъ кверху пальцевъ. Думаю, что это было-бы замѣтно лишь искушенному глазу, но тѣмъ не менѣе архитектурная оплошность и отступленіе отъ стараго образца были-бы сдѣланы, если-бы этому не помѣшала заботливость члена комиссіи. Работа была пріостановлена, были сдѣланы спеціальные разсчеты для штукатурки, и реставрированная колоннада нынѣ снова радуетъ взоры стройностью и изящнымъ благородствомъ своихъ очертаній. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось увидѣть реставрацію законченной, и лишь по фотографіи я могу судить, что она доведена до желаннаго конца. Возстановленъ и гербъ — чудесное художественное произведеніе, безъ котораго зданіе утратило-бы значительную долю своей гармоничности, но противъ котораго одно время былъ поднятъ жестокій походъ.

Экстраординарнымъ событіемъ въ университетской жизни зимой 1919 - 20 учебнаго года было празднованіе 50-лѣтія со дня смерти А. И. Герцена (21 января 1870 г.), который былъ студентомъ Московскаго университета. Было рѣшено устроить торжественное публичное собраніе съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ рѣчей. Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ на пріемъ явился одинъ изъ дѣятелей Наркомпроса, сообщилъ, что правительство также собирается праздновать юбилей и предложилъ согласовать наши дѣйствія. Намѣренія Наркомпроса заключались въ томъ, чтобы за нѣсколько дней до юбилея устроить на университетскомъ дворѣ торжественную закладку памятниковъ Герцену и Огареву, а въ самый день — народное собраніе въ Большомъ театрѣ. Университетъ приглашался помочь организаціи торжества по закладкѣ памятниковъ и делегировать своего представителя въ театръ, гдѣ онъ долженъ былъ выступить въ числѣ ораторовъ. Въ свою очередь Комиссаріатъ желалъ прислать своего представителя на университетское собраніе. То обстоятельство, что оба собранія назначались на одинъ и тотъ-же вечеръ, моего посѣтителя не смущало, ибо публика на томъ и другомъ

собраніи должна была быть разная. Несмотря на необычайную по тому времени корректность и даже предупредительность сдѣланнаго намъ предложенія, я не рѣшился взять на себя отвѣтственность и поставилъ это дѣло на разсмотрѣніе Совѣта. Въ Совѣтѣ было вынесено единодушное рѣшеніе принять предложеніе Наркомпроса и мнѣ поручено было представлять университетъ, какъ на закладкѣ памятниковъ, такъ и въ Большомъ театрѣ.

Утромъ въ день закладки ко мнѣ въ кабинетъ начали съѣзжаться высокопоставленныя особы. Здѣсь я и переговорилъ съ Луначарскимъ о реставраціи стараго зданія, демонстрируя въ натурѣ его убожество и проводя мысль, что убожество это будетъ еще болѣе подчеркнуто постановкой новыхъ памятниковъ. Пріѣхалъ предсѣдатель Московскаго совѣта Л. Б. Каменевъ съ женой и много другихъ лицъ, незнакомыхъ ни мнѣ, ни другимъ, присутствовавшимъ на торжествѣ дѣятелямъ университета. Изъ иностранныхъ представителей припоминаю небезызвѣстнаго французскаго капитана Садуля. Начались разговоры о порядкѣ рѣчей и выяснилось, что первую рѣчь долженъ произнести Луначарскій, какъ представитель правительства, вторую — Каменевъ, какъ представитель города Москвы. Третья рѣчь была предложена мнѣ; я согласился, но увидѣвъ, что въ этотъ моментъ во дворъ университета, стройными рядами подъ звуки музыки, входили рабочіе и желая отвѣтить на любезность любезностью, спросилъ, не слѣдуетъ-ли на нашемъ торжествѣ предоставить слово также представителю рабочихъ. Каменевъ, облеченный въ роскошную шубу съ драгоцѣннымъ бобровымъ воротникомъ, какую въ прежнее время не постѣснялся-бы надѣть любой представитель московскаго міра капиталистовъ, не задумываясь, отвѣтилъ мнѣ, что это излишне, такъ какъ онъ въ достаточной степени представляетъ московскій рабочій классъ. Въ остальномъ торжество прошло совершенно гладко, и нынѣ, какъ я усматриваю изъ фотографій, оба памятника, работы скульптора Андреева, возвышаются на университетскомъ дворѣ передъ реставрированнымъ фасадомъ стараго зданія.

Гораздо труднѣе было мое положеніе въ Большомъ театрѣ. Какъ указано выше, на тотъ-же самый вечеръ было назначено и наше университетское собраніе. Оно состоялось въ одной изъ нашихъ большихъ аудиторій, которая была переполнена студенчествомъ и той московской

публикой, которую мы привыкли всегда видѣть на общественныхъ собраніяхъ. Открывъ собраніе и выслушавъ первую рѣчь, сколько помню П. Н. Сакулина, я передалъ предсѣдательство и отправился въ Большой театръ. Пройдя прямо за кулисы, я увидалъ на сценѣ артистовъ Неждановy и Южина. Вечеръ уже начался и шло исполненіе Бетховенскаго Эгмонта. Я оставался за кулисами, гдѣ находились и другія лица, которымъ предстояло выступить съ рѣчами. На меня, какъ на инородное тѣло, посматривали не особенно дружелюбно. Да и внѣшній видъ мой рѣзко выдѣлялся. Общепринятый костюмъ былъ кожаная куртка или френчъ, сапоги или военные обмотки на ногахъ. Я-же явился по старому обычаю въ черномъ сюртукѣ, бѣлоснѣжномъ воротничкѣ и блестящихъ башмакахъ. Начали вызывать ораторовъ, и послѣ нѣсколькихъ стереотипныхъ вызововъ: «делегатъ такой-то (коммунистической) организаціи, товарищъ такой-то», предсѣдательствовавшій Луначарскій вдругъ возглашаетъ: «слово принадлежитъ ректору Московскаго университета, профессору М. М. Новикову». Уже самая форма вызова неодобрительно настроила собраніе, а когда я появился изъза кулисъ и торжественно-медленнымъ, приличествовавшимъ моему положенію, шагомъ направился къ рампѣ, я слышалъ грозное гудѣніе изъ партера, сплошь занятаго кожаными куртками. Но послѣ того, какъ я просто и безыскусственно, какъ привыкъ говорить передъ аудиторіей народнаго университета, разсказалъ о пребываніи Герцена въ Московскомъ университетѣ и, процитировавъ нѣсколько фразъ изъ его сочиненій, въ которыхъ говорилось о служеніи истинѣ, закончилъ заявленіемъ, что если-бы когда-нибудь жизнь осуществила идеалы Герцена, то настала-бы эпоха общечеловѣческаго счастья, настроеніе слушателей рѣзко измѣнилось и свой длинный обратный путь по сценѣ я продѣлалъ подъ оживленные апплодисменты.

— ———

Но не всегда взаимоотношенія университета съ правительственными кругами проходили такъ гладко. Чаще они приводили къ серьезнымъ непріятностямъ. Изъ нихъ прежде всего я остановлюсь на превращеніи Юридическаго факультета въ факультетъ Общественныхъ наукъ.

Осенью 1919 г. М. Н. Покровскій высказалъ нѣкото-

рымъ дѣятелямъ Юридическаго факультета пожеланіе о реформѣ. Это пожеланіе не встрѣчало въ средѣ факультета принципіальныхъ возраженій, ибо многимъ членамъ факультета оно казалось соотвѣтствующимъ современному состоянію научныхъ знаній. Но затѣмъ декану факультета С. Н. Прокоповичу было предъявлено требованіе о принятіи, въ виду расширенія программы факультета, дополнительной профессуры по списку Наркомпроса. Деканъ не могъ, конечно, гарантировать, что предложенныя лица будутъ избраны факультетомъ, а противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, у которыхъ не было ни ученыхъ трудовъ, ни академическаго стажа, онъ выставилъ и свои личныя возраженія. Начались совѣщанія и переговоры между факультетомъ и Комиссаріатомъ. Такъ какъ они носили предварительный характеръ, то центральные органы университета не были оповѣщены о нихъ. Было созвано совѣщаніе на паритетныхъ началахъ: 13 представителей факультета и 13 — Наркомпроса. Цѣлью совѣщанія было разсмотрѣніе списка 30 кандидатовъ, предложенныхъ Наркомпросомъ въ преподаватели будущаго факультета общественныхъ наукъ. Предсѣдательствовалъ М. Н. Покровскій. Когда въ числѣ кандидатовъ было названо имя Бухарина, деканъ факультета заявилъ: «я не знаю такого экономиста, прошу назвать его ученые труды». Такое выступленіе противъ виднаго члена и любимца коммунистической партіи вызвало волненіе и рѣзкій конфликтъ между двумя половинами собранія. Ученые труды кандидата, за отсутствіемъ таковыхъ, названы не были. Такой-же категорическій отводъ былъ заявленъ противъ редактора «Извѣстій» Стеклова. Въ общемъ академическая часть собранія заявила отводъ противъ приблизительно трети предлагавшихся кандидатовъ. Начались отдѣльныя совѣщанія въ обѣихъ фракціяхъ: факультетской и правительственной. Но обѣ стороны стояли на своемъ, и когда деканъ при возобновленіи общаго собранія заявилъ, что факультетская фракція большинствомъ голосовъ рѣшила не соглашаться на требованіе Наркомпроса, Покровскій закончилъ собраніе угрозой ввести своихъ кандидатовъ въ факультетъ путемъ правительственнаго назначенія.

И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время факультету было объявлено Наркомпросомъ о его ликвидаціи и объ организаціи факультета общественныхъ наукъ въ составѣ прежней профессуры Юридическаго факультета и лицъ

по ранѣе отвергнутому списку. Это былъ безповоротный актъ Комиссаріата, которому университетъ долженъ былъ подчиниться. Но администрація университета не могла приложить своихъ рукъ къ этому насильственному мѣропріятію, и на созванное Комиссаріатомъ первое факультетское собраніе, которое должно было быть открыто ректоромъ, не явился ни онъ, ни его помощникъ, за которымъ, какъ за близъ живущимъ, спеціально посылали служителя, ни деканъ Юридическаго факультета. Послѣ долгаго ожиданія М. Н. Покровскому самому пришлось открыть дѣятельность факультета. Были, конечно, приняты спеціальныя мѣры къ тому, чтобы новымъ преподавателямъ обезпечить аудиторію. Такъ, напр., лекціи Бухарина были назначены въ промежуточные часы между сильно посѣщавшимися лекціями Кизеветтера и Прокоповича.

Насколько нѣкоторые изъ новыхъ преподавателей были далеки отъ дѣлъ высшей школы, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій примѣръ. Когда въ факультетскомъ засѣданіи обсуждалась программа на предстоящій семестръ, и преподаватели одинъ за другимъ называли свои курсы, прибавляя, что тотъ-то курсъ будетъ двухчасовой, а тотъ — четырехчасовой и т. д., одинъ изъ новичковъ заявилъ, что онъ желаетъ прочитать 4-часовой курсъ исторіи профессіональнаго движенія и 2-часовой — международной организаціи профессіональныхъ союзовъ. А когда у него спросили разъясненій, онъ смущенно заявилъ, что онъ не разсчитываетъ читать въ теченіе всего семестра, а хочетъ оба курса уложить всего въ 6 часовъ.

Вообще-же можно сказать, что учебная работа на факультетѣ въ первое время послѣ его реформы не испытала рѣзкаго ущерба. Она главнымъ образомъ сосредоточилась въ семинаріяхъ, которыми руководили подлинные профессора и въ которыхъ держался еще старый составъ достаточно подготовленныхъ студентовъ. Въ концѣ концовъ факультетъ былъ инкорпорированъ университетомъ, и деканъ его, на каковую должность былъ избранъ одинъ изъ прежнихъ университетскихъ преподавателей, былъ приглашенъ въ составъ Правленія.

На другихъ факультетахъ работа шла пока нормальнымъ порядкомъ. Командированная Наркомпросомъ на Медицинскій факультетъ комиссарка въ лицѣ неокончив-

шей еще курса студентки-медички, не пріобрѣла никакого существеннаго вліянія на дѣятельность факультета, которымъ руководилъ такой компетентный и опытный деканъ, какъ проф. А. В. Мартыновъ, а начавшіе было зарождаться слухи о предстоящемъ разгромѣ Историко-филологическаго факультета вскорѣ затихли и онъ мирно работалъ, возглавляемый своимъ заслуженнымъ деканомъ проф. А. А. Грушкой. Но постепенно и совершенно незамѣтно на университетскомъ организмѣ образовался паразитическій наростъ въ видѣ рабочаго факультета.

Случайнымъ свидѣтелемъ зачатія этого учрежденія былъ С. Н. Прокоповичъ. Однажды, когда онъ бесѣдовалъ съ М. Н. Покровскимъ о дѣлахъ Юридическаго факультета, Покровскому было доложено, что его по экстренному дѣлу желаетъ видѣть товарищъ Шацкій. Въ присутствіи Прокоповича Шацкій, кстати сказать бывшій содержатель закрытыхъ, на ряду съ другими частными учебными заведеніями, курсовъ по подготовкѣ къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости и на поступленіе въ вольноопредѣляющіеся, изобразилъ передъ замѣстителемъ народнаго комиссара заманчивую картину устройства при университетѣ курсовъ для рабочихъ, гдѣ они могли-бы въ теченіе 2 - 3 мѣсяцевъ получить предварительныя знанія, необходимыя для успѣшнаго прохожденія университетскаго курса. Въ то время уже наступило разочарованіе по поводу мѣропріятія Наркомпроса съ допущеніемъ въ университетъ всѣхъ, достигшихъ 16-лѣтняго возраста, шли уже разговоры о созданіи рабочихъ факультетовъ для подготовки къ слушанію лекцій на другихъ факультетахъ и Покровскій охотно пошелъ навстрѣчу Шацкому. Высказано было лишь сомнѣніе по поводу трудности найти въ университетскихъ зданіяхъ соотвѣтствующія помѣщенія, но Шацкій съ чрезвычайной скромностью и непритязательностью заявилъ, что можно обойтись безъ спеціальныхъ помѣщеній и вести групповую работу на площадкахъ лѣстницъ и въ корридорахъ.

Въ результатѣ этого разговора Шацкому была поручена организація рабочаго факультета при Московскомъ университетѣ. Исходя изъ демагогическаго лозунга, что для господъ положенія, для новой, рабочей аристократіи унизительно существованіе учебныхъ заведеній съ упрощенной программой, но что для нихъ должны быть открыты двери всѣхъ высшихъ школъ, правительство лик-

видировало знаменитый блестящей постановкой преподаванія Народный университетъ имени Шанявскаго, Московское Общество народныхъ университетовъ, которое при помощи лучшихъ московскихъ научно-популяризаторскихъ силъ развивало работу главнымъ образомъ въ провинціи, Пречистенскіе курсы для рабочихъ, которые велись группой исключительно компетентныхъ, идейно преданныхъ своему дѣлу людей, а теперь вмѣсто этихъ образцовыхъ учрежденій поручало хозяйчику репетиторскаго заведенія, спеціалисту по механическому натаскиванію къ экзаменамъ, подготовку малограмотныхъ людей къ прохожденію университетскаго курса *).

Однако скромная непритязательность организатора Рабочаго факультета расположила къ нему вначалѣ и Правленіе университета; на торжественномъ открытіи факультета я долженъ былъ выступить съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ, что Московскій университетъ всегда широко открывалъ свои двери всѣмъ жаждущимъ знанія и способнымъ добиваться его, и что наилучшей эмблемой этой традиціи является возвышающійся какъ-разъ передъ той аудиторіей, въ которой происходило собраніе, памятникъ основателю университета — великому выходцу изъ народа М. В. Ломоносову.

Но затѣмъ, вкоренившись въ университетскую почву и получивъ отъ Наркомпроса щедрое ассигнованіе, новый факультетъ сталъ неисчерпаемымъ источниковъ всяческихъ недоразумѣній и непріятностей для университета. Постоянное требованіе новыхъ помѣщеній, вмѣшательство въ общеуниверситетскія дѣла и постоянныя жалобы на Правленіе въ Наркомпросъ создали едва терпимое положеніе.

Предварительная подготовка вновь поступившаго студенчества стояла тогда на весьма низкомъ уровнѣ, благодаря разгрому средней школы. Правда, дѣло еще не дошло до такихъ размѣровъ, какъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ Московскомъ Высшемъ Техническомъ Училищѣ профессору по сопротивленію матеріаловъ было предложено читать свой курсъ, не обременяя студентовъ выс-

*) Шацкій — основатель Рабочаго факультета не имѣетъ ничего общаго съ педагогомъ С. Т. Шацкимъ — основателемъ сеттлемента, извѣстнымъ еще съ довоеннаго времени успѣшной работой по раціонализаціи дѣтскаго воспитанія и обученія.

шей математикой, а въ отвѣтъ на его заявленіе, что это невозможно по существу предмета, курсъ былъ вычеркнутъ изъ программы. Но тѣмъ не менѣе и намъ приходилось снижать уровень преподаванія. Чтобы хоть сколько нибудь парализовать это гибельное для высшей школы явленіе, было рѣшено устроить при университетѣ подготовительные курсы. Мы разсчитывали, что размежуемся съ Рабочимъ факультетомъ такъ же, какъ при Герценовскихъ торжествахъ размежевались съ Наркомпросомъ: публика у насъ будетъ разная. Курсы успѣшно просуществовали нѣкоторое время, но потомъ, послѣ ликвидаціи университетской автономіи, они были признаны конкуррентомъ Рабочему факультету и распущены.

Однимъ изъ непріятнѣйшихъ событій за время моего ректорства былъ обыскъ въ университетѣ. Ему предшествовала довольно длинная исторія, связанная съ успѣхами бѣлаго движенія и опасеніями большевиковъ за свою личную судьбу.

Однажды мнѣ было доложено изъ канцеляріи, что тамъ былъ посланный Наркомпроса, который просилъ прислать въ Комиссаріатъ нѣсколько экземпляровъ (кажется 15) студенческихъ билетовъ и зачетныхъ книжекъ съ подписями и печатями, но безъ содержанія. На вопросъ о томъ, для чего имъ эти вещи, онъ отвѣтилъ, что онѣ нужны въ качествѣ образцовъ. Требуемые бланки были посланы, но безъ подписей и печати. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ является чиновникъ Наркомпроса и обрушивается на меня съ горячими упреками, говоря, что университетъ занимается саботажемъ и не хочетъ исполнить даже пустяковую просьбу правительственнаго органа. Бланки за подписями университетскихъ должностныхъ лицъ и съ печатью университета имъ необходимы для того, чтобы провѣрять путемъ сравненія правильность документовъ приходящихъ къ нимъ просителей. Я заявилъ, что желаніе Комиссаріата будетъ исполнено, а затѣмъ распорядился въ канцеляріи, чтобы были изготовлены всѣ требуемыя бумаги съ подписями и печатью, но чтобы на каждомъ свидѣтельствѣ и на каждой страницѣ зачетной книжки былъ поставленъ большой штемпель: «для образца». Послѣ этого ко мнѣ уже не обращались, но канцеляріи пришлось выдержать еще одинъ бурный натискъ со стороны

представителя власти, обвинявшаго университетъ въ томъ, что онъ издѣвается надъ Комиссаріатомъ, и настаивавшаго на исполненіи предъявленнаго требованія въ буквальномъ смыслѣ. Когда-же ему было указано на незаконность требованія и на опасность, что чистые, засвидѣтельствованные подписями и печатями бланки могутъ попасть въ ненадежныя руки и послужить для изготовленія фальшивыхъ документовъ, онъ ушелъ съ угрозой, что они сумѣютъ достать все, что имъ нужно.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней въ университетъ явился отрядъ чекистовъ, который произвелъ обыскъ въ канцелярскомъ помѣщеніи, причемъ въ первую очередь былъ забранъ запасъ какъ чистыхъ бланковъ, такъ и старыхъ документовъ, могущихъ служить для образца. Ничего компрометирующаго университетъ найдено не было. Сыщики потребовали лишь, чтобы дорогія церковныя ризы, которыя хранились въ одномъ изъ несгораемыхъ шкафовъ, были переданы въ приходскую церковь, да забрали съ собой нѣсколько скромныхъ драгоцѣнныхъ вещей, принадлежавшихъ одному изъ служащихъ канцеляріи, которыя впослѣдствіи, по его просьбѣ, были снова возвращены ему. Но ожиданіе надвигавшейся бури, сама процедура обыска съ обычными въ такихъ случаяхъ безцеремонно-грубыми выходками и угрозами, а потомъ боязнь дальнѣйшихъ подобныхъ непріятностей для университета имѣли своимъ послѣдствіемъ повышеніе нервозности какъ канцелярскаго персонала такъ и администраціи университета, которое долго еще нарушало обычный, размѣренный ходъ работы.

Въ цѣляхъ объективности необходимо, однако, отмѣтить, что при всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, при вмѣшательствѣ Наркомпроса въ отдѣльныя стороны университетской жизни, общій принципъ автономнаго управленія университетомъ оставался въ силѣ до осени 1920 года. Подъ знакомъ автономіи внутренняя жизнь университета протекала въ атмосферѣ взаимнаго довѣрія и дружескаго доброжелательства. Даже студенты-коммунисты, когда къ нимъ осенью 1919 г. обратились съ упрекомъ по поводу слуховъ объ ихъ участіи въ обыскахъ профессорскихъ

квартиръ, съ негодованіемъ отвергли такое обвиненіе *).

Учебныя занятія шли болѣе или менѣе успѣшно. Правда, на младшихъ курсахъ пришлось, какъ сказано выше, нѣсколько снизить уровень преподаванія, но энтузіазмъ къ занятіямъ былъ большой, и аудиторіи на лекціяхъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ оказывались набитыми слушателями до отказу. А на старшихъ курсахъ шла почти такая-же нормальная работа, какъ и въ прежнее время. Совершенно нормальной она, конечно, не могла быть изъ-за недочетовъ матеріальнаго характера. Съ національзаціей книжнаго дѣла стало трудно доставать книги, а научные приборы, инструменты и реактивы почти совершенно исчезли съ рынка. Вѣдомство просвѣщенія, которое въ Россіи и въ прежнее время не отличалось особой заботливостью о соотвѣтствующемъ оборудованіи научныхъ учрежденій, предоставляя это дѣло частной иниціативѣ (весь знаменитый клиническій городокъ Московскаго университета построенъ и оборудованъ на частныя пожертвованія), теперь не только поддержало эту печальную традицію, но буквально побило рекордъ беззаботности и безхозяйственности. Разбирая однажды въ Научной Комиссіи, о которой я говорилъ выше, транспорты книгъ, пришедшихъ изъ-за границы на адресъ ВСНХ по заказамъ различныхъ вѣдомствъ, мы нашли въ ящикахъ, предназначенныхъ для Наркомпроса цѣлую библіотеку порнографической литературы или такія изданія, какъ сочиненія М. Горькаго, переведенныя на нѣмецкій языкъ. Это въ то время, когда русскіе ученые буквально голодали по книгѣ и стремились узнать хоть что-нибудь изъ заграничныхъ научныхъ новостей. Вотъ тутъ-то наша Комиссія и могла помочь университету и его отдѣльнымъ научно-вспомогательнымъ учрежденіямъ предоставленіемъ изъ

*) Впослѣдствіи ихъ взгляды на это измѣнились. Была выработана система доносовъ на профессоровъ, слѣжки за ними и улавливанія ихъ путемъ постановки ехидныхъ вопросовъ при лекціяхъ. Конечно, съ доносами студенты-коммунисты попадали иногда впросакъ. Такъ въ моихъ курсахъ по зоологіи и сравнительной анатоміи они не могли найти ничего предосудительнаго, но тѣмъ не менѣе, когда стало извѣстно о моей высылкѣ изъ Россіи (въ 1922 г.), то они сочли необходимымъ приложить свое копыто къ этому дѣлу и явились къ тогдашнему ректору В. П. Волгину съ сообщеніемъ, что я во время лекцій проявлялъ враждебное отношеніе къ совѣтской власти.

общихъ, получавшихся изъ-за границы, запасовъ нѣкотораго количества книгъ и приборовъ. А находясь въ тѣсной связи съ состоявшимъ также при Научно-техническомъ отдѣлѣ ВСНХ Институтомъ чистыхъ химическихъ реактивовъ, она могла содѣйствовать снабженію нѣкоторыми реактивами университетскихъ лабораторій.

Когда теперь вспоминаешь о тогдашней интенсивной учебной, а отчасти и научной дѣятельности, развивавшейся въ университетѣ, поистинѣ диву даешься, какъ это было возможно при тягостныхъ условіяхъ личной жизни.

Преподаватели, студенты и служащіе университета постоянно находились подъ Дамокловымъ мечемъ обыска и ареста. И надо сказать, что этотъ мечъ нерѣдко обрушивался на членовъ нашей академической семьи, особенно часто, конечно, на профессоровъ. Хлопоты объ освобожденіи ихъ и являлись обычнымъ поводомъ моихъ посѣщеній Наркомпроса. Помню въ одно изъ такихъ посѣщеній я упрекнулъ М. Н. Покровскаго въ несправедливости и излишней жестокости по отношенію къ лояльнымъ гражданамъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вы, какъ біологъ, должны знать, сколько крови и грязи бываетъ при рожденіи человѣка. А мы рождаемъ цѣлый новый міръ». Мнѣ пришлось замѣтить, что современная біологія требуетъ отъ всѣхъ, присутствующихъ при рожденіи ребенка, безукоризненной чистоты рукъ. Послѣ этого разговоръ былъ круто повернутъ въ другую сторону.

Не менѣе тяжки были матеріальныя злоключенія. Очень немногіе могли приспособиться такъ, какъ одинъ изъ преподавателей Московскаго Коммерческаго Института по технической спеціальности, который съ рукзакомъ за плечами ходилъ по консультаціямъ, требуя, чтобы ему за нихъ платили съѣстными припасами. Голоданіе профессоровъ еще подчеркивалось сравнительнымъ изобиліемъ продуктовъ у служителей университета. Этимъ послѣднимъ помогала съ одной стороны ихъ связь съ деревней; а съ другой стороны и пайки, которые они получали, какъ представители господствующаго класса, были лучше и обильнѣе профессорскихъ. Въ то время, когда мы мечтали о томъ, чтобы въ черномъ хлѣбѣ было поменьше

соломы, а въ селедкахъ — червей, они имѣли мороженыхъ гусей и бѣлую муку *).

Характернымъ выраженіемъ нашей тогдашней скудости и убожества являлось угощеніе, которое ректоръ учрежденія, насчитывавшаго въ своемъ составѣ, включая студенчество и клиники, нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, могъ предложить Совѣтской Комиссіи, т. е. самымъ почетнымъ своимъ гостямъ, когда они собирались у него на квартирѣ. Всеобщее удовольствіе вызывало то, что подавался настоящій китайскій, а не березовый, морковный и т. п. чай. Но кромѣ того на столѣ стоялъ только графинчикъ съ разведеннымъ въ водѣ сахариномъ и двѣ вазочки съ чернымъ хлѣбомъ. И хотя Комиссія состояла изъ наиболѣе хорошо ситуированныхъ членовъ нашей академической семьи (среди нихъ были, напр., врачи съ европейскими научными именами), но по окончаніи засѣданія ни одного кусочка хлѣба не оставалось.

А въ университетскомъ ботаническомъ саду почтенные профессора, обладатели мірового научнаго имени, среди нихъ и шестидесятилѣтній бывшій ректоръ университета, часами выкапывали, не изъ чудачества, а изъ-за крайней нужды, корни одуванчиковъ, чтобы приготовить изъ нихъ цикорій.

Подобно тому, какъ Научная Комиссія старалась всемѣрно поддержать естественниковъ и техниковъ, возникшее въ то время при Кооперативномъ Институтѣ Кооперативное Издательство, которымъ вѣдали Е. Д. Кускова, Д. И. Шаховской, В. В. Хижняковъ и др., приняло на себя заботу объ ученыхъ гуманитарныхъ спеціальностей, выплачивая имъ за научныя рукописи, которыя лишь отчасти, изъ-за ликвидаціи Издательства, могли быть напечатаны, высокіе гонорары не столько деньгами, сколько

*) Впослѣдствіи пайки преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній значительно улучшились, благодаря Центральной Комиссіи по улучшенію быта ученыхъ, во главѣ которой стоялъ бывшій студентъ Московскаго Коммерческаго Института Халатовъ, фанатическій приверженецъ большевизма, но человѣкъ, искренне цѣнившій просвѣщеніе внѣ зависимости отъ его классоваго характера. Но и тутъ бывали курьезные «недостатки механизма», вродѣ того, что въ іюльскую жару на цѣлый мѣсяцъ выдавалась баранина, которая при отсутствіи льда и недостаткѣ соли не могла сохраняться. Приходилось въ 2 - 3 дня съ величайшимъ напряженіемъ приканчивать ее, а потомъ почти на цѣлый мѣсяцъ переходить на вегетарьянскую діету.

особо цѣнившимися въ то время съѣстными припасами.

Кромѣ того, помощь ученымъ съѣстными продуктами шла отъ американской организаціи АРА, а также отъ учрежденнаго въ Нью-Іоркѣ московскимъ профессоромъ І. М. Гольдштейномъ фонда помощи московскимъ ученымъ и писателямъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ тяжкихъ условій существованія явилась чрезвычайная смертность среди профессуры. Я сдѣлалъ тогда подсчетъ за предшествовавшіе 10 лѣтъ, причемъ выяснилось, что изъ состава Совѣта университета регулярнымъ образомъ умирало въ годъ по 2 человѣка. Лишь въ одномъ году умерло трое. А въ 1919 - 20 уч. году Московскій университетъ похоронилъ 12 своихъ профессоровъ. И то обстоятельство, что численный составъ Совѣта къ этому времени значительно возросъ, не смягчаетъ трагичности приведенной цифры, ибо умирали не новые члены Совѣта, болѣе молодые организмы которыхъ легче могли вынести моральныя и физическія испытанія, а исключительно старые ветераны, одинъ за другимъ падавшіе подъ бременемъ небывало тяжкихъ условій жизни и научной работы.

Я помню, какъ А. Н. Сабанинъ, одинъ изъ выдающихся спеціалистовъ и основателей нашей чисто русской науки — почвовѣдѣнія, ослабѣвшій отъ недоѣданія, поскользнулся на улицѣ, упалъ, былъ принесенъ къ себѣ на квартиру и скоро скончался отъ поврежденій, полученныхъ при паденіи.

Однажды меня извѣстили о смерти профессора физіологіи, любимца студенческой молодежи, Л. З. Мороховца, и я нашелъ его тѣло лежащимъ на ящикахъ, въ сараѣ на задворкахъ.

Умеръ нашъ славный философъ Л. М. Лопатинъ, и во время его отпѣванія въ церкви Успенья на Могильцахъ, передъ закрытіемъ гроба, пробившееся въ узкое церковное окно солнце ярко озарило его лицо, какъ-бы въ награду за безпросвѣтную унылость послѣднихъ дней его жизни.

Жалкую картину представляли похороны этихъ заслуженныхъ работниковъ науки. На простой, громыхающей по мостовой, университетской телѣгѣ отвозился скромный гробъ изъ церкви на кладбище. Единственно, чѣмъ уни-

верситетъ могъ почтить память своихъ скончавшихся членовъ, было возложеніе вѣнковъ, что дѣлалось неизмѣнно, несмотря на чрезвычайныя затрудненія ихъ пріобрѣтенія.

Болѣе торжественные похороны были устроены знаменитому профессору механики Н. Е. Жуковскому, который такъ много сдѣлалъ по разработкѣ проблемы воздухоплаванія. Въ устройствѣ этихъ похоронъ приняли участіе правительственныя учрежденія, гробъ съ тѣломъ покойнаго везли на аэросаняхъ, надъ похоронной процессіей рѣяли аэропланы. Но условія смерти Н. Е. Жуковскаго были особенно жестоки. За невозможностью лѣчиться дома, онъ былъ помѣщенъ въ одну изъ московскихъ больницъ, прежде славившихся своимъ прекраснымъ устройствомъ. Но въ то время служебный персоналъ больницъ утратилъ всякое представленіе о дисциплинѣ, и когда по ходу болѣзни больному были предписаны горячія припарки на ноги, сидѣлки, положивъ ихъ, совершенно забыли объ этомъ, и припарки пролежали на ногахъ, пока не образовались язвы, отъ которыхъ и послѣдовала смерть.

На другихъ, еще болѣе пышныхъ, но гражданскихъ похоронахъ — профессора ботаники К. А. Тимирязева мнѣ не пришлось быть, такъ какъ въ это время (весной 1920 г.) я былъ арестованъ и сидѣлъ въ Московской чрезвычайкѣ. Возможность пропустить эти похороны, представлявшіе собой чисто партійную, коммунистическую демонстрацію, въ нѣкоторой степени искупила тягости моего тюремнаго заключенія, ибо положеніе мое на похоронахъ, какъ оффиціальнаго представителя университета, было-бы не изъ легкихъ. К. А. Тимирязевъ, выдающійся ученый, обладалъ своеобразнымъ пристрастіемъ быть въ политическомъ отношеніи всегда лѣвѣе другихъ. Это было не трудно въ прежнемъ Совѣтѣ университета, въ которомъ преобладали умѣренныя теченія, съ которыми Тимирязевъ, однако, все-таки уживался. Но когда власть въ странѣ перешла къ большевикамъ, лѣвѣе ихъ двинуться было уже некуда. К. А. Тимирязевъ, тогда уже серьезно больной, присоединился къ нимъ. Когда ему болѣзнь позволяла выходить на улицу, онъ щеголялъ съ большимъ краснымъ бантомъ на груди, и умеръ, какъ говорили, съ именемъ Ленина на устахъ.

Наиболѣе трагичной изъ всѣхъ тогдашнихъ смертей университетскихъ дѣятелей была смерть профессора римскаго права В. М. Хвостова. Всегда спокойный, уравновѣ-

шенный, щеголявшій своей кристально - отчетливой мыслью, В. М. Хвостовъ сталъ проявлять признаки разстройства, подавленности, временами раздраженности. Вызывалось это, повидимому, отчасти непріятностями, связанными съ его преподавательской дѣятельностью на новомъ Факультетѣ общественныхъ наукъ, отчасти матеріальными лишеніями, усугубившимися послѣ ликвидаціи Кооперативнаго Издательства, въ которомъ онъ принималъ участіе. Однажды, выйдя изъ ректорскаго кабинета въ прихожую, гдѣ дожидались посѣтители, я увидѣлъ В. М. Хвостова, скромно сидѣвшаго у окна на лавочкѣ. На мой вопросъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ и почему не зашелъ въ кабинетъ, онъ уныло отвѣтилъ, что ждетъ казначея, который никакъ не можетъ выплатить ему деньги за проданную имъ университету его библіотеку. Я обѣщалъ ему принять всѣ нужныя мѣры, и дѣйствительно черезъ день или два разсчетъ былъ произведенъ. Но чувство удовлетворенія, которое я испытывалъ отъ сознанія, что помогъ своему старому учителю по Московскому Коммерческому Училищу, гдѣ Веніаминъ Михайловичъ преподавалъ намъ въ 8-мъ классѣ политическую экономію, было непродолжительнымъ. Черезъ нѣсколько дней вечеромъ мнѣ позвонилъ по телефону деканъ Факультета общественныхъ наукъ А. М. Винаверъ, ученикъ Хвостова по Московскому университету, и взволнованнымъ голосомъ сообщилъ, что В. М. повѣсился у себя на квартирѣ, на ручкѣ печной отдушины.

Такъ одинъ за другимъ, вольно или невольно, уходили заслуженные дѣятели университета, а остальные продолжали твердо стоять на своемъ трудномъ посту, въ вѣчномъ ожиданіи, что и на нихъ можетъ въ той или иной формѣ обрушиться жестокая судьба.

Но тѣмъ не менѣе, когда сталъ приближаться Татьянинъ день, который уже нѣсколько лѣтъ, изъ-за тяжелыхъ обстоятельствъ, не праздновался университетомъ, я рѣшилъ пригласить преподавательскій персоналъ къ празднованію 165-лѣтія основанія университета, желая съ одной стороны поддержать старую московскую традицію, а съ другой — созданіемъ праздничной обстановки влить нѣкоторую бодрость въ наши души, замученныя тяжкими, безрадостными буднями. Эта мысль вполнѣ совпала и съ

настроеніемъ студенчества. Конечно, традиціонный актъ съ приглашеніемъ почетныхъ лицъ мы устраивать не стали, а рѣшили ограничиться закрытымъ торжественнымъ собраніемъ преподавателей университета съ представителями студенчества, къ которому былъ подготовленъ годичный отчетъ о дѣятельности университета. Студенты-же устроили въ студенческой столовой на Бронной улицѣ вечеринку съ концертомъ и танцами. Утромъ былъ отслуженъ торжественный молебенъ въ ближайшей церкви, наслѣдницѣ университетскаго храма.

Своеобразную картину представлялъ собой въ этотъ вечеръ круглый залъ Правленія. Благодаря энергіи нашего неунывающаго и неутомимаго экзекутора его стѣны были украшены хвойными гирляндами, а на длинномъ столѣ засѣданій Совѣта и Правленія возвышался богатый цвѣтникъ. Были, въ видѣ особой роскоши, основательно натоплены печи и усилено электрическое освѣщеніе. Всѣ входившіе останавливались съ радостнымъ изумленіемъ на порогѣ, чувствуя, что они попадаютъ въ столь необычную для того времени, сказочную обстановку тепла, аромата и яркаго свѣта. Но ощущеніе уюта и довольства достигло апогея, когда отворились внутреннія двери, и въ залъ вошла вереница служителей съ подносами, на которыхъ красовались стаканы настоящаго, душистаго чая, тарелки съ давно невиданнымъ кусковымъ сахаромъ и горы свѣжаго, только что испеченнаго, сдобнаго печенья изъ бѣлой муки. Начались рѣчи, и особый успѣхъ, какъ всегда, имѣла рѣчь А. А. Кизеветтера, который разсказалъ сначала объ екатерининскомъ солдатѣ, забытомъ начальствомъ на сторожевомъ посту и замерзшемъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, а закончилъ впечатлѣніями князя Болконскаго изъ Войны и Мира отъ дуба, мертвенно страшнаго въ началѣ весны и сверкавшаго яркими красками могучей жизни лѣтомъ.

Рѣчи по обыкновенію затянулись, и нашъ разсчетъ закончить собраніе къ началу студенческой вечеринки не оправдался. Между Бронной и Моховой началось усиленное курьерское сообщеніе. Безпрестанно ко мнѣ подходили студенты съ сообщеніями, что концертъ уже начался, что онъ идетъ, что дошелъ до половины, кончается, кончился и что публика не желаетъ начинать танцы, требуя ректорской рѣчи. Только тогда кончилось наше собраніе и я въ экстренномъ порядкѣ прибылъ на вечеринку. Не-

медленно меня водворили на подмостки и я сталъ говорить на тему о томъ, что споръ о значеніи университета какъ храма науки или-же какъ мастерской, не имѣетъ за собой серьезнаго основанія, ибо университетъ охватываетъ всю жизнь съ ея разнообразіемъ. Это микрокосмъ, въ которомъ должны имѣть мѣсто и праздничное преклоненіе передъ красотой и истиной, и упорная, неослабѣвающая будничная работа. Закончилъ я словами студенческой пѣсни: «Vivat academia... pereat diabolus». Уже во время рѣчи я замѣтилъ, что какой-то человѣкъ съ небольшой темной бородкой, въ длинномъ, интеллигентско-провинціальномъ сюртукѣ, сидѣвшій въ первомъ ряду, выражаетъ явные признаки волненія. А когда я кончилъ, онъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста, бросился на трибуну и началъ запальчиво полемизировать со мной, убѣждая аудиторію, что въ наше время стыдно думать о какихъ-то храмахъ, что жизнь есть только работа, а университетъ — фабрика. «Что-же касается дьявола», заявилъ онъ въ заключеніе: «гибели котораго желаетъ предшествующій ораторъ, то позвольте васъ увѣрить, что дьяволъ этотъ еще поживетъ и сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, показать себя». Молодежь, которая превозмогала свое стремленіе къ танцамъ лишь желаніемъ послушать ректора, уже не обращала вниманія на моего оппонента, болтая, разгуливая по залу и заглушая своимъ шумомъ бойкую митинговую рѣчь. Я-же внимательно прислушивался къ словамъ оратора, который, какъ шепнули мнѣ распорядители, оказался Народнымъ Комиссаромъ здравоохраненія Н. А. Сѣмашко. Но къ концу его рѣчи вниманіе публики привлекла золотистая шевелюра К. Д. Бальмонта, приближавшагося къ подмосткамъ. Вѣрный Татьянинской традиціи, онъ шелъ не совсѣмъ твердой поступью. Но вступивши послѣ Сѣмашки на трибуну, онъ съ такой горячностью вступилъ съ нимъ въ полемику, нападая на людей ничего не понимающихъ и не чувствующихъ красоты, что слушатели, снова притихшіе, наградили его дружными аплодисментами.

Бо̀льшій успѣхъ имѣлъ А. В. Луначарскій, который пріѣхалъ въ серединѣ танцевъ, обратился къ собравшимся вокругъ него студентамъ съ комплиментами и сказалъ между прочимъ, что совѣтская организація считаетъ себя преемницей университетовъ, издавна управлявшихся совѣтами. Это, не то каламбурное, не то льстиво-демагоги-

ческое заявленіе не помѣшало ему, конечно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ свести на нѣтъ университетскіе совѣты.

Серьезный натискъ на автономное управленіе университетомъ былъ произведенъ весной 1920 г., когда въ Правленіе приказомъ Наркомпроса были введены представители коммунистическаго студенчества, канцелярскихъ служащихъ и служителей. По существу, конечно, это не имѣло большого значенія, потому что представитель служащихъ держалъ себя очень скромно, а остальныя новыя лица, составлявшія меньшинство въ Правленіи, не обладавшіе ни административной компетентностью, ни знаніемъ общаго хода университетскихъ дѣлъ, не могли вліять на то или иное разрѣшеніе подлежавшихъ вѣдѣнію Правленія хозяйственныхъ вопросовъ. Но засѣданія Правленія совершенно утратили съ того времени свой спокойно-дѣловой характеръ. Возбужденіе не относящихся къ дѣлу, «принципіальныхъ» вопросовъ и произнесеніе митинговыхъ рѣчей студентами, а съ другой стороны тягучія повѣствованія служителей по поводу разныхъ сплетенъ, которыхъ они наслушались на университетскомъ дворѣ, все это страшно затягивало засѣданія и вносило путаницу въ работу. Самое-же непріятное было то, что въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ новыхъ членовъ Правленія мы получили шпіоновъ, не останавливавшихся передъ тѣмъ, чтобы въ цѣляхъ выслуживанія передъ начальствомъ доносить на остальныхъ членовъ Правленія, сознательно или безсознательно извращая происходившее въ засѣданіяхъ. Наши попытки добиться у Наркомпроса отмѣны его рѣшенія остались, конечно, безуспѣшными.

Характеренъ инцидентъ, происшедшій наканунѣ перваго засѣданія Правленія съ представителями служителей. Одинъ изъ служителей, подававшихъ чай во время засѣданій, обратился ко мнѣ съ просьбой пригласить старыхъ членовъ Правленія передъ началомъ засѣданія ко мнѣ въ кабинетъ и здѣсь ихъ угостить чаемъ; въ самомъ-же засѣданіи разрѣшить не разносить чай. Пришлось пойти навстрѣчу этому проявленію «классовой несознательности».

Образцомъ-же «сознательнаго отношенія» къ общественнымъ вопросамъ можетъ служить сдѣланное мнѣ нѣсколько раньше заявленіе предсѣдателя университетской

коммунистической ячейки. Предсѣдатель этотъ, служитель совѣтской канцеляріи, былъ извѣстенъ еще въ довоенное время, какъ грозный педель, который во время студенческихъ безпорядковъ ставился для уловленія студентовъ на самое отвѣтственное мѣсто. Объ его мертвой хваткѣ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ профессоровъ, самъ испытавшій ее въ годы студенчества. Такъ вотъ этотъ «коммунистъ» (каждому слову котораго Наркомпросъ вѣрилъ больше, чѣмъ нашимъ обоснованнѣйшимъ докладамъ), пришедшій ко мнѣ по дѣламъ своей ячейки, послѣ долгихъ и безплодныхъ разговоровъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ упрекомъ: «Вы вотъ не хотите пойти намъ навстрѣчу; думаете, что мы ничего не понимаемъ; а между тѣмъ мы все отлично понимаемъ, и въ университетѣ, и въ революціи, и въ чемъ угодно». И на мой вопросъ, что-же они понимаютъ въ революціи, онъ отвѣтилъ: «Понимаемъ, что кадеты устроили революцію; а не было-бы кадетовъ, не было-бы и революціи; и жили-бы мы по-старому».

Еще до вышеописаннаго разстройства нашей правленской работы, въ концѣ апрѣля, меня постигла непріятность личнаго свойства. Я былъ арестованъ и просидѣлъ въ чрезвычайкѣ 13 дней въ связи съ дѣломъ тактическаго центра. Упоминаю здѣсь объ этомъ изъ-за двухъ инцидентовъ, происшедшихъ въ началѣ и концѣ предшествовавшаго аресту обыска въ моей квартирѣ. Когда начальникомъ отряда чрезвычайщиковъ былъ мнѣ показанъ ордеръ, я взялся за трубку телефона, на что послѣдовалъ грубый окрикъ, что я арестованъ и не имѣю права сноситься съ внѣшнимъ міромъ. На мое-же замѣчаніе, что я считаю своимъ долгомъ позвонить Народному Комиссару по просвѣщенію, сыщикъ отвѣтилъ мнѣ: «Не думайте, пожалуйста, что это вамъ поможетъ. Если мы найдемъ у васъ что-либо, компрометирующее тов. Луначарскаго, мы и у него можемъ произвести обыскъ». Тогда эти слова показались мнѣ похвальбой зарвавшихся чекистовъ, но современная дѣйствительность оправдала ихъ по отношенію къ цѣлому ряду ближайшихъ коллегъ Луначарскаго.

Въ концѣ-же обыска, когда меня пригласили собрать нужныя вещи и отправиться въ знаменитую Лубянскую тюрьму, характерный продуктъ творчества «рабоче-кре-

стьянскаго» правительства, новую Бастилію, сооруженную въ центрѣ города путемъ передѣлки гостиницы «Россія», то, несмотря на тягостность этого момента, невольную улыбку вызвала у меня своеобразная заботливость университетскаго служащаго, который, торопливо подбѣжавъ ко мнѣ, съ возмущеніемъ сообщилъ, что они даже не потрудились привезти съ собой автомобиль, и спросилъ, не слѣдуетъ-ли заложить университетскую лошадь. Но разстояніе отъ Моховой до Лубянки было ничтожное; тронутые заботами нашего служащаго, стражи предложили свои услуги донести мой чемоданчикъ, и мы отправились пѣшкомъ.

А въ началѣ лѣта со мной произошелъ еще одинъ несчастный случай, который избавилъ меня отъ тяжкой повинности предсѣдательствовать въ Правленіи. Послѣ одного изъ правленскихъ засѣданій, въ которомъ служителя, получившіе, повидимому, соотвѣтствующія инструкціи отъ Наркомпроса, держали себя какъ-то особенно грубо и назойливо, мнѣ было противно для предстоявшей мнѣ поѣздки отдавать распоряженіе о томъ, чтобы заложили лошадь. Я поѣхалъ на своемъ старомъ велосипедѣ, но отвыкшій отъ этого упражненія, столкнулся на перекресткѣ съ другимъ велосипедистомъ и упалъ. Хотя я чувствовалъ порядочную боль въ бедрѣ, но вновь забрался на велосипедъ, доѣхалъ до дому, поднялся съ велосипедомъ на третій этажъ, и только, когда, въ присутствіи вызваннаго ко мнѣ университетскаго врача, сталъ ложиться въ постель, то при неосторожномъ движеніи почувствовалъ такую адскую боль, что почти потерялъ сознаніе. Оказался переломъ шейки бедра, которая при паденіи дала, повидимому, только трещину. Характерно вызванное тогдашней діэтой состояніе нашихъ костей, которыя ломались отъ легкаго удара. Послѣ этого тяжкаго перелома ноги, происшедшаго, въ сущности говоря, въ собственной постели и въ присутствіи врача, я два съ половиной мѣсяца долженъ былъ пролежать у себя въ квартирѣ, послѣ чего меня перевезли въ санаторій на Воробьевыхъ горахъ. Сильныхъ болѣзненныхъ ощущеній у меня не было, и я все время продолжалъ заниматься дѣлами, какъ университета, такъ и Научной Комиссіи. Время отъ времени вокругъ моей кровати устраивались совѣщанія, какъ

административнаго, такъ и научнаго характера. Но отъ общенія съ новыми правленскими элементами я былъ избавленъ и благословлялъ за это судьбу, пославшую мнѣ столь жестокое, казалось-бы, испытаніе.

Во время моей болѣзни начали циркулировать слухи о томъ, что Наркомпросъ подготовляетъ рѣшительный походъ на высшую школу, а къ концу моего пребыванія въ санаторіи, въ сентябрѣ 1920 г. я получилъ декретъ Правительства, излагающій основы новаго порядка управленія высшими учебными заведеніями. Принципъ автономіи изъ этого порядка совершенно изгонялся, и высшая школа обрекалась на произволъ не столько самого Комиссаріата, сколько партійныхъ коммунистическихъ организацій. Оффиціально это характеризовалось, какъ изъятіе школы изъ рукъ буржуазіи и передача управленія ею подъ непосредственный надзоръ пролетаріата *).

Отправившись немедленно въ университетъ, я пригласилъ на совѣщаніе старыхъ членовъ Правленія. Всѣ поняли, что университету, какъ таковому, приходитъ конецъ, но признали необходимымъ сдѣлать послѣднюю, хотя и обреченную заранѣе на неуспѣхъ, попытку, а именно перегоговорить всѣмъ нашимъ составомъ съ Народнымъ Комиссаромъ по просвѣщенію и развернуть передъ нимъ перспективу гибели идеи университета при проектируемыхъ новыхъ порядкахъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ соотвѣтствующихъ телефонныхъ сношеній, мы, т. е. ректоръ, его помощникъ, проректоръ и деканы четырехъ факультетовъ, явились въ Комиссаріатъ, который помѣщался тогда въ зданіи, ранѣе принадлежавшемъ Императорскому Московскому Лицею. Въ этомъ помѣщеніи бывшаго привилегированнаго учебнаго заведенія мы и пережили трагедію превращенія нашего демократическаго, доступнаго всѣмъ классамъ населенія, университета въ привилегированное, только наоборотъ, въ пользу новой рабоче-крестьянской, или, вѣрнѣе, коммунистической аристократіи, учрежденіе.

Мы были приняты Луначарскимъ въ присутствіи нѣсколькихъ дѣятелей Наркомпроса, въ числѣ которыхъ

*) Болѣе подробная характеристика большевицкаго Положенія о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ содержится въ моихъ статьяхъ, опубликованныхъ въ «Русской Школѣ за рубежомъ». Прага. Кн. 5 - 6. 1923 г., кн. 8. 1924 г., кн. 19 - 20. 1926 г.

былъ и замѣститель комиссара М. Н. Покровскій. Мнѣ было предоставлено слово, и я примѣрно въ теченіе часа развивалъ соображенія, сформулированныя бывшимъ у меня совѣщаніемъ. Характеръ моей рѣчи былъ спокойный, объективный и строго дѣловой. Но помня наказъ моихъ спутниковъ отрѣшиться отъ присущей мнѣ, какъ они утверждали, мягкости и говорить рѣзко и рѣшительно, я закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ заявленіемъ: «Если-же все-таки, несмотря на наши доводы, новое Положеніе войдетъ въ жизнь, то я опасаюсь, что исторія должна будетъ отмѣтить, что то разрушеніе высшей школы, которое не удалось Побѣдоносцеву и Кассо, удалось Луначарскому и Покровскому».

Едва только я кончилъ, какъ утратившій всякое самообладаніе Покровскій вскочилъ съ мѣста и, не испросивъ слова у предсѣдательствовавшаго Луначарскаго, началъ кричать, что онъ не потерпитъ кадетскихъ рѣчей, и что мой разсчетъ на безопасность въ зданіи Комиссаріата можетъ оказаться ошибочнымъ. Мнѣ, по личному вопросу, пришлось замѣтить, что моя рѣчь не кадетская, а по долгу моей совѣсти стремящаяся предотвратить гибельныя послѣдствія реформы для того учрежденія, за судьбу котораго я до сихъ поръ несъ отвѣтственность. Но это не внесло успокоенія въ разбушевавшіяся чувства моего оппонента.

Въ своемъ заключительномъ словѣ Луначарскій заявилъ, что то принципіальное расхожденіе, которое выявилось между точками зрѣнія Комиссаріата и ректора, не можетъ быть примирено никакими компромиссами, и что Комиссаріатъ будетъ продолжать держаться своей точки зрѣнія. Если-же по ходу дѣла понадобились бы какія-нибудь частичныя исправленія Положенія, вродѣ усиленія представительства профессуры въ будущихъ органахъ управленія университетомъ, о чемъ, послѣ моей рѣчи заговорилъ одинъ изъ присутствующихъ, то такія измѣненія могли-бы быть сдѣланы.

На этомъ похороны университетской автономіи закончились, и я сложилъ съ себя ректорскія полномочія.

Но еще долго Замнаркомъ не могъ забыть нанесенной ему обиды, и черезъ годъ съ лишнимъ предсѣдатель коллегіи Научно-техническаго Отдѣла, бесѣдуя со мной о дѣлахъ Научной Комиссіи непосредственно послѣ своего посѣщенія Наркомпроса, сообщилъ мнѣ, что М. Н. Покров-

скій снова съ раздраженіемъ разсказывалъ ему о томъ, какъ я заявилъ, что онъ и Луначарскій хуже Побѣдоносцева и Кассо. Подозрѣваю, что и въ высылкѣ моей изъ Россіи, совершившейся черезъ два года послѣ описаннаго инцидента, этотъ послѣдній игралъ немаловажную роль.

Пошелъ уже десятый годъ со времени изложенныхъ мной событій. Десятый годъ тяжкаго плѣненія русской высшей школы, вколачиванія ея въ Прокрустово ложе партійнаго фанатизма, убіенія свободной научной мысли, и, какъ естественнаго послѣдствія всего этого, безпримѣрнаго пониженія уровня университетскаго преподаванія.

При такихъ обстоятельствахъ застаетъ Московскій университетъ 175-лѣтняя годовщина его существованія. Врядъ-ли она будетъ достойно отмѣчена у насъ на родинѣ. Вѣдь въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ чествованіе Татьянина дня, этого яркаго праздника русскаго просвѣщенія, въ Россіи запрещалось.

Но тѣмъ не менѣе, при всѣхъ ужасахъ террора, цензуры и матеріальныхъ лишеній русская научная мысль не гибнетъ и особенно въ тѣхъ областяхъ ея, какъ, напр., въ естествознаніи и техникѣ, до которыхъ лишь съ трудомъ добирается марксистская доктрина, мы наблюдаемъ цѣлый рядъ новыхъ, серьезныхъ открытій и обильный потокъ научныхъ изслѣдованій, публикуемыхъ въ заграничныхъ журналахъ.

И хочется намъ, свободнымъ, но оторваннымъ отъ родной почвы, отъ созданныхъ нами лабораторій, отъ библіотекъ, копившихся трудомъ цѣлой жизни, отъ нашихъ коллегъ и учениковъ, къ тому славному дню, когда наша дорогая alma mater достигнетъ 175-лѣтняго возраста, направить свой горячій, братскій привѣтъ всѣмъ друзьямъ, трудящимся въ Россіи на поруганной академической нивѣ, и отъ всей души послать имъ старое, но вѣчно необходимое пожеланіе:

Не угашайте духа!

М. Новиковъ.

Потеря Московскимъ Университетомъ свободы

I.

Вмѣсто введенія. — Управленіе М. у—та. — Факультеты. — Студенчество. — Неостуденчество. — Профессура. — Ренегаты.

Московскій университетъ былъ лишенъ автономіи въ 1920 г. Но онъ еще оставался очагомъ свободной мысли и чистой науки. Онъ оставался также и разсадникомъ общечеловѣческой, а главное — внѣклассовой культуры.

Примириться съ этимъ совѣтская власть не могла. Отъ коммунистовъ неоднократно приходилось слышать:

— Мы вамъ высшей школы не отдадимъ!

Провинціальныя высшія учебныя заведенія («ВУЗЫ»), съ ихъ малочисленной профессурой, изолированныя, подавленныя матеріальной нуждой, — упорства въ защитѣ своей научной свободы проявить не могли *). Сопротивленіе петроградской профессуры, при изумительно героической стойкости отдѣльныхъ ея членовъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, въ общемъ было слабѣе, чѣмъ московской профессуры. Наиболѣе напряженная защита свободы высшей школы происходила въ центрѣ, въ Москвѣ. Во главѣ ея, какъ самая сильная цитадель, естественно стоялъ Московскій университетъ, — старѣйшая и крупнѣйшая высшая школа Россіи.

Неравная борьба имѣла предрѣшенный исходъ. Грубое насиліе и терроръ ГПУ не могли не побѣдить. Катастрофа свершилась. Каждая alma mater перестала быть свободною матерью. Она теперь низведена терроромъ на

*) Особенно страдали университеты юга Россіи. Надъ ними невозбранно экспериментировалъ украинскій Наркомпросъ, обращая ихъ въ «ВИНО» и «ИНО» (Высшій Институтъ народнаго образованія и Институтъ народнаго образованія).

роль невольницы, принужденной обслуживать захватчиковъ власти. Побѣда, да... Но не будетъ ли она Пирровой?

Въ періодъ острой борьбы, въ 1921 - 1922 годахъ, авторъ имѣлъ честь быть деканомъ физико-математическаго факультета Московскаго университета. Этому факультету суждено было попасть въ фокусъ борьбы за Московскій университетъ. Задача автора — познакомить читателя съ важнѣйшими эпизодами борьбы. Это, быть можетъ, не лишнее. Образовалось несправедливое мнѣніе, будто русская, а въ частности московская профессура, свернула предъ коммунистами знамена свободной культуры вовсе безъ борьбы *).

Въ 1920 г. выборное правленіе университета было замѣнено составленнымъ частью изъ членовъ правленія по назначенію, частью же — хотя и по избранію, — но изъ лицъ, пріемлемыхъ для Наркомпроса. Мѣра эта являлась всероссійской, но для эксперимента былъ избранъ Московскій университетъ.

Нелегкимъ оказывалось дѣломъ подыскать ректора «по назначенію». Затрудненіе разрѣшилъ Д. П. Боголѣповъ, подсказавъ свою кандидатуру.

Этотъ «ученый финансистъ» рано переметнулся къ большевикамъ. Онъ не былъ, однако, удачливъ въ своей карьерѣ, хотя получалъ и высокіе совѣтскіе посты, вродѣ замѣстителя народнаго комиссара финансовъ. Было нѣчто въ его дѣятельности, заставлявшее власть каждый разъ довольно быстро смѣщать Боголѣпова съ довѣреннаго ему поста.

Теперь, состоя членомъ Государственнаго ученаго совѣта (ГУС-а), Боголѣповъ подалъ докладъ съ программой приведенія къ порядку «бѣлой» профессуры. Онъ, между прочимъ, писалъ:

— Профессора слишкомъ лояльны и слишкомъ трусливы. Угрозою лишенія академическаго пайка можно за-

---

*) Трудности, стоящія предъ авторомъ, велики и понятны. Нельзя говорить всего: надо беречь тѣхъ, кто и сейчасъ находится во власти коммунистовъ. Къ тому же писать приходится лишь по памяти: авторъ, высланный осенью 1922 г., въ составѣ извѣстной партіи ученыхъ и писателей, изъ Россіи, не могъ взять съ собою никакихъ документовъ.

ставить любого контръ-революціонера профессора читать курсъ марксизма!

Докладъ начальству понравился. И Боголѣповъ сталъ первымъ назначеннымъ ректоромъ Московскаго университета.

Сверхъ ожиданія, Боголѣповъ удержался на посту ректора нѣсколько мѣсяцевъ *). Но ему помогалъ, восполняя не хватавшее Боголѣпову, профессоръ физики А. К. Тимирязевъ, «назначенный» членъ правленія; о немъ рѣчь еще будетъ.

Боголѣповъ былъ замѣненъ въ 1921 г. В. П. Волгинымъ, небезъизвѣстнымъ совѣтскимъ дѣятелемъ. Волгинъ обладалъ тактомъ, и это смягчало тренія, возникавшія между назначеннымъ ректоромъ и еще остававшимися автономными факультетами.

Ближайшимъ помощникомъ и своимъ замѣстителемъ Волгинъ взялъ профессора историко-филологическаго факультета А. В. Кубицкаго. Эта кандидатура была подсказана — и весьма неудачно — частнымъ кружкомъ профессуры. На новомъ посту Кубицкій быстро измѣнилъ политическое лицо. Говорили, что у него на факультетѣ были какія то разногласія съ коллегами. Это ли повліяло, или что либо иное, но Кубицкій сталъ проявлять свойственную только ренегатамъ озлобленность и противъ профессуры вообще и противъ прежняго университетскаго строя.

Совмѣщая нѣсколько должностей, Волгинъ бывалъ въ университетѣ не часто. На ректорское кресло сѣлъ Кубицкій и цѣпко держалъ все въ рукахъ, распоряжаясь «за ректора».

Въ средѣ студенчества Кубицкій пріобрѣталъ тѣмъ временемъ все большее неуваженіе; бывало, что изъ студенческой среды ему бросали оскорбительныя выраженія...

Разрушеніе Московскаго университета произошло при управленіи Волгина и Кубицкаго.

**) Боголѣповъ прислалъ совершенно нелогичное и шедшее въ разрѣзъ съ распоряженіями Наркомпроса предписаніе физ.-матем. факультету. Автору, какъ декану, пришлось отвѣтить жестокою критическою отповѣдью, которая въ копіи была послана и въ Наркомпросъ. Вслѣдъ затѣмъ Боголѣповъ былъ освобожденъ отъ бремени управленія Московскимъ университетомъ.

Какъ только управленіе университетомъ перешло къ возглавлявшемуся Боголѣповымъ правленію, мы рѣшили создать свой нелегальный органъ, для объединенія дѣятельности профессуры. Въ него вошли послѣдніе выборные члены правленія и еще остававшіеся въ должностяхъ члены президіумовъ всѣхъ факультетовъ. Предсѣдательствовалъ бывшій послѣднимъ выборнымъ ректоромъ проф. М. М. Новиковъ.

Сначала мы собирались каждую недѣлю, потомъ — все рѣже. Удачи съ этимъ органомъ не было: въ него входили лица слишкомъ различныхъ направленій. Нѣкоторые уже стремились упрочиться въ должностяхъ и при новомъ порядкѣ; иные просто стали проявлять боязливость. Дружнаго согласія не возникало. Ограничивались поэтому выслушиваніемъ разныхъ информацій. Участники собраній стали къ дѣлу охладѣвать, посѣщаемость падала. Эта организація, при развернувшихся въ другомъ направленіи событіяхъ, умерла естественной смертью.

Въ эту пору профессура Московскаго университета была весьма многочисленна. Властью были слиты во-едино: собственно Московскій университетъ, Высшіе Женскіе курсы, и университетъ имени Шанявскаго. Это была, однако, если допустить сравненіе, скорѣе механическая смѣсь, чѣмъ химическое соединеніе: каждая корпорація стремилась охранить свою индивидуальность. Все-же, при такихъ условіяхъ, число профессоровъ и преподавателей въ Московскомъ университетѣ значительно превосходило тысячу.

Разгромъ университета къ этому времени уже начался.

Юридическій факультетъ былъ сокрушенъ первымъ. Вмѣсто него созданъ былъ Факультетъ Общественныхъ Наукъ («ФОН»). Нѣкоторые профессора должны были уйти: пристроился, кто какъ могъ. На факультетъ была влита крупная доза «красной профессуры» изъ состава коммунистической партіи, объявившей вдругъ нѣкоторыхъ изъ своихъ видныхъ членовъ... профессорами Московскаго университета. Какъ правило, аудиторіи этихъ профессоровъ представляли аравійскую пустыню.

Надъ историко-филологическимъ факультетомъ уже нависла большевицкая рука. Въ 1921 году факультетъ частью слился съ ФОН-омъ, частью разсыпался на отдѣльные научно-изслѣдовательскіе институты. Послѣднимъ выборнымъ деканомъ былъ проф. А. А. Грушка.

Медицинскій факультетъ, деканомъ котораго въ разсматриваемое время былъ проф. А. В. Мартыновъ, находился внѣ прямой угрозы. Одно изъ характерныхъ свойствъ коммунистическихъ сановниковъ — повышенная забота о сохраненіи своего драгоцѣннаго здоровья. По этой причинѣ совѣтская власть повсюду относительно деликатничала съ профессурой медицинскихъ факультетовъ и даже кое въ чемъ ее ублажала. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявлялось стараніе большевизировать факультетъ. Среди молодыхъ ассистентовъ былъ уже къ тому времени значительный процентъ коммунистовъ.

При равноправіи профессорскихъ и преподавательскихъ голосовъ въ вопросахъ управленія университетскими дѣлами, коммунистическая окраска крупной части медицинской молодежи являлась существеннымъ факторомъ.

Еще большій процентъ коммунистовъ былъ среди студентовъ медиковъ, особенно на старшихъ курсахъ. Быть можетъ, это стояло въ связи съ открытіемъ прямого доступа на старшіе курсы фельдшерамъ *).

О студентахъ-фельдшерахъ профессора разсказывали немало курьезовъ. Одинъ такой студентъ 4-го курса увѣрялъ, напр., что для противооспенной прививки вовсе не надо детрита:

— Сколько разъ въ больницѣ я производилъ, за отсутствіемъ детрита, оспопрививаніе гумми-арабикомъ! Получались тѣ же явленія: пузырекъ, покраснѣніе...

Факультетъ испытывалъ величайшія матеріальныя затрудненія. Особенно сильно страдали клиники. Но самоотверженная добросовѣстность старшаго медицинскаго персонала охраняла больныхъ отъ большихъ лишеній. Даже уходъ со стороны низшаго персонала былъ относительно недуренъ. Какъ и вся Москва — а тѣмъ болѣе, какъ

*) Какъ разъ передъ этимъ происходили извѣстные случаи вынесенія ротами на митингахъ резолюцій:

— Произвести нашего ротнаго фельдшера въ доктора!

и вся Россія — клиники испытывали самый острый недостатокъ въ медикаментахъ, особенно заграничныхъ *).

Физико-математическій факультетъ былъ въ пренебреженіи: естествознаніе коммунистамъ нужно не было. Членовъ факультета числилось свыше 250 человѣкъ. Деканомъ былъ авторъ **).

Учебная дѣятельность факультета весьма затруднялась вклиненіемъ въ его помѣщенія рабочаго факультета (рабфака) имени М. Н. Покровскаго. Молодежь этого привилегированнаго классоваго учебнаго заведенія безвозбранно распоряжалась въ «новомъ» зданіи университета, точно въ завоеванной странѣ. Рабфаковцы силой захватывали понравившіяся имъ аудиторіи, не считаясь ни со своей фактической потребностью ни съ тѣмъ, что такимъ произволомъ нарушалось — а иногда дѣлалось и вовсе невозможнымъ — правильное преподаваніе на основномъ факультетѣ. Подъ натискомъ этой самовольной молодежи, профессорамъ приходилось кочевать изъ аудиторіи въ аудиторію, иногда изъ зданія въ зданіе (напр., съ Моховой улицы на Дѣвичье Поле), мѣняя часы лекцій и растеривая по этой причинѣ слушателей.

Присутствуя, весною 1922 г., въ засѣданіи, въ Кремлѣ, совѣтскаго Олимпа (см. дальше), я заявилъ — приводя въ доказательство конкретные факты — объ этихъ безчинствахъ рабфаковцевъ «Большому Совнаркому». Участвовавшій въ засѣданіи шефъ рабфака М. Н. Покровскій вынужденъ былъ отвѣтить:

— Конечно, приводимые проф. Стратоновымъ случаи являются озорствомъ! Жалѣю, что я не зналъ объ этомъ раньше.

Не зналъ...

Ученый персоналъ факультета, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нужныхъ для совѣтской промышленности химиковъ, а отчасти и физиковъ, матеріально былъ въ загонѣ.

---

*) Въ эту же эпоху я лично слышалъ разсказъ завѣдующаго центральнымъ государственнымъ медицинскимъ складомъ:

— Нашъ складъ заваленъ прибывающими въ Москву изъ-за границы медикаментами! Некуда ихъ складывать... Всѣ мѣста подъ крышами и навѣсами переполнены. Сваливаемъ медикаменты на открытомъ воздухѣ. Многое портится и пропадаетъ!

**) Естественно поэтому, если авторъ будетъ останавливать вниманіе на особенно ему знакомомъ факультетѣ болѣе, чѣмъ на другихъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія страдали отъ недостатка аппаратовъ, реактивовъ и т. п., а также отъ морозовъ.

Зимою мы читали лекціи при изрядномъ морозѣ въ аудиторіи. Особенно тяжело было при этомъ студентамъ. Зачастую плохо одѣтые, они просиживали часами безъ движенія, при 8 - 12 градусахъ мороза. Профессорамъ было легче: и теплѣе одѣты и все же могли при чтеніи двигаться.

Впослѣдствіи факультетъ разрѣшилъ своимъ членамъ отказываться отъ лекціи, если въ аудиторіи было болѣе пяти градусовъ мороза. Громадное облегченіе! Недовольнымъ, желавшимъ читать лишь при болѣе высокой температурѣ, возражали:

— Вѣдь мы же разговариваемъ на морозѣ, при пяти градусахъ? Слѣдовательно и читать можно.

При такихъ условіяхъ темпъ чисто научной работы на факультетѣ, конечно, ослабѣвалъ. Однако, — она никогда не замирала. Какъ только условія становились сноснѣе, эта работа усиливалась.

— American Relief Association («Ара») приглашаетъ васъ въ комиссію, въ качествѣ представителя Московскаго университета, для организаціи въ Москвѣ безплатной студенческой столовой.

Въ эту комиссію вошло, кромѣ американцевъ, около десяти профессоровъ изъ разныхъ высшихъ школъ Москвы.

Американецъ-предсѣдатель спрашиваетъ:

— Нѣтъ-ли, среди присутствующихъ профессоровъ, коммунистовъ?

Получивъ надлежащее разъясненіе, онъ сталъ проще и откровеннѣе.

Столовая была устроена, и въ теченіе добраго года нѣсколько сотъ бѣднѣйшихъ студентовъ имѣли ежедневно безплатный, сытный обѣдъ.

Завѣдующая столовой мнѣ показывала:

— Смотрите, какъ ни голодны студенты, а часто не могутъ доѣсть порцій; такъ онѣ велики.

— Остатки, говорила она, мы собираемъ и снова перевариваемъ. Затѣмъ отсылаемъ ихъ въ ближайшіе совѣтскіе дѣтскіе пріюты.

Столовая была закрыта по винѣ совѣтской власти. Заявлялось:

— У насъ голода больше нѣтъ!

Отъ американцевъ изъ «Ара» я слышалъ:

— Что дѣлать! Мы знаемъ, что это неправда. Голодъ продолжается. Но поймите и насъ: при такихъ заявленіяхъ мы обязаны закрыть свои учрежденія.

Конечно, американцы могли помочь только небольшой части голодающаго студенчества. Но то, что они сдѣлали здѣсь и что дѣлали для Россіи вообще, было неоцѣнимымъ благомъ *). Земной поклонъ «Ара»!

Представитель «Ара» попросилъ показать ему студенческія общежитія:

— Въ какихъ условіяхъ живутъ ваши студенты?

Его повезли въ ближайшее изъ общежитій. Американецъ ѣхать дальше отказался:

— Нѣтъ надобности! Еще худшаго, чѣмъ я увидѣлъ, нельзя себѣ и представить...

Московское студенчество **) начала двадцатыхъ годовъ — одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явленій нашей горестной эпохи. Невѣроятныя лишенія — и жажда знанія.

Студенты нерѣдко разыскивали заброшенныя дворницкія. Въ ту пору дворники уже переселились въ «барскія» квартиры. Въ дворницкихъ съ радостью устраивались студенты:

— Лучше, чѣмъ ночевать на скамьяхъ бульваровъ...

Занимались нерѣдко по единственному учебнику на 10-20 человѣкъ, — въ порядкѣ очереди, во всякое время сутокъ. За неимѣніемъ свѣта за столомъ, выстаивали часами за чтеніемъ у тусклой лампочки въ уборной. Прежнія студенческія общежитія были захвачены большевиками для своихъ цѣлей.

И — голодъ, голодъ... Благотворительныя организаціи исчезли ***). Теперь студентамъ приходилось и учиться

*) Кажется, немногіе знаютъ, что русскіе астрономы, въ знакъ благодарности, назвали двѣ открытыя ими въ обсерваторіи Симензъ, въ Крыму, малыя планеты: одну — «Ара», другую — «Америка».

**) Со студенчествомъ этой эпохи въ другихъ городахъ авторъ мало сталкивался, почему о немъ говорить не можетъ.

***) Мы пытались, въ началѣ 1922 г., съ участіемъ нѣсколькихъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, возстановить Московское общество вспомоществованія студентамъ. Не вышло, терроръ ГПУ повліялъ на участниковъ.

и служить въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Страдали и ученіе и служба.

Въ эти годы у профессуры съ главной массой студенчества установились, кажется, небывалыя раньше дружескія отношенія. Никакого намека на тренія! Студенты шли къ намъ совѣтоваться и по своимъ дѣламъ, очень часто прислушиваясь къ нашему мнѣнію. Намъ удавалось также останавливать ихъ отъ рискованныхъ шаговъ.

Осенью 1922 года, послѣ погрома профессоровъ и писателей и высылки части ихъ за границу, при терроризованности оставшихся, большевицкій ударъ былъ нанесенъ этой славной студенческой молодежи. Ихъ разметали въ Соловки, въ Архангельскій районъ, въ Сибирь...

Еще ранѣе этого студенческаго погрома, въ университетъ хлынулъ потокъ новаго студенчества. Каждый, кто достигъ 16 лѣтъ, могъ, на основаніи декрета, зачислиться студентомъ. И зачислялись.

Нашъ факультетъ былъ особенно запруженъ этимъ студенчествомъ. На факультетѣ числилось 13½ тысячъ студентовъ. Вѣроятно, это міровая рекордная цифра студентовъ для одного факультета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это составляло половину всего вообще московскаго студенчества той эпохи.

Наплывъ объяснялся устремленіемъ на естественное отдѣленіе «криптомедиковъ». На медицинскомъ факультетѣ все же существовали нормы. Не попавшіе въ нихъ шли на естественное отдѣленіе, надѣясь какъ нибудь все же проникнуть на медицинскій факультетъ.

Положеніе стало тяжкимъ, особенно съ преподаваніемъ предметовъ, нужныхъ и для естественниковъ и для медиковъ. Аудиторіи такъ переполнились, что иныя лекціи приходилось читать по два и даже по три раза. Сидѣть въ аудиторіяхъ студенты не могли; тѣснились, какъ въ церкви на пасхальную заутреню. Устраивались даже на столахъ для демонстрацій, стѣсняя самыя движенія профессора. Въ теченіе лекціи выносили по нѣсколько разъ терявшихъ отъ духоты сознаніе. Особенная давка бывала на лекціяхъ по неорганической химіи проф. А. Н. Реформатскаго.

Не легко было и въ деканатѣ. На пріемахъ у декана образовывались шаляпинскіе хвосты.

Чрезъ полгода начался, однако, отливъ. Многіе сами убѣдились въ безсиліи справиться съ университетскимъ курсомъ, не имѣя подготовки. Осталось на факультетѣ семь или восемь тысячъ студентовъ.

И съ этимъ количествомъ было нелегко. При новомъ правленіи въ студенты зачисляли лишь при благопріятномъ заключеніи декана. На пріемахъ продолжались громадныя толпы, ибо тогда изъ провинціи, кто могъ, устремлялся въ центръ, въ Москву.

Безусловно мы принимали лишь переходящихъ изъ университетовъ добольшевицкаго періода. Изъ новыхъ же, которые возникали въ провинціи, какъ грибы послѣ дождя, съ преподавателями среднихъ школъ, переименовавшимися нынѣ въ профессоровъ, мы принимали лишь въ случаѣ согласія на зачетъ нашего профессора соотвѣтственной спеціальности, или, въ исключительныхъ случаяхъ, декана. Многимъ поэтому приходилось отказывать.

Особенно изводилъ потокъ студентокъ химико-фармацевтическаго отдѣленія изъ Одессы. Онѣ тоже хлынули въ Москву на естественное отдѣленіе, чтобы перебраться затѣмъ на медицинскій. У этихъ студентокъ почти каждая предъявленная «зачетная книжка» заключала въ себѣ подчистки, переправки или поддѣлки профессорскихъ подписей. Приходилось съ ними быть особенно настороже.

Немало возни бывало и съ коммунистами. Въ преподавательской своей дѣятельности мы тогда еще могли не всегда считаться съ классовыми соображеніями.

Студенты коммунисты, развращенные партійными привиллегіями, стремились нерѣдко попасть въ студенты безъ достаточной подготовки. Подаетъ такой субъектъ прошеніе и тычетъ партійный билетъ:

— Я коммунистъ!

— Простите, мы принимаемъ въ университетъ на основаніи познаній, а не партійной принадлежности. Ваши образовательные документы?

Удивленный и негодующій уходитъ искать другіе пути.

Нерѣдко такой субъектъ являлся съ письмомъ отъ кого либо изъ коммунистическихъ сановниковъ:

— Прочтите, товарищъ деканъ!

Откладываю письмо въ сторону.

— Изложите ваше дѣло.

— О немъ, товарищъ, написано въ письмѣ...

— Письмо прочту послѣ. Сначала скажите, о чемъ вы просите.

Большіе глаза... Однако, смиряется, излагаетъ просьбу о пріемѣ. Если подготовка достаточная, принимаю; нѣтъ — пишу окончательную резолюцію объ отказѣ. Потомъ вскрываю письмо.

— Сами понимаете: вы не подготовлены. Нельзя!

Хлынуло въ Москву немало коммунистовъ студентовъ изъ Франціи, Швейцаріи, Германіи, Польши...

Такіе неостуденты подъ конецъ все же почти всегда проникали въ университетъ — по спеціальному распоряженію власти.

Предвзято враждебнаго отношенія къ новому студенчеству, въ частности къ коммунистамъ, въ средѣ профессуры, конечно, не было. Проявлялось безразличіе къ политической физіономіи разъ зачисленнаго въ студенты. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до погрома въ августѣ 1922 года.

Но и само неостуденчество стремилось тогда слиться съ общей массой, — не выдѣляться. Весной 1922 г. Наркомпросъ потребовалъ отъ меня заключенія о томъ, какова успѣшность рабфаковцевъ по сравненію съ успѣшностью остальныхъ студентовъ. Ни одна изъ «предметныхъ комиссій» не могла дать заключенія: рабфаковцы постарались не быть замѣтными.

Послѣ большевицкаго разгрома средней школы, даже и прошедшіе въ ней полный курсъ являлись съ недостаточной для университета подготовкой. Мы рѣшили поэтому учредить при Московскомъ университетѣ подготовительные курсы для вышедшихъ изъ совѣтской трудовой школы — будущихъ студентовъ. Преподавали на курсахъ по большей части молодые университетскіе преподаватели. Во главѣ курсовъ сталъ проф. П. Н. Каптеревъ. Длительность обученія, въ зависимости отъ предварительной подготовки, была разсчитана на 1 - 2 года.

На курсы записалось около 1500 человѣкъ. Занятія шли успѣшно.

Въ слѣдующемъ году, однако, на курсы сталъ коситься Наркомпросъ. Заподозрѣли контръ-революціонность. Поговаривали объ ихъ закрытіи.

Пришлось побороться за сохраненіе курсовъ. Побѣди-

ли. Впослѣдствіи, когда было установлено различіе правъ для поступленія въ университетъ, наши курсы были уравнены въ правахъ съ привиллегированнымъ рабочимъ факультетомъ.

— Взяточничество профессоровъ!

— Вымогательство отъ студентовъ!

Такія восклицанія, съ соотвѣтственными комментаріями, запестрѣли въ казенной печати.

Это — профессоръ анатоміи П. И. Карузинъ имѣлъ несчастье привлечь на себя большевицкую шумиху. Возникли толки о томъ, что Карузинъ принимаетъ отъ студентовъ подношенія продуктами и что для такихъ студентовъ онъ устраиваетъ спеціальныя, а слѣдовательно, платныя практическія занятія.

Самый фактъ, хотя по обстоятельствамъ времени и объяснимый, но, конечно, ненормальный, встрѣтилъ дружное товарищеское осужденіе.

Совѣтская же власть инсценировала возмущеніе этимъ фактомъ студентовъ. Появились жалобы. Поднялся великій газетный шумъ. Профессура, вся огуломъ, обвинялась въ поборахъ со студентовъ. Возражать — возможности не было.

Надъ П. И. Карузинымъ былъ назначенъ «показательный» судъ, въ наибольшей изъ университетскихъ, въ «богословской» аудиторіи.

На судѣ выяснилось, что обвиненія въ общемъ основанія имѣли. Но они объяснялись матеріальной нуждой многосемейнаго Карузина. Сами студенты, дѣлавшіе подарки, свидѣтельствовали, что дарили по собственному побужденію, дѣлясь съ нуждающимся профессоромъ избытками привозимаго ими или получаемаго отъ родныхъ изъ провинціи. Жаловались только инструктированные студенты-коммунисты.

Сенсація — добровольное появленіе на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля защиты, народнаго комиссара здравоохраненія Н. А. Сѣмашки. Наркомздравъ, вспоминая время своего студенчества, наговорилъ немало лестнаго въ пользу Карузина.

Картина для обвиняемаго сложилась благопріятно. П. И. Карузинъ былъ приговоренъ къ общественному порицанію.

Вслѣдъ за вынесеніемъ приговора, на Моховой улицѣ разыгралась небывалая сцена:

Надъ многосотенной толпой молодежи высится кресло. На немъ — сѣдая согбенная фигура. Студенчество вынесло прямо изъ суда П. И. Карузина на креслѣ и, при сплошныхъ овацiяхъ, на рукахъ отнесла его на квартиру, въ одномъ изъ университетскихъ домовъ.

Положеніе профессуры Московскаго университета въ 1921 - 1922 г. г. было, конечно, не хуже, чѣмъ остальныхъ обывателей, кромѣ привиллегированныхъ, — но все же оно было весьма тягостнымъ. Достаточно вспомнить объ издѣвательствахъ пролетарскихъ юнцовъ и plebs'a надъ интеллигенціей, и въ этомъ случаѣ профессорское званіе было наихудшей защитой.

Намъ также приходилось очищать улицы отъ снѣга, сбрасывать его съ крышъ, колоть ледъ на мостовыхъ, очищать дворы отъ навоза и т. п. Непривычный и непосильный физическій трудъ, жизнь впроголодь и длительная моральная угнетенность вліяли на усиленную смертность однихъ и на погубленіе здоровья у большинства. Сильно развились сердечныя болѣзни.

Въ тюрьмахъ Чека и ГПУ пересидѣло много профессоровъ Московскаго университета. Не перечесть! Но, кажется, чаще другихъ сажали проф. И. А. Ильина *).

На улицахъ профессоровъ можно было видѣть въ обычномъ для москвичей «туалетѣ»: въ теплое время — съ мѣшкомъ на спинѣ, въ холодное — съ салазками на веревкѣ позади.

Все, что профессора зарабатывали, едва хватало на покупку ржаного хлѣба. Имъ спекулировали университетскіе сторожа, устроившіе на казенныхъ дворахъ въ своихъ квартирахъ хлѣбопекарни и торговавшіе хлѣбомъ въ Охотномъ Ряду или среди профессуры. На остальныя нуж-

*) Особенно трагична судьба профессора математики А. А. Волкова. Онъ попалъ въ засаду, 1 сентября 1919 г., въ квартирѣ недавно предъ тѣмъ арестованнаго Н. Н. Щепкина, по такъ называемому дѣлу о «Національномъ Центрѣ». Слухи — разные. По однимъ, у Волкова въ карманѣ оказались шифрованные документы; но мнѣ вспоминается, какъ будто въ совѣтской печати было, что съ обвиненіемъ Волкова произошло недоразумѣніе. Совѣтская печать, послѣ ареста, обливала Волкова разными инсинуаціями. Онъ былъ разстрѣлянъ въ тюремномъ подвалѣ на Лубянкѣ ,вмѣстѣ со многими другими, во главѣ съ Н. Н. Щепкинымъ.

ды профессора распродавали остатки имущества и даже свои библіотеки *).

Профессора претерпѣвали матеріальныя и моральныя тяготы, но еще могли сохранять достоинство, оставаясь просто безпартійными. Аполитичность еще терпѣлась. Это уже послѣ погрома 1922 г. — подъ непрерывной угрозой потери мѣста, а слѣдовательно голода — профессура оказалась вынужденной изучать Маркса и по приказу выносить претящія чувству и достоинству резолюціи... Но до того времени можно было, уйдя глубоко въ себя, отводить душу въ преподавательской и научной работѣ. Такъ и поступала въ массѣ профессура, болѣе преклонная по возрасту.

Иначе было съ болѣе молодымъ университетскимъ персоналомъ. Нѣкоторые еще живо помнили о тяготившемъ ихъ, иногда слишкомъ генеральскомъ, отношеніи къ ассистентамъ, лаборантамъ и пр. со стороны профессоровъ, возглавлявшихъ каѳедры; отъ этого молодежь теперь фактически была освобождена. А затѣмъ — молодые приватъ-доценты, не менѣе какъ съ трехлѣтнимъ преподавательскимъ стажемъ, сами автоматически стали профессорами. И вся университетская преподавательская молодежь (ассистенты, лаборанты и пр.) пріобрѣла не только равенство голоса съ профессурой, но и почти равное матеріальное обезпеченіе. Кто же, въ тайникахъ души, озлобится изъ-за увеличенія своихъ правъ...

Маятникъ качнулся въ другую сторону. Введеніе въ академическую жизнь «предметныхъ комиссій», то-есть организацій, объединявшихъ всѣхъ профессоровъ и преподавателей по данной дисциплинѣ, — имѣло двѣ стороны медали. Вопросы по постановкѣ преподаванія разрѣшались теперь простымъ большинствомъ голосовъ.

*) Крайность заставляла искать выходовъ. Мнѣ, напр., привелось организовать группу профессоровъ Московскаго университета для чтенія лекцій по естествознанію красноармейцамъ въ казармахъ. Мы получали за лекціи немного денегъ, но главное — красноармейскій паекъ. Хотя въ воинскихъ частяхъ, куда мы были приписаны для выдачи пайка, каптенармусы насъ нещадно и обкрадывали, все же кое-что оставалось. И это «кое-что», до введенія академическихъ пайковъ, было весьма существенной поддержкой для существованія. А затѣмъ мы могли иногда уносить незамѣтно въ карманахъ домой остатки хлѣба и сахара, которые намъ давали къ чаю красноармейцы, изъ своихъ обильныхъ запасовъ, передъ лекціей.

Конечно, бывало, что опытъ и научный авторитетъ преобладали, но это было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. Отрицательнымъ явленіемъ была и замкнутость комиссій. Развивалась кружковщина. Продвиженіе нынѣ опредѣлялось очередью, и лишь изрѣдка личными достоинствами. Притокъ талантливыхъ силъ извнѣ исключался: давали ходъ своимъ, ибо они «свои» *).

По всѣмъ этимъ причинамъ молодой преподавательскій персоналъ болѣе мирился съ новымъ режимомъ въ Московскомъ университетѣ, чѣмъ пожилые ихъ коллеги.

Были, однако, ренегаты и изъ среды старой, кадровой профессуры. Приведу два характерныхъ случая, быть можетъ наиболѣе характерныхъ для всей московской профессуры вообще.

Клементій Аркадьевичъ Тимирязевъ, извѣстный ботаникъ, еще отъ самаго переворота весьма порадовалъ большевиковъ переходомъ въ ихъ станъ. Совѣтская печать курила ему безъ конца фиміамъ.

На физико-математическомъ факультетѣ, къ которому принадлежалъ Тимирязевъ, къ нему относились, прежде

---

*) Вторымъ источникомъ пополненія преподавательскаго персонала, въ то время еще только начинавшимся, было непосредственное, помимо факультетовъ, назначеніе Наркомпросомъ профессоровъ и преподавателей.

Оффиціально эта мѣра была введена еще съ 1918 г., но на практикѣ она не имѣла успѣха, отчасти потому, что сами назначаемые избѣгали ею пользоваться.

На физико-математическомъ факультетѣ, въ 1921 - 22 г. г., было, однако, уже нѣсколько такихъ случаевъ. Но каждый разъ я приглашалъ вновь назначеннаго и, въ откровенной бесѣдѣ, выяснялъ ему будущую ложность его положенія, если онъ войдетъ въ составъ факультета, не пройдя черезъ баллотировку. Во всѣхъ случаяхъ со мною соглашались и либо просили о баллотировкѣ на факультетѣ, либо изрѣдка отказывались вовсе отъ назначенія.

Крупная коллизія вышла лишь съ проф. географіи и этнографіи г. Б. Адлеромъ. Онъ получилъ назначеніе помимо факультета, на основаніи указанія одного изъ видныхъ членовъ послѣдняго, проф. А—на. Г. Адлеръ, выразившій сначала, въ письмѣ ко мнѣ, согласіе на факультетскую баллотировку, потомъ отъ нея уклонился, и, отказавшись отъ назначенія, переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ читалъ лекціи въ университетѣ. Если не ошибаюсь, въ болѣе позднее время, онъ все же сталъ профессоромъ въ Московскомъ университетѣ.

всего, какъ къ крупному ученому; на политику въ данномъ случаѣ глаза закрывались. Напримѣръ, въ 1919 г., при общей закрытой перебаллотировкѣ всѣхъ старыхъ профессоровъ, съ нимъ и не подумали сводить политическихъ счетовъ: онъ былъ переизбранъ.

Въ слѣдующемъ году К. А. Тимирязевъ умеръ.

Профессура посвятила памяти Тимирязева собранія, съ упоминаніемъ, какъ должно, всѣхъ его научныхъ заслугъ.

Чествовала память Тимирязева и совѣтская власть. Наркомпросъ устроилъ торжественное засѣданіе для коммунистической молодежи. Пригласили и физико-математическій факультетъ делегировать представителя. Делегировалъ факультетъ автора.

Большой залъ переполненъ молодежью. Предсѣдательствуетъ М. Н. Покровскій. Ораторъ за ораторомъ восхваляютъ заслуги умершаго.

Но вотъ выступаетъ и самъ Покровскій. Своимъ тонкимъ, становящимся часто визгливымъ, голосомъ произноситъ рѣчь митинговаго характера. Она разсчитана на апплодисменты еще зеленыхъ слушателей, и наполнена выпадами противъ русской профессуры. Молодежь въ восторгѣ.

— Вотъ, напримѣръ, ректоръ Казанскаго университета... Позволилъ себѣ протестовать противъ требованій рабочаго факультета... Конечно, ректоръ молніеносно вылетѣлъ вонъ!!

— Ги, ги, ги-гии!

Перейдя къ К. А. Тимирязеву, Покровскій сталъ издѣваться надъ профессурой Московскаго университета. Они и съ своей стороны чествуютъ память Тимирязева...

— Да какъ имъ и не чествовать! Они должны держаться за него. Что останется, товарищи, отъ профессоровъ — всѣхъ вмѣстѣ, — если отнять отъ нихъ Тимирязева?!

— Ги-ги-ги-ги...

Я не счелъ возможнымъ болѣе оставаться; вышелъ подъ ироническими взглядами.

Заслуги умершаго были властью основательно вознаграждены. Семья щедро обезпечена; самому К. А. воздвигли у Никитскихъ Воротъ памятникъ; переименовали Петровско-Разумовскую академію въ «Тимирязевскую»...

Сынъ умершаго, профессоръ физики Аркадій Клементьевичъ, еще и до того придерживался коммунистическихъ

круговъ. Послѣ смерти Тимирязева-отца, въ совѣтскомъ оффиціозѣ было напечатано письмо врача-коммуниста, друга умершаго, съ описаніемъ этой смерти. Даже она была использована для агитаціи... Между прочимъ, въ уста умиравшаго авторомъ письма была вложена фраза:

— Надѣюсь, что сынъ мой Аркадій будетъ всегда съ вами!

Послѣ этой посмертной директивы, А. К. сталъ быстро измѣняться. Записался кандидатомъ въ партію, примкнулъ къ красной профессурѣ. За бездарностью и невѣжественностью послѣдней, сталъ ея естественнымъ лидеромъ. Раньше онъ казался въ обращеніи мягкимъ, деликатнымъ, вообще воспитаннымъ. Теперь сталъ непріятно рѣзкимъ, озлобленнымъ... Понемногу въ средѣ московской профессуры онъ завоевывалъ неуваженіе, а затѣмъ и ненависть, чего вовсе не было въ отношеніи Тимирязева-отца. Карьеру у власти онъ, однако, дѣлалъ.

О выступленіяхъ А. К. Тимирязева противъ Московскаго университета говорить еще придется.

Между прочимъ, въ началѣ 1922 г. въ Москвѣ онъ выступилъ съ докладомъ на губернской коммунистической конференціи. Послѣ доклада, онъ получилъ въ запискѣ вопросъ:

— Что собственно происходитъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета? Правда-ли, что онъ — контръ-революціоненъ?

А. К., какъ разсказывали, отвѣтилъ:

- Правда! Тамъ не только не оказала дѣйствія октябрьская революція, но не отразилась даже и февральская.

Второй случай — профессоръ Штернбергъ.

Переѣхавши въ 1918 г. въ Москву и посѣщая своихъ коллегъ-астрономовъ, авторъ никакъ не могъ застать дома проф. Ник. Карл. Штернберга, директора Московской университетской обсерваторіи. Между прочимъ, на этомъ посту Штернбергъ не былъ удачливымъ замѣстителемъ предшественниковъ: талантливѣйшаго Ф. А. Бредихина, творца всемірно принятой теоріи формъ кометныхъ хвостовъ, а затѣмъ блестящаго лектора и выдающагося ученаго В. К. Цераскаго. Штернбергъ былъ, правда, старательнымъ астрономомъ, но памяти въ наукѣ по себѣ онъ не оставилъ.

Раньше его считали скорѣе правымъ; теперь онъ объ-

явилъ себя большевикомъ. Перемѣна эта, какъ говорятъ, произошла подъ вліяніемъ дружбы съ одной извѣстной впослѣдствіи петроградской чекисткой.

Въ семьѣ Штернберга мнѣ сказали:

— Николая Карловича можно застать только въ бывшемъ кабинетѣ московскаго губернатора. Онъ вѣдь сейчасъ московскій губернскій комиссаръ!

Захожу въ бывшую канцелярію губернатора, на Тверской. Поразила непривычная тогда еще грязь... Обстановка, мебель — изорваны. Входятъ безъ доклада. Хотѣлъ: входя, какъ никакъ — въ губернаторскій кабинетъ, снять калоши. Куда тамъ, ясно — украдутъ.

За губернаторскимъ столомъ возсѣдаетъ Н. К. Нѣсколько взлохмаченная голова напоминаетъ ученаго. Изъза очковъ — суровые глаза.

Длинный хвостъ просителей — человѣкъ пятьдесятъ. Подходятъ одинъ за другимъ къ столу. Сталъ въ очередь и я...

Рѣшенія губернатора — быстрыя и вообще суровыя.

Какъ разъ передо мной — рабочій. Онъ изъ Клина — мѣстная власть. Проситъ свидѣтельства на пропускъ вагоновъ съ мукой.

— Мука у насъ больно дорога... Только одни мѣшечники и подвозятъ.

— А, мѣшечники? Такъ вы, товарищи, какъ увидите мѣшечниковъ, такъ немедленно ихъ разстрѣливайте!

Ой-ой! Вотъ такъ астрономъ, служитель мирнѣйшей изъ наукъ.

Увидѣлъ меня... Любезно усаживаетъ въ кресло:

— Подождите немного. Поговоримъ! Я скоро окончу пріемъ.

Продолжаетъ творить судъ и расправу. И часто слышно:

— Разстрѣлять!

— Разстрѣливайте ихъ!

При перевыборѣ профессоровъ въ 1919 г. на физико-математическомъ факультетѣ, Штернбергъ былъ забаллотированъ. Единственный изъ старыхъ профессоровъ...

Онъ перемѣнилъ тѣмъ временемъ и свой постъ: поѣхалъ какимъ-то старшимъ комиссаромъ въ армію, въ Сибирь, на борьбу съ адмираломъ Колчакомъ.

Въ слѣдующую зиму снова заговорили о Штернбергѣ. Проѣзжая на автомобилѣ, кажется, черезъ Иртышъ, онъ

провалился подъ ледъ. Штернберга вытащили; все же мокрый онъ ѣхалъ такъ нѣсколько часовъ на морозѣ до ближайшаго поселенія. Воспаленіе легкихъ...

Штернберга спѣшно привезли лечить въ Москву. Черезъ два дня онъ здѣсь умеръ.

Большевики хоронили Н. К. торжественно, съ отданіемъ красноармейскихъ воинскихъ почестей.

II.

Профессіональный союзъ. — Объединенное совѣщаніе. — Союзъ работниковъ просвѣщенія и соціалистической культуры. — Забастовка Московскаго университета. — Комиссія Луначарскаго. — Въ «Большомъ Совнаркомѣ». — Передъ концомъ свободы. — Погромъ.

Покушенія на разгромъ какъ Московскаго университета, такъ и всѣхъ высшихъ школъ Россіи, усилились съ 1921 года. Московскій университетъ былъ передъ глазами, на передовомъ посту. Онъ и подвергался сильнѣйшимъ ударамъ.

Нападеніе вызывало защиту, борьбу. Въ первую очередь это была борьба за спасеніе отъ разрушенія Московскаго университета. Во-вторую, вслѣдствіе центральности арены, — борьба за спасеніе высшихъ школъ и научныхъ учрежденій Россіи отъ превращенія ихъ въ безвольныя орудія коммунистической власти.

Профессура оказалась не въ силахъ остановить погромнаго удара. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сколько могла, она задерживала и смягчала силу этого удара. И Московскій университетъ палъ, какъ свободная школа, только послѣ всего того сопротивленія, какое могла развить непризванная и непривычная къ такой борьбѣ его профессура *).

Общая опасность сближала. Уже около года назадъ образовался профессіональный союзъ научныхъ дѣятелей. Возглавлялъ его проф. Московскаго Высшаго Техническаго училища В. И. Ясинскій, стойкій, энергичный, идейно затрачивавшій много труда на дѣло разносторон-

*) Авторъ долженъ воздержаться отъ поименованія дѣйствующихъ лицъ, кромѣ тѣхъ, кто находится внѣ досягаемости .

ней помощи ученымъ. Весьма видное участіе въ этомъ союзѣ принимала, конечно, и профессура Московскаго университета.

Первоначально въ союзѣ, или въ тѣсной связи съ нимъ, и принимались совмѣстные шаги къ защитѣ высшей школы отъ разрушенія.

Весной 1920 г. въ Москву прибыла изъ Германіи группа инженеровъ. Они были посланы разными предпріятіями для развѣдокъ о положеніи дѣлъ въ Россіи. Тогда за границей еще сомнѣвались — и правду принимали за злостныя измышленія эмиграціи. Инженеровъ приняли способомъ, ставшимъ трафаретнымъ для наивныхъ заграничныхъ разслѣдователей: они попали въ надлежащія совѣтскія руки, и имъ показывали лишь то, что слѣдовало... И впечатлѣніе о совѣтскомъ раѣ у нихъ создавалось благопріятное.

Случайность привела одного изъ нихъ къ встрѣчѣ съ ранѣе ему знакомыми русскими инженерами. Тѣ приподняли занавѣсъ... Нѣмцы были поражены. Попросили устроить имъ собесѣдованіе съ широкими кругами профессоровъ и инженеровъ на тему объ истинномъ положеніи Россіи.

Мы тоже были тогда еще нѣсколько наивными: думали, что черезъ посредство этихъ инженеровъ откроемъ глаза Европѣ на россійскую дѣйствительность. Собрались — около ста человѣкъ — въ большой физической аудиторіи Московскаго университета. Ждемъ часъ, другой... Нѣтъ нѣмцевъ!

Позже выяснилось, что въ этотъ день, рано утромъ, нѣмцамъ подали поѣздъ для возвращенія въ Германію. И дали краснорѣчиво понять, что этого случая для возвращенія имъ никакъ нельзя пропустить...

Но и съ нами тогда еще церемонились: репрессій не послѣдовало.

Чисто профессорская наивность проявлялась еще и въ попыткахъ защищать высшую школу посредствомъ подачи петицій къ власти.

Первая петиція, еще въ 1920 г., была составлена въ корректнѣйшей формѣ представителями разныхъ московскихъ ВУЗ-овъ и предназначалась къ подачѣ Ленину. Двойственность Ленина еще не была общеизвѣстной. Многіе вѣрили въ то, будто Ленинъ не все знаетъ, и будто не

онъ самъ другихъ, а его кто-то вдохновляетъ на разрушеніе русской культуры.

Однако, делегація никакъ не могла допроситься у Ленина пріема. Петиція залеживалась и поэтому утрачивала значеніе современности.

Въ апрѣлѣ этого же года было засѣданіе правленія нашего профессіональнаго союза; присутствовалъ на немъ, между прочимъ, и М. Горькій. Тогда онъ — по крайней мѣрѣ въ Петроградѣ — какъ бы возглавлялъ покровительство ученымъ.

Вызвалъ я его на балконъ и разсказалъ о нашей неудачѣ съ полученіемъ пріема у Ленина, для подачи ему петиціи.

— Не можете-ли вы, Алексѣй Максимовичъ, намъ въ этомъ помочь?

Горькій поморщился:

— Знаете, профессоръ, я какъ разъ сейчасъ поссорился съ Ильичемъ... Не совсѣмъ мнѣ удобно.

Онъ подумалъ.

— Впрочемъ, я это устрою! Пришлите мнѣ сегодня же, къ пяти часамъ, вашу петицію. Я дамъ ее сначала Ильичу прочитать. Тогда онъ назначитъ пріемъ!

Петицію Горькому я доставилъ. Пріема все-же не послѣдовало.

Позже, разновременно были составлены еще три петиціи. Онѣ также не дошли до власти *). Нѣкоторые профессора, съ изрядной наивностью, сами себя утѣшали:

---

*) Особенно тщательно составлялась 4-ая петиція, весною 1921 г. На объединенномъ совѣщаніи представителей всѣхъ ВУЗ-овъ Москвы петицію составляли, пересоставляли, редактировали, перередактировали... Наконецъ, составили. Получилось нѣчто среднее, со слабыми сторонами коллективнаго творчества.

Стали подписывать. Почему то этимъ дѣломъ завладѣлъ проф. Х., одинъ изъ любимыхъ совѣтской властью, совмѣщавшій очень много должностей, въ томъ числѣ и профессуру въ Московскомъ университетѣ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы петицію подписывали лишь наиболѣе отвѣтственныя лица, съ перечисленіемъ при подписи всѣхъ своихъ титуловъ и должностей:

— Это произведетъ большое впечатлѣніе...

Сомнѣвались, но исполнили. Затѣмъ онъ сталъ настаивать, чтобы петицію еще подписали виднѣйшіе научные дѣятели Петрограда Самъ отвезъ туда для этой цѣли петицію. Петроградцы подписали.

— Все это важно для исторіи! Историки будутъ знать, какъ мы защищали высшую школу и науку...

Становилось, однако, яснымъ, что только дѣйствіями профессіональнаго союза не обойтись. Вырисовывалась необходимость объединенной тактики всѣхъ московскихъ высшихъ школъ. Въ Петроградѣ совѣтъ представителей высшихъ учебныхъ заведеній и научныхъ учрежденій уже существовалъ. Въ Москвѣ совѣщанія такихъ представителей бывали до сихъ поръ лишь случайно.

Съ помощью профессіональнаго союза, образовалось объединенное совѣщаніе, въ которое вошло по одному выборному представителю отъ каждаго факультета 14 высшихъ учебныхъ заведеній Москвы *). Получился коллективъ изъ 60 - 70 вліятельныхъ членовъ московской профессуры. Однако, лишь рѣдко собиралось болѣе 25-30 человѣкъ; большинство осторожно уклонялось.

Мы собирались въ помѣщеніи Консерваторіи, на Никитской. Главнымъ образомъ разрабатывали мѣры по объединенію защитной тактики. Выработанныя мѣры вообще проводились и въ жизнь. Но мы столкнулись съ неожиданностью, которая произвела тягчайшее впечатлѣніе.

Въ открытую оппозицію всѣмъ остальнымъ стала Петровско-Разумовская сельско-хозяйственная академія. Ея представители на нашемъ совѣщаніи — ихъ было шестеро — въ своемъ большинствѣ придерживались уже совѣтской оріентаціи.

Расхожденіе между представителями академіи и остальныхъ высшихъ школъ настолько углубилось, что подъ ко-

---

На все это ушло мѣсяца полтора. Послѣ этого петиція стала мариноваться въ столѣ у Х. О ней начали забывать.

Посѣтивъ какъ то Х., я указалъ ему на это обстоятельство.

— Тогда возьмите ее вы, В. В., и давайте сами ей ходъ!

— Извольте! Съ удовольствіемъ.

Петиція у меня. Спѣшно заставляю ее размножать.

Часа черезъ два звонокъ по телефону:

— Это я, Х.! В. В., петиція мнѣ весьма спѣшно понадобилась. Пожалуйста, верните. Я уже послалъ къ вамъ за нею служащаго.

И эта петиція окончательно замариновалась.

*) 13 московскихъ и 14-й Ярославскій университетъ. Такъ какъ послѣдній обслуживался наѣзжавшей изъ Москвы профессурой, его относили къ числу московскихъ высшихъ школъ.

нецъ представители Петровской академіи и сами перестали посѣщать совѣщаніе.

Лѣтомъ 1921 г. Наркомпросъ устроилъ конференцію по дѣламъ высшей школы. Она должна была наложить свой штампъ на составленный Наркомпросомъ новый уставъ, кореннымъ образомъ измѣнявшій прежній укладъ высшихъ школъ. Составъ конференціи былъ нарочито подобранъ: Наркомпросу большинство обезпечивалось. Но для вида приглашались въ небольшомъ числѣ делегаты отъ высшихъ школъ: ректоръ или одинъ изъ деканов.

Для насъ, на объединенномъ совѣщаніи, была ясной невозможность выявить на конференціи голосъ высшей школы: коммунисты и пресмыкающіеся его бы заглушили. Поэтому московская профессура рѣшила не участвовать на этой конференціи.

Стали съѣзжаться въ Москву приглашенные делегаты изъ Петрограда, а отчасти и изъ провинціи. Передъ конференціей было устроено совмѣстное съ пріѣзжими совѣщаніе. Надѣялись найти общій путь.

Собрались въ нашемъ объединенномъ совѣщаніи, въ Консерваторіи. Предсѣдательствованіе предоставили петроградцу, проф. Правдику. Однако, голоса рѣзко раздѣлились. Московская профессура, ссылаясь, между прочимъ, на разрушительныя дѣйствія власти относительно Московскаго университета, настаивала на отказѣ отъ участія въ конференціи. Петроградцы, въ особенности техники, которые вообще держали себя благожелательнѣе, чѣмъ москвичи, къ совѣтскому режиму, настаивали на участіи въ ней. Поддерживая эту послѣднюю мысль, петроградскій профессоръ Л. П. К—нъ высказалъ:

— Здѣсь говорятъ о Московскомъ университетѣ... Но онъ уже въ развалинахъ! Это — деталь, на которой не стоитъ останавливаться.

Взрывъ негодованія. Профессора Московскаго университета поднимаются и уходятъ изъ зала, оставивъ лишь меня, съ порученіемъ дать надлежащую отповѣдь проф. К—ну, что и исполняется. Но ему сильно возразили и петроградцы, между ними покойный Д. С. Зерновъ, ректоръ технологическаго института, а также самъ предсѣдатель*).

Петроградцы и провинціальные делегаты на конферен-

*) Участіе на конференціи не избавило проф. К—на отъ высылки его, осенью слѣдующаго года, вмѣстѣ съ нами изъ Россіи.

цію пошли. Наркомпросъ получилъ возможность ссылаться на участіе и профессуры въ принятіи пагубнаго для русскаго высшаго просвѣщенія новаго устава.

Позже Д. С. Зерновъ мнѣ говорилъ:

— Разумѣется, это было ошибкою, что мы участвовали въ конференціи. Ваша московская тактика была правильной.

Какъ и слѣдовало ожидать, послѣ этой конференціи наше объединенное совѣщаніе начало привлекать къ себѣ раздраженное вниманіе совѣтской власти. Стали доходить извѣстія, что противъ насъ намѣчены репрессіи.

Передъ началомъ одного изъ засѣданій, на тротуарахъ около Консерваторіи были разставлены ранѣе подошедшіе члены его, предупреждавшіе вновь подходящихъ:

— Не входите! Получены свѣдѣнія, что сегодня на совѣщаніи будутъ арестованы всѣ участники...

Одинъ изъ особенно взволновавшихся членовъ совѣщанія указывалъ на стоящіе вблизи автомобили:

— Уже приготовлено, чтобы насъ везти...

Арестовъ не было, но объединенное совѣщаніе послѣ этого болѣе не собиралось. Нѣсколько разъ дѣлались попытки его возстановить. Но не образовывалось кворума. Членамъ совѣщанія все вспоминался послѣдовавшій при подобныхъ же условіяхъ арестъ, во время засѣданія, «Комитета помощи голодающимъ».

Параллельно съ этимъ шла борьба изъ-за нашего профессіональнаго союза. Какъ сплоченная организація, онъ мозолилъ глаза Наркомпросу. Его рѣшили закрыть.

Союзъ сопротивлялся. Проф. В. И. Ясинскій, его возглавлявшій, энергично искалъ помощи у разныхъ вліятельныхъ совѣтскихъ сановниковъ. Все же его закрыли. Но организація тотчасъ же воскресла подъ инымъ названіемъ...

Тѣмъ временемъ Наркомпросъ создалъ свой «Профессіональный союзъ работниковъ просвѣщенія и соціалистической культуры». Въ первомъ параграфѣ его устава значилось, что союзъ стоитъ на платформѣ третьяго интернаціонала.

Около этого дѣтища злого духа русскаго просвѣщенія М. Н. Покровскаго дальнѣйшая борьба и повелась.

Въ союзъ были вынуждены вступить — организован-

ности и солидарности у нихъ было мало — «работники просвѣщенія» низшей и средней школы. Но профессура — не пошла. Союзъ оказался однобокимъ, съ зіяющей пустотой, вмѣсто высшей школы.

Правда, фикція участія профессуры все же была: «красная» профессура и ренегаты. Но этимъ никто себя не обманывалъ.

Шагомъ къ принужденію вступить въ соціалистическій союзъ и было закрытіе нашего союза:

— Союзъ уже есть... Другого и не надо!

Началось заманиваніе профессуры въ казенный союзъ. Онъ выдавалъ своимъ членамъ безплатно одежду, мануфактуру, провизію, сласти и т. п. При той оборванности въ одеждѣ и систематической голодовкѣ, которая была среди насъ, это не было пустяками.

Но какъ ни соблазнялись этими подачками болѣе слабые духомъ — они, конечно, были — все же лидеры московской профессуры не уступили. За ними volens-nolens шла и вся московская профессорская масса.

Слабѣе обстояло у петроградской профессуры. Изъ Петрограда часто вѣяло нѣкоторымъ миролюбіемъ въ отношеніи къ начинаніямъ совѣтской власти. Это не было настроеніемъ всей массы петроградскихъ ученыхъ, — скорѣе, наоборотъ! И мнѣ лично приходилось слышать не разъ отъ петроградскихъ ученыхъ недовольство непротивленческой политикой нѣкоторыхъ изъ ихъ лидеровъ. Но сами эти лидеры не всегда проявляли достаточную твердость.

Сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ изъ среды петроградской профессуры не всегда, однако, увлекало остальныхъ. И въ вопросѣ о вступленіи въ соціалистическій профессіональный союзъ, въ петроградскомъ совѣтѣ представителей ВУЗ-овъ, многіе, надѣясь на улучшеніе матеріальнаго положенія, соглашались, при нѣкоторыхъ условіяхъ, вступить въ него.

Однако, возникала товарищеская неловкость по отношенію къ москвичамъ. А москвичи не шли ни на какіе компромиссы.

Тогда начался рядъ совмѣстныхъ совѣщаній. Въ Москву нѣсколько разъ пріѣзжали представители петроградскаго объединеннаго совѣта. И москвичи ѣздили въ Петроградъ. Въ совѣщаніяхъ иногда участвовали, въ роли соблазнителей, делегаты соціалистическаго союза...

Но неизмѣнно, на всѣхъ совѣщаніяхъ, побѣждала наша московская точка зрѣнія! Соглашеніе съ соціалистическимъ союзомъ было отвергаемо.

Наркомпросъ счелъ себя вынужденнымъ пойти на уступки. Изъ названія союза были вычеркнуты слова: «соціалистической культуры». Осталось лишь: «союзъ работниковъ просвѣщенія». Кромѣ того, намъ предлагалось, что будетъ создана при союзѣ особая секція высшей школы, «почти автономная».

Мы хорошо знали, чего стоятъ большевицкія обѣщанія «почти автономности». Отказались, не вступили.

Однако, матеріальныя поблажки, даваемыя союзомъ для соблазна профессорамъ, къ нему примкнувшимъ, увеличивали число перебѣжчиковъ...

Весною 1922 г. Наркомпросъ сдѣлалъ новую попытку — повліять на наше честолюбіе. Былъ оглашенъ списокъ изъ нѣсколькихъ профессоровъ, призываемыхъ занять высокіе посты въ этомъ союзѣ (этой чести удостоился, между прочимъ, и авторъ).

Мы не пошли.

Когда и это не увѣнчалось успѣхомъ, Наркомпросъ, въ апрѣлѣ 1922 г., издалъ распоряженіе о насильственномъ зачисленіи всѣхъ научныхъ дѣятелей въ составъ союза.

Противъ насилія мы были безоружны и приняли это, какъ фактъ. Однако, до погрома въ августѣ 1922 г. и высылки части изъ насъ за границу, эта мѣра оставалась только на бумагѣ *).

---

*) Въ процессѣ переименованій и реорганизаціи нашего профессорскаго союза, дошло въ Москвѣ до созданія «комиссіи по улучшенію быта ученыхъ», сокращенно — «КУБУ». Въ ней участвовало шесть представителей профессуры, преимущественно бывшихъ профессорами Московскаго университета, нѣсколько представителей совѣтской власти, съ коммунистическимъ сановникомъ Каменевымъ во главѣ, и представители профессіональнаго союза работниковъ просвѣщенія. Справедливо отмѣтить, что Каменевъ нѣсколько разъ оказывалъ цѣнную помощь въ интересахъ профессуры, при защитѣ ея правъ противъ посягавшихъ на нихъ. Фактически всѣ дѣла КУБУ велъ проф. В. И. Ясинскій.

При КУБУ создался рядъ полезныхъ для профессуры начинаній: взятіе въ свои руки распредѣленія академическаго пайка (чѣмъ прекращено было систематическое ограбленіе профессуры служащими

Бѣдственное положеніе ученыхъ измѣнилось къ лучшему въ теченіе 1920 - 21 г. г. лишь немного. Но понизилась способность бороться за существованіе. Силы падали

«Спецы» устраивались терпимо. Не такъ плохо было профессорамъ-врачамъ. Находили кое-какой заработокъ и юристы. Плохо приходилось филологамъ. Едва-ли не хуже всѣхъ — математикамъ.

Не выдержали математики... Значительная ихъ группа, человѣкъ 30 - 40, преподававшіе въ Московскомъ университетѣ (а также въ Московскомъ Высшемъ Техническомъ училищѣ и др.), признали, что нѣтъ для нихъ иного выхода, какъ вовсе прекратить преподаваніе и искать другой работы.

Въ серединѣ января 1922 г., на ближайшемъ засѣданіи физико - математическаго факультета, которыя происходили по средамъ, математики внесли предложеніе:

— Объявить забастовку!

Положеніе — ужасно непривычное. Прекратить по своей волѣ наиболѣе дорогое для профессора дѣло его жизни... Но мотивы — слишкомъ вѣскіе! Математики полагали, что только подобной демонстраціей можно привлечь вниманіе на бѣдственное положеніе, въ которое коммунистическая власть поставила ученыхъ.

Сужденія факультета шли при очень серьезномъ настроеніи. Сознавалась вся тяжесть и отвѣтственность предпринимаемаго шага...

Наконецъ я поставилъ на голосованіе:

— Объявлять ли забастовку или нѣтъ ?

Забастовка была принята почти единогласно.

На меня, какъ на декана, было возложено факультетомъ экстренно созвать общее собраніе всѣхъ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, чтобы ознакомить ихъ съ рѣшеніемъ физико-математическаго факультета.

Шагъ этотъ былъ явно нелегальный: общія собранія

выдававшихъ до того времени пайки кооперативовъ), снабженіе неимущихъ научныхъ дѣятелей одеждой, созданіе своего кооператива, предоставленіе научнымъ дѣятелямъ свыше десятка домовъ въ разныхъ частяхъ Москвы и т. п. При КУБУ была сохранена также нѣкоторая постоянная организація всей московской профессуры.

преподавательскаго персонала въ университетѣ были уже властью отмѣнены.

Немедленно въ канцеляріи факультета всѣ силы были посажены за печатаніе и разсылку воззваній, съ приглашеніемъ всѣхъ профессоровъ и преподавателей, на другой день, на общее собраніе въ большую физическую аудиторію. Воззванія разносились и раскленвались по многочисленнымъ зданіямъ университета, разбросаннымъ въ разныхъ частяхъ Москвы.

Слухъ о нашей забастовкѣ распространился мгновенно. Экстренно собрано было правленіе университета. Прибѣгаетъ ко мнѣ проф. О. К. Ланге, бывшій назначеннымъ членомъ правленія:

— Правленіе проситъ васъ пожаловать въ засѣданіе!

Ректоръ Волгинъ спрашиваетъ:

– До правленія, В. В., дошли частныя свѣдѣнія, будто физико-математическій факультетъ объявилъ забастовку. Мы просимъ васъ, какъ декана, удостовѣрить, соотвѣтствуетъ ли это дѣйствительности?

— Это дѣйствительно такъ. Забастовка факультета объявлена!

— А, въ такомъ случаѣ, мы, значитъ, имѣемъ оффиціальное заявленіе о забастовкѣ отъ должностного лица...

Къ этому времени «забастовочныя» объявленія уже бѣлѣли по всѣмъ учрежденіямъ университета.

Забастовка наша произвела переполохъ, — не только въ правленіи и въ Наркомпросѣ, но и въ правительствѣ. Дѣло происходило какъ разъ передъ Генуэзской международной конференціей 1922 г., на которой большевики надѣялись получить общее признаніе совѣтскаго правительства. Они хотѣли бы представить міру дѣло такъ, будто въ Россіи все успокоилось, и власть всѣми признана.

И вдругъ — забастовка и кого-же? Самыхъ смирныхъ людей — профессоровъ! И притомъ — въ самомъ сердцѣ Россіи — въ Москвѣ! Это уже не была возбужденная контръ-революціонерами невѣжественная толпа... Никого не обманешь.

Луначарскій, растерявшійся болѣе другихъ, выпустилъ длинное, предлинное воззваніе къ профессурѣ. Оно было написано языкомъ старыхъ грозныхъ министерскихъ циркуляровъ. Профессурѣ угрожалось всякими карами, если она дѣйствительно станетъ бастовать. Плакаты съ воззва-

ніемъ Луначарскаго въ четвергъ съ утра висѣли на зданіяхъ университета. Они вызывали только ироническія улыбки.

Правленіе потеряло голову: не догадалось просто закрыть физическій институтъ, гдѣ мы назначили «нелегальное» собраніе. Вмѣсто того, подчинившись призыву, оно само въ полномъ составѣ явилось на собраніе. Была мобилизована и вся красная профессура, а также оффиціальные представители Наркомпроса и союза «работниковъ просвѣщенія и соціалистической культуры».

Собралось 400 - 500 профессоровъ и преподавателей. Былъ избранъ весьма тактичный и опытный предсѣдатель.

Собраніе открыто было моей рѣчью. Я объяснилъ, что факультетъ прибѣгъ къ такой исключительной мѣрѣ, какъ забастовка, потому что и время настало тоже исключительное. Теперь слышатъ только тѣхъ, кто громко говорить умѣетъ, а слушаютъ только тѣхъ, кто громко говорить смѣетъ. Мы громко поднимаемъ нашъ голосъ, потому что нуждой и жизнью впроголодь доведены до невозможности вести преподаваніе. Среднее содержаніе профессора составляетъ нынѣ около двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ... Въ нашей забастовкѣ политическій моментъ исключенъ; но и сама по себѣ забастовка не можетъ быть для власти мѣрою одіозной, ибо совѣтская власть, посредствомъ оффиціальной печати, восторженно привѣтствуетъ всякую забастовку, гдѣ бы на земномъ шарѣ она ни произошла... Отъ имени факультета я просилъ собраніе выявить свое отношеніе къ нашему шагу *).

Недолгія, но страстныя пренія. Были голоса и противъ забастовки. Сильно возражалъ проф. А. П. Павловъ, изъ чисто идейнаго опасенія, какъ бы отъ этого не пострадала научная работа. Возражалъ и ректоръ Волгинъ, убѣждая насъ лучше обратиться съ ходатайствомъ по началь-

*) Пока я говорилъ, помощникъ ректора проф. А. В. Кубицкій пробрался къ студенческой коммунистической ячейкѣ:

— Товарищи, напустите Чека на декана Стратонова!

Какъ это ни странно, но этимъ провокаціоннымъ поступкомъ возмутилась даже коммунистическая ячейка и предала его огласкѣ въ студенческой средѣ.

На собраніи, чрезъ нѣсколько дней, я прямо спросилъ Кубицкаго:

— Правда-ли, что вы обратились съ этою фразой къ комячейкѣ?

Кубицкій смутился. Прямо отрицать не рѣшился и поспѣшно юркнулъ въ толпу.

ству. Съ тѣмъ же выступалъ и представитель профессіональнаго союза соціалистической культуры Кипарисовъ, рекламируя по этому поводу свой союзъ и убѣждая вступить въ него.

Но большинство участниковъ собранія слилось въ одинъ голосъ, въ жалобу на нестерпимую матеріальную нужду. Одинъ изъ профессоровъ, ударивъ рукой по скамьѣ, воскликнулъ:

— Не двадцать пять! Двѣсти пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ!

Громъ апплодисментовъ. Другіе находили эту цифру по современнымъ условіямъ преувеличенной. Однако, всѣ признавали настоящее положеніе нестерпимымъ.

Приступили къ голосованію. И подавляющее большинство высказалось за всеуниверситетскую забастовку.

Какъ только огласили результатъ этого голосованія, поднимается проф. Тимирязевъ:

— Отъ имени красной профессуры заявляю, что она не намѣрена подчиниться постановленію о забастовкѣ, будетъ продолжать занятія и приглашаетъ послѣдовать ея примѣру честныхъ безпартійныхъ!

Что здѣсь поднялось... Шумъ, крики, свистки...

— Это оскорбленіе!

— Тимирязевъ, вонъ!

— Долой его! Вонъ его!!

Казалось, сейчасъ произойдетъ нѣчто тяжкое. Но нашъ предсѣдатель сумѣлъ, хотя и съ трудомъ, заставить себя слушать:

— Господа! Надѣюсь, что наше собраніе не позволитъ себѣ прибѣгнуть къ насилію!

— Профессоръ Тимирязевъ! Объявляю вамъ замѣчаніе за неумѣстное выраженіе. Здѣсь, въ залѣ, нѣтъ никого, кто не являлся бы честнымъ!

Тимирязевъ стоитъ, блѣдный, какъ стѣна.

Беретъ слово одинъ изъ старыхъ, всѣми уважаемыхъ профессоровъ и окончательно успокаиваетъ бурю. Послѣ его рѣчи въ аудиторіи слышится даже добродушный смѣхъ.

Собраніе избираетъ затѣмъ делегацію изъ пяти человѣкъ. На нее возлагается руководство университетскими дѣлами впредь до слѣдующаго собранія.

Жизнь въ университетѣ замерла. Къ забастовкѣ присоединились всѣ учрежденія и институты университета.

Вечеромъ, на Моховой, — грустное, непривычное зрѣлище: черная темнота во всѣхъ зданіяхъ университета, которые москвичи привыкли видѣть ярко освѣщенными и полными жизни.

Делегація немедленно разослала извѣщенія о своей забастовкѣ въ другія высшія школы Москвы. Къ забастовкѣ тотчасъ присоединился Коммерческій институтъ («Карла Маркса»). Вотъ-вотъ, казалось забастуетъ Высшее Техническое училище... Волновались и остальныя высшія школы.

Явилась делегація отъ студентовъ:

— Мы предлагаемъ профессорамъ содѣйствіе студенчества!

Не безъ труда удалось мнѣ уговорить ихъ не выступать:

— Ваши силы и жертвы еще понадобятся Россіи. Теперь предоставьте дѣйствовать только намъ.

Наша делегація стала домогаться пріема у Ленина.

Надо было спѣшить! Если совѣтская власть, въ связи съ Генуэзской конференціей, испугалась шага профессуры, то въ свою очередь испугались и многіе профессора послѣдствій этого самаго шага. Далѣе, серьезная опасность возникла со стороны арміи ассистентовъ — молодыхъ врачей, среди которыхъ, какъ уже говорилось, было немало коммунистовъ. Врачи же не коммунисты были панически напуганы, правда не шуточной, угрозой наркомздрава Сѣмашки — отправить ихъ изъ-за забастовки, вмѣсто состоянія при университетѣ, въ провинцію, на борьбу съ сыпнымъ тифомъ. Поэтому молодые врачи намѣревались сорвать общеуниверситетскую забастовку посредствомъ созванія второго, своего общаго собранія и вынесенія на немъ противоположной нашей резолюціи. Конечно, Наркомпросъ это второе собраніе использовалъ бы по своему, какъ общеуниверситетское... И во всякомъ случаѣ выгодное для насъ впечатлѣніе отъ нашего шага было бы испорчено.

Повидать Ленина оказалось невозможнымъ: онъ уже секретно болѣлъ. Намъ отвѣтили:

— Въ виду болѣзни тов. Ленина, делегацію приглашаетъ къ себѣ въ субботу, въ Кремль, замѣститель предсѣдателя совнаркома товарищъ А. И. Цюрупа.

Проникнуть въ Кремль было дѣломъ нелегкимъ! Первый контроль — у воротъ, на Знаменкѣ. Въ наружной будкѣ — провѣрка чекистами нашихъ документовъ и затѣмъ телефонная провѣрка, дѣйствительно ли намъ назначенъ пріемъ. Насъ, подъ конецъ, снабжаютъ пропусками въ Кремль.

Но это только кажущіеся пропуски... Внутри, противъ входныхъ воротъ, проходъ въ двухъ мѣстахъ, одно за другимъ, забаррикадированы. У барьера охранники провѣряютъ наши пропуски. Только послѣ этого попадаемъ мы внутрь Кремля.

Сопровождающій чекистъ подводитъ насъ къ бывшему зданію судебныхъ установленій и удаляется. Однако, часовой у входа въ зданіе насъ снова задерживаетъ, не взирая на пропуски. Съ кѣмъ то говоритъ по телефону... По лѣстницѣ спускается ком-дѣвица, съ бумажкою въ рукѣ. Что-то провѣряетъ, испытующе насъ осматриваетъ. Очевидно, этотъ экзаменъ мы выдерживаемъ. Ком-дѣвица приказываетъ часовому насъ пропустить.

Вскорѣ насъ просятъ изъ пріемной къ «зампредсовнаркому».

Хорошо обставленный кабинетъ. За богато убраннымъ столомъ возсѣдаетъ бритый, по американски, А. И. Цюрупа. Поднимается навстрѣчу, здоровается; мы называемъ себя.

Въ сторонѣ, за столиками, сидятъ двѣ или три дѣвицы, какъ будто занятыя своимъ, постороннимъ дѣломъ. Это — стенографистки, записывающія каждое наше слово. Объ ихъ роли намъ нечаянно позже проговорился Луначарскій.

Послѣ вступительнаго слова делегатовъ, заговорилъ, со своимъ галиційскимъ акцентомъ, Цюрупа:

— Совнаркомъ былъ непріятно пораженъ извѣстіемъ о забастовкѣ. Власть и сама встревожена положеніемъ дѣлъ въ высшей школѣ. Да, конечно, оно серьезно... Это доказывается фактомъ забастовки...

— Но только зачѣмъ, господа, вы это сдѣлали? Если у васъ что нибудь не ладно, — ну, обратились бы прямо ко мнѣ...

Онъ постарался бы уладить недоразумѣнія. Совнаркомъ уже постановилъ немедленно же образовать смѣшанную комиссію для урегулированія возникшаго недора-

зумѣнія. Да, да, — конечно, подъ предсѣдательствованіемъ Анатолія Васильевича *). Иначе нельзя...

— Но это, Александръ Ивановичъ, профессуру не успокоитъ! Хорошо извѣстно, какъ въ Наркомпросѣ выбираютъ представителей профессуры. Тамъ подбираютъ своихъ!

— Тогда я предоставляю вамъ право самимъ избрать своихъ представителей отъ каждаго высшаго учебнаго заведенія въ комиссію Луначарскаго.

— Можно будетъ въ этомъ случаѣ сослаться на ваше разрѣшеніе?

— Конечно!

Для насъ это было весьма важнымъ завоеваніемъ.

— Но я очень прошу васъ, господа: прекратите забастовку! И, пожалуйста, какъ только возникнетъ недоразумѣніе, прошу обращаться прямо ко мнѣ! Сейчасъ-же...

Мы обѣщали, при такихъ условіяхъ, постараться повліять на прекращеніе забастовки. Цюрупа не подозрѣвалъ, что фактически она уже была молодыми медиками сорвана.

Теперь надо было выйти съ честью изъ положенія, не обнаруживъ ни раскола, ни малодушія въ средѣ профессуры. Немедленно же, въ понедѣльникъ, созвали мы новое собраніе. Чтобы парализовать покушенія на внесеніе раскола молодыми врачами, рѣшили провести его быстро, кратко, не давъ возникнуть преніямъ. Выступленіе въ этомъ смыслѣ отъ имени делегаціи возложили на автора.

На новое собраніе сошлось около 800 человѣкъ профессуры. Впустили, кромѣ того, студентовъ. Большая физическая аудиторія переполнилась до отказа.

Явилась въ полномъ составѣ красная профессура, сплоченной группой, подъ лидерствомъ В. П. Волгина.

Я изложилъ, возможно лаконически, о посѣщеніи нами Цюрупы, о передачѣ всего дѣла въ комиссію, подъ предсѣдательствомъ Луначарскаго, и о предоставленіи профессурѣ свободы выбора представителей.

— Въ виду тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ я доложилъ, и еще въ виду тѣхъ, которыя извѣстны делегаціи, но не могутъ быть доложены здѣсь, делегація предлагаетъ: отказаться отъ какихъ бы то ни было преній и прямо приступить къ голосованію вносимой ею резолюціи.

*) Луначарскаго.

Въ резолюціи говорилось: довѣряя обѣщаніямъ, даннымъ делегаціи замѣстителемъ предсѣдателя совѣта народныхъ комиссаровъ, общее собраніе постановляетъ возобновить занятія въ университетѣ.

Намъ удалось: преній допущено не было, резолюція принимается единогласно. Избираются также три делегата отъ университета въ комиссію Луначарскаго.

Предсѣдатель собранія отмѣчаетъ общее чувство удовлетворенія по поводу того, что такое непривычное и несвойственное высшей школѣ явленіе, какъ забастовка преподавательскаго персонала, нынѣ прекратилось.

Его прерываютъ шумными, по сигналу Волгина, рукоплесканіями красной профессуры.

— Но, продолжаетъ предсѣдатель, необходимо признать, что никогда и обстоятельства не были столь тяжкими и давящими столько поводовъ къ возникновенію забастовки, какъ тѣ, что ее вызвали.

Теперь — громъ аплодисментовъ остальной профессуры и студенчества.

Въ этотъ вечеръ вновь засвѣтились огни въ зданіяхъ университета. Жизнь въ нихъ возобновилась.

Началась, затянувшаяся на 2½ мѣсяца, дѣятельность комиссіи Луначарскаго.

Изъ разныхъ московскихъ ВУЗ-овъ было избрано по 2 - 5, всего около пятидесяти представителей. Получилась смѣсь политическихъ настроеній: отъ убѣжденныхъ антибольшевиковъ, до представителей Петровской с.-х. академіи и даже нѣсколькихъ коммунистовъ.

Первая наша встрѣча съ властью, въ лицѣ Луначарскаго и старшихъ дѣятелей Наркомпроса: Покровскаго, Яковлевой, проф. Классена и др., прошла подъ знакомъ ласковаго вниманія къ намъ и какъ будто даже желанія идти намъ навстрѣчу. Одинъ только Покровскій сидѣлъ хмурый, какъ туча, недовольный: пронесшаяся исторія касалась ближе всего его лично. Впрочемъ и на счетъ цѣны этого оффиціальнаго вниманія Луначарскаго и Ко никто изъ насъ не обманывался.

Мы поставили вопросъ не спеціально объ улучшеніи положенія профессуры, а о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи русской высшей школы вообще. Однако, какъ только нами возбуждался какой-либо вопросъ, Луначар-

скій тотчасъ же просилъ составить объ этомъ подробную записку, для разсмотрѣнія ея въ Наркомпросѣ.

Сначала мы шли на его просьбы bona fide, пока не увидѣли, что это лишь тактическій пріемъ: не обостряя отношеній спорами, благополучно хоронить возбуждаемые нами вопросы въ канцеляріяхъ.

Но, еще до перваго засѣданія, мы успѣли образовать свое совѣщаніе — выборныхъ представителей, — для объединенія тактики. Каждую недѣлю собирались мы въ геологическомъ кабинетѣ Московскаго университета, обсуждали предварительно поднимаемые вопросы, намѣчали линію поведенія. Мы поставили дѣло такъ, что въ комиссіи Луначарскаго высказывалъ взглядъ совѣщанія только одинъ его представитель. Этимъ парализовались споры предъ лицомъ Наркомпроса. Мѣра эта удалась. Несмотря на разносторонность взглядовъ участниковъ, совѣщаніе все же недурно консолидировалось. Даже выборные представители - коммунисты явно партійной линіи здѣсь не вели. Конечно, благодаря ихъ присутствію, каждое наше рѣшеніе или сужденіе становилось, кому слѣдуетъ, тотчасъ-же извѣстнымъ. Но мы вели дѣло, считаясь съ этой возможностью.

Представители Петровской с.-х. академіи отъ насъ совсѣмъ отошли.

Значеніе нашего совѣщанія все возрастало. Въ немъ, а не въ комиссіи Луначарскаго, предрѣшались взгляды и вырабатывались резолюціи. Къ намъ начали пріѣзжать представители изъ Петрограда. Бывали делегаты изъ провинціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, испрашивавшіе директивъ о тактикѣ.

Трудно иногда бывало съ пріѣзжающими петроградцами, все изъ-за нашего разничія тактики относительно власти. Особенно обострилось дѣло, когда пріятный совѣтской власти проф. З., ректоръ одной изъ высшихъ школъ Петрограда, перешелъ, съ благословенія нѣкоторыхъ круговъ петроградской профессуры, на службу въ Наркомпросъ. Петроградскіе представители, въ особенности ихъ «Несторъ» проф. Д. С. Зерновъ, настаивали, чтобы З. считался представителемъ въ Наркомпросѣ всей русской профессуры, дѣйствующимъ тамъ какъ бы по ея довѣрію. Москвичи же, болѣе склонные смотрѣть на З., какъ на обыкновеннаго чиновника Наркомпроса (впослѣдствіи проф. З. именно таковымъ и сталъ), на это не согласились.

Между прочимъ, Луначарскій въ комиссіи поставилъ очень острый вопросъ — о закрытіи цѣлаго ряда русскихъ высшихъ школъ. Общее ихъ число въ Россіи превзошло къ тому времени сотню, а съ рабочими факультетами, причислявшимися властью къ высшимъ школамъ, — даже двѣ сотни. Теперь Наркомпросъ хотѣлъ бы улучшить положеніе однѣхъ высшихъ школъ, за счетъ закрытія другихъ... И Наркомпросъ придумалъ, считавшійся вѣроятно ими очень «тонкимъ», планъ, — провести все это подъ видомъ нашего профессорскаго рѣшенія, чтобы затѣмъ весь odium за столь непопулярную мѣру, вмѣсто Наркомпроса, легъ на выборныхъ представителей профессуры. Намъ были представлены на разсмотрѣніе два или три проекта сокращенія сѣти высшихъ школъ. По проекту максимальнаго сокращенія на всю Россію Наркомпросомъ предположено было оставить только четыре высшихъ учебныхъ заведенія, а именно:

1) Московскій университетъ; 2) Петроградскій политехникумъ; 3) Петровско-Разумовскую с.-х. академію; 4) Рабочій факультетъ имени Покровскаго при Московскомъ университетѣ.

По второму проекту, предполагалось сохранить десятка три высшихъ школъ и т. д.

Конечно, мы отклонили свое вмѣшательство въ дѣло сокращенія высшихъ школъ *).

Однако, чтобы спасти отъ закрытія болѣе серьезныя изъ высшихъ учебныхъ заведеній, у насъ возникла мысль о возстановленіи платы за ученіе, для покрытія этимъ путемъ хотя бы части расходовъ на ихъ соодержаніе.

Намъ это казалось дѣломъ трудно исполнимымъ. Всякое обученіе въ совѣтской Россіи декретами было объяв-

*) Все же была образована при «Главпрофобрѣ» (Главномъ управленіи по профессіональному образованію), къ которому уже были причислены всѣ высшія учебныя заведенія, — особая комиссія, во главѣ съ Яковлевой, для разрѣшенія разныхъ частностей по судьбѣ высшихъ школъ. Комиссія разбилась на четыре отдѣла: университетовъ, затѣмъ техническихъ, сельско-хозяйственныхъ и медицинскихъ высшихъ школъ. Въ каждый отдѣлъ вошло по одному представителю Наркомпроса и по одному представителю профессуры. Мнѣ, напр., пришлось быть въ первомъ, университетскомъ, отдѣлѣ; моимъ партнеромъ отъ власти былъ Волгинъ. Это была уже неприкрытая комедія: все рѣшали сами представители Наркомпроса, не совѣтуясь съ нами хотя бы изъ приличія.

лено абсолютно безплатнымъ. Въ цѣломъ рядѣ своихъ статей, въ совѣтской печати, Луначарскій распинался о невозможности взыскивать плату за ученіе. Этого-де никогда въ совѣтской Россіи допущено быть не можетъ! Онъ также низвергалъ всякіе громы на частныя платныя школы... Это-де противорѣчитъ принципамъ коммунизма.

Вносить наше предположеніе въ комиссію Луначарскаго пришлось мнѣ. Считаясь съ высказывавшимся имъ ранѣе, я началъ осторожно:

— Мнѣ приходится сдѣлать, Анатолій Васильевичъ, предложеніе, которое, безъ сомнѣнія, вызоветъ съ вашей стороны сильныя возраженія...

Ожидалъ, что онъ возмутится, запротестуетъ... Но Луначарскій отнесся совершенно спокойно:

— Мы это предложеніе обсудимъ и разработаемъ въ Наркомпросѣ!

Вскорѣ послѣ этого дѣйствительно была вновь введена въ совѣтской Россіи плата за обученіе. А черезъ нѣкоторое время она достигла (для непривилегированныхъ) такихъ уродливыхъ формъ, что бѣдное студенчество застонало. Этого ужъ мы никакъ не предвидѣли.

Закрытіе нѣкоторыхъ изъ высшихъ школъ началось уже послѣ погрома насъ самихъ.

Вообще же въ основу своихъ преобразовательныхъ плановъ Наркомпросъ ставилъ поднятіе роли предметныхъ комиссій — своего рода маленькихъ совдеповъ. Мы противъ этого возражали, указывая на ранѣе здѣсь мною отмѣченные *) дефекты этого нововведенія.

Тѣмъ временемъ Генуэзская конференція кончилась. Она обманула мечты большевиковъ.

Теперь у совѣтской власти не было больше причинъ церемониться съ нами. Это сейчасъ же и обнаружилось. Засѣданія комиссіи Луначарскаго стали назначаться все рѣже. Одинъ разъ мы собрались на засѣданіе, а ни Луначарскій ни кто либо изъ Наркомпроса вовсе не явился. Послѣ оказалось, что Луначарскій отмѣнилъ засѣданіе, а насъ не потрудились увѣдомить. Перестали церемониться...

Если же засѣданіе и происходило, Луначарскій теперь держалъ себя съ показнымъ равнодушіемъ, небрежно. По прежнему все предлагалъ намъ писать записки... Но мы ихъ болѣе не составляли.

---

*) См. стр. 206 - 207.

Тогда, въ своемъ совѣщаніи, мы рѣшили, что тянуть эту комедію не стоитъ. Постановили — совсѣмъ прекратить наше участіе въ комиссіи Луначарскаго.

Надо было лишь объяснить наше рѣшеніе власти. Мнѣ было поручено составить объ этомъ краткій, но энергично написанный докладъ, для непосредственнаго врученія А. И. Рыкову, который въ то время замѣнялъ Ленина.

Пріемъ у Рыкова мы получили довольно скоро. Но — уже не въ Кремлѣ, а въ реквизированномъ домѣ, на углу Моховой и Знаменки.

Слѣдуя бюрократическому обычаю, Рыковъ долго продержалъ насъ въ пріемной. Это должно было означать его недовольство нами. Наконецъ, — вводятъ.

Въ сравнительно скромномъ кабинетѣ возсѣдаетъ за столомъ Рыковъ. Рыжеватый, съ козлиной бородкой; сильно заикается. Прихрамываетъ.

Пріемъ — довольно сухой. Рыковъ уже познакомился съ нашимъ послѣднимъ докладомъ. Онъ высказываетъ намъ свое крайнее начальственное неудовольствіе по поводу рѣшенія «саботировать» комиссію Луначарскаго.

— Я вне-не-су это дѣ-дѣло въ бо-бо-боль-большой со-сов-совнаркомъ... Пусть про-про-фессу-сура выбе-беберетъ своихъ де-делега-гатовъ!

Простился съ нами сдержанно.

Совѣщаніе выбрало четырехъ делегатовъ отъ Москвы и двухъ отъ Петрограда. Мы условились вовсе не жаловаться Совнаркому на Луначарскаго. Все равно — было бы ни къ чему! Рѣшили, что лучше будетъ даже поддержать Наркомпросъ въ его хлопотахъ объ увеличеніи ассигнованій на высшія школы.

Пришло, въ началѣ мая, приглашеніе насъ на засѣданіе въ Большой Совнаркомъ. Опять прохожденіе въ Кремль черезъ тѣ же провѣрочныя инстанціи... И вотъ мы въ зданіи судебныхъ установленій.

Ждать насъ заставляютъ долго. Совнаркомъ-де засѣдаетъ... Подходятъ и представители красной профессуры: Тимирязевъ, Волгинъ и др. А они-то здѣсь зачѣмъ?

Наконецъ, насъ приглашаютъ.

Длинная зала. Во всю ея длину — столъ. За нимъ, на диванахъ и стульяхъ у стѣнъ сидятъ члены Совнаркома. Много ихъ здѣсь, человѣкъ около шестидесяти.

За предсѣдательскимъ столомъ — А. И. Цюрупа.

Мы продвигаемся съ одной стороны длиннаго стола. Насъ сопровождаютъ любопытствующіе, ироническіе взгляды большевиковъ. Уже ясно — наше дѣло предрѣшено. Мы его должны проиграть...

— Прошу профессуру сѣсть сюда! — говоритъ предсѣдатель.

Насъ усаживаютъ въ сторонѣ, у стѣнки, неподалеку отъ предсѣдательскаго стола. Немного въ сторонѣ — тоже особый столъ. За нимъ, въ одиночествѣ, среди кипъ бумагъ, сидитъ А. И. Рыковъ.

— Точно прокуроръ, — мелькнуло въ мысляхъ.

Первое слово предоставляется намъ. Предсѣдатель делегаціи, въ мягкихъ и осторожныхъ выраженіяхъ, обрисовываетъ дѣло, приведшее насъ сюда.

— А нѣтъ-ли, спрашиваетъ Цюрупа, среди профессоровъ кого-либо, кто бы держался иного взгляда, чѣмъ высказанный представителемъ профессуры?

Подскакиваетъ, поднимая руку, А. К. Тимирязевъ. Такъ вотъ, значитъ, для чего были они сюда истребованы...

Не узналъ я Тимирязева, все же не лишеннаго извѣстной мудрости. Его рѣчь была построена на сплошной неправдѣ, передержкахъ — и притомъ такъ, что уличить его труда не было. Тимирязевъ не столько говорилъ по вопросу, сколько обрушился на профессуру вообще. Въ частности, онъ защищалъ цѣлесообразность существованія и развитія предметныхъ комиссій, которыя Наркомпросъ ставилъ въ основу намѣченной реформы:

— Профессора, говорилъ Тимирязевъ, возражаютъ противъ предметныхъ комиссій... Это потому, что въ нихъ будутъ имѣть голосъ также и преподаватели, которые теперь лишены всякаго голоса. Все въ рукахъ профессоровъ!

Онъ утверждалъ также, что профессора пристрастно и безо всякаго основанія нападаютъ на рабочій факультетъ.

Беретъ слово Луначарскій. Съ большой горячностью и паѳосомъ произноситъ онъ защитительную рѣчь по поводу своей дѣятельности въ отношеніи высшихъ учебныхъ заведеній. Онъ защищается авансомъ противъ обвиненій, которыя, какъ онъ ожидалъ, будутъ сейчасъ нами къ нему предъявлены. Въ рукахъ у него былъ написанный мною нашъ объяснительный докладъ, который въ

копіи лежалъ также предъ каждымъ изъ присутствующихъ.

Вслѣдъ за нимъ произноситъ также свою защитительную рѣчь и Покровскій.

Обѣ рѣчи повисаютъ въ воздухѣ! Никакого нападенія съ нашей стороны на Луначарскаго и Покровскаго не послѣдовало. Этого они не ожидали. Недоумѣвающій Луначарскій замолчалъ уже до самаго конца засѣданія.

Одинъ изъ нашихъ делегатовъ легко опровергаетъ Тимирязева за искаженіе имъ истины. Онъ затѣмъ указываетъ, что на отпускаемыя Луначарскому средства и въ самомъ дѣлѣ невозможно сохранить высшую школу отъ разрушенія. Поэтому онъ поддерживаетъ просьбу Луначарскаго о значительномъ увеличеніи ассигнованій на высшія школы.

Я, съ своей стороны, приканчиваю Тимирязева, изобличивъ его въ передержкахъ и въ неправдѣ. Какъ членъ факультета, онъ знаетъ, что младшіе преподаватели пользуются равнымъ голосомъ съ профессорами. Неужели проф. Тимирязевъ считаетъ, что Совнаркому нужна именно неправда? Я указываю также тѣ факты, которые даютъ основанія протестовать противъ дѣйствій слушателей рабфака *). По существу же я, быть можетъ въ нѣсколько энергичной формѣ, высказываю ту мысль, что имѣя уже кладбище низшей школы и кладбище средней школы, вы должны беречься, какъ бы не создать еще и третьяго кладбища. Къ этому уже идетъ...

— Мы вамъ объ этомъ говоримъ прямо и серьезно!

— Слово принадлежитъ товарищу Дзержинскому!

Этимъ выступленіемъ нарушается относительно спокойное теченіе засѣданія. Истерически рѣзкая рѣчь! Самъ Дзержинскій, невысокій, не то что подвижной, а весь какой то издерганный, производитъ впечатлѣніе не могущаго или не желающаго владѣть собою неврастеника-дегенерата. Онъ буквально прокричалъ свою рѣчь, обрушившись при этомъ лично на меня:

— А-а! Вы различаете — «мы» и «вы»!? Вы себя противопоставляете рабоче-крестьянской власти?! Такъ мы сумѣемъ показать, что вы должны ей подчиниться! Для этого у насъ достаточно средствъ...

---

*) См. стр. 198.

— Забастовку устраиваете!! А я знаю, что профессура бастовала по указанію изъ Парижа. У меня на это есть доказательства! Васъ нарочно заставили забастовать, чтобы помѣшать совѣтской власти на Генуэзской конференціи...

Онъ неистовствовалъ минутъ десять. Наконецъ затихъ и усѣлся. Я иду къ предсѣдателю — просить слова для отвѣта. Долженъ при этомъ подчеркнуть корректное предсѣдательствованіе на этомъ засѣданіи Цюрупы.

Выступленіе Дзержинскаго подѣйствовало на делегацію угнетающе. Послѣдовали лишь осторожныя выступленія. Нѣсколько словъ проговорилъ Д. С. Зерновъ о необходимости большихъ ассигнованій на ремонтъ зданій...

Беретъ слово Рыковъ. Говоритъ съ большимъ раздраженіемъ:

Онъ извиняется предъ Совнаркомомъ, что побезпокоилъ его созывомъ на это совѣщаніе. Онъ-де думалъ, что профессура принесетъ жалобу на Наркомпросъ. Совнаркомъ собственно и долженъ былъ заняться разсмотрѣніемъ ея. Между тѣмъ, профессора на товарища Луначарскаго вовсе не жаловались, а одинъ профессоръ даже просилъ о поддержкѣ ходатайства Луначарскаго. Рыковъ обрушивается затѣмъ на профессуру вообще:

— Что вы дѣлаете для народа? Что вы сдѣлали, напр., для устраненія голода на Волгѣ?!

Рыковъ проситъ поэтому Совнаркомъ принять его резолюцію. Онъ ее читаетъ: предлагается признать правильными и одобрить дѣйствія наркома Луначарскаго и выразить осужденіе профессурѣ за неосновательныя претензіи.

Послѣднее слово предоставляется Цюрупою мнѣ:

— Народный комиссаръ внутреннихъ дѣлъ обрушился на меня за якобы сдѣланное противопоставленіе «мы» и «вы». Но очевидно, что иначе выразиться я не могъ. Если-бъ, обращаясь къ членамъ Совнаркома, вмѣсто «вы», я сказалъ бы «мы», то можно было бы подумать, будто мы подозрѣваемъ членовъ Совнаркома въ желаніи стать профессорами, тогда какъ эта карьера едва ли ихъ соблазняетъ. Или же — можно было бы подумать, что мы, профессора, мечтаемъ стать членами Совнаркома, тогда какъ мы слишкомъ скромны, чтобы мечтать о такой карьерѣ...

Въ залѣ поднимается сдержанный, но общій смѣхъ. Дзержинскій дѣлаетъ злое лицо.

— Народный комиссаръ Дзержинскій говорилъ также, что у него есть документы относительно полученія профессорами директивъ на забастовку изъ Парижа. Какъ одинъ изъ дѣятелей по организаціи забастовки, утверждаю, что никакихъ указаній изъ Парижа объ этомъ мы не имѣли. И никакіе документы доказать противнаго не смогутъ!

Дзержинскій сверкаетъ глазами.

Затѣмъ я возразилъ Рыкову. Профессора ничего не сдѣлали для устраненія голода... А что власть позволила бы дѣлать въ этомъ направленіи профессорамъ? Намекаю на арестъ общественнаго комитета помощи голодающимъ. И снова призываю вниманіе Совнаркома на трагическое положеніе высшей школы.

Пренія закончены! — заявляетъ Цюрупа.

Ставится на голосованіе резолюція Рыкова. Странный фактъ: несмотря на партійную дисциплину, за резолюцію поднимаютъ руку, правда, большинство, однако, не всѣ члены собранія. Примѣрно одна треть воздержалась...

Мы выходимъ. Насмѣшливыми взглядами насъ болѣе не провожаютъ.

Нѣкоторые результаты забастовка все же дала.

Было дѣйствительно привлечено вниманіе на невозможное матеріальное положеніе высшей школы. Ассигнованія на русскіе ВУЗ-ы были повсюду увеличены.

Удалось избавить отъ намѣчавшагося Наркомпросомъ, въ видахъ экономіи, закрытія жизнеспособныя высшія школы.

Улучшено было и матеріальное положеніе русской профессуры. Такіе профессорскіе оклады, какъ 25 рублей въ мѣсяцъ, болѣе не стали возможными. Ихъ повысили, иногда до пріемлемой суммы.

Но забыть, примириться съ происшедшей забастовкой, совѣтская власть, конечно, не собиралась. Она только выжидала...

Въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго положенія профессуры былъ примѣненъ, однако, іезуитскій пріемъ. Онъ долженъ былъ расколоть относительное единство профессуры. Ей были даны прибавки къ содержанію, но не по объективнымъ основаніямъ, а по индивидуальнымъ — въ

зависимости отъ научной цѣнности каждаго, а также отъ его административнаго и организаторскаго стажа.

Комиссіямъ изъ спеціалистовъ предложено было распредѣлить научный персоналъ по пяти разрядамъ. Группа, самая высокая по научной оцѣнкѣ (5-ый разрядъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ самая малочисленная (20 - 30 человѣкъ на всю Россію), должна была получать мѣсячное пособіе въ 125 платежныхъ единицъ; самая же низкая в ънаучномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе многочисленная группа — 10 или 15 тѣхъ же единицъ.

Кость голоднымъ и все же часто ревнивымъ другъ къ другу людямъ была брошена... Стали распредѣляться по комиссіямъ и квалифицировать одинъ другого. Вообще примѣнялась большая снисходительность. Все же много было задѣтыхъ самолюбій, немало возникло затаенныхъ обидъ.

Но неожиданно надъ этими комиссіями спеціалистовъ, проведшими свою работу болѣе мирно, чѣмъ, быть можетъ, ожидалось, выявилась еще какая то келейная сверхъ-комиссія, почему то съ проф. Х. *) во главѣ. Она стала по своему усмотрѣнію измѣнять оцѣнки, сдѣланныя спеціалистами, главнымъ образомъ на основаніи личнаго мнѣнія проф. Х., а также по полезности оцѣниваемаго для совѣтской власти. Это вызвало взрывъ негодованія, тѣмъ болѣе что Наркомпросъ считался именно съ оцѣнкою этой сверхъ-комиссіи.

Масла въ огонь подлила и власть, ставшая включать въ эти группы еще и своихъ литературно-политическихъ дѣятелей, которыхъ къ наукѣ трудно было бы притянуть и за волосы. Напримѣръ, Демьянъ Бѣдный былъ оцѣненъ весьма высоко — 4-ымъ разрядомъ... Такія пособія этимъ «ученымъ» шли за счетъ ассигнованія на профессуру и дѣйствительныхъ ученыхъ.

Засѣданіе Большого Совнаркома и рѣзкое измѣненіе властью своего тона съ профессурой вызвали упадокъ духа и въ совѣщаніи представителей высшихъ школъ. Очевидно, стало нужнымъ перестроить ряды. Мы сочли свою миссію, которая носила боевой тонъ, завершенной. Иную и по необходимости болѣе умѣренную политику, слѣдовало предоставить уже новымъ избранникамъ.

---

*) См. примѣчаніе, стр. 213.

Дѣйствительно, по московскимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ состоялись выборы въ совѣщаніе новыхъ представителей. Они, однако, смогли собраться только одинъ разъ. Вмѣшалось ГПУ. Съ недвусмысленными угрозами потребовало оно роспуска совѣщанія. Пришлось подчиниться!

Опасность ломки университета все приближалась. Мы ожидали реформы во время лѣтнихъ вакацій, когда многіе профессора разъѣдутся, и протестовъ ждать трудно. Я предложилъ физико-математическому факультету, чтобы не оказаться намъ въ трудную минуту безпомощными, продолжать факультетскія собранія и лѣтомъ, называя ихъ частными совѣщаніями. Это было принято, но собраться удалось намъ только одинъ разъ.

Показалось, какъ будто помощь идетъ со стороны КУБУ, руководимаго неутомимымъ В. И. Ясинскимъ. Съ согласія власти, возникъ проектъ созданія при КУБУ постояннаго совѣта профессорскихъ делегатовъ. Дѣйствительно, въ серединѣ лѣта произошло, по созыву КУБУ, въ «богословской» аудиторіи Московскаго университета, собраніе профессоровъ и преподавателей всѣхъ московскихъ ВУЗ-овъ, для избранія сотни делегатовъ. Участвовало около тысячи человѣкъ; предсѣдателемъ собраніе избрало автора.

Благодаря организаціоннымъ ошибкамъ иниціаторовъ собранія и благодаря дебоширству теперь осмѣлѣвшей красной профессуры, собраніе протекло весьма бурно. Передъ самой подачей избирательныхъ записокъ, проф. Тимирязевъ заявилъ:

— Красная профессура отказывается принимать участіе въ выборахъ. И она не допуститъ, чтобы эти выборы были утверждены властью!

Во главѣ съ Тимирязевымъ, красные уходятъ изъ собранія.

Делегаты все же избираются. Но... власть дѣйствительно кассируетъ выборы.

Чрезъ нѣкоторое время назначается КУБУ новое собраніе съ тою же цѣлью. Но число делегатовъ, подлежащихъ избранію, Наркомпросомъ теперь уменьшается разъ въ десять. И для раздробленія силъ, теперь создаются двѣ куріи: отдѣльно профессоровъ и отдѣльно преподавателей. Кромѣ того, предсѣдатели — не по избранію, а по назначенію власти: въ профессорской куріи — нарком-

здравъ Н. А. Сѣмашко, въ преподавательской — В. П. Волгинъ.

Настроеніе замѣтно упало: въ профессорской куріи участвуетъ только 120 - 150 человѣкъ. Конкуррируютъ два списка: одинъ нашъ, профессорскій; другой — соглашательскій, съ именемъ популярнаго въ университетѣ проф. А. П. Павлова во главѣ.

Это меня удивило. Къ А. П. Павлову, члену нашего факультета, я неоднократно обращался съ предложеніемъ принять тѣ или иныя административныя функціи, и всегда встрѣчалъ отказъ. Преданный всею душой наукѣ, и только ей, — А. П. говорилъ:

— Я никогда не принималъ и не приму административныхъ обязанностей!

Спрашиваю предсѣдателя:

– Прошу удостовѣрить, что проф. Павловъ согласился стать делегатомъ. Не можетъ ли случиться, что, послѣ выборовъ, отъ него, сейчасъ здѣсь отсутствующаго, получится отказъ? И тогда, списокъ, ради него собственно и прошедшій, окажется безъ проф. Павлова. Кто собственно получилъ отъ него согласіе?

Сѣмашко замялся:

— Я точно не знаю. Вѣроятно, кто нибудь съ нимъ говорилъ...

Картина стала ясной.

Изъ нашихъ рядовъ дѣлается заявленіе о томъ, что профессура привыкла имѣть не назначеннаго, а своего избраннаго предсѣдателя...

Предсѣдатель смущенъ:

— Я, собственно, не стремился къ предсѣдательствованію. Но разъ меня назначили, я долженъ предсѣдательствовать.

Начинаются выборы. Записки поданы. Сѣмашко проситъ избрать трехъ представителей собранія, чтобы вмѣстѣ съ нимъ, въ двухъ парахъ, подсчитать результаты.

Избранному въ числѣ трехъ представителей, мнѣ приходится считать въ парѣ съ Сѣмашкою. Результатъ сразу выясняется. Блестяще проходитъ нашъ, профессорскій списокъ. Записавъ послѣдній итогъ, я обращаюсь къ предсѣдателю:

— Николай Александровичъ, готово... Николай Александровичъ!!

Сѣмашки что-то не видно...

— Господа, гдѣ же предсѣдатель? Кто видалъ?!
— Да, гдѣ же въ самомъ дѣлѣ нашъ предсѣдатель?
— Господинъ предсѣдатель!
Товарищъ предсѣдатель!!

Повсюду ищутъ Сѣмашку... Но, увы, безъ результата. Видя провалъ соглашательскаго списка, Сѣмашко потихоньку сбѣжалъ изъ собранія.

Гомерическій хохотъ! Все же избираемъ своего предсѣдателя, чтобы хоть оформить результаты избранія.

Въ куріи преподавателей, благодаря изобилію коммунистующихъ медиковъ, дѣло прошло не такъ гладко. Все же и тамъ прошелъ антисовѣтскій списокъ, несмотря на то, что перебѣжавшій, какъ послѣ выяснилось, отъ насъ къ преподавателямъ Сѣмашко произнесъ, передъ подачей записокъ, агитаціонную рѣчь *).

Въ іюлѣ же утверждается новое положеніе о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ основу академической жизни этимъ положеніемъ ставятся предметныя комиссіи. Ихъ составляютъ всѣ научные работники, принимающіе участіе въ преподаваніи соотвѣтствующихъ дисциплинъ, а также представители студентовъ, «выполняющихъ учебную повинность» по дисциплинамъ даннымъ предметной комиссіи, — въ количествѣ, равномъ половинѣ научныхъ работниковъ.

Студенты такимъ образомъ участвуютъ: «въ распредѣленіи преподавателей между различными учрежденіями; въ распредѣленіи читаемыхъ курсовъ между преподавательскимъ персоналомъ; въ детальной разработкѣ программъ; въ обсужденіи методовъ преподаванія; въ руководствѣ учебно-вспомогательными учрежденіями; въ рекомендаціи лицъ, пригодныхъ для замѣщенія профессорскихъ вакансій» и т. п.

Совѣтъ высшего учебнаго заведенія состоитъ изъ членовъ правленія, всѣхъ декановъ, представителей профессіональныхъ объединеній выдвинутыхъ профсоюзами, по соглашенію ВЦСПС съ Наркомпросомъ, представителей губисполкома, представителей заинтересованныхъ народныхъ комиссаріатовъ, представителя отъ мѣстнаго комитета служащихъ... Впрочемъ, профессора не совсѣмъ устранены изъ совѣта ВУЗ-а: они имѣютъ въ немъ пять

*) Насколько помню, избранные делегаты къ дѣятельности допущены все же не были.

представителей. По столько же представителей имѣютъ преподаватели (и научные сотрудники), а также студенты.

Въ томъ же іюлѣ состоялась въ Москвѣ коммунистическая конференція. На ней Зиновьевъ предложилъ программу о борьбѣ на трехъ фронтахъ: научномъ, литературномъ и кооперативномъ.

Программа эта конференціей была принята.

Моментъ, признаваемый подходящимъ для сведенія съ профессурой счетовъ, наступилъ.

---

18 августа... Ночью звонокъ. Чекистъ! Обыскъ. Арестъ... Отвозятъ на грузовикахъ въ знаменитую внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянкѣ.

Поздней ночью — въ комендатурѣ тюрьмы. Новый обыскъ. Рядъ неожиданныхъ встрѣчъ. Вопросы глазами:

— Какъ, и вы?

Много знакомыхъ профессоровъ. Нѣсколько — Московскаго университета.

Разводятъ по камерамъ. Швыряютъ въ дверь грязный, въ подозрительныхъ пятнахъ, сѣнникъ и доски. Устраиваемъ себѣ ложе.

Тюрьма возбуждена — въ одну ночь столько новыхъ арестантовъ! Едва заснутъ, снова дверь открывается. Новый!

Шепчутся арестанты:

— Что то происходитъ въ Москвѣ...

Въ эту ночь отвезли въ тюрьму рядъ профессоровъ, писателей и дѣятелей кооперациі. Въ Москвѣ арестовали человѣкъ сорокъ. Въ Петроградѣ и въ провинціи — примѣрно столько же.

Программа Зиновьева приводилась въ исполненіе.

Тюремный режимъ внутренней тюрьмы ГПУ не разъ описывался: содержаніе голодными, грубое обращеніе, лишеніе прогулокъ, умаленіе дневного свѣта въ камерѣ, разрѣшеніе только одинъ разъ утромъ и одинъ разъ вечеромъ, въ назначаемое надзирателемъ время, пользоваться уборными и пр. *).

---

*) Въ одной камерѣ со мной было девять арестантовъ; между ними профессоръ-философъ Московскаго университета Н. А. Бердяевъ.

Ночью наша камера оглашается воплемъ:

— Погибаю! Поги-ба-аю!!

Всѣмъ намъ предъявлено одно и то же, еще до ареста и довольно нелѣпо составленное обвиненіе. Оказывается, мы всѣ огуломъ виновны въ контръ-революціонной дѣятельности вообще, а въ частности, въ содѣйствіи бѣлымъ войскамъ; это содѣйствіе особенно нами усиливалось, при приближеніи бѣлыхъ къ Москвѣ...

Рядъ безцѣльныхъ ночныхъ допросовъ у слѣдователя. Безцѣльныхъ, — ибо наша судьба уже напередъ предрѣшена:

— Высылка профессоровъ и писателей за границу!

А кто на это добровольно не согласится, преданіе суду по обвиненію, могущему окончиться «высшей мѣрой наказанія», съ предварительнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ.

Позже мы узнали взглядъ власти:

— Непримиримыхъ профессоровъ вышлемъ за границу. Остальныхъ напугаемъ, а затѣмъ ублажимъ матеріальными подачками.

Американскій журналистъ интервьюируетъ Троцкаго о смыслѣ высылки насъ за границу.

— О, говоритъ Троцкій, высылка за границу — это лишь гуманная мѣра въ отношеніи высылаемыхъ! Иначе, намъ пришлось бы ихъ разстрѣливать, въ случаѣ какихъ либо контръ-революціонныхъ выступленій...

Насъ обязали выѣхать въ Германію въ теченіе одной недѣли, послѣ освобожденія изъ тюрьмы. Заграничные

Вскакиваемъ. Что такое?!

Снова неистовый крикъ не своимъ голосомъ...

По корридору, гремя оружіемъ, бѣжитъ караулъ. Дверь поспѣшно открывается. Камера заливается свѣтомъ.

— Николай Александровичъ, да проснитесь же...

— По-оги-баю!

— Ничего подобнаго! Очнитесь!

Наконецъ, нашъ профессоръ просыпается. Оглядывается, поворачивая недоумѣвающе взлохмаченную голову...

— Что случилось?

— Что... Да вы же во снѣ крикъ подняли!

— Я?! Развѣ?...

Караулъ смѣется. Надзиратель, прибѣжавшій съ карауломъ, старается быть строгимъ. Ищетъ жертвы, на которой сорвать бы досаду... Искупительная жертва найдена:

— Снимите жилетку! Слышите? Немедленно снять жилетку!!

Николай Александровичъ покорно снимаетъ свой жилетъ. Караулъ уходитъ...

паспорта и визы должно было добыть ГПУ. А мы обязаны были чуть ли не черезъ день являться въ это учрежденіе *). Ходимъ, ходимъ, — а ГПУ заграничныхъ паспортовъ все не даетъ! Проходитъ не одна недѣля, а нѣсколько. Наконецъ, узнаемъ причину промедленія. Вотъ отвѣтъ германскаго правительства:

Германія не является мѣстомъ ссылки для кого бы то ни было. Поэтому, на основаніи высылки ГПУ, визы въ Германію никому дано быть не можетъ. Но правительство освѣдомляетъ, что, зная, кого именно высылаетъ ГПУ, и въ томъ случаѣ, если высыл[illegible]ые добровольно пожелаютъ прибыть въ Германію, разрѣшеніе на въѣздъ будетъ имъ дано немедленно.

Мы подали такое заявленіе и тотчасъ получили визы

Намъ было неоднократно подсказываемо, чтобы мы просили Политбюро пересмотрѣть постановленіе о нашей высылкѣ за границу.

— Вѣдь не считалось же раньше предосудительнымъ не только просить о смягченіи наказанія министра внутреннихъ дѣлъ, но даже подавать объ этомъ прошеніе на высочайшее имя...

Человѣкъ десять изъ высылаемыхъ дѣйствительно просили о пересмотрѣ и объ оставленіи ихъ въ Москвѣ. На весьма тяжелыхъ моральныхъ условіяхъ имъ это было разрѣшено.

Въ послѣдній день сентября 1922 г., германскій пароходъ «Обербюргермейстеръ Гакенъ» увозилъ изъ Петрограда въ Штеттинъ наполнившую все судно группу высланныхъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ ихъ семьями.

Изъ профессоровъ собственно Московскаго университета были высланы: А. Л. Байковъ, Н. А. Бердяевъ, И. А.

---

*) Мы являлись въ комендатуру тюрьмы на Лубянкѣ, а оттуда чекисты, снесясь по телефону съ соотвѣтственнымъ отдѣленіемъ, пропускали насъ дальше.

Ждемъ мы какъ то разрѣшенія. Передо мною — нашъ историкъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, со своей окладистой бородой. Чекистъ посмотрѣлъ на его бороду и телефонируетъ:

— Священникъ Кизеветтеръ проситъ пропустить!

— Какой я священникъ ! — возмутился А. А. — Гражданинъ Кизеветтеръ, а не священникъ!

Чекистъ осмотрѣлъ его недовѣрчиво... Но все же согласился...

Ильинъ, А. А. Кизеветтеръ, М. М. Новиковъ, С. Л. Франкъ и В. В. Стратоновъ *).

Передохнувъ душою на пароходѣ, послѣ пережитыхъ испытаній, мы поблагодарили любезнаго капитана за отношеніе къ изгнанникамъ адресомъ **), въ которомъ было сказано:

— Потерпѣвъ житейское крушеніе на материкѣ, въ Москвѣ, мы нашли, наконецъ, тихую пристань среди волнъ Балтійскаго моря, на вашемъ пароходѣ...

Мы лично нашли тихую пристань, хотя ея и не искали. И возвращеніе на родину [illegible]насъ закрыто, подъ угрозою разстрѣла.

А Московскій университетъ сталъ ареной для сведенія дальнѣйшихъ счетовъ и съ профессурой и съ несчастнымъ студенчествомъ. Луначарскій и Покровскій добивали высшую школу безпрепятственно.

О тяжкихъ дняхъ Московскаго университета, наставшихъ послѣ потери имъ свободы, разскажутъ ихъ пережившіе, когда получатъ свободу слова.

В. Стратоновъ.

---

*) Мы были уже въ Берлинѣ, когда получилось извѣстіе, что относительно двухъ изъ высланныхъ профессоровъ — В. И. Ясинскаго и автора — Политбюро рѣшило измѣнить мѣру наказанія, замѣнивъ высылку за границу ссылкой не то въ Якутскую губернію, не то въ Туруханскій край. Однако, благодаря канцелярской волокитѣ, запоздали...

**) Составленнымъ проф. С. Л. Франкомъ.

II

ВОСПОМИНАНІЯ

Университетскія воспоминанія студента выпуска 1865 года

Наступаетъ 175-лѣтній юбилей бывшаго Императорскаго Московскаго Университета, и бывшіе студенты онаго приглашаются сообщить свои воспоминанія и вообще что знаютъ про старѣйшій изъ русскихъ университетовъ за время пребыванія въ немъ.

Призывъ этотъ невольно заставилъ встрепенуться и насъ стариковъ, которые еще кое-что помнятъ объ высшемъ Училищѣ, гдѣ получили или дополнили свое образованіе, и съ благодарностью вспоминаютъ не только о полученныхъ научныхъ познаніяхъ, но и о моральномъ фундаментѣ, заложенномъ при вступленіи на жизненный путь, за время пребыванія студентомъ въ нашей Alma Mater. Въ каждомъ изъ насъ явилось желаніе, конечно насколько сумѣемъ, добрымъ словомъ вспомнить прошлое.

Но говоря о Московскомъ университетѣ, мнѣ приходится много говорить о себѣ, пишущемъ эти строки, въ чемъ впередъ извиняюсь передъ читателемъ, такъ какъ легко могу этимъ надоѣсть ему.

Росъ большей частью въ деревнѣ въ дворянской семьѣ, какихъ тогда было много; я былъ единственный сынъ у матери вдовы. Отецъ мой скончался въ годъ моего рожденія въ 1844 г. Моя мать, рожденная Бибикова, на пятомъ году моей жизни вышла вторымъ бракомъ замужъ за Барона Менгдена, и мы продолжали жить въ Тульской губерніи, въ родовомъ имѣніи князей Оболенскихъ. Росъ я одиноко, не имѣя сверстниковъ, и единственной радостью моего дѣтства и отрочества было общество моихъ двоюродныхъ сестеръ и брата, Раевскихъ, когда мы ихъ посѣщали. Родная сестра моей матери была замужемъ за И. А. Раевскимъ и мое пребываніе въ ихъ многочисленной семьѣ имѣло огромное вліяніе на всю мою жизнь. Скучая одинъ дома и попадая въ прекрасно

образованную семью Раевскихъ, я тамъ многому научился, такъ какъ у Раевскихъ были, въ виду многочисленности учащихся, разные учителя, прекрасные преподаватели, а во время лѣтнихъ вакацій и студенты Московскаго университета. Старшій двоюродный братъ Раевскій уже былъ студентъ, и въ 1855 г. я хорошо помню, съ какимъ восторгомъ праздновался 100-лѣтній юбилей Московскаго университета.

Зимы проводились въ Москвѣ. Близость Московскаго университета сдѣлала то, что у меня съ молодыхъ лѣтъ сложилось понятіе о необходимости поступить въ Московскій университетъ, чему много способствовало, какъ я уже сказалъ, мое пребываніе въ семьѣ Раевскихъ, и также и студенты, кои на вакаціи пріѣзжали къ намъ и обучали меня съ малыхъ лѣтъ моихъ русской грамотѣ. Ибо мое воспитаніе было въ сущности въ нѣмецкихъ рукахъ. Нянька и также гувернантка были нѣмки, а когда я сталъ подростать, то Баронъ Менгденъ выписывалъ гувернеровъ изъ Дерптскаго университета, хорошо образованныхъ, но обучавшихъ меня всѣмъ наукамъ, кои требовались для поступленія въ университетъ, по нѣмецки. Такъ что я нѣмецкій языкъ зналъ чуть ли не лучше своего роднаго русскаго. Уже 14 лѣтъ я переѣхалъ въ 1859 г. въ Москву и тамъ сталъ уже готовиться серьезно ко вступленію въ Московскій университетъ и попалъ сразу въ общество студентовъ, въ семьяхъ того общества, которое посѣщалъ. Почти во всѣхъ были студенты, а это меня знакомило и съ университетскою жизнью. Всѣ имена знаменитыхъ тогда профессоровъ были мнѣ извѣстны и были на устахъ у всѣхъ: Грановскій, Рулье и др.

Въ университетѣ въ аудиторіяхъ читались публичныя общедоступныя лекціи, которыя посѣщались московскимъ обществомъ, внѣ университета стоящимъ. Таковыми были по физикѣ профессора Любимова, съ ассистентомъ Рачинскимъ; по общей всемірной исторіи Кневскій и др. Все это было наканунѣ освобожденія крестьянъ, которое всѣ ждали съ особеннымъ возбужденіемъ и нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи этого событія въ Москвѣ уже въ 1860 г. возникли воскресныя школы, и на фабрикахъ, близъ Москвы лежащихъ, учили грамотѣ все тѣ же студенты разныхъ факультетовъ и курсовъ. И мнѣ 15-лѣтнему юношѣ предложили по воскресеньямъ помогать обучать народъ, и я со знакомыми студентами отправлялся на Прохоровскую фаб-

рику (на Прѣснѣ), гдѣ сталъ учить, начиная съ азбуки, нѣкоторыхъ фабричныхъ парней. Но какъ ни былъ я молодъ, мнѣ не понравилось ученіе, какъ оно преподавалось. Одинъ изъ студентовъ какъ то по окончаніи урока мнѣ сказалъ: «Я читалъ уже грамотнымъ Марка Вовчка, разсказъ о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, и такъ настроилъ, наэлектризовалъ слушающихъ, что только чикни и разнесли бы всю фабрику». Студентъ былъ нигилистъ, и я тогда же понялъ, къ чему это ученіе клонится и пересталъ ходить на эти воскресныя занятія.

Какъ единственнаго сына и владѣльца довольно значительныхъ имѣній, кои наслѣдовалъ, меня опекуны мои рано поставили довольно самостоятельно, такъ что съ 14 лѣтъ я уже принималъ участіе въ управленіи имѣній, а когда я 16 лѣтъ поступилъ въ университетъ по юридическому факультету, я уже совсѣмъ самостоятельно сталъ управлять имѣніями и жилъ въ Москвѣ одинъ на нанятой мною квартирѣ. Настроеніе всюду было либеральное, и я подъ вліяніемъ Л. Н. Толстого завелъ въ своемъ Веневскомъ имѣніи школу для крестьянъ, гдѣ по примѣру Яснополянской, учили студенты. «Въ ожиданіи вольной народъ ходить ужъ сталъ иначе», сказалъ мнѣ въ 1860 г. Толстой, идя со мною по одной изъ московскихъ улицъ и указавъ на какихъ то рабочихъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ ждали перемѣнъ. И въ университетѣ прежде всего. Ограниченія числа слушателей (тремя стами) были уничтожены *) при воцареніи Императора Александра II. Масса всякихъ родовъ молодежи въ 1861 г. устремилась въ университетъ. Особенно изъ провинціи, семинаристовъ и поляковъ. Форма была отмѣнена, такъ что я носилъ лишь фуражку съ синимъ околышкомъ. Въ 1861 г. мундиръ уже не сталъ обязательнымъ. Вступительные экзамены въ маѣ 1861 г. шли новымъ порядкомъ — большею частью экзаменовали учителя гимназій, а предсѣдательствовалъ кто-либо изъ профессоровъ. И въ виду большого наплыва желающихъ поступить въ университетъ, — много проваливалось. И я не могъ не замѣтить, что къ намъ, дворянамъ, коихъ обзывали аристократами, а то и по мундиру, который студенты старшихъ курсовъ донашивали, то бѣложилетниками, то бѣлоподкладчиками, тѣхъ, кто щеголялъ, — отно-

*) Лишь на медицинскомъ факультетѣ число студентовъ было неограниченное.

шеніе явно было со стороны экзаменаторовъ не благожелательное. Это я испыталъ и на себѣ. Первый экзаменъ былъ изъ русскаго языка, сочиненіе, и, объявляя тему, проф. Т. объявилъ, что чье сочиненіе окажется неудовлетворительнымъ, тотъ далѣе не будетъ допущенъ до слѣдующихъ экзаменовъ. Черезъ недѣлю былъ слѣдующій экзаменъ, и тотъ же Т. прочелъ списокъ всѣхъ тѣхъ, кои не допускались далѣе, такъ какъ ихъ сочиненіе не одобрено; оказалось много. Моего имени не было и я продолжалъ экзаменоваться, между прочимъ, у того же Т. изъ русской литературы. Окончивъ благополучно всѣ экзамены, я пошелъ въ канцелярію университета получить бумагу о принятіи въ число студентовъ университета, и въ полномъ недоумѣніи узнаю, что Т. мнѣ поставилъ «неудовлетворительно» изъ русскаго языка. «Быть не можетъ, если бы мое сочиненіе не было принято, меня не допустили бы держать дальше?» возражаю я, но въ канцеляріи только пожимаютъ плечами. Положеніе ужасное, всѣ поздравили съ успѣшными экзаменами, а тутъ ужасъ, все передерживать. Я бросился къ профессору Т за объясненіями. Тотъ меня очень холодно принимаетъ, указывая, что у меня ошибки есть въ орфографіи. «Это простая описка, возражаю я, вѣдь ошибку, на которую вы указываете, гимназистъ 2-го класса не сдѣлаетъ». — «Однако вы ее сдѣлали». — А надо признаться, что мнѣ, никогда не бывшему въ школѣ, а учившемуся въ тишинѣ, очень было нелегко, и я волновался, — чему приписываю свою описку, — попавъ въ шумную аудиторію. — Ухожу совсѣмъ упавши духомъ, и въ дверяхъ встрѣчаю знакомаго студента, нѣкоего Смирнова, издателя азбукъ для первоначальныхъ школъ, у котораго я для своей школы купилъ большое количество азбукъ. «Что съ вами?» спрашиваетъ. — Я ему сообщаю свое горе. «Погодите тутъ гдѣ нибудь, я переговорю съ Т., можетъ быть, удастся еще дѣло ваше поправить». Противъ квартиры Т. былъ трактирчикъ, куда я пошелъ ждать выхода Смирнова отъ Т. — Черезъ нѣсколько минутъ меня Смирновъ позвалъ и я вновь предсталъ передъ профессоромъ Т., уже совсѣмъ иначе говорящимъ: «Я никакъ не ожидалъ, что вы такой передовой человѣкъ, заводите школы. Очень жалѣю о случившемся, но можно дѣло исправить. Въ экзаменъ русскаго языка входитъ и славянскій. Заявите, что вы не выдержали экзаменъ славянскаго языка, и просите переэкзаменовку». Я

такъ и сдѣлалъ. Но университетъ былъ уже закрытъ, а для переэкзаменовокъ назначено 15 августа; къ тому еще я былъ послѣдній, которому удалось поступить 16 лѣтъ въ университетъ. Вскорѣ предѣльный возрастъ былъ назначенъ 17 лѣтъ, такъ что отъ экзаменующихся впервые въ августѣ уже требовался 17-ти лѣтній возрастъ. Лѣто было испорчено, и я 15 августа явился на переэкзаменовку изъ славянскаго языка (уже разъ выдержаннаго), въ Москву изъ деревни, и выдержалъ оный, не безъ придирокъ учителя гимназіи, у котораго пришлось экзаменоваться.

Лекціи должны были начаться въ сентябрѣ, почему я вернулся послѣ переэкзаменовки въ деревню, заручившись уже отпускомъ отъ университетской канцеляріи, какъ окончательно принятый студентъ. Случай со мною бывшій, оказывается, былъ явленіемъ не единственнымъ. Терпигоревъ, впослѣдствіи писавшій и извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Атава», разсказываетъ нѣчто подобное съ нимъ бывшее. Онъ держалъ экзаменъ при Тамбовской гимназіи, что тогда было тоже впервые, и, замѣтивъ явно недоброжелательное отношеніе къ дворянамъ со стороны экзаменаторовъ, онъ взялъ сразу методу такъ или иначе высмѣивать, ругать дворянъ помѣщиковъ, придираясь ко всякому удобному для сего случаю. И это ему удалось настолько, что экзаменаторы другъ другу передавали о немъ, какъ о крайне развитомъ юношѣ и всячески поощряли его. И онъ легко выдержалъ экзамены, что иначе, т. е. при другихъ условіяхъ врядъ ли ему удалось бы. И эти экзамены оставили по себѣ, пишетъ Терпигоревъ, отвратительное воспоминаніе на всю жизнь.

Готовясь къ университетскому экзамену въ Москвѣ, я уже годъ до вступленія въ университетъ познакомился со многими студентами и узналъ, какъ они относятся къ профессорамъ, какъ складывается университетская жизнь. Относились хорошо къ профессорамъ особенно заслуженнымъ, имѣющимъ ученую репутацію, — къ начальству же относились не только критически, но высмѣивали попечителей, инспекторовъ и др. всячески. Анекдотамъ не было конца, главнымъ образомъ, когда это были генералы, поставленные для установленія строгой дисциплины, чего требовалъ Императоръ Николай I. Исключеніемъ былъ графъ С. Г. Строгановъ, очень ученый и образованный человѣкъ, либеральнаго направленія. Его то и замѣнили строгіе генералы. Гр. Строгановъ былъ послѣ Закревска-

го генералъ-губернаторомъ Москвы и затѣмъ попечителемъ цесаревича В. К. Николая Александровича. Кромѣ насъ, приходящихъ, были студенты на казенномъ содержаніи, которые жили въ зданіи стараго университета, гдѣ для нихъ было устроено общежитіе. Однимъ изъ попечителей съ начала 40-хъ годовъ былъ всей Россіи извѣстный богачъ князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ. Добрякъ онъ былъ, но человѣкъ недальновидный, славился гостепріимствомъ и много помогалъ нуждающимся. О немъ много писалъ Герценъ въ своей «Полярной Звѣздѣ». Въ университетѣ онъ мало имѣлъ значенія, но за время его попечительства университетъ все же имѣлъ много свѣтилъ въ научномъ мірѣ.

Про него ходилъ слѣдующій анекдотъ. Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ и жаловалъ его. Противъ новаго зданія университета (въ 1835 г. построеннаго) находится большой манежъ, гдѣ происходили ученія военныхъ, маневры, смотры и парады, а потому Государь всегда посѣщалъ его во время пребыванія въ Москвѣ. И вотъ, проѣзжая изъ манежа въ коляскѣ вмѣстѣ съ княземъ С. М. Голицынымъ, Государь почему то недовольный университетскими порядками, указалъ рукою на университетъ: «Ну, сюда я не поѣду», сказалъ онъ кн. Голицыну, на что тотъ наивно отвѣтилъ: «Да и я какъ можно рѣже тамъ бываю»...

Императоръ Николай Павловичъ только разъ и то невзначай заѣхалъ въ Московскій университетъ, — когда никто не ожидалъ царскаго посѣщенія. Шла уборка — мыли полы въ прихожей. Государь вошелъ съ парадная подъѣзда новаго зданія и поломойка, увидавъ могучую фигуру Государя, такъ испугалась, что опрокинула тазъ съ грязной водой на ногамъ Государя. Пріемъ, который, конечно, не оставилъ по себѣ пріятнаго впечатлѣнія.

Во время путешествія по Россіи въ 1862 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ подъ вліяніемъ графа С. Г. Строганова и Побѣдоносцева посѣщалъ университеты. Такъ, въ Харьковѣ въ университетѣ Цесаревичъ былъ на лекціи профессора Каченовскаго, который читалъ международное право — и прослушалъ всю лекцію. Въ Москвѣ также въ 1862 году, во время пребыванія царской семьи, Цесаревичъ посѣщалъ Московскій университетъ, — но къ сожалѣнію не помню, лекціи какихъ профессоровъ.

Особенныя строгости введены были въ 1848 г., въ виду того, что въ Европѣ разыгрались революціонныя движенія. Въ Москву генералъ-губернаторомъ назначенъ графъ А. А. Закревскій, а попечителемъ университета генералъ Назимовъ, на котораго по его необразованности, плели массу анекдотовъ, кои повторялись и въ московскомъ обществѣ. Увѣряли, что на вопросъ Назимова, отъ чего начался пожаръ (скоро потушенный), ему рапортовали: отъ зажигательнаго стекла, — Назимовъ сказалъ: «Слава Богу, что не ночью»... При Назимовѣ процвѣтала шагистика, такъ называли маршировку, коей обучались студенты казеннокоштные и старшіе курсы. Прощаясь съ выходнымъ курсомъ студентовъ, Назимовъ не нашелъ ничего умнѣе имъ сказать: «Мундиръ, господа, берегите, берегите мундиръ»... Онъ какъ военный понималъ такъ офицерскій мундиръ, честь мундира... «Будемъ беречь, Ваше Превосходительство», отвѣчали довольно саркастически студенты.

Приходилъ Назимовъ на лекціи, въ коихъ мало понималъ, но считалъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о величіи и славѣ Россіи. Пришедши на лекцію профессора римскаго права, Н. И. Крылова, Назимовъ собрался сказать, что Римская Имперія по значенію и величію своему была почти равна Россійской, и на вопросъ попечителя, что онъ читаетъ, Крыловъ отвѣтилъ: «О преторскомъ интердиктѣ». Отвѣтъ, который поставилъ Назимова въ невозможность что либо сказать, такъ какъ онъ и не понялъ даже отвѣта Крылова.

Но послѣ Севастопольской кампаніи и Парижскаго мира повѣяло новымъ духомъ. Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія былъ замѣненъ Головинымъ, либеральнаго направленія, а Назимовъ, — очень образованнымъ, гуманнымъ генералъ-адъютантомъ Н. В. Исаковымъ, который неоднократно посѣщалъ университетъ и не задавалъ глупыхъ вопросовъ профессорамъ. При наплывѣ массы разнородныхъ элементовъ въ университетъ, было много незнающихъ, неподготовленныхъ, а потому было много проваливающихся на экзаменахъ. На одномъ экзаменѣ студенту профессоръ поставилъ единицу. Отъ этого студентъ упалъ въ обморокъ. Въ эту критическую минуту вошелъ попечитель Н. В. Исаковъ. «Смилуйтесь, обратился онъ къ профессору, всюду кричатъ по Москвѣ о необыкновенной строгости на экзаменахъ, а тутъ еще

смертоубійство, пожалуй, произойдетъ, поставьте ему (т. е. студенту) переходной баллъ, прошу васъ». Профессоръ исполнилъ просьбу Исакова и студентъ ожилъ.

Съ уходомъ Назимова отмѣнена была шагистика, т. е. маршировка, а съ уничтоженіемъ мундировъ, всякая формалистика.

Но насмѣшки, сарказмы преслѣдовали постоянно начальство, лицъ даже и вполнѣ образованныхъ. Къ таковымъ принадлежалъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Человѣкъ богатый, онъ въ своемъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ имѣлъ прекрасную картинную галлерею, но его страстью было коннозаводство, и у него былъ одинъ изъ лучшихъ конныхъ заводовъ въ Россіи. Знаменитый его рысакъ «Бычекъ» составилъ славу Голохвастовскаго коннаго завода и былъ извѣстенъ всей спортивной Россіи своею рѣзвостью и тѣмъ, что создалъ лучшую серію прекрасныхъ коней и такъ называемую Бычковскую породу, какъ былъ арабскій «Сметанка» гр. А. Г. Орлова. Д. П. Голохвастовъ очень дорожилъ «Бычкомъ», котораго скелетъ, послѣ онаго смерти, Д. П. пожертвовалъ въ университетскій музей. У «Бычка» оказалось два лишнихъ ребра. Такъ эту страсть спортивную студенты не упустили случая тоже высмѣять, въ четырехстишіи, которое ходило по рукамъ:

«Вмѣсто шелиговіастовъ
Ніль Пегаса старичка,
Дмитрій Павлычъ Голохвастовъ
Выѣзжаетъ намъ Бычка».

Несмотря на все, настроеніе университетской молодежи было въ большинствѣ хорошее, отношеніе профессоровъ къ студентамъ прекрасное, вліяніе благотворное. Помню, сколько разъ послѣ лекціи студенты обращались съ разными вопросами къ читавшему лекцію профессору за объясненіями, и всегда профессоръ охотно давалъ отвѣты на просимыя разъясненія и образовывалась вокругъ него группа слушающихъ, происходила какъ бы дружеская бесѣда. Были профессора весьма популярные, вызывавшіе не разъ рукоплесканія студентовъ. Если въ томъ или другомъ профессорѣ и проявлялась нѣкоторая тенденціозность, то ничего подобнаго не проявляли никогда болѣе старые, всегда гуманные профессора. И духъ Московскаго университета, царившій въ немъ, былъ всегда благо-

родный, наставлявшій молодежь на все хорошее, и подготовлялъ людей образованныхъ, честныхъ на служеніе своей родинѣ. Память о Грановскомъ сильно вліяла еще послѣ его смерти на студентовъ разныхъ курсовъ и факультетовъ. Его считали самымъ либеральнымъ изъ профессоровъ того времени, его славѣ особенно способствовалъ Герценъ, восхвалявшій Грановскаго во всѣхъ своихъ заграничныхъ изданіяхъ, въ «Полярной Звѣздѣ» и другихъ. Да и научныя заслуги по всеобщей исторіи и его благородный характеръ были признаны всей Россіей.

Въ 1861 г. лекціи начались позже обыкновеннаго, т. е. вмѣсто установленнаго 15 августа, ихъ перенесли на 1-ое сентября, да и къ этому времени мало собралось еще студентовъ. Мнѣ же по случаю освобожденія крестьянъ 19-го февраля 1861 г. пришлось ѣхать въ свои тульскія имѣнія, такъ какъ надо было строить хозяйство совсѣмъ на новыхъ началахъ, такъ что я и въ сентябрѣ не могъ пріѣхать въ Москву въ университетъ А тамъ разыгрались совсѣмъ неожиданныя событія. Вслѣдствіе большого наплыва студентовъ и всевозможныхъ безпокойныхъ элементовъ, особенно поляковъ, началось броженіе между студентами, образовались разныя землячества, собирались митинги на университетскомъ дворѣ и особенно сильно было вліяніе поляковъ, которые, какъ оказалось послѣ, готовились къ возстанію. (Масса ихъ поступила на медицинскій факультетъ). Чтобы поднять сильно упавшую дисциплину, университетское начальство установило матрикулы, особыя карточки, что не понравилось, и масса студентовъ, цѣлая толпа отправилась на могилу Грановскаго и сожгла матрикулы свои. Имѣя свое начальство и свой судъ университетскій, студенты исключительно подчинялись ему. Безъ матрикулъ не стали пускать въ университетъ не имѣющихъ оныя. Такъ что у входа разыгрывались весьма нежелательныя сцены. И вотъ подбитая поляками огромная толпа студентовъ двинулась къ Тверской площади къ дому генералъ-губернатора, якобы въ видѣ протеста подать ему коллективную жалобу на чинимыя университетскимъ начальствомъ притѣсненія. Но уже дорогою поляки отстали, ушли и къ площади прибыли одни русскіе студенты, но все же въ значительномъ количествѣ. Пока делегаты отъ г. г. студентовъ добивались быть принятыми генералъ-губернаторомъ, въ народѣ распространился слухъ, что это барчуки дворяне пришли, молъ, требовать, чтобы

отобрали у народа вольную, только что дарованную, и собралась огромная толпа простого народа, которая кинулась на студентовъ и началось повальное ихъ избіеніе, окончившееся весьма печально для нихъ, такъ какъ жестоко избитыхъ оказалось весьма много и пришлось спасаться, кто куда могъ. Такъ окончился бунтъ малолѣтнихъ, какъ тогда прозвали этотъ неумѣстный протестъ, похожденіе на Тверскую площадь студентовъ. Началось слѣдствіе и судъ, и многіе студенты были арестованы. Я пріѣхалъ уже послѣ этой исторіи въ Москву и узналъ, что многіе мои однокурсники арестованы, какъ главные агитаторы. Я сталъ ѣздить по тюрьмамъ, чтобы снабжать студентовъ кой какимъ снадобьемъ, улучшить пищу тюремную, но скоро разочаровался, такъ какъ между ними оказались трусишки, кои просили передать неарестованнымъ, чтобы на допросѣ не показывали того, что слышали на митингахъ въ ихъ вызывающихъ рѣчахъ. Все это было очень противно. Въ эту же осень и въ Петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки и С.-Петербургскій университетъ былъ временно закрытъ. И въ Московскій университетъ въ 1862 г. поступили студенты изъ Петербургскаго университета, въ числѣ ихъ былъ впослѣдствіи столь извѣстный Анатолій Ѳеодоровичъ Кони, съ коимъ я три года сряду до окончанія курса слушалъ лекціи и одновременно съ нимъ окончилъ курсъ.

Разсказывали курьезную сцену во время безпорядковъ въ Петербургѣ. — Пріѣхалъ увѣщевать студентовъ оберъ-полицеймейстеръ, и какъ полагается на парѣ съ пристяжкой; толпа студентовъ окружила экипажъ и такъ стѣснила, что пара еле двигалась, а прижатый близко къ лошадямъ одинъ изъ студентовъ вынужденъ былъ вскочить на пристяжную, чтобы не быть придавленнымъ. И вотъ экипажъ оберъ-полицеймейстера двигался, имѣя верхомъ на пристяжной маленькаго худенькаго студентика... Врядъ ли можно было бы узнать въ немъ будущаго оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента и сенатора, Анатолія Ѳеодоровича Кони... Времена мѣняются...

Въ виду всѣхъ этихъ волненій лекціи наладились лишь къ концу декабря и на первомъ курсѣ намъ читали: энциклопедію права М. Н. Капустинъ, политическую экономію и статистику И. К. Бабстъ, послѣдній читалъ болѣе по Рошеру. Русскую исторію С. М. Соловьевъ (извѣстный нашъ историкъ), латинскій языкъ (необязательный) проф. Фель-

кель, нѣмецъ, и богословіе Пр. Сергіевскій, священникъ нашей университетской церкви, очень либеральный, особенно послѣ Терновскаго, отличавшагося своею грубостью и косностью. Вѣроятно благодаря наплыву семинаристовъ въ университетѣ лекціи Пр. Сергіевскаго были очень популярны и ему часто апплодировали, что было запрещено.

При этомъ разсказывали анекдотъ, что по случаю этихъ апплодисментовъ, знаменитый тогда Митрополитъ Филаретъ вызывалъ пр. Сергіевскаго, какъ священника ему подчиненнаго, и спросилъ его, почему ему хлопаютъ студенты? «Вѣроятно потому, что хорошо читаю имъ лекціи», отвѣчалъ прот. Сергіевскій, на что Митрополитъ Филаретъ ему возразилъ: «Такъ читай хуже...»

Либеральность прот. Сергіевскаго выражалась въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., на переходномъ курсовомъ экзаменѣ онъ задаетъ вопросъ студенту: «Докажите бытіе Божіе?» А студентъ, должно быть, атеистъ, приводитъ доказательства противнаго. «Я просилъ васъ доказать мнѣ бытіе Божіе, а вы мнѣ доказываете совсѣмъ противное, возражаетъ ему прот. Сергіевскій, но такъ какъ вы, я вижу, знакомы съ предметомъ и много читали, ставлю вамъ удовлетворительный переходной баллъ».

Въ февралѣ 1862 г. состоялся судъ надъ зачинщиками университетскихъ безпорядковъ, бывшихъ осенью въ 1861 году. Нѣкоторыхъ студентовъ исключили. Начались вновь сходки весьма бурнаго характера на большомъ дворѣ стараго университета, въ коемъ главнымъ образомъ читались лекціи медикамъ. Намъ юристамъ и математикамъ читали въ новомъ зданіи на Моховой (въ 1835 г. основанномъ), гдѣ помѣщается на углу Большой Никитской и наша университетская церковь съ большимъ изображеніемъ Св. Татьяны, въ угольномъ полукругѣ, выходящемъ по Моховой на Манежную площадь. Площадь новаго университета съ памятникомъ Ломоносову меньше чѣмъ въ старомъ, почему и сходки происходили большею частью во дворѣ послѣдняго. Къ тому же самый многочисленный факультетъ былъ медицинскій и слушателями его много поляковъ, почему и сходки происходили тамъ, гдѣ и горючаго матеріала было больше. Такъ было и въ данномъ случаѣ. «Всѣ мы виноваты, всѣмъ и выходить изъ университета», кричала толпа, наэлектризованная рѣшеніемъ университетскаго суда, которымъ были недовольны или скорѣе въ коемъ нашли предлогъ для новаго про-

теста и безпорядковъ. Сходка была бурная, къ намъ первокурсникамъ приставали, чтобы и мы подписали листъ, въ коемъ агитаторы требовали выхода всѣхъ изъ университета.

Меня буквально приперли къ стѣнѣ и требовали, чтобы я во имя товарищества тоже подписался, что протестую и выхожу. «Куда же вы дѣнетесь?» возражалъ я, «вѣдь университетское начальство очень радо будетъ вашему уходу». И отказался подписать. Уходящіе очень презрительно отнеслись ко мнѣ. Между прочимъ, упрекали меня, что я боюсь замарать свой гербъ и т. д. Ушло, думается, не свыше 20 - 30 человѣкъ и тѣ претерпѣли горькую участь въ Петербургѣ, куда многіе перебрались, попали въ политическіе кружки, замѣшаны въ политическую пропаганду, и, будучи нигилистами, кончили тѣмъ, что попали въ Петропавловскую крѣпость.

Уѣзжая на ваканціи въ Западный край и Польшу весною 1862 г., поляки обязательно заѣзжали въ Тулу, славившуюся своими оружейниками и производствомъ оружія, и покупали въ большомъ количествѣ оружіе для лѣсныхъ и полевыхъ якобы сторожей. Никогда въ Тулѣ такъ хорошо не торговали охотничьими ружьями, и вообще оружіемъ, какъ въ то время. Все это подготовляло возстаніе. А каникулы начались рано. Въ виду бывшихъ безпорядковъ, волненій переходные экзамены съ перваго курса на второй были отложены и желающихъ переводили безъ экзамена прямо на второй курсъ, такъ что въ слѣдующемъ году надо было сдавать экзамены сразу за два года, т. е. за два курса, чтобы попасть на третій курсъ. И это было нелегко, и многіе потому провалились. Большинство поляковъ, уѣхавшихъ впослѣдствіи, оказались въ рядахъ повстанцевъ, и въ 1863 г. мы уже видѣли многихъ и между ними раненыхъ, которыхъ везли въ ссылку черезъ Москву. Жалко было на нихъ смотрѣть, но они дѣлали видъ, что не узнаютъ насъ. Нѣкто Г. первокурсникъ былъ взятъ тоже съ оружіемъ въ рукахъ, — онъ оказалось состоялъ тоже въ бандѣ жандармовъ вѣшателей и за учиненныя имъ звѣрства былъ казненъ...

Время было тяжелое, но сильно отрезвило русскихъ студентовъ и заставило болѣе осторожно относиться къ студентамъ полякамъ.

Мнѣ въ годъ окончанія курса въ 1865 г. въ январѣ пришлось быть въ Варшавѣ, гдѣ мой попечитель князь В. А.

Черкасскій вводилъ съ Милютинымъ новое положеніе (какъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ) о польскихъ крестьянахъ, коихъ надѣляли землею, а до того обездоленныхъ и жившихъ, конечно, гораздо хуже русскихъ крѣпостныхъ. И вотъ кучка русскихъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго Императорскаго университета, по иниціативѣ князя В. А. Черкасскаго, собралась въ Ангельской гостиницѣ въ Варшавѣ 12-го января 1865 г. праздновать Татьянинъ день, чего до этого никогда не было въ Варшавѣ. Изъ студентовъ еще учащихся былъ я одинъ. И изъ поляковъ явился одинъ только другъ Каткова и Леонтьева старикъ лингвистъ. Сожалѣю, что забылъ его фамилію. Старѣйшимъ на этомъ обѣдѣ былъ славянофилъ А. И. Кошелевъ, издатель «Русской бесѣды», воспитанникъ еще университетскаго пансіона при Московскомъ университетѣ, существовавшаго въ 1820-хъ годахъ. Поэтъ Бергъ сказалъ прекрасные стихи, по поводу нашего дружескаго сборища, хотя и немноголюднаго, можетъ быть 25 человѣкъ, не болѣе... Въ своей рѣчи профессоръ Драшусовъ указалъ именно на недобрыя отношенія поляковъ къ Московскому университету, столь много давшему ученыхъ поляковъ, и вотъ впервые съѣхавшіеся здѣсь русскіе въ первый же разъ поспѣшили вспомнить нашу alma mater. А. И. Кошелевъ былъ въ Польшѣ министромъ финансовъ, приглашенный Милютинымъ, статсъ-секретаремъ Царства Польскаго. Обѣдъ прошелъ оживленно, но длился недолго, такъ какъ все были люди занятые и спѣшили къ своему дѣлу, къ службѣ...

Зато ужъ мы русскіе студенты дома со славою, можно сказать, всегда праздновали Татьянинъ день. Послѣ торжественной обѣдни въ университетской церкви и акта въ старомъ университетѣ всѣ студенты разсыпались по всей Москвѣ и по всѣмъ ресторанамъ и трактирамъ малымъ и великимъ, шелъ кутежъ. Пѣли Gaudeamus igitur, веселились всячески и имъ не мѣшали ни въ чемъ. Въ такихъ ресторанахъ, какъ знаменитый Эрмитажъ, въ залы его 12-го января ужъ никого, кромѣ студентовъ, не пускали и сотни студентовъ запружали, бывало, всѣ помѣщенія, и такъ какъ много было небогатыхъ, то больше всего лилось пиво, обѣды были тоже дешевые. Салфетокъ, скатертей не полагалось, такъ какъ рѣчи часто произносились на столахъ студентами. Какъ теперь вижу Плевако, нашего знаменитаго адвоката, стоящаго на столѣ и гово-

рящаго рѣчь, сопровождаемую громкими рукоплесканіями. Во всякомъ городѣ русской земли, гдѣ только могли собраться бывшіе студенты, хотя бы въ самомъ незначительномъ числѣ, они праздновали Татьянинъ день и поздравительныя телеграммы посылались въ университетъ, пѣлся Gaudeamus igitur, провозглашался Vivat Academia, Vivant professores и т. д. Не говоря уже про Тулу, напр., гдѣ всегда могло набраться десятокъ, другой бывшихъ студентовъ, тоже было и въ уѣздныхъ городахъ. Я былъ еще студентомъ, когда по дорогѣ въ Москву послѣ Рождественскихъ вакансій, метель меня задержала (а тамъ и простуда) 12-го января въ Епифани, мелкомъ городишкѣ, такъ и тамъ насъ собралось со мною 4 - 5 человѣкъ помянуть Татьянинъ день, городской врачъ, мировой посредникъ и еще кто-то.

Я отклонился отъ университетскихъ воспоминаній и возвращаюсь къ нимъ. Въ прежнее время всѣ слушающіе лекціи студенты тщательно записывали ихъ, а въ мое время уже цѣлая группа студентовъ занималась литографированіемъ лекцій, такъ что за дешевую плату можно было получить тщательно провѣренный текстъ всякой лекціи, что избавляло многихъ отъ записыванія самому лекціи. Одновременно съ лекціями можно было пріобрѣсти литографированныя брошюры Феербаха, Бюхнера, Молешота и всякія запрещенныя изданія, какъ сочиненія Герцена и др., строго запрещенныя. Это было дѣло нигилистовъ, какъ звали этихъ господъ съ легкой руки И. С. Тургенева, въ его «Отцахъ и Дѣтяхъ», сочиненіи, надѣлавшемъ много шума въ свое время. Благодаря наплыву всякаго рода студентовъ, вскорѣ обнаружилась и нужда, т. е. много бѣдныхъ студентовъ, вслѣдствіе чего образовались и студенческія кассы на всѣхъ курсахъ и факультетахъ, и самопомощь, такъ какъ студенты взаимно обложились небольшою платою въ кассу. Но этихъ взносовъ было мало, и надо было со стороны искать денежную помощь. Въ этомъ помогали студенческіе концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Въ этомъ же еще весьма много помогало московское общество, но расходы по концертамъ были очень велики, такъ что остатки были тоже невелики, а нужда росла. Чтобы составить хорошій концертъ надо было приглашать извѣстныхъ артистовъ, какъ итальянскую оперу изъ Петербурга да и русскую, а г. г. артисты стоили дорого. Одинъ Николай Рубинштейнъ,

какъ самъ бывшій студентъ Московскаго университета, всегда былъ готовъ даромъ своею игрою содѣйствовать успѣху. Меня на первомъ же курсѣ выбрали кассиромъ нашего курса, должность въ сущности очень непріятная. Собираніе взносовъ, организація концертовъ, раздача билетовъ входныхъ, и для этого разъѣзды по начальству и тузамъ московскимъ, было задачею весьма непріятною, а также выдача нуждающимся, которымъ рѣдко хватало выдаваемой ссуды. Все это вмѣстѣ взятое отвлекало отъ прямыхъ занятій, очередныхъ и необходимыхъ, и создавало обстановку и отношенія къ товарищамъ не особенно желательныя.

Отказаться же отъ должности кассира нельзя было, такъ что приходилось тянуть эту лямку. Въ ожиданіи судебной реформы, которая и совершилась въ 1864 году, юридическій факультетъ нашъ былъ переполненъ поступающими на оный студентами, и будущія свѣтила уже стали намѣчаться. А. Ѳ. Кони, о которомъ я уже говорилъ, Плевако, кн. А. И. Урусовъ, Шайкевичъ и многіе другіе были моими однокашниками, хотя по экзаменамъ часто происходили перемѣны на курсахъ, т. е. кой-кто и отставалъ, оставаясь по два года на томъ же курсѣ. Со второго на третій курсъ намъ стали читать лекціи другіе уже профессора и предметы — гражданское право, Никольскій, уголовное право — С. И. Баршевъ, русское право — И. А. Бѣляевъ, финансовое право — Мюльгаузенъ, исторію римскаго права, а затѣмъ и римское право — Н. И. Крыловъ, коему А. Ѳ. Кони посвятилъ свою книгу «На Жизненномъ Пути». Крылову часто апплодировали. Легонинъ — судебную медицину и В. Лешковъ — законы благоустройства. Онъ очень дорожилъ преподаваемымъ имъ предметомъ. Въ концѣ 1862 и началѣ 1863 г. царская фамилія проводила часть зимы въ Москвѣ и г. г. профессора представлялись Государынѣ Маріи Александровнѣ, и на ея вопросъ Лешкову, что онъ читаетъ, — тотъ отвѣтилъ: «Законы благоустройства, кои г. Чичеринъ называетъ полицейскимъ правомъ»... Чичеринъ читалъ государственное право и былъ извѣстенъ при Дворѣ, читалъ лекціи и Цесаревичу Наслѣднику Николаю Александровичу, который тоже въ это время былъ въ Москвѣ. Всѣ тогдашніе наши профессора были изъ ряду вонъ выходящіе ученые, а впослѣдствіи занимали видныя мѣста въ служебной іерархіи также и министерскія. Б. Н. Чичеринъ былъ впослѣд-

ствіи Московскимъ городскимъ головой, и его ученые труды общеизвѣстны. Ѳ. М. Дмитріевъ читалъ намъ иностранныя законовѣдѣнія, былъ впослѣдствіи попечителемъ учебнаго округа. К. П. Побѣдоносцевъ — гражданское судопроизводство, былъ лицомъ близкимъ, совѣтчикомъ трехъ государей и оберъ-прокуроромъ Синода. На послѣднемъ курсѣ, М. Н. Капустинъ читалъ международное право и былъ впослѣдствіи тоже попечителемъ учебнаго округа. С. И. Баршевъ на послѣднемъ курсѣ читалъ уголовное судопроизводство уже по новымъ уставамъ 1864 г., хотя до этого былъ горячимъ сторонникомъ стараго суда, и осуждалъ судъ присяжныхъ. Но тутъ при новомъ законодательствѣ сразу измѣнилъ свои воззрѣнія, вѣщая о благихъ результатахъ суда присяжныхъ. И на вопросъ, почему онъ такъ быстро измѣнилъ свои убѣжденія, преналвно отвѣтилъ: «Сперва смотрѣлъ съ одной точки зрѣнія, а теперь смотрю съ другой»... Профессоръ И. А. Бѣляевъ былъ очень извѣстенъ по своимъ ученымъ трудамъ по русскому праву. Профессоръ Бабстъ и Побѣдоносцевъ сопровождали Цесаревича Николая Александровича въ его поѣздкахъ по Россіи, и тѣмъ много помогли образованію Цесаревича, постоянно занимаясь имъ и преподавая науки и указывая на все интересное, что встрѣчалось во время путешествія, которое длилось нѣсколько мѣсяцевъ. По случаю пребыванія царской семьи въ Москвѣ были даны въ большомъ дворцѣ нѣсколько баловъ, болѣе для наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, и чего прежде не было, получили приглашеніе на балъ во Дворецъ трое студентовъ въ томъ числѣ и пишущій эти строки; такъ какъ мундиры были отмѣнены, мы были во фракахъ.

По случаю наступившей реформы 1864 г. всякія мѣста въ судебномъ новомъ вѣдомствѣ были намѣчены студентамъ, и нашъ юридическій факультетъ былъ очень заполненъ, и мы какъ то шли совсѣмъ отдѣльно отъ другихъ факультетовъ, замкнутые очень, занятые своими предметами, такъ что даже мало знали, что дѣлается на другихъ факультетахъ. Ближе другихъ къ намъ былъ словесный и мы имѣли нѣсколько общихъ профессоровъ да и читались словесникамъ лекціи въ новомъ же университетѣ, какъ и намъ. Меньше всего насъ касался медицинскій, помѣщавшійся въ старомъ зданіи университета и мы даже рѣдко видали г. г. медиковъ. Хотя знали многихъ, и слышали

особенно много о медицинскихъ свѣтилахъ того времени, какъ Пироговъ, Оверъ, Поповъ, Варвинскій, Млодзіевскій, Басовъ и др. Только судебную медицину мы иногда слушали въ старомъ университетѣ.

Приходилъ къ концу нашъ 4-ый курсъ юридическаго факультета, 1865 г. Весною сдавали послѣдніе экзамены и всякій изъ насъ спѣшилъ вступить въ новую жизнь и примѣнить въ дѣйствительность все то, что намъ преподалъ, чему научилъ Московскій университетъ.

И несмотря на всевозможныя, разнообразныя теченія и направленія партій, землячествъ, даже анти-правительственныхъ, политическихъ стремленій, увлеченіе науками, благодаря прекраснымъ профессорамъ преобладало, и то благородное вліяніе, которое имѣла университетская атмосфера на всѣхъ студентовъ, оставила на всѣхъ насъ неизгладимую печать благородства, порядочности, человѣчности на всю жизнь, и вселила уваженіе къ студенчеству.

Да, что то неизъяснимое, гуманное. Страсти улеглись и я многихъ товарищей юристовъ, молодыми студентами даже сидѣвшихъ въ крѣпости за свои убѣжденія, я ихъ встрѣчалъ на жизненномъ пути уже на всякихъ полезныхъ высокихъ государственныхъ должностяхъ, гдѣ они въ жизни примѣняли достопримѣчательныя слова гуманнѣйшаго изъ Государей Александра II, создателя либеральныхъ реформъ въ Россіи: «Правда и Милость да царствуетъ въ судахъ». И къ приложенію въ жизни этихъ царскихъ пожеланій много способствовалъ старѣйшій изъ русскихъ университетовъ, Московскій.

Да помянемъ его добрымъ словомъ по случаю исполненія его 175-ой годовщины со дня его основанія и пожелаемъ ему возвращенія къ прежнимъ великимъ традиціямъ, давшимъ столько полезныхъ, благородныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ родины. Sic!

Кн. Дм. Дм. Оболенскій.

Мои университетскіе годы

Я вступилъ въ Московскій университетъ осенью 1877 года и вышелъ изъ него лѣтомъ 1882 г. послѣ пятилѣтняго пребыванія. Почему пятилѣтняго, будетъ сказано ниже. Кажется, я могъ бы повторить то, что говорили, говорятъ и будутъ говорить объ университетскихъ годахъ многіе и многіе изъ студентовъ разныхъ поколѣній. Вступалъ, какъ въ «храмъ»; быстро разочаровался, потомъ приспособился къ тому, что встрѣтилъ, затѣмъ постепенно научился цѣнить то положительное, что далъ университетъ самъ по себѣ, но еще болѣе цѣнилъ то, что дало общеніе въ университетѣ съ отдѣльными профессорами и, въ особенности, съ товариществомъ, а также и то, что за эти годы пришло извнѣ, изъ общественной жизни, и такъ или иначе отразилось на жизни университета. Изъ всего этого матеріала я возьму только то, что оставило болѣе прочный слѣдъ въ памяти, ибо пишу эти строки безъ всякихъ пособій. Не буду характеризовать и университетской жизни вообще, ограничиваясь тѣмъ, съ чѣмъ приходилось мнѣ лично соприкасаться.

Наше первоначальное разочарованіе, мое и моихъ гимназическихъ товарищей, перешедшихъ въ университетъ изъ первой московской гимназіи, объясняется тѣмъ, что далеко не сразу мы столкнулись съ лучшими изъ тогдашнихъ преподавателей. Въ университетѣ было еще много старины и много чудачествъ въ старыхъ профессорскихъ типахъ. Сами по себѣ, пожалуй, и недурные, наши профессора поразили смѣшливую молодежь прежде всего своими отрицательными сторонами. Мы сразу отмѣтили чиновничье отношеніе къ наукѣ у иныхъ изъ нихъ, торжественное чванство, не оправдывавшееся научнымъ содержаніемъ, у другихъ, сухой формализмъ третьихъ. Я не буду называть отдѣльныхъ лицъ; пусть покоятся въ мирѣ. На этомъ сѣромъ фонѣ, во всякомъ случаѣ, мы очень скоро начали отмѣчать счастливые исключенія. Лично для меня первымъ такимъ исключеніемъ явился молодой про-

фессоръ санскрита и сравнительнаго языкознанія, Всеволодъ Миллеръ. Не спеціальное изученіе санскрита, и не чтеніе съ нами текстовъ Наля и Дамаянти и древнихъ ведійскихъ гимновъ обезпечило ему популярность среди небольшого кружка студентовъ, сгруппировавшагося около его преподаванія. Насъ привлекали его новаторскія стремленія въ наукѣ, его желаніе и умѣнье какъ можно скорѣе сдѣлать насъ самихъ непосредственными участниками разработки сырыхъ матеріаловъ по самымъ новымъ, поставленнымъ современной наукой вопросамъ. Кругъ этихъ изученій, не безъ вліянія близкаго друга Миллера, Максима Ковалевскаго, расширился до предѣловъ изученія первобытной культуры вообще. Отъ языкознанія онъ вёлъ къ фольклору, отъ фольклора къ доисторической археологіи. Миллеръ былъ въ связи съ московскимъ археологическимъ обществомъ и съ обществомъ антропологіи: такъ, работа у него положила начало моимъ позднѣйшимъ занятіямъ въ той и другой области. Ему я написалъ первую спеціальную работу о похоронныхъ обычаяхъ предковъ и о культѣ огня.

Другой профессоръ, привлекавшій молодежь филологическаго факультета, былъ совсѣмъ иного рода. Это былъ профессоръ чиновническаго типа, философъ Троицкій. Его курсъ исторіи философіи, съ которымъ мнѣ привелось спеціальнѣе познакомиться, потому что я издавалъ его для студентовъ — и дополнялъ по Целлеру и Юбервегу — трактовалъ метафизику весьма пренебрежительно. Помню, какъ сейчасъ, снисходительно кислую улыбку профессора надъ человѣческой глупостью, когда онъ знакомилъ насъ съ примитивнымъ символизмомъ древнихъ греческихъ системъ. Но излагалъ онъ метафизическія системы съ подкупающей ясностью, и въ самое изложеніе вводилъ тонкую струю критики. Насколько не внушалъ поклоненія онъ самъ, настолько же мы цѣнили эти лекціи, имѣвшія для насъ несомнѣнное воспитательное значеніе. Очень скоро, правда, эмпиризму Троицкаго была противопоставлена въ университетѣ метафизика Лопатина. Но духъ этого преподаванія, не очень сильнаго и яркаго, насъ уже не коснулся. Міровоззрѣніе группы студентовъ, прослушавшихъ и оцѣнившихъ лекціи Троицкаго, успѣло сложиться въ направленіи, враждебномъ начавшимъ тогда проникать въ интеллигенцію религіозно-метафизическимъ вѣяніямъ. Нами заканчивался циклъ

поколѣній, начавшихъ съ матеріализма шестидесятыхъ годовъ, перешедшихъ затѣмъ къ эмпиризму и дальше критицизма не пошедшихъ. Трудно, конечно, различить, что тутъ давалъ университетъ и что внесено было въ него готовымъ.

Постепенно интересъ къ языкознанію уступилъ мѣсто болѣе широкому интересу къ исторіи человѣчества вообще. Нельзя сказать, однако же, чтобы этотъ интересъ былъ возбужденъ преподаваніемъ главнаго представителя каѳедры, В. И. Герье. Его лекціи казались сухими и безжизненными. Сравненіе ихъ съ его источниками указывало не крайнюю добросовѣстность профессорской компиляціи, но и на полное отсутствіе самостоятельности и оригинальности. Личное отношеніе лектора къ предмету проявлялось лишь, когда вопросъ касался французской революціи, но и тутъ дѣло сводилось къ противоставленію авторитета Тэна авторитету Мишле, чтеніе котораго не поощрялось. Новѣйшаго періода Герье не касался. Когда Карѣевъ предложилъ курсъ исторіи XIX вѣка, это казалось уже ненаучнымъ и легкомысленнымъ. Герье считался продолжателемъ традиціи Грановскаго и Кудрявцева. Но онъ не унаслѣдовалъ ни ихъ таланта, ни ихъ живого отношенія къ развитію собственной науки. Нѣкоторая внѣшняя связь состояла въ томъ, что Герье выбиралъ для лекцій гуманистическія темы. Но какъ разъ это и представлялось намъ непростительнымъ архаизмомъ, свидѣтельствовавшимъ о незнакомствѣ съ новыми теченіями въ исторической наукѣ. Притомъ же, и личное общеніе съ профессоромъ никакъ не могло расположить студентовъ въ его пользу. Я говорю не о пресловутой «строгости» его, а объ общей манерѣ трактовать студента, какъ ничего не знающаго и не понимающаго ученика. Позже мы догадались, что суровость Герье была своего рода системой самообороны противъ проникновенія студента въ запретную область критики его ученыхъ пріемовъ и знаній. Герье не обладалъ хорошей памятью, и самыя простыя вещи, въ свое время тщательно имъ изученныя, быстро исчезали изъ его ученаго обихода. А признаться въ запамятованіи профессоръ не хотѣлъ и предпочиталъ скрывать свое смущеніе передъ студентомъ подъ личиной непроницаемости и недоступности. Я могъ бы вспомнить по этому поводу множество забавныхъ анекдотовъ о томъ фальшивомъ положеніи, въ которое ставила Герье эта неудачная манера охранять

свой ученый авторитетъ. Все это обезпечило исключительно благопріятный пріемъ со стороны студенчества молодому, только что вернувшемуся изъ-за границы историку П. Г. Виноградову. Онъ представлялъ полную противоположность Герье. Въ своемъ предметѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, критики не только не боялся, но вызвать на нее считалъ главной своей задачей. Опытной рукой онъ вводилъ студента въ ученую лабораторію, привлекая его сразу къ разработкѣ первоисточниковъ. Сдѣланная студентомъ работа подвергалась тонкому и строгому анализу въ присутствіи и при участіи другихъ сочленовъ Виноградовскаго семинарія. Вмѣстѣ съ интересомъ къ предмету тутъ выростало и сознаніе собственной силы. Вслѣдъ за Виноградовымъ мы принялись за изученіе исторіи учрежденій, преимущественно средневѣковыхъ, считая это очередной задачей строго научной исторической работы. Мы почтительно изучали Вайца и Зома и строго критиковали Фюстель-де-Куланжа. Нужно, однако, сказать, что въ извѣстномъ смыслѣ теоретически мы уже шли дальше и Виноградова. Отъ исторіи у ч р е ж д е н і й мы считали методически необходимымъ перейти къ изученію экономической исторіи. Маркса мы тогда еще не знали, но экономическая исторія Сорольда Роджерса и книга Лоріа готовили насъ къ благопріятному пріятію доктрины экономическаго матеріализма. Мы, во всякомъ случаѣ, не отчаивались сдѣлать исторію точной наукой.

Изученіе русской исторіи я сознательно откладывалъ до конца университетскаго курса, хотя рано рѣшилъ, что именно на этомъ предметѣ я спеціализируюсь. Мной руководили при этомъ теоретическія соображенія: изученіе всеобщей исторіи представлялось мнѣ необходимой пропедевтикой для лучшаго пониманія русскихъ историческихъ процессовъ: я видѣлъ, какъ далеко ушло впередъ изученіе всеобщей исторіи сравнительно съ русской, да и, помимо примѣненія лучшихъ методовъ, находилъ общими и самые историческіе процессы, подлежавшіе изученію. Научность новыхъ соціологическихъ пріемовъ историческаго изученія мы противопоставляли старому романтизму и подозрительнымъ гаданіямъ о «духѣ» народовъ и объ ихъ «всемірноисторическихъ» миссіяхъ.

Было и практическое соображеніе, побуждавшее меня сдѣлать именно русскую исторію предметомъ спеціальнаго изученія. Этого требовало, мнѣ думалось, правильное

и наиболѣе продуктивное распредѣленіе международной научной работы. Мнѣ казалось страннымъ тратить усилія русскаго ученаго на спеціальныя изысканія въ иностранныхъ архивахъ съ тѣмъ, чтобы написать на русскомъ языкѣ весьма ученую диссертацію, которая не двинетъ науки впередъ, ибо останется внѣ ученаго оборота. Тутъ подъ руками были непочатыя сокровища русскихъ архивовъ, недоступныя иностранцу, и уже долгъ передъ международной республикой наукъ требовалъ, чтобы русскіе вклады вносились изъ этого источника.

Эти, довольно отвлеченныя, соображенія не только позволяли, но и требовали — не спѣшить съ изученіемъ русской исторіи въ университетѣ и посвятить ей силы послѣ его окончанія. Однако, въ область изученія русскаго матеріала вводили студентовъ два профессора исторіи русской литературы, очень различные между собой, но одинаково умѣвшіе возбуждать интересъ къ своему преподаванію. Н. С. Тихонравовъ былъ, конечно, первымъ по степени вліянія. Онъ читалъ свои лекціи по тетрадкамъ, иногда успѣвшимъ пожелтѣть. Но содержаніе лекцій свидѣтельствовало о широкомъ взглядѣ на предметъ и о большой личной ученой работѣ, вознагражденной оригинальными результатами. А манера чтенія, кокетничавшая необычайнымъ искусствомъ оживлять старинные тексты, заставляла дорожить посѣщеніемъ лекцій, которыми профессоръ былъ болѣе склоненъ манкировать, чѣмъ его слушатели. У Тихонравова мнѣ пришлось и написать первую работу по русской исторіи — объ общественныхъ теченіяхъ въ первую половину XVI вѣка. Другимъ профессоромъ русской литературы былъ Буслаевъ, уже не читавшій, а бесѣдовавшій со своей аудиторіей. Эта манера бесѣдовать была чрезвычайно привлекательна, особенно, когда Буслаевъ принимался оживлять передъ аудиторіей давнишнія свои итальянскія воспоминанія. Знаній это не давало, но было, какъ выражаются нѣмцы, необыкновенно anregend.

Каѳедра русской исторіи въ первые годы моего пребыванія въ университетѣ была обставлена довольно печально. Соловьевъ дочитывалъ послѣдніе годы для старшихъ семестровъ. Устремивъ глаза вдаль, онъ скучающимъ голосомъ повторялъ въ сотый разъ общія мѣста своихъ ученыхъ трудовъ. Мы острили, что «жидкій элементъ», значеніе котораго онъ подчеркивалъ въ русской

исторіи, играетъ значительную роль и въ его собственныхъ лекціяхъ. Каѳедру принялъ отъ Соловьева его зять, Нилъ Поповъ, какъ принимали приходъ. Онъ не затруднялъ ни себя подготовкой къ лекціямъ, ни насъ—обязанностью ихъ слушать. Издатель лекцій Попова скоро замѣтилъ, что лекціи состоятъ изъ сплошныхъ и буквальныхъ выписокъ изъ общедоступныхъ книгъ и слѣдилъ по книгамъ за изложеніемъ Попова, отмѣчая, что надо взять въ литографированный текстъ. Но скоро мы освободили себя и отъ труда изданія лекцій. Когда кончался семестръ, мы снаряжали депутацію къ Попову и, подъ предлогомъ необходимости исправить нашу запись, просили его дать намъ текстъ его лекцій. Онъ прекрасно понималъ, въ чемъ дѣло, и охотно соглашался. Получивъ рукопись, мы просто дѣлили ее на части, и каждый выбиралъ себѣ «спеціальность». На экзаменѣ Поповъ благодушно спрашивалъ каждаго: «вы о чемъ»? И тотъ отвѣчалъ по прочтенной накануѣ главѣ. Въ концѣ мы довели безцеремонность до того, что даже не потрудились вернуть профессору использованную рукопись, а онъ о ней и не спрашивалъ. Такъ, съ молчаливаго обоюднаго согласія, осуществлялся державинскій принципъ: живи — и жить давай другимъ...

Можно себѣ представить, какъ, при такомъ положеніи, всколыхнуло всѣхъ насъ появленіе на каѳедрѣ русской исторіи В. О. Ключевскаго. Его первымъ курсомъ въ университетѣ какъ разъ была исторія XVIII вѣка, съ знаменитыми язвительными характеристиками русскихъ царей и царицъ. Мы уже знали, что этотъ курсъ производилъ сенсацію въ Александровскомъ военномъ училищѣ. И, дѣйствительно, послѣ первой же лекціи Ключевскій плѣнилъ всѣхъ. Намъ скоро стали милы его своеобразныя интонаціи, его легкое заиканье, его умные глаза, загоравшіеся искорками въ пикантныхъ мѣстахъ. Въ качествѣ первыхъ слушателей Ключевскаго, мы пользовались — и, надо признаться, нѣсколько злоупотребляли — особенной готовностью профессора къ личному общенію. При этомъ общеніи мы могли оцѣнить неистощимое остроуміе и оригинальный уклонъ мысли нашего собесѣдника, поражавшаго насъ неожиданными аргументами и дразнившаго парадоксами, которые мы никакъ не могли примирить ни съ нашимъ научнымъ, ни съ нашимъ политическимъ міровоззрѣніемъ. Семинарій Ключевскаго у него на дому ча-

стенько превращался, при такомъ положеніи, въ рядъ оживленныхъ бесѣдъ на всевозможныя злобы дня. Впрочемъ, руководить занятіями, какъ руководилъ Виноградовъ, Ключевскій во всякомъ случаѣ не могъ. Его семинарій сводился къ личному комментарію разбираемаго источника, комментарію чрезвычайно индивидуальному; между окончательнымъ выводомъ ученаго и состояніемъ знаній слушателей оставалась непроходимая пропасть. Въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Герье, но съ тѣмъ же результатомъ, Ключевскій неохотно впускалъ студента въ святилище своей учености. Давая блестящій готовый результатъ, отчеканенный въ стройную формулу или глубокомысленную схему, онъ не давалъ матеріала для ихъ анализа и критики.

Я оставляю въ сторонѣ внѣшнія вліянія, наложившія отпечатокъ на нашу психологію въ годы прохожденія университета. Но одного изъ этихъ вліяній нельзя обойти, такъ какъ оно слишкомъ тѣсно сплелось съ жизнью студенчества. Я говорю о той роли, которую университетъ уже въ эти годы сыгралъ въ политикѣ. Обыкновенно, періодъ 1877 - 1881 г. г. остается какъ то въ тѣни въ исторіи студенческихъ движеній: его заслоняютъ болѣе недавнія и болѣе яркія воспоминанія. Но университетскія событія этихъ лѣтъ составляютъ необходимое промежуточное звено между событіями шестидесятыхъ годовъ и начала XX вѣка. Иначе и быть не могло: это, вѣдь, были годы изумительнаго поединка между исполнительнымъ комитетомъ Народной Воли и самодержавнымъ правительствомъ. Таинственный комитетъ, пребывавшій «вездѣ и нигдѣ», и съ такой невѣроятной дерзостью бросившій перчатку царской полиціи, претендовавшей на всемогущество и оказавшейся безсильной передъ горстью отважныхъ людей, волновалъ воображеніе и приковывалъ вниманіе и друзей, и враговъ. Народническія воззрѣнія, на которыхъ строилась борьба, уже отживали свое время; студенты новаго зданія университета уже были вооружены противъ нихъ новымъ міровоззрѣніемъ, претендовавшимъ поставить науку на мѣсто утопіи. Но политическихъ идей борьбы и здѣсь не могли не раздѣлять. Въ этомъ общемъ смыслѣ и помимо всякаго непосредственнаго вліянія, которое до насъ и не дошло, въ движеніе былъ втянутъ весь университетъ.

Здѣсь оно приняло первоначально форму борьбы за

университетскую автономію. Филологическій факультетъ стоялъ въ сторонѣ отъ главнаго русла политической борьбы, сосредоточивавшейся, главнымъ образомъ, среди пролетаріата студентовъ-медиковъ. Но очень скоро отголоски волненій донеслись и до насъ. И въ одинъ прекрасный день, придя въ университетъ, я узналъ, что только-что происходила общестуденческая сходка и что мой товарищъ, Николай Шамонинъ выбранъ предсѣдателемъ органа общестуденческаго представительства съ одобренія университетскихъ властей. Задача этого представительства состояла въ выработкѣ формъ общестуденческой организаціи. Позднѣе оно занялось также выработкой новаго плана университетскаго преподаванія. Шамонинъ былъ моимъ гимназическимъ товарищемъ. Надо признаться, что изъ гимназіи мы вынесли довольно смутныя представленія о политикѣ. Шамонинъ принадлежалъ къ нашему гимназическому самообразовательному кружку; въ немъ новыя идеи положительной философіи Конта, которую проповѣдывалъ К. Н. Иковъ (впослѣдствіи антропологъ, рано умершій), соединялись съ отголосками славянофильскихъ настроеній, принесенными кн. Н. Д. Долгоруковымъ (братомъ Павла и Петра) и К. Старынкевичемъ. Послѣднія настроенія только-что увлекли меня и кн. Н. Д. Долгорукова, передъ самымъ университетомъ, на кавказскій фронтъ турецкой войны, въ качествѣ санитаровъ въ отрядѣ московскаго дворянства. О нашемъ тогдашнемъ настроеніи можно судить по написанному мною отъ имени кружка студентовъ письму къ Достоевскому, «Дневникомъ» котораго мы тогда зачитывались. Поводъ для этого письма дало поразившее насъ избіеніе студентовъ охотнорядцами. Мы съ тревогой и душевнымъ волненіемъ спрашивали у знаменитаго писателя, въ чемъ же мы виноваты передъ народомъ. Съ этого письма можно вести начало нашего политическаго пробужденія. Отвѣтъ Достоевскаго очень содѣйствовалъ этому пробужденію: онъ показалъ намъ, что мы стоимъ на разныхъ позиціяхъ. Содержаніе этого отвѣта было опредѣлено однимъ изъ членовъ кружка, Некрасовымъ, большимъ скептикомъ, какъ болѣе всего близкое къ взглядамъ «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова.

И постепенно симпатіи нѣкоторыхъ изъ насъ перешли на сторону активныхъ борцовъ — съ оговоркой, сдѣланной выше относительно ихъ народнической окраски. Въ университетѣ мы все-таки строго отличали большую поли-

тику отъ болѣе тѣснаго и близкаго намъ вопроса университетскаго самоуправленія. Точка зрѣнія сложившагося въ университетѣ кружка нашихъ единомышленниковъ даже состояла въ томъ, что правильное студенческое представительство есть единственное средство предупредить возникновеніе студенческихъ волненій на политической почвѣ. И мы вложились всей душой въ эту сторону движенія. Бороться пришлось съ болѣе радикальнымъ настроеніемъ студентовъ медиковъ, и борьба эта была первой нашей политической школой. Мы чувствовали, что за кулисами стоитъ незримая для насъ, посторонняя университету революціонная сила. Для насъ она тогда олицетворялась въ образѣ старшаго нашего сверстника, студента Викторова, прославившагося своимъ неожиданнымъ выступленіемъ на студенческомъ годичномъ актѣ съ выговоромъ присутствовавшему въ залѣ Тургеневу. Какъ сейчасъ вижу импозантную сѣдую голову писателя, обращенную къ хорамъ, откуда раздавалась громкая импровизація Викторова. Орудіемъ этой таинственной для насъ силы являлась общестуденческая сходка. Наши радикальные противники противопоставили сходку правильному общестуденческому представительству, готовому слѣдовать за нами. Мы изображали теченіе конституціонное, боровшееся съ теченіемъ крайняго радикализма и демагогіи. Д. И. Шаховской, студентъ младшихъ курсовъ, незнакомый тогда съ нами, вспоминаетъ объ этой борьбѣ въ такихъ выраженіяхъ. «Милюковъ... становился лидеромъ либеральнаго «новаго» университета въ противоположность Омирову, (И.) Старынкевичу (брату вышеназваннаго) и Кащенкѣ – этимъ лидерамъ радикальныхъ медиковъ изъ «стараго» университета». Нужно прибавить, что съ настроеніями, создававшимися подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей на общей сходкѣ, намъ было довольно трудно, а иногда и невозможно справляться.

Раньше, чѣмъ автономія была проведена закономъ, студенческія учрежденія уже начали функціонировать, при фактическомъ признаніи университетскихъ властей. Это было либеральное министерство Сабурова: одно изъ проявленій «диктатуры сердца». Подъ этимъ настроеніемъ были легализированы студенческая касса и столовая, существовавшія уже давно, но теперь поддержанныя болѣе правильнымъ выборнымъ представительствомъ отъ всего университета. Студенты шли дальше. Они поставили во-

просъ объ измѣненіи всей программы университетскаго преподаванія и рѣшили ввести, какъ позднѣе выражались, «явочнымъ порядкомъ», свой судъ. Мнѣ лично пришлось играть роль въ двухъ проявленіяхъ этого суда. На бѣду, первымъ дѣломъ, заставившимъ студентовъ «новаго» зданія университета организовать свой судъ, было обращеніе къ этому суду студента Сабунаева, обвинявшаго своего товарища, грузина Мачеваріани, въ интимныхъ отношеніяхъ съ его женой. «Московскія Вѣдомости» вдоволь поглумились надъ этимъ процессомъ. Да и намъ, студентамъ, было очень неловко, что первый нашъ судебный процессъ состоялся по такому деликатному дѣлу. Мы очень колебались по вопросамъ о предѣлахъ вызова свидѣтелей и о другихъ подробностяхъ процедуры. Мнѣ, какъ предсѣдателю, пришлось составить докладъ, въ которомъ, послѣ разбора дѣла, я предлагалъ вынести постановленіе объ исключеніи впредь подобныхъ дѣлъ изъ юрисдикціи студенческаго суда. Но доклада сдѣлать и закончить это дѣло не пришлось, такъ какъ въ этотъ моментъ всѣ студенческія организаціи подверглись разгрому.

Помню еще другой случай, когда мнѣ пришлось предсѣдательствовать на судебномъ разбирательствѣ иного рода, съ участіемъ всѣхъ курсовъ филологическаго факультета, собравшихся въ большой словесной аудиторіи. Судился студентъ Зайончковскій за то, что донесъ на товарища, который во время сбора на вѣнокъ убитому императору (это было уже послѣ 1 марта 1881 г.) положилъ вмѣсто монеты пуговицу отъ студенческаго мундира. Пренія были жестокія, вокругъ меня раздавались требованія объ исключеніи Зайончковскаго изъ университета, и на ухо мнѣ сообщали, что ректоръ далъ понять о своемъ согласіи на эту мѣру. Мнѣ такая постановка казалась опасной, и я предложилъ ограничиться устраненіемъ Зайончковскаго отъ участія въ студенческихъ дѣлахъ. Это и было принято.

Послѣ 1 марта, вообще, наступилъ переломъ въ ходѣ студенческаго движенія. Власти, послѣ данныхъ обѣщаній и возбужденныхъ надеждъ, пошли на попятный. А студенты, привыкшіе къ сравнительной свободѣ періода терпимости и поблажки, все болѣе разгорячались. За автономистскими требованіями выступали — и побѣждали на общей сходкѣ — требованія политическія. Конфликтъ становился неизбѣженъ. Тщетно наиболѣе популярные про-

фессора пытались убѣждать студентовъ прекратить собранія и сходки, которыя уже начинали признаваться нелегальными. Одинъ эпизодъ изъ исторіи этихъ увѣщаній остался у меня въ памяти. Большая юридическая переполнена студентами. Должна читаться лекція профессора С. А. Муромцева; но въ его аудиторію ворвалась толпа студентовъ разныхъ факультетовъ, и лекція превратилась въ митингъ. Красавецъ-профессоръ съ каѳедры бархатнымъ баритономъ расточаетъ увѣщанія. А я изъ толпы кидаю ему фразу, только-что вычитанную изъ перваго тома «Исторіи политическихъ ученій Чичерина». «Профессоръ, вспомните, что говоритъ Чичеринъ, протестъ можетъ быть иногда нравственно необходимъ, хотя бы онъ былъ практически безполезенъ». Никакъ я не ожидалъ, что пройдетъ четверть вѣка, и мы съ С. А. Муромцевымъ пойдемъ плечомъ къ плечу въ общемъ политическомъ движеніи — и что въ залѣ гостиницы Бельведеръ въ Выборгѣ ему придется практически рѣчать — въ моемъ смыслѣ — тотъ же самый принципіальный вопросъ.

Мой личный вопросъ былъ рѣшенъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ этой сцены. Студенческія сходки были уже формально запрещены полиціей подъ угрозой каръ. Придя на очередную общую сходку въ анатомическую аудиторію (временную, сколько помнится) стараго зданія университета, мы нашли вывѣшенныя объявленія о запрещеніи сходки, подъ угрозой разгона полиціей. Никто не хотѣлъ подчиниться; тѣмъ болѣе что эта сходка должна была обсудить и рѣшить какъ разъ вопросъ о продолженіи или прекращеніи студенческаго движенія при новой политической обстановкѣ. Мы, студенческіе конституціоналисты, приходили на сходку съ иными рѣшеніями, чѣмъ студенческое лѣвое крыло. Мы предлагали вернуть движеніе въ болѣе тѣсное русло — защиты пріобрѣтенныхъ фактически студенческихъ организацій. Къ этому моменту относится воспоминаніе Д. И. Шаховского, живо возстановившее въ моей памяти картину предварительныхъ переговоровъ передъ открытіемъ сходки. «Въ настроеніи студенчества послѣ 1 марта», пишетъ Д. И. Шаховской, «послѣдовалъ расколъ. Надо-ли отстаивать пріобрѣтенныя студенчествомъ права во что бы то ни стало? Я, помню, считалъ студенческую борьбу изъ-за своихъ маленькихъ правъ несвоевременной въ роковую годину народной жизни. Но... (это) не мѣшало (мнѣ) съ особымъ уваженіемъ

относиться къ тѣмъ, которые считали уступку разъ завоеванныхъ позицій недопустимой. И среди этихъ непримиримыхъ хорошо помню спокойную, рѣшительную фигуру П. Н. Милюкова, поставившаго на карту все свое блестящее будущее подъ вліяніемъ одного соображенія: права, на защиту которыхъ пріобрѣвшіе ихъ не выступаютъ во что бы то ни стало при угрозѣ утраты, никогда не будутъ упрочены. Этотъ разговоръ въ группѣ студентовъ на высокомъ крыльцѣ анатомическаго театра на дворѣ стараго университета — послѣднее мое яркое воспоминаніе, сохранившееся на всю жизнь, изъ перваго года моей университетской жизни».

Сходка началась. Пренія были жаркія. Намѣчались разныя рѣшенія. Но въ разгаръ споровъ въ заднихъ рядахъ появилась полиція. Среди начавшагося волненія, помнится, мнѣ же пришлось взобраться на возвышеніе для ораторовъ и во внѣочередномъ порядкѣ предложить прекратить пренія въ условіяхъ наступившей несвободы. Пробовали было дебатировать и это предложеніе, но полиція принялась переписывать присутствующихъ, и пренія изсякли сами собой. Переписавъ, насъ повели въ Манежъ, напротивъ университета: первый этапъ прогулки, ставшей съ тѣхъ поръ традиціонной. Много лѣтъ спустя, уже въ эмиграціи, мнѣ пришлось выслушать апологію этой исторической роли «контръ-университета на Моховой». Изъ Манежа — это второй этапъ — насъ повели черезъ весь городъ въ Бутырскую тюрьму. Времена были тогда еще идиллическія, и веселое настроеніе въ нашихъ рядахъ не прекращалось. Болѣе запасливые, съ разрѣшенія конвойныхъ, выбѣгали изъ рядовъ, чтобы закупить колбасы и хлѣба въ попадавшихся по пути лавченкахъ. Не измѣнилъ настроенія и мрачный видъ тюрьмы. Странную нашу процессію размѣстили въ нѣсколькихъ общихъ камерахъ, сообщавшихся между собою. Всю ночь не прекращались шутки, смѣхъ и споры, прерванные въ залѣ анатомическаго театра. Нашлись острословы, принявшіеся за изданіе летучей газеты. Появились стихи на случай и каррикатуры. Для всѣхъ насъ эта ночь въ Бутыркахъ осталась пріятнымъ воспоминаніемъ, а для нѣкоторыхъ и первой школой гражданскаго мужества. Помню, какъ, по ходатайству родныхъ одного титулованнаго товарища, присланъ былъ въ тюрьму приказъ о его немедленномъ освобожденіи, какъ попавшаго по ошибкѣ, — и какъ этотъ титулован-

ный заявилъ, что отказывается выйти изъ тюрьмы безъ товарищей. Студенчество приняло это, какъ должное. На другое утро освободили уже всѣхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ «политическихъ».

Черезъ нѣсколько дней меня вызвали къ ректору. Я зналъ, что нѣсколькимъ товарищамъ, вызваннымъ до меня, былъ предложенъ вопросъ, сознательно ли они шли на сходку. Давшіе отрицательный отвѣтъ вычеркивались изъ списка подлежащихъ университетскому суду. Мнѣ показалось совершенно невозможнымъ послѣдовать ихъ примѣру. Живо помню сцену: въ дверяхъ ректорской квартиры встрѣчаетъ меня смущенный Н. С. Тихонравовъ, отлично знавшій меня, какъ студента, предназначеннаго къ оставленію при университетѣ. Слѣдуетъ сакраментальный вопросъ: относился-ли я къ сходкѣ сознательно или пришелъ случайно? Нѣсколько разъ профессоръ со снисходительной ироніей повторилъ этотъ вопросъ въ виду моего настойчиваго отвѣта. Затѣмъ огонекъ потухъ въ его прищуренныхъ глазахъ; послѣдовало молчаніе; дверь затворилась. ...Я былъ исключенъ изъ университета съ правомъ поступленія въ ближайшую осень.

Пятый, добавочный годъ въ университетѣ прошелъ для меня безъ новыхъ впечатлѣній. Лѣто мнѣ удалось пробыть въ Италіи, и я вернулся подъ могучимъ воздѣйствіемъ ея историческихъ руинъ и художественныхъ сокровищъ. Я много читалъ, участвовалъ въ семинаріяхъ, но мало посѣщалъ лекціи. Новые товарищи — слѣдующаго курса — были не только мнѣ мало знакомы. Было что-то чуждое, иное, въ ихъ настроеніяхъ, въ ихъ разговорахъ, въ ихъ образѣ мыслей. Въ ихъ составѣ былъ формулировавшій потомъ это иное настроеніе В. В. Розановъ. Въ университетѣ этихъ формулировокъ мы еще не слышали, но ощущеніе новой психологіи было на лицо. Значительно позднѣе стало понятно, что тутъ проходилъ водораздѣлъ между поколѣніями. Мы были послѣдними семидесятниками. Наступали сумерки восьмидесятыхъ годовъ. Типъ девяностыхъ годовъ еще не вырисовался за ними отчетливо. Новыя птицы, новыя пѣсни...

П. Милюковъ.

Отрывки изъ воспоминаній проф. Максима Ковалевскаго

М. М. Ковалевскій родился въ Харьковѣ въ 1851 г. и скончался въ Петербургѣ, почти наканунѣ революціи, въ мартѣ 1916 г.

Интересная, содержательная и разносторонняя жизнь покойнаго протекала не только въ Россіи, но въ различныхъ странахъ за границей. Онъ готовился послѣ Харькова къ профессурѣ — въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ, а по уходѣ изъ Московскаго университета жилъ и работалъ въ Швеціи, Англіи, Франціи и въ Соед. Штатахъ. И тѣмъ не менѣе центральнымъ мѣстомъ, гдѣ началась и опредѣлилась его научная и общественная дѣятельность, была Москва, — Московскій университетъ (1877-87). Характеристика нашей alma mater была бы неполной, если бы мы не упомянули объ этомъ выдающемся сочленѣ университетской семьи и не привели его характеристики коллегъ по высшему образованію. М. М. былъ виднымъ Московскимъ профессоромъ, сочетавшимъ лекторскіе таланты, разностороннее образованіе и большой научный багажъ съ активной общественностью.

Его любили товарищи профессора, внимательно слушали и охотно занимались его предметомъ *) — студенты, чѣнила его и высоко ставила и интеллигентная Москва. Въ бытность свою во время войны, въ Австріи, въ Карлсбадѣ, въ качествѣ гражданскаго плѣннаго, М. М. привелъ въ систему и обработалъ свои многочисленныя воспоминанія, объединивъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ: «Моя жизнь». — Когда будетъ возможно, этотъ большой трудъ выйдетъ въ свѣтъ, въ видѣ отдѣльной книги, пока же, въ сборникѣ въ память 175-лѣтія Московскаго университета, я считалъ полезнымъ привести нѣсколько отрывковъ. Оговариваюсь, что малая доля этого матеріала

*) Государственное право иностранныхъ державъ.

была лѣтъ 20 тому назадъ частично использована М. М. для 2-хъ статей, появившихся въ толстыхъ журналахъ того времени. Но старые люди могли ихъ уже забыть, а молодые коллеги и вовсе не читали...

***

«Знакомство мое съ Москвой, пишетъ М. М., началось съ экзамена на званіе магистра. Послѣ четырехгодичнаго ученичества въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ и отпечатанія первыхъ научныхъ работъ, я счелъ возможнымъ посвятить себя профессорской дѣятельности. Пришлось начать съ подготовки къ экзамену. Требованія, поставленныя мнѣ факультетомъ, были далеко не чрезмѣрны. Четырехъ недѣль хватило, чтобы воскресить въ памяти ранѣе читанное. Въ эти четыре недѣли, живя въ скромномъ номерѣ гостиницы, я постепенно завязывалъ сношенія съ людьми, съ которыми впослѣдствіи открылась возможность дѣйствовать за одно и въ университетѣ и внѣ его стѣнъ. Кружокъ молодыхъ профессоровъ часто собирался у П. Янжула, А. Чупрова, Муромцева и Стороженко. Двухъ изъ названныхъ лицъ я зналъ еще за границей. Мои занятія англійскими учрежденіями и ихъ исторіею сблизили меня съ ними. П. Янжулъ и Стороженко приняли меня какъ стараго пріятеля. Черезъ нихъ я познакомился и съ Чупровымъ, дружба съ которымъ продолжалась до его кончины, и съ Муромцевымъ. Что пріятно поразило меня при встрѣчѣ и болѣе тѣсномъ знакомствѣ съ этими лицами — это ихъ готовность послужить своимъ знаніемъ и своей энергіей не только отвлеченной наукѣ, но и запросамъ жизни.

Они стояли въ самомъ центрѣ того умственнаго и общественнаго движенія, которое ставило себѣ задачей сближеніе съ народомъ, тѣсное знакомство съ его бытомъ, посильное удовлетвореніе его нуждъ и, одновременно, воспитаніе руководящихъ круговъ въ сознаніи ихъ долга передъ крестьянской и рабочей средой. Чтобы не быть голословнымъ, напомню, что Чупровымъ въ значительной степени создана въ Россіи земская статистика, что Янжулъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, обратившихъ вниманіе на необходимость отмѣны нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ налога на соль, что имъ начато серьезное изученіе фабричнаго законодательства на Западѣ и подготовка первыхъ нашихъ законовъ, клонящихся къ

защитѣ женскаго и дѣтскаго труда, что фабричная инспекція, введенная въ министерство Бунге, въ значительной степени была вызвана къ жизни его литературной агитаціей и что наиболѣе яркія страницы изъ его собственной біографіи связаны съ образцовымъ выполненіемъ имъ обязанностей московскаго фабричнаго инспектора. Муромцевъ, по самому характеру своей спеціальности — римскому праву, — стоялъ, повидимому, нѣсколько дальше отъ вопросовъ русской дѣйствительности; но, принадлежа къ послѣдователямъ исторической школы правовѣдѣнія, являясь, въ частности, ученикомъ автора «Духа римскаго права», Іеринга, онъ рано проникся той мыслью, что ученый юристъ призванъ содѣйствовать развитію правосознанія въ обществѣ, что это правосознаніе должно вырости на почвѣ научнаго изученія какъ дѣйствующаго законодательства, такъ и народнаго обычая, что юридическія общества могутъ немало сдѣлать въ этихъ обоихъ направленіяхъ, особенно если при нихъ существуетъ постоянный органъ, научно освѣщающій текущіе вопросы юридическаго творчества въ его тѣсномъ общеніи съ жизнью. Муромцеву Москва обязана оживленіемъ упавшаго интереса и къ «Юридическому Вѣстнику», и къ тому обществу, котораго онъ былъ отраженіемъ. Общественныя науки, экономика и статистика, впервые введены были въ число тѣхъ, которыми стали интересоваться и которыя начали разрабатывать собранія ученыхъ теоретиковъ и судебныхъ практиковъ, происходившія обыкновенно разъ въ недѣлю въ университетѣ для чтенія сообщеній и совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ докладчиками. Занятіе экономическими науками въ скоромъ времени настолько разрослось, что, по иниціативѣ Чупрова, открыто было въ юридическомъ обществѣ особое отдѣленіе, посвященное изученію вопросовъ обществовѣдѣнія; наиболѣе выдающіеся доклады печатались затѣмъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и немало содѣйствовали научной постановкѣ у насъ статистической работы. Что касается до Стороженко, то это былъ не только историкъ литературы, но и историкъ культуры. Онъ понималъ то значеніе, какое имѣетъ при толкованіи памятниковъ письменности и художественнаго творчества освѣщеніе ихъ разностороннимъ изученіемъ той среды, въ которой они появились. Охватывая въ своихъ курсахъ цѣлые періоды міровой литературы, Стороженко вводилъ слушателей и въ

эпоху итальянскаго ренессанса, и въ Елизаветинскую Англію, и въ вѣкъ короля-Солнца, съ характеризующей его псевдоклассической трагедіей и реалистическимъ изображеніемъ въ комедіяхъ Мольера жизни разнообразнѣйшихъ классовъ французскаго общества. Вѣкъ Мильтона и вѣкъ Вольтера одинаково хорошо были извѣстны человѣку, сумѣвшему въ то же время настолько специализироваться на изученіи прямыхъ предшественниковъ Шекспира, что когда англичанамъ понадобилось снабдить научнымъ комментаріемъ новое полное собраніе сочиненій драматурга Грина, они остановились на мысли о переводѣ диссертаціи русскаго профессора.

Поименованныя мною лица принадлежали къ числу самыхъ близкихъ моихъ пріятелей въ теченіе десятилѣтія, проведеннаго мною въ Москвѣ. Но списокъ ихъ надо восполнить еще однимъ ученымъ, спеціальность котораго, какъ можно было думать, удалитъ его отъ жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она только позволяла ему изучать эту жизнь подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Я имѣю въ виду санскритолога Всеволода Ѳедоровича Миллера. Занятіе сравнительнымъ языкознаніемъ открыло для него возможность изученія и русскаго фольклора, и языковъ тѣхъ народностей нашего Кавказа, которыя, какъ напримѣръ, осетины принадлежатъ къ одной съ иранцами и индусами семьѣ арійскихъ племенъ. Понимая весьма широко задачи ученаго филолога и тѣсную связь этихъ задачъ съ тѣми, какія ставитъ себѣ историкъ культуры, историкъ вѣрованій, нравственности и права, В. Ѳ. Миллеръ остановился на мысли о пользѣ изданія особаго органа научной критики, посвящающаго себя разбору столько же сочиненій по обществовѣдѣнію, сколько по исторіи или филологіи. Осуществленіемъ этой мысли явилось «Критическое Обозрѣніе», полтора года выходившее подъ нашей общей редакціей и при сотрудничествѣ по преимуществу профессоровъ Московскаго университета какъ по юридическому, такъ и по историко-филологическому факультету. Участіе въ немъ такихъ людей, какъ Буслаевъ, С. М. Соловьевъ, Троицкій, Коршъ, Карѣевъ, Лучицкій — причина тому, что «Критическое Обозрѣніе» и по настоящій день не потеряло своей цѣны. Кто, напр., изъ лицъ, интересующихся исторіей русскаго искусства, не прочтетъ съ удовольствіемъ статьи Буслаева, посвященной научной критикѣ книги Віоле-Ледюкъ о русскомъ искусствѣ? В. Ѳ.

Миллеру я обязанъ не только многими указаніями, позволившими мнѣ расширить кругъ моихъ чтеній по вопросамъ первобытной культуры и первобытнаго права, но и первымъ моимъ знакомствомъ съ бытомъ кавказскихъ горцевъ. Въ его обществѣ предприняты были мною поѣздки къ осетинамъ, кабардинцамъ и горскимъ татарамъ. Они дали мнѣ возможность собрать тотъ этнографическій матеріалъ, на основаніи котораго написана моя книга «Современный обычай и древній законъ». Переведенная на французскій языкъ, она сочувственно была встрѣчена не только сравнительными историками права, но и эллинистами, посвящающими себя изученію семейныхъ и общественныхъ порядковъ Гомеровской Греціи и ранняго быта Спарты и Лѳинъ; настолько сходны во многомъ эти два быта — древне-греческій и осетинскій.

Во все время моего пребыванія въ Москвѣ и ея университетѣ мы продолжали жить довольно тѣсной семьею. Общеніе съ профессорами разныхъ факультетовъ было несравненно болѣе дѣятельное, чѣмъ то, какое существовало въ Петербургѣ. Университетъ былъ центромъ всѣхъ интересовъ для каждаго изъ насъ, а для круговъ, стоящихъ внѣ его стѣнъ, тѣмъ очагомъ, изъ котораго шли руководящія теченія общественной мысли».

М. М. вспоминаетъ среди историковъ—ректора тогдашняго университета знаменитаго русскаго историка С. М. Соловьева. Вслѣдствіе недоразумѣнія съ администраціей Соловьевъ покинулъ ректорство, а затѣмъ и профессуру. Но желая показать, что имъ сохранены самыя лучшія отношенія къ университету, онъ продолжалъ читать лекціи на правахъ преподавателя по единогласному выбору факультета.

«Недолго сохранили мы въ своей средѣ и С. М. Соловьева. Пережитыя имъ непріятности ускорили его конецъ. На похоронахъ сказалось сердечное къ нему отношеніе и его товарищей, и университетской молодежи. Гробъ его несли до могилы, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, профессора, преподаватели и студенты. Когда я вспоминаю въ настоящую минуту мое кратковременное съ нимъ знакомство, передо мною рисуется образъ человѣка съ очень опредѣленными убѣжденіями, очень стойкаго въ ихъ проведеніи въ жизнь. Мнѣ не пришлось слышать Соловьева, какъ профессора. Многіе жаловались, что съ годами онъ становился все болѣе и болѣе схематичнымъ. Явилось

предположеніе, что онъ не готовится къ лекціямъ. Жаловались на то, что изложеніе имъ предмета становилось все болѣе и болѣе сухимъ и скучнымъ.

Появленіе на каѳедрѣ Ключевскаго, съ его яркой и образной рѣчью, съ его мѣткими характеристиками и рѣдкимъ умѣньемъ подбирать эпитеты, встрѣчено было, поэтому, молодежью съ большимъ энтузіазмомъ. Рѣдкій профессоръ сумѣлъ сразу завоевать себѣ больше вниманія, чѣмъ мало извѣстный еще до того времени московскій исторіографъ. Все ранѣе писанное Ключевскимъ носило слишкомъ спеціальный характеръ, чтобы обратить на него вниманіе широкихъ круговъ. Его магистерская диссертація о житіяхъ святыхъ, какъ источникѣ русской исторіи, и болѣе ранній трактатъ, написанный для полученія золотой медали и озаглавленный: «Сказанія иностранцевъ о Россіи», создали ему репутацію строгаго изслѣдователя. Но лекціи въ Троицко-Сергіевской Духовной Академіи и статьи, напечатанныя имъ, часто безъ подписи, въ «Критическомъ Обозрѣніи», не замедлили установить на его счетъ представленіе, какъ о блестящемъ преподавателѣ и бойкомъ публицистѣ. Въ числѣ неподписанныхъ имъ статей одна была посвящена разбору сочиненій Юрія Самарина, настолько опредѣленному и рѣзкому, что многіе, разгадавшіе, кто дѣйствительно его авторъ, составили о Ключевскомъ представленіе, какъ о несомнѣнномъ западникѣ и вѣроятномъ радикалѣ. Василій Осиповичъ дружилъ въ это время съ молодымъ и талантливымъ историкомъ литературы Шаховымъ. Послѣдняго шутя называли Сенъ-Жюстомъ, а многіе прибавляли къ этому, что при немъ Ключевскій играетъ роль Робеспьера. Этой репутаціи Василій Осиповичъ своей дальнѣйшей карьерой нимало не оправдалъ.

Благодаря изданію «Критическаго Обозрѣнія», столько же разсчитаннаго на удовлетвореніе научныхъ запросовъ членовъ историко-филологическаго факультета, какъ и юристовъ, мнѣ приходилось не разъ вступать въ довольно тѣсный умственный обмѣнъ со всеобщими историками и историками литературы. Съ однимъ изъ первыхъ, В. И. Герье, возникли у меня болѣе или менѣе натянутыя отношенія въ виду моего продерзостнаго отношенія къ его совмѣстной работѣ съ Чичеринымъ. Герье несомнѣнно принадлежитъ къ числу разносторонне образованныхъ русскихъ изслѣдователей. Съ прекрасной клас-

сической подготовкой и хорошимъ знаніемъ новыхъ языковъ онъ соединялъ обладаніе строгимъ критическимъ методомъ, пріобрѣтеннымъ имъ продолжительной работой надъ источниками, подъ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ.

Мое выступленіе на диспутѣ Карѣева по исторіи французскихъ крестьянъ, съ цѣлью поддержать диспутанта, не содѣйствовало умиротворенію Герье и розни между нами отъ этого только усилилась.

Въ числѣ учениковъ Герье, обязанныхъ ему и своей подготовкой, и самымъ началомъ своей карьеры, былъ и извѣстный нынѣ столько же на Западѣ, сколько и у насъ П. Г. Виноградовъ. Еще студентомъ онъ обратилъ на себя вниманіе хорошимъ переводомъ «Исторіи французской гражданственности» Гизо, предпринятымъ по совѣту и при ближайшемъ участіи Герье. Послѣ успѣшнаго окончанія университетскаго курса Виноградовъ оставленъ былъ при университетѣ тѣмъ же Герье и вскорѣ заявилъ о себѣ удачнымъ выступленіемъ на моемъ диспутѣ. Его отъѣздъ за границу для подготовленія диссертаціи — причина тому, что болѣе тѣсное сближеніе послѣдовало между нами не сразу, а только съ тѣхъ поръ, когда тому же Виноградову, быть можетъ подъ вліяніемъ моей книги «Объ общественномъ строѣ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ», пришло на умъ заняться раннимъ средневѣковьемъ въ той же Англіи и въ частности исторіей ея крѣпостного права. Эти работы вылились сперва въ форму диссертаціи; на ея защитѣ я выступилъ вторымъ оппонентомъ; мнѣ же суждено было быть первымъ по времени критикомъ этой выдающейся работы въ англійскомъ юридическомъ журналѣ, издаваемомъ извѣстнымъ Фредерикомъ Поллокомъ. Изъ моей статьи англичане впервые познакомились съ работой Виноградова и настолько заинтересовались ею, что предложили автору напечатать въ изданіяхъ «Кларендонской Прессы» въ Оксфордѣ ту часть его монографіи, которая посвящена изображенію крѣпостного строя въ Англіи въ XIII вѣкѣ. Для англійской публики Виноградовъ значительно переработалъ свою книгу на основаніи новаго рукописнаго матеріала, добытаго имъ въ центральномъ государственномъ архивѣ и въ библіотекахъ Оксфорда и Лондона. Его сочиненіе много выиграло отъ случайной находки записной книги англійскаго юриста XIII вѣка, Брактона. Рѣшеніе вопроса о томъ, кому принадлежитъ

найденная въ библіотекѣ Британскаго музея рукопись, потребовало отъ молодого русскаго ученаго успѣшнаго приложенія тѣхъ пріемовъ критики историческихъ источниковъ, которымъ обучилъ его еще въ Московскомъ университетѣ В. И. Герье. Результаты случайной находки, сдѣланной Виноградовымъ, были, можетъ быть, еще значительнѣе, чѣмъ тѣ, какими сопровождался выходъ его книги о крѣпостномъ правѣ. Молодой, выдающійся англійскій юристъ Метландъ, въ сообществѣ съ Поллокомъ и пользуясь тѣми матеріалами, на основаніи которыхъ написана была Брактономъ его книга, издалъ двухтомный трактатъ по исторіи англійскаго права съ древнѣйшихъ временъ до конца XIII столѣтія. Такимъ образомъ можно сказать, что Виноградовъ до нѣкоторой степени продолжилъ путь къ научной разработкѣ англійскаго common law, т. е. общаго или земскаго права Англіи. Недаромъ же Метландъ шутя называлъ его если не отцомъ, то дѣдомъ долгое время заброшенныхъ въ Англіи «юридическихъ древностей».

Мнѣ трудно высказать общее сужденіе о научномъ уровнѣ преподавательскаго персонала въ Московскомъ университетѣ въ десятилѣтіе, проведенное мною въ Первопрестольной; но достаточно назвать нѣкоторыя имена, чтобы вызвать въ памяти образъ людей, оставившихъ глубокій слѣдъ въ русской наукѣ и просвѣщеніи. На одномъ филологическомъ факультетѣ дѣйствовали въ это время такіе знатоки своего предмета, какъ Буслаевъ, Тихонравовъ, Соловьевъ, Ключевскій, Фортунатовъ, Миллеръ, Коршъ, Алексѣй Веселовскій, Цвѣтаевъ и многіе другіе, на правахъ частью доцентовъ и преподавателей. Я, конечно, всего ближе стоялъ къ молодымъ историкамъ. Изъ нихъ я подружился съ Алексѣемъ Веселовскимъ, нашимъ несомнѣнно лучшимъ знатокомъ судебъ французскаго театра и въ частности Мольера. Веселовскій принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ лекторовъ, слышанныхъ мною въ Россіи. Братъ знаменитаго ученаго, онъ, можетъ быть, уступаетъ ему въ знакомствѣ съ романской и древне-германской филологіей, а равно и въ знаніи европейскаго и русскаго фольклора, но, по своей начитанности и разнообразію затронутыхъ имъ темъ, онъ можетъ выдержать всякое сравненіе. Начавъ съ военной службы, онъ увлекался затѣмъ одно время пѣніемъ и готовился къ сценѣ. Плодомъ этого было обстоятельное знакомство съ рус-

ской и вообще славянской музыкой, позволившее ему напечатать рядъ статей, доселѣ не потерявшихъ значенія. Прекрасное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, при непрекращающемся интересѣ къ судьбамъ драматическаго искусства, — причина тому, что второй его работой было изученіе воздѣйствія, оказаннаго средневѣковыми нѣмецкими мистеріями на древній русскій театръ. Отъ нѣмцевъ Веселовскій перешелъ къ французамъ и написалъ двѣ образцовыя монографіи, одну — о «Тартюфѣ», другую — о «Мизантропѣ». Онъ продолжилъ свое изученіе французской комедіи, между прочимъ — интересной статьей о Бомарше. Параллельно этимъ работамъ шли и другія: о Дидро и рядъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей XVIII и XIX столѣтій. Одна изъ послѣднихъ по времени монографій, написанныхъ Алексѣемъ Николаевичемъ, посвящена Байрону. Методъ Веселовскаго приближаетъ его къ Ипполиту Тэну. Онъ изучаетъ вмѣстѣ съ писателемъ и его эпоху, ищетъ въ окружающей его средѣ многообразныя вліянія, опредѣлившія его дѣятельность, а въ твореніяхъ оставленныхъ авторомъ, — отраженіе его времени. На этомъ Веселовскій еще не заканчиваетъ своей работы. Онъ слѣдитъ за историческимъ развитіемъ выведенныхъ писателемъ типовъ, будутъ ли ими Тартюфъ, Донъ-Жуанъ, Фаустъ или разнообразные герои Байрона. При этомъ ему часто приходится слѣдить за воздѣйствіемъ, оказаннымъ литературами разныхъ странъ и народовъ. Удачно испробовавъ сначала на отдѣльныхъ примѣрахъ тотъ методъ изученія странствующихъ сказаній, которымъ такъ умѣло орудовалъ его братъ, Веселовскій по отношенію ко всей русской литературѣ задался затѣмъ вопросомъ о «западномъ вліяніи». Каждое новое изданіе его книги является переработкой, а не однимъ только восполненіемъ первоначальнаго текста.

По тому же пути изученія иностранныхъ воздѣйствій на нашу древнюю письменность въ такой же мѣрѣ, какъ и на народный эпосъ, пошелъ В. Ѳ. Миллеръ — и въ своей попыткѣ показать, въ какой мѣрѣ «Слово о полку Игоревѣ» написано было подъ вліяніемъ византійской повѣсти о дѣяніяхъ Александра Македонскаго, въ той переработкѣ, какую она получила въ южно-славянскихъ передачахъ, и въ томъ рядѣ изслѣдованій о былинахъ и богатыряхъ, которыя будучи ранѣе напечатаны въ общедоступныхъ журналахъ, въ томъ числѣ въ «Вѣстникѣ Европы», и въ

болѣе спеціальныхъ изданіяхъ, вышли затѣмъ толстыми томами. Въ своей молодости, быть можетъ подъ вліяніемъ Буслаева, Миллеръ ломалъ копья со Стасовымъ, отрицая восточное вліяніе на русскій народный эпосъ. Но болѣе близкое знакомство съ странствующими сказаніями и изученіе восточныхъ сюжетовъ эпической поэзіи частью въ литературныхъ памятникахъ Индіи и Ирана, частью въ записанныхъ имъ впервые кавказскихъ былинахъ — раскрыли ему глаза на плодотворность того пріема, на который указано было Стасовымъ. Наши былины послѣ его работъ оказались столько же продуктами самостоятельнаго народнаго творчества, сколько оригинальной разработкой перешедшихъ къ намъ съ Востока сказаній и литературныхъ сюжетовъ отдаленнаго средневѣковья.

Довольно тѣсное общеніе, возникшее между мною и московскими историками всеобщей литературы — причина тому, что я чаще проводилъ время въ ихъ обществѣ, нежели въ средѣ моихъ ближайшихъ товарищей по факультету. Примѣненіе сравнительнаго метода во всѣхъ историческихъ дисциплинахъ особенно интересовало меня въ это время, и я немало вынесъ поучительнаго для себя въ этомъ отношеніи изъ чтенія тѣхъ сочиненій по сравнительному фольклору, сравнительной исторіи религій и исторіи странствующихъ сказаній, на которыя указывали мнѣ одинаково и Миллеръ, и Веселовскій, и Стороженко».

***

«Догматическая юриспруденція никогда не пользовалась моими симпатіями. И то же еще въ большей степени я могу сказать о той нравственно-правовой метафизикѣ, которая, подъ именемъ философіи и энциклопедіи юридическихъ и государственныхъ знаній, или общей части государственнаго и уголовнаго права, преподавалась и преподается въ русскихъ университетахъ по образцу германскихъ. Меня несравненно болѣе привлекали къ себѣ экономика и обществовѣдѣніе, и я съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдилъ за преподавательской дѣятельностью и за научными и публицистическими работами моихъ ближайшихъ пріятелей, Янжула и Чупрова. Когда, за смертью Лешкова, осталась свободной каѳедра такъ называемаго полицейскаго права или благоустройства, ее временно занялъ Янжулъ. Это позволило ему сосредоточить свои ра-

боты на соціальной экономіи и изученіи, въ частности, рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства въ разныхъ странахъ Европы. Практическая дѣятельность вскорѣ пошла у него рядомъ съ теоретической и въ самой тѣсной отъ нея зависимости. Изученіе на дѣлѣ, путемъ разъѣздовъ по фабрикамъ, условій нашей промышленности и матеріальнаго положенія рабочихъ вскорѣ восполнено было исполненіемъ имъ правительственнаго порученія. Онъ согласился предпринять цѣлую анкету въ Царствѣ Польскомъ по тѣмъ же вопросамъ, которые изучены были имъ въ Московскомъ районѣ и освѣщены въ двухъ печатныхъ отчетахъ по фабричной инспекціи. Много лѣтъ спустя, когда, уступая настояніямъ устроителей Школы Общественныхъ наукъ въ Парижѣ, я согласился въ рядѣ лекцій нарисовать французамъ картину хозяйственнаго быта Россіи, работы и доклады Янжула послужили мнѣ главнѣйшимъ матеріаломъ для короткаго очерка положенія нашей промышленности въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія».

Кромѣ интереса къ дѣятельности и трудамъ И. И. Янжула, М. М. лично относился къ нему съ особою пріязнью и тотъ, несмотря на расхожденіе съ нимъ во взглядахъ политическихъ, сохранилъ особое трогательно нѣжное отношеніе къ своему младшему по возрасту товарищу «Максиму». Это доброе личное отношеніе — выразилось въ посвященныхъ характеристикѣ Янжула страницахъ «Воспоминаній»:

«Кто зналъ Янжула въ послѣдніе годы его жизни, когда ранняя глухота и всякаго рода недуги сдѣлали его мало общительнымъ и критически настроеннымъ, не можетъ составить себѣ понятія о его прежней жизнерадостности. Это не была какая-то напускная или природная смѣшливость, а вызываемая глубокимъ интересомъ къ жизни и всѣмъ ея проявленіямъ готовность по часамъ обмѣниваться мыслями съ пріятелемъ: спорить, горячиться, настаивать на правильности своей точки зрѣнія и въ концѣ концовъ назидать своего противника. Янжулъ имѣлъ вкусъ ко всему, за исключеніемъ однихъ методологическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко расходился съ тѣмъ типомъ москвичей 40-хъ г. г., съ которыми познакомила насъ русская беллетристика. Да и не было ему времени проводить долгіе часы за чтеніемъ нѣмецкихъ философовъ и спорить по цѣлымъ вечерамъ о томъ, кто

правъ — Шеллингъ или Гегель. Человѣкъ небогатый и принужденный давать уроки, чтобы содержать себя во время прохожденія университетскаго курса, и ѣздить на лѣтнія кондиціи, онъ рано сталъ пополнять свой доходъ газетными статьями. Когда редакція «Русскихъ Вѣдомостей» перешла въ руки Скворцова, сумѣвшаго расширить этотъ органъ и сдѣлать его постепенно университетской газетой, Янжулъ сталъ сотрудничать въ ней подъ псевдонимомъ Юренева, получая не болѣе 3-хъ копѣекъ за строчку. Это сотрудничество заставило его рано заинтересоваться вопросами политики и одновременно набить руку, пріобрѣсти живой и легкій слогъ. Онъ изумлялся моимъ равнодушіемъ къ тому, что происходило внѣ сферы научныхъ интересовъ».

**
*

Въ воспоминаніяхъ о московскихъ профессорахъ совершенно особнякомъ стоятъ страницы, посвященныя Владиміру Соловьеву. Мы приводимъ ихъ полностью, имѣя въ виду тотъ исключительный интересъ, который въ наше время вызываетъ своею философски-нравственной системой, и своей личностью этотъ единственный въ своемъ родѣ христіанскій русскій философъ.

Какъ ни чужды были по складу его ума запросы и интересы, волновавшіе Владиміра Сергѣевича, автору воспоминаній, — очевидно то сильное впечатлѣніе, которое на него производило близкое общеніе съ молодымъ «метафизикомъ».

Повѣствованіе о ихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ изложено со свойственнымъ М. М. юморомъ, но заключаетъ въ себѣ черты очень любопытныя для насъ, искушенныхъ въ разнаго рода моральныхъ и интеллектуальныхъ переворотахъ въ средѣ русскаго мыслящаго общества.

«До знакомства моего съ В. С. Соловьевымъ, пишетъ М. М., я слышалъ заочно, что въ немъ позитивизмъ имѣетъ противника не только горячаго, но и задорнаго. Его магистерская диссертація была озаглавлена: «Кризисъ философіи» съ прибавкой въ скобкахъ: «Противъ позитивистовъ». Мнѣ сообщили также, что этотъ походъ противъ Огюста Конта въ такой же степени, какъ и родственная связь съ великимъ русскимъ историкомъ были причиной того, что значительное число профессоровъ Московскаго

университета готовы были дать Соловьеву предпочтеніе при замѣщеніи каѳедры надъ варшавскимъ проф. Троицкимъ, высоко стоявшимъ въ моихъ глазахъ. Я поэтому не обнаружилъ большой горячности при первой встрѣчѣ съ молодымъ русскимъ метафизикомъ. Но его наружность была настолько обаятельна, его манеры держать себя съ другими такъ очаровывали своею простотой и естественностью и его дѣтскій смѣхъ былъ настолько заразителенъ, что ледъ между нами скоро растаялъ и мы сдѣлались пріятелями. Въ Лондонѣ, гдѣ мы впервые встрѣтились, Соловьевъ занимался изученіемъ «Кабалы». Цѣлые дни онъ проводилъ въ библіотекѣ, а вечеромъ, не зная, куда дѣваться, послѣ болѣе чѣмъ скромнаго обѣда у итальянскаго кондитера, приходилъ ко мнѣ или Янжулу. Спиритизмомъ онъ интересовался не на шутку. Въ это время почти напротивъ Британскаго Музея на Great Russel street помѣщалось «Метафизическое Общество», устраивавшее, между прочимъ, оплачиваемые 5-ью шиллингами съ человѣка спиритическіе сеансы. По просьбѣ Соловьева мы пошли съ нимъ на одно изъ такихъ собраній, захвативъ съ собой бывшаго новгородскаго предводителя дворянства, позднѣе поселившагося въ Неаполѣ, на правахъ корреспондента русскихъ газетъ и журналовъ. Насъ поставили вокругъ, заставили не вынимать рукъ изъ цѣпи и посовѣтывали не тревожиться всѣмъ тѣмъ, что мы увидимъ и услышимъ. Газъ потушили; нѣсколько минутъ спустя, послышались звуки арфы надъ нашими головами. Соловьевъ внезапно разорвалъ цѣпь и схватилъ въ темнотѣ обплагъ неизвѣстнаго «матеріализованнаго духа», который отбиваясь отъ него, ударилъ по головѣ своей арфой новгородскаго предводителя. Тотъ разумѣется заоралъ, произошла тревога. Газовые рожки зажгли снова и объявили намъ, что при новомъ нарушеніи порядка и тишины, насъ выставятъ на улицу. Въ программу входила также болѣе внушительная матеріализація духа какого-то морского пирата (вѣроятно съ помощью волшебнаго фонаря). Но видѣніе на этотъ разъ удостоило насъ только частью своей наружности, а именно бородою и на всѣ наши просьбы показать его во весь ростъ, послѣдовалъ наивный отвѣтъ, что въ собраніи слишкомъ много скептицизма и, что духъ поэтому не желаетъ явиться. Я хохоталъ отъ всей души, но Вл. Соловьевъ не на шутку разсердился и объявилъ, что онъ дѣла такъ не оставитъ. На слѣдующій

день онъ представилъ въ Метафизическое общество формальное заявленіе съ разсказомъ о всемъ случившемся и съ требованіемъ, чтобы ему вернули 5 шиллинговъ. Нужно ли прибавлять, что никакого отвѣта не послѣдовало и деньги возвращены не были. Однако Вл. Соловьевъ продолжалъ относиться къ спиритизму съ большой любознательностью. «Что въ томъ, говорилъ онъ, если къ спиритизму пристроилось нѣсколько мошенниковъ или шалуновъ. Я самъ, бывая въ Москвѣ въ дамскихъ кругахъ при верченіи столиковъ, забавлялся тѣмъ, что приподымалъ ихъ на воздухъ». Возможность общенія съ какимъ-то загробнымъ міромъ его не удивляла и онъ искренно желалъ найти случай убѣдиться въ своихъ мечтаніяхъ. Иногда онъ сообщалъ мнѣ, что ночью его мучилъ злой духъ «Питеръ», пророча ему всякія несчастья. Однажды я прервалъ его замѣчаніемъ, что я не старая московская дѣва, которую можно дурачить всякими сказками. На это онъ отвѣтилъ мнѣ дѣтскимъ почти истерическимъ смѣхомъ. Въ тотъ же вечеръ, просидѣвъ у меня до 12 часовъ и увидѣвъ, что я хочу спать, онъ ушелъ къ себѣ на квартиру. Я улегся въ постель, оставивъ дверь въ гостиную открытой и разумѣется, сразу заснулъ. Вдругъ послышался шумъ, я открылъ глаза и увидѣлъ въ креслѣ Соловьева въ его обычномъ черномъ одѣяніи съ высокой шляпой на головѣ. Это зрѣлище было такъ неожиданно, что я закричалъ благимъ матомъ. «А еще не вѣрите въ матеріализацію духовъ» — услышалъ его голосъ. Дѣло объяснилось очень просто: Соловьевъ забылъ ключъ отъ своей квартиры и, не желая провести ночь на улицѣ, постучался ко мнѣ, его впустили, онъ расположился на ночь въ мое кресло. Я признаюсь до сихъ поръ не могу разобраться, относился онъ серьезно или шутя къ модному въ то время увлеченію спиритизмомъ. Слышалъ я позднѣе отъ друзей Соловьева, что въ Неаполитанскомъ заливѣ онъ бросалъ въ море мелкую монету, чтобы задобрить чертей. Дѣлалъ ли это онъ шутя или серьезно я до сихъ поръ не могу рѣшить, — сложная была эта натура. Въ гимназіи онъ, говорятъ, былъ въ высшихъ классахъ совершеннымъ матеріалистомъ и неуважительно относился къ иконамъ. Одно время онъ занимался почти исключительно естественными науками, затѣмъ круто повернулъ въ сторону нѣмецкой метафизики и богословія. Его отецъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ былъ изъ духовной семьи, а мать

принадлежала къ княжескому роду и имѣла тѣ же красивые и задумчивые глаза, что и ея сынъ. И въ своемъ поведеніи Вл. Соловьевъ страдалъ тѣмъ, что можно было назвать противорѣчіемъ. Когда проф. Л., сотрудникъ Каткова и одно время редакторъ «Русскаго Вѣстника», вызвалъ негодованіе своихъ товарищей-профессоровъ своими навѣтами на ихъ неблагонадежность, сдѣланными передъ комиссаромъ, присланнымъ въ Москву министромъ народнаго просвѣщенія Толстымъ, собирать матеріалъ для похода противъ университета и тѣмъ содѣйствовать задуманной отмѣнѣ либеральнаго устава 1863 года, Вл. Соловьевъ не только не примкнулъ къ тѣмъ, кто послалъ проф. Л. коллективное заявленіе, что отнынѣ разрываютъ съ нимъ всякія сношенія, но, наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ свидѣтельствовалъ о сохраненіи къ нему прежнихъ товарищескихъ чувствъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что С. М. Соловьева, не предупредивши, отставили не только отъ ректорства, но и отъ профессуры, а къ Вл. Сергѣевичу его товарищи стали относиться настолько холодно и недовѣрчиво, что онъ предпочелъ уйти изъ среды московскихъ доцентовъ. Но я не измѣнилъ къ нему моихъ прежнихъ пріятельскихъ чувствъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что онъ поступаетъ согласно со своей совѣстью. Онъ видѣлъ въ поведеніи профессоровъ своего рода нравственное насиліе и хотѣлъ протестовать противъ него своимъ поведеніемъ. Кто не имѣлъ случая сойтись съ нимъ внѣ русскихъ условій, тому трудно понять, какъ могъ онъ оставаться одновременно близкимъ человѣкомъ и къ Каткову, и къ И. С. Аксакову, и къ Ѳ. И. Достоевскому и рядомъ съ этимъ быть любимцемъ Стасюлевича и всего кружка «Вѣстника Европы». Я объясняю себѣ это тѣмъ, что для него терпимость къ чужимъ мнѣніямъ была своего рода нравственнымъ долгомъ. И въ религіозныхъ вопросахъ онъ представлялъ для меня своего рода «неразбериху». Я слышалъ отъ патера Пирлинга — извѣстнаго іезуита и автора весьма цѣннаго труда «Россія и папскій престолъ», что Соловьевъ не переходившій формально къ католицизмъ, былъ его горячимъ сторонникомъ и получилъ отъ папыЛьва XIII его благословеніе. Но встрѣтившись въ Парижѣ въ одномъ обществѣ съ Ренаномъ, онъ на вопросъ послѣдняго: «Что дастъ міру Россія»? — отвѣтилъ: «Она утвердитъ торжество православія». Соловьевъ одно время былъ близокъ къ Тол-

стому и отнесся затѣмъ вполнѣ враждебно къ его религіи безъ догматовъ. Толстой заплатилъ ему взаимностью. И послѣ того, какъ Соловьевъ высказался въ положительномъ смыслѣ по вопросу о войнѣ, Левъ Николаевичъ въ одной изъ своихъ книгъ обозвалъ его «истинно злымъ человѣкомъ». Впослѣдствіи жизнь за границей разлучила меня съ Соловьевымъ. Но мнѣ приходилось встрѣчаться съ его друзьями и поклонниками. Отъ всѣхъ слышалъ трогательные разсказы о его аскетизмѣ, лишенномъ всякой рисовки. Онъ дѣлился деньгами со всѣми, кто обращался къ нему за помощью и часто оставался безъ гроша или что хуже съ долгами. Помѣщаясь нерѣдко подъ чердакомъ, но однако, «Европейской гостиницы», онъ умѣлъ привлечь въ свою комнату воробьевъ и кормилъ ихъ собственноручно. Это была не единственная черта сходства между нимъ и Франциской Ассизскимъ. Спрошенный извѣстнымъ корреспондентомъ «Фигаро», какое рѣшеніе онъ дастъ соціальному вопросу, Соловьевъ отвѣтилъ: «То же какое въ средніе вѣка дано было основателемъ Францискаскаго ордена, который внушалъ богатымъ мысль о милосердіи, а бѣднымъ любовь къ ихъ бѣдности».

***

Въ концѣ главы, посвященной Московскому университету, М. М. говоритъ объ отношеніяхъ между профессорами и студенчествомъ.

«Отношенія мои со студентами всегда были отличными. Они охотно посѣщали мои лекціи, писали работы, принимали участіе въ ихъ обсужденіи на семинаріяхъ и очень охотно оставались при моей каѳедрѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Но смерть безжалостно косила многихъ изъ оставленныхъ мною. Не стало Калачова, брата члена Государственнаго Совѣта; не стало Харузина, кандидатская диссертація котораго объ Обычномъ правѣ донскихъ казаковъ была напечатана томомъ и служитъ теперь настольной книгой для всякаго, кто желаетъ познакомиться съ особенностями быта этой обширной области нашего отечества. Послѣ моей отставки измѣнены были требованія, предъявленныя ранѣе къ лицамъ, желавшимъ подвергнуться магистерскому экзамену. Это заставило двухъ изъ нихъ посвятить себя иной карьерѣ: одинъ

засѣдалъ въ Государственной Думѣ, другой служилъ судьей въ Москвѣ. Не всѣ изъ оставленныхъ мною по каѳедрѣ не довели до конца своихъ намѣреній. Они посвятили себя только другимъ родственнымъ спеціальностямъ. Проф. Дерюжинскій, на каѳедрѣ административнаго права въ Петербургскомъ университетѣ, заявлялъ о своемъ прежнемъ занятіи государственнымъ правомъ, въ частности, работами, затрагивающими основные вопросы конституціонной жизни Англіи. Нечаевъ, занимая постъ юрисконсульта при министерствѣ юстиціи, читалъ въ то же время лекціи по сравнительной исторіи права... Егіазаровъ преподавалъ государственное право въ Кіевѣ.

При всемъ вниманіи, какое студенты Московскаго университета оказывали моимъ лекціямъ, я не всегда выносилъ съ экзамена убѣжденіе, что трудъ, мною затрачиваемый, не пропадаетъ даромъ, по крайней мѣрѣ, для большинства. Исторія политическихъ учрежденій, которая все чаще и чаще служила предметомъ моихъ чтеній, не можетъ быть хорошо усваиваема людьми, не имѣющими достаточной исторической подготовки, а эта подготовка съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе скудною. Мы повели однажды открыто рѣчь объ этомъ въ совѣтѣ. Одни жаловались на то, что студентамъ сызнова приходится читать всѣ естественныя науки, другіе — что подготовка ихъ по физикѣ и химіи совершенно недостаточна. Къ нашимъ сѣтованіямъ присоединился и Герье; онъ заявилъ, что поступающимъ въ университетъ не хватаетъ знакомства съ латынью. Что, спрашивается, даетъ средняя школа? Я не могу сказать, чтобы на этотъ вопросъ мнѣ легко было дать опредѣленный отвѣтъ и въ 1905 году, когда на разстояніи восемнадцати лѣтъ я снова возобновилъ мою преподавательскую дѣятельность. Сравнивая тогдашнее отношеніе студенчества къ профессорамъ съ указываемымъ періодомъ, я долженъ сказать, что прежде всего оно было довѣрчивѣе и сердечнѣе. Мысль о томъ, что профессоровъ можно причислить къ предпринимателямъ и устроить забастовку въ посѣщеніи ихъ лекцій, въ это время никому еще не приходила въ голову.

Когда случались студенческіе безпорядки, намъ, пользовавшимся довѣріемъ молодежи молодымъ преподавателямъ, приходилось выступать съ обычнымъ совѣтомъ сохранять чувство мѣры, какъ неоцѣненное качество, свой-

ственное англичанамъ и немало содѣйствовавшее успѣшному отстаиванію ими своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Сказать, что эти совѣты всегда принимались съ благодарностью — было бы преувеличеніемъ; но недовольство тѣмъ, что студенты считали чрезмѣрной выносливостью, проходило скоро, и добрыя отношенія возстановлялись. Я вынесъ изъ своего продолжительнаго общенія со студентами то впечатлѣніе, что они цѣнятъ въ профессорѣ трудъ, затрачиваемый имъ при исполненіи своихъ обязанностей, что ихъ не задѣваетъ развитіе взглядовъ, идущихъ вразрѣзъ съ ихъ собственными, если только лекторъ считаетъ нужнымъ обосновывать свои утвержденія тѣми или другими фактами и соображеніями, что они цѣнятъ простоту и товарищеское отношеніе. Все что можетъ сблизить профессора со студентами, должно было бы входить въ программу такъ называемой университетской политики. Отсюда тотъ выводъ, что приравнивать студентовъ только къ слушателямъ — значитъ не только устранять возможность всякаго воспитательнаго на нихъ вліянія профессоровъ, но и порождать въ нихъ желаніе порѣже показываться въ университетѣ; вѣдь удобнѣе лежать въ постели и читать печатные конспекты. Во время моего преподаванія въ Москвѣ, такихъ конспектовъ не было: студенты составляли лекціи и литографировали курсы. Экзаменъ производился изъ прочитаннаго, а чужія сочиненія рекомендовались только для пополненія курса. Въ 1905 - 10 г. г. пошли иные порядки. Студенты, при обязательномъ посѣщеніи лекцій, не могли бы найти мѣста въ аудиторіи; профессора, издавши учебники или порекомендовавъ чужія руководства, не требовали отъ студентовъ знанія своихъ лекцій. Студенты же посѣщали ихъ, смотря по времени года, нерѣдко черезъ одну, такъ какъ въ Петербургѣ вставали поздно и пріятно пропустить утренніе часы. Одинъ изъ моихъ товарищей уподобилъ чтеніе лекцій драматическимъ представленіямъ, а такъ какъ большинство профессоровъ — плохіе актеры, то публики собиралось въ ту пору мало»...

Послѣднія слова никакъ не относятся къ самому М. М. Его аудиторія была всегда полна и «актеръ» онъ былъ прекрасный: умѣлъ оживить свое изложеніе во время приведеннымъ анекдотомъ, иллюстраціей, характеристикой или просто остроумнымъ замѣчаніемъ и до конца своей лекціи не утомить вниманіе слушателей.

Впрочемъ вообще М. М. Ковалевскій былъ, несмотря на разностороннюю и полную свою дѣятельность научную, общественную и политическую, — всегда, прежде всего и совершеннѣе всего — «профессоромъ», любилъ свое преподаваніе, тосковалъ внѣ общенія съ аудиторіей, создалъ себѣ, ради этой жажды преподавательской дѣятельности, суррогатъ русскаго университета въ Парижѣ. Вернувшись въ Россію изъ добровольнаго изгнанія, онъ немедленно возобновилъ профессорскую работу, и проявилъ къ ней значительно больше любви и интереса, чѣмъ къ выступленіямъ своимъ въ Госуд. Совѣтѣ и даже къ засѣданіямъ въ Академіи Наукъ.

Сообщилъ: **Е. П. Ковалевскій.**

Отрывки изъ воспоминаній

Я въ университетѣ былъ такъ долго, что могъ бы отнести себя къ злополучной категоріи вѣчныхъ студентовъ Поступилъ въ 87 году и послѣдній экзаменъ держалъ въ 96. На естественномъ факультетѣ я слушалъ лекціи, но экзаменовъ не держалъ; на филологическомъ и слушалъ лекціи и держалъ экзамены; на юридическомъ держалъ экзамены, но лекцій не слушалъ. Имѣлъ дипломъ двухъ факультетовъ; использовалъ до отказа и воспитательное вліяніе студенческой жизни и образовательную школу профессоровъ. Вспоминая, какимъ я въ университетъ поступилъ, оцѣнивая все, что мнѣ дали университетскіе годы, вижу, насколько я всѣмъ былъ обязанъ ему. Но это не только черта личной моей біографіи, въ оглашеніи которой есть все же нѣчто нескромное; воспитательное значеніе университета интересная страница въ исторіи нашей общественной жизни. Это оправдываетъ мои студенческія воспоминанія.

. . . . . .

ГЛАВА V.

Филологическій Факультетъ.

Мой вынужденный переходъ съ естественнаго на филологическій факультетъ, въ связи съ причинами, которыя его вызвали и съ обязательствомъ, которое я тогда принялъ передъ попечителемъ, графомъ Капнистомъ, взявшимъ меня на поруки, измѣнилъ мое положеніе въ университетѣ и самое мое къ нему отношеніе. Я кончалъ такъ, какъ надо было начать: сталъ наконецъ заниматься тѣмъ, для чего университетъ существуетъ, т. е. наукой. Моими

*) По просьбѣ юбилейнаго комитета В. А. Маклаковъ написалъ воспоминанія о своей студенческой жизни; авторъ, однако, находитъ, что оглашеніе ихъ пока преждевременно. Мы печатаемъ изъ нихъ небольшой отрывокъ, имѣющій самостоятельный интересъ.

учителями оказались въ то время уже профессора, а не только студенческіе кружки, подпольныя организаціи, да старшіе товарищи. Мое пребываніе на филологическомъ факультетѣ сдѣлалось обратнымъ тому, чѣмъ оно было на естественномъ. Я использовалъ университетъ въ прямомъ его назначеніи, какъ учебное заведеніе и почти совершенно отошелъ отъ студенческой общественной жизни.

Филологическій факультетъ и оставилъ поэтому во мнѣ воспоминанія не о студентахъ, не объ ихъ направленіяхъ и начинаніяхъ, а о профессорахъ и о томъ, что они давали студентамъ. Добавлю при этомъ, что я цѣню въ нихъ теперь не ученыхъ, а преподавателей. Значеніе ученаго — въ его научныхъ работахъ, которыя можно использовать и безъ прямой его помощи; часто, какъ преподаватели, ученые стоятъ не высоко; достоинство и умѣнье преподавателя sui generis. А въ способахъ преподаванія я меньше всего значенія придаю классическому университетскому пріему, т. е. «чтенію» лекцій. Лекціонная система мнѣ представлялась и представляется варварствомъ. Разъ есть книгопечатаніе и мы грамотны, мы лекціи можемъ прочесть; этимъ выгадаемъ во времени и въ пониманіи. Въ университетскомъ преподаваніи важнѣе и продуктивнѣе практическія занятія и семинаріи; только въ нихъ профессора даютъ студентамъ то, чего книга не въ состояніи дать.

Мои воспоминанія о филологическомъ факультетѣ коснутся поэтому только тѣхъ немногихъ профессоровъ, у которыхъ я практически занимался. О тѣхъ, которыхъ я зналъ только какъ лекторовъ, вспоминать я не стану. Среди нихъ были и европейскія имена. Напримѣръ, знаменитый языковѣдъ Ф. Ф. Фортунатовъ. Онъ былъ между прочимъ замѣчателенъ тѣмъ, что обижался на тѣхъ, кто ходилъ на его лекціи. «Вы все равно ничего не понимаете, говорилъ онъ намъ, зачѣмъ же вы ходите? Неужели вы воображаете, что это мнѣ нужно?» И студенты переставали на его лекціи ходить и онъ проводилъ ихъ tête-à-tête съ издателемъ своихъ лекцій, диктуя и исправляя издаваемый текстъ. Не буду вспоминать и о тѣхъ молодыхъ приватъ-доцентахъ (Карелинъ, Милюковъ и др.), у которыхъ я практически не работалъ. Главными китами, на которыхъ стоялъ историческій факультетъ, были трое: Герье, Ключевскій и Виноградовъ.

Герье едва ли не только honoris causa причисляли къ

этой плеядѣ. Онъ былъ человѣкомъ прежней формаціи. Студенты считали его отсталымъ, педантомъ, застывшимъ на старыхъ позиціяхъ. Его лекціи напоминали его физіономію. Онъ производилъ впечатлѣніе ни стараго, ни молодого; казалось и всегда онъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ наше время, т. е. какою-то засохшею муміей, но безъ единой сѣдинки. Время на него не вліяло. Такъ и его предметъ можно было готовить по старымъ курсамъ; время тоже въ нихъ ничего не мѣняло, ни въ формѣ, ни въ содержаніи. Эта манера была связана съ его преподавательскимъ міровоззрѣніемъ. Онъ приспособлялъ свои лекціи къ низкому уровню своихъ слушателей. Настоящая наука дѣло избранныхъ, но Герье, какъ преподаватель, заботился не о нихъ, а объ общей массѣ аудиторіи. У меня не было опыта, чтобы знать, какую помощь находили въ немъ тѣ исключенія, которыхъ онъ оставлялъ при себѣ и которые собирались стать профессорами. Быть можетъ къ нимъ онъ относился иначе. Но онъ не старался ихъ отыскать среди слушателей, заинтересовать или выдвинуть. Онъ какъ будто всѣмъ говорилъ одинаково: «куда вамъ заниматься наукой, когда вы не знаете азбуки?» И съ покорностью, безъ одушевленія училъ этой азбукѣ. Его семинаріи съ набившими оскомину темами о Титѣ Ливіи Тэна и Ранке были томительно скучны. Если Герье на это указывали, онъ отвѣчалъ: «вѣдь и такія темы имъ не по силамъ, они и съ ними не справятся». Здѣсь была доля правды; уровень знаній, которыя давала гимназія, былъ такъ низокъ, что самыя элементарныя темы его превышали. Начиная съ азовъ, обучая студентовъ вступительнымъ шагамъ всякой научной работы, Герье дѣлалъ, конечно, неблагодарное, но полезное дѣло. Если для средняго уровня такая работа была нужна, а можетъ быть и трудна, — Герье незаслуженно считали строгимъ экзаменаторомъ, — то лицъ хоть сколько-нибудь подготовленныхъ она унижала и раздражала. Какъ преподаватель Герье тянулъ всѣхъ къ низшему уровню и, того не замѣчая и не желая, онъ подъ гипнозомъ студенческой неподготовленности демократизировалъ знанія.

На выпускныхъ экзаменахъ, послѣ письменнаго испытанія по всеобщей исторіи я встрѣтилъ Герье на Тверскомъ бульварѣ; онъ шелъ съ толстымъ портфелемъ набитымъ только что поданными ему сочиненіями. Я былъ въ это время въ привиллегированномъ положеніи; моя

работа на Виноградовскомъ семинаріи была по постановленію факультета напечатана въ Ученыхъ Запискахъ; я былъ «подающимъ надежды» студентомъ; при этомъ для Герье я былъ постороннимъ, занимался у Виноградова, не у него. Но Герье было извѣстно, что Виноградовъ прочитъ меня въ профессора; онъ могъ относиться ко мнѣ, какъ къ будущему товарищу, а не какъ къ ученику; могъ это показать, себя не роняя. «Я позабылъ дома очки, сказалъ онъ, будьте добры мнѣ почитать, что ваши товарищи здѣсь написали». Мы сѣли на лавкѣ, я сталъ читать сочиненія, а онъ ставилъ отмѣтки. Почти все время онъ горько улыбался: «и это кончающіе». Долженъ признаться, что прочитанныя подрядъ сочиненія на одну и ту-же тему въ своей совокупности производили смѣшное и жалкое впечатлѣніе. Былъ виденъ наборъ однихъ и тѣхъ же чужихъ фразъ, выхваченныхъ изъ мало усвоенныхъ лекцій, безъ слѣдовъ собственной мысли. Иногда отъ такихъ работъ становилось смѣшно, какъ отъ чтенія плохо разобранной стенограммы. «А послѣ этого говорятъ», началъ Герье, и замолчалъ. Я понималъ, о чемъ онъ думалъ. При такомъ уровнѣ студенческой массы можно ли было его упрекать, что его лекціи слишкомъ элементарны? Но преодолѣть эту некультурность, поднять и расшевелить научные интересы студентовъ, Герье не умѣлъ и только скорбѣлъ и раздражался на самихъ же студентовъ.

Послѣ 1905 года Герье пріобрѣлъ въ нашемъ обществѣ репутацію реакціонера. Однако его прошлое съ этимъ не согласовалось. Онъ былъ передовымъ по убѣжденіямъ человѣкомъ, сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», былъ безсмѣннымъ гласнымъ городской думы и губернскаго земства, стоялъ горой за университетскую автономію и сыгралъ ничѣмъ не замѣнимую роль въ области высшаго женскаго образованія. Все это отводило ему почетное мѣсто въ либеральномъ лагерѣ. Но послѣ 1905 года онъ выступилъ въ печати съ рѣзкимъ и раздраженнымъ осужденіемъ первыхъ двухъ Государственныхъ Думъ. Какъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ, его стали обвинять въ ренегатствѣ, въ измѣнѣ своимъ собственнымъ взглядамъ. Это было несправедливо; онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ — культурнымъ передовымъ человѣкомъ, убѣжденнымъ сторонникомъ конституціоннаго строя, только одновременно съ этимъ и ненавистникомъ радикальной демагогіи и революціонной фразеологіи. А такимъ

онъ былъ очень давно. Помню, какъ студентомъ еще перваго курса, при Александрѣ III, я читалъ у него на семинаріи заданный намъ классическій рефератъ о Реформаціи. Говоря объ Императорѣ, я между прочимъ сказалъ, что Императоръ Германіи въ то время былъ менѣе всего тѣмъ, чѣмъ Монархъ долженъ быть, т. е. представителемъ только исполнительной власти. Герье саркастически осклабившись попросилъ повторить эту фразу, какъ будто ея не разслышалъ. Я съ апломбомъ ее повторилъ. Герье недовольно пожевалъ губами, но промолчалъ. Далѣе я сталъ доказывать, что сопротивленіе Папы церковнымъ реформамъ оказалось полезно. Не будь этого, не было бы и Реформаціи; была бы проведена церковная реформа и только. Такъ, говорилъ я, и для торжества великихъ идей 18-го вѣка оказалась полезной неспособность французскаго правительства провести нужныя реформы мирнымъ путемъ. Именно эта его неспособность породила такое событіе, какъ Революція, которая, несмотря на свои эксцессы и кровь, озарила эти идеи незабываемымъ свѣтомъ. Тутъ Герье уже не выдержалъ. Онъ покрылся красными пятнами и прерывающимъ голосомъ сталъ меня разносить. «Вы напоминаете мнѣ молодого пѣтушка, говорилъ онъ, которому хочется кого-нибудь задѣть шпорой, чтобы показать, что онъ тоже пѣтухъ. Почему вы говорите, что назначеніе Монарха быть только исполнительной властью? Это можно утверждать только съ точки зрѣнія опредѣленной политической доктрины, да и то плохо понятой, т. е. съ точки зрѣнія Монтескье. Но его опредѣленіе роли Монарха годится не для всякихъ монархій, оно не безусловно. Но вамъ доставляетъ удовольствіе безъ всякой надобности, хотя бы мимоходомъ царапнуть монархію. Но это куда ни шло! А вотъ ваше сравненіе Реформаціи съ Революціей? Здѣсь есть вѣрная мысль. Безъ злоупотребленій Церкви Реформаціи могло и не быть; идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти явились въ результатѣ этихъ злоупотребленій. Въ этихъ предѣлахъ ваше сравненіе судьбы этихъ идей съ политическими идеями 18-го вѣка, которыя тоже явились реакціей противъ злоупотребленій феодализма и абсолютизма, — совершенно законно. Но вамъ этого мало. Вамъ оказалось нужнымъ пристегнуть сюда Революцію, оправдывать и даже прославлять ея эксцессы и кровь». Я сталъ заступаться за Революцію. Герье волновался и злился. «Если бы вы

были постарше, сказалъ онъ, я бы далъ вамъ тему для серьезной работы; показать зло, которое французская Революція принесла идеямъ, которымъ служила. Но въ ваши годы этого не понимаютъ». Онъ сказалъ это очень серьезно и грустно. Я вспоминалъ этотъ разносъ, когда позднѣе Герье такъ-же страстно сталъ нападать на поведеніе либеральнаго лагеря въ 905 году и потомъ на дѣятельность I-ой Государственной Думы. Съ нимъ можно было не соглашаться, но въ томъ, что онъ тогда говорилъ и писалъ, не было и признаковъ «ренегатства»; только не было и той капитуляціи либерализма передъ революціонными увлеченіями, которая въ то время торжествовала на политическомъ фронтѣ. И когда мы видимъ, что дѣлаютъ въ Россіи съ идеями соціализма его послѣдователи, я лучше понимаю и полемическія нападки Герье и ту меланхолію, въ которой онъ жилъ свои послѣдніе годы. Онъ могъ повторить слова Шербюлье, которыя такъ любилъ И. С. Аксаковъ: Dieu dans sa sagesse préfère ceux qui le nient à ceux qui le compromettent. Съ такими взглядами онъ себя пережилъ; своимъ идеямъ онъ не измѣнилъ, но ихъ къ новымъ настроеніямъ общества приспособить не смогъ; трагедія послѣднихъ лѣтъ его жизни была именно въ этомъ.

Самой красочной фигурой факультета былъ, конечно, Ключевскій. Трудно что либо прибавить къ тому, что о немъ уже было написано болѣе компетентными лицами. Ключевскій явился живымъ опроверженіемъ моей теоріи о безполезности лекціонной системы. Его лекціи не только давали эстетическое наслажденіе; они запоминались и понимались лучше, чѣмъ книга. Тотъ, кто слышалъ Ключевскаго не могъ уже читать его произведеній, не вспоминая его голоса, ужимокъ и интонацій. И чтобы отъ всей теоріи не отказаться, я приходилъ къ заключенію, что Ключевскій «актеръ», а не лекторъ.

Но актеръ онъ былъ замѣчательный и лекціи его были несравнимы ни съ чѣмъ. Особенностью его былъ, во-первыхъ, языкъ, исключительный по силѣ, оригинальности и красочности; онъ былъ настолько своеобразенъ, что когда Ключевскій напечаталъ въ «Русской Мысли» свою статью о Лермонтовѣ, подъ заглавіемъ «Грусть», то хотя онъ ея не подписалъ, съ первыхъ же строкъ всѣ п о я з ы к у узнали Ключевскаго. Другимъ свойствомъ его была необыкновенно выразительная манера произношенія, съ

странными логическими ударенiями и паузами, съ оригинальными модуляцiями голоса, сопровождаемыми своеобразными гримасами и поднятiемъ бровей. Ключевскiй могъ такъ прочесть отрывокъ изъ Лѣтописи, что онъ навѣки не забывался. Любопытно, что одной изъ причинъ этой своеобразной манеры Ключевскаго было его легкое заиканье. Этотъ недостатокъ онъ старался скрывать; только разглядывая его вблизи, можно было замѣтить, что когда онъ неожиданно умолкалъ и дѣлалъ какъ будто непонятную паузу, его нижняя челюсть начинала усиленно и безпомощно дергаться. Онъ дѣлалъ видъ, что пауза вызвана тѣмъ, что онъ думаетъ и сосредоточивается. Часто пауза приходилась не тамъ, гдѣ ей по смыслу полагалось бы быть; тѣ, кто не знали про его заиканье, могли думать, что онъ или оригинальничаетъ или не находитъ нужнаго слова; но въ результатѣ это скрытое заиканье не только не вредило Ключевскому, но придавало оригинальность и даже прелесть его своеобразной манерѣ.

Я имѣлъ возможность наблюдать Ключевскаго не только на каѳедрѣ. При жизни моего отца онъ часто бывалъ у насъ на журфиксахъ, а послѣ я встрѣчалъ его на такихъ же журфиксахъ у Н. К. Давыдова. Ключевскiй любилъ ходить въ гости и по русскому обычаю сидѣлъ тамъ до поздней ночи, до послѣ ужина. Онъ и въ домашней обстановкѣ былъ такъ-же интересенъ и блестящъ, какъ на каѳедрѣ. Тѣ-же чеканныя фразы и своеобразная дикцiя; та-же любовь къ острому слову, къ неожиданнымъ и забавнымъ сопоставленiямъ, надъ которыми онъ потомъ самъ беззвучно смѣялся; онъ такъ-же прищуривался, одновременно поднимая брови надъ своими близорукими, насмѣшливыми, никогда не глядѣвшими въ лицо собесѣдника глазами; та-же выразительная мимика, которая какъ будто вколачивала его слова въ память слушателя. Слушать его было всегда наслажденiемъ и когда онъ начиналъ говорить, то несмотря на свой тихiй голосъ онъ становился тотчасъ центромъ вниманiя. Стилистическiй блескъ его ни въ какихъ условiяхъ не покидалъ, былъ какъ бы частью его природы. Возможно, что и заиканье ему помогало; оно заставляло его говорить медленно, съ остановками, давая этимъ возможность каждое слово обдумать. Точно также его бисерный почеркъ, необыкновенно четкiй, гдѣ онъ дописывалъ каждую букву, помогалъ ему отдѣлывать то, что онъ писалъ, придавать за-

конченную красоту его письменной рѣчи. Но при исключительной одаренности Ключевскій былъ все-таки человѣкомъ упорной работы, привыкшимъ доводить все до совершенства. Это одинаково касается и формы и содержанія. Онъ себѣ не довѣрялъ, къ самому себѣ относился очень критически, безъ признаковъ самонадѣянности. Помню, какъ въ пятнадцатилѣтіе со дня смерти Некрасова мы, студенты, затѣяли почтить его память устройствомъ публичнаго засѣданія. Пошли просить Гольцева принять въ немъ участіе; онъ согласился безъ оговорокъ и, узнавъ, что мы хотимъ звать и Ключевскаго, предложилъ, чтобы сначала Ключевскій выбралъ тему по своему вкусу. Гольцевъ соглашался читать то, что на его долю останется. За тему онъ не стоялъ и только просилъ его заранѣе предупредить. Ободренные первымъ успѣхомъ, мы явились къ Ключевскому. Къ нашему удовольствію идея читать о Некрасовѣ его не оттолкнула. Онъ какъ будто обрадовался, что молодежь помнитъ и цѣнитъ Некрасова; самъ оказался его поклонникомъ. Но когда онъ узналъ, что засѣданіе предположено черезъ мѣсяцъ, онъ сталъ смѣяться. «Какъ черезъ мѣсяцъ», — спрашиваетъ онъ, удивленно поднимая брови. — «Да развѣ можно приготовиться къ лекціи въ одинъ мѣсяцъ?» Мы говорили, что всегда говорятъ въ такихъ случаяхъ лекторамъ, что е м у готовиться нечего, что ч т о бы онъ ни прочелъ, будетъ все хорошо и т. д. Ключевскій не хотѣлъ даже слушать. «Прочесть лекцію не долго, говорилъ онъ; не долго ее написать; долго ждать, чтобы «наклюнулась тема». Онъ сталъ вслухъ размышлять; указывалъ, о ч е м ъ надо п о д у м а т ь, ч т о освѣжить въ памяти, чтобы читать о Некрасовѣ; говорилъ о состояніи тогдашней литературы, о любимѣйшихъ русскихъ авторахъ, къ которымъ причислялъ, повторяя это нѣсколько разъ съ удареніемъ, «р у с с к а г о писателя Гейне въ переводѣ Михайлова»; вспоминалъ о тогдашнихъ политическихъ настроеніяхъ. Онъ увлекся и говорилъ около часу. Мы слушали его зачарованные; потомъ горячо убѣждали повторить на лекціи то, что онъ намъ говорилъ. Но Ключевскій не допускалъ мысли о томъ, чтобы онъ могъ читать раньше, чѣмъ черезъ полгода. Уходя отъ него и сравнивая этотъ отказъ съ безусловнымъ согласіемъ Гольцева, мы невольно становились не на сторону Гольцева.

Послѣ блестящей публичной лекціи Ключевскаго «доб-

рые люди древней Руси», я возвращаясь домой нѣкоторое время шелъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ нимъ и его сыномъ Борисомъ. Ключевскій былъ очень доволенъ пріемомъ аудиторіи; обыкновенно столь сдержанный, онъ дѣлился впечатлѣніями, моимъ присутствіемъ не стѣсняясь; я оказался свидѣтелемъ, какъ они оба съ сыномъ вспоминали отдѣльныя удачныя словечки и впечатлѣніе, которое они производили на публику. Было ясно, что эти словечки были заранѣе подготовлены и изучены и что Ключевскій разсчитывалъ на ихъ эффектъ. Такая сознательная, упорная, хотя скрытая работа надъ исключительнымъ даромъ, которымъ его надѣлила природа и сдѣлала изъ Ключевскаго того несравненнаго «виртуоза», какимъ онъ былъ какъ писатель и лекторъ.

Своими публичными лекціями Ключевскій публику не баловалъ, можетъ быть потому, что къ нимъ слишкомъ долго готовился. Но бывали моменты, когда ему поневолѣ приходилось выступать передъ публикой и тогда его діалектическій талантъ проявлялся во всемъ своемъ блескѣ. Это были ученые диспуты. Они всегда были событіями. Я помню диспуты Семевскаго и особенно Милюкова. Ключевскій имѣлъ противъ себя въ этомъ послѣднемъ случаѣ скорѣе враждебную аудиторію. Диссертаціи двухъ молодыхъ ученыхъ Карелина и Милюкова были одновременно представлены на степень магистра по всеобщей и по русской исторіи. Герье далъ Карелину сразу двѣ степени; того же ждали и отъ Ключевскаго по отношенію къ Милюкову за его трудъ о Петрѣ Великомъ. Но Ключевскій этого не сдѣлалъ и поспѣшная на выводы студенческая молодежь въ этомъ заподозрила пристрастіе и несправедливость. Она пришла на диспутъ настроенная противъ Ключевскаго и онъ это зналъ. Онъ началъ общей характеристикой всего сочиненія, строя ее по своей любимой манерѣ въ эффектныхъ противоположеніяхъ. Онъ упрекнулъ Милюкова, что онъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ фактовъ, которые самъ устанавливалъ. Его красочныя антитезы по сю пору сидятъ въ моей памяти: «Вы доказываете все то, что утверждаете, но утверждаете не все, что доказываете. Вы идете къ цѣли смѣлѣе, чѣмъ къ ней подходите. Ваше сочиненіе ставитъ больше вопросовъ, чѣмъ даетъ отвѣтовъ. Это не недостатокъ. Иногда труднѣе поставить вопросъ, чѣмъ его рѣшить, какъ бываетъ труднѣе замѣтить прорѣху, чѣмъ ее зашить» и

т. д. Послѣ такой вводной характеристики Ключевскій сталъ дѣлать рядъ отдѣльныхъ замѣчаній; при этомъ онъ какъ будто только кстати, мимоходомъ, освѣдомлялся; не обратилъ ли Милюковъ вниманіе на такой то фактъ, не подумалъ ли о такомъ то возможномъ его объясненіи? Мы плохо схватывали смыслъ этихъ вопросовъ и они намъ казались мелочными придирками. Но они оказались совсѣмъ не случайными. Ключевскій съ большимъ искусствомъ, но и съ большой осторожностью, ничего отъ себя не утверждая, а только какъ будто интересуясь ходомъ чужой работы, предложилъ объясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ явленій финансовой политики той эпохи. Эта политика, по его мнѣнію, опредѣлялась желаніемъ государства путемъ налогового пресса увеличивать пахатную площадь страны; и та неравномѣрность налога, которая съ перваго взгляда казалась будто бы произвольной, по Ключевскому зависѣла отъ соотношенія жилой и пустой земли у владѣльцевъ, чѣмъ побуждала ихъ свою пустую землю эксплоатировать. Такое объясненіе было тѣмъ интереснѣе, что соотвѣтствовало несомнѣнной тенденціи законодательства, закончившейся введеніемъ при Петрѣ подушной подати. Когда въ результатѣ ряда какъ будто случайныхъ вопросовъ Ключевскій наконецъ открылъ свои карты и спросилъ, не пришлось ли Милюкову провѣрить, въ какой мѣрѣ *такое* объясненіе согласовалось съ фактами имъ изученными, Милюковъ долженъ былъ признать, что онъ объ этомъ не думалъ и этого не провѣрилъ, что все это очень остроумно, но что по этому поводу онъ ничего сейчасъ отвѣтить не можетъ. Ключевскій не сталъ настаивать, довольствуясь этимъ отвѣтомъ и пошелъ дальше; но впечатлѣніе на публику было произведено; загадочныя вступительныя слова его возраженія всѣмъ стали понятны и мы, студенты, поневолѣ перестали негодовать, что Ключевскій не далъ Милюкову сразу докторской степени. Все это происходило настолько давно, а эти вопросы были для меня такъ мало знакомы, что я не могу ручаться за полную точность моего пониманія; передаю только впечатлѣніе слушателя. Я потомъ спрашивалъ Милюкова, провѣрилъ ли онъ утвержденія Ключевскаго. Милюковъ отвѣчалъ, что со стороны Ключевскаго это возраженіе вышло очень эффектно, но что при провѣркѣ его предположенія оказалось, что факты его не подтверждаютъ. Въ этомъ конечно я не судья и

вспомнилъ этотъ диспутъ только, какъ образчикъ діалектическаго искусства и манеры Ключевскаго.

Вспоминая о Ключевскомъ было бы сейчасъ трудно отвести ему опредѣленное мѣсто въ политическомъ лагерѣ. Нелегко было знать его настоящіе взгляды; мало было людей столь замкнутыхъ, скрытныхъ, нелюбящихъ говорить о себѣ. Онъ могъ быть откровененъ только съ самыми интимными своими друзьями; да и это было бы на него непохоже. Онъ ходилъ вѣчно въ маскѣ и въ свою душу никого не пускалъ. Объ ней можно было только догадываться. Однажды съ обычнымъ своимъ юморомъ онъ формулировалъ такое житейское правило: «если васъ спрашиваютъ прямо, отвѣчайте косвенно; если спросятъ косвенно, можете отвѣтить прямо». И на прямые вопросы онъ никогда прямо не отвѣчалъ. Была другая причина, по которой на него было бы трудно привѣсить готовый ярлыкъ; не только онъ былъ черезчуръ своеобразной фигурой, полной противорѣчій; но онъ не подчинялся элементарной политической дисциплинѣ, запрещавшей по нашимъ понятіямъ хвалить чужихъ, а своихъ осуждать. Его острый языкъ не щадилъ никого, даже своихъ; но онъ имѣлъ и гражданское мужество симпатій своихъ не стыдиться. Онъ нанесъ очень чувствительный ударъ своей популярности, когда послѣ смерти Александра III, безъ всякой видимой надобности, по одному убѣжденію выступилъ въ университетѣ съ похвальнымъ словомъ покойному Государю, восхваляя его заслуги въ дѣлѣ сохраненія мира въ Европѣ. Такія неожиданныя выходки сбивали съ толку тѣхъ, кто судилъ по готовымъ шаблонамъ.

По своимъ общимъ тенденціямъ Ключевскій, конечно, принадлежалъ къ прогрессивному лагерю. Въ одномъ изъ курсовъ, въ которомъ онъ довелъ изложеніе до Александра II, онъ высказался горячимъ сторонникомъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, видя въ нихъ логическое завершеніе многовѣковыхъ процессовъ русскаго государства. Онъ доказывалъ, что благодаря этимъ реформамъ Россія вступила въ заключительный періодъ исторіи; онѣ р а з р ѣ ш и л и сословный вопросъ и положили основаніе всесословному с а м о у п р а в л е н і ю. Въ эпоху подготовки Булыгинской Думы онъ былъ приглашенъ на Петергофское совѣщаніе; тамъ онъ сражался съ Н. А. Павловымъ, возражалъ противъ сословности выборовъ и пугалъ Государя народной враждебностью къ «мрачному

призраку сословнаго царя»; защищалъ и то положеніе Булыгинской Думы (зачатокъ конституціоннаго строя), по которому законопроектъ отвергнутый квалифицированнымъ большинствомъ Государю не могъ быть представленъ. Послѣ 17 октября я случайно присутствовалъ при его разговорѣ съ П. Б. Струве, только что вернувшимся изъ-за границы и слышалъ, какъ Ключевскій ему указывалъ на необходимость посвятить себя сейчасъ политическому воспитанію народа. Изъ этихъ отдѣльныхъ черточекъ ясно, куда шли его симпатіи. Но хотя для людей этого направленія въ 1905 г. наступилъ наконецъ долгожданный моментъ выступить активно, какъ политическимъ дѣятелямъ, тѣмъ не менѣе въ какую либо партію онъ тогда не вошелъ и не могъ бы войти. Не потому только, что не могъ бы себя подчинить чьему бы то ни было руководству; но цѣлая пропасть отдѣляла все-таки Ключевскаго отъ тогдашнихъ политическихъ партій и ихъ идеаловъ. Для того, чтобы заниматься активной политикой онъ слишкомъ мало былъ европейцемъ. Заграничную жизнь онъ мало зналъ и цѣнилъ; плохо зналъ языки; онъ былъ по натурѣ насквозь русскимъ человѣкомъ; любилъ русскую жизнь, русскую старину и русскую самобытность; любилъ то, чѣмъ русская жизнь отличалась отъ Запада и что она противъ Запада отстояла. Происходя изъ духовнаго званія, онъ сохранилъ прочныя симпатіи къ духовенству, какъ къ особому соціальному классу. Я вѣдь «клерикалъ», говорилъ онъ про себя, со своимъ юморомъ. Въ сельскомъ священникѣ не только прошломъ, но и настоящемъ онъ видѣлъ главнаго проводника культуры въ народѣ, представителя той своеобразной интеллигенціи, которая отъ народа не оторвалась и могла говорить съ нимъ на одномъ языкѣ. Недаромъ онъ читалъ лекціи въ Духовной Академіи, содѣйствуя ими научному образованію духовенства. Ключевскій стоялъ за движеніе и за прогрессъ; недостатковъ нашей старины не идеализировалъ, не рекомендовалъ ихъ охранять, какъ драгоцѣнные завѣты исторіи; но онъ былъ увѣренъ, что всѣ элементы прогресса уже заложены въ русской дѣйствительности и что ихъ вовсе не необходимо развивать непремѣнно по иностраннымъ образцамъ и шаблонамъ. Всѣ тѣ многочисленныя прогрессивныя партіи, которыя тогда выступали на арену политической жизни съ заимствованными отъ Запада кличками и

программами, съ европейскою тактикой, для него были глубоко ч у ж и м и. По многимъ сложнымъ причинамъ Ключевскій не любилъ и эпигоновъ славянофильства. Онъ былъ бы всего ближе къ неопредѣленной неорганизованной группѣ «народниковъ» уже потому, что былъ настоящимъ сыномъ народа и самымъ подлиннымъ демократомъ. Его было бы такъ же трудно представить себѣ живущимъ въ Европѣ, какъ блистающимъ въ свѣтскихъ гостиныхъ. Было смѣшно думать, что и онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ. Онъ оставался типичнымъ интеллигентомъ изъ разночинцевъ, котораго судьба не баловала и который пробился наверхъ только исключительными дарованіями и упорнымъ трудомъ. Оттого у него сохранилось недоброе чувство къ привиллегированнымъ и счастливчикамъ; не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но цѣлымъ группамъ и классамъ; такъ черезъ всѣ его лекціи проходитъ плохо скрытая непріязнь къ дворянскому сословію. Весь его обликъ носилъ слѣды ненормальнаго напряженія въ юные годы: жизненный успѣхъ ему дался недаромъ. Тщедушный и хилый, безъ развитой мускулатуры, результата спортивнаго воспитанія, онъ производилъ впечатлѣніе слабосильнаго. Но это была ошибка; какъ то при немъ стали говорить о физическомъ воспитаніи на тему о «mens sana in corpore sano». «Что такое выносливость и сила? замѣтилъ онъ; если человѣкъ можетъ работать 20 часовъ въ сутки и не спать подрядъ много ночей, развѣ это не выносливость? А годятся ли на это ваши спортсмены?» Настоящій аскетъ, преданный исключительно умственной жизни, замкнутый въ себѣ и въ памятникахъ русской исторіи, онъ любилъ миръ и тишину; развлекался тѣмъ, что зимой ходилъ въ гости, а лѣтомъ сидѣлъ съ удочкой у рѣки. Тѣ условія свободной политической жизни, которыя прогрессивныя партіи хотѣли въ Россіи ввести, построенныя на народоправствѣ и на господствѣ общественнаго мнѣнія, условія, которыя предполагали контроль за каждымъ шагомъ политическаго дѣятеля со стороны прессы и общества, требовали подчиненія директивамъ разныхъ партійныхъ съѣздовъ и комитетовъ, существованія вожаковъ, которыхъ выдвигаютъ толпа и популярность, весь этотъ необходимый при народоправствѣ политическій шумъ и суета были органически противны индивидуализму Ключевскаго. Потому на появленіе этихъ новыхъ

организацій, политическихъ партій, онъ глядѣлъ съ недовѣріемъ и опаской. Ему въ нихъ было нечего дѣлать, его умъ и привычки вели его иной дорогой.

Ключевскій былъ типичнымъ москвичемъ по характеру и очень популярнымъ въ настоящей Москвѣ человѣкомъ. Кто не зналъ его лекцій? Но какъ это часто бываетъ, большая публика знала и цѣнила въ курсахъ Ключевскаго не то, что въ нихъ было главнаго. Не говорю про научную сторону; ее конечно цѣнили спеціалисты и знатоки. Но широкая публика замѣчала въ его лекціяхъ не это, а особенно его острыя слова и злыя характеристики; они совпадали съ общимъ либеральнымъ отрицательнымъ къ старинѣ настроеніемъ и имъ Ключевскій былъ обязанъ значительной долей своей популярности. По тѣмъ же причинамъ многіе считали курсы Ключевскаго вредными: его упрекали, что онъ рисуетъ только темныя стороны нашей исторіи, развѣнчиваетъ нашихъ національныхъ героевъ; совершенно послѣдовательно и теперь, въ эпоху идеализаціи стараго эти курсы Ключевскаго утратили долю своего обаянія и прежніе ихъ поклонники своего былого восторга стыдятся. Сколько разъ я сейчасъ это мнѣніе слышалъ. Въ такой оцѣнкѣ однако больше оптическаго обмана, чѣмъ справедливости. Отрицаніе Ключевскаго вытекало вовсе не изъ нелюбви къ старинѣ и Россіи, а изъ основъ его моральнаго міровоззрѣнія. Ключевскаго всегда коробило отъ самоувѣренности, гордости, желанія выдѣлиться, блистать или властвовать. Къ героямъ исторіи онъ поэтому относился съ предвзятостью; онъ дѣйствительно любилъ ихъ развѣнчивать, обличать ихъ мишуру. По своему научному пониманію онъ вообще не придавалъ большого значенія личности; историческій процессъ для него развивался по законамъ общественной жизни, измѣнить которые личность не въ состояніи. Помню одинъ его разговоръ съ знаменитымъ астрономомъ Бредихинымъ, которому онъ шутливо по формѣ, но совершенно серьезно доказывалъ, что есть законы общественной жизни, которые безусловнѣе астрономическихъ. «Жизнь, какъ крестный ходъ, не разъ говаривалъ онъ, любившій церковные обряды. Напрасно тѣ, которые случайно идутъ въ переднихъ рядахъ толпы, воображаютъ, что они ведутъ за собой другихъ». И когда онъ встрѣчался съ людьми, которые претендовали управлять событіями, онъ былъ всегда радъ ихъ поставить на мѣсто. Его моральныя сим-

патіи шли къ людямъ другой категоріи, къ скромнымъ и незамѣтнымъ работникамъ, упорнымъ труженикамъ на томъ мѣстѣ, на которое судьба ихъ послала. Оттого то оцѣнка, съ которой онъ подходилъ къ историческимъ лицамъ, была часто такъ неожиданна. Характерны его взгляды на Петра. Онъ не могъ не осуждать его отношенія къ «отечественной старинѣ и народному быту»; его грубыхъ пріемовъ, которые сдѣлали, что «реформы Петра пронеслись надъ народомъ какъ тяжелый кошмаръ, всѣхъ напугавшій и никому непонятный». Но Петръ былъ «честный и искренній человѣкъ», умѣлъ «свой царскій д о л г ъ развить до самоотверженнаго служенія», не былъ мечтательнымъ доктринеромъ, «охотникомъ до досужихъ общихъ соображеній», самоувѣренно задумавшимъ на свой ладъ перестраивать жизнь. Петръ, по мнѣнію Ключевскаго, даже не подозрѣвалъ, что его реформы совершенно преобразуютъ Россію, а только безсистемно удовлетворялъ текущимъ насущнымъ нуждамъ страны, при этомъ не отступя передъ самой неблагодарной и черной работой; онъ «былъ хозяиномъ-чернорабочимъ, царемъ-мастеровымъ». И это мирило Ключевскаго съ Петромъ, и онъ его не развѣнчивалъ, хотя въ его описаніи Петръ вышелъ непохожъ на легенду и на свой каноническій образъ. Но зато тотъ-же Ключевскій съ язвительной насмѣшкой, почти съ ненавистью относился къ Екатеринѣ, съ злорадствомъ обличая несоотвѣтствія ея дѣлъ съ ея же либеральными фразами и съ удовольствіемъ разъясняя непоправимые промахи и вредъ для Россіи ея прославленной внѣшней политики. У Ключевскаго въ исторіи были с в о и любимцы и с в о и герои. Ихъ онъ находилъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Имъ былъ и ушедшій отъ міра отшельникъ Сергій Радонежскій, своимъ подвижничествомъ вернувшій несчастной русской землѣ вѣру въ себя; и упрямо защищавшіе с в о ю религію старообрядцы; и тотъ темный ревнитель стараго быта Андрей Ивановъ, самъ явившійся въ Преображенскій Приказъ обличить своего Государя Петра за «богопротивныя новшества», за что «съ нимъ разумѣется и было поступлено по закону»; и всѣми забытые «добрые люди» старой Руси, о которыхъ онъ напомнилъ Москвѣ своей публичной лекціей; и его любимецъ на тронѣ «добрая, славная душа» тишайшій Царь Алексѣй Михайловичъ, считавшій себя, несмотря на свое самодержавіе, беззащитнымъ передъ ка-

кимъ-то нахальнымъ монахомъ, отцомъ Микитой, казначеемъ Савина монастыря. Они были многообразны и многочисленны настоящіе герои и любимцы Ключевскаго, обликъ которыхъ онъ съ любовью возстанавливалъ въ своихъ лекціяхъ. Такихъ людей не цѣнятъ ихъ современники и забываетъ исторія. Они поглощаются понятіемъ «народа» и «общества». «Такъ и нужно, говорилъ Ключевскій; смерть есть забвеніе. Истинный символъ смерти не европейскій памятникъ, воздвигаемый въ похвалу опредѣленнаго умершаго человѣка, а нашъ русскій могильный холмъ, который ничьего имени съ собой не соединяетъ».

У человѣка съ такими взглядами были шансы остаться непонятымъ для тщеславныхъ и самодовольныхъ людей нашего вѣка. И недаромъ отъ нихъ, отъ ихъ любопытства и суеты онъ отгораживался маской шутки и остраго слова. Современные люди его понимали по-своему. Его иногда злыя, а иногда добродушныя насмѣшки надъ историческими личностями всѣми воспринимались съ большимъ удовольствіемъ; а идеала его не замѣчали и во всякомъ случаѣ имъ не соблазнялись. Да онъ его и не старался распространять и внушать; его идеалъ оставался при немъ. Ключевскій разспрашивалъ, наблюдалъ, выносилъ въ душѣ свои приговоры и ни съ кѣмъ вмѣстѣ не шелъ. Въ эпоху освободительнаго движенія и введенія конституціоннаго строя, многіе активные политики воображали, что его убѣдили и перевели въ близкій имъ лагерь. Что онъ про нихъ дѣйствительно думалъ, онъ унесъ съ собою въ могилу; но оставался все время въ сторонѣ отъ движенія.

Послѣднее мѣсто въ этомъ очеркѣ я оставилъ П. Г. Виноградову. Не потому, что лично больше всего былъ связанъ именно съ нимъ и ему очень многимъ обязанъ; а потому, что онъ для меня является идеаломъ университетскаго преподавателя. Не мнѣ судить о немъ, какъ объ ученомъ; приглашеніе его въ Оксфордъ и его міровая извѣстность говорятъ за себя. Я могу вспоминать о немъ только какъ объ исключительномъ преподавателѣ, который могъ создать и до нѣкоторой степени создалъ въ Московскомъ университетѣ цѣлую ученую школу. Въ Виноградовѣ сочетались оба главныхъ свойства большого ученаго: память и творчество. Обладаніе громаднымъ, уже накопленнымъ запасомъ знаній и фактовъ, безъ котораго современную науку двигать нельзя, и умѣніе этимъ запа-

сомъ владѣть, не попадая ему подъ власть, не становясь на готовыя рельсы, съ которыхъ нельзя уже сойти. Только сочетаніемъ этихъ двухъ свойствъ можно избѣгнуть опасности стать или ученымъ тупицей, шкапомъ съ книжными полками, или талантливымъ «фантазеромъ» въ наукѣ. Многое знать и не потерять способности творить — въ этомъ мѣрило ученаго. Это Виноградовъ умѣлъ дѣлать съ державной легкостью. Въ немъ не было блеска Ключевскаго, онъ о немъ и не заботился. У него и не уходило столько времени и труда на то, чтобы отчеканивать свое изложеніе. Курсы Виноградова ежегодно мѣнялись и онъ не сталъ бы ждать шести мѣсяцевъ, чтобы ему «наклонилась тема». Но о чемъ бы съ нимъ ни говорили, въ его распоряженіи всегда находилась масса аналогій, сравненій, иллюстрацій изъ разныхъ эпохъ и народовъ, которыя показывали съ кристальной ясностью, что въ исторіи все совершается по непреложнымъ законамъ общественной жизни, что въ ней нѣтъ ничего необъяснимаго. Въ обнаруженіи и опредѣленіи этой закономѣрности былъ лейтъ-мотивъ Виноградовскихъ лекцій и его научныхъ работъ. При этомъ идею этой закономѣрности онъ намъ не навязывалъ, не внушалъ «a priori», какъ аксіому своей исторической философіи. Это былъ простой логическій выводъ, къ которому каждый естественно самъ приходилъ, усвоивъ его изложеніе. Онъ читалъ между прочимъ исторію Среднихъ Вѣковъ; этотъ курсъ для многихъ былъ трудень и совсѣмъ непохожъ на то, какъ эту исторію обыкновенно читаютъ. «Мой идеалъ, сказалъ онъ мнѣ разъ, прочитать исторію среднихъ вѣковъ, не назвавъ ни одного собственнаго имени. Они не нужны для ея пониманія». Но можетъ быть именно эта отвлеченность, сближавшая его исторію съ соціологіей, сдѣлала его учебникъ для гимназій мало понятнымъ и интереснымъ для школьниковъ средняго возраста.

Но въ чемъ Виноградовъ былъ незамѣнимъ — были его семинаріи. Онѣ давали не меньшее эстетическое наслажденіе, чѣмъ лекціи Ключевскаго и при этомъ наслажденіе болѣе цѣнное. Виноградовъ умѣлъ заставить студентовъ работать передъ собой; вызывалъ возраженія, старался отыскать въ каждой сказанной глупости или напыщенности зерно правильной мысли; принимался развивать чужую идею, показывая, куда она приводила и гдѣ находилась ошибка. При этомъ онъ все освѣщалъ такой массой

примѣровъ и аналогій, не исключая и современной намъ жизни, что логика историческихъ фактовъ сама собой обнаруживалась, а событія современныя получали новое объективное освѣщеніе.

Виноградовъ не хуже Герье понималъ неподготовленность нашихъ студентовъ для серьезной работы; но онъ не построилъ на ней системы преподаванія, не сдѣлалъ задачей университета замѣнить собой то, чего гимназія не давала. Онъ устроилъ параллельные семинаріи. Одинъ обязательный, общій, другой необязательный, для избранныхъ, какъ мы говорили не безъ претензіи, для «спеціалистовъ»; въ этомъ послѣднемъ и шло наше настоящее научное воспитаніе. Эти семинаріи были не многолюдны; но какъ и лекціи Ключевскаго они привлекали посторонню ю публику; только шли сюда люди съ болѣе серьезными интересами, не затѣмъ, чтобы прослушать одну эффектную лекцію. Помню, какъ на нихъ появился и аккуратно за ними слѣдилъ скромный и молчаливый господинъ, никому незнакомый, въ штатскомъ платьѣ, въ очкахъ. Его упорное присутствіе насъ интриговало, тѣмъ болѣе, что никто не зналъ, кто онъ такой. Въ немъ стали подозрѣвать «наблюдателя». Первый разъ когда онъ обратился къ Виноградову съ какимъ то вопросомъ, тотъ воспользовался случаемъ, чтобы узнать, «съ кѣмъ онъ имѣетъ удовольствіе говорить?» Это оказался оставленный при университетѣ по каѳедрѣ римскаго права А. Э. Вормсъ; позднѣе мы съ нимъ очень дружили и я ему былъ многимъ обязанъ, — когда сталъ сдавать экзамены на юридическомъ факультетѣ. Хотя научные интересы Вормса были въ иной области знанія, и юридическій факультетъ онъ уже окончилъ, семинаріи Виноградова были не только полезны ему, но, какъ Вормсъ мнѣ говорилъ, впервые показали ему, как ъ нужно работать. Я могъ бы самъ засвидѣтельствовать, по своему опыту, что, когда я былъ уже юристомъ и практикомъ, школа мысли, которой насъ научилъ Виноградовъ, мнѣ не разъ оказывалась очень полезной. На этихъ же семинаріяхъ усерднымъ работникомъ былъ Гершензонъ, знатокъ и поклонникъ московской старины; «одинъ въ Россіи остался славянофилъ, да и тотъ еврей», острилъ про него Н. А. Хомяковъ. Блестящій, увлекательный стилистъ и писатель, но не умѣвшій связать двухъ словъ устно, тонкій, изящный эстетъ, при этомъ съ

утрированной, почти каррикатурной семитической внѣшностью.

Въ личности Виноградова было мало загадочнаго; онъ просто былъ очень даровитый, нормальный человѣкъ, съ дѣтскихъ лѣтъ превосходно воспитанный, разносторонне и широко образованный, европеецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, болѣе европеецъ, чѣмъ многіе представители Запада, которымъ уже успѣла пріѣсться культура Европы. Крупнаго, сильнаго сложенія, на рѣдкость здоровый (онъ не зналъ, что такое головная боль, даже если былъ боленъ), неутомимый въ работѣ, онъ поражалъ глубиной и главное отчетливостью всѣхъ своихъ знаній, разнообразіемъ интересовъ и вкусовъ. Казалось все ему давалось легко и было доступно; онъ былъ не только ученый историкъ и соціологъ; онъ обо в с е м ъ имѣлъ опредѣленное точное представленіе; зналъ превосходно европейскую литературу, любилъ и хорошо понималъ музыку и другія искусства; былъ даже шахматистомъ, игрокомъ первой категоріи въ московскомъ шахматномъ клубѣ. Разъ зашла рѣчь о флотѣ; онъ перечислилъ на память наши боевыя суда, съ точнымъ указаніемъ водоизмѣщенія каждаго (правда у него былъ братъ морякъ). Его обширныя знанія, которыя онъ всегда носилъ при себѣ, давали ему въ себѣ большую увѣренность; она сказывалась въ его тонѣ, важномъ, нѣсколько торжественномъ, которымъ онъ высказывалъ всегда категорическія утвержденія, не колебанія или сомнѣнія. Это былъ спокойный, даже нѣсколько равнодушный человѣкъ, которому все происходящее казалось логично и ясно. Ничто не могло вывести его изъ душевнаго равновѣсія; оттого онъ сохранилъ и способность смѣяться такимъ заразительнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

Когда я сталъ студентомъ филологомъ, я былъ очень съ Виноградовымъ близокъ и могъ пристально его наблюдать. Но въ первый разъ я увидѣлъ его и поддался его обаянію, когда я еще былъ очень далекъ отъ тѣхъ интересовъ, которые насъ потомъ съ нимъ связали. Я былъ тогда студентомъ естественникомъ и увидѣлъ Виноградова на диспутѣ моего стараго учителя по гимназіи А. Н. Гилярова, сына издателя «Современныхъ Извѣстій» Н. П Гилярова-Платонова.

Я пошелъ на этотъ диспутъ исключительно потому, что Гиляровъ былъ однимъ изъ немногихъ, чтобы не ска-

зать совершенно единственнымъ изъ моихъ гимназическихъ учителей, о которомъ я сохранилъ хорошее воспоминаніе. Онъ преподавалъ у насъ логику; этотъ предметъ вообще былъ въ загонѣ и къ нему всѣ относились формально и даже небрежно, тѣмъ болѣе, что экзамена по логикѣ не было. Формально относился и самъ Гиляровъ; онъ не шелъ обычнымъ путемъ, которымъ учатъ въ гимназіи, т. е. не отдавалъ всего времени на то, чтобы «спрашивать» и «ставить отмѣтки». Его урокъ былъ чѣмъ то другимъ; онъ «спрашивалъ» только излюбленныхъ учениковъ и это спрашиванье превращалось въ діалогъ и даже просто въ его монологъ, въ которомъ онъ старался ученика расшевелить, вызвать его на реплики и возраженія, узнать его интересы и сообщить ему кое-что, о чемъ онъ не думалъ. Пока шелъ такой разговоръ, большинство гимназистовъ его не слушало, подготавливая урокъ для болѣе требовательныхъ учителей или просто развлекаясь по-своему. Гиляровъ все это зналъ, но относился къ этому вполнѣ равнодушно; «не интересуетесь, какъ вамъ угодно». Гиляровъ былъ единственнымъ учителемъ гимназіи, учась у котораго, мы не думали не только объ экзаменахъ, но и о томъ, что онъ будетъ насъ «спрашивать», провѣрять и ставить отмѣтки; мы слушали его только поскольку его слова казались намъ интересными. Нужно вообще сказать, что перспектива экзаменовъ играла въ гимназическомъ преподаваніи не малую роль; лично я къ экзаменамъ чувствовалъ непреодолимую слабость, какъ къ своеобразному спорту. По поводу гипноза, въ которомъ переходные экзамены держали учениковъ, вспоминаю одну остроту Ключевскаго. Онъ какъ то началъ, какъ всегда въ красочныхъ параллеляхъ, опредѣлять разницу между своими слушателями и слушательницами — студентами и курсистками. Сравнивая, что любили одни и не любили другіе, что имѣло успѣхъ у однихъ, а у другихъ пропадало, онъ между прочимъ отмѣтилъ, что студенты гораздо лучше курсистокъ понимали вопросы закона и права, а зато курсистки лучше схватывали подробности и описанія б ы т а. «Это потому, говорилъ онъ, что курсистки всегда себя спрашиваютъ, ч т о я въ такомъ положеніи стала бы дѣлать и какъ себя стала бы чувствовать; а студенты заботятся только объ одномъ: какъ я объ э т о м ъ буду отвѣчать на экзаменѣ?» Въ свое время я очень любилъ уроки Гилярова и когда случайно услышалъ, что

онъ, бывшій въ то время профессоромъ какого-то изъ южныхъ университетовъ, защищаетъ у насъ диссертацію, пошелъ его слушать, заранѣе апплодируя его торжеству.

Диссертація была о софистахъ Древней Греціи. Смутно припоминаю, что въ обществѣ и до и особенно послѣ диспута ходили нелестные слухи и о книгѣ и о самомъ диспутантѣ. Если не ошибаюсь, этотъ трудъ уже былъ забракованъ въ какомъ то другомъ университетѣ и только по чьей-то протекціи былъ факультетомъ принятъ въ Москвѣ. А самъ Гиляровъ, столь передовой и либеральный какъ учитель гимназіи, оказался подлиннымъ обскурантомъ, какъ университетскій преподаватель. Быть можетъ именно эти сенсаціонные слухи переполнили актовый залъ, гдѣ былъ диспутъ; но эти слухи прошли тогда мимо меня, и я явился на диспутъ исключительно по симпатіи къ старому преподавателю.

Какъ полагалось, диспутъ открылся пространнымъ вступительнымъ словомъ Гилярова. Изъ того немногаго, что изъ этой длинной рѣчи въ моей памяти уцѣлѣло, я только помню намекъ Гилярова на французскую революцію. «Я не отрицаю значенія идей, говорилъ Гиляровъ, повторяя этимъ фразу, которую отъ него не разъ слыхалъ и въ гимназіи; я думаю, что достоинство человѣка опредѣляется свойствомъ идей, которымъ онъ вѣритъ; но у меня есть все же глаза, я не могу не видѣть, что идеи свободы, братства и равенства Французской революціи привели къ господству якобинцевъ, которые залили кровью Францію, а потомъ къ владычеству Наполеона, который залилъ кровью Европу». Диссертація была представлена къ каѳедрѣ философіи. Какое отношеніе къ ней имѣла ссылка на революцію и Наполеона я уже не помню, но отчетливо помню, что это б ы л о имъ сказано. Первымъ возражалъ Н. Я. Гротъ; его споръ съ Гиляровымъ превратился скоро въ горячую, язвительную и непріятную перепалку. У обоихъ сказывалось личное раздраженіе. Гротъ казался пристрастнымъ; Гиляровъ въ свою очередь былъ рѣзокъ и грубъ. Атмосфера накаливалась, публика нервничала и своими апплодисментами подливала масло въ огонь. Помню, какъ на какое-то критическое замѣчаніе Гиляровъ не постѣснялся отвѣтить ему: «а какъ же вы мнѣ писали въ такомъ то письмѣ, что моя диссертація блестяща»? Часть публики стала неистово апплодировать, а пораженный этими апплодисментами, еще больше чѣмъ са-

мимъ отвѣтомъ, Гротъ сконфузился и нашелся только сказать: «Къ какимъ однако пріемамъ вы прибѣгаете». Словомъ диспутъ шелъ не въ академической серьезной обстановкѣ, а какъ будто на митингѣ. Диспутантъ не сдавался и всегда сохранялъ за собой послѣднее слово. Но все перемѣнилось, когда очередь дошла до Виноградова. Я въ первый разъ тогда его увидалъ и услыхалъ этотъ ровный, спокойный, громкій голосъ, отчеканивающій каждое слово, особенно концы словъ и фразъ, какъ будто онъ боялся обычнаго недостатка ихъ проглатывать. Виноградовъ началъ съ того, что отъ философа по спеціальности, даже когда онъ говорилъ объ исторической темѣ, нельзя требовать той осторожности и того критическаго отношенія къ литературнымъ источникамъ, безъ которой нельзя быть историкомъ. Однако есть минимумъ, ниже котораго нельзя опускаться; въ своей работѣ Гиляровъ переступилъ этотъ минимумъ. Послѣдовали указанія и обличенія, доказывающія, что Гиляровъ не отличалъ добросовѣстныхъ историческихъ источниковъ отъ простыхъ тенденціозныхъ памфлетовъ. Гиляровъ сначала отвѣчалъ бодро и самоувѣренно, но потомъ его тонъ сталъ все понижаться. Не кипятясь и не горячась, спокойно и вѣжливо, но съ убійственной ясностью и категоричностью Виноградовъ доказывалъ и обнаруживалъ всю ненаучность Гиляровскихъ методовъ, его полное равнодушіе къ исторической истинѣ. Отвѣты Гилярова стали превращаться въ попытки самооправданія, въ желаніе отстоять по крайней мѣра свою bona fides и благовидно объяснить свои погрѣшности. Онъ иногда задавалъ оппоненту вопросы, какъ бы приглашая его растолковать то, чего Гиляровъ не понялъ. На всѣ эти вопросы онъ готчасъ получалъ обстоятельныя разъясненія, изъ которыхъ становилось для всѣхъ очевидно, что въ этихъ вопросахъ мудренаго нѣтъ ничего, но что Гиляровъ писалъ о томъ, чего онъ не знаетъ и хуже того, чего не постарался узнать. Подъ конецъ Гиляровъ совсѣмъ замолчалъ. Я помню его фигуру на каѳедрѣ, какъ бы съежившуюся, съ умоляющими глазами, устремленными на Виноградова, боящуюся раскрыть ротъ, чтобы не получить новаго удара. Казалось онъ желалъ теперь одного, чтобы экзекунія поскорѣе окончилась. Но покончивъ съ его диссертаціей, Виноградовъ обратился къ вступительной рѣчи. Онъ установилъ логическую связь между той тенденціей, которою была пропитана вся его

книга въ ея исторической части и его рѣчью, въ которой онъ «съ большой смѣлостью, и, извините меня, съ непростительной дерзостью», трактовалъ, походя, о такомъ грандіозномъ событіи, какъ французская революція. И Виноградовъ приходилъ къ одному выводу, какъ бы къ объясненію всей Гиляровской книги; «все построеніе ваше, говорилъ онъ, продиктовано однимъ политическимъ настроеніемъ. Это настроеніе — ваша непріязнь, я могу сказать, ваша ненависть къ демократіи — и въ этомъ смыслѣ вашъ трудъ характеренъ, какъ знаменіе того печальнаго времени, которое мы переживаемъ». Все это было сказано тономъ, недопускающимъ колебанія, за которымъ скрывалось такое обиліе аргументовъ, что оно заставило замолчать и такого бойкаго на языкъ человѣка, которымъ былъ Гиляровъ. Этотъ диспутъ былъ не только тріумфомъ ученаго. Въ области исторіи Гиляровъ и Виноградовъ были конечно несоизмѣримы. Но если вспомнить, что все это происходило въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ царствованіе Александра III, при министрѣ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновѣ, и графѣ Д. А. Толстомъ, какъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, черезъ годъ послѣ того, какъ М. М. Ковалевскій былъ лишенъ каѳедры, то нельзя не признать, что выступленіе Виноградова было и смѣлымъ политическимъ актомъ.

Я могу сказать, что Виноградовъ вообще имѣлъ le courage de son opinion, и взглядовъ своихъ не скрывалъ. Вскорѣ послѣ этого диспута, онъ открылъ на юридическомъ факультетѣ необязательный курсъ по исторіи государственнаго права, т. е. по каѳедрѣ уволеннаго М. Ковалевскаго. Виноградовскій диспутъ такъ меня поразилъ, что я пошелъ послушать его вступительную лекцію. Онъ началъ ее похвальнымъ словомъ предшественнику и кончилъ словами, въ которыхъ тогда всѣ увидѣли вызовъ: «если не по объему и достоинству, то по направленію мой курсъ будетъ всецѣло примыкать къ курсу М. М. Ковалевскаго».

Еще до 905 года Виноградовъ окончательно покинулъ не только Московскій университетъ, но и Россію и былъ приглашенъ профессоромъ въ Оксфордъ. Тамъ я встрѣтилъ его, когда онъ принималъ парламентскую делегацію, которая въ 1907 году ѣздила въ Англію. Виноградову съ его взглядами, съ его европеизмомъ было нелегко жить въ Россіи. И если мы не можемъ себѣ представить Клю-

чевскаго внѣ Россіи, то Виноградова гораздо лучше видимъ въ Европѣ. Напротивъ, ему было трудно ужиться въ Россіи, не только съ правительствомъ, но и съ нашей общественностью. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Европу, былъ слишкомъ подлиннымъ европейцемъ, чтобы не понимать, что неудачи и бѣды Россіи происходятъ не только по винѣ нашей власти, но и по неподготовленности, несерьезности нашего общества. Освободительному движенію съ конечными его идеалами онъ не могъ не сочувствовать, но онъ понималъ, что «дѣло вѣковъ исправлять не легко», что одна свобода и народоправство не исцѣлили бы Россіи отъ тѣхъ привычекъ, которыя ей привилъ нашъ неразумный абсолютизмъ. Виноградовъ не раздѣлялъ увлеченій кадетской программы. Въ моей памяти запечатлѣлась одна изъ рѣдкихъ политическихъ статей Виноградова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», объ основахъ русской конституціи и избирательнаго закона. Виноградовъ былъ сторонникомъ двухпалатной системы; не безъ иронiи относился къ максимализму нашихъ политическихъ партій, къ ихъ претензіямъ ввести сразу всѣ послѣднія слова европейскихъ демократій. «Надо же оставить что-нибудь и для будущихъ поколѣній», шутилъ онъ. Но главный вопросъ, который онъ ставилъ, былъ вопросъ объ избирательномъ правѣ, ибо отъ него зависѣлъ характеръ и судьба будущей государственной власти. Онъ категорически стоялъ за двухстепенность выборовъ, осуждая пресловутую четырехвостку. Онъ понималъ, что въ крестьянской Россіи ц е н з о в ы х ъ выборовъ дѣлать нельзя; зналъ, что въ Россіи нѣтъ матеріала для аристократіи, что отстранять крестьянъ отъ государственной жизни безуміе. Но именно потому, что всеобщее избирательное право онъ считалъ неизбѣжнымъ, онъ настаивалъ на непремѣнной двухстепенности выборовъ; благодаря ей русскій парламентъ могъ бы найти основу въ мѣстномъ самоуправленіи, въ развитіи котораго Виноградовъ видѣлъ необходимую школу для народа и потому первѣйшую задачу новой Россіи. На эту статью ему тогда отвѣчалъ Милюковъ; онъ напротивъ стоялъ за однопалатную систему и за четырехвостку, которыя по его мнѣнію дѣлали народное представительство болѣе сильнымъ для борьбы съ исторической властью. Разница двухъ міровоззрѣній сказалась въ этой полемикѣ. На одной сторонѣ былъ настоящій европеецъ, который остался историкомъ

и поэтому не забылъ, что демократія съ четырехвосткой совсѣмъ не панацея и годна не для всѣхъ. Этотъ европеецъ нѣсколько свысока, какъ посторонній, смотрѣлъ на нашу народную некультурность, мирился съ ней, какъ съ совершенно естественнымъ зломъ, которое нельзя игнорировать въ угоду политическимъ симпатіямъ и соображеніямъ. А на другой сторонѣ былъ активный «политикъ», варившійся въ атмосферѣ повседневной борьбы, поневолѣ приспособлявшій свои взгляды къ практическимъ цѣлямъ, которыя въ то время преслѣдовались; ему приходилось изъ тактики настаивать на четырехвосткѣ, закрывая глаза на ея недостатки, не считаясь съ тѣмъ, что русское общество и народъ своей политической зрѣлости еще не доказали. Въ этомъ пунктѣ они должны были бы разойтись. Если бы Виноградовъ послѣ 905 г. остался въ Россіи, русская партійная жизнь такъ же безжалостно бы прошла мимо него, не использовавъ его дарованій, какъ она прошла мимо многихъ изъ тѣхъ, кто по своимъ достоинствамъ и заслугамъ представляли въ то время лучшую часть русскаго общества, но не хотѣли послушно идти за толпой и ея вожаками. Виноградовъ по своему темпераменту и складу ума уже переросъ увлеченія и иллюзіи дѣтскаго періода нашей политической свободы, когда партіи и ихъ лидеры не только работали на пользу Россіи, но кромѣ того и играли въ Европу. Отъѣздъ Виноградова въ Англію во время конституціоннаго переустройства Россіи былъ простымъ совпаденіемъ, но онъ же явился и символомъ.

Я былъ обязанъ Виноградову тѣмъ, что если не сталъ ученымъ и профессоромъ, какъ онъ на это разсчитывалъ, то все же извѣдалъ соблазны научнаго творчества. Этотъ эпизодъ моей жизни связанъ съ работой въ его семинаріи.

В. Маклаковъ.

Jonesh Eneo
Château de Luz.

Изъ жизни Московскаго Университета въ XIX столѣтіи

(По воспоминаніямъ трехъ поколѣній).

Въ Московскомъ университетѣ на всѣхъ факультетахъ и на протяженіи почти трехъ четвертей минувшаго вѣка учились мои дѣды, отецъ, дяди, двоюродные братья и я, всего 16 человѣкъ, родственно связанныхъ между собою и принадлежавшихъ къ тремъ послѣдовательнымъ поколѣніямъ. Ребенкомъ слышалъ я разсказы о Московскомъ университетѣ, ученикомъ провинціальной гимназіи мечталъ попасть въ него, юношею сопоставлялъ свои студенческія впечатлѣнія съ воспоминаніями двоюродныхъ братьевъ, сперва старшихъ, а потомъ и младшихъ. Думается, есть мнѣ о чемъ разсказать, и было бы еще больше, если бы не двѣ заминки разомъ: во-первыхъ, ни одинъ изъ насъ въ своихъ отношеніяхъ къ alma mater дальше оставленнаго при университетѣ не пошелъ (кто и занялъ впослѣдствіи каѳедру, такъ не въ Москвѣ); а, во-вторыхъ, память моя уже надломилась. И оказывается, что помню я лишь о томъ, чѣмъ старѣйшій русскій университетъ оборачивался даже не ко всей толщѣ обучаемыхъ, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ, и помню не сплошь, а островами, да и берега ихъ во многихъ мѣстахъ обвалились, подточенные временемъ. Но искушеніе велико: меньше остается будущаго, — дороже становится прошлое, и свое, личное, и воспринятое съ чужихъ словъ, особенно въ дѣтствѣ, когда вниманіе было ненасытно, а запоминать не требовало усилій. На концѣ жизни — впереди тупикъ, а сзади — огромное пространство, и свѣжій вѣтеръ съ этого простора бодритъ и молодитъ.

I.

Дѣды мои (братья моей бабки съ материнской стороны), будучи студентами, ходили еще въ мундирахъ съ малиновыми (а не голубыми) воротниками: было это въ первой половинѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, до введенія въ дѣйствіе устава 1835 г. Два знаменитые сверстника дѣдовъ, Герценъ и Гончаровъ, какъ извѣстно, дали каждый свою оцѣнку университетскому преподаванію того времени: Гончаровъ — благопріятную, а Герценъ — неблагосклонную. Со словъ обоихъ дѣдовъ я считаю, что Гончаровъ былъ справедливѣе Герцена въ отзывѣ объ университетѣ. Да и дѣйствительно, тридцатые годы — примѣчательная пора въ исторіи русской общественности: люди сороковыхъ годовъ духовно созрѣвали въ окруженіи посѣва тридцатыхъ, а вѣдь реформы шестидесятыхъ — дѣтище людей, выступившихъ на общественное поприще въ сороковыхъ, отчасти еще въ тридцатыхъ годахъ, и достигшихъ вліянія къ шестидесятымъ (кто — перомъ, кто — на каѳедрѣ, кто — въ министерствахъ). Кипѣніе мыслящей Москвы, увлеченіе тридцатыхъ годовъ нѣмецкою философіею, западноевропейскою литературою и вопросомъ о путяхъ Россіи не могло захватить въ университетѣ однихъ студентовъ, обойдя всѣхъ профессоровъ; и если были тогда (какъ вездѣ и во всякое время) плохіе профессора (или отжившіе, или отъ природы тусклые), то и на студенческихъ партахъ и въ гостиныхъ у передовыхъ москвичей не всѣ же были свѣтилами. Нельзя бездоказательно предположить и трудно доказать, что К. Аксаковъ, Бодянскій, Бѣлинскій, Герценъ, Гончаровъ, Лермонтовъ, Огаревъ, Станкевичъ (намѣренно называю ихъ въ порядкѣ азбуки) — всѣ они такъ-таки ничѣмъ не обязаны университету, и что умиленныя воспоминанія тургеневскаго Лежнева о своемъ студенчествѣ не являются ни въ какой степени данью признательности университетскимъ преподавателямъ. Показателенъ примѣръ моихъ дѣдовъ, именно потому, что это — примѣръ рядовыхъ студентовъ той поры, воспитывавшихся въ семейной обстановкѣ, достаточно старозавѣтной, едва тронутой новыми вѣяніями, и въ университетѣ дружившихъ съ Гончаровымъ, который и самъ предпочиталъ тихія заводи: одинъ изъ дѣдовъ, окончившій, какъ и Гончаровъ, словесный факультетъ,

всю жизнь занимался переводами французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ (я помню его стихотворные переводы «Сида» и «Родогюны» Корнеля, «Каина» и «Мазепы» Байрона и второй части «Фауста» Гете), а другой дѣдъ, окончившій послѣдовательно юридическій (кажется, тогда все еще называвшійся этико-политическимъ) и медицинскій факультеты, но затѣмъ посвятившій себя педагогической дѣятельности, досуги свои заполнялъ переводомъ псалмовъ съ подлинника, составленіемъ комментарія къ псалмамъ и многолѣтнею работою по исчерпывающему опроверженію Давида Штрауса и Ренана. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о цѣнности всѣхъ этихъ трудовъ, я отмѣчаю ихъ какъ свидѣтельство вкусовъ, привитыхъ моимъ дѣдамъ университетомъ, чего они оба не отрицали.

Изъ числа своихъ профессоровъ дѣды чаще вспоминали Павлова (Михаила Григорьевича) и Надеждина (Николая Ивановича), двухъ незаурядныхъ шеллингіанцевъ. О Павловѣ съ похвалою отзывается и Герценъ, въ запискахъ котораго я впервые вычиталъ, что Павловъ преподавалъ физику и сельское хозяйство; со словъ же обоихъ дѣдовъ я думалъ, что онъ былъ профессоромъ философіи: фамиліи Шеллинга и Окена съ дѣтства у меня соединены съ фамиліею Павлова. По отзыву Герцена, Павловъ и на самомъ дѣлѣ лишь пользовался своею каѳедрою для того, чтобы знакомить слушателей съ нѣмецкою идеалистическою философіею. И онъ не только знакомилъ ихъ, онъ ихъ увлекалъ: уже въ восьмидесятыхъ годахъ, полвѣка спустя, дѣдъ-медикъ (онъ же юристъ) положительно свѣтлѣлъ, говоря о Шеллингѣ и его облагораживающемъ вліяніи на человѣка.

Остальные профессора, запомнившіеся дѣдамъ съ хорошей стороны, были, начиная Надеждинымъ, всѣ словеснаго факультета, который, повидимому, первенствовалъ тогда въ университетѣ. Надеждинъ, профессоръ логики, теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, выдавался какъ ораторъ, не читавшій по тетрадкѣ, а говорившій свободно и легко; пусть онъ сбивался и на древнюю исторію и на ту же философію, пусть при этомъ его знанія уступали знаніямъ Павлова, а лекціи, на оцѣнку К. Аксакова и Станкевича, не удовлетворяли строго научнымъ требованіямъ, но онъ умѣлъ заражать слушателей своимъ горѣніемъ, вести ихъ за собою, быть для нихъ камертономъ, а это — заслуга немалая. Какъ Гончарову, такъ и моимъ дѣдамъ На-

деждинъ не казался безразлично относящимся къ тому, о чемъ проповѣдывалъ съ каѳедры, и если К. Аксаковъ не ошибся, подозрѣвая его въ сухости, то, значитъ, у Надеждина былъ несомнѣнный талантъ актера. Въ качествѣ ученаго онъ не пролагалъ новыхъ путей, въ качествѣ критика отставалъ отъ времени, зато въ качествѣ педагога явился добрымъ сѣятелемъ. Обаяніе устнаго слова по смерти оратора отходитъ въ область преданія, но было бы неблагодарно не помянуть добрымъ словомъ того, кто, и не войдя въ исторію науки и не оставивъ яркаго слѣда въ исторіи словесности, способствовалъ духовному росту молодежи.

Послѣ Павлова и Надеждина, уже подъ чертою, въ нижнемъ, такъ сказать, этажѣ сохранила память моихъ дѣдовъ лекціи Каченовскаго (Михаила Трофимовича), профессора русской исторіи, затѣмъ Шевырева (Степана Петровича), тогда, кажется, еще адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей словесности, и Давыдова (Ивана Ивановича), читавшаго въ то время исторію русской литературы. Каченовскій, отъ котораго мы привычно отворачиваемся, слѣдуя внушеніямъ Пушкина, былъ почтеннымъ, хоть и небольшимъ ученымъ и полезнымъ, хоть и не блестящимъ преподавателемъ; свой научный скептицизмъ онъ простиралъ слишкомъ далеко, отвергая, напр., подлинность «Слова о полку Игоревѣ» 1), но вдумчивый и осторожный его подходъ къ баснословію въ исторіи несомнѣнно заставлялъ студентовъ пріучаться къ критическому мышленію. Выше средняго былъ по учености и уму Давыдовъ; онъ отпугивалъ отъ себя молодежь своимъ искательствомъ передъ начальствомъ и неразборчивостью въ средствахъ для продвиженія; но чего-чего онъ не зналъ: преподавалъ и философію, и высшую алгебру, и латинскій языкъ, и русскую словесность (въ разное, конечно, время); въ началѣ 30-хъ годовъ вышла вторымъ изданіемъ его грамматика

1) Наводитъ на поучительныя размышленія о національныхъ свойствахъ русскихъ и чеховъ то, что русская наука, при полномъ равнодушіи общества, сразу ополчилась на «Слово о полку Игоревѣ», какъ на подлогъ, и встрѣтила возраженія своей ошибкѣ со стороны одного Пушкина, котораго ученые поддержали только позже, тогда какъ поддѣлка Кралеводворской и Зеленогорской рукописей вскрыта была у чеховъ лишь съ теченіемъ времени, причемъ ученымъ пришлось бороться, выдерживая нападки возмущеннаго общественнаго мнѣнія.

греческаго языка (правда, несамостоятельная, но вѣдь такими же болѣе или менѣе были и позднѣйшія); владѣлъ онъ и рѣчью, велъ хорошо и практическія занятія; студенты ходили на его лекціи не безъ пользы, но чувствовали, что онъ равнодушенъ и къ своему предмету и къ вопросамъ духа. Шевыревъ, какъ потомъ считали дѣды, не превышалъ посредственности, но тогда онъ только что началъ и умѣлъ сообщать слушателямъ свой молодой интересъ къ древней и къ западноевропейской литературѣ. Постоянныя занятія моего дѣда-словесника переводами иностранныхъ поэтовъ брали, видимо, начало изъ озера впечатлѣній, почерпнутыхъ дѣдомъ именно на лекціяхъ Шевырева и оставшихся дѣйственными до самой смерти ученика.

Вотъ, кажется, и все, что я донесъ къ своему концу изъ разсказовъ обоихъ дѣдовъ о профессорахъ, которыхъ они слушали съ охотою и пользою. Упоминалъ какъ-то дѣдъ-медикъ, ставшій педагогомъ, о Побѣдоносцевѣ (Петрѣ Васильевичѣ) и часто говорилъ о Погодинѣ (Михаилѣ Петровичѣ), но я не могу утверждать, что онъ былъ ихъ слушателемъ, хотя бы случайнымъ. Немудрено, что разговоръ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, да еще въ Москвѣ, неоднократно касался Погодина; а то, что дѣдъ разсказалъ однажды о Побѣдоносцевѣ, я здѣсь передамъ вкратцѣ: оно рисуетъ личность этого профессора, не какъ преподавателя, а какъ человѣка, настолько своеобразно, что я и до сихъ поръ помню отчетливо, точно вчера было. Заговорили о Константинѣ Петровичѣ Побѣдоносцевѣ, входившемъ тогда въ силу. Кто-то выразилъ недоумѣніе, какъ могъ сынъ дьякона попасть въ училище правовѣдѣнія. Другой кто-то возразилъ, что онъ внукъ дьякона, а отецъ его былъ профессоромъ университета. Тогда дѣдъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ приблизительно слѣдующее: «Побѣдоносцевъ дѣйствительно сынъ старика Петра Васильевича, бывшаго профессоромъ университета въ мое время. Но раньше Петръ Васильевичъ былъ дьякономъ. Рано овдовѣвъ, онъ пожелалъ жениться вторично и разстригся. Вы знаете, какъ трудно слагать съ себя духовный санъ; но онъ добился; мало того, — умѣлъ стать и профессоромъ; тоже, должно быть, не такъ ужъ легко далось. У него было нѣсколько сыновей, прошедшихъ университетъ. А Константинъ Петровичъ — послѣдышъ, отъ третьяго брака; Петръ Васильевичъ отдалъ его

въ училище правовѣдѣнія, вѣроятно, воспользовавшись тѣмъ, что былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ». Не знаю, точенъ ли разсказъ дѣда, но говорилъ онъ увѣренно; если это такъ, то Петръ Васильевичъ, очевидно, обладалъ незаурядной силой воли: отъ дьякона, да еще отъ разстриги, до профессора русской словесности путь не короткій и не розами усыпанъ.

Ни о профессорахъ-юристахъ, ни о профессорахъ-медикахъ дѣдъ, окончившій эти два факультета, ни разу при мнѣ не вспомнилъ. Неужели не стоило? Однако, въ двадцатыхъ годахъ минувшаго вѣка были, напр., на медицинскомъ, извѣстные въ свое время профессора анатоміи: Мудровъ, учитель Пирогова, и Лодеръ, котораго слушалъ Веневитиновъ. Правда, Пироговъ, окончивши университетъ въ Москвѣ, поѣхалъ доучиваться въ Дерптъ; но сказать, что медицина въ Московскомъ университетѣ была тогда преподаваема совсѣмъ неудовлетворительно и на оцѣнку современниковъ не изъ очень строгихъ, едва ли возможно. Сошлюсь опять на примѣръ дѣда: онъ практиковалъ въ качествѣ врача не долго и скоро занялся педагогіей; но въ 1848 году, когда разразилась холера, его начальственнымъ распоряженіемъ послали въ Серпуховской уѣздъ бороться съ эпидеміею; онъ испугался и хотѣлъ уклониться, но ничего не вышло: вычеркнуть себя изъ списка практикующихъ врачей онъ не позаботился; дѣлать было нечего, поѣхалъ въ уѣздъ и лѣчилъ; холеру-то лѣчить тогда не умѣли, но онъ лѣчилъ, конечно, отъ всѣхъ болѣзней и, къ своему удивленію, довольно удачно. чѣмъ заслужилъ общую признательность; а врядъ ли врачебная его удача объяснима одною неприхотливостью паціентовъ: знахарскихъ навыковъ онъ не имѣлъ и, слѣдовательно, своими знаніями, какъ бы ихъ ни расцѣнивать, былъ обязанъ университетскому ученію. Умолчаніе дѣда о другихъ профессорахъ, кромѣ Павлова и нѣсколькихъ словесниковъ, вѣрнѣе объясняется не полною ничтожностью этихъ остальныхъ и лишь отчасти меньшими ихъ достоинствами (на юридическомъ, напримѣръ, факультетѣ оживленіе стало замѣтно только къ 40-мъ годамъ), а главное тѣмъ, что дѣдъ въ душѣ былъ болѣе словесникомъ, чѣмъ юристомъ и медикомъ.

Скудны мои воспоминанія о студенчествѣ дѣдовъ. Но вѣдь разсказывали старики и разсказывали про далекую свою молодость, да и не мнѣ, а только въ моемъ

присутствіи. Если же слушалъ ихъ мальчикъ со всею непочатою силою вниманія, то пишетъ о давно уже слышанномъ такой-же старикъ.

II.

Къ осени 1860 г. въ Москву изъ Одессы пріѣхалъ мой отецъ, тогда 20-лѣтній юноша, всего весною перешедшій на 3-ій курсъ юридическаго факультета Ришельевскаго лицея. Путь былъ дальній и недешевый (на перекладныхъ до Харькова, оттуда мальпостомъ); отцу предстояло самому содержать себя, и онъ зналъ, что въ столицѣ предложеніе студенческаго труда очень велико. Тѣмъ не менѣе желаніе учиться въ Московскомъ университетѣ настолько возобладало, что мой отецъ рѣшился на переѣздъ, какъ только ему блеснула (показавшаяся основательною, но потомъ горько обманувшая) надежда скромно устроиться въ Москвѣ.

Столичный университетъ встрѣтилъ отца непривѣтливо. Принявъ отъ него прошеніе со всѣми нужными документами, проф. Сергѣй Ивановичъ Баршевъ, деканъ юридическаго факультета, удивленно спросилъ, неужели онъ притязаетъ быть студентомъ 3-го курса, и назидательно сказалъ, что Московскій университетъ не чета Ришельевскому лицею, а потому нечего и думать о 3-мъ курсѣ. Въ каждомъ изъ насъ, пусть иногда на самомъ днѣ души, есть довольно «переулочнаго патріотизма», и отецъ сталъ горячо защищать не столько свои права, сколько честь и достоинство лицея. Баршеву это совсѣмъ уже не понравилось, и онъ рѣшительно предложилъ отцу подать прошеніе о принятіи не на 3-ій, а на 2-ой курсъ. Не сразу (а, кажется, побывавъ, и столь же безуспѣшно, у ректора «Аркадія Альфонскаго, тайнаго совѣтника и кавалера», какъ гласила его подпись на кандидатскихъ дипломахъ), съ большою неохотою, но (что дѣлать!) отецъ подчинился. Новое прошеніе пошло по мытарствамъ, и отвѣта долго не было. Тѣмъ временемъ отецъ мой сталъ посѣщать, въ качествѣ вольнослушателя, лекціи на разныхъ курсахъ, бывая и на филологическомъ факультетѣ. Тутъ ужъ встрѣчали добродушно; никто даже и не освѣдомлялся о правѣ отца слушать лекціи, хотя инспекціи не могли не бросаться въ глаза посеребрёныя пуговицы на его

форменномъ сюртукѣ: не ставъ еще московскимъ студентомъ, онъ не считалъ возможнымъ замѣнить ихъ золочёными, а на штатское платье денегъ достать было неоткуда 2). Уроки и сотрудничество въ газетахъ (все это — болѣе или менѣе случайное) позволяли кое-какъ существовать изо дня въ день, но препятствовали присутствовать на лекціяхъ въ той мѣрѣ, какъ бы хотѣлось; а все-таки отецъ незамѣтно и неуклонно превращался въ московскаго студента, если не de jure, то de facto: московскіе профессора становились для него своими и скоро вытѣснили одесскихъ, хоть и не изъ памяти, но изъ сердца, кромѣ одного — А. В. Лохвицкаго, впослѣдствіи извѣстнаго адвоката, который въ лицеѣ читалъ исторію философіи права (называвшуюся тогда какъ-то иначе), и подъ вліяніемъ котораго отецъ, положительно заслушивавшійся его, перешелъ съ математическаго факультета на юридическій.

Изъ московскихъ профессоровъ того времени отцу болѣе прочихъ дали пятеро: И. К. Бабстъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, Н. И. Крыловъ, К. П. Побѣдоносцевъ и С. М. Соловьевъ. И ихъ я ставлю намѣренно въ алфавитномъ порядкѣ, потому что всѣ они очень непохожи другъ на друга, и было бы трудно оцѣнивать ихъ (конечно, не какъ ученыхъ, а какъ наставниковъ) въ порядкѣ линейнаго восхожденія или нисхожденія.

Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, профессоръ политической экономіи и статистики, преподаватель наслѣдника-цесаревича Николая Александровича (старшаго сына императора Александра II), былъ человѣкомъ большого ума съ уклономъ къ скептицизму. Чтеніемъ лекцій онъ началъ тяготиться, постепенно уходя въ сторону практической финансовой дѣятельности; своего разочарованія профессорскою средою онъ не скрывалъ; такъ, напр., когда стало извѣстно, что новый уставъ 1863 г. принесетъ университетамъ начатки автономіи, онъ не въ припадкѣ раз-

2) При возстановленіи студенческой формы (по уставу 1884 г.) золочёныя пуговицы даны были студентамъ всѣхъ университетовъ. Но прежде южные округа отличались отъ сѣверныхъ тѣмъ, что и профессора, и учителя, и студенты носили на форменной одеждѣ не позолоченыя, а посеребреныя пуговицы. Для учителей въ гимназіяхъ (по крайней мѣрѣ, Харьковскаго округа) такъ оставалось и при мнѣ (80-ые годы минувшаго столѣтія).

драженія, а спокойно, съ явнымъ, однако, неудовольствіемъ сказалъ моему отцу, что послѣ профессоровъ остается дать автономію только актерамъ, въ средѣ которыхъ еще больше соревнованія, зависти и раздоровъ 3). Ученаго имени Бабстъ по себѣ не оставилъ. Но отецъ всегда считалъ, что многимъ былъ обязанъ Бабсту: и лекціи его и, главнымъ образомъ, собесѣдованія у него на дому далеко превышали то, что могъ дать С. С. Муравьевъ, профессоръ политической экономіи въ Ришельевскомъ лицеѣ; науку свою Бабстъ зналъ, излагалъ ее хорошо и загорался, когда видѣлъ живой интересъ ученика, особенно такого, который ему казался заслуживающимъ вниманія.

Ѳедоръ Михайловичъ Дмитріевъ, профессоръ государственнаго права западноевропейскихъ державъ, впослѣдствіи попечитель Петербургскаго учебнаго округа, а затѣмъ сенаторъ I-го департамента сената, былъ несомнѣннымъ ученымъ, давшимъ, къ сожалѣнію, значительно меньше, чѣмъ обѣщалъ и могъ. Читалъ онъ отлично и мастерски спорилъ; хоть онъ и умѣлъ быть язвительнымъ, хоть студентъ и бывалъ имъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, но уходилъ, живо чувствуя, насколько обогатился въ итогѣ своего пораженія.

Никита Ивановичъ Крыловъ, профессоръ римскаго права, занималъ особое мѣсто среди университетскихъ преподавателей. Его легко уничтожить на словахъ: для науки жизнь его прошла безслѣдно 4), къ концу своей дѣятельности онъ и отсталъ отъ науки 5), много пилъ, даже на лекціи и экзамены приходилъ нетрезвый и позволялъ

---

3) Въ извиненіе Бабсту должно здѣсь оговорить, что отецъ мой былъ тогда уже кандидатомъ правъ и посѣщалъ Бабста довольно часто, какъ готовившійся подъ его руководствомъ къ магистерскому экзамену.

4) Извѣстенъ анекдотъ, будто Крыловъ, очень заинтересовавъ какого-то берлинскаго профессора своими сужденіями, на вопросъ собесѣдника, что имъ напечатано и гдѣ, отвѣтилъ, что онъ ровно ничего не пишетъ.

5) Памятно печатное выступленіе П. М. Леонтьева, изобличившаго Крылова въ нетвердомъ знаніи даже латинской грамматики. На это намекалъ Б. Н. Алмазовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній заставивъ Леонтьева хвалиться: «Мнимыхъ знаній оболочку я съ Крылова своротилъ и три раза въ одиночку на Искандера ходилъ».

себѣ быть то излишне откровеннымъ, то даже грубымъ6). Въ такихъ обвиненіяхъ все — правда, но не вся правда. Недаромъ же «Гражданское право древняго Рима» С. А. Муромцева, изданное, кажется, въ 1883 г., и «Судебныя рѣчи» А. Ѳ. Кони, вышедшія, помнится, впервые въ 1888 году, посвящены памяти Н. И. Крылова. Недаромъ же и такіе его ученики, которые ни въ чемъ не могли согласиться другъ съ другомъ, нерѣдко сходились въ высокой оцѣнкѣ учителя. Крыловъ былъ на рѣдкость одаренный человѣкъ, владѣвшій притомъ тайною образнаго и мѣткаго слова. Его, какъ преподавателя, умѣвшаго заставить слушателей видѣть то, о чемъ онъ говорилъ, можно по справедливости назвать «Ключевскимъ римскаго права», а этимъ и объясняется, почему «Никита Ивановичъ» (именно «Никита Ивановичъ», — его всѣ такъ звали и въ глаза и за глаза, а не «господинъ профессоръ» и не профессоръ Крыловъ) оставлялъ по себѣ неизгладимую память въ сердцѣ каждаго, кто дѣйствительно учился въ университетѣ, а не отбывалъ только студенческую повинность.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ читалъ гражданское право. Онъ не былъ профессоромъ, онъ временно замѣнялъ проф. Никольскаго, командированнаго за границу на четыре года 7). Когда университетъ пригласилъ Побѣдоносцева, онъ былъ всего оберъ-секретаремъ въ московскомъ сенатѣ, но уже пріобрѣлъ нѣкоторую из-

---

6) Изъ разсказовъ братьевъ моей матери: а) на лекціи, будучи нетрезвъ и говоря объ ошибкѣ въ правѣ, Крыловъ неожиданно добавилъ: «и грубыя ошибки не такъ ужъ рѣдки; вотъ и я дважды грубо ошибся: во-первыхъ, женился, а, во-вторыхъ, Никольскаго (профессора гражданскаго права) на экзаменѣ пропустилъ; только вы этого Никольскому не говорите»; б) экзаменуя сбившагося въ отвѣтахъ студента, который оправдывался, что онъ все хорошо помнилъ, даже когда шелъ на экзаменъ, Крыловъ сказалъ: «экой ты, братецъ, какой! Тебѣ бы съ твоею памятью не пѣшкомъ сюда итти, а на извозчикѣ ѣхать!»; в) въ пьяномъ видѣ Крыловъ неоднократно ставилъ армянамъ тройки, заявляя, что армянинъ римское право больше, какъ на тройку, знать не можетъ.

7) Среди студентовъ тогда держались слухи, что такая длительная заграничная командировка объяснялась полною неподготовленностью Никольскаго къ университетскому преподаванію. И дядя мой, слушавшій Никольскаго уже по возвращеніи изъ-за границы, находилъ, что Крыловъ былъ правъ, когда каялся, что не провалилъ Никольскаго на экзаменѣ.

вѣстность своими работами по русскому гражданскому праву; даже, какъ говорили тогда, успѣлъ и пострадать за нихъ: въ серединѣ 50-хъ годовъ ему было объявлено именемъ министра юстиціи, гр. В. Н. Панина, что надо выбрать одно изъ двухъ — или служить, или «книжки писать». Новое царствованіе, однако, скоро сказалось на всемъ, и Побѣдоносцеву, спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ же гр. Панинъ разрѣшилъ занять университетскую каѳедру, оставаясь на службѣ въ сенатѣ, — а отсюда — и «Курсъ гражданскаго права», давшій автору степень доктора honoris causa, и участіе въ комиссіи по составленію Судебныхъ уставовъ, и преподаваніе наслѣднику-цесаревичу Александру Александровичу, открывшее наставнику будущаго императора дорогу къ вершинамъ власти. О Побѣдоносцевѣ написано много; могъ бы и я прибавить кое-что, но это выходитъ за предѣлы воспоминаній объ университетѣ, и здѣсь я только скажу, что, и въ бытность преподавателемъ по каѳедрѣ гражданскаго права, Побѣдоносцевъ обнаруживалъ большую набожность (даже читалъ Апостолъ въ церкви св. Бориса и Глѣба, что на Поварской) и пристрастіе къ русскому прошлому. Значеніе Побѣдоносцева, какъ цивилиста, общеизвѣстно; его манера преподавать была суха, но отчетливость мысли и умѣнье теорію провѣрять практикой и практику осмысливать теоріей обращали на преподавателя неустанное вниманіе той (въ Россіи и значительно позже немногочисленной) кучки слушателей, у которой обнаруживался вкусъ къ цивилистикѣ. На экзаменахъ Побѣдоносцевъ отличался строгостью, но и разумностью требованій; хорошо отвѣчавшихъ онъ запоминалъ; такъ, встрѣтивъ отца моего на улицѣ, уже спустя немалое время послѣ экзаменовъ, остановилъ его, вновь похвалилъ за отвѣтъ, разспросилъ о занятіяхъ и надеждахъ на будущее и предложилъ устроить въ канцелярію московскаго сената: «скоро будутъ новые суды, гдѣ понадобятся настоящіе юристы, а сенатъ можетъ вамъ дать прекрасную практическую подготовку». Тогда онъ былъ уже оберъ-прокуроромъ (разумѣется, еще не синода, а въ московскомъ же сенатѣ).

О Сергѣѣ Михайловичѣ Соловьевѣ распространяться не приходится. **Tale nomen — nullum elogium.** Какъ преподаватель, и онъ былъ нѣсколько суховатъ, но его суховатость съ лихвою вознаграждалась глубокою содержательностью читаемыхъ имъ лекцій. Мой отецъ, знав-

шій ранѣе только «Исторію государства Россійскаго» Карамзина и любившій ее, разомъ почувствовалъ всю высоту Соловьева. Рядомъ съ Соловьевымъ совсѣмъ незначительнымъ казался профессоръ всеобщей исторіи Ешевскій, который къ тому же, по воспоминаніямъ отца, нескончаемо тогда читалъ о средневѣковыхъ знаменахъ.

Слушалъ отецъ профессоровъ, давалъ грошевые уроки, перебивался кое-какъ газетною работою; а время шло, приближался уже великій постъ 1861 года. И вотъ, передъ приснопамятнымъ днемъ освобожденія крестьянъ, проф. Баршевъ объявилъ немилостивое рѣшеніе: отказано и въ принятіи на второй курсъ; въ видѣ снисхожденія предлагали считать «ришельевца» на I курсѣ съ прошлой (а не будущей) осени. Отчаяніе взяло отца, бросилась въ голову кровь двадцатилѣтняго юноши, и онъ запальчиво сказалъ, что подастъ прошеніе о допущеніи его къ экзаменамъ на степень кандидата. Деканъ совсѣмъ разсердился и раздраженно возразилъ: «Быть допущеннымъ право вы имѣете, а выдержите ли — это мы посмотримъ». Сказать легко, а исполнить затруднительно. На другой день страшно стало, и, если бы не самолюбіе, не написалъ бы прошенія. Да не хотѣлось пятиться, и прошеніе подано насмѣшливо улыбнувшемуся декану. А затѣмъ — за учёбу, безъ отдыха, до одури, продолжая зарабатывать на скудное пропитаніе, отыскивая, гдѣ бы достать книги и записи лекцій даромъ, на время, иногда очень короткое, недосыпая изо дня въ день и со дня на день изводясь. Экзамены отецъ рѣшилъ держать въ два срока, весной и осенью: иначе было не приготовиться: вѣдь онъ будетъ экзаменоваться экстерномъ, и, слѣдовательно, ему одесскихъ отмѣтокъ не зачтутъ, а выдержать необходимо на кандидата, т. е. получить въ среднемъ не менѣе 4½, потому что со званіемъ дѣйствительнаго студента (при средней отмѣткѣ не ниже 3½) выпускались только прослушавшіе всѣ четыре курса дѣйствительно въ качествѣ студентовъ.

Первые два экзамена были по русскому государственному и по финансовому праву. Экзаменовалъ проф. Мюльгаузенъ, Ѳедоръ Богдановичъ, занимавшій каѳедру финансоваго права, но экзаменовавшій и по государственному, такъ какъ новый профессоръ по этой каѳедрѣ, Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, началъ читать позже, лишь съ осени. Мюльгаузена мой отецъ потомъ зналъ хорошо и удостовѣрялъ, что это былъ добрый и душевно опрят-

ный человѣкъ, русскій нѣмецъ, женатый на русской и въ значительной степени обрусѣвшій. Ученымъ онъ не былъ и долгіе годы состоялъ адъюнктомъ, потому что не представлялъ магистерской диссертаціи. Лекціи читалъ онъ скучно и началъ опускаться, все болѣе и болѣе выпивая, т. е. идя по стопамъ Крылова, вопреки пословицѣ: quod licet Jovi, non licet bovi. Билетъ по государственному праву отецъ отвѣтилъ; профессоръ все время молчалъ, а когда отецъ кончилъ, то со словами: «очень хорошо» нагнулся, чтобы поставить отмѣтку. Но сидѣвшій рядомъ Баршевъ, который не спускалъ суровыхъ глазъ съ экзаменующагося, внезапно обратился къ Мюльгаузену: «вотъ посмотрите на его серебряныя пуговицы; это — студентъ Ришельевскаго лицея, еще зимою просившій Христомъ-Богомъ, чтобы его приняли на второй курсъ; а теперь, какъ видите, онъ держитъ прямо на кандидата». Мюльгаузенъ положилъ перо и спросилъ отца, можетъ ли договоръ быть источникомъ публичнаго права. Отецъ въ отвѣтъ сослался на международные договоры. Мюльгаузенъ произнесъ: «а!» и поставилъ тройку. И по финансовому праву онъ не вымолвилъ ни одного замѣчанія, но оцѣнилъ отвѣтъ четверкою. Никогда потомъ онъ не хотѣлъ повѣрить этому, твердя, что отецъ выдумываетъ, и ничего подобнаго быть не могло.

Слѣдующій экзаменъ предстоялъ по уголовному праву у самого Баршева. Съ замираніемъ сердца вошелъ отецъ въ актовую залу, гдѣ происходилъ экзаменъ; едва сдерживая волненіе, вытянулъ онъ билетъ, но сейчасъ же успокоился: по билету (о лишеніи жизни) онъ зналъ больше, чѣмъ говорилось въ записяхъ лекцій. Это его, однако, и погубило: отвѣчая о самоубійствѣ, онъ, ссылаясь на прочитанныя имъ работы криминалистовъ, сталъ доказывать, что самоубійство не преступленіе. Теперь это — общее мѣсто, а тогда Баршевъ рѣзко прервалъ его восклицаніемъ: «Что вы такое говорите! Развѣ возможно, чтобы я, вѣрующій христіанинъ, лежалъ на кладбищѣ рядомъ съ самоубійцею!» И поставилъ тройку. И, какъ дуновеніе вѣтра, по рядамъ ждущихъ вызова въ свою очередь пронесся шопотъ негодованія, послышалось даже восклицаніе о несправедливости. Положеніе отца было отчаянное: нуженъ средній баллъ 4½, а первые три экзамена дали въ среднемъ всего 3 $^{1}/_{3}$. Только изъ упорства пошелъ онъ на четвертый экзаменъ, и опять къ Баршеву, уже по уголов-

ному судопроизводству. О Баршевѣ, даже объ обоихъ братьяхъ Баршевыхъ, преподававшихъ уголовное право въ Москвѣ и въ Петербургѣ, ходило множество «веселыхъ» анекдотовъ. Петербургскій Баршевъ (Яковъ Ивановичъ) былъ тѣмъ именно профессоромъ, который, по утвержденію Щедрина, долгое время одобрялъ наказаніе кнутомъ, а когда кнутъ замѣнили плетьми, то возславилъ плети и воткнулъ въ могилу кнута осиновый колъ. О московскомъ же Баршевѣ (Сергѣѣ Ивановичѣ) А. Ѳ. Кони, бывшій студентомъ въ Москвѣ съ 1861 по 1865 годъ, разсказывалъ, будто бы тотъ поносилъ на лекціяхъ обвинительный процессъ, гласность и судъ присяжныхъ засѣдателей, называя ихъ «мерзостями французскаго судопроизводства», и даже какъ-то, не успѣвъ закончить свой разносъ, сошелъ съ каѳедры, говоря: «а о прочихъ мерзостяхъ — въ слѣдующей лекціи». Кони добавлялъ, что и Сергѣй Ивановичъ, послѣ утвержденія основныхъ положеній Судебныхъ уставовъ, сдалъ свои позиціи и однажды кому-то изъ слушателей, ретиво громившему на экзаменѣ «французскія мерзости», поставилъ неудовлетворительный баллъ, сказавъ со вздохомъ: «нынче такъ не думаютъ». Въ анекдотахъ подобнаго рода есть много смѣшливости и молодой жестокости къ старикамъ. Откидывая всѣ преувеличенія «ради краснаго словца» и считаясь съ широко разлитою «законопослушностью» николаевскаго времени, можно только признать, что оба Баршева не поспѣли за ходомъ передовой мысли и боялись новаго, которое ихъ пугало и, конечно, не ихъ однихъ. Старость ужасна, и счастливы тѣ старые люди, которыхъ осѣнило тихое сіяніе «молодой старости», которые состарились и не устарѣли; но ихъ такъ мало вездѣ и всегда. Въ частности, моего отца Сергѣй Ивановичъ притѣснилъ не по душевной скаредности, а скорѣе изъ оскорбленнаго «московскаго патріотизма», что также для москвича понятно и извинительно. А что старикъ не былъ дурнымъ человѣкомъ, объ этомъ я теперь и поведу рѣчь. Когда отецъ подошелъ къ столу, Баршевъ неожиданно встрѣтилъ его ласково; не дослушавъ отвѣта по очень легкому билету, похвалилъ и поставилъ пять; а затѣмъ, взявъ въ руки другой списокъ, сказалъ: «Вы прошлый разъ неудачно отвѣтили по уголовному праву. Не хотите ли сегодня поправиться?» Отецъ немедленно выразилъ свою готовность и едва началъ отвѣчать, какъ тройка была ему переправ-

лена на пятерку. Пусть осуждаютъ Баршева тѣ, кто способенъ на болѣе открытое сознаніе въ своей несправедливости: такихъ еще меньше, чѣмъ «молодыхъ» стариковъ.

Изъ остальныхъ экзаменовъ отца упомяну лишь о тѣхъ, которые прошли не безъ задоринки. О сошедшихъ совсѣмъ гладко (а ихъ было большинство) нечего и говорить.

Неудача на экзаменѣ у Крылова произошла и вслѣдствіе того, что Никита Ивановичъ былъ въ состояніи замѣтной нетрезвости, и вслѣдствіе того, что мой отецъ, всегда отличавшійся исключительною памятью, въ молодости могъ повторить почти слово-въ-слово, всего съ двумя-тремя незначительными перестановками, одинъ разъ прочитанную вслухъ страницу прозы; ему на экзаменахъ приходилось намѣренно отступать отъ текста лекцій, чтобы профессоръ не счелъ его за «зубрилу». Зала была почти пуста, когда отецъ подходилъ къ столу, за которымъ возсѣдалъ Крыловъ; москвичи всѣ знали, что трезвый Крыловъ несравненно спокойнѣе и справедливѣе, а отцу толки объ этомъ казались преувеличенными. Крыловъ замѣтилъ посеребрёныя пуговицы отца и, услышавъ отъ него на свой вопросъ, что онъ держитъ со стороны, будучи въ Москвѣ вольнослушателемъ, желчно засмѣялся: «А, вольнослушатель! Во-льно-слушатели — вольные, свободные отъ знаній!» Не знаю, почему было такъ, но экзаменъ дѣлился на три части, и Крыловъ ставилъ три отмѣтки. Отецъ послѣдовательно отвѣчалъ по билетамъ. Образный языкъ Крылова отцу очень нравился, и легко запоминался; отецъ не удержался отъ искушенія воспроизвести нѣсколько сравненій профессора. Крыловъ что-то недовольно бормоталъ, а когда отецъ, отвѣчая уже третій билетъ, опять позволилъ себѣ прибѣгнуть къ повторенію словъ Крылова о томъ, что (въ республиканскій періодъ) древнее право катилось по новому, уже широкому руслу и постепенно теряло шелуху архаичности, профессоръ разомъ оборвалъ отвѣчавшаго: «Довольно! Глупо!» Противъ фамиліи отца были немедленно поставлены карандашемъ три тройки. Снова надвинулась катастрофа, и поэтому отецъ запротестовалъ. «Знать-то ты знаешь (Крыловъ, когда былъ нетрезвъ, говорилъ молодежи «ты»), да неразвитъ. Дались тебѣ мои сравненія! Что въ устахъ учителя умѣстно, то у студента глупо». Отецъ позволилъ се-

бѣ еще одно возраженіе въ видѣ вопроса, за что же сбавлено ему не по одному баллу за каждый отвѣтъ, а по два. На это Крыловъ сказалъ: «Вотъ, вотъ и видно, что глупъ. Не видишь развѣ, что карандашемъ написано? Значитъ, можешь прійти второй разъ». Еще дважды приходилъ отецъ на экзаменъ и уходилъ, не приближаясь къ столу: Крыловъ опять и опять былъ выпивши. Только на третій разъ, трезвый и благодушный, Никита Ивановичъ внимательно прослушалъ отца и похвалилъ отвѣты его; но, доставъ старый списокъ и увидѣвъ тамъ три тройки, нахмурился; подумалъ-подумалъ и поставилъ уже чернилами двѣ четверки и одну пятерку.

Четверкою оцѣнилъ-было отвѣтъ отца и Дмитріевъ. Незадолго до экзамена отецъ заходилъ къ нему по одному дѣлу на домъ, и заурядный разговоръ профессора со студентомъ почти кончался, какъ вдругъ, неожиданно для обоихъ, принялъ необычную окраску. Профессоръ спросилъ студента о Ришельевскомъ лицеѣ и весь сморщился, когда услышалъ горячія похвалы Лохвицкому. По мнѣнію Дмитріева, Лохвицкій принадлежалъ къ тѣмъ университетскимъ преподавателямъ, которые берутъ не столько знаніями и основательностью, сколько внѣшними дарованіями, а главное — смѣлостью, самонадѣянностью. Отецъ счелъ своимъ долгомъ заступиться за учителя и указывалъ на удивительный даръ Лохвицкаго сжато и выпукло излагать философскія ученія. Явно недовольный, Дмитріевъ прервалъ отца и полюбопытствовалъ, кому пишетъ онъ кандидатскую диссертацію. Это было у отца больное мѣсто; онъ хотѣлъ было писать Бабсту, но понималъ, что и мечтать о томъ нельзя: все, что предносилось умственному взору начинающаго экономиста, оказывалось очень сложнымъ и требовало много времени; заурядной работы онъ Бабсту ни за что бы не подалъ, а нужда входила въ двери ежедневно, и надобно было получить кандидатскій дипломъ какъ можно скорѣе: манила возможность обзавестись въ скорости уроками въ женской гимназіи. Тогда же всѣ, кому бывало къ спѣху или просто лѣнь, брали для диссертаціи темы у добрѣйшаго Ивана Дмитріевича Бѣляева, профессора исторіи русскаго права. Отецъ съ неприкрытымъ сокрушеніемъ отвѣтилъ, что придется подать работу профессору Бѣляеву. Откровенность отца воспринята была Дмитріевымъ какъ своего рода цинизмъ, и онъ набросился на собесѣдника съ разносомъ, совсѣмъ

не въ своей постоянной манерѣ спокойно спорить. Отецъ защищался въ мѣру силъ, говорилъ, что онъ себя не оправдываетъ, а лишь извиняетъ, и что цинизмомъ нельзя называть одно нежеланіе солгать. И этотъ споръ Дмитріевъ оборвалъ словами: «Нѣтъ, вы настоящій ученикъ Лохвицкаго: весь въ учителя». Увидавъ послѣ своего отвѣта на экзаменѣ, что профессоръ выставилъ четверку, отецъ спросилъ, въ чемъ усмотрѣнъ недостатокъ его знаній по предмету. «Знаніями вашими я доволенъ, но мнѣ неизвѣстна степень вашего развитія». Съ каждымъ разомъ отцу все тяжелѣе было ставить себя въ положеніе какъ бы выпрашивающаго отмѣтку, но куда же податься, если нельзя получить аттестатъ дѣйствительнаго студента? И отецъ возразилъ: «Насколько я развитъ, судить не мнѣ. Но вы еще недавно спорили со мною больше получаса. Пусть я былъ неправъ, но если учитель не сразу прекратилъ споръ, то, вѣроятно, можно признать ученика достаточно развитымъ». «Вы правы», и Дмитріевъ замѣнилъ поставленный баллъ пятеркой.

Оказался отецъ небезызвѣстнымъ и профессору международнаго права Михаилу Николаевичу Капустину, впослѣдствіи, какъ и Дмитріевъ, попечителю петербургскаго учебнаго округа. Капустинъ, и какъ ученый, и какъ профессоръ, не превышалъ середины. Одинъ изъ его учениковъ, вспоминая о немъ подъ старость, выразился, что онъ превратилъ международное право въ убогую прижималку. Если и есть здѣсь преувеличеніе, то не очень большое. Зимою 1860 - 61 г. въ Москвѣ происходилъ магистерскій диспутъ одесскаго международника Власьева, и отецъ, за полною своею подписью, помѣстилъ въ какой-то одесской газетѣ корреспонденцію о диспутѣ и въ ней тщился доказать, что оффиціальный оппонентъ проф. Капустинъ былъ въ своихъ замѣчаніяхъ диспутанту неправъ. Я говорю: «тщился», потому что, по признанію отца, онъ защищалъ Власьева больше изъ желанія не уронить достоинство профессуры Ришельевскаго лицея. Къ экзамену у Капустина отецъ о корреспонденціи этой совершенно забылъ. Но когда онъ кончилъ отвѣчать, Капустинъ, высказавъ свое полное удовлетвореніе, спросилъ отца, не онъ ли писалъ такую-то корреспонденцію. Отецъ смутился, но не отрекся отъ авторства. И Капустинъ, поглядѣвъ съ ласковою улыбкою въ лицо смущеннаго мо-

лодого человѣка и болѣе не промолвивъ ни слова, поставилъ пять.

Отцу посчастливилось завоевать себѣ кандидатскій дипломъ въ ускоренномъ порядкѣ при самыхъ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ. Но борьба за существованіе и спѣшная подготовка къ экзаменамъ поставили отца вић общестуденческой жизни, которая въ то время начинала бурлить. Ранѣе, въ Одессѣ, онъ принималъ большое участіе въ студенческомъ самоуправленіи, которое тамъ было введено Пироговымъ и дѣйствовало вполнѣ легально. Въ Москвѣ такого самоуправленія (ни студенческой кассы, ни студенческаго выборнаго суда) не существовало, да и въ Одессѣ скоро все это было (уже послѣ Пирогова) отмѣнено. Безпорядки начались въ Петербургѣ, и отецъ, въ свою кратковременную поѣздку туда (первое его желѣзнодорожное путешествіе) видѣлъ и слышалъ Богданову, говорившую рѣчь толпѣ студентовъ съ полѣнницы дровъ. Московское броженіе прошло мимо него; «битвы подъ Дрезденомъ» 8) онъ не видалъ; и я даже не знаю, была ли она до его кандидатскихъ экзаменовъ, или же послѣ; помню только, какъ онъ разсказывалъ, что студентъ гр. Е. А. Саліасъ, впослѣдствіи извѣстный романистъ, авторъ «Пугачевцевъ», по настоянію своей матери, также извѣстной писательницы Евгеніи Туръ, требовалъ (впрочемъ, безуспѣшно), чтобы полиція и его арестовала, потому что онъ лишь случайно не оказался въ числѣ участниковъ «битвы». Разсказывалъ отецъ и о столкновеніи студентовъ съ полиціею на Пятницкомъ кладбищѣ (у Крестовской заставы) въ день годовщины смерти погребеннаго тамъ Грановскаго. Студенты отправились въ тотъ день на кладбище, чтобы отслужить панихиду по знаменитомъ профессорѣ. Были произнесены надъ могилою взволнованныя рѣчи, а когда явившійся туда съ нарядомъ полиціи оберъ-полицеймейстеръ графъ Крейцъ попытался вмѣшаться, ему гнѣвно кричали: «Прочь! Не оскверните полицейскими ногами великой могилы!» Крейцъ повелъ себя умнѣе или добрѣе своихъ преемниковъ, и исторія кончилась, насколько я помню, благополучно, но нашла себѣ любопытный отзвукъ на вступительной лекціи Чиче-

8) Первое крупное столкновеніе студентовъ съ полиціею въ Москвѣ близъ генералъ-губернаторскаго дома передъ гостинницею «Дрезденъ».

рина, бывшей вскорѣ же послѣ того. Отецъ мой присутствовалъ на этой лекціи, уже будучи кандидатомъ правъ, и краткимъ разсказомъ о ней я закончу воспоминанія о Московскомъ университетѣ въ студенческіе годы отца.

Чичеринъ вступалъ на каѳедру, спустя десять лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, послѣ усиленныхъ и плодотворныхъ научныхъ занятій, уже магистромъ государственнаго права и извѣстнымъ ученымъ. Отличительною чертою его, какъ человѣка, было неумѣнье подлаживаться; всю жизнь онъ прошелъ отъединенно отъ окружающихъ: не понравился ни правительству, ни Герцену, ни позднѣйшимъ государствовѣдамъ. Не входило въ его намѣренія угождать и студентамъ. И на вступительной своей лекціи, въ присутствіи ректора, декановъ, ряда профессоровъ, передъ многочисленною аудиторіею, онъ, говоря о цѣнности правопорядка, неожиданно для слушателей, въ видѣ случайнаго примѣра, коснулся демонстраціи надъ могилой Грановскаго и осудилъ ее (попутно и какъ неуваженіе къ памяти учителя, проявившееся въ томъ, что панихида по немъ была изъ цѣли превращена въ средство). Примѣръ брошенъ, и рѣчь ушла впередъ. Оратора наградили дружными рукоплесканіями, но онъ, уходя въ окруженіи профессоровъ, сказалъ вполголоса: «не свистятъ, — еще не спохватились». И дѣйствительно, на слѣдующей лекціи у Чичерина произошло объясненіе со слушателями, изъ котораго онъ вышелъ съ честью: велъ себя на равныхъ правахъ, безъ малѣйшаго «свысока», спорилъ убѣдительно, а потокъ неудовольствія оставшихся неубѣжденными ввелъ въ берега.

III.

Мое студенчество падаетъ на 1889 - 93 годы. Къ тому времени уже всѣ курсы были опять облечены въ форму: уставъ 1863 г. прекратилъ свое дѣйствіе полностью. Поступилъ я на юридическій факультетъ, но въ первую зиму очень разбрасывался, ходя слушать лекціи на всѣхъ факультетахъ (кромѣ только медицинскаго, откуда меня погналъ невыносимый и стойкій запахъ анатомическаго театра); историко-филологическому, впрочемъ, я остался вѣренъ и позже.

На юридическомъ факультетѣ тогда не было между

профессорами Сиріуса, какимъ сразу засверкалъ для меня Ключевскій. На первое мѣсто среди «юристовъ» я ставлю экономистовъ: Чупрова (Александра Ивановича), профессора политической экономіи и статистики, и Янжула (Ивана Ивановича), впослѣдствіи академика, намъ читавшаго финансовое право, или (какъ онъ предпочиталъ называть) финансовую науку, даже «финаншовую» (онъ шепелявилъ). Чупровъ, по общему отзыву, былъ человѣкъ даровитый, но въ наукѣ онъ далеко не занялъ того мѣста, которое занимаетъ, напр., его сынъ: слишкомъ ужъ отвлекался общественною дѣятельностью, куда его, порою почти насильно, затягивали многочисленные его поклонники, зная, какъ нужны добрымъ начинаніямъ и большія его знанія, и провѣренный умомъ опытъ, и благородное сердце. Вѣчно занятый множествомъ дѣлъ, вѣчно опаздывающій на лекціи, Чупровъ и на каѳедрѣ не отдавался своему изложенію въ той степени, въ какой отдавался (или, по крайней мѣрѣ, умѣлъ казаться отдающимся) Ключевскій. Но отчетливо-ясныя мысли Чупровъ искусно воплощалъ въ отчетливо-ясныя слова, дѣлая научный подъемъ для слушателей почти незамѣтнымъ, правда, цѣною осторожнаго выпрямленія искривленныхъ въ жизни линій. Какъ теперь, вижу его и слышу: сидитъ высоко надъ аудиторіею въ актовомъ залѣ (гдѣ читались лекціи первому курсу юристовъ) между огромными, во весь ростъ, царскими портретами, посредственнымъ — Александра III и великолѣпнымъ — Елизаветы; блеститъ стеклами очковъ въ золотой оправѣ (за которые берется сбоку привычнымъ жестомъ довольно часто), улыбаясь умными, ласковыми глазами; свободно, просто и послѣдовательно говоритъ пріятнымъ, негромкимъ, но хорошо слышнымъ голосомъ (иногда употребляя необычные формы и обороты; напр., «мы хочемъ»). Большая опытность сказывалась и въ томъ, какъ онъ велъ практическія занятія по политической экономіи и по статистикѣ, властно, хоть и мягко, правя нашими спорами (помню, какъ онъ съ дружественнымъ авторитетомъ остановилъ меня и другого студента, Тиграна Іоаннисянца, нѣсколькими словами вскрывъ, что я не правъ по существу нашего спора, а Іоаннисянцъ — по формѣ, и притомъ не далъ ни одному изъ насъ обоихъ почувствовать, что онъ гладитъ и того и другого «противъ шерстки»). На экзаменахъ онъ былъ выше похвалъ: удивительно умѣлъ обнаруживать и невѣжество у ловкихъ и

знанія у застѣнчивыхъ, умѣлъ и быстро экзаменовать, нисколько не допуская поспѣшности. Янжулъ, грузная и нескладная фигура, съ голосомъ — не могу подобрать иного эпитета — шершавымъ, уже и тогда глуховатый, уступалъ Чупрову въ даровитости, но преподавалъ и особенно руководилъ практическими занятіями съ бо́льшимъ воодушевленіемъ. На лекціяхъ онъ любилъ вдаваться въ подробности, даже порою въ мелочи, такъ что курсъ Чупрова былъ нагляднѣе и стройнѣе; но и учебникъ Янжула отличался немаловажными достоинствами. Я чрезвычайно дорожилъ возможностью работать на практическихъ занятіяхъ у Янжула, принималъ въ нихъ дѣятельное участіе въ теченіе двухъ лѣтъ и всю жизнь благодарю его за то, что онъ не позволялъ читать доклады по тетрадкѣ, а заставлялъ говорить съ каѳедры и тѣмъ пріучалъ къ публичнымъ выступленіямъ. И еще сердечное спасибо ему: онъ приглашалъ насъ къ себѣ, въ свою квартиру, заставленную шкапами и заваленную книгами, и охотно снабжалъ научными сочиненіями на четырехъ языкахъ. Помню, какъ онъ, узнавъ, что я немного разумѣю по-англійски, далъ мнѣ на первый разъ Тойнби и Торольда Роджерса съ непремѣннымъ наказомъ использовать ихъ для ближайшаго доклада, чѣмъ и заставилъ меня втянуться въ чтеніе англійскихъ ученыхъ книгъ въ подлинникѣ 9). На экзаменахъ онъ, говорятъ, былъ неровенъ, но я у него не экзаменовался: меня и по финансовому праву спрашивалъ Чупровъ.

Отъ экономистовъ перейду къ цивилистамъ, ничуть не потому, чтобы они занимали, на мою оцѣнку, слѣдующее мѣсто за экономистами, а только въ порядкѣ моего увлеченія гражданскимъ правомъ вслѣдъ за экономикою. Исторію римскаго права и часть догмы (общія ученія и вещныя права) намъ читалъ Боголѣповъ (Николай Павловичъ), впослѣдствіи министръ народн. просвѣщенія, вторую часть догмы (обязательственныя права, наслѣдственныя и семейныя) и торговое право — Нерсесовъ (Нерсесъ

9) Мы на практическихъ занятіяхъ у Янжула ближе знакомились другъ съ другомъ, чѣмъ работая у прочихъ профессоровъ. Это чувствовалось и со стороны; шутливое словопроизводство студенческихъ остроумцевъ даже наградило насъ особою кличкою: по образцу платониковъ (отъ Платона), сократиковъ (отъ Сократа), насъ называли, смѣясь, «янжуликами» (съ ударе́ніемъ, конечно, на у).

Осиповичъ), а гражданское право и гражданскій процессъ — Гамбаровъ (Юрій Степановичъ). Боголѣповъ, благообразный блондинъ съ голубыми глазами, былъ человѣкъ порядочный, принципіальный, на рѣдкость точный и добросовѣстный, во всемъ размѣренный и (по крайности, внѣшне) ничѣмъ невозмутимый. На лекціи онъ приходилъ минута въ минуту и неоднократно, останавливаясь въ дверяхъ, какъ статуя командора, выживалъ Чупрова, по обыкновенію опоздавшаго начать лекцію и опаздывающаго ее кончить. На экзаменахъ Боголѣповъ былъ грозою (изъ остававшихся на первомъ курсѣ на второй годъ, я думаю, не менѣе 4/5 были провалены Боголѣповымъ), но въ несправедливости его укорить нельзя: никому не давалъ взять второго билета, за то и не торопилъ съ отвѣтомъ (молча смотря на молчащаго студента) и дополнительно предлагалъ вопросы по всему курсу (ставя ихъ очень ясно). Кончая намъ читать исторію римскаго права, онъ своимъ медлительнымъ голосомъ сказалъ: «Нельзя въ недѣлю съѣсть всю кашу, которую нужно было ѣсть весь годъ. Я хочу помочь тѣмъ, кто не началъ готовиться къ экзаменамъ загодя. Желающіе у меня получить тройку могутъ ограничиться гражданскимъ процессомъ, но должны тогда знать его безукоризненно; знающіе же на пять и гражданскій процессъ и гражданское право могутъ разсчитывать получить даже четыре, хотя бы и не выучили государственнаго права». Приведу два примѣра, живо рисующихъ положительную сторону боголѣповскихъ пріемовъ на экзаменѣ. Отвѣчаетъ ему студентъ Еропкинъ, знающій билетъ отлично; въ такихъ случаяхъ Боголѣповъ отпускалъ довольно скоро, а тутъ предлагаетъ вопросъ за вопросомъ изо всѣхъ отдѣловъ курса; Еропкинъ отвѣчаетъ безъ малѣйшихъ погрѣшностей; Боголѣповъ ставитъ ему пять и спокойно говоритъ: «Знаете прекрасно, хотя на лекціяхъ у меня и не были ни разу». (Онъ видѣлъ превосходно, на лица былъ памятливъ, а посѣщеніе лекцій вмѣнялъ всѣмъ въ обязанность; но сбавить баллъ за одно непосѣщеніе считалъ несправедливостью и ограничился «поставленіемъ на видъ»). Беретъ билетъ студентъ гр. Ш. (впослѣдствіи кавалергардъ); билетъ — о формулахъ (формулярномъ процессѣ); говоритъ, что не знаетъ билета; Боголѣповъ спрашиваетъ, какой отдѣлъ онъ училъ внимательнѣе. «Гражданскій процессъ, г. профессоръ». Боголѣповъ молча ставитъ двойку.

Ш. возмущенъ: не предложилъ ни одного дополнительнаго вопроса, вопреки своему обыкновенію, — это ли не пристрастіе? А ларчикъ открывался просто для всѣхъ знавшихъ предметъ: формулярный процессъ — самое важное въ исторіи римскаго гражданскаго суда. Зачѣмъ же еще спрашивать человѣка, который не знаетъ отдѣла, извѣстнаго ему, по собственному же заявленію, лучше всего? Я, кажется, достаточно хорошаго о Боголѣповѣ вспомнилъ. И тѣмъ не менѣе любовью студентовъ онъ не пользовался. И дива въ томъ нѣтъ: ума Боголѣповъ былъ корридорнаго; отъ справедливости его вѣяло такимъ холодомъ, что она воспринималась какъ бездушная, чисто математическая пропорціональность; глаза его глядѣли такъ безстрастно-невыразительно, что наши остряки сравнивали ихъ съ глазами замороженнаго судака. Читалъ онъ съ тою усыпительностью, которой я потомъ вдоволь наслушался въ Германіи: почти диктуя, особенно опредѣленія. Курсъ его усвоялся для экзамена легко, но изъ него была вышелушена живая душа римскаго права; помню, какъ меня захватило «Гражданское право древняго Рима» Муромцева: я тогда (передъ самымъ экзаменомъ изъ исторіи римскаго права) впервые почувствовалъ естественную органичность того, что у Боголѣпова превращалось въ искусственную механичность.

Нерсесовъ, въ прямую противоположность Боголѣпову, говорилъ быстро, почти скороговоркою, что, въ связи съ его кавказскимъ произношеніемъ, иногда вело къ невразумительности отдѣльныхъ мѣстъ въ лекціи, пока мы не привыкли къ особенностямъ его рѣчи. Дешевое остроуміе студентовъ потѣшалось, повторяя за Нерсесовымъ, что «французскій котъ (вм. кодъ, кодексъ, code civil) объ этомъ молчитъ»; пищу для такой дешевки онъ давалъ, да и ученымъ онъ былъ не изъ глубокихъ: его тянуло въ сторону практики. Но именно этотъ его здравый смыслъ оживлялъ цивилистическія построенія въ его устахъ, дѣлалъ ихъ жизненными. Гамбаровъ, какъ лекторъ, былъ тягостенъ: онъ заикался. Не безъ заиканія говорилъ и Ключевскій, но умѣлъ во-время остановиться, и эти паузы какъ-то особенно оттѣняли интонацію соотвѣтствующихъ фразъ, сообщая имъ порою даже лукавую прелесть Говорятъ, Гамбаровъ позже лѣчился и усовершенствовался; а тогда онъ заикался мучительно; это заставило меня совсѣмъ-было прекратить посѣщеніе его лекцій. Но

ростущее увлеченіе цивилистикою опять вернуло меня въ аудиторію къ Гамбарову, и я на четвертомъ курсѣ прилежнѣе слушалъ у него гражданскій процессъ, чѣмъ гражданское право на третьемъ. Легко отдѣлаться отъ Гамбарова сказавъ: лѣнивъ и лѣнтяй. Лѣнивъ онъ былъ дѣйствительно, къ тому же тянуло его отъ цивилистики къ соціологіи, къ первобытному праву, къ исторіи права, къ философіи права. Я, однако, вмѣняю себѣ въ нравственный долгъ помянуть Гамбарова добрымъ словомъ: онъ умѣлъ восходить къ обобщеніямъ, съ которыхъ становилось виднѣе; и въ то время, какъ отъ преподавателя уголовнаго процесса, проф. М. В. Духовского, мы слышали изложеніе устава уголовнаго судопроизводства, приправленное хвалою судебной реформѣ 1864 г., Гамбаровъ намъ говорилъ, что такое — искъ, возраженіе, доказываніе, законная сила рѣшенія и т. п.; устава гражданскаго судопроизводства я отъ него не узналъ, но онъ далъ мнѣ указатель къ основнымъ понятіямъ процессуальнаго права, и не цѣнить этого нельзя. Большимъ недостаткомъ у московскихъ цивилистовъ моего времени было, впрочемъ, то, что они вовсе не вели практическихъ занятій 10).

Слѣдующее по дарованіямъ послѣ Чупрова мѣсто занималъ на юридическомъ факультетѣ проф. Звѣревъ (Николай Андреевичъ), впослѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія, намъ читавшій энциклопедію и исторію философіи права. Какъ лекторъ, онъ былъ превосходенъ: живая, умная и остроумная рѣчь. Интересны были и его практическія занятія, но только для писавшихъ доклады (въ отличіе отъ занятій у Чупрова и Янжула, звѣревскія собранія сводились не къ общимъ преніямъ, а больше къ діалогу докладчика съ профессоромъ). Я скоро разочаровался въ лекціяхъ Звѣрева. Въ первой причинѣ для моего разочарованія было много наивности: какъ разъ когда я находился въ порывѣ наибольшаго восторга отъ Звѣрева,

---

10) Были у насъ еще прив.-доц. Пассекъ (Евгеній Вячеславичъ) и Хвостовъ (Вениаминъ Михайловичъ). Пассекъ впослѣдствіи занималъ постъ ректора Юрьевскаго университета, а Хвостовъ достигъ въ Москвѣ чрезвычайной популярности; онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ при большевикахъ. Оба они читали необязательные курсы по римскому праву. Я какъ-то прошелъ почти совсѣмъ мимо нихъ, отвлекаемый и филологическимъ факультетомъ и Румянцевскимъ музеемъ. Помню, однако, что Пассекъ читалъ живѣе, чѣмъ Хвостовъ.

университетскій сторожъ почти навязалъ мнѣ прошлогодній курсъ его лекцій; я купилъ пачку несшитыхъ листовъ и, едва пришелъ съ ними домой, сейчасъ же засѣлъ за чтеніе; читаю и смущаюсь: да вѣдь это, пожалуй, слово въ слово, что онъ говоритъ намъ! Захотѣлъ провѣрить и принесъ соотвѣтствующіе листы на слѣдующую лекцію; слѣжу по строкамъ и холодѣю: дѣйствительно, слово въ слово; даже остроумныя сравненія, острыя слова, которыя, казалось бы, такъ непроизвольно, вотъ въ этотъ мигъ, слетаютъ съ языка, — всѣ они вонъ тутъ, окаменѣли въ литографированныхъ строкахъ. Позднѣйшая причина моего охлажденія была основательнѣе: какъ и Рѣдкинъ, Звѣревъ преподавалъ исторію философіи, а не исторію философіи права; помню, что онъ свой годовой курсъ закончилъ Платономъ, т. е. въ самомъ началѣ возможной исторіи философіи именно права и опочилъ. И на практическихъ занятіяхъ онъ давалъ намъ темы о свободѣ воли, объ утилитаризмѣ. Какъ теперь понимаю, надоѣло университетское преподаваніе этому маленькому и худенькому человѣку съ непокорными волосами, съ желчнымъ лицомъ и умными, но непривѣтливыми глазами.

Читалъ не безъ ораторскихъ пріемовъ, иногда стоя, а не сидя на каѳедрѣ, профессоръ государственнаго права Алексѣевъ (Александръ Семеновичъ). Въ печати я встрѣчалъ одни лишь хвалебные отзывы о немъ какъ ученомъ и дѣятелѣ; но я могу говорить о немъ только какъ о преподавателѣ: онъ не заинтересовывалъ. Гладкая рѣчь, иной разъ театрально приподнятая (когда, напр., онъ читалъ о Макіавелли или Руссо), не зажигала, думается, никого; даже Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, будущій государствовѣдъ, занимался не у Алексѣева, а у Звѣрева, которымъ и былъ оставленъ при университетѣ. Скажу больше, — курсъ Алексѣева казался мнѣ разносоставнымъ: наряду съ изложеніемъ политическихъ ученій были тамъ и страницы чисто адресъ-календарныхъ свѣдѣній (упоминалось, напр., кто состоитъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта). Попадались и затвердѣвшія ошибки (мнѣ самому довелось услышать отъ Алексѣева съ каѳедры, что Англія и Голландія вступили при Георгѣ I въ личную унію, и это же потомъ я прочелъ въ печатномъ, на правахъ рукописи, изданіи лекцій Алексѣева). Только Градовскій и Коркуновъ, позже Лабандъ, Еллинекъ и Мишель поставили передъ моими глазами государственное право во весь ростъ.

Изъ московскихъ криминалистовъ того времени упомяну профессоровъ Колоколова (Георгія Евграфовича) и Духовского (Михаила Васильевича) и прив.-доц. Викторскаго (Сергѣя Ивановича). Сухъ былъ Колоколовъ (читавшій уголовное право), слишкомъ легко разбивалъ отвергаемыя имъ мнѣнія, но мнѣ курсъ его нравился архитектурностью построенія, сцѣпленіемъ частей и особенно ученіемъ о покушеніи (я тогда наивно былъ убѣжденъ, что Колоколовъ очистилъ фарватеръ этого ученія ото всѣхъ подводныхъ камней). На экзаменахъ Колоколовъ былъ строгъ, но требованія его отличались послѣдовательностью; пропусковъ того или другого билета при подготовкѣ къ экзамену онъ не допускалъ 11). Духовской читалъ (уголовный процессъ) живо, съ публицистической бойкостью, согрѣтою искреннею любовью къ реформамъ 60-хъ годовъ; слушали мы его съ интересомъ, но, какъ я уже отмѣтилъ, теоретическое обоснованіе его лекцій оставляло желать многаго. Викторскій (ведшій съ нами практическія занятія по уголовному процессу) мнѣ памятенъ инсценировкою суда, которую мы воспринимали какъ разновидность любительскихъ спектаклей, но которая насъ, конечно, наглядно знакомила съ ходомъ судебнаго слѣдствія.

Павловъ (Алексѣй Степановичъ), профессоръ церковнаго права, уже старикъ, большое ученое имя въ области

11) Одинъ изъ моихъ старшихъ двоюродныхъ братьевъ разсказывалъ о слѣдующемъ случаѣ крушенія какого-то своего пріятеля у Колоколова. Этотъ легкомысленный юноша, ни разу въ глаза не видѣвшій ни Колоколова, ни М. М. Ковалевскаго (читавшаго тогда государственное право западноевропейскихъ державъ, предметъ, уставомъ 1884 г. упраздненный), явился къ Колоколову экзаменоваться по уголовному праву, но попалъ къ Ковалевскому. Взявъ билетъ изъ второй половины, незадачливый лѣнивецъ долженъ былъ сознаться, что конца курса не приготовилъ. Ковалевскій, экзаменовавшій снисходительно, спросилъ, до какого отдѣла студентъ знаетъ курсъ. Тотъ назвалъ (положимъ, — до преступленій противъ личности). Тогда Ковалевскій всталъ, рекомендовался ему, взялъ его подъ руку и повелъ въ аудиторію, гдѣ экзаменовались у Колоколова. Подведя растерянаго юношу къ Колоколову, Ковалевскій шутливо представилъ ихъ другъ другу и добавилъ, указывая на студента: «горитъ желаніемъ экзаменоваться у васъ, подошелъ ко мнѣ только по ошибкѣ, но успѣлъ признаться, что конца вашего курса прочесть не успѣлъ». Этимъ экзаменующійся былъ сразу зарѣзанъ.

своей науки, читалъ намъ увлекаясь; иногда голосъ его доходилъ до высокихъ нотъ, такъ онъ оживлялся. Курсъ Павлова составленъ былъ основательно: ясно виднѣлись и умъ и ученость. Но — странное дѣло — слушателей своихъ Павловъ не увлекалъ, какъ и дѣлившій съ нимъ чтеніе предмета прив.-доц. Красноженъ (Михаилъ Сергѣевичъ), читавшій безъ малѣйшаго оживленія.

Графъ Камаровскій (Леонидъ Алексѣевичъ), профессоръ международнаго права, очень милый, простодушный до наивности и утонченно-вѣжливый человѣкъ съ наружностью, разомъ располагающею къ нему, не былъ, на мою оцѣнку, юристомъ совсѣмъ (недостатокъ, распространенный, повидимому, среди международниковъ). Особенно у него хромали опредѣленія. Помню, какъ я пережилъ нѣсколько непріятныхъ минутъ на его экзаменѣ изъ-за одного ужаснаго опредѣленія. Каюсь, что я международнымъ правомъ не занимался и пошелъ экзаменоваться, выучивши только литографированныя записи лекцій профессора; мало того, — выучить-то я ихъ выучилъ, но опредѣленій самъ не продумалъ, хоть и морщился отъ нѣкоторыхъ, особенно отъ одного: «Колонія есть территорія, находящаяся въ колоніальной зависимости отъ метрополіи». И на мою бѣду я вытянулъ билетъ какъ разъ о колоніяхъ. Приходилось начинать именно съ этого опредѣленія, а спѣшно придумать свое, за которое бы можно было ручаться, мнѣ не удалось. Замирая отъ чувства тяжелой неловкости, стараясь не глядѣть ни на гр. Камаровскаго, ни на ассистента, прив.-доц. Уляницкаго, я выдавилъ изъ себя это злополучное опредѣленіе и тогда только взглянулъ. Принято спокойно обоими, и я, ободренный, уже покатился дальше. Но было бы несправедливо не отмѣтить высокой настроенности гр. Камаровскаго, его живой вѣры въ человѣческое благородство, въ лучшее будущее международныхъ отношеній. Пусть онъ не помогъ мнѣ стать юристомъ, зато въ числѣ немногихъ рукъ, помогающихъ подниматься по крутой лѣстницѣ истинно-человѣческаго восхожденія, была мнѣ когда-то протянута и его рука. Позже Листъ меня уже училъ, а все-таки мнѣ памятно омовеніе свѣжею водою при содѣйствіи Камаровскаго.

Лекціи профессора Тарасова (Ивана Трофимовича) рѣшительно оставляли меня и моихъ сотоварищей холод-

ными, а иногда и сердили 12). Наши остроумцы увѣряли, что они — прирожденные «полицеисты», такъ какъ и безъ Тарасова съ дѣтства знали, что городскія улицы мостятся, а по вечерамъ въ городахъ зажигаются фонари. Разумѣется, это былъ шаржъ, но въ каждой каррикатурѣ есть зерно правды: тарасовскій курсъ дѣйствительно растекался въ сторону фактовъ. И тѣмъ не менѣе, оборачиваясь назадъ, я теперь вижу, что Тарасовъ постоянно, хоть осторожно (попробовалъ бы онъ тогда безъ осторожности!) пріучалъ насъ къ мысли, что правительственная дѣятельность государства вовсе не является только терпимымъ зломъ, а можетъ быть и бываетъ благомъ, очень притомъ существеннымъ. Жаль только, что Тарасову не дано было властвовать надъ аудиторіей: для этого ему не хватало и отданности правовой идеѣ и словеснаго дара.

Послѣднее, пожалуй, мѣсто для меня занимали (страшно вымолвить) лекціи по исторіи русскаго права. Это объясняется не качествомъ лекторовъ: лишь одинъ изъ нихъ, проф. Мрочекъ-Дроздовскій (Петръ Николаевичъ), равнодушно отбывалъ лекціонную повинность, а прив.-доц. Филипповъ (Александръ Никитичъ), впослѣдствіи юрьевскій и московскій профессоръ, читалъ съ явною заинтересованностью своимъ предметомъ. Но лекціи по исторіи русскаго права разомъ потонули для меня въ свѣтѣ лекцій по русской исторіи: я упивался Ключевскимъ, и теперь съ гордостью твержу, что онъ былъ и моимъ учителемъ. О Ключевскомъ я говорить здѣсь не буду: лучше, чѣмъ проф. А. А. Кизеветтеръ («На рубежѣ двухъ столѣтій»), все равно не сказать, а мы почти сверстники, и я писалъ бы о томъ же Ключевскомъ, о которомъ вспоминалъ и проф. Кизеветтеръ. Благоразумно будетъ мнѣ послѣ него помолчать и о другихъ памятныхъ для меня профессорахъ историко-филологическаго факультета, такъ что я ограничусь здѣсь немногимъ. Хочется мнѣ, какъ юристу, добавить, что Ключевскій и Виноградовъ (Павелъ Гавриловичъ) выдавались вниманіемъ къ юридиче-

12) Такъ, не могли мы достаточно надивиться тому, что во вступительной своей лекціи онъ долго и съ явной обидой за свою науку и за идею государственнаго управленія упрекалъ «извѣстнаго писателя, глумливо утверждавшаго, будто задачи полиціи сводятся къ тому, чтобы **ташшить и не пущать»,** и серьезно доказывалъ шаржъ этого утвержденія, не замѣчая, что самъ же его обобщилъ.

скимъ конструкціямъ, мимо чего историкамъ проходить за обычай. Хотѣлось бы мнѣ заступиться и за Шварца (Александра Николаевича), профессора греческой словесности: къ нему многіе черезчуръ строги, а я обязанъ ему своимъ проникновеніемъ въ древній міръ еще до знакомства съ лекціями Курціуса (въ Берлинѣ) и книгами Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и Виламовица-ф.-Меллендорфа. Это, однако, больше относится къ моимъ воспоминаніямъ о гимназіи, чѣмъ объ университетѣ.

Но не сказать ничего о Шахматовѣ (Алексѣѣ Александровичѣ) рѣшительно нельзя. Конечно, о знаменитомъ академикѣ Шахматовѣ говорить не мнѣ, какъ не мнѣ говорить и о первыхъ ученыхъ шагахъ его въ качествѣ приватъ-доцента Московскаго университета: хоть я и осознавалъ свою любовь къ русскому языку въ собесѣдованіяхъ съ нимъ (внѣ университетскихъ, правда, стѣнъ), но филолога изъ меня не вышло. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ еще оставался приватъ-доцентомъ, когда я былъ на первомъ курсѣ, то я не выйду изъ границъ воспоминаній объ университетѣ, приведя здѣсь два-три анекдота именно о молодомъ Шахматовѣ, за достовѣрность которыхъ ручаюсь. Первый анекдотъ рисуетъ его какъ ушедшаго съ головою въ свою любимую науку до полной отрѣшенности отъ текущей дѣйствительности. Заговорили какъ-то о новомъ романѣ Бурже; выяснилось, что Шахматовъ его не читалъ и не собирается прочесть. Почему? И онъ со свойственною ему кротостью, со своею тихою улыбкою пояснилъ: «Знаете, когда берешь романъ, уходишь въ какой-то чужой міръ, не то, что читать свои книги по филологіи». И другой анекдотъ свидѣтельствуетъ все о той же отрѣшенности Шахматова отъ окружающаго, вѣдомаго всѣмъ. Онъ постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работалъ въ Румянцевскомъ музеѣ. И вотъ, какъ-то разъ, при выходѣ оттуда, въ отвѣтъ на поставленный ему вопросъ о картинѣ Иванова «Явленіе Христа народу», онъ обнаружилъ незнаніе, что она виситъ въ томъ же музеѣ, гдѣ онъ занимается; оказалось, что онъ впервые слышитъ вообще о картинной галлереѣ музея. Не могу удержаться и отъ сообщенія третьей мелочи, хоть это и случилось не въ Москвѣ и послѣ моего студенчества, на самомъ порогѣ петербургской жизни Шахматова. Едва пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ заявилъ, что все ему тамъ нравится мало: «И Нева ваша хуже Москвы-рѣки». — «Да гдѣ вы ее ви-

дѣли, что она показалась вамъ такой жалкой?» — «Съ Аничковскаго моста». Въ этой углубленности вниманія, естественно сузившагося оттого почти въ одну точку, было что-то трогательное, особенно для знавшихъ, какая чистая, ясная душа была у большого ученаго. Какъ-то, будучи уже знаменитостью, онъ мнѣ удовлетворенно сказалъ, что со мною ему «не нужно выбирать темы разговора», и это чрезвычайно характерно: я вѣдь всегда хотѣлъ, чтобы онъ говорилъ мнѣ какъ разъ о томъ, что его занимало по его спеціальности. Въ политикѣ онъ былъ «не боецъ, а только гость случайный»: выростая въ домѣ своей тетки О. Н. Шахматовой, онъ жилъ въ атмосферѣ поклоненія Каткову и «Московскимъ Вѣдомостямъ» и приватъ-доцентуру свою промѣнялъ въ 1890 г. на должность земскаго начальника (5 уч. Саратовскаго уѣзда, гдѣ у него было имѣніе) подъ вліяніемъ праваго теченія нашей общественной мысли, а женившись на Н. А. Градовской, войдя въ семью Градовскихъ, сталъ «кадетомъ». Въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего, что могло бы порочить Шахматова; онъ оставался всю жизнь вѣренъ себѣ и, смѣщаясь справа налѣво, никогда не перемѣщался сверху внизъ; а мнѣ думается, что вертикальныя перегородки между людьми гораздо менѣе существенны, чѣмъ горизонтальныя, особенно когда человѣкъ, какъ Шахматовъ, не рожденъ для политики.

На этомъ я и кончу объ университетскихъ преподавателяхъ моего времени. И такъ я задержался на нихъ 13),

---

13) Наскоро упомяну, впрочемъ, еще о проф. Легонинѣ и протопресвитерѣ Сергіевскомъ. Легонинъ, деканъ юридическаго факультета, читалъ судебную медицину, предметъ, по уставу 1884 г., уже необязательный. Онъ былъ профессоромъ и моего отца, единственнымъ общимъ у насъ обоихъ, соединяя такимъ образомъ 50 - 60-ые годы съ 80 - 90-ми. О протопресвитерѣ Сергіевскомъ вспоминалъ недавно А. А. Кизеветтеръ (назв. соч.) съ присущимъ ему мастерствомъ. Могу досказать немногое. Изъ высокопарныхъ выраженій Сергіевскаго я лично слышалъ двѣ фразы: 1) «Сія простая мысль понятна даже французскимъ, обстрѣляннымъ буйными мыслями ушамъ», и 2) «Сіе сказано не для того, чтобы сказать, но дабы не умолчать», въ примѣненіи, однако, не къ изложенію догмата св. Троицы (какъ говорится у проф. Кизеветтера), а къ чьей-то мысли, лекторомъ не одобренной. Бывало, что онъ и проваливалъ на экзаменѣ. Такъ случилось съ Н. А. Маклаковымъ, впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Тотъ отвѣтилъ ему кое-какъ (это бы еще не бѣда) и на упреки добавилъ:

а мнѣ еще надобно коснуться студентовъ и государственной испытательной комиссіи, тогда бывшей ощутительно на отлетѣ отъ университета и все-же съ нимъ связанной. Сознаю, что воспоминанія мои выходятъ гораздо отрывочнѣе, чѣмъ бы даже и я могъ написать, если бы располагалъ мѣстомъ и временемъ. И потому къ разнымъ кусочкамъ, изъ которыхъ сшиты, какъ деревенское ситцевое одѣяло, эти бѣглыя страницы, хочу прибавить вотъ еще что: очень бы мнѣ было огорчительно, если бы мои откровенныя сужденія, а то и обмолвки о наставникахъ, приложившихъ руку къ тому, чтобы университетъ перемололъ меня изъ мальчика во взрослаго, были сочтены за неблагодарность. Надѣюсь, что изъ-за пестроты моего изложенія все-таки видно, какъ мнѣ дорогъ университетъ. Профессора бываютъ, подобно деревьямъ въ лѣсу, разной высоты, но отсюда не слѣдуетъ, что малыя деревья — кустарникъ. А главное — лѣсъ въ его цѣломъ. И для меня университетъ со свободой слушать въ немъ, кого хотѣлось, являлся подлинною Universitas: университетскія лекціи и Румянцевскій музей, — ихъ печать я ношу на себѣ всю жизнь.

Студентовъ при мнѣ было порядочно: помнится, что число однихъ первокурсниковъ на юридическомъ факультетѣ въ 1889 - 90 г. равнялось 253. Кругъ моего знакомства въ студенческой средѣ нельзя назвать узкимъ: не даромъ я посѣщалъ лекціи на нѣсколькихъ факультетахъ, не даромъ я учился въ университетѣ даже итальянскому и испанскому узыку 14), не даромъ я состоялъ библіотекаремъ студенческой библіотеки15). Но студенческія тревоги

«Ужъ очень учебникъ у васъ непонятный», да назвалъ притомъ профессора батюшкой. Сергіевскій сухо возразилъ, что книга его удостоилась одобренія самого митрополита Филарета и поставилъ неудовлетворительный баллъ. Сергіевскій скончался, когда я былъ еще студентомъ. Его замѣнилъ протоіерей Елеонскій.

14) У лектора обоихъ этихъ языковъ, милѣйшаго В. Г. Мальма. Особенно тепло вспоминаю нашъ тѣсный ученическій кружокъ на урокахъ испанскаго языка.

15) Изъ студентовъ моего времени, которыхъ я зналъ еще въ университетѣ и которые потомъ выдѣлились на разныхъ поприщахъ, назову (въ алфавитномъ порядкѣ): Г. М. Беркенгейма (доктора, ѣздившаго къ Толстому въ Астапово), С. Н. Булгакова (профессора и протоіерея), С. Н. Василенка (композитора), М. О. Гершензона (писателя), И. И. Еропкина (начальника отдѣленія министерства юстиціи, по-

и движенія той поры почти цѣликомъ прошли въ сторонѣ отъ меня: не вижу основаній скрывать, да если бы и видѣлъ, все равно заставилъ бы себя не скрыть того, что принадлежалъ къ числу стоявшихъ далеко отъ жизни землячествъ и кружковъ. Марксизмъ тогда только что зарождался, и въ университетѣ я зналъ лишь одного его представителя, за то очень яркаго по своимъ дарованіямъ — С. Н. Булгакова (нынѣ о. Сергія), съ которымъ вмѣстѣ участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ по финансовому праву, гдѣ онъ блисталъ. Волненія въ мое время происходили дважды: если не ошибаюсь, въ 1890 г. (при ректорѣ Г. А. Ивановѣ) и въ 1892 г. (при ректорѣ Н. Н. Боголѣповѣ). Меня краемъ зацѣпили волненія 1887 г., когда студентъ Синявскій ударилъ инспектора Брызгалова, я когда я еще былъ гимназистомъ. Волненія же 1890 и 1892 годовъ меня вовсе не коснулись; знаю только, что оба раза нормальное теченіе университетскихъ занятій было нарушено, что студенты собирались на шумныя сходки, подавали петиціи 16), были загоняемы въ Манежъ (что противъ университета), сидѣли въ Бутырской тюрьмѣ; вождемъ студентовъ называли довольно дружно студента Маклакова (Василія Алексѣевича), уже и въ то время выдвинувшагося блестящими ораторскими способностями, несомнѣнною даровитостью, незаурядимъ умомъ и большими знаніями; онъ три года (1887 - 1890 г. г.) былъ на естественномъ факультетѣ, затѣмъ перешелъ на филологическій, а кончивъ его (1894 г.) — на слѣдующій же (1895) годъ получилъ юридическій дипломъ. Былъ ли онъ коноводомъ дѣйствительно, утверждать не рѣшусь, но что онъ могъ вести за собою массы, въ томъ не сомнѣва-

---

гибшаго въ великой войнѣ), Д. Д. Иванова (завѣдующаго юрисконсультской частью министерства финансовъ), П. Н. Кашкина (потомъ инженера путей сообщенія), И. А. Кизеветтера (директора гимназіи), Ѳ. Ѳ. Кокошкина (извѣстнаго политическаго дѣятеля, погибшаго отъ большевицкой руки), В. А. Маклакова (посла въ Парижѣ), Н. А. Маклакова (министра внутреннихъ дѣлъ), И. Х. Озерова (профессора въ Москвѣ и Петербургѣ), А. В. Оссовскаго (старшаго юрисконсульта министерства юстиціи, музыкальнаго критика, историка музыки), С. В. Познышева (профессора въ Москвѣ), Л. В. Собинова (пѣвца), Н. В. Тесленка (члена государственной думы, московскаго адвоката), В. Н. Челищева (министра юстиціи въ правительствѣ ген. Деникина).

16) Тогда говорили, что ректоръ Ивановъ отказался принять петицію, но, прійдя домой, обнаружилъ ее у себя въ заднемъ карманѣ.

юсь: слишкомъ ужъ многіе были имъ увлечены, чего и не скрывали.

Голодъ 1891 года всколыхнулъ большинство студентовъ, и каждому, кто хотѣлъ, нашлось дѣло, не столько по желанію, сколько по возможности и по пригодности. Мое участіе было самое скромное: меня приняли въ число студентовъ-распорядителей на публичныхъ лекціяхъ, которыя тогда устраивались въ пользу голодающихъ московскими общественными дѣятелями; изъ устроителей чаще всего видѣлъ я Д. И. Тихомирова и доктора В. П. Окорокова, бывая у нихъ за указаніями всякаго рода. Лекціи, насколько помнится, были въ общемъ очень удачны и успѣшно вносили свою лепту на борьбу съ голодомъ. Далъ повышенный противъ обыкновеннаго доходъ и студенческій концертъ, который состоялся зимою въ пользу также голодающихъ, а не студентовъ, нуждавшихся въ пособіи. Надобно сказать, что наши концерты въ пользу недостаточныхъ студентовъ давались тогда дважды въ годъ, и завѣдывала ихъ устройствомъ комиссія соединенныхъ студенческихъ хора и оркестра. Комиссія эта являлась единственнымъ выборнымъ общестуденческимъ органомъ; предсѣдательствовалъ въ ней В. А. Маклаковъ. Ея рѣшеніе дать концертъ не въ пользу недостаточныхъ сотоварищей, а въ пользу голодныхъ крестьянъ было принято съ одушевленіемъ всѣми, даже самими недостаточными. Матеріальный успѣхъ концерта окрылилъ комиссію, такъ что она и второй концертъ рѣшила дать снова въ пользу голодающихъ; уже тогда послышались недовольные голоса изъ среды нуждающихся студентовъ, но они были восприняты нами какъ проявленіе эгоизма. Мнѣ-то мой альтруизмъ легко давался: я жилъ на средства отца; однако, среди осуждающихъ эгоистическое неудовольствіе нѣкоторыхъ недостаточныхъ было много и такихъ студентовъ, которые сами нуждались. Но высшее начальство, видимо, «муха укусила»: попечитель округа (гр. П. А. Капнистъ) объявилъ, что министръ (гр. И. Д. Деляновъ) не разрѣшилъ вторично дать концертъ съ намѣченною студентами цѣлью, — хотя, казалось бы, что такого заключалось въ ней ужаснаго даже съ самой охранительной точки зрѣнія? Распоряженіе начальства было встрѣчено живымъ огорченіемъ всей студенческой массы; отчетливо помню, какъ я съ юношескою запальчивостью осуждалъ обоихъ графовъ. Но когда комиссія во главѣ съ В. А. Маклаковымъ

вынесла рѣшеніе не давать концерта вовсе, я «спалъ съ голоса»: какъ же это такъ студенчество будетъ выказывать свое неодобреніе попечителю цѣною весьма существеннаго ущерба для бѣдныхъ сотоварищей? Пока былъ выборъ между недостаточными студентами и голодными крестьянами, естественно было предпочесть крестьянъ, но теперь? Ужели драться съ начальствомъ нашими недоѣдающими? И хоть бы начальству стало больно, а то вѣдь ударъ придется по тѣмъ студентамъ, которымъ нечего будетъ заплатить за право ученія! Рѣшеніе комиссіи подлежало утвержденію общаго собранія хора и оркестра, и я заставилъ себя туда явиться. Заставилъ, это вѣрное слово. Мнѣ было страшно и выступить впервые публично съ рѣчью (доклады у Янжула казались уже дѣтскою игрою сравнительно съ тѣмъ, на что я отваживался), и состязаться съ ораторомъ такой силы, какъ Маклаковъ, и защищать свое мнѣніе въ условіяхъ, когда меня могутъ заподозрѣть въ угодливости къ старшимъ и власть имущимъ. Да, былъ и страхъ нареканія, не хочу таить. И только въ итогѣ большого усилія воли я выступилъ на защиту тѣхъ, кто естественно стѣснялся отстаивать личные интересы изъ боязни быть осужденнымъ въ своекорыстіи. Послѣ рѣчи Маклакова, сказанной съ обычнымъ для него мастерствомъ, я, слыша, какъ бьется сердце въ обоихъ вискахъ, сталъ ему возражать, и собственный голосъ звучалъ для меня какъ чужой. Потомъ говорили мнѣ, что вышло у меня гладко, но я знаю одно: я забылъ почти все, что затверживалъ еще утромъ, и говорилъ, какъ говорилось, ужасаясь, что выходитъ неизмѣримо блѣднѣе, чѣмъ у Маклакова. На голосованіи большинство высказалось за меня, концертъ въ пользу полуголодныхъ студентовъ былъ данъ, а правленіе комиссіи во главѣ съ Маклаковымъ немедленно подало въ отставку. Побѣдила, конечно, не моя рѣчь, а студенческая нужда.

Весною 1893 года весь курсъ юридическаго факультета былъ мною пройденъ. Я и мои сотоварищи получили зачетныя свидѣтельства. Въ нихъ было сказано, что мы выдержали благополучно такъ назыв. полукурсовые экзамены (происходившіе тогда въ два пріема, подъ конецъ второго и четвертаго семестровъ, въ указанные намъ дни и въ опредѣленномъ не нами порядкѣ), удостоились зачета 5-го и 6-го семестровъ за представленную письменную работу и прослушали 7 и 8-й семестры. Фор-

ма снята, и мы, облекшись въ штатское платье, странно насъ измѣнившее, понесли, — одинъ раньше, другой позже, — въ канцелярію попечителя округа (гдѣ помѣщалась канцелярія испытательной комиссіи) прошенія о допущеніи насъ къ государственнымъ экзаменамъ. Ихъ въ мое время было больше ,чѣмъ потомъ (послѣ того, какъ часть государственныхъ отошла къ полукурсовымъ), былъ и письменный экзаменъ (позже отмѣненный), а дипломное сочиненіе надобно было представлять уже при прошеніи о допущеніи. Я съ чувствомъ удовлетворенія несъ переплетенный томъ страницъ въ 400, плодъ моихъ полуторагодовыхъ трудовъ, подъ заглавіемъ: «Вѣчный и потомственный наемъ. Опытъ юридической конструкціи института». И какъ же я увялъ, когда секретарь комиссіи Михайловъ заявилъ, что не можетъ отъ меня принять моей работы, такъ какъ на ней нѣтъ профессорской помѣты. Я пытался-было растолковать ему, что это «кандидатская диссертація», и профессоръ ее будетъ читать потомъ; но Михайловъ твердилъ, что надо представлять то курсовое сочиненіе, за которое были зачтены 5-й и 6-й семестры. Я уже совсѣмъ приходилъ въ уныніе: такого моего сочиненія вовсе не существовало in rerum natura, потому что 3-ій курсъ мнѣ зачелъ проф. Янжулъ за доклады въ его семинаріи. Но на слова мои, что въ одномъ со мною положеніи находятся еще семь человѣкъ, секретарь возражалъ, что онъ и имъ скажетъ то же, когда они принесутъ ему свои прошенія, и совалъ мое обратно мнѣ въ руки. Выручилъ меня приходъ предсѣдателя испытательной комиссіи, кіевскаго проф. П. П. Цитовича: онъ разъяснилъ секретарю, что представлять вмѣсто дипломнаго курсовое сочиненіе, это — льгота, а не повинность, и самъ принялъ прошеніе отъ меня. Но моя «диссертація», сперва причинившая мнѣ хлопоты, потомъ явилась источникомъ большой для меня радости: 12 мая, въ день письменнаго экзамена, мнѣ было предложено остаться при университетѣ по гражданскому праву.

Государственныя испытанія происходили въ зданіи университета, въ той актовой залѣ, гдѣ мы слушали лекціи, будучи на первомъ курсѣ: кругъ сомкнулся. Экзаменовали насъ почти исключительно наши профессора, но мы входили въ залу уже не иначе, какъ въ «цивильной» одеждѣ, т. е. чужаками для университета, и отвѣчали подъ внимательными, порою строгими взглядами дѣятельнаго,

быстраго въ движеніяхъ, вездѣсущаго Цитовича, чужака для нашего университета еще болѣе, чѣмъ мы. Онъ же и экзаменовалъ насъ по торговому праву. Экзаменъ по полицейскому праву былъ у меня послѣднимъ, въ самомъ концѣ мая. 28-го я уже получилъ временное свидѣтельство, удостовѣряющее мое право на дипломъ 1-ой степени.

Въ октябрѣ, передъ самымъ отъѣздомъ за границу на цѣлый годъ, я былъ факультетомъ оставленъ вмѣстѣ съ И. Х. Озеровымъ (по финансовому праву), Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ (по государственному праву) и В. Н. Вольманомъ (по римскому праву). Тогда же я участвовалъ въ первомъ (на квартирѣ проф. Звѣрева) собраніи кружка оставленныхъ при университетѣ по каѳедрамъ юридическаго факультета, и тамъ впервые увидѣлъ А. Э. Вормса, И. А. Базанова и А. А. Рождественскаго (тоже цивилистовъ, оставленныхъ ранѣе меня). Все это мелькало передъ моими глазами, какъ въ калейдоскопѣ: я мысленно былъ уже за рубежомъ. Только А. Э. Вормсъ врѣзался въ мою память своими умными и тонкими сужденіями, да такъ и стоитъ передъ глазами у меня вѣчно молодой: я больше никогда съ нимъ не встрѣчался. Да и И. А. Базанова встрѣтилъ уже въ эмиграціи. Вернуться въ Москву, въ свой родной университетъ, мнѣ было не суждено.

Сергѣй Завадскій.

Первые годы моего студенчества

(1889 — 1891)

Мои воспоминанія о Московскомъ университетѣ вытекаютъ изъ 30-лѣтняго періода моей жизни, тѣсно связаннаго съ этимъ дорогимъ русскому сердцу разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи.

Я вижу себя студентомъ, ординаторомъ клиники, ассистентомъ, приватъ-доцентомъ, профессоромъ, и отъ всѣхъ этихъ періодовъ моего пребыванія въ стѣнахъ родного университета въ памяти моей сохранились слѣды впечатлѣній и переживаній, возникавшихъ изъ жизненной связи съ нимъ.

Желанной увѣренностью было для меня сохраненіе этой связи до конца моихъ дней, но великая катастрофа, постигшая нашу Родину, не только оторвала отъ Московскаго университета многихъ преданныхъ его дѣлу работниковъ, но нанесла роковой ударъ и его славному бытію.

Духовной связи съ роднымъ мнѣ университетомъ ничто порвать не можетъ, и потому такъ живы и ярки въ памяти картины уже отдаленнаго прошлаго.

Беру для этого очерка изъ архива своихъ воспоминаній лишь относящіяся къ первымъ двумъ годамъ моего студенчества.

Болѣе 40 лѣтъ прошло уже съ того памятнаго дня, когда я съ горделивымъ сознаніемъ, что я студентъ Московскаго университета, переступилъ порогъ нашей alma mater.

Навѣрное такое же чувство жило тогда и въ сердцахъ моихъ товарищей первокурсниковъ, съѣхавшихся въ Москву со всѣхъ концовъ необъятной Россіи.

Сколько было новыхъ впечатлѣній въ первые дни, сколько нетерпѣнія войти скорѣе въ курсъ университетской жизни, увидѣть и услышать популярныхъ профессоровъ. Въ результатѣ такого нашего настроенія аудиторіи

ихъ въ первое время послѣ начала занятій были переполнены новичками студентами всѣхъ факультетовъ.

Я поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, и здѣсь особенный интересъ возбудили во мнѣ предметы біологіи. Къ физикѣ, химіи, минералогіи я относился безъ увлеченія, но зато мой учебный день оказался перегруженнымъ записью на необязательные курсы, по интересовавшимъ меня отдѣламъ естествознанія.

Излюбленнымъ для меня мѣстомъ въ стѣнахъ университета сталъ зоологическій музей, гдѣ наша группа юныхъ біологовъ проводила много времени на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ.

Тамъ же въ полутемныхъ проходахъ между витринами съ экземплярами животнаго царства мы любили вести наши бесѣды въ свободное отъ занятій время.

Въ центральной части музея нерѣдко можно было видѣть сидящимъ на цоколѣ подъ какой-то древней пальмой нашего профессора зоологіи А. П. Богданова. Его неподвижная сутуловатая фигура какъ то гармонировала своимъ обликомъ со всей обстановкой этого музейнаго собранія, созданнаго, главнымъ образомъ, его энергіей и трудами.

Въ своихъ занятіяхъ со студентами онъ отличался большой педантичностью. Лекціи его, начинавшіяся всегда точно въ установленное время, были строго академичны. Никогда не позволялъ онъ себѣ какого либо отступленія отъ предмета лекціи, какихъ либо ораторскихъ пріемовъ, чтобы оживить вниманіе слушателей. Содержательность лекціи и ясность изложенія обезпечивали это вниманіе.

Дополненіемъ его курса были лекціи и практическія занятія его помощниковъ по каѳедрѣ Н. Ю. Заграфа, Гр. А. Кожевникова и Гондатти, изъ которыхъ двое первыхъ были въ дальнѣйшемъ профессорами Московскаго университета, а послѣдній сталъ извѣстенъ, какъ талантливый администраторъ на Дальнемъ Востокѣ.

Полную противоположность тому типу академическаго преподавателя, какимъ былъ профессоръ А. П. Богдановъ, представлялъ другой талантливый представитель профессорской коллегіи А. И. Бабухинъ.

Затрудняюсь рѣшить, что больше способствовало его популярности въ средѣ студенчества — его талантливость

или его оригинальность. О значеніи его ученыхъ трудовъ по гистологіи, создавшихъ ему извѣстность, мы судить не могли, но охотно вѣрили въ его геніальность.

Это былъ несомнѣнно человѣкъ, высокоодаренный способностью научнаго изслѣдованія и философскаго мышленія, съ большимъ ораторскимъ талантомъ, но одержимый какимъ то недугомъ. Неизвѣстно, что было преобладающимъ въ его болѣзни — физическое ли страданіе или рѣзкая душевная неуравновѣшенность, но, очевидно, было и то и другое.

Въ описываемый мною періодъ онъ жилъ какъ бы отшельникомъ въ своей квартирѣ въ зданіи университета. Получалось впечатлѣніе, что онъ выходилъ изъ своего помѣщенія только для чтенія лекцій и занятій въ лабораторіи, но и это случалось нечасто. Бывало, что онъ недѣлями не покидалъ дивана въ своемъ кабинетѣ, предоставляя своимъ помощникамъ по каѳедрѣ веденіе занятій со студентами.

Зато когда появлялась въ аудиторіи его изможденная фигура въ старомъ сѣромъ халатѣ съ черной шапочкой на головѣ и когда къ намъ обращалось его сухое, землистаго цвѣта лицо со взоромъ аскета-мыслителя, мы съ затаеннымъ дыханіемъ ловили слова его лекціи.

Она всегда была интересна, но изложеніе было неровное въ зависимости, повидимому , отъ настроенія лектора. Его ораторскій талантъ проявлялся съ наибольшей силой на его первой лекціи въ началѣ учебнаго года. Содержаніе этихъ лекцій выходило всегда за предѣлы его курса гистологіи, захватывало обширныя области біологіи и философіи и оставляло неизгладимое впечатлѣніе силой и красотой изложенія.

Лекціи онъ читалъ въ ветхомъ, подлежавшемъ слому зданіи стараго анатомическаго театра, въ аудиторіи, потолокъ которой былъ подпертъ въ предотвращеніе обвала деревянными столбами, и вѣяло принадлежащимъ прошлому и отъ облика лектора и отъ окружавшей его обстановки.

Втеченіе послѣдовавшихъ лѣтъ на мѣстѣ этого зданія былъ выстроенъ просторный институтъ физіологіи и гистологіи, гдѣ преемникомъ проф. А. И. Бабухина явился его бывшій помощникъ проф. И. Ф. Огневъ.

Встаютъ въ памяти облики другихъ профессоровъ, лекціи которыхъ я слушалъ на первомъ курсѣ естественнаго

факультета и на второмъ медицинскаго (на который перешелъ съ перваго курса естественнаго).

Представительный, нѣсколько чопорный, всегда тщательно одѣтый профессоръ анатоміи Д. Н. Зерновъ, за которымъ укрѣпилось среди его помощниковъ и студентовъ названіе «генералъ».

Дѣйствительно, къ его внѣшности и манерѣ держаться болѣе подходилъ бы кабинетъ, по меньшей мѣрѣ, директора департамента, чѣмъ анатомическій театръ съ рядами труповъ на оцинкованныхъ столахъ.

Однако его «генеральство» не мѣшало ему быть солиднымъ ученымъ и хорошимъ преподавателемъ. Онъ отличался большой требовательностью къ своимъ подчиненнымъ, былъ строгимъ экзаменаторомъ, но въ своемъ требованіи дисциплинированной научной работы не дѣлалъ исключенія для себя. Обширное, хорошо составленное руководство по анатоміи и богатый музей остались памятниками его профессуры въ Московскомъ университетѣ.

Много часовъ пришлось мнѣ провести въ зданіи анатомическаго театра не только во время пребыванія моего на первыхъ двухъ курсахъ, но и въ послѣдовавшіе годы, когда почти всѣ наши занятія были сосредоточены въ клиническомъ городкѣ на Дѣвичьемъ Полѣ.

Благодаря моему знакомству съ помощникомъ прозектора П. И. Карузинымъ, въ дальнѣйшемъ получившимъ каѳедру анатоміи, я имѣлъ доступъ въ прозекторскую комнату, гдѣ готовились препараты для демонстраціи на лекціяхъ и для музея.

Кромѣ меня тамъ часто работали еще 4 студента — любители анатоміи. Отношенія между нами, прозекторомъ и его помощниками установились простыя, почти дружескія, и мы пріятно проводили часы нашей анатомической работы. Прозекторъ А. П. Губаревъ, диллетантъ по натурѣ, склонный къ балагурству (впослѣдствіи профессоръ гинекологіи) вносилъ своими острыми словцами и разсказами много оживленія въ нашу группу, которой онъ далъ названіе «academia del arte».

Я спеціализировался на составленіи скелетовъ, и въ дальнѣйшемъ это занятіе явилось для меня даже источникомъ заработка. Во время моего пребыванія на старшихъ курсахъ медицинскаго факультета я нерѣдко проводилъ вечерніе часы и часто за полночь въ прозектор-

ской анатомическаго театра на Моховой ул., выполняя заказъ на скелетъ для какого либо научнаго учрежденія или больницы.

Помню хорошо всѣхъ служителей анатомическаго театра и особенно старшаго изъ нихъ, состоявшаго при профессорскомъ кабинетѣ, пронырливаго «Жана», который былъ всегда въ курсѣ всѣхъ дѣлъ учрежденія, вплоть до настроенія профессора, что было важно знать экзаменующемуся студенту для успѣшной сдачи зачета. Такой типъ стараго служителя, сроднившагося со своимъ учрежденіемъ и считавшаго себя какъ бы неотъемлемой его принадлежностью, часто встрѣчался тогда въ институтахъ и клиникахъ Московскаго университета.

Курсъ физіологіи читали проф. Соколовскій и прозекторъ Л. З. Мороховецъ. О первомъ изъ нихъ у меня сохранилось смутное воспоминаніе, какъ о маленькомъ, добродушномъ старичкѣ, взоръ котораго во время чтенія лекціи почти всегда былъ устремленъ въ потолокъ, а рѣчь напоминала щебетанье птички. Нашъ курсъ былъ, кажется, послѣднимъ, которому онъ читалъ. Вскорѣ послѣ того онъ скончался и каѳедру его занялъ извѣстный физіологъ проф. Сѣченовъ.

Въ противоположность вялому настроенію слушателей, которое было преобладающимъ на лекціяхъ проф. Соколовскаго, практическія занятія и лекціи Л. З. Мороховца часто оглашались веселымъ смѣхомъ всей аудиторіи, въ которомъ принималъ участіе и самъ лекторъ. Трудно было удержаться отъ смѣха, слыша неожиданныя сравненія, къ которымъ любилъ прибѣгать лекторъ для выясненія намъ различныхъ физіологическихъ процессовъ, видя его мимику и жесты, которыми онъ широко дополнялъ свое изложеніе. Должно отмѣтить однако, что эта образность его рѣчи и хорошо поставленные опыты на животныхъ много способствовали усвоенію нами основъ физіологіи. Всегда благодушно настроенный или казавшійся таковымъ, всегда со словомъ «collega» на устахъ, Л. З. Мороховецъ въ обращеніи съ нами держался какъ нашъ старшій товарищъ.

Типичнымъ кабинетнымъ ученымъ и выдающимся лекторомъ по стройности изложенія научной мысли былъ профессоръ физики Столѣтовъ. Его сухая фигура въ вицмундирѣ съ безстрастнымъ, строгимъ лицомъ, обращеннымъ почти всегда въ лѣвую сторону аудиторіи, ровная

рѣчь какъ бы дисциплинировали обширную аудиторію. Не было ни лишняго движенія, ни звука. Приходилось напрягать вниманіе, чтобы не поддаться утомленію отъ нѣсколько однообразнаго изложенія всегда интересной по содержанію лекціи.

Профессоръ Столѣтовъ былъ безстрастнымъ и строгимъ экзаменаторомъ, не принимавшимъ никакихъ объясненій по поводу слабости познаній экзаменующагося, и число пострадавшихъ на его экзаменахъ было всегда велико. Было извѣстно, что онъ предпочитаетъ полное молчаніе экзаменующагося его неудовлетворительному отвѣту. Въ первомъ случаѣ онъ ставилъ отмѣтку 2, во второмъ единицу. Единица имѣла послѣдствіемъ оставленіе на второй годъ, двойка давала право перехода на слѣдующій курсъ при условіи сдачи всѣхъ остальныхъ экзаменовъ и передержки экзамена по физикѣ черезъ годъ. Поэтому на экзаменѣ у проф. Столѣтова студентъ, неувѣренный въ своихъ познаніяхъ въ объемѣ доставшагося ему билета предпочиталъ оставаться безмолвнымъ, чѣмъ подвергаться большему риску изъ-за неудовлетворительности отвѣта. Вторичные экзамены проходили почти всегда благополучно. Возможно, что это происходило не отъ лучшей подготовки экзаменующагося, но отъ большей снисходительности экзаменатора.

Остальные курсы читали: неорганической химіи — проф. Сабанѣевъ, органической химіи — проф. Булыгинскій, минералогіи — проф. Павловъ, ботаники — проф. Горожанкинъ, антропологіи — проф. Анучинъ, фармакогнозіи и фармаціи — проф. Тихомировъ. Думаю, что обо всѣхъ нихъ слушатели сохранили благодарное воспоминаніе, какъ о достойныхъ членахъ профессорской коллегіи и болѣе или менѣе хорошихъ университетскихъ преподавателяхъ.

Навѣрное у всѣхъ студентовъ, посѣщавшихъ лекціи проф. Сабанѣева сохранилась также въ памяти безмолвная фигура лаборанта кн. Волконскаго, производившаго втеченіе многихъ лѣтъ передъ аудиторіей химическіе опыты для иллюстраціи изложенія профессора.

Спустя 15 лѣтъ послѣ этихъ первыхъ лѣтъ моего студенчества, когда я былъ удостоенъ избранія на каѳедру Московскаго университета, я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться на нашихъ факультетскихъ и совѣтскихъ засѣданіяхъ еще съ многими изъ моихъ первыхъ профессоровъ.

Въ настоящее время уже никого изъ нихъ нѣтъ на свѣтѣ.

Въ описываемый періодъ университетской жизни въ студенчествѣ не наблюдалось еще вѣянія житейскаго практицизма, наоборотъ, какъ въ средѣ профессоровъ и младшихъ тружениковъ науки, такъ и въ средѣ студентовъ были сильны идейныя настроенія. Для тѣхъ и другихъ университетъ оставался храмомъ науки и источникомъ облагораживающей человѣка силы просвѣщенія.

Мы студенты относились къ нашимъ профессорамъ съ искреннимъ уваженіемъ, какъ къ дѣятелямъ на поприщѣ русскаго просвѣщенія, и степень популярности ихъ среди насъ зависѣла исключительно отъ ихъ талантливости, плодотворности ихъ профессорской дѣятельности и вѣрности высокимъ традиціямъ Московскаго университета.

Для молодежи, окончившей университетскій курсъ и желавшей остаться при университетѣ для продолженія научной работы стимуломъ къ этому была любовь къ наукѣ, но не желаніе личнаго матеріальнаго благополучія. Прежде чѣмъ получить мало-мальски сносное обезпеченіе жизни большинству приходилось пройти долгій и трудный путь лишеній и напряженнаго умственнаго труда. Даже матеріальное положеніе профессоровъ было далеко незавиднымъ, такъ какъ высшій профессорскій окладъ содержанія едва обезпечивалъ скромное существованіе. Большинству семейныхъ профессоровъ приходилось искать дополнительнаго заработка. Эти житейскія затрудненія не могли, однако, имѣть большого значенія для тѣхъ истинныхъ дѣятелей науки, которые находили высокое удовлетвореніе въ возможности научной работы и въ признаніи ихъ моральнаго авторитета не только ихъ учениками, но всѣмъ культурнымъ русскимъ обществомъ.

Переходя теперь къ воспоминаніямъ о студенчествѣ того времени, я прежде всего считаю долгомъ отмѣтить объединявшее насъ чувство товарищества.

Были, конечно, студенты, державшіеся особнякомъ, не принимавшіе участія въ обсужденіи возникавшихъ вопросовъ студенческой жизни, но я не помню ни одного случая нетоварищескаго выступленія.

Какъ курьезъ, порожденный подозрительностью высшаго начальства къ студенческой благонадежности, отмѣчу здѣсь параграфъ правилъ, отпечатанныхъ на нашихъ билетахъ, гласившій, что каждый студентъ является отдѣльнымъ слушателемъ университета. Какое значеніе могъ

имѣть для насъ этотъ параграфъ при естественномъ влеченіи другъ къ другу молодежи, занимающейся однимъ дѣломъ и имѣющей общіе идеалы и стремленія. Помимо этого естественнаго стимула къ общенію наша университетская жизнь требовала созданія курсовыхъ и групповыхъ организацій хотя бы для установленія порядка на нашихъ практическихъ занятіяхъ.

Что касается нашего политическаго направленія, то, конечно, огромное большинство изъ насъ было настроено либерально, однако не было въ нашей средѣ ни политическихъ разногласій, ни національныхъ разслоеній, объ отсутствіи политическихъ группировокъ съ опредѣленными программами и говорить не приходится.

Могу утверждать съ глубокимъ убѣжденіемъ, что революціоннаго движенія въ студенчествѣ того времени не возникало. Источники его были всегда внѣ университета, и, если среди молодежи, вовлекавшейся въ него или ему сочувствовавшей, были единичные студенты Московскаго университета, то студенчество въ массѣ было чуждо революціонныхъ настроеній. Когда вспоминаешь теперь о характерѣ бывшихъ тогда «тайныхъ» организацій, въ которыхъ я принималъ участіе — въ «кружкѣ самообразованія» и въ «московскомъ землячествѣ», не можешь не улыбнуться при мысли, что такія организаціи могли признаваться опасными для государственнаго порядка. Существовала даже сверхконспиративная организація «центральнаго союза землячествъ», изъ которой однако за все время пребыванія моего въ землячествѣ никакихъ директивъ не поступало.

Главнымъ содержаніемъ нашихъ «тайныхъ» собраній были собесѣдованія за стаканомъ чая по различнымъ вопросамъ университетской и общественной жизни.

Дѣловая часть сводилась къ выслушиванію докладовъ преимущественно на біологическія и философскія темы и къ кассѣ взаимопомощи; ни одной копѣйки изъ этой всегда скудной кассы не пошло на дѣла политическія.

Въ первый же годъ моего пребыванія въ университетѣ, весною 1890 года мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такъ назыв. студенческихъ безпорядковъ.

Совершенно не помню, чѣмъ они были вызваны. Во всякомъ случаѣ для нихъ не было никакого повода въ событіяхъ университетской жизни. Возможно, что это было проявленіе протеста противъ какого нибудь представля-

шагося несправедливымъ правительственнаго акта или демонстрація сочувствія кому либо, пострадавшему за свои политическія убѣжденія. Безпорядки выразились въ обычной формѣ демонстраціи на Моховой противъ зданія стараго университета. Результатъ демонстраціи былъ также обычный: группы демонстрантовъ окружались конными казаками или жандармами и отводились въ зданіе манежа. Вечеромъ часть задержанныхъ была отпущена, а остальные препровождены въ Бутырскую тюрьму.

Ночью было произведено нѣсколько арестовъ студентовъ на ихъ квартирахъ. Среди арестованныхъ оказался мой товарищъ по курсу М. М. Нечаевъ, и о судьбѣ его втеченіе нѣсколькихъ дней нельзя было получить никакихъ свѣдѣній.

Лишь послѣ того, какъ мать арестованнаго обратилась съ просьбой къ Московскому ген.-губернатору, милѣйшему князю С. А. Долгорукому и онъ приказалъ произвести разслѣдованіе, крамольный студентъ былъ немедленно освобожденъ изъ арестнаго помѣщенія при участкѣ. Оказалось, что онъ былъ взятъ по ошибкѣ. Изъ другихъ арестованныхъ нѣсколько человѣкъ было выслано изъ Москвы, другіе освобождены по отбытіи небольшого срока заключенія. Права продолжать высшее образованіе не былъ лишенъ никто.

И раньше и позже этихъ студенческихъ безпорядковъ бывали періодически подобные же, протекавшіе обычно по такому же шаблону. Вѣроятно были лица, подстрекавшія къ нимъ — фанатики или провокаторы, но огромное большинство студентовъ, принимавшихъ въ нихъ участіе дѣлало это, движимое желаніемъ выразить правильный или неправильный протестъ или чувствомъ товарищеской солидарности. Поэтому было бы ошибочно видѣть въ этихъ безпорядкахъ проявленіе революціоннаго настроенія студенчества.

Закончу свои воспоминанія разсказомъ объ эпизодѣ, обрисовывающемъ отношеніе тогдашняго студенчества къ общественнымъ событіямъ въ Россіи и къ своему товарищескому долгу.

Въ 1890 - 91 г. г. обширный районъ Поволжья постигъ вслѣдствіе засухи сильный неурожай. Послѣдствія его оказались болѣе тяжелыми, чѣмъ предвидѣлось мѣстной администраціей, и среди зимы потребовалось принятіе срочныхъ мѣръ, чтобы спасти отъ голода и сопутствующихъ

ему болѣзней пострадавшее крестьянское населеніе. Были приняты правительственныя мѣры, пришли на помощь организаціи Краснаго Креста, земскія и общественныя. Отзывчивость русскаго общества на это народное бѣдствіе проявилась очень широко въ видѣ пожертвованій и добровольцевъ по организаціи столовыхъ и оказанію медицинской помощи. Среди этихъ добровольцевъ были и студенты Московскаго университета, но въ средѣ студенчества возникла мысль о необходимости проявить болѣе сильное участіе въ дѣлѣ помощи голодающимъ.

Ко времени Татьянина дня, даты основанія университета, студенты пріурочивали ежегодно устраиваемый ими въ залахъ Благороднаго Собранія концертъ, сборъ съ котораго поступалъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Въ концертѣ этомъ участвовали хорошій студенческій оркестръ подъ дирижерствомъ Эрмансдорфера, студенческій хоръ и выдающіеся музыканты и артисты Императорскихъ театровъ. Московское общество, извѣстное своей отзывчивостью на нужды университета и студентовъ, охотно отвѣчало на призывъ молодежи, и въ результатѣ матеріальный успѣхъ концерта всегда былъ хорошій.

И вотъ въ средѣ студенчества возникла и стала пропагандироваться мысль отдать сборъ съ этого традиціоннаго студенческаго концерта на помощь голодающимъ. Сердце чуткой, горячей молодежи отзывалось на жуткія картины голода, подсказывало отдать эти деньги туда, гдѣ онѣ могли помочь спасенію жизней. Однако для многихъ студентовъ, сочувствовавшихъ мысли помочь голодающимъ, возникало сомнѣніе въ правильности такого рѣшенія, обездоливающаго ихъ нуждающихся товарищей.

Для разрѣшенія этого вопроса, сильно волновавшаго студентовъ, начальствомъ университета было разрѣшено студенческое собраніе.

Въ часъ, назначенный для собранія, самая обширная аудиторія университета была переполнена студентами. Ожидались горячіе дебаты за и противъ предложенія, но ихъ не послѣдовало.

Въ пользу рѣшенія передать сборъ съ концерта на помощь голодающимъ говорилъ только одинъ ораторъ, студентъ филологическаго факультета В. А. Маклаковъ, и когда онъ подъ громъ апплодисментовъ закончилъ свою исключительно сильную и красивую рѣчь, единогласное рѣшеніе уже было принято. Вопроса уже не существова-

ло, настолько аудиторія прониклась убѣжденіемъ, что другого рѣшенія принять нельзя. Оставалось, однако, сознаніе, что нельзя имъ ограничиться, что надо сдѣлать что то еще для огражденія интересовъ нуждающихся товарищей. Это что то было найдено и къ осуществленію его было приступлено на слѣдующій день послѣ концерта.

Во многихъ аудиторіяхъ университета выступили ораторы съ призывомъ къ организаціи сбора въ пользу недостаточныхъ товарищей, такъ какъ недопустимо за ихъ счетъ оказывать помощь голодающимъ. Этотъ призывъ встрѣченъ былъ общимъ сочувствіемъ, и въ результатѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ было собрано не менѣе суммы, поступившей отъ концерта — около 12 тыс. рублей.

Когда переживаешь исторію славнаго прошлаго Московскаго университета и вспоминаешь недавній расцвѣтъ его культурной работы, крѣпнетъ увѣренность, что кончится какъ кошмарный сонъ захватъ его разнуздавшимся хамствомъ и проснется въ немъ свободная творческая мысль для выполненія высокой миссіи на благо родной странѣ.

Проф. **И. Алексинскій.**

Медицинскій факультетъ Московскаго Университета 90-хъ годовъ

Осенью 1896 года я пріѣхалъ въ Москву, поселился въ меблированныхъ комнатахъ Реброва, что на Плющихѣ, и зажилъ жизнью этой тихой, уютной окраины старой Москвы. Широкая, привольная, плохо вымощенная Плющиха окаймлялась въ то время рядами бѣлыхъ одноэтажныхъ домиковъ съ мезонинами. Днемъ каждые полчаса по ней пробѣгалъ, неистово звоня въ огромный колоколъ, небольшой вагончикъ конки съ желтымъ «ярлыкомъ». Нашумитъ на всю улицу и скроется за вѣковыми деревьями Дѣвичьяго поля. Изрѣдка продребезжитъ извощичья пролетка .Вотъ и все уличное движеніе. Съ наступленіемъ темноты жизнь совсѣмъ замирала. Зажигались тускло мерцающіе керосиновые фонари, изъ-подъ воротъ вылѣзали дежурные дворники въ неуклюжихъ овчинахъ, устраиваясь на ночлегъ въ нишахъ калитокъ, и улица засыпала. Около двѣнадцати на полчаса ее будило хоровое пѣніе. Изъ города проходили группы молодыхъ людей въ темно зеленыхъ офицерскаго покроя пальто съ золотыми гвардейскими пуговицами и въ фуражкахъ съ синими околышами. Это студенты медики возвращались изъ театровъ и коротали долгій (часа полтора) путь дружнымъ хоровымъ пѣніемъ.

***

Часовъ въ 8½ утра по скромной улицѣ пролетала вихремъ первая партія солидныхъ каретъ, запряженныхъ парой вороныхъ. Ровно черезъ 2 часа за ней слѣдовала вторая партія. И еще черезъ 2 часа — третья. Это профессора медицинскаго факультета съѣзжались въ клиники. Согласно расписанію лекцій первыми ѣхали терапевты. Во второй очереди слѣдовали хирурги. Въ послѣдней были представлены остальныя спеціальности. Зимой вмѣсто ка-

ретъ мчались помѣстительныя парныя сани съ высокими спинками, своего рода диваны, поставленные на полозья. Московская традиція требовала, чтобы профессоръ клиницистъ ѣздилъ въ каретѣ на парѣ вороныхъ. И традиція эта свято блюлась въ 90-хъ годахъ. Теоретикъ могъ ѣхать на конкѣ, или даже итти пѣшкомъ. Но пара вороныхъ была обязательна для клинициста. Она была не только обязательствомъ, но и привилегіей. На парѣ ѣздилъ профессоръ. А ассистентъ имѣлъ право только на лихача. Среди тогдашнихъ ассистентовъ было немало могущихъ позволить себѣ роскошь парнаго выѣзда. Но не дерзалъ ни одинъ, и пара замѣняла рысака лишь съ полученіемъ каѳедры.

Только въ десятыхъ годахъ эта традиція была оставлена. Къ тому времени къ Дѣвичьему Монастырю провелъ электрическій трамвай, и хирургъ Мартыновъ первымъ сдѣлалъ починъ, пріѣхавъ на лекцію въ трамваѣ...

***

Годы моего студенчества были золотыми годами медицинскаго факультета Московскаго университета, и едва ли часто повторялись въ университетской исторіи всѣхъ странъ такія исключительно счастливыя сочетанія свѣтилъ, какъ московское сочетаніе 90-хъ годовъ. Правда, къ моему переѣзду въ Москву изъ этого сочетанія уже успѣли выпасть Склифасовскій, Захарьинъ и Эрисманъ. Первый умеръ, второй, выслуживъ срокъ, вышелъ въ отставку. Поводомъ къ его уходу явилась шумная студенческая демонстрація противъ него (отголосокъ поднятой противъ Захарьина кампаніи на столбцахъ Манассеинскаго «Врача»). Онъ могъ остаться еще на пятилѣтіе, но обидѣлся и не остался. Эрисманъ, кажется, тоже выслуживъ пенсію, уѣхалъ въ Швейцарію. Эти потери явились началомъ ущерба. Но факультетъ представлялъ собой такое яркое созвѣздіе, что и послѣ этого еще цѣлыхъ десять лѣтъ блисталъ на всю Россію.

Созвѣздій изъ однѣхъ звѣздъ первой величины, конечно, не бываетъ. Были и въ Москвѣ звѣзды второй и третьей величины. Помимо міровыхъ ученыхъ, были серьезные, хорошіе ученые меньшаго калибра. Были даже вовсе не ученые, а большого таланта и опыта врачи. Среди

нихъ были тоже колоритныя, самобытныя фигуры, ярко запомнившіяся намъ, студентамъ.

Я, къ сожалѣнію, попалъ въ Москву только на третій курсъ, а потому не слушалъ цѣлаго ряда теоретиковъ очень большого удѣльнаго вѣса. Ни грозноблестящаго Столѣтова, ни маститаго Богданова, ни самобытнаго Булыгинскаго, ни великаго Сѣченова. Съ послѣднимъ я встрѣтился только однажды на государственномъ экзаменѣ. Но и этой мимолетной встрѣчи было достаточно, чтобы запечатлѣлся въ сердцѣ моемъ образъ великаго физіолога — его крестьянски простецкое лицо со сбившейся на сторону сѣденькой бороденкой, его необычайная доброта, мягкость и терпимость къ чужому невѣжеству.

Всѣхъ этихъ большихъ людей я вынужденно обхожу молчаніемъ.

Но если бы я захотѣлъ писать обо всѣхъ, кого я слушалъ, а всѣ они этого достойны, то потребовалось бы слишкомъ много мѣста. А потому волей неволей приходится ограничиться образами наиболѣе яркими.

Дмитрій Николаевичъ Зерновъ.

Изъ крупныхъ профессоровъ первыхъ двухъ курсовъ мнѣ пришлось сталкиваться съ однимъ Зерновымъ, какъ ректоромъ университета. Это былъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ анатомовъ, авторъ классическаго трехтомнаго руководства по описательной анатоміи. Анатомія — наука вполнѣ установившаяся, а потому имена даже самыхъ большихъ современныхъ анатомовъ не связываются съ какими либо важными открытіями. Зернову все же принадлежитъ честь разработки нѣкоторыхъ деталей строенія головного мозга. Имъ между прочимъ описана одна изъ мозговыхъ бороздъ. И въ связи съ этимъ произошелъ на экзаменѣ любопытный случай. Эта борозда описана была и другими учеными, а потому въ своемъ учебникѣ Зерновъ привелъ всѣ ея названія, проставивъ въ скобкахъ рядомъ со своимъ латинское mihi, что въ переводѣ значитъ: мое названіе. Одинъ усердный, но плохо знающій латынь, студентъ, отвѣчая на экзаменѣ борозды мозга, выпалилъ ея названіе дословно по книгѣ Зернова: «fissura arcuata praecunei mihi». Зерновъ съ усмѣшкой

взглянулъ на безсознательнаго плагіатора, но конечно ничего ему объяснять не сталъ.

***

Зерновъ очень любилъ ручной трудъ. Дома въ его кабинетѣ стоялъ большой токарный станокъ. Въ Институтѣ же у него была цѣлая мастерская, въ которой онъ дѣлалъ прекрасныя анатомическія модели. Въ музеѣ его Института вѣроятно и по сіе время хранится его модель уха. Этотъ невѣроятно сложный и запутанный по строенію органъ онъ вылѣпилъ изъ папье-маше въ колоссальныхъ размѣрахъ: ушная раковина равнялась чуть ли не половинѣ человѣческаго роста. Лѣпилъ онъ эту модель много лѣтъ.

***

По внѣшности Зерновъ былъ очень представительнымъ, хотя и небольшого роста, старикомъ съ прекрасной «профессорской» шевелюрой. Держался онъ необыкновенно важно, какъ и большинство тогдашнихъ профессоровъ. Ассистентамъ устраивалъ разносы въ присутствіи студентовъ, и весь институтъ передъ нимъ буквально трепеталъ. Не трепеталъ одинъ только служитель Иванъ, пьяный полуграмотный, грязный мужикъ, который вѣчно рылся въ ящикахъ для анатомическихъ отбросовъ, выбирая изъ нихъ студенческіе окурки и докуривая ихъ, конечно, безъ мундштука. Его всѣ почему то звали Жаномъ. Зерновъ ругалъ его ругательски, а жить безъ него не могъ.

Жанъ выгонялся со службы неоднократно, но опала обычно быстро снималась. На обязанности его, между прочимъ, лежала доставка изъ воспитательнаго дома труповъ новорожденныхъ. Безпокоить себя по пустякамъ Жанъ не любилъ и меньше десятка младенцевъ не забиралъ. Уложитъ ихъ въ мѣшокъ и везетъ на имперіалѣ конки. Однажды, собираясь спускаться на Моховой, Жанъ по пьяному дѣлу поскользнулся, выпустилъ изъ рукъ незавязанный мѣшокъ и на головы поджидавшей вагонъ публики посыпался цѣлый градъ мертвыхъ младенцевъ. Какое это произвело впечатлѣніе, догадаться не трудно. Жанъ вмѣстѣ съ младенцами ночевалъ въ участкѣ, а утромъ по приказу Зернова былъ выгнанъ «окончательно».

Послѣ этого недѣли двѣ въ институтѣ все было не такъ.

Зерновъ нервничалъ, ассистенты ежедневно получали нахлобучки. Наконецъ прозекторъ вызвалъ Жана и велѣлъ ему итти къ Зернову просить прощенія.

Въ кабинетѣ Зернова гремѣлъ громъ и сверкали молніи. Но это была гроза, очищающая воздухъ. Наконецъ успокоенный Юпитеръ показался въ дверяхъ кабинета и отдалъ прозектору распоряженіе:

— Напишите записку, чтобы этого негодяя приняли обратно на службу.

И жизнь института снова наладилась.

**
*

Въ важности Зернова, какъ и во всемъ тогдашнемъ профессорскомъ генеральствѣ, было немало опереточнаго, но были моменты въ жизни университета, когда оперетка неожиданно обрывалась и Зерновъ сразу выросталъ въ настоящаго вельможу, знающаго цѣну своему научному достоинству. Такой моментъ былъ, напр., въ 1899 году во время студенческихъ волненій, когда полиція грубо и неумѣло вмѣшалась въ жизнь университета, начавъ высылать безъ разбора студентовъ и этимъ только подливала масла въ огонь. Зерновъ далеко не былъ либераломъ, но онъ былъ единственнымъ за всѣ девяностые годы ректоромъ, который выступалъ на студенческихъ сходкахъ, стараясь внести успокоеніе. Когда же состоялись первыя высылки, онъ, не долго думая, надѣлъ звѣзду и поѣхалъ къ Сергѣю Александровичу съ протестомъ противъ дѣйствій полиціи. Что произошло на пріемѣ, никто не слышалъ, но въ Москвѣ упорно говорили, что Зерновъ поставилъ Великому князю вопросъ:

— Кто ректоръ университета — я, или Ваше Императорское Высочество?

Если это и было преувеличеніемъ, то, зная характеръ Зернова, можно думать, что оно не было вопіющимъ. Во всякомъ случаѣ, вернувшись съ пріема, Зерновъ подалъ въ отставку. Но времена были не большевицкія. Уйдя съ поста ректора Зерновъ остался профессоромъ и цѣлый рядъ четырехлѣтій избирался въ деканы.

Михаилъ Никифоровичъ Никифоровъ.

Крупный, полный, съ голымъ черепомъ и простымъ безбородымъ лицомъ, на которомъ висѣли тощіе китайскіе усики, Никифоровъ по внѣшности очень мало походилъ на профессора. Голосъ у него былъ тонкій и слабый, совсѣмъ не гармонирующій съ его крупной фигурой. Читая, онъ время отъ времени испускалъ громкіе, протяжные вздохи, какъ то умудряясь при этомъ не останавливать рѣчи, и пропускалъ черезъ нихъ цѣлыя фразы. Лекціи его были совершенно лишены внѣшняго блеска. Но по содержанію и необыкновенно богатымъ демонстраціямъ онѣ представляли всегда большой интересъ и привлекали обычно много слушателей.

***

Какъ ученый Никифоровъ выдвинулся въ первые ряды европейскихъ патолого-анатомовъ двумя работами. Онъ первый описалъ специфическія для возвратнаго тифа измѣненія селезенки. Работа эта была сдѣлана въ Москвѣ и была представлена въ качествѣ диссертаціи. Вторую работу онъ сдѣлалъ у Циглера во Фрейбургѣ. Тема объ образованіи соединительной ткани при воспаленіи была ему дана Циглеромъ, въ качествѣ продолженія работы, сдѣланной незадолго передъ тѣмъ имъ самимъ. Довольно неожиданно для всѣхъ едва сошедшій со студенческой скамьи Никифоровъ опровергъ въ этой работѣ заключенія знаменитаго Циглера и перевернулъ существовавшія тогда воззрѣнія на вопросъ. Сдѣлалъ онъ это настолько основательно, что Циглеръ, поступившись самолюбіемъ, напечаталъ его работу въ своемъ журналѣ, сохранивъ до конца жизни доброе и теплое отношеніе къ ея автору.

Кромѣ того Никифоровъ написалъ превосходный учебникъ патологической анатоміи, по которому учатся въ Россіи и до сего времени.

Получивъ каѳедру, онъ отдался всецѣло организаціи своего института, который онъ поставилъ блестяще, и со-

зданію школы русскихъ патолого-анатомовъ. Такимъ образомъ онъ перешелъ на руководство научными работами и самъ писалъ очень мало.

***

Вскорѣ послѣ начала учебнаго года я пошелъ къ Никифорову просить себѣ рабочее мѣсто. Принялъ онъ меня больше чѣмъ просто, безъ капли важности, которой щеголяла тогда московская профессура, самъ поднялся со мной во второй этажъ, указалъ мѣсто среди десятка студенческихъ и объяснилъ распорядки института. Такъ началось наше сотрудничество, длившееся свыше двадцати лѣтъ. Мѣсяца черезъ полтора онъ далъ мнѣ спеціальную тему и къ лѣту была уже готова моя первая научная работа. Моего въ ней не было, конечно, ничего — все было Никифоровское, начиная съ темы и кончая рисунками, которые онъ сдѣлалъ лично. Но напечатана она была подъ моимъ именемъ на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ Циглера. Вопреки общепринятымъ обычаямъ, Никифоровъ никогда не простаѣлялъ своего имени на работахъ, сдѣланныхъ на данныя имъ темы, — даже на студенческихъ. А потому списокъ его работъ во много разъ короче, чѣмъ онъ могъ бы быть. Поразительна та беззаботность, съ которой онъ раздаривалъ направо и налѣво свои мысли, и та деликатность, съ которой онъ отстранялся въ сторону, когда дѣло доходило до опубликованія этихъ мыслей.

***

Вообще скромность этого большого европейскаго ученаго была поразительна. Когда вы приходили къ нему за научнымъ совѣтомъ, онъ, будучи живой энциклопедіей, смаху выворачивалъ передъ вами цѣлую груду нужныхъ вамъ свѣдѣній. Но заставить его выступить публично было очень трудно. Къ съѣздамъ онъ питалъ непреоборимое отвращеніе. А усадить его за столъ президіума было уже совершенно невозможно.

За все время своей профессуры, онъ только одинъ разъ появился на съѣздѣ — въ 1897 г. Это былъ первый международный съѣздъ врачей въ Россіи, прошедшій въ Москвѣ очень торжественно, и отвертѣться отъ него онъ въ силу

своего положенія не могъ. Съ тѣхъ поръ его никто не видѣлъ не только на съѣздахъ, но даже и на обычныхъ засѣданіяхъ московскихъ медицинскихъ обществъ. Исключеніе онъ дѣлалъ лишь для кружка патологоанатомовъ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ и который почти цѣликомъ состоялъ изъ его ближайшихъ учениковъ. Здѣсь онъ чувствовалъ себя какъ бы въ собственной семьѣ. Рѣдкій докладъ проходилъ, чтобы онъ не дополнилъ его препаратомъ, извлеченнымъ изъ музея или рядомъ собственныхъ діанозитивовъ.

***

Заговоривъ о скромности Никифорова, я не могу не отмѣтить одного факта, хотя онъ и имѣлъ мѣсто много позже описываемаго мною времени. Когда исполнилось двадцатипятилѣтіе научной дѣятельности Никифорова, мы захотѣли отпраздновать его юбилей и издать въ честь его сборникъ. Никифоровъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ.

— Сборникъ, сказалъ онъ, это памятникъ. Памятника я вообще не заслужилъ, а тѣмъ болѣе прижизненнаго. Когда умру, дѣлайте, что хотите. А пока я живъ, я этого не допущу.

Послѣ долгихъ переговоровъ было заключено компромисное соглашеніе. Юбилейное торжество сведется къ вручению сборника. Но при этомъ не будетъ никакихъ рѣчей и присутствовать будутъ только его ближайшіе ученики въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Въ назначенный день въ залѣ института собралось душъ пятнадцать. Ждали юбиляра долго. Наконецъ открылась дверь и вошелъ Никифоровъ, мрачный, какъ туча.

Старшій среди насъ, проф. Кедровскій, обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Дорогой Михаилъ Никифоровичъ. Мои товарищи поручили мнѣ принести вамъ поздравленія и просить васъ принять эту книгу.

Никифоровъ взялъ книгу, испустилъ громкій мучительно-протяжный вздохъ и отвѣтилъ:

— Господа, я очень тронутъ вашимъ вниманіемъ и отъ души благодарю васъ, но долженъ сказать вамъ, что вся эта исторія мнѣ до послѣдней степени непріятна.

Затѣмъ, видимо спохватившись, онъ заговорилъ мягче, сказалъ каждому изъ насъ нѣсколько ласковыхъ словъ и ушелъ въ свой кабинетъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Никифоровъ получилъ второй юбилейный сборникъ — два увѣсистыхъ тома, изданныхъ въ Харьковѣ профессоромъ Мельниковымъ-Разведенковымъ. Когда онъ мнѣ надписывалъ эти томы, я по лицу его видѣлъ, что въ глубинѣ души онъ все-таки испытываетъ большое удовлетвореніе.

**
*

Чтобы понять значеніе Никифорова, какъ создателя школы русскихъ патолого-анатомовъ, достаточно сказать, что за двадцать лѣтъ своей профессуры онъ далъ университету десять самостоятельныхъ преподавателей, и что пятеро его учениковъ занимали штатныя каѳедры патологической анатоміи, которыхъ въ Россіи было одиннадцать.

Даже его служитель Маркъ Адріановичъ читалъ подъ сурдинку студентамъ весьма недурные повторительные курсы передъ государственными экзаменами, имѣя на каждомъ своемъ курсѣ свыше ста слушателей. Узналъ я Марка Адріановича тогда, когда онъ только начиналъ свою службу и былъ еще просто Маркомъ. Развивался онъ у меня на глазахъ, начавши какъ и всѣ университетскіе служителя съ механическаго запоминанія микроскопическихъ препаратовъ. Присутствуя по обязанности на тѣхъ краткихъ объясненіяхъ, съ которыхъ Никифоровъ начиналъ свои практическія занятія и, естественно плохо понимая ихъ, онъ засѣлъ за учебники и основательно ознакомился съ нормальной и патологической гистологіей. Конечно, не имѣя достаточной подготовки по химіи и физіологіи, онъ былъ образованъ односторонне, но о морфологіи патологическихъ процессовъ онъ имѣлъ вполнѣ отчетливыя представленія. Свою преподавательскую дѣятельность онъ началъ съ маленькаго, давая кое-какія объясненія студентамъ, случайно пропустившимъ занятія, а затѣмъ она сама собой развилась въ ежегодный большой повторительный курсъ. Этотъ курсъ являлся конечно беззаконіемъ. Но Никифоровъ въ виду несомнѣнной его пользы дѣлалъ видъ, что онъ ничего не замѣчаетъ. Маркъ же скоро для всего института превратился въ Марка Адріановича и явился живымъ исключеніемъ изъ вѣрнаго въ общемъ положенія А. П. Чехова о томъ, что разсказы объ

учености университетскихъ служителей преувеличены, ибо вся ихъ ученость сводится къ механическому запоминанію научныхъ терминовъ. («Скучная исторія»).

***

Никифоровъ обладалъ исключительной способностью собиранія научнаго матеріала, который текъ къ нему широкой струей отовсюду — изъ Индіи, изъ Египта, не говоря уже о Россіи. Все это онъ самъ фотографировалъ, самъ печаталъ діапозитивы, самъ ихъ раскрашивалъ. Безъ устали строгалъ микротомъ на его рабочемъ столѣ, множились маленькія баночки, полныя срѣзовъ въ его шкафу, покупались все новыя и новыя коробки для діапозитивовъ. Микроскопическій музей организовывалъ въ верхнемъ этажѣ Мельниковъ-Разведенковъ, заполняя его безчисленнымъ количествомъ препаратовъ изготовляемыхъ по собственному способу съ сохраненіемъ окраски. Толчокъ къ разработкѣ этого способа далъ ему Никифоровъ, введя у себя въ гистологическую технику формалинъ. Но все, что касалось гистологіи, Никифоровъ дѣлалъ своими руками и оставилъ послѣ себя единственную въ мірѣ по богатству коллекцію микрофотограммъ, которой онъ иллюстрировалъ свой курсъ.

Техникомъ онъ былъ изумительнымъ, что называется Божьей милостью, и притомъ весьма своеобразнымъ. Онъ не любилъ въ приборахъ механическихъ усовершенствованій и безжалостно сдиралъ ихъ. Съ его чудеснаго цейссовскаго микроскопа былъ всегда снятъ крестообразный столъ. Отъ микротома было отвинчено приспособленіе для точной установки толщины срѣзовъ. Даже вѣсы и мензурки онъ считалъ излишней роскошью и все дѣлалъ на глазокъ, подгоняя растворы красокъ къ цвѣтамъ различныхъ винъ, и почему то особенно часто къ «старому бургундскому». При этомъ было курьезно то, что не беря въ ротъ хмельного, онъ объ этихъ винахъ имѣлъ весьма отдаленное представленіе. Мнѣ онъ какъ то показывалъ растворъ цвѣта настоящаго стараго бургундскаго. По моему это былъ ни дать ни взять знаменитый калинкинскій клюквенный квасъ, до котораго самъ Никифоровъ былъ большимъ охотникомъ.

***

Въ личной жизни Никифоровъ былъ человѣкомъ безъ всякихъ потребностей и почти ничего на себя не тратилъ.

хотя и обладалъ довольно крупнымъ состояніемъ. Одѣвался онъ до смѣшного бѣдно. Стальная часовая цѣпочка его была достопримѣчательностью среди студентовъ. И, когда я сидѣлъ у изголовья умирающаго учителя, на его ночномъ столикѣ лежала все та же цѣпочка, которую я увидѣлъ впервые двадцать лѣтъ тому назадъ. Только изъ черной она сдѣлалась бѣлой. И это отнюдь не было скупостью, ибо къ деньгамъ онъ относился совершенно равнодушно. Уйдя въ научную работу, онъ абсолютно не интересовался состояніемъ своихъ денежныхъ дѣлъ, предоставивъ это другимъ. И въ результатѣ къ пятидесяти годамъ оказался неожиданно для себя окончательно раззореннымъ. Онъ просто не понималъ, зачѣмъ нужны людямъ такіе пустяки, какъ хорошее платье или мебель. Суммы, отпускаемыя ему на содержаніе каѳедры, онъ цѣликомъ тратилъ на приборы, научныя пособія и книги; и упорно не покупалъ даже перьевъ и бумаги, которыя сотрудники сами приносили въ институтъ. Обстановку его кабинета составляли: большой цейссовскій микрофотографическій аппаратъ, четыре простыхъ стола (изъ нихъ только одинъ съ ящикомъ), шкафъ и три стула. На одномъ онъ сидѣлъ у микроскопа, на другомъ у фотографическаго аппарата, а третій былъ предназначенъ для посѣтителей. Но на послѣдній онъ всегда предусмотрительно клалъ тряпку и принималъ всѣхъ посѣтителей стоя, чтобы они у него зря времени не отнимали. Тряпка убиралась имъ только въ исключительныхъ случаяхъ и жестъ этотъ неизмѣнно сопровождался необыкновенно выразительнымъ, протяжнымъ и громкимъ вздохомъ. Письменный столъ и небольшой диванъ появились въ этомъ кабинетѣ лишь на пятнадцатомъ году профессуры Никифорова, когда онъ былъ избранъ въ проректоры университета.

Алексѣй Александровичъ Остроумовъ.

Остроумовъ родился въ духовной семьѣ и въ обликѣ его было много отъ бурсы — черный длинный сюртукъ, громовый басъ, грубоватая неотесанность манеръ и тяжеловатое остроуміе.

Въ мое время онъ уже нѣсколько неглижировалъ клиникой и нерѣдко больного видѣлъ въ первый разъ на лек-

ціи. Но, несмотря на это, его лекціи были верхомъ поучительности. Читались онѣ, конечно, въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всего большого штата клиники. На каѳедрѣ рядомъ съ Остроумовымъ сидѣли двое кураторовъ-студентовъ. Прочитавъ анамнезъ, выслушавъ жалобы больного и произведя объективное изслѣдованіе, Остроумовъ неизмѣнно спрашивалъ кураторовъ:

— Вашъ діагнозъ?

Студентъ отвѣчалъ, что ему было заранѣе указано ординаторомъ, и больше Остроумовъ его не безпокоилъ.

И только однажды кураторъ сыгралъ дѣйствительно роль на лекціи. Это случилось съ Власовымъ, впослѣдствіи профессоромъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Больного, назначеннаго на лекцію, Остроумовъ раньше не видѣлъ и ассистентъ, по пріѣздѣ его въ клинику, только успѣлъ доложить, что кураторъ собирается оспаривать діагнозъ. Остроумову уже некогда было осматривать больного и онъ положилъ резолюцію:

— Разберемся на лекціи.

Когда осмотръ закончился, онъ съ улыбкой обратился къ Власову:

— Вашъ діагнозъ?

— Слипчивый перетонитъ.

— А какія же основанія у васъ такъ думать? — спросилъ Остроумовъ.

Власовъ, запинаясь и невѣроятно смущаясь, началъ излагать свои мысли. Остроумовъ его выслушалъ.

— Въ данномъ случаѣ первое, что должно прійти въ голову — это циррозъ печени (діагнозъ ассистента), какъ заболѣваніе часто встрѣчающееся. Слипчивый перетонитъ — заболѣваніе рѣдкое, но и о немъ подумать не мѣшаетъ, вѣско сказалъ онъ въ сторону ассистента. И началъ разборъ, склонившись въ пользу мнѣнія Власова.

Вскрытіе это мнѣніе подтвердило.

**
*

Основныхъ положеній школы Остроумова было три. Во-первыхъ, онъ придавалъ исключительное значеніе наслѣдственности. Во-вторыхъ, онъ считалъ необходимымъ индивидуализировать каждый случай, полагая, что каждый больной болѣетъ по своему. Наконецъ, въ-третьихъ, онъ требовалъ въ каждомъ случаѣ подробнаго изслѣдо-

ванія всего организма больного, а не только основного пораженія.

Въ первыхъ двухъ положеніяхъ Остроумовъ явился предвозвѣстникомъ современнаго намъ ученія о конституціи. И основныя идеи этого ученія, нынѣ разработанныя и систематизированныя главнымъ образомъ патолого-анатомами, мы слышали почти на всѣхъ лекціяхъ Остроумова.

Придавая огромное значеніе наслѣдственности и индивидуальности организма, Остроумовъ, естественно, удѣлялъ исключительное вниманіе разспросу больного, который производился въ его клиникѣ необыкновенно подробно. Въ Москвѣ даже острили, что у Остроумова больной успѣваетъ умереть раньше, чѣмъ врачъ доберется не то, что до самого больного, а до его двоюродныхъ бабушекъ. Въ этомъ подробномъ разспросѣ Остроумовъ черпалъ матеріалъ для діагноза, для назначенія леченія и для разъясненія этіологіи заболѣванія. Особенно ярко запомнился мнѣ одинъ случай. Въ клинику поступилъ относительно молодой человѣкъ съ чрезвычайно рѣзко выраженнымъ атрофическимъ циррозомъ печени. Этіологія заболѣванія была не ясна, ибо ни одного момента вызывающаго заболѣваніе у больного не устанавливалось. При разспросѣ выяснилось однако слѣдующее. Дѣдъ больного пилъ очень много и умеръ отъ цирроза печени. Отецъ пилъ еще больше и умеръ тоже отъ цирроза печени. Сынъ не пилъ, но циррозомъ печени заболѣлъ. По поводу этой необыкновенно яркой иллюстраціи значенія наслѣдственности Остроумовъ сказалъ:

— Въ данномъ случаѣ отецъ пропилъ печень своего сына.

Положеніе о необходимости изслѣдованія въ каждомъ случаѣ всего организма проводилось Остроумовымъ необыкновенно строго. Для его осуществленія онъ одинъ изъ первыхъ завелъ въ клиникѣ лабораторію, гдѣ дѣлались всѣ, какіе только было возможно въ то время, анализы надъ каждымъ больнымъ, независимо отъ жалобъ больного. Каковы бы ни были эти жалобы и каково бы ни было основное страданіе больного, не оставлялось ни одного органа необслѣдованнымъ самымъ подробнымъ образомъ. Въ результатѣ вскрывать случаи изъ клиники Остроумова было наслажденіемъ. Онъ писалъ въ діагнозѣ не только одно основное страданіе, а все по органамъ,

какъ пишутъ патолого-анатомы. И діагнозы клинической и анатомической обычно совпадали дословно. Если бывало хоть какое нибудь несовпаденіе въ мелочахъ, въ клиникѣ это считалось скандаломъ. Единственное въ чемъ почти никогда не было совпаденія — это формы воспаленія почекъ. И чуть ли не послѣ каждаго вскрытія Остроумовъ, глядя на анатомическій діагнозъ съ неудовольствіемъ говорилъ:

— Опять эти патолого-анатомы путаютъ. Ни чорта они въ воспаленіи почекъ не смыслятъ.

И будущее показало, что онъ былъ правъ. Позднѣйшія изслѣдованія рѣзко измѣнили тогдашнія анатомическія представленія о воспаленіи почекъ. И съ двадцатыхъ годовъ прежняя классификація, такъ огорчавшая Остроумова, исчезла изъ учебниковъ патологической анатоміи.

***

Остроумовъ не признавалъ, какъ онъ выражался, «собачьей фармакологіи». Онъ полагалъ, что единственнымъ правильнымъ методомъ изученія дѣйствія лѣкарственныхъ веществъ является клиническое наблюденіе и отказывался безоговорочно переносить въ клинику данныя опытовъ надъ животными. Также относился онъ и къ физіологіи.

Въ университетской программѣ, говорилъ онъ, значится курсъ физіологіи человѣка. А вамъ вмѣсто нея читаютъ физіологію какого то совершенно фантастичнаго животнаго, чего то средняго между лягушкой и собакой.

И, назначая леченіе, онъ любилъ говорить:

— Тамъ, на заднемъ дворѣ (указывалъ онъ въ сторону фармакологическаго института), вамъ говорили совсѣмъ другое. Забудьте объ этомъ, господа. Для клиники это не годится. Учитесь наново на больномъ.

Къ ходовымъ діэтическимъ формуламъ онъ тоже относился отрицательно, являясь и здѣсь крайнимъ индивидуалистомъ.

— Чтобы назначить цѣлесообразную діэту, говаривалъ онъ, разспросите хорошенько больного. Если взяться за это съ толкомъ и вдумчиво, больной самъ вамъ разскажетъ, какая діэта ему нужна.

***

Большой скептикъ по натурѣ, Остроумовъ особенно любилъ щегольнуть своимъ скептицизмомъ въ области терапіи.

— Если больному на роду написано выздоровѣть, то, ей-Богу, господа, какъ вы его ни лечите, онъ все-таки выздоровѣетъ.

Эту фразу онъ повторялъ на лекціяхъ довольно часто.

Въ другихъ случаяхъ онъ выражался еще рѣзче. Разспросивъ больного о какомъ нибудь раньше перенесенномъ заболѣваніи и и леченіи его, онъ давалъ заключеніе:

— Несмотря на очень энергичное леченіе, больной все-таки остался живъ и даже выздоровѣлъ.

Этотъ скептицизмъ породилъ довольно широко распространенное въ публикѣ нелѣпое мнѣніе, будто «Остроумовъ въ медицину не вѣритъ», и потому больныхъ не лечитъ.

Дѣйствительно, фармакологическій арсеналъ Остроумова былъ очень невеликъ. Нѣсколько специфическихъ средствъ, общеукрѣпляющія (и среди послѣднихъ на первомъ мѣстѣ физическіе методы) да при надобности нѣсколько симптоматическихъ — вотъ и все. Центръ тяжести же у него всегда лежалъ въ общихъ условіяхъ жизни больного и въ приспособленіи ихъ къ условіямъ заболѣванія.

По Москвѣ ходилъ слѣдующій анекдотъ изъ области «невѣрія Остроумова въ медицину». Заболѣла его жена какимъ то пустякомъ и потребовала:

— Приведи мнѣ доктора, да не такого какъ ты, а настоящаго, который лечить умѣетъ.

И первый московскій клиницистъ, разсердившись, привезъ домой перваго попавшагося изъ самыхъ молодыхъ ординаторовъ своей клиники.

***

Изъ всѣхъ профессоровъ того времени, Остроумовъ былъ, пожалуй, самымъ большимъ генераломъ. Его обходы клиники были всегда очень торжественнымъ шествіемъ. Выговоры ординаторамъ дѣлались при всей палатѣ въ необыкновенно вѣской формѣ.

Послѣ обхода всегда имѣло мѣсто совѣщаніе въ его кабинетѣ и мы, студенты, когда открывалась дверь въ коридоръ, видѣли, что тамъ происходитъ. Остроумовъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ креслѣ. Противъ него на стульяхъ ассистенты. А ординаторы стояли шеренгой у стѣны. Имъ въ присутствіи директора сидѣть не полагалось. Подавать имъ руку Остроумовъ начиналъ только со второго года службы.

Нилъ Федоровичъ Филатовъ.

Если бы Н. Ф. Филатовъ не далъ наукѣ ничего, кромѣ отграниченія въ самостоятельное заболѣваніе опредѣленнаго характера случаевъ, которые раньше принимались то за краснуху, то за легкую скарлатину, онъ все же былъ бы міровымъ педіатромъ: эта форма приводится всѣми европейскими учебниками подъ именемъ «четвертой болѣзни Филатова».

Но онъ сдѣлалъ больше. Онъ написалъ цѣлыхъ три учебника по дѣтскимъ болѣзнямъ, и всѣ они были переведены на рядъ иностранныхъ языковъ вплоть до японскаго. Въ этихъ книгахъ изумительна простота и ясность мышленія. А написаны онѣ такъ, что ни слова въ нихъ нельзя ни прибавить ни выкинуть. Такъ же читалъ онъ и лекціи. Мастерство у него было такое, онъ такъ незамѣтно и просто подводилъ слушателя къ вопросу, что тому казалось будто онъ самъ додумывается до того, къ чему клонитъ Филатовъ. Не запутывать случая, искать всему самое простое объясненіе было девизомъ этихъ лекцій.

Хорошими врачами не дѣлаются, а рождаются. Это положеніе я понялъ позже, когда уже врачемъ вскрывалъ случаи изъ клиники Филатова. Его простота шла отъ врожденнаго чутья врача, которое ему никогда не измѣняло. Я не помню случая, чтобы онъ ошибся въ діагнозѣ. А къ діагнозу онъ шелъ всегда по чутью, но не всегда по даннымъ объективнаго изслѣдованія. Когда данныя изслѣдованія вели къ опредѣленному выводу, а чутье тянуло куда-то въ сторону, онъ останавливался и говорилъ:

— Я не знаю.

Филатовъ былъ однимъ изъ немногихъ профессоровъ клиницистовъ, не пропускавшихъ ни одного вскрытія. Большинство довольствовались докладами ассистентовъ, являясь нашими рѣдкими гостями. Филатовъ же долженъ

былъ все увидѣть лично. И бывало, что онъ, прійдя на вскрытіе, говорилъ:

— По объективнымъ даннымъ выходитъ то то. Но я не думаю, чтобы это было на самомъ дѣлѣ. Ищите что нибудь другое.

Мы искали и находили.

Такія вскрытія были торжествомъ провидѣнія надъ разумомъ. Они говорили о существованіи не только врачебнаго знанія, но и таланта, доказывая, что настоящему врачу нужно еще имѣть нѣчто отъ природы, чего не дано другимъ.

***

Лицо у Филатова было какъ будто нарочно состряпано природой такъ, чтобы пугать маленькихъ дѣтей. Огромные глаза на выкатѣ, большой крючковатый носъ, почти всегда слегка оскаленные зубы, дѣлали его не только некрасивымъ, но почти страшнымъ. Но такъ велика была его любовь къ дѣтямъ, что даже съ этимъ лицомъ онъ сразу завоевывалъ полное довѣріе своихъ маленькихъ паціентовъ. Дѣти его положительно любили и никогда не боялись. А вотъ матери — другое дѣло. Онѣ передъ Филатовымъ трепетали, ибо разносы матерей были его спеціальностью. И учинялъ онъ ихъ, не считаясь ни съ состояніемъ, ни съ общественнымъ положеніемъ. Ему было все равно, кто передъ нимъ — работница съ фабрики, замосквор'цкая милліонщица, или родовитая аристократка. Для всѣхъ нихъ у Филатова была одна и та же стереотипная вступительная фраза разноса:

— Какая вы, къ черту, мать?

А дальше шло уже въ зависимости отъ особенностей каждаго даннаго случая. Бывало такъ, что вызванный на частную практику Филатовъ, пріѣзжая въ домъ, заставалъ тамъ одного больного, а уѣзжая оставлялъ двухъ. И къ бьющейся въ истерикѣ матери спѣшно вызывался домашній врачъ.

Александръ Алексѣевичъ Бобровъ и Сергѣй Петровичъ Федоровъ.

Въ моихъ студенческихъ воспоминаніяхъ эти два человѣка неразрывно связаны, ибо С. П. Федоровъ, впослѣдствіи профессоръ Военно-медицинской академіи, въ то

время былъ старшимъ ассистентомъ Боброва. Баловень судьбы, талантливѣйшій хирургъ, очень богатый человѣкъ и писаный красавецъ онъ прекрасно дополнялъ Боброва.

Хирургію принято раздѣлять на большую и малую. Придерживаясь этого дѣленія, хирургію бобровской клиники приходится характеризовать какъ великую. Не было кажется операціи, передъ которой остановился бы Бобровъ. Въ его увѣренности сказывалась основательная подготовка, которую онъ получилъ въ анатомическомъ театрѣ: до клиники онъ былъ профессоромъ топографической анатоміи и оперативной хирургіи, оставивъ намъ по обоимъ предметамъ учебники, которые и по сіе время считаются классическими, хотя и устарѣвшими уже въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ.

При оцѣнкѣ Боброва приходится имѣть въ виду, что въ его время къ хирургамъ предъявляли иныя требованія чѣмъ теперь. Времена были, если можно такъ выразиться, жестокія. О консервативныхъ методахъ леченія почти еще не думали и твердо знали, что дѣло хирурга — рѣзать. Хирургъ расцѣнивался въ строго этимологическомъ значеніи слова, какъ человѣкъ работающій руками: разъ руки были золотыя, мѣдный лобъ прощался довольно легко. Хотя Бобровъ и не нуждался въ такомъ прощеніи, но онъ, какъ и большинство его современниковъ, былъ главнымъ образомъ техникомъ. Какъ ученый онъ сдѣлалъ себѣ большое имя не только своими учебниками, но еще и клиническими работами. Имъ предложено нѣсколько собственныхъ операцій. При этомъ онъ вырабатывался совершенно самобытно, безъ непосредственныхъ иноземныхъ вліяній, ибо ни однимъ иностраннымъ языкомъ онъ ни въ какой мѣрѣ не владѣлъ.

Насколько силенъ былъ Бобровъ въ хирургіи и анатоміи, настолько же онъ былъ безпомощенъ въ дисциплинахъ, пользующихся микроскопическимъ методомъ. Къ микроскопіи онъ питалъ великое почтеніе и всегда заботился о томъ, чтобы лабораторіей его завѣдывалъ опытный гистологъ. Но когда на лекціи ему приходилось самому дѣлать экскурсію въ эту область, дѣло оканчивалось всегда плачевно. Безпомощно путаясь въ трехъ зародышевыхъ листахъ и ихъ производныхъ, онъ договаривался Богъ знаетъ до чего. Ясно сознавая этотъ свой пробѣлъ, онъ умышленно подчеркивалъ свою удаленность

отъ этой области и даже выработалъ для этого свой особый языкъ, замѣняя общепринятые научные термины простыми житейскими словами. Такъ, въ его изложеніи лейкоциты нажирались бактерій до отвалу, у клѣтокъ откуда то появлялся фасъ и профиль, а бактеріи, какъ существа явно нечистыя, не умирали, а обязательно дохли.

***

Необыкновенно отчетливое знаніе топографической анатоміи дѣлало Боброва совершенно неуязвимымъ на большихъ тяжелыхъ операціяхъ. Оперировалъ онъ очень увѣренно, но не переходя границъ, положенныхъ для смѣлости, не копаясь излишне, но и не торопясь; самъ подчасъ волнуясь, но не нервируя ассистентовъ.

Владѣлъ онъ собой значительно хуже, нежели Федоровъ и въ тяжелые моменты видно было, что онъ очень волнуется. Тутъ обычно выручалъ Федоровъ.

— Сергѣй Петровичъ, вдругъ вскинется Бобровъ, да какъ же вы держите? больной сейчасъ задыхаться начнетъ!

— Великолѣпно держу, спокойно отвѣчаетъ Федоровъ, и больной пока дышетъ свободно.

Бобровъ взглянетъ на его красивое и спокойное лицо, усмѣхнется въ усъ и снова обрѣтетъ спокойствіе.

Бобровъ страдалъ тяжелымъ туберкулезомъ легкихъ, который и свелъ его преждевременно въ могилу. Иногда, чаще всего послѣ такого волненія, ему видимо становилось нехорошо. И тогда онъ говорилъ:

— Докончите, Сергѣй Петровичъ, а самъ покашливая отходилъ въ сторонку.

Но несмотря на большую увѣренность Боброва, была одна операція, которой онъ дѣлать не любилъ — это резекція верхней челюсти. Операція дѣйствительно ужасающая, при которой у больного удаляется половина лица, и, кажется, самая кровавая изъ всѣхъ существующихъ. Дѣлается она въ случаяхъ безнадежныхъ, съ разсчетомъ хоть на нѣсколько мѣсяцевъ продлить жизнь человѣка. Показать эту операцію Бобровъ считалъ обязательнымъ, но очень охотно уступалъ ее Федорову, самъ переходя на роль ассистента.

Получивъ клинику въ Военно-медицинской академіи и окончательно развернувшись, Федоровъ далеко превзошелъ своего учителя. Но и въ мое время онъ опережалъ его во многомъ. Большинство новшествъ въ клиникѣ вво-

дилъ онъ. Такъ, онъ первый въ Москвѣ началъ катетризировать мочеточники и дѣлать краніотоміи (вскрытіе черепа).

**
*

Бобровъ долго и мучительно умиралъ въ Ялтѣ, гдѣ онъ организовалъ великолѣпную санаторію. Лечившій его И. Н. Альтшуллеръ разсказывалъ мнѣ, что онъ до конца не сознавалъ тяжести своего положенія. Мокроту свою онъ изслѣдовалъ очень часто и увидѣвъ въ ней неисчислимое количество туберкулезныхъ палочекъ, въ раздумьи говорилъ:

— А можетъ быть онѣ всѣ уже дохлыя. Вѣдь, въ микроскопѣ этого не видно.

Алексѣй Яковлевичъ Кожевниковъ.

Кожевниковъ вполнѣ справедливо считается основателемъ школы русскихъ невропатологовъ. Въ міровой литературѣ онъ пріобрѣлъ себѣ имя, описавъ особую форму эпилепсіи. Эта форма фигурируетъ въ современныхъ европейскихъ учебникахъ подъ двумя именами: «симптомокомплексъ Кожевникова» или «epilepsia continua».

Большого учебника послѣ себя Кожевниковъ не оставилъ, удовольствовавшись маленькимъ конспектомъ, — студенческой записью своего теоретическаго курса. Курсъ этотъ онъ читалъ довольно вяло, не внося въ него никакихъ измѣненій, и до конца жизни излагалъ въ немъ столбнякъ, какъ травматическій неврозъ.

Что же касается клиники, то велъ онъ ее совершенно исключительно. Каждая его клиническая лекція была шедевромъ детальной разработки, и насъ всегда поражала та точность, съ которой Кожевниковъ опредѣлялъ локализацію поврежденій. Соперниковъ въ установкѣ діагноза онъ себѣ не зналъ и подходилъ къ нему всегда необыкновенно спокойно, основываясь на точномъ знаніи анатоміи нервной системы. Это было необыкновенно стройно и красиво. Казалось, что не врачъ изслѣдуетъ больного, а математикъ выводитъ на доскѣ непреложную формулу.

***

Кожевниковъ былъ небольшого роста худощавымъ старикомъ съ густой серебряной тщательно расчесанной шевелюрой, съ окладистой бородой, въ золотыхъ очкахъ. Одѣтый въ застегнутый на всѣ пуговицы сюртукъ, онъ медленно входилъ въ аудиторію, усаживался поудобнѣе въ покойное кресло у лекторскаго стола, молча снималъ очки, медленнымъ движеніемъ доставалъ изъ кармана сюртука платокъ и начиналъ протирать стекла. Теръ долго и основательно. Надѣвъ очки, тщательно поправлялъ ихъ, пряталъ платокъ и только послѣ этого начиналъ говорить. Говорилъ не спѣша, настоящимъ московскимъ говоромъ и необыкновенно серьезно. Никто никогда не слышалъ отъ него на лекціи шутки или остроумнаго отступленія въ сторону. Но лекціи его отнюдь не были сухи или скучны. Онѣ были такъ насыщены содержаніемъ, мысль облекалась въ такую логическую форму, что брала слушателя цѣликомъ и ни на секунду не отпускала въ теченіе двухъ часовъ.

Закончивъ изслѣдованіе больного, установивъ съ необыкновенной точностью діагнозъ, Кожевниковъ переходилъ къ терапіи и предсказанію. Въ девяноста процентахъ случаевъ онъ начиналъ эту часть лекціи съ формулы, которая къ сожалѣнію и деселѣ еще остается почти сакраментальной для невропатологовъ:

— Therapia nulla, prognosis pessima.

Въ переводѣ это значитъ: леченія не существуетъ никакого, и предсказаніе самое плохое. Говорилось это по латыни, чтобы больной не понялъ.

Затѣмъ слѣдовалъ разборъ симптоматическихъ мѣропріятій для облегченія больного и тутъ уже та желѣзная логика, которая руководила Кожевниковымъ при установкѣ діагноза покидала его окончательно, ибо, какъ онъ любилъ говорить, «въ различныхъ случаяхъ бываетъ различно».

Рѣдкая лекція обходилась безъ формулы, которая стала у студентовъ ходячей:

— Назначаютъ прежде всего тепло. Если же тепло не помогаетъ, пробуютъ холодъ.

У студентовъ она пріобрѣла юмористическій характеръ, самъ же Кожевниковъ изрекалъ ее необыкновенно серьезно.

**
*

Кожевниковъ былъ не только клиницистомъ. Подъ его руководствомъ работала при клиникѣ большая гистологическая лабораторія. Онъ былъ собирателемъ анатомическаго матеріала, построилъ въ клиникѣ собственную вскрывочную и ни одного трупа не давалъ патолого-анатомическому институту. Послѣ него остался богатый анатомическій музей, названный впослѣдствіи его именемъ. Въ этомъ музеѣ помимо чистой невропатологіи прекрасно представлена сравнительная анатомія и антропологія.

**
*

По складу своего характера Кожевниковъ былъ наибольшимъ европейцемъ изъ всей тогдашней профессуры. Всегда уравновѣшенный, вѣжливый и чисто по московски серьезно обходительный. Никто никогда не слышалъ отъ него рѣзкаго слова. Вся фигура дышала спокойнымъ достоинствомъ и работать подъ его руководствомъ было большимъ наслажденіемъ.

Александръ Матвѣевичъ Макѣевъ.

Макѣевъ былъ реликвіей, доставшейся факультету отъ временъ глубокой древности, и когда я былъ студентомъ, онъ жилъ уже девятый десятокъ своей жизни. Старикъ не желалъ покидать клиники и уходить на покой. И во вниманіе къ былымъ заслугамъ его не трогали, давши ему на помощь, въ качествѣ сверхштатнаго экстраординарнаго профессора, великолѣпнаго акушера и его же ученика, Николая Ивановича Побѣдинскаго, который фактически и велъ всю клинику. А Макѣевъ довольствовался имѣвшимъ второстепенное значеніе теоретическимъ курсомъ и номинальнымъ директорствомъ. Дѣятельность его прошла въ то время, когда хирургъ еще не смѣлъ касаться брюшины, и кесарское сѣченіе обрекало на смерть мать

во имя спасенія ребенка (Безъ него умирали оба). А потому оперировать онъ никогда не брался, да и физически въ то время не могъ.

***

Наружностью Макѣевъ напоминалъ новорожденнаго ребенка. Голый черепъ былъ покрытъ нѣжнымъ пушкомъ, а добрые чистые глаза всегда съ вопросомъ глядѣли на собесѣдника. Былъ онъ почти глухъ, а потому экзаменъ у него было держать очень легко. Ставши подальше, можно было говорить что угодно. Макѣевъ наставлялъ ухо и подъѣзжалъ на креслѣ къ студенту. А тотъ постепенно отступалъ, и экзаменъ, начавшись у одного конца стола, оканчивался у другого, а то и посреди комнаты. Усѣвшись въ свои сани-диванъ, чтобы ѣхать въ клинику, Макѣевъ запахивался енотовой шубой и тотчасъ же мирно засыпалъ. Когда сани останавливались у подъѣзда клиники, онъ просыпался не всегда, и тогда кучеръ вставалъ съ облучка и, откидывая медвѣжью полость, осторожно будилъ Макѣева.

***

Макѣевъ обязательно присутствовалъ на всѣхъ большихъ операціяхъ, а на кесарскія сѣченія пріѣзжалъ по вызову. Студенты попадали на эту всегда внезапную операцію рѣдко и случайно. Я присутствовалъ на ней только однажды. Былъ десятый часъ вечера. На хорахъ операціонной сидѣло душъ тридцать студентовъ. Сначала няньки поставили въ углу операціонной подальше отъ операціоннаго стола маленькій столикъ, накрытый простыней и водрузили на немъ бутылку Виши. Затѣмъ распахнулись широко двери во внутренніе покои клиники и показалось шествіе. Впереди везли на столѣ уже захлороформированную роженицу, рядомъ съ ней шелъ съ исторіей болѣзни въ рукахъ Макѣевъ, а вслѣдъ за столомъ шествовалъ Побѣдинскій со свитой ординаторовъ. Макѣевъ тотчасъ прошелъ къ маленькому столику, налилъ себѣ стаканъ Виши и обратился къ аудиторіи:

— Пока Николай Ивановичъ будетъ готовить больную къ операціи, мы прочитаемъ исторію болѣзни.

Ординаторы тотчасъ выстроились сплошной стѣной, вокругъ операціоннаго стола, преградивъ Макѣеву доступъ къ нему. А самъ Макѣевъ, попивая Виши, началъ читать исторію болѣзни. Никто его, конечно, не слушалъ, и всѣ съ волненіемъ слѣдили за ходомъ молніеносной и жутко-эффектной операціи. Вскрыть широчайшимъ разрѣзомъ брюшную полость, вывести изъ нея огромную массу беременной матки и уложить ее на стерильныхъ компрессахъ — дѣло одной минуты. Послѣ этого наступаетъ самый отвѣтственный моментъ. Тѣло матки, чтобы спасти мать отъ смертельнаго кровотеченія, перетягивается резиновымъ жгутомъ, но послѣ этого въ организмъ младенца перестаетъ поступать черезъ пуповину кислородъ и мѣшкать нельзя. Пока ассистентъ затягиваетъ жгутъ, Николай Ивановичъ стоитъ наготовѣ со скальпелемъ въ рукѣ. Послѣднее напряженіе ассистента, обмѣнъ молчаливыми кивками, и скальпель съ характернымъ трескомъ глубоко врѣзается въ тѣло матки. Изъ широкаго разрѣза бьетъ мощный фонтанъ жидкости, рука Побѣдинскаго выше локтя погружается въ этотъ фонтанъ и черезъ секунду операціонная оглашается первымъ крикомъ младенца, котораго Николай Ивановичъ на этотъ разъ поймалъ за ногу и держитъ внизъ головой высоко надъ операціоннымъ столомъ.

Крикъ этотъ застаетъ Макѣева на срединѣ исторіи болѣзни. Заслышавъ его, онъ бросаетъ листъ на полъ и старческими шажками семенитъ къ операціонному столу. Стѣна ординаторовъ смыкается плотнѣе, онъ заглядываетъ черезъ ихъ плечи и радостнымъ голосомъ возвѣщаетъ аудиторіи:

— Ну, господа, кончено. Спасли женщину.

Спокойно, не спѣша, заканчивается послѣдній, совершенно безопасный актъ операціи и Макѣевъ переходитъ на добродушную непринужденную бесѣду.

— Николай Ивановичъ, спрашиваетъ Макѣевъ, которое кесарское вы въ этомъ году дѣлаете?

— Шестое.

— Вотъ счастливецъ нашъ Николай Ивановичъ. А я еще ни одного не сдѣлалъ, добродушно подтруниваетъ онъ на свой счетъ.

***

Какъ извѣстно, прекрасныя московскія клиники были всѣ выстроены на частныя пожертвованія. Починъ сдѣлалъ Макѣевъ, первый получивъ отъ Пасхаловой нужную для своей клиники сумму. Этимъ онъ не ограничился и самъ принесъ клиникамъ богатый даръ: выстроилъ обошедшуюся ему въ 200.000 рублей прелестную клиническую церковь, въ которой состоялъ пожизненнымъ старостой и въ которой тихо скончался. Если память мнѣ не измѣняетъ, это случилось у заутрени подъ свѣтлый праздникъ. Макѣевъ опустился на колѣни, положилъ земной поклонъ и не всталъ.

Владиміръ Федоровичъ Снегиревъ.

Посреди большой аудиторіи стоитъ комфортабельное кожаное кресло. Стоитъ безъ стола, такъ, просто, какъ стоятъ кресла въ гостиныхъ. И такъ же, какъ въ гостиной, въ непринужденной позѣ сидитъ въ немъ едва начавшій старѣть, съ небольшой просѣдью и отростающимъ брюшкомъ человѣкъ. Остриженъ онъ бобрикомъ, небольшая бѣлокурая бородка аккуратно оклинена. По всему облику и манерѣ держать себя сразу видно, что человѣкъ этотъ знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ и сигарахъ, что онъ много любилъ и что еще больше любили его. Необъяснимое обаяніе исходитъ отъ всей его фигуры, голоса, отъ манеры говорить. Одѣтъ онъ съ оттѣнкомъ той неуловимой небрежности, съ которой одѣваются свѣтскіе люди, сознающіе свое обаяніе. Это кумиръ московскихъ дамъ, Владиміръ Федоровичъ. Никто въ Москвѣ не звалъ Снегирева по фамиліи. Сказать въ Москвѣ «Снегиревъ» было такъ же провинціально, какъ сказать «Ермолова» или «Плевако». Нужно было говорить Марія Николаевна и Федоръ Никифоровичъ, и всѣ понимали, о комъ идетъ рѣчь. Ибо Маріи Николаевнъ, имя рекъ, въ Москвѣ было много тысячъ, а просто Марія Николаевна была одна. Также и съ Федоромъ Никифоровичемъ и съ Владиміромъ Федоровичемъ.

Когда Владиміръ Федоровичъ входилъ въ гостиную,

передъ нимъ меркли всѣ московскіе львы, всѣ умники и всѣ остряки. Ихъ качества онъ воплощалъ въ себѣ одномъ въ избыткѣ и мгновенно становился центромъ вниманія всего общества.

***

Читалъ онъ обаятельно. Умно, блестяще, остроумно — все это не опредѣляло внѣшняго характера его лекцій, хотя и входило въ него. Много профессоровъ читали въ Москвѣ, умно, блестяще и остроумно. Но обаятельно читалъ одинъ Владиміръ Федоровичъ.

Что касается до содержанія его курса, то оно было чрезвычайно оригинально, рѣзко отличаясь отъ русскихъ навыковъ преподаванія и примыкая къ французской системѣ концентровъ. Система эта какъ нельзя болѣе подходитъ къ гинекологіи и это понялъ Владиміръ Федоровичъ.

Въ гинекологіи обычно не приходится встрѣчаться съ совершенно чистыми заболѣваніями опредѣленнаго органа. Пораженіе одного ведетъ если не къ пораженію, то во всякомъ случаѣ къ разстройству функцій другихъ. И Владиміръ Федоровичъ умѣлъ это удивительно ярко подчеркнуть. Какой бы случай онъ ни разбиралъ, заболѣваніе выплывало у него на фонѣ разстройства всей сферы, и каждая лекція являлась какъ бы конспектомъ всего курса, въ которомъ подробно разработана одна какая нибудь глава. Это было чрезвычайно поучительно.

Владиміръ Федоровичъ написалъ необыкновенно оригинальный учебникъ, которому далъ совершенно необычное названіе: «маточныя кровотеченія». Исходя изъ этого общаго для большинства гинекологическихъ случаевъ симптома, онъ развилъ въ книгѣ сложную картину разнообразныхъ заболѣваній. Такого оригинальнаго подхода нѣтъ ни въ одномъ учебникѣ.

Владиміръ Федоровичъ первымъ въ Москвѣ началъ дѣлать чревосѣченія. И когда я былъ студентомъ, онъ заканчивалъ вторую тысячу ихъ.

Помимо клиники, онъ завѣдывалъ гинекологическимъ институтомъ имени Шелапутиныхъ. По мысли Владиміра Федоровича это учрежденіе было предназначено для за-

нятій врачей, желающихъ усовершенствоваться въ гинекологіи, и главный контингентъ его слушателей состоялъ изъ земскихъ врачей.

***

Во врачебной Москвѣ того времени упорно говорили, что Владиміръ Федоровичъ прежде чѣмъ стать врачемъ былъ морскимъ офицеромъ. У меня нѣтъ подъ руками источниковъ, по которымъ я могъ бы провѣрить правильность этой версіи. Но распорядки его клиники дѣйствительно во многомъ напоминали распорядки военнаго корабля.

Операціи онъ начиналъ ровно въ шесть утра. Значитъ ассистентамъ приходилось являться въ клинику къ пяти, вставать не позже четырехъ. Это было очень тяжело.

Еще тяжелѣе было то, что на операціяхъ Владиміръ Федоровичъ очень широко пользовался морской терминологіей. Для врачей это было унизительно и рѣзко отягощало и безъ того тяжелую, благодаря исключительной требовательности Владиміра Федоровича, службу въ его клиникѣ.

Во время моего студенчества въ клиникахъ появились первыя женщины врачи. Появилась одна изъ нихъ и въ клиникѣ Владиміра Федоровича — дама воспитанная, немного даже тонная. И Владиміръ Федоровичъ началъ остерегаться. Закончилось все это трагически.

Черезъ нѣсколько дней пребыванія въ клиникѣ женщина врачъ по неопытности заметалась на операціи. Операціи же Владиміра Федоровича шли, какъ парусное ученіе у «грознаго адмирала» Станюковича, — по секундомѣру. И если, положимъ, выскабливаніе отнимало у него на 10 - 15 секундъ больше положеннаго, была гроза. При такихъ условіяхъ каждое движеніе ассистентовъ было разсчитано въ точности, и нельзя было ни на секунду замѣшкаться. А женщина-врачъ не только замѣшкалась, а просто заметалась, какъ подстрѣленная куропатка. Тутъ сказались результаты долгаго воздержанія, и Владиміръ Федоровичъ выпустилъ по ея адресу такой забористый фейерверкъ, что даже у видавшихъ виды ассистентовъ рты открылись.

Эта женщина-врачъ довольно быстро исчезла изъ кли-

ники, предпочтя руководителя менѣе блестящаго, но придерживающагося сухопутной терминологіи.

Такимъ былъ Владиміръ Федоровичъ на работѣ. Сбросивъ же бѣлый халатъ и облачившись въ городское платье, онъ сразу превращался въ блестящаго свѣтскаго собесѣдника и желаннаго гостя любого московскаго салона.

Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ.

Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ умеръ очень рано. Но онъ успѣлъ все-таки оставить послѣ себя въ міровой психіатріи яркій слѣдъ въ видѣ «Корсаковской болѣзни» (Психозъ послѣ множественнаго воспаленія нервовъ).

Что же касается современной намъ русской психіатріи, то заслуги Корсакова передъ ней неизмѣримы: онъ ее создалъ. Онъ первый сталъ примѣнять въ Россіи англійскую систему нестѣсненія, упразднивъ смирительныя рубашки и открывъ двери изоляторовъ.

Онъ же ввелъ въ Россіи систему патронажа душевныхъ больныхъ, т. е. домашняго призрѣнія по деревнямъ спокойныхъ и работоспособныхъ больныхъ, учредивъ рядъ такихъ колоній, состоящихъ подъ врачебнымъ надзоромъ.

***

Клиника Корсакова была первымъ русскимъ психіатрическимъ учрежденіемъ, построеннымъ согласно принципамъ системы нестѣсненія. Обставлена она была очень комфортабельно и уютно. Отдѣленіе для спокойныхъ больныхъ напоминало хорошій заграничный пансіонъ съ гостиными и общими столовыми. Подъ буйныхъ больныхъ было отведено изолированное крыло. Двери буйныхъ палатъ были всегда настежь открыты въ широкій свѣтлый корридоръ, въ которомъ день и ночь находилось достаточное количество прекрасно обученыхъ служителей. При нуждѣ они безболѣзненно схватывали больного.

Гордостью учрежденія была микроцефалка Марфуша, жившая въ клиникѣ чуть ли не съ самаго ея основанія. На обходахъ она всегда шла рядомъ съ Корсаковымъ, повторяя каждый его жестъ. Она не владѣла человѣческой

рѣчью и не понимала ея. А когда Корсаковъ начиналъ говорить, повторяла за нимъ отдѣльные звуки, которые ей удавалось улавливать. Ихъ было двѣ сестры, полученныхъ Корсаковымъ отъ бродячаго шарманщика, водившаго ихъ вмѣстѣ съ дрессированнымъ пуделемъ по городамъ и весямъ необъятной Россіи. Кажется, сестры были просто куплены у него. Старшая умерла до моего студенчества, и гипсовый бюстъ ея украшалъ кабинетъ Корсакова. А знаменитую Марфушу я засталъ живой.

***

Заслуги Корсакова не ограничиваются предѣлами его спеціальности. Онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ воспитателемъ цѣлаго ряда врачебныхъ поколѣній въ Россіи. И если русскій врачъ выгодно отличается по своей этикѣ отъ западно-европейскаго коллеги, то этимъ онъ обязанъ въ первую очередь двумъ личностямъ — Пирогову и Корсакову.

Учебникъ Корсакова представляетъ собой классическое руководство по психіатріи. Какъ и всякое спеціальное руководство, онъ, конечно, старѣетъ. Но есть въ этомъ учебникѣ драгоцѣнный отдѣлъ, на который время безсильно наложить свою печать. Это введеніе. Въ немъ Корсаковъ говоритъ объ обязанностяхъ и задачахъ врача. Рѣдко приходится встрѣчать въ спеціальной литературѣ такія прекрасныя мысли, выраженными такими проникновенными словами.

И мы, студенты девяностыхъ годовъ, должны считать за великое счастье, что въ числѣ нашихъ учителей былъ Корсаковъ. Мысли и завѣты Корсакова другіе только читаютъ, а мы ихъ видѣли: мы знали живого Корсакова, который былъ воплощеніемъ этихъ мыслей и завѣтовъ.

Онъ страдалъ тяжелой сердечной болѣзнью и съ большимъ трудомъ поднимался на одинъ этажъ даже по прекрасной пологой лѣстницѣ своей клиники, а, поднявшись, буквально падалъ на скамью вестибюля и долго не могъ отдышаться. Но съ этой своей тяжелой болѣзнью онъ совершенно не считался. предъявляя къ себѣ какъ къ врачу, требованія, какія можно предъявлять только къ совершенно здоровому человѣку. Онъ шелъ къ буйному больному такъ же просто и спокойно, какъ въ обыкновенную палату, хотя конечно сознавалъ, что ему не пройдетъ

даромъ то, что проходитъ здоровому. Во время моего студенчества онъ былъ такъ сильно помятъ больнымъ, что долго пролежалъ въ постели. И въ такомъ самопожертвованіи Корсаковъ не видѣлъ ничего особеннаго. Польза больного требовала отъ него, чтобы онъ къ нему подошелъ, и онъ подошелъ безъ колебаній.

***

Внѣшній обликъ Корсакова вполнѣ соотвѣтствовалъ духовному. Выраженіе лица его было необыкновенно мягкимъ и совершенно отрѣшеннымъ отъ жизни. Большіе лучистые глаза его, всегда печальные и задумчивые, рѣдко фиксировали ближайшіе предметы. Обычно они смотрѣли вдаль, даже тогда, когда Корсаковъ внимательно слушалъ собесѣдника. Элементъ святости доминировалъ во всемъ его образѣ.

Когда Корсаковъ говорилъ, или читалъ лекцію, получалось то же впечатлѣніе отрѣшенности. Онъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшихъ усилій, чтобы придать своей рѣчи внѣшнюю убѣдительность. Былъ скупъ на интонаціи голоса, говорилъ только самыя простыя слова и сочеталъ ихъ въ самые простые обороты, совершенно не заботясь о томъ, какъ это все отольется. А отливалось это такъ, что рѣчь его дѣйствовала какъ бы сама собой, помимо воли оратора, и превосходство его надъ всѣми окружающими чувствовалось тоже само собой, безъ всякаго желанія съ его стороны дать его почувствовать.

***

Для больныхъ Корсаковъ былъ кумиромъ. Не довольствуясь личнымъ общеніемъ съ нимъ на обходахъ, они писали ему длиннѣйшія письма, обращаясь къ нему съ нелѣпыми просьбами, въ большинствѣ которыхъ Корсакову приходилось отказывать. Сказанное имъ «нѣтъ» имѣло для больныхъ абсолютное значеніе. и они обычно не протестовали. Когда Корсаковъ входилъ въ палаты, на него буквально набрасывались. Онъ садился въ гостиной, а больные, отталкивая сосѣдей, норовили усѣсться поближе, или хоть стать рядомъ. Всѣ перебивали другъ друга, говорили разомъ, жалуясь на свои мнимыя оби-

ды и воображаемыя горести. Корсаковъ сидѣлъ среди этихъ несчастныхъ людей и внимательно слушалъ ихъ, изрѣдка подавая реплики, а печальные, бездонные глаза его смотрѣли куда-то далеко въ пространство.

Федоръ Ивановичъ Синицынъ.

Старинная тѣсная, невентилируемая аудиторія Ново-Екатерининской больницы. Когда слушателей много, въ этой аудиторіи къ концу перваго часа дышать нечѣмъ, а со второго начинаетъ стучать въ вискахъ. Въ одномъ концѣ аудиторіи эстрада, на ней больничная кровать. У кровати стоитъ старикъ очень маленькаго роста, почти карликъ. Глаза у него вытаращенные, устремленные въ пространство, почти безумные. Онъ говоритъ чистѣйшимъ московскимъ напѣвнымъ говоромъ кремлевскихъ просвиренъ. Говоритъ уже третій часъ подрядъ, а студенты, набившіе до отказу небольшую душную аудиторію, слушаютъ его съ неослабѣвающимъ вниманіемъ, боясь проронить слово. Кто, кромѣ Златоуста медицинскаго факультета, Федора Ивановича Синицына, можетъ при такихъ условіяхъ удержать вниманіе аудиторіи? Какъ онъ читалъ! До какого паѳоса умѣлъ подняться, какой журчащей лирикой разливался, какой жестокой ироніей билъ противника! И все это по поводу мочеполовыхъ болѣзней.

А какія остроты сыпались у него на лекціяхъ! Никто изъ старожиловъ не помнилъ, чтобы Синицынъ дважды повторилъ одну и ту же остроту. Да и нельзя было. Онѣ были таковы, что моментально растекались по Москвѣ и отсюда облетали всю Россію въ видѣ анонимныхъ анекдотовъ «для курящихъ» — такова ужъ была каѳедра Синицына.

Конькомъ его являлась глава о функціональныхъ разстройствахъ мочеполовыхъ органовъ. Это были уже не лекціи, а поэмы въ прозѣ, и зачарованный слушатель не отдавалъ себѣ отчета въ происходящемъ. То ли это врачъ говоритъ о мочеполовыхъ болѣзняхъ, то ли вдохновенный менестрель импровизируетъ чудесную балладу, то ли соловей разливается.

**
*

Главной силой Синицына, какъ ученаго, былъ острый, трезвый, критическій умъ и консерватизмъ. Благодаря этимъ двумъ качествамъ его въ девяностыхъ годахъ считали человѣкомъ отсталымъ въ наукѣ. Но это было не совсѣмъ такъ. На самомъ дѣлѣ онъ просто не сдавалъ позицій, которыхъ не считалъ проигранными, а новшества принималъ съ большимъ разборомъ. Въ бактеріологію онъ увѣровалъ. И ни одного діагноза безъ бактеріологическаго изслѣдованія не ставилъ. А тому, что хирургъ располагаетъ возможностью не впустить въ операціонное поле бактерій — не повѣрилъ до конца жизни и на асептическій методъ такъ и не перешелъ. Когда же бывалъ въ духѣ, то на операціяхъ время отъ времени помахивалъ надъ раной рукою и кричалъ:

— Кши, проклятыя, кши!

Будучи первымъ въ Россіи (а можетъ быть и въ Европѣ) искусникомъ по камнедробленію, онъ отдавалъ преимущество этому старинному методу передъ болѣе современной кровавой операціей. А если оперировалъ камни пузыря, то дѣлалъ оставленное всѣми вслѣдствіе техническихъ трудностей серединное сѣченіе, которое выполнялъ по истинѣ блестяще.

**
*

Держать экзаменъ у Синицына, или отвѣчать ему на практическихъ занятіяхъ было мукой. Своего учебника онъ не написалъ, ходовыхъ же опредѣленій, взятыхъ изъ другихъ учебниковъ, не выносилъ, требуя отъ экзаменующагося, чтобы тотъ проявилъ личную наблюдательность. Самъ онъ въ необыкновенно мѣткихъ опредѣленіяхъ былъ неистощимъ, импровизируя ихъ каждый разъ по разному, и догадаться на чемъ остановилась его мысль въ данный моментъ было невозможно. А потому проваливались у него по самымъ элементарнымъ и общеизвѣстнымъ вопросамъ. Гонялъ онъ безконечно и безпощадно, и если кто нибудь проходилъ у него на докторантскомъ экзаменѣ по второму или третьему разу — это было уже счастьемъ. Но двоекъ онъ никогда не ставилъ и съ гордостью говорилъ про себя:

— Душу я вымотаю, но души христіанской не погублю.

Помню, онъ однажды потребовалъ очень простой вещи — охарактеризовать воспалительную красноту. Дѣло было на практическихъ занятіяхъ и около него стояло около десятка студентовъ. Онъ опросилъ ихъ всѣхъ, терпѣливо выслушалъ длинные отвѣты и сказалъ:

— Стыдитесь не понимать такихъ простыхъ вещей. Краснота при воспаленіи живая, бѣгучая. Вотъ и все.

***

Когда на докторскомъ диспутѣ въ числѣ оффиціальныхъ оппонентовъ значилось имя Федора Ивановича Синицына, аудиторія, въ которой происходилъ диспутъ, переполнялась до послѣдней степени. На лекціяхъ онъ обычно импровизировалъ, держась по домашнему. Къ диспуту же подготовлялся. Здѣсь было обдумано каждое слово, каждый жестъ. Какъ оппонентъ, Синицынъ бывалъ порой безпощаденъ. И если считалъ нужнымъ уничтожить кого нибудь, уничтожалъ безповоротно. Подъ его ударами въ теченіе часа рушилось все будущее человѣка, хотя степень и присуждалась. По традиціи факультета допущеніе диссертаціи къ защитѣ было равносильно присужденію степени. И Федоръ Ивановичъ традиціи не нарушалъ. Публично распявъ человѣка, онъ неизмѣнно заканчивалъ свою рѣчь стереотипной фразой о томъ, что считаетъ работу, несмотря на отмѣченные имъ недостатки, достойной искомой степени.

Существовалъ въ Москвѣ докторъ NN. Хирургъ не безъ таланта, но легковѣсный, заносчивый и рекламистъ съ ярко выраженной коммерческой складкой. Гнулъ онъ линію подъ московскаго Дуайена. Построилъ себѣ коммерческаго типа частную лечебницу и, надѣясь конечно пройти въ приватъ-доценты, представилъ диссертацію. Работа была средняя, изъ тѣхъ, что обычно пропускались факультетомъ. Касалась она какого то способа, предложеннаго авторомъ, для чего больного приходилось класть въ необыкновенное положеніе на особомъ, построенномъ авторомъ, операціонномъ столѣ. Издавна она была съ явно рекламнымъ привкусомъ, на прекрасной бумагѣ, въ богатой обложкѣ и изобиловала фотографіями интерьеровъ частной лечебницы автора. Словомъ, диссертантъ являлся

типомъ врача, который въ то время въ Москвѣ симпатій къ себѣ не вызывалъ.

Вступительное слово онъ произнесъ съ большимъ апломбомъ, закончивъ его фразой:

— А теперь я предоставляю свой трудъ огню критики почтенныхъ оппонентовъ.

Слово принадлежитъ оффиціальному оппоненту профессору Федору Ивановичу Синицыну, провозглашаетъ деканъ.

Федоръ Ивановичъ медленно одѣваетъ пенснэ, пока аудиторія настораживается.

— Ужъ какой тамъ огонь, смущеннымъ скромнымъ голосомъ начинаетъ онъ. Развѣ искорка гдѣ нибудь блеснетъ — и то хорошо будетъ.

Разборъ свой онъ начинаетъ, какъ патолого-анатомъ вскрытіе, съ внѣшняго осмотра:

— Удивительно хорошая книга. Бумага чудесная, обложка — заглядѣнье.

Онъ долго и любовно смотритъ на книгу, наконецъ раскрываетъ ее и начинаетъ перелистывать.

— Шрифтъ четкій, а рисунки! Рисунки выше всякихъ похвалъ. Ну, вотъ напримѣръ, останавливается онъ на первомъ, операціонная вашей лечебницы. Очень хорошо. Очень. На первомъ планѣ — вы.

Онъ долго смотритъ на диссертанта, потомъ на рисунокъ, потомъ опять на диссертанта.

— Похожи, удивительно похожи. Рядомъ съ вами...

Онъ внимательно присматривается къ рисунку.

— Рядомъ съ вами Х., вашъ ассистентъ.

Вставъ съ мѣста, онъ оборачивается лицомъ къ амфитеатру и, не спѣша, начинаетъ осматривать рядъ за рядомъ. Наверху онъ находитъ готоваго провалиться сквозь землю, попавшаго, какъ куръ во щи, несчастнаго ассистента, радостно съ нимъ раскланивается и долго сравниваетъ оригиналъ съ рисункомъ.

— Тоже очень похожъ, — одобряетъ онъ, усаживаясь въ кресло. Прекрасный снимокъ, ничего не скажешь. Одинъ только въ немъ недостатокъ и есть — больного не видно, и положенія, которое вы предлагаете въ диссертаціи, разобрать никакъ невозможно.

Дальше въ томъ же духѣ около полутора часа.

NN. степень получилъ. Но подать прошеніе о зачисленіи въ приватъ-доценты послѣ такого диспута было бы уже явной нелѣпостью и онъ его не подалъ. Отцвѣлъ онъ такъ же быстро, какъ расцвѣлъ.

***

Происходилъ Синицынъ изъ бѣдной духовной семьи, учился на мѣдныя деньги, достигъ почетнаго положенія и очень большой извѣстности, составилъ себѣ крупное состояніе, но жизнь свою считалъ неудавшейся, и въ старости съ горечью говорилъ, что сложись она иначе, и онъ можетъ быть былъ бы теперь архіереемъ.

Онъ любилъ показать, что званіе духовное онъ цѣнитъ выше званія ученаго. Но когда къ нему попадало нуждающееся въ моральномъ совѣтѣ духовное лицо, онъ расправлялся съ нимъ такъ, что любой безбожникъ ему могъ позавидовать.

Однажды къ намъ на лекцію попалъ сельскій подмосковный батюшка, пріѣхавшій въ Москву посовѣтоваться съ самымъ лучшимъ докторомъ по поводу совсѣмъ не соотвѣтствующей его духовному званію болѣзни.

Бѣдняга шелъ на пріемъ къ Синицыну, расчитывая попасть въ кабинетъ доктора, и совершенно неожиданно для себя очутился въ аудиторіи, въ которой сидѣло 200 завѣдомыхъ безбожниковъ. Какъ съ нимъ обошелся Синицынъ! Тексты Священнаго Писанія, угрозы страшнымъ судомъ, первобытное сквернословіе — все переплелось въ какой то неистовый фейерверкъ издѣвательствъ.

***

Синицынъ былъ большимъ моралистомъ. Самъ хорошій семьянинъ онъ на лекціяхъ горячо проповѣдывалъ ранніе браки и отстаивалъ принципы супружеской вѣрности.

— Жениться нужно. Это былъ обычный для Синицына совѣтъ больному.

Но иной разъ на него находило. И давая больному какое нибудь моральное наставленіе, онъ сопровождалъ его такимъ грубоциничнымъ и грѣховно соблазнительнымъ сопоставленіемъ, что больной только руками разводилъ,

не зная, серьезно ли съ нимъ говорятъ, или издѣваются надъ нимъ.

Глубоко религіозный человѣкъ, онъ на лекціяхъ охотно впутывалъ имя Божіе въ самыя неподходящія комбинаціи, или совершенно неожиданно, ни съ того ни съ сего, выпускалъ блестящій фейерверкъ самыхъ рискованныхъ религіозныхъ сопоставленій къ мочеполовымъ болѣзнямъ.

Человѣкъ большого ума, онъ любилъ прикинуться первобытно глупымъ ханжой, или на людяхъ грубо спаясничать, приступая къ серьезному религіозному акту. Отправляясь, напр., на исповѣдь, онъ сгонялъ къ себѣ въ кабинетъ всѣхъ клиническихъ нянекъ и передъ каждой становился на колѣни. Въ противоположность Корсакову, который никогда не говоря о религіи, былъ весь въ святости, Синицынъ былъ весь въ грѣхѣ, искренне и глубоко вѣруя и постоянно призывая имя Божіе.

Весь сотканный изъ противорѣчій, многогранный самородокъ, вынырнувшій силой своего дарованія изъ гущи народной, онъ какъ бы отразилъ въ своей многогранности жуткую многоликость своего народа.

Миръ ихъ праху.

Я чувствую, что очень виноватъ передъ цѣлымъ рядомъ своихъ учителей, о которыхъ я умолчалъ. Слѣдовало бы подробно разсказать о чудесномъ старикѣ Иванѣ Федоровичѣ Клейнѣ, у котораго учился патологической анатоміи еще Никифоровъ. Родной братъ его Карлъ Федоровичъ, одаренный хирургъ, забулдыга и, несмотря на свою нѣмецкую фамилію, настоящая русская душа на распашку, самъ по своей колоритности просится подъ перо. Въ небольшой, но превосходно оборудованной и необычайно уютной клиникѣ работала въ мое время глазная тройка: директоръ клиники Адріанъ Александровичъ Крюковъ, превосходный клиницистъ и идеальный преподаватель, съ легендарнымъ терпѣніемъ совершенно спокойно выносившій любое студенческое невѣжество; сверхштатный профессоръ Федоръ Орестовичъ Евецкій, большого удѣльнаго вѣса окулистъ-патолого-анатомъ; и старшій ассистентъ Сергѣй Селивановичъ Головинъ, впослѣдствіи общепризнанный первый офтальмологъ Россіи. Близкіе

друзья и, если не измѣняетъ мнѣ память, всѣ трое на ты, они являли намъ примѣръ дружной товарищеской работы и установили среди своего многочисленнаго врачебнаго персонала такой режимъ взаимнаго довѣрія и уваженія, какого не знала ни одна клиника. Надъ ними помѣщался старый московскій баринъ, членъ англійскаго клуба, авторъ прекраснаго руководства «Какъ нужно играть въ винтъ», мужъ знаменитой пѣвицы Ванъ Зандъ, заслуженный и всѣми уважаемый терапевтъ-практикъ Михаилъ Петровичъ Чериновъ. Рядомъ стоялъ институтъ Александра Богдановича Фохта, основателя русской школы общихъ патологовъ экспериментаторовъ. Высокій, худой, съ глубоко сидящими, горящими глазами, онъ славился въ Москвѣ, какъ необыкновенный ораторъ, напоминая по манерѣ рѣчи лучшихъ французскихъ мастеровъ адвокатскаго искусства. О всѣхъ нихъ хотѣлось бы поговорить подробно. Хотѣлось бы еще разсказать, какой изумительный музей создавалъ у меня на глазахъ дерматологъ Алексѣй Ивановичъ Поспѣловъ, и какъ хорошо велъ свой институтъ топографической анатоміи и оперативной хирургіи Петръ Ивановичъ Дьяконовъ. Встаютъ передо мною выжитый изъ клиники нашимъ несправедливымъ мальчишескимъ бойкотомъ, достойный ученикъ и преемникъ Захарьина Поповъ; замѣнившій его Шервинскій; очаровательный въ своемъ спокойствіи и невозмутимости судебный медикъ Нейдингъ; будто Конечковымъ извѣянный терапевтъ Митропольскій; поражающій своимъ внѣшне неопрятнымъ видомъ гигіенистъ Бубновъ — всѣ, достойные большого вниманія. Если я не говорю о нихъ подробно, то только изъ-за недостатка мѣста.

***

Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ тѣсной и старинной канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, получая свой лѣкарскій дипломъ, подписалъ факультетское обѣщаніе. Теперь, вспоминая это далекое прошлое и стараясь отдать себѣ отчетъ, чѣмъ были для меня мои учителя, я долженъ сказать, что заслуга ихъ не ограничивается тѣмъ, что эти въ высокой степени талантливые и ученые люди сообщали намъ спеціальныя знанія. Они дѣлали больше. Всѣ они воспитывали насъ въ лучшихъ традиціяхъ русской врачебной этики, нашедшей се-

бѣ необыкновенно удачную формулировку въ нашемъ факультетскомъ обѣщаніи. Я не знаю, кто авторъ этого удивительнаго по своей благородной простотѣ документа. Думаю все-таки, что онъ родился въ московскомъ медицинскомъ факультетѣ, старѣйшемъ въ Россіи.

Въ отношеніи къ вопросу о врачебной этикѣ я занимаю исключительно выгодное по объективности положеніе. Я всю жизнь вращался въ средѣ русскихъ практическихъ врачей въ качествѣ полноправнаго члена семьи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ теоретикъ, я совершенно не соприкасался съ больными и такимъ образомъ являлся какъ бы посторонникъ наблюдателемъ. Поэтому я могу не бояться упрековъ въ пристрастіи. Близко зная врачебную среду почти всѣхъ государствъ Европы, я, положа руку на сердце, могу сказать, что нигдѣ у врачей нѣтъ того отношенія къ больному, къ которому я привыкъ у себя въ Россіи. Это отношеніе характеризуется подчиненіемъ личныхъ и сословныхъ интересовъ интересамъ больного. Въ выработкѣ этой спеціально-русской врачебной этики медицинскій факультетъ Московскаго университета шелъ впереди другихъ факультетовъ. Присуждая степень доктора медицины, Московскій университетъ считалъ долгомъ подчеркнуть, что врачу недостаточно однихъ знаній и чисто научной подготовки, и требовалъ отъ докторанта торжественнаго и публичнаго подтвержденія уже раньше даннаго факультетскаго обѣщанія. Насколько мнѣ извѣстно, не всѣ русскіе университеты это дѣлали.

Когда кончался диспутъ и университетъ въ лицѣ оффиціальныхъ оппонентовъ присуждалъ степень, безсмѣнный деканъ девяностыхъ годовъ Иванъ Федоровичъ Клейнъ объявлялъ диссертанту:

— Опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта вы утверждаетесь въ степени доктора медицины, съ условіемъ выслушать и подписать факультетское обѣщаніе. Прошу всѣхъ присутствующихъ встать.

И когда аудиторія вставала Иванъ Федоровичъ, не глядя на печатный листъ, начиналъ наизусть:

— Принимая съ глубокой признательностью даруемыя мнѣ наукою права врача, и постигая всю важность обязанностей, налагаемыхъ на меня симъ званіемъ, я даю обѣщаніе въ теченіе всей своей жизни ничѣмъ не помрачать чести сословія, въ которое нынѣ вступаю. Обѣщаю во всякое время помогать по лучшему моему разумѣнію

прибѣгающимъ къ моему пособію страждущимъ, свято хранить ввѣряемыя мнѣ семейныя тайны и не употреблять во зло оказываемаго мнѣ довѣрія. Обѣщаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всѣми силами ея процвѣтанію, сообщая ученому свѣту все, что открою. Обѣщаю не заниматься изготовленіемъ и продажей тайныхъ средствъ. Обѣщаю быть справедливымъ къ своимъ сотоварищамъ врачамъ и не оскорблять ихъ личности; однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и безъ лицепріятія. Въ важныхъ случаяхъ обѣщаю прибѣгать къ совѣтамъ врачей, болѣе меня свѣдущихъ и опытныхъ, когда же самъ буду призванъ на совѣщаніе, буду по совѣсти отдавать справедливость ихъ заслугамъ и стараніямъ».

Эти прекрасныя простыя слова — теперь почти историческій документъ и многіе молодые врачи ихъ, вѣроятно, даже не слышали. Мы же по нимъ прожили свою жизнь. Изъ наставившихъ насъ на этотъ путь учителей почти никого не осталось въ живыхъ. Девяностолѣтнимъ старикомъ, слѣпымъ, безпомощнымъ и одинокимъ умеръ голодной смертью Иванъ Федоровичъ Клейнъ, лишенный, въ качествѣ нетрудового элемента, пенсіи. Остальные, къ счастью своему, скончались раньше.

Да будетъ имъ пухомъ земля родного Ваганькова!

Проф. **С. Абрамовъ.**

Корсаковъ и Сербскій

Первые профессора психіатріи Московскаго университета.

Имя Сергѣя Сергѣевича Корсакова хорошо извѣстно всѣмъ русскимъ образованнымъ людямъ, соприкасавшимся такъ или иначе въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ съ психіатріей. А кто не соприкасается съ психіатріей? Ближайшее отношеніе къ психіатріи имѣютъ родственники душевно-больныхъ. Нерѣдко родственники берутъ у врача больше времени, чѣмъ больные. Кромѣ родственниковъ съ психіатріей неизбѣжно соприкасаются всѣ общественные дѣятели. Вопросъ призрѣнія душевно-больныхъ, законодательство о душевно-больныхъ — насущная задача всякаго правящаго органа. Далѣе, съ психіатріей должны соприкасаться всѣ ученые: естественники, юристы, историки, соціологи, религіозные философы одинаково заинтересованы явленіемъ какъ индивидуальнаго, такъ и массоваго психоза. Проблема душевнаго заболѣванія — неразгаданная философская проблема. Соотвѣтственно разнообразію своихъ задачъ, психіатрія имѣетъ три главные отдѣла: 1) Практическая психіатрія съ двумя подотдѣлами: а) клиническая психіатрія, ея предметъ: душевнобольной человѣкъ и его лѣченіе; б) общественная психіатрія, ея предметъ: организація призрѣнія душевнобольныхъ, вообще организація всего психіатрическаго дѣла. 2) Теоретическая психіатрія изучаетъ душевныя болѣзни, какъ таковыя. Во всѣхъ трехъ главныхъ отдѣлахъ психіатріи имя Корсакова стало историческимъ.

Корсаковъ родился 22-го января 1854 г. въ имѣніи Гусь, Владимірской губ. 10-ти лѣтъ онъ былъ принятъ во 2-ой классъ одного изъ отдѣленій 1-ой московской гимназіи, превратившагося потомъ въ 5-ую гимназію, изъ которой и выпущенъ съ золотою медалью въ 1870 г. Въ томъ же году К. поступилъ на медицинскій факультетъ Москов-

скаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1875 г. «Въ жилахъ К. текла смѣшанная кровь. По преданіямъ предокъ его, поселившійся въ Россіи, былъ литовскаго происхожденія. Прабабка его по отцу, очень образованная женщина, была гречанка, бабка — родомъ англичанка — женщина съ твердой волей, внесшая строгій порядокъ, дисциплину и дѣловитость въ жизнь семьи. Дѣдъ былъ очень умнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ. Отецъ, унаслѣдовавшій хорошія свойства своихъ родителей, обладалъ большимъ практическимъ умомъ. Онъ управлялъ извѣстнымъ стекляннымъ заводомъ Мальцева, въ имѣніи Гусь. Религіозность и сердечная доброта являлись наиболѣе выдающимися чертами характера ближайшихъ родныхъ К. съ материнской стороны» *). Родословная К. — хорошій примѣръ происхожденія талантливыхъ людей отъ смѣшенія національностей **). К. былъ женатъ, но дѣтей у него не было. Сестра К. — Марія Сергѣевна — была замужемъ за В. Ѳ. Кауленъ, а сестра В. Ѳ. Кауленъ — Марія Ѳеодоровна — была замужемъ за рано умершимъ психіатромъ А. Ѳ. Беккеръ, которому принадлежала частная лѣчебница для душевно-больныхъ на Красносельской улицѣ, въ Сокольникахъ. Дѣятельность К. неразрывно связана съ этой лѣчебницей и съ исключительною личностью Маріи Ѳеодоровны Беккеръ.

К. съ университетской скамьи поступилъ ординаторомъ въ Преображенскую больницу для душевно-больныхъ. Съ перерывомъ для трехлѣтней ординатуры въ клиникѣ нервныхъ болѣзней А. Я. Кожевникова К. оставался въ Преображенской больницѣ до 1888 г. Съ 1881 г., со дня смерти д-ра Беккеръ, и по день своей собственной смерти — 1-го мая 1909 г. — К. завѣдывалъ частной лѣчебницей Беккеръ. Ближайшими сотрудниками Сергѣя Сергѣевича и Маріи Ѳеодоровны, въ первые годы ихъ дѣятельности, были Николай Николаевичъ Баженовъ и Владиміръ Петровичъ Сербскій. Баженовъ и Сербскій — во всѣхъ отношеніяхъ первые ученики и друзья К. — и самъ Корсаковъ были почти что сверстниками. Корсаковъ родился въ 54

*) Н. Н. Баженовъ. Исторія Московскаго Долгауза, нынѣ Московской городской Преображенской больницы для душевно-больныхъ. Москва. 1909.

**) Ив. Ив. Лапшинъ. Философія изобрѣтенія и изобрѣтеніе въ философіи. Прага, 1924. Т. I.

году, Баженовъ въ 57 г., Сербскій въ 58 г. Слѣдовательно, разница въ возрастѣ 3 resp. 4 г. Всѣ трое окончили Московскій университетъ. Корсаковъ въ 1875 г., Баженовъ въ 1881 г., Сербскій въ 1883 г. Здѣсь уже разница 6 resp. 8 лѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что К. поступилъ въ Университетъ 16-ти лѣтъ. Запозданье Сербскаго зависитъ отъ того, что онъ сначала окончилъ естественный факультетъ и потомъ медицинскій.

Въ лѣчебницѣ Беккеръ провелъ К. свой первый опытъ полнаго не-стѣсненія душевно-больныхъ, no-restraint. «Тамъ и я въ качествѣ молодого ординатора работалъ около него, пишетъ Баженовъ, и былъ свидѣтелемъ того, какъ въ этомъ скромномъ по внѣшности, но богатомъ по исключительно любвеобильному вниманію къ паціентамъ учрежденіи забрезжилъ въ Москвѣ первый лучъ клиническаго пользованія душевно-больныхъ и какъ вводился новый принципъ въ это дѣло — полный и абсолютный no-restraint».

Позволю себѣ привести небольшую историческую справку. Конецъ XVIII в. можно считать началомъ новой психіатрической эры. Въ 1792 г. было основано однимъ изъ членовъ «общества друзей» Вилліамомъ Тьюкомъ Іоркское убѣжище въ Англіи. Вѣроятно въ этомъ же году въ Парижѣ, въ Бисетрѣ, знаменитый Филиппъ Пинель снялъ цѣпи съ умалишенныхъ. Въ замѣну цѣпей, для тѣхъ, которые буйствовали, предложены были горячечныя рубашки и кресло, — средства несравненно болѣе мягкія, чѣмъ прежде практиковавшееся связыванье. Пинель требовалъ привѣтливаго гуманнаго обращенія съ душевно-больными, улучшенія гигіеническихъ условій, занятій для больныхъ, обязательной постановки врача во главѣ учрежденія. Дѣло Пинеля продолжалъ его ученикъ Эскироль. Рядомъ съ этими именами слѣдуетъ поставить имена: врача въ Савойѣ Дакэнъ, Кіаруджи, «итальянскаго Пинеля», нѣмца Лангермана. Великая волна реформъ конца XVIII и начала XIX в. установила 1-ый принципъ психіатріи: сумасшедшій есть несчастный, больной человѣкъ, душевно-больной. Не слѣдуетъ только думать, что установленіе этого принципа сопровождалось его повсемѣстнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ. До этого было еще очень далеко. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія англійскій психіатръ Конолли въ своей книгѣ о «лѣченіи помѣ-

шанныхъ безъ механическаго стѣсненія» первый провозгласилъ, что всякое механическое стѣсненіе, связываньe въ рубашку, привязываньe къ кровати и креслу есть зло, которое должно быть изгнано, за исключеніемъ немногихъ хирургическихъ случаевъ. Книга Конолли вскорѣ была переведена на другіе европейскіе языки. Конолли возражали. Загорѣлась борьба, въ которой приняла участіе и немедицинская печать. Система не-стѣсненія, no-restraint, сдѣлалась моднымъ вопросомъ. Въ Шотландіи и въ Англіи предложеніе Конолли нашло себѣ исполнителей, но во Франціи оно встрѣтило рѣзкій отпоръ. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ большинство французскихъ психіатровъ было противъ no-restraint. Съ трудомъ прививались идеи Конолли и въ Германіи. Между прочимъ, извѣстный психіатръ Нейманъ утверждалъ, что тѣ, кто избѣгаетъ смирительныхъ рубашекъ, злоупотребляютъ наркотическими средствами, т.е. химическимъ связываньемъ. «Одинъ связываетъ руки и ноги, пишетъ Нейманъ, а другой связываетъ мозгъ и ножки мозга. Почему первый — скверный врачъ и человѣкъ, а второй — прекрасный врачъ и человѣкъ, — этого я не понимаю». Механическое связываньe больныхъ практикуется здѣсь и тамъ, въ Западной Европѣ, и до сихъ поръ. Между тѣмъ въ Англіи шло дальнѣйшее расширеніе системы нестѣсненія. Въ 1872 г. д-ръ Тьюкъ, родственникъ Вилліама Тьюка, основателя Іоркскаго убѣжища, выступилъ съ требованіемъ устройства больницъ для душевно-больныхъ по системѣ «открытыхъ дверей», open door system. Двери больницы открыты весь день, ни одного замка, ни одного ключа, ни во внутреннихъ покояхъ, ни во внѣшнихъ выходахъ; вмѣсто всего этого, вмѣсто заборовъ, рѣшетокъ, засововъ, — неослабная и полная человѣколюбиваго вниманія бдительность всего больничнаго персонала. Такимъ образомъ былъ установленъ 2-ой принципъ современной практической психіатріи: призрѣніе душевно-больныхъ должно вестись въ открытыхъ больницахъ съ мастерскими и всевозможными работами, open door, no-restraint. До полнаго проведенія этого принципа въ жизнь еще очень далеко и въ настоящее время.

С. С. Корсаковъ, не имѣя передъ собою живыхъ примѣровъ, принялъ всю систему нестѣсненія цѣликомъ и осуществлялъ ее за свой рискъ и страхъ сначала въ лѣ-

чебницѣ Беккеръ при участіи самой Маріи Ѳеодоровны, Баженова и Сербскаго, а также въ Преображенской больницѣ, и потомъ перенесъ ее въ университетскую клинику. О первыхъ опытахъ К. съ большимъ юморомъ вспоминалъ Баженовъ. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ. Ординаторъ входитъ въ комнату больного и вдругъ видитъ такую картину: С. С. на полу, на четверенькахъ, на немъ верхомъ сидитъ здоровенный больной и выдергиваетъ С. С. волосы изъ головы. Ординаторъ бросается на помощь, но С. С., не мѣняя положенія, грозитъ пальцемъ, чтобы ординаторъ не вмѣшивался: no-restraint! Было это на самомъ дѣлѣ или Баженовъ придумалъ эту картину, какъ иллюстрацію утрированнаго нестѣсненія, — не знаю. Твердо помню только, что подобные разсказы Баженова нисколько не нарушали его благоговѣйнаго отношенія къ Корсакову. Надо было слышать тѣ нюансы, тѣ обертоны, съ которыми это разсказывалось, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ прекрасномъ отношеніи Баженова къ Корсакову. Послѣ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ увлеченій при осуществленіи всякой новой идеи, Корсаковъ, а съ нимъ вмѣстѣ Баженовъ и Сербскій, окончательно стали на сторону максимально возможнаго нестѣсненія, какъ цѣлесообразной мѣры ухода и лѣченія душевно-больныхъ. Свою психіатрическую дѣятельность я началъ въ Преображенской больницѣ и въ лѣчебницѣ бывшей Беккеръ — директоромъ и тамъ и здѣсь былъ тогда Н. Н. Баженовъ; и затѣмъ продолжалъ въ университетской клиникѣ, гдѣ директоромъ былъ Вл. П. Сербскій. Нигдѣ я не видѣлъ ни одного связаннаго больного. Горячечную рубашку и цѣпи я видѣлъ лишь въ музеѣ клиники. Связанныхъ больныхъ впервые увидѣлъ за границей. Я уже говорилъ, что имя Корсакова стало историческимъ во всѣхъ трехъ главныхъ отдѣлахъ психіатріи. Въ отдѣлѣ клинической психіатріи имя Корсакова стало символомъ гуманнаго любовнаго отношенія къ душевно-больнымъ.

Вопросъ призрѣнія душевно-больныхъ не сводится къ вопросу постройки цѣлесообразныхъ больницъ. Постройка больницъ только начальное звено въ цѣпи мѣропріятій. Другая важная задача: эвакуація хрониковъ и созданіе для нихъ дешеваго типа призрѣнія. Переполненіе больницъ наступаетъ съ математическою точностью. Къ первому десятилѣтію больница заполняется хрониками на 9/10.

Чтобы освобождать больницы, необходимо широко поставленное призрѣніе хроникозъ въ семьяхъ, у воротъ больницы, какъ говорилъ Баженовъ. Посемейное призрѣніе — patronage familial — можно считать 3-ьимъ основнымъ принципомъ современной практической психіатріи. Въ Россіи первую колонію посемейнаго призрѣнія открылъ въ 1885 г. Баженовъ при Рязанской Голенченской больницѣ, въ селѣ Никуличахъ. Въ Москвѣ resp. подъ Москвой patronage familial, съ легкой руки Баженова, получилъ широкое распространеніе.

80-ые годы были, по опредѣленію Баженова, «героическимъ періодомъ въ исторіи русской психіатріи». «Земства энергично принялись за реорганизацію своихъ «отдѣленій для умалишенныхъ» при общихъ больницахъ; устранивались первыя въ Россіи больницы земледѣльческаго типа по образцу саксонскаго Alt-Scherbitz'a. Выросли психіатры-организаторы, богатые иниціативою, рѣшительностью и вѣрой въ свое дѣло. Они осуществляли принципы no-restraint и open door, несмотря на всѣ препятствія. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ учрежденіяхъ горячечныя рубашки сразу были сняты и вышли изъ употребленія. Больные, которые годами сидѣли въ старыхъ сумасшедшихъ домахъ и дичали тамъ теперь гремѣли инструментами въ мастерскихъ, звенѣли косами въ полѣ, собирали молочные скопы на фермѣ. Такая организація требовала большого напряженія воли отъ врача и возлагала на него большую отвѣтственность. Тогда создался типъ земскихъ психіатровъ, про который можно сказать: психіатръ — отецъ, больные — дѣти». Такимъ отцемъ больныхъ былъ Корсаковъ въ качествѣ ординатора Преображенской больницы и директора лѣчебницы Беккеръ. Баженовъ послѣ двухлѣтней работы въ лѣчебницѣ Беккеръ-Корсакова и почти двухлѣтней спеціальной подготовки за границей, въ 1885 г., занимаетъ мѣсто директора Рязанской земской психіатрической больницы. Блестяще образованный, исключительно остроумный, свѣтскій человѣкъ, онъ, тѣмъ не менѣе, ѣдетъ въ провинцію и становится однимъ изъ первыхъ психіатровъ-отцевъ, психіатровъ-героевъ. Когда въ 1883 г. Баженовъ уѣхалъ за границу, его мѣсто въ лѣчебницѣ Беккеръ занялъ Сербскій. Послѣ болѣе, чѣмъ годовой работы подъ руководствомъ Корсакова, Сербскій ѣдетъ за границу для осмот-

ра психіатрическихъ больницъ, послѣ чего становится директоромъ Тамбовской психіатрической больницы, также психіатромъ-отцемъ, психіатромъ-героемъ.

«Люди 80-хъ годовъ... Ихъ часто мажутъ одной краской, — говоритъ А. А. Кизеветтеръ, — какъ поколѣніе, повернувшееся спиной ко всякимъ общественнымъ идеаламъ, разочаровавшееся во всякомъ общественномъ прогрессѣ, отдавшееся всецѣло мелкимъ дѣлишкамъ текущаго дня и эгоистическимъ личнымъ интересамъ». Такая характеристика довольно одностороння. Это вѣрно, что въ тѣ годы на авансценѣ общественной жизни насталъ штиль. «Дѣятели» заслонились «дѣльцами». Но никакъ нельзя сказать, чтобы съ общественной арены совершенно исчезли тогда люди, одушевленные стремленіемъ служить общественному благу. Такіе люди были и не только въ видѣ случайныхъ одиночекъ. Намѣтилось цѣлое теченіе, отличавшееся нѣкоторой опредѣленной окраской. Въ основѣ его лежало разочарованье въ революціонныхъ методахъ политической борьбы, въ стремленіяхъ къ катастрофическимъ переворотамъ, въ вѣрѣ въ возможность мгновенными ударами свалить существующій строй и сразу переродить и осчастливить человѣчество. То была, несомнѣнно, реакція противъ революціоннаго настроенія предшествующаго десятилѣтія. Но эта реакція далеко не для всѣхъ была равносильна отказу отъ всякаго служенія общественному благу. Намѣтилось теченіе, дѣятели котораго усматривали въ рѣшимости служить идеаламъ свободы и соціальной справедливости въ процессѣ ежедневной, будничной работы, въ рамкахъ существующей дѣйствительности, — не меньшій героизмъ, чѣмъ и въ драматическихъ эффектахъ подлинной политической борьбы». Къ этой блестящей характеристикѣ А. А. Кизеветтера доказательной иллюстраціей можетъ послужить только что описанный героическій періодъ въ исторіи русской психіатріи.

Больничное строительство и больничная жизнь настолько захватывали, поглощали психіатровъ, что не оставляли возможности для теоретической научной работы. Зато дѣло призрѣнія душевно-больныхъ было поставлено на большую высоту. Но С. С. Корсакову и его приснымъ, Н. Н. Баженову и Вл. П. Сербскому, суждено было выйти на авансцену также и научной жизни.

**
*

Въ 1887 г. въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ отечественныхъ психіатровъ, «памятный до сихъ поръ по его очень напряженной работѣ и очень большой продуктивности». Корсаковъ, Баженовъ и Сербскій выступали на этомъ съѣздѣ съ важными, какъ практически, такъ и теоретически, докладами. Въ тотъ же 1887 г. Корсаковъ защитилъ свою замѣчательную диссертацію объ алкогольномъ параличѣ. И въ томъ же 1887 г. была освящена и передана Московскому университету «Психіатрическая клиника имени Абрама Абрамовича Морозова при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ». Клиника была построена на средства, завѣщанныя А. А. Морозовымъ на благотворительныя цѣли. Выборъ назначенія этихъ средствъ на учрежденіе клиники принадлежалъ вдовѣ покойнаго — Варварѣ Алексѣевнѣ Морозовой. Она выбрала то мѣсто на Дѣвичьемъ полѣ, на которомъ построена клиника и предложила въ даръ университету клинику уже готовою, т. е. выстроенную и съ полнымъ внутреннимъ обзаведеніемъ. Планы клиники составлены были проф. А. Я. Кожевниковымъ и университетскимъ архитекторомъ К. М. Быковскимъ. Корсаковъ становится завѣдующимъ этой клиникой и вскорѣ ея директоромъ. Мѣсто [illegible] ассистента клиники, т. е. ближайшаго помощника и замѣстителя директора, въ случаѣ его отсутствія, съ перваго дня открытія клиники занимаетъ Сербскій. Психіатрическая клиника Московскаго университета дѣлается духовнымъ центромъ организаціи психіатрическаго дѣла въ Россіи. Я далекъ отъ мысли игнорировать значеніе петербургской и другихъ университетскихъ клиникъ, а равно самостоятельность городскихъ и земскихъ психіатровъ, но хочу только подчеркнуть, что общественная психіатрія всегда особенно склонялась, тянула къ московской Корсаковской клиникѣ, благодаря во всѣхъ отношеніяхъ безупречнымъ личностямъ Корсакова и Сербскаго. Корсаковъ и Сербскій сумѣли поддержать славу Московскаго университета и всегда оставались вѣрными его основной традиціи, формулированной А. А. Кизеветтеромъ, какъ «сліяніе и органическое совмѣщеніе служенія научной истинѣ со служеніемъ общественному благу». Популярность Корсаковской школы особенно ярко сказывалась на

съѣздахъ врачей, какъ Пироговскихъ, такъ и спеціальныхъ. На 2-омъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Кіевѣ въ 1905 г. почетнымъ предсѣдателемъ былъ избранъ Вл. П. Сербскій. Въ 1910 г. состоялось первое собраніе учредителей «Русскаго Союза психіатровъ и невропатологовъ». Инпціатива такого союза принадлежала еще Корсакову, но по разнымъ обстоятельствамъ сорганизовался Союзъ лишь черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Корсакова. Предсѣдателемъ Союза былъ избранъ Н. Н. Баженовъ. Одной изъ задачъ Союза является періодическое созваніе съѣздовъ. Тѣ съѣзды, которые будутъ засѣдать въ Москвѣ, должны именоваться «Корсаковскими». Такимъ образомъ, и въ общественной психіатріи имя Корсакова стало историческимъ.

Корсаковъ былъ разносторонне образованнымъ человѣкомъ. Онъ ревностно изучалъ психологическую и философскую литературу,на что указываетъ богатство этихъ отдѣловъ въ его замѣчательной библіотекѣ, завѣщанной имъ клиникѣ. Библіотека была единственною роскошью, которую позволялъ себѣ К. Въ своей двухтомной «Психіатріи» (2-ое посмертное изд. 1901 г.) К. посвящаетъ нормальной психологіи около ста страницъ. При чтеніи этихъ интересныхъ страницъ получается такое впечатлѣніе, что авторъ чистый интеллектуалистъ и сторонникъ ассоціативной психологіи. Однако, К. былъ всегда самобытенъ. Эта самобытность сказалась и въ области психологіи. «Кромѣ сочетанія идей по простой ассоціативной связи, пишетъ К., существуетъ еще сочетаніе идей подъ вліяніемъ особой направляющей силы ума». Теперь этотъ вопросъ о направляющей силѣ ума подробно разработанъ въ нѣмецкой литературѣ. И въ области чувствованій К. преодолѣваетъ интеллектуализмъ. «Я лично полагаю, что въ психологіи роль душевныхъ чувствъ, т. е. эмоціональной сферы громадна, даже въ области интеллектуальной дѣятельности». Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что К. и въ общей психологіи не зналъ застывшихъ догмъ. Въ метафизикѣ К. всецѣло стоитъ на почвѣ матеріализма. Съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ онъ и проблему душевнаго заболѣванія: психіатрія — отдѣлъ невропатологіи, правда, своеобразный. «Предметъ психіатріи составляютъ душевныя болѣзни или патологическія измѣненія личности... Что лежитъ

въ основѣ ихъ? Безспорно, тѣлесныя измѣненія. ...Душевныя болѣзни суть такія же тѣлесныя болѣзни, какъ и всѣ другія... Душевныя болѣзни суть болѣзни передняго мозга». Невольно возникаетъ вопросъ, какъ такой исключительно тонкій человѣкъ, исключительно тонкій наблюдатель и глубокій мыслитель съ широкимъ горизонтомъ могъ удовлетворяться матеріалистическимъ пониманіемъ душевныхъ явленій? Мнѣ думается, что такое пониманіе было необходимо Корсакову, чтобы внѣдрить обществу, родственникамъ, Суду первый основной принципъ психіатріи: сумасшедшій есть больной, такой же больной, какъ и тѣлесно заболѣвшій. Для этого отожествленіе душевныхъ заболѣваній съ тѣлесными — самый вѣрный путь. Мнѣ думается, что м а т е р і а л и з м ъ Корсакова вообще м е т о д о л о г и ч е с к і й. Это методъ, по которому можно изучать человѣка, но это еще не значитъ, что этотъ методъ единственный и что онъ можетъ привести къ раскрытію существа человѣка. Въ противоположность многимъ врачамъ своего времени К. никогда не относился къ философіи, въ частности къ метафизикѣ, отрицательно. «Если первичный толчекъ для приведенія въ дѣйствіе психическаго механизма даетъ «воля», понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, то естественнымъ является вопросъ — откуда она сама, откуда ея энергія?.. Вопросъ въ высшей степени важный и глубокій, къ сожалѣнію, рѣшаемый многими крайне поверхностно... Для рѣшенія его недостаточно современнаго положительнаго знанія и нельзя пренебрегать, какъ совершенно ненужнымъ хламомъ, тѣмъ, что говорятъ такъ называемые метафизики. Зная, какую важную роль въ нашей душевной жизни играетъ творческая работа безсознательной идеаціи, и какъ нерѣдко путемъ интуиціи открываются истины, которыя разсудокъ осмышляетъ лишь впослѣдствіи, мы не можемъ съ невѣжественной насмѣшкой относиться къ тому, что говорятъ многіе высокоталантливые люди, считающіе себя представителями метафизики, только потому, что эта область умственныхъ изслѣдованій носитъ такое дразнящее названіе».

Въ теоретической психіатріи имя Корсакова стало историческимъ благодаря тому, что онъ описалъ своеобразную форму душевнаго заболѣванія, получившую названіе К о р с а к о в с к о й б о л ѣ з н и, Morbus Korsakovi. Названіе это дано было на международномъ ме-

дицинскомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Москвѣ, въ 1897 г., по предложенію проф. Jolly. Названіе это привилось и укоренилось настолько, что«Корсаковъ» стало нарицательнымъ именемъ также и среди заграничныхъ спеціалистовъ. Симптомокомплексъ, описанный Корсаковымъ, характеризуется разстроенной памятью текущихъ событій при относительно сохранившейся памяти прошлаго, при томъ сохранена и «основная группа личности», т. е. больной остается такимъ, какимъ былъ до болѣзни. Память недавняго разстроена иногда настолько рѣзко, что, напр., больной только что кончившій обѣдъ и перешедшій въ кабинетъ не помнитъ, обѣдалъ онъ или нѣтъ. Иногда больной заполняетъ пробѣлы памяти вымыслами, конфабуляціями.

Въ своей послѣдней работѣ «Постельное содержаніе при лѣченіи острыхъ формъ душевныхъ болѣзней» Корсаковъ пишетъ: «Что такое системы въ дѣлѣ лѣченія душевно-больныхъ? Это цѣлая совокупность средствъ, примѣняемыхъ къ больному, — средствъ, соединенныхъ одной общей идеей и назначенныхъ всею своею совокупностью вліять на больного, направляя теченіе болѣзни въ благотворную сторону... Одна изъ самыхъ старинныхъ и до сихъ поръ самая дѣйствительная есть с и с т е м а м о р а л ь н а г о в л і я н і я... Какъ ни различны взгляды отдѣльныхъ психіатровъ, но есть нѣчто общее, что отличаетъ и всегда отличало ихъ отъ лицъ, не занимающихся спеціально душевными болѣзнями: это именно пониманіе основныхъ требованій больного человѣка и правильная оцѣнка болѣзненныхъ проявленій, какъ таковыхъ». При исканіи средствъ для облегченія больныхъ психіатры «часто заблуждались, но при этомъ все-таки истинные психіатры не теряли главнаго, с в о е г о п с и х і а т р и ч е с к а г о воззрѣнія и отношенія къ больнымъ. Оно то и создавало вокругъ больныхъ ту а т м о с ф е р у, которая лѣчила ихъ». Особое психіатрическое отношеніе и объединяетъ собою всю совокупность средствъ моральнаго вліянія. Особое психіатрическое отношеніе есть прежде всего пониманіе существенныхъ сторонъ состоянія душевно-больного: «знаніе зависимости душевнаго разстройства отъ тѣлесныхъ измѣненій и знаніе зависимости тѣлесныхъ измѣненій отъ состояній настроенія и преобладающихъ аффектовъ, умѣнье обращаться съ больнымъ, дѣйствовать на его волю, настроеніе и содержаніе идей, умѣнье во время предоставить болѣзнь естественному те-

ченію, заботясь лишь объ устраненіи вредно дѣйствующихъ моментовъ». Здѣсь К. старается въ простыхъ словахъ раскрыть понятіе того, что называется «тактомъ врача». Тактъ необходимъ каждому врачу, тѣмъ болѣе психіатру. До извѣстной степени психіатрическій тактъ можно пріобрѣсти. «Психіатръ, говорилъ проф. невропатологіи Влад. Карл. Ротъ, привыкшій имѣть дѣло съ душевно-больными, съ ихъ нелѣпыми сужденіями, агрессивными поступками и т. п. вырабатываетъ въ себѣ способность подавлять непосредственную реакцію чувства, вызываемую тѣми или другими проявленіями психической жизни другихъ людей и углубляется въ анализъ причинъ и условій, ихъ производящихъ». Это вѣрно, но этого мало, необходимо обладать нѣкоторыми прирожденными свойствами. Требованіе, которому по мѣрѣ силъ долженъ удовлетворять психіатръ: это — сочетаніе любовнаго отношенія къ душевно-больнымъ и къ людямъ вообще съ твердостью воли, съ настойчивостью въ проведеніи своихъ цѣлей и намѣреній, своихъ убѣжденій. Душевно-больной въ больницѣ или внѣ больницы долженъ подчиняться психіатру, а не наоборотъ. Управлять должны душевно-здоровые, а не душевно-больные, какъ это случается и на исторической сценѣ и въ глуши замкнутой семейной жизни обывателей.

Сочетаніе любвеобильнаго и авторитетнаго отношенія совсѣмъ нелегко и встрѣчается не часто. Корсакову было присуще это сочетаніе. «Сергѣй Сергѣевичъ, несмотря на всю свою мягкость, говоритъ Сербскій, былъ требователенъ къ другимъ, когда сталкивался съ душевнымъ неряшествомъ, но особенно требователенъ былъ къ самому себѣ... С. С. не раздѣлялъ мнѣнія Посошкова, усердно поддерживаемаго многими и въ настоящее время: «понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимѣющая». Если С. С. и не осязалъ душу, за то обладалъ тайною постигать ее и видѣлъ въ ней высшую цѣнность, какою только можетъ обладать человѣкъ... потому-то онъ всегда и стремился къ ней на помощь. Основою его личности, какъ указываетъ профессоръ философіи Левъ Мих. Лопатинъ, было почти до геніальности развитое побужденіе къ добру. Это свойство, добавляетъ Лопатинъ, всегда и вездѣ дало бы ему высокое нравственное положеніе. Въ античномъ мірѣ онъ былъ бы доблестнымъ гражданиномъ, въ Средніе вѣка онъ былъ бы под-

вижникомъ, страдающимъ за людей и ищущимъ правды». Мѣтко и вѣрно характеризовалъ личность Корсакова проф. И. А. Сикорскій: личность Корсакова по удивительной гармоніи всего душевнаго склада и способностей была по истинѣ художественнымъ произведеніемъ.

«Казалось прямо непостижимымъ, вспоминалъ Серб-скій, откуда этотъ вѣчно дѣятельный человѣкъ находилъ время и для научныхъ занятій и для пополненія самообразованія, къ которому всегда стремился»... На самомъ дѣлѣ, больные — въ клиникѣ, въ лѣчебницѣ Беккеръ, дома, — консультаціи, лекціи, экспертизы, научныя общества — К. былъ съ 1890 г. по 1896 секретаремъ, а потомъ товарищемъ предсѣдателя Общества невропатологовъ и психіатровъ, съ 1894 г. былъ членомъ правленія и въ теченіе нѣкотораго времени предсѣдателемъ правленія Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, а также редакторомъ журнала этого Общества, состоялъ товарищемъ предсѣдателя Психологическаго Общества. Ко всему этому научные труды и ихъ печатаніе... «Не только для больныхъ всегда была раскрыта живая душа С. С. Съ тѣмъ же проникновеніемъ онъ шелъ навстрѣчу здоровымъ, которые, въ свою очередь, какъ и больные стремились къ нему. Съ 1884 г. работалъ К. въ Комитетѣ Общества для пособія нуждающимся студентамъ, а съ 1896 г. состоялъ предсѣдателемъ этого Общества и отдавалъ этому дѣлу очень много времени и душевныхъ силъ. Среди этой кипучей дѣятельности Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ скончался, 46-ти лѣтъ, отъ перерожденія кровеносныхъ сосудовъ сердца. Это было 1-го мая 1900 г.

**
*

Мои личныя воспоминанія о Корсаковѣ очень скудны. Я, можно сказать, только въ качествѣ посыльнаго имѣлъ отношеніе къ С. С. Будучи гимназистомъ послѣдняго класса и студентомъ 1-го курса, я нѣсколько разъ поздно вечеромъ отправлялся съ корректурой отъ моего отца на Пречистенскій бульваръ къ С. С. Мой отецъ и С. С. были наиболѣе активными членами Правленія Пироговскаго Общества. С. С. никогда не пропускалъ засѣданій Правленія въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Одинъ изъ нихъ постоянно присылалъ своего кучера съ извѣще-

ніемъ о невозможности пріѣхать. Передъ началомъ засѣданія обычно предсѣдатель объявлялъ: «кучеръ проф. Х. уже былъ». Являлся я къ С. С. иногда за полночь и, тѣмъ не менѣе, заставалъ еще у него послѣднихъ паціентовъ. Хорошо помню мягкій, тихій голосъ С. С., всегда говорилъ С. С. какія-нибудь привѣтливыя слова. Всецѣло попалъ я въ Корсаковскую атмосферу съ самаго начала своей психіатрической дѣятельности, сначала черезъ Баженова, потомъ черезъ Сербскаго. По смерти Корсакова директоромъ клиники и профессоромъ сталъ Сербскій, штатнымъ ассистентомъ клиники прив.-доцентъ С. А. Сухановъ. Послѣ ухода С. А. Суханова мѣсто штатнаго ассистента клиники занялъ я.

Близъ клиники въ маленькомъ домикѣ, принадлежавшемъ В. А. Морозовой, жила Марія Ѳеодоровна Беккеръ М. Ѳ. было тогда за 60 лѣтъ. Высокая, красивая женщина съ удивительно сохранившимся свѣжимъ молодымъ голосомъ — она вся жила въ прошломъ. Послѣ смерти К—ва М. Ѳ. устранилась отъ ухода за душевно-больными и вела совершенно замкнутую жизнь, допуская къ себѣ, кромѣ близкихъ родныхъ, только Баженова и Сербскаго. Заняв мѣсто ассистента клиники и я могъ навѣщать М. Ѳ. Подавался чай, М. Ѳ. внимательно выслушивала мои разсказы о клинической жизни, и въ поученіе читала мнѣ отрывки изъ писемъ К—ва. Свято сохранялись его многочисленныя письма. — С. С. писалъ М. Ѳ. не только во время своихъ заграничныхъ путешествій, но и находясь съ нею подъ одной кровлей лѣчебницы, если у него была свободная минута, а М. Ѳ. была занята. Передъ революціею эти крайне интересныя письма начали было печататься въ «Журналѣ невропатологіи и психіатріи имени С. С. Корсакова». Какая судьба постигла теперь эти важные историческіе документы — богатую Корсаковскую эпистолярную литературу, — я не знаю. Помню, какъ М. Ѳ. мягко, но настойчиво внушала мнѣ необходимость избѣгать рѣзкихъ выраженій, какъ, напр., «помѣшанный». Слово «сумасшедшій» я и самъ не употреблялъ, — настолько Корсаковскій эвфемизмъ уже привился мнѣ, но съ «помѣшаннымъ» дѣло было труднѣе. При К—вѣ неврастеники и вообще невротики назывались нервно-больными. Когда же нервно-больные стали разсматриваться, какъ душевно-больные, для душевно-больныхъ въ узкомъ смыслѣ слова требовалось иное обозначеніе. Но М. Ѳ. не сдавалась:

«С. С. никогда не употреблялъ этихъ словъ»... Скончалась М. Ѳ. въ 1924 г. 76-ти лѣтъ отъ роду.

Я говорилъ объ исключительной кипучей энергіи К. Но какъ бы ни былъ силенъ человѣкъ, одинъ онъ не въ состояніи осуществить свои цѣли. И вотъ на пути К. встрѣтилась Марія Ѳеодоровна Беккеръ. М. Ѳ. съ женскимъ проникновеніемъ сразу поняла мощь С. С. и отдала ему и его дѣлу въ полное распоряженіе и свою лѣчебницу и свой трудъ. Въ творческое дѣло К—ва влилась струя женственности, полезная и необходимая въ уходѣ за душевнобольными. Такъ же удачны были и первые ученики-друзья К—ва: Н. Н. Баженовъ *) и Вл. П. Сербскій. Слѣдуетъ помнить, что и личныя свойства учениковъ въ извѣстной степени опредѣляютъ дѣятельность учителя. Учитель черпаетъ немало силы изъ общенія со своими учениками. Здѣсь именно в з а и м о дѣйствіе.

Владиміръ Петровичъ Сербскій родился 14-го февраля 1858 г. въ г. Богородскѣ, Московской губерніи. Отецъ его былъ городовымъ врачемъ, мать, урожденная Богданова, дочь уважаемаго протоіерея. Вл. П. кончилъ 2-ую московскую гимназію, въ 1876 г., вмѣстѣ съ Баженовымъ. Въ 1880 г. Вл. П. окончилъ естественный, въ 1883 г. медицинскій факультетъ Московскаго университета. При окончаніи медиц. факультета Вл. П. получилъ золотую медаль за сочиненіе «Клиническое значеніе альбуминуріи». Тотчасъ же по окончаніи Вл. П. поступилъ врачемъ въ лѣчебницу Беккеръ, на мѣсто Баженова. Въ лѣчебницѣ Вл. П. работалъ съ іюня 1883 г. по сентябрь 1884 г. Потомъ спеціализировался за границей, послѣ чего былъ директоромъ Тамбовской психіатрической больницы, а съ 1887 г. ассистентомъ клиники. Въ 1891 г. Сербскій защитилъ диссертацію объ острой спутанности (Amentia Meynerti), основанную на тщательной обработкѣ богатаго матеріала. Диссертація представляетъ большой клиническій интересъ. Съ 1892 г. по 1900 г. Сербскій состоялъ приватъ-доцентомъ юридическаго факультета и читалъ судебную психіатрію. Свои лекціи онъ опубликовалъ въ двухъ то-

*) О Баженовѣ см. Н. Е. Осиповъ. Глава изъ исторіи русской психіатріи. Н. Н. Баженовъ. По-чешски. Часопись чешскихъ лѣкарей. № 15. 1926 г. — Л. М. Розенштейнъ. Московская психіатрическая школа и Н. Н. Баженовъ. «Клиническая медицина». Апрѣль, 1924 г.

махъ. Т. I. Законодательство о душевно-больныхъ. 1895. Т. II. Клиническая психіатрія. 1900.

Преждевременная кончина Корсакова поставила Вл. П. въ исключительно тяжелое положеніе. Прежде всего онъ былъ глубоко потрясенъ утратой искренне и глубоко любимаго друга. Во-вторыхъ, двѣнадцатилѣтняя непрерывная совмѣстная работа, которой Вл. П. отдавалъ всю свою душу, рѣзко оборвалась. Совмѣстную работу Корсакова и Сербскаго московскіе психіатры сравнивали съ брачнымъ союзомъ, въ которомъ К. игралъ роль мужа, а С. — жены. Сравненіе тѣмъ болѣе умѣстное, что ассистентъ клиники ведетъ все хозяйство и администрацію, а директоръ — представительство. Вообще, положеніе ассистента болѣе важное, чѣмъ можно предполагать по смыслу слова «ассистентъ». Въ-третьихъ, Вл. П. сознавалъ свой долгъ продолжать Корсаковское дѣло, а для этого ему приходилось занять первое мѣсто, между тѣмъ Вл. П. не любилъ быть замѣтнымъ, обращать на себя вниманіе.

Вл. П. былъ очень скромный человѣкъ. Онъ любилъ говорить: самое скверное положеніе — это жениха или юбиляра. Надо было видѣть Вл. П. передъ лекціею: до какой степени онъ волновался! Правда, внѣшне это волненіе выражалось только тѣмъ, что онъ не позволялъ съ собою разговаривать. Лекціи читалъ Вл. П. содержательно, вразумительно, интересно — аудиторія всегда была переполнена студентами — читалъ плавно, безъ заминокъ, ровнымъ громкимъ голосомъ, но съ опущенными глазами, такъ что слушателямъ могло казаться, что онъ читаетъ по-писанному, а не говоритъ. Вл. П. обладалъ колоссальною памятью, особенно поражавшей своею точною и безошибочною локализаціею во времени и мѣстѣ, обладалъ большими и разносторонними знаніями, широкимъ, любящимъ сердцемъ, но все это не бросалось въ глаза вслѣдствіе его, я бы сказалъ, з а т о р м о ж е н н о с т и. Конечно, заторможенность проистекала отчасти изъ личныхъ, прирожденныхъ особенностей, но въ значительной степени обусловливалась и внѣшними обстоятельствами. Не легко было стоять рядомъ съ Корсаковымъ. Большіе люди вызываютъ у маленькихъ не только зависть, но и прямо враждебныя чувства. Обнаружить эту враждебность прямо нельзя, а косвенно на друзьяхъ большого человѣка легче. Особенно рѣзко почувствовалъ Вл. П. недоброжелательное отношеніе, когда осиротѣлъ, когда сталъ скорб-

ною вдовою. Не только за себя было больно Вл. П., но и за память своего умершаго друга. Вл. П. еще болѣе замкнулся въ себя, еще болѣе затормозилъ свои проявленія. Со стороны, для поверхностнаго наблюденія Вл. П. могъ казаться угрюмымъ, суровымъ, даже безсердечнымъ человѣкомъ, застывшимъ въ догмахъ разъ сложившагося міровоззрѣнія, недоступнымъ ничему новому. Такое впечатлѣніе было глубоко ошибочно. Не застылъ, а еще болѣе затормозилъ себя Вл. П. Эту заторможенность лучше всего можно пояснить сравненіемъ. Въ древности къ одному старцу пришелъ обыватель съ жалобой на жителей города, что они мало молятся. Старецъ велѣлъ жалобщику налить сосудъ до краевъ водой и обойти съ этимъ сосудомъ всѣ улицы города, при этомъ отнюдь не расплескивать воды. Жалобщикъ исполнилъ приказаніе старца. Когда онъ вернулся, старецъ спросилъ его, молился ли онъ въ это время. Тотъ съ удивленіемъ отвѣтилъ, какъ могъ онъ это дѣлать, весь поглощенный тѣмъ, чтобы не расплескать воду. На это старецъ отвѣтилъ ему, что вотъ и жители города имѣютъ столько заботъ, что и имъ трудно молиться. Вл. П. считалъ своимъ долгомъ прежде всего не расплескать драгоцѣнный сосудъ съ общественнымъ и научнымъ міросозерцаніемъ Корсакова, охранить послѣднее отъ нападокъ легкомысленныхъ и не въ мѣру самоувѣренныхъ людей. Вѣрность не только своимъ убѣжденіямъ, но своимъ чувствамъ — большая соціальная и нравственная цѣнность. Вл. П. былъ вѣрнымъ человѣкомъ и въ своей дружбѣ и въ своей любви. Вѣрнымъ былъ и самому себѣ. Конечно, нельзя сплеча осуждать тѣхъ людей, у которыхъ убѣжденіе и дѣло не сходятся, но насколько сильнѣе привлекаютъ къ себѣ люди цѣльные, остающіеся всегда вѣрными себѣ. Такимъ цѣльнымъ, хотя и заторможеннымъ, человѣкомъ былъ Владиміръ Петровичъ Сербскій.

Отстоявъ Корсаковскую позицію и продолжая работу съ новою коллегіею врачей, Вл. П. становился постепенно свободнѣе. И тогда легко можно было убѣдиться въ его большей сердечной добротѣ, отзывчивости на нужды врачей, надзирателей и вообще всего клиническаго персонала. Съ больными и съ родственниками Вл. П. и во времена самой большей заторможенности былъ крайне внимателенъ и предупредителенъ, хотя никогда не былъ многословенъ. Нерѣдко съ молчащимъ меланхоликомъ Вл. П. долго про-

сиживалъ тоже молча, привѣтливо посматривая на него и изрѣдка произнося то или другое одно слово, иногда просто «Да!» И сколько меланхоликовъ горячо любили Вл. П.! Терпѣніе его съ больными, пониманіе ихъ настроенія и умѣнье каждому сказать простое, но звучащее сочувствіемъ слово были поистинѣ изумительны. Въ общеніи съ врачами Вл. П. былъ очень простъ, дружественъ и всегда откликался на всѣ нужды своихъ сотрудниковъ.

Въ научномъ отношеніи, укрѣпивши Корсаковскую позицію, Сербскій охотно шелъ навстрѣчу всякимъ новымъ движеніямъ, беря изъ нихъ, конечно, только то, что не противорѣчило его принципамъ и громадному опыту. Стойко выдержалъ Сербскій чрезмѣрное увлеченіе діагностикой Kraepelin'a. Во время навала на психіатрію вульгаризованной экспериментальной психологіи С. сразу понялъ ея чрезвычайную поверхностность, но онъ не отвергалъ методовъ экспериментальной психологіи при ихъ серьезномъ примѣненіи. Внимательно относился С. и къ воззрѣніямъ Freud'a, хотя и остерегался возможной односторонности Freud'овскихъ ученій. Вл. П. Сербскій былъ истиннымъ представителемъ академизма въ хорошемъ смыслѣ слова. Въ 1906 г. Студенческой Издательской Комиссіей было напечатано «Руководство къ изученію душевныхъ болѣзней». проф. Вл. Сербскаго, скоро вышедшее вторымъ изданіемъ. Пропитанное Корсаковскимъ духомъ это руководство является вполнѣ самостоятельнымъ и написано на основаніи сбственнаго психіатрическаго опыта. Когда у врачей клиники возникло желаніе открыть спеціальный пріемъ для невротиковъ, Вл. П. тотчасъ же пошелъ навстрѣчу этому желанію. Непримиримымъ до конца дней своихъ оставался Вл. П. въ преніяхъ Психологическаго Общества при защитѣ позитивизма. Рѣзкое отстаиваніе имъ позитивистическихъ взглядовъ возбуждало неудовольствіе нѣкоторыхъ членовъ Общества. Мнѣ думается, что позитивизмъ Сербскаго, какъ и у Корсакова, былъ болѣе методологическій, рѣзкость же выступленій обусловливалась боязнью утратить при философскихъ разсужденіяхъ то цѣнное, что было достигнуто позитивистами. Сербскій, послѣ смерти К—ва, состоялъ товарищемъ предсѣдателя какъ Психологическаго Общества, такъ и Общества невропатологовъ и психіатровъ.

Въ клиникѣ виталъ духъ Корсакова, что находило се-

бѣ символическое выраженіе въ томъ, что въ кабинетѣ директора все оставалось такъ, какъ было при послѣднемъ пребываніи тамъ С. С. Корсакова. Вл. П. никогда не пользовался этимъ кабинетомъ и, думаю, никогда не входилъ въ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ клиникѣ ключемъ била живая жизнь. Ровно въ 12 ч. появлялся Вл. П., проходилъ въ амбулаторію, гдѣ ассистентъ, закончивъ пріемъ приходящихъ больныхъ, показывалъ Вл. П. тѣхъ изъ нихъ, которые подлежали пріему въ клинику. Послѣ консультаціи Вл. П. отправлялся въ лабораторію, гдѣ принималъ сообщенія четырехъ ординаторовъ о больныхъ каждаго изъ четырехъ отдѣленій. Затѣмъ Вл. П. совершалъ обходъ больныхъ. Если это былъ лекціонный день, на обходѣ присутствовали студенты. Когда студентовъ не было, обходъ затягивался иногда на очень долгое время. Никогда ни одного больного Вл. П. не пропускалъ. Никогда ни одного дня, кромѣ дней обязательного присутствія на Судѣ, Вл. П. не оставлялъ безъ обхода. Въ самые большіе праздники обходъ Вл. П. отличался только тѣмъ, что онъ не требовалъ присутствія ординаторовъ, и обходилъ больныхъ одинъ. Вл. П. нерѣдко приходилъ въ клинику и вечеромъ, иногда и ночью, и, никого не безпокоя, обходилъ всѣ отдѣленія.

Съ появленіемъ новой коллегіи возобновились научныя конференціи врачей клиники, бывшіе еще при К—вѣ: «малыя пятницы». Такое названіе эти собранія получили потому, что происходили въ пятницы, свободныя отъ засѣданій Общества невропатологовъ и психіатровъ, за которыми установилось названіе «большихъ пятницъ». Приблизительно съ 1908 г. «Малыя Пятницы» нѣсколько видоизмѣнились. На ихъ собраніяхъ стали затрагиваться вопросы пограничныхъ съ психіатріей областей: біологіи, психологіи, соціологіи, исторіи. Въ такомъ видѣ клиническія конференціи врачей пріобрѣли болѣе широкій и самостоятельный характеръ, и кругъ посѣтителей-гостей значительно расширился. Гостями и участниками являлись не только врачи-психіатры, но и не-врачи: историки, педагоги, богословы и др. Эти засѣданія стали настолько оживленными и многочисленными, что понятіе «малыхъ пятницъ» являлось анахронизмомъ. На «Малыхъ Пятницахъ» не только бывалъ, но и выступалъ съ докладами Н. Н. Баженовъ. На всѣхъ собраніяхъ неизмѣнно предсѣдательствовалъ Вл. П. Сербскій. Тогда же завязались близкія

отношенія съ нарождавшеюся психіатрической клиникой Высшихъ Женскихъ Курсовъ, гдѣ профессоромъ психіатріи былъ Н. Н. Баженовъ.

Казалось бы, что наступилъ моментъ, когда Вл. П. Сербскій съ полнымъ удовлетвореніемъ могъ взглянуть на свою дѣятельность и свое положеніе. Пользуясь прежнимъ сравненіемъ, можно было сказать, что скорбная вдова, не забывая своего горя, взяла въ свои руки все управленіе и представительство, и умно, умѣло и твердо продолжала дѣло покойнаго мужа...

Вл. П. былъ заторможенный человѣкъ, но эта заторможенность пропадала и онъ являлся рѣшительнымъ и даже грознымъ, если затрагивались принципы. Когда министръ народнаго просвѣщенія Кассо нарушилъ всѣ принципы академической свободы, Сербскій явился однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и непримиримыхъ иниціаторовъ коллективнаго выхода профессоровъ въ отставку. Весною 1911 г., не помню точно дня, Вл. П., встрѣтивъ меня въ коридорѣ клиники, сказалъ: «Ну вотъ-съ! Передаю вамъ клинику. Я больше не приду». — «Какъ же клиника будетъ безъ васъ и вы безъ клиники». — «Бываютъ моменты, когда интересы общественнаго блага стоятъ выше интересовъ науки. До свиданія».

И больше Вл. П. никогда уже не былъ въ клиникѣ... На конференціи врачей было постановлено единогласно: оставаться всѣмъ до прибытія новаго Кассовскаго директора, чтобы не бросать больныхъ и клинику на полномъ ходу, а съ назначеніемъ новаго директора всѣмъ уйти. На конференціи отсутствовалъ сверхштатный ассистентъ прив.-доц. Ѳ. Е. Рыбаковъ, онъ и былъ назначенъ Кассо директоромъ и профессоромъ, осенью 1911 г. Всѣ врачи покинули клинику, за исключеніемъ одного участника конференціи, получившаго мѣсто штатнаго ассистента. Трехъ изъ ушедшихъ пріютилъ у себя Н. Н. Баженовъ въ своей новой клиникѣ.

Нетрудно себѣ представить, что стоила Вл. П. разлука съ его любимымъ дѣтищемъ... Не было клиники, не было академическихъ интересовъ... 4 - 11 сентября 1911 г. въ Москвѣ происходилъ «Первый съѣздъ Русскаго Союза Психіатровъ и Невропатологовъ, созванный въ память Сергѣя Сергѣевича Корсакова». Въ воскресенье 4-го сентября въ большой аудиторіи Политехническаго музея происходило первое торжественное публичное засѣданіе. Об-

щее собраніе открылось вступительнымъ словомъ б ы в ш а г о профессора Московскаго университета Влад. Карл. Рота, встрѣченнаго долгими шумными аплодисментами. Послѣ этого б ы в ш і й профессоръ Московскаго университета Вл. П. Сербскій, встрѣченный также долго не смолкавшими аплодисментами произнесъ рѣчь на тему: «Русскій союзъ психіатровъ и невропатологовъ и С. С. Корсаковъ» Кончая свою рѣчь, Вл. П. сказалъ: «Своевременно ли мы собираемся «въ ночи, которую мы доживаемъ боязливо, когда свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо»; когда принципъ нестѣсненія царитъ только въ психіатрическихъ больницахъ — и то не во всѣхъ — а въ жизни, «на волѣ», допускается лишь для полоумнаго іеромонаха, лица тоже психіатрическаго вѣдѣнія; когда и надъ вольною мыслью всецѣло властвуетъ неугодный Богу гнетъ? Знанія, особенно согрѣтыя любовью, освѣщая путь жизни, способствуютъ бодрому оптимизму. «У науки нравъ не робкій, не заткнешь ея теченія ты своей гнилою пробкою»... Минуютъ невзгоды, пройдутъ всѣ эти, какъ ихъ называютъ французы «г л у п ы е с л у ч а и», d e s c a s s o t s, а истина будетъ горѣть лишь ярче». Присутствовавшимъ представителемъ полиціи засѣданіе было закрыто.

Тяжелые дни переживалъ Вл. П... Скоро онъ сталъ прихварывать и уже совсѣмъ больнымъ тяжелымъ нефритомъ въ мартѣ 1917 г. Вл. П. узналъ о возвращеніи бывшихъ профессоровъ въ лоно Московскаго университета 27-го марта (ст. ст.) 1917 г. Вл. П. скончался, 59-ти лѣтъ*).

Корсаковъ и Сербскій — яркіе представители русской интеллигенціи конца прошлаго столѣтія. Характерно для нихъ своеобразное сочетаніе западничества съ сознаніемъ величія русскаго духа, характерно исповѣданіе общественныхъ идеаловъ и служеніе имъ въ сферѣ своей спеціальности. Конечно, это были особо выдающіеся представители хорошей части интеллигенціи. Теперь, когда такъ принято ругать русскую интеллигенцію, ее поносятъ

*) Черезъ годъ скончалась его супруга Анна Феликсовна, родная сестра извѣстнаго ботаника Петра Ф. Маевскаго. Анна Фел. была старше Вл. П. на 15 лѣтъ. У Сербскихъ была дочь, которая всюду выѣзжала съ Вл. П. Еще при жизни Вл. П. Зичанда Владиміровна вышла замужъ за проф. госуд. права К. А. Кузнецова. При господствѣ большевиковъ въ Одессѣ З. Вл. совсѣмъ молодою скончалась отъ тифа.

и сверху и снизу и сами русскіе и многіе иностранцы, нелишнее воскресить въ своей памяти облики такихъ русскихъ интеллигентовъ-героевъ, питомцевъ Московскаго университета, какъ Корсаковъ и Сербскій. Университетскую психіатрическую клинику Корсаковъ и Сербскій поставили на большую высоту, сдѣлавъ ее одной изъ самыхъ блестящихъ во время бывалаго блеска медицинскаго факультета Московскаго университета.

Д-ръ **Н. Е. Осиповъ.**

Служители Московскаго Университета

Немало было ихъ достойныхъ описанія, но сейчасъ вспомню двухъ: одного, котораго я встрѣтилъ при поступленіи въ Московскій университетъ и другого, который меня напутствовалъ при его окончаніи.

Съ волненіемъ прочелъ я однажды лѣтомъ 1900 г увѣдомленіе, что я принятъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, и только въ сентябрѣ съ запозданіемъ пріѣхалъ въ Москву. На другой день былъ большой праздникъ, и мы рѣшили идти къ «Татьянѣ», въ университетскую церковь.

Скромныя двери ея широко отворяетъ швейцаръ въ крылатой ливреѣ и съ жезломъ въ рукѣ. Важное строгое лицо съ сѣдыми бакенбардами, а грудь увѣшена медалями разныхъ величинъ и металловъ. Это первая моя встрѣча съ Агафономъ, николаевскимъ солдатомъ, швейцаромъ церкви и одновременно анатомическаго института. На другой день иду въ анатомическій. На дворѣ, сзади стараго университета, длинное 2-хъэтажное незатѣйливое зданіе. Вхожу. Гулъ, какъ въ пчельникѣ: студенты уже съѣхались и лекціи начались. Пахнуло чѣмъ то затхлымъ и непріятнымъ: за цѣлое лѣто не провѣтрилось отъ труповъ и старыхъ костей. Направо вѣшалки. Гляжу — Агафонъ, но не въ ливреѣ, а въ мундирѣ, и лицо другое: какъ будто-бы важность исчезла, — и что то дѣтское было въ лицѣ съ привѣтливой улыбкой. «Здравствуйте, Агафонъ». «Здравія желаю, Ваше Благородіе», отчеканиваетъ Агафонъ. «Позвольте узнать фамилію... А вотъ и вѣшалочка для васъ готова, пожалуйте-съ посмотрѣть». Надъ крючкомъ стояла моя фамилія. Вхожу въ анатомическій залъ. 10-12 цинковыхъ столовъ, безъ труповъ, но уже тамъ и тутъ сидѣли группы студентовъ со связками костей и учебниками анатоміи Зернова. Видимо, изъ примѣрныхъ, навѣрно сидѣвшихъ въ гимназіи на первыхъ скамьяхъ. Но вотъ звонокъ, мы входимъ въ аудиторію... Вдругъ все стихло:

изъ боковыхъ дверей входитъ старикъ Зерновъ и начинаетъ лекцію.

Время не текло, а летѣло... Богата была Москва тѣмъ, что такъ отвлекало насъ отъ нашей науки. Вѣдь зарождался Художественный театръ, — имя Станиславскаго было уже популярно. По субботамъ симфоническіе концерты въ Дворянскомъ Собраніи, въ которыхъ часто участвовали Шаляпинъ, Собиновъ и др. Заѣзжалъ гостемъ и Римскій-Корсаковъ; всходила блестящая звѣзда — Скрябинъ, музыку котораго молодежь уже слушала съ трепетомъ. Да развѣ мало было и другихъ соблазновъ! Выставки, въ которыхъ участвовали и Сѣровъ, и Васнецовъ, и Рѣпинъ, и въ которыхъ появлялись иногда послѣднія красочныя симфоніи Врубеля, тогда уже психически заболѣвшаго... А публичные доклады, лекціи?! Промелькнула половина зимы, шумно и буйно отпраздновали Татьяну, а въ воздухѣ уже носилась тревога и безпокойство. Вскорѣ начались студенческіе безпорядки. Опустѣлъ анатомическій. «Что же Агафонъ?» «Да что же-съ? Все это ни къ чему-съ... Дѣло это не наше, но опять-таки не хорошо-съ», говорилъ Агафонъ, строго скрывая подъ суровой наружностью доброту и нѣжность. Чувствовалось, страдалъ старикъ, болѣла его душа и безпокоился онъ за участь молодежи, которая волнами въ теченіе долгихъ лѣтъ проходила передъ его очами. Добрый старикъ не понималъ, и сердце его не хотѣло принимать всего, что вело къ студенческимъ волненіямъ.

А какая память была у этого старика! Пройдутъ года, забредетъ врачъ по старой памяти въ анатомическій, встрѣтитъ Агафонъ его своимъ бравымъ «здравія желаю», и изъ разговора видно, что помнитъ Агафонъ, если и не его лично, то время, въ которое онъ учился. «Агафонъ, а Чехова помните ли?» — «Какъ же-съ, помню... Много скромны были... Въ прошломъ году изволили зайти сюда... Прошли къ его высокоблагородію г-ну Алтухову».

Алтуховъ — прозекторъ, гроза студентовъ на зачетахъ по анатоміи, рѣзкій и грубый по внѣшности, — кончилъ вмѣстѣ съ А. П. Чеховымъ и, сидя надъ трупомъ въ группѣ студентовъ, часто тепло и съ любовью вспоминалъ Чехова.

Прошло 2 года. Экзаменъ по анатоміи сданъ. Прощай, Агафонъ! Прощай, Старый университетъ! Прощай, Моско-

вая. Наша жизнь переносится въ иное тихое царство клиникъ на Дѣвичьемъ Полѣ.

Ближе къ Новодѣвичьему монастырю высится благородное зданіе паталого-анатомическаго института. Немало проводятъ тамъ время студенты медики: паталогическая анатомія одна изъ основъ медицины, да и профессоръ строгъ и безъ знанія не пропуститъ. Идутъ занятія въ большой свѣтлой залѣ внизу: изученіе микроскопическихъ препаратовъ больныхъ органовъ. Студенты сидятъ надъ микроскопами. На помощь имъ то къ одному, то къ другому подходитъ или изящный, бритый д-ръ А. И. Абрикосовъ, или высокій, сухой и доступный С. А. Абрамовъ... Тутъ же и Маркъ, лѣтъ 35, красивый брюнетъ съ черной бородой, средняго роста. Онъ — служитель и правая рука проф. Никифорова. Онъ — знатокъ всѣхъ препаратовъ и отличный микроскопистъ. «Маркъ, Маркъ, идите-ка сюда», зоветъ его студентъ... «Сію минуту», спокойно отвѣчаетъ Маркъ и не торопясь подходитъ. — «Посмотрите, Маркъ, что это за чертовщина?» Онъ наклоняется на секунду надъ микроскопомъ и говоритъ: «гіалиновое перерожденіе сосуда печени»... Что грѣха таить: встрѣчались и такіе, которыхъ Маркъ деликатно училъ владѣть микроскопомъ. Походка у него неторопливая, былъ всегда вѣжливъ, ровенъ, услужливъ, спокоенъ. Только одного не умѣлъ скрывать: почти постоянной тонкой, скрытой усами и бодрой улыбки, въ которой можно было прочесть выраженіе превосходства учителя предъ слабымъ ученикомъ. Но вотъ наступаетъ время государственныхъ экзаменовъ. Идетъ зубрежка во всю. Курсовой староста объявляетъ: «Кто желаетъ записаться на курсъ Марка. Желающіе разбиваются на нѣсколько группъ: время занятій тогда-то; плата одинъ рубль». И вотъ каждая группа наканунѣ экзамена по паталогической анатоміи занимается съ Маркомъ, который понятнымъ сжатымъ языкомъ объясняетъ намъ, что мы видимъ подъ микроскопомъ, что должны видѣть и на что должны обратить особое вниманіе. Интересно, зналъ ли о «курсахъ» Марка проф. Никифоровъ? Вообще же внѣ лекціи этотъ большой человѣкъ и ученый рѣдко выходилъ изъ своего кабинета, пребывая въ немъ съ ранняго утра до поздней ночи или сидя надъ микроскопомъ, изучая рѣдкій препаратъ, или занимаясь изготовленіемъ своихъ знаменитыхъ микрофотографій.

Но вотъ пришелъ и экзаменъ. На немъ, къ услугамъ

профессора, присутствуетъ и Маркъ, но здѣсь онъ безстрастенъ и безъ улыбки смотритъ онъ на вчерашнихъ учениковъ...

Да, было много служителей въ Московскомъ университетѣ и на другихъ факультетахъ, — достойныхъ описанія, но пусть врачи, прочтя эти строчки, вспомнятъ хотя бы двухъ: съ умиленіемъ стараго николаевскаго солдата Агафона съ Моховой и съ благодарностью Марка съ Дѣвичьяго Поля.

Д-ръ Вл. Б—ій.

Изъ исторіи студенческаго движенія въ Московскомъ Университетѣ

(Воспоминанія участника. 1897 - 1903).

1.

Мои университетскія воспоминанія относятся къ интереснѣйшему періоду россійскаго студенческаго движенія, когда оно, переросши свою «земляческую» стадію, выливалось въ широкое русло массовыхъ выступленій, все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ 1905-му году, принимавшихъ опредѣленно политическую окраску.

Поступая осенью 1897-го года въ Московскій университетъ, я засталъ землячества живыми, но уже сильно клонившимися къ упадку организаціями. Не мѣнялось только отношеніе къ нимъ правительства и учебнаго начальства, продолжавшихъ видѣть въ нихъ вредную и опасную силу. Только этимъ и держался, на довольно высокомъ еще уровнѣ, престижъ землячествъ въ средѣ передового студенчества. О землячествахъ мы мечтали еще въ старшихъ классахъ гимназіи. Землячества были для насъ тогда какъ бы символомъ свободной студенческой жизни, или, вѣрнѣе, студенческой борьбы за свободу. Разсказы о тайномъ «Союзномъ Совѣтѣ» особенно волновали романтическія струны нашей души.

Уже въ гимназіи мы и практически подготовляли себя къ землячествамъ. Нашей подготовительной школой были, въ этомъ отношеніи, «подпольныя» (невиннѣйшія по составу) гимназическія библіотеки, и «подпольные» же кружки самообразованія. И въ тѣхъ, и въ другихъ мы видѣли общественно важное дѣло, тѣмъ болѣе важное, чѣмъ больше оно преслѣдовалось начальствомъ. Когда по дѣлу о владимирской гимназической библіотекѣ насъ, гимназистовъ 5-го и 6-го класса, вызвали въ камеру товарища прокурора и въ кабинетъ жандармскаго полковника,

мы окончательно укрѣпились въ убѣжденіи, что «тайныя» собранія для выбора библіотекаря, казначея и «ревизіонной комиссіи» поважнѣе нашихъ учебныхъ занятій. Въ кружкахъ я засталъ еще увлеченіе Добролюбовымъ и «Происхожденіемъ видовъ», но въ седьмомъ и восьмомъ классѣ мы уже предпочитали имъ политическую экономію и знакомились, по Свидерскому, съ самимъ Марксомъ. Я кончалъ гимназію въ Шуѣ. Помню на одномъ изъ нашихъ собраній, въ гостепріимномъ домѣ Вѣры Ник. Бальмонтъ (матери поэта, съ младшими братьями котораго я учился въ гимназіи), мы обсуждали, вокругъ огромнаго самовара, только что изданный тогда законъ объ одиннадцати часовомъ рабочемъ днѣ. Значительность собранія подчеркивалась присутствіемъ на немъ «настоящаго пролетарія» въ лицѣ очень вялаго и косноязычнаго парня Степана, разысканнаго на одной изъ шуйскихъ фабрикъ нашимъ хозяиномъ Мих. Дм. Бальмонтомъ. Но «пролетаріатъ» не удовлетворялъ всѣхъ исканій нашей души: волновали насъ и вопросы личной морали. Какъ разъ въ эпоху нашего увлеченія фабричнымъ законодательствомъ нами основана была гимназическая «Абсолютица» — тайный союзъ абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ — тоже, разумѣется, съ выборами кассира, библіотекаря и ревизіонной комиссіи...

Послѣ экзамена зрѣлости, всѣ эти марксисты и трезвенники, члены подпольныхъ союзовъ и библіотекъ, готовымъ кадромъ, влились въ Москвѣ во Владимирское землячество. Но землячество насъ разочаровало. Собранія были скучны и рѣдки. Старшіе земляки посматривали на новичковъ свысока. Правда, выборы въ «правленіе» и «ревизіонную комиссію» происходили и тутъ, но теперь намъ этого было мало. Утѣшали слухи о болѣе активныхъ землячествахъ — Костромскомъ, Нижегородскомъ, еще какомъ-то. Поговаривали и о «Союзѣ», но толкомъ не знали сами, принадлежимъ мы къ нему или нѣтъ. Вѣдать объ этомъ, изъ конспираціи, надлежало нашему предсѣдателю — огромному студенту Крылову (сыну Владимирскаго полицеймейстера), но Крыловъ только строго блестѣлъ на насъ, на собраніяхъ, золотыми очками, а о «Союзѣ» молчалъ: должно быть не зналъ и онъ. Нѣсколько оживлялось наше землячество лишь устройствомъ во Владимирѣ годичныхъ концертовъ въ Татьянинъ день: приходилось искать артистовъ, везти во Владиміръ, рас-

пространять билеты. Въ самый день концерта и бала (въ Дворянскомъ Собраніи) настроеніе повышалось отъ пѣнія Gaudeamus, а къ концу вечера и полулегальной «Галки». Новая забота послѣ концерта предстояла въ Москвѣ: надо было вытянуть вырученную сумму изъ рукъ инспектора въ кассу землячества. Всѣ мы, имущіе и неимущіе, подавали прошеніе о пособіи, и въ назначенный день собирались въ кабинетѣ инспектора. Студенты, посторонніе землячеству, зная въ чемъ дѣло, обычно въ него не мѣшались. Наша предварительная роспись, на основаніи единогласныхъ показаній, инспекторомъ утверждалась. Мы отправлялись съ ордеромъ въ университетское казначейство, и деньги благополучно переходили въ землячество. Сохранился въ памяти трагикомическій эпизодъ съ попыткой основанія земляческой библіотеки. Что въ нее покупать? Обыкновенныя книги можно было получать въ Румянцевской и въ университетѣ. Прямую нелегальщину пріобрѣтать не рѣшались. Остановились на «научныхъ и солидныхъ» книгахъ, запрещенныхъ цензурой: «К е н а н ъ, Р е н а н ъ и т. д.». Купили Кенана и Ренана («Жизнь Іисуса») — больше рѣшительно ничего не могли придумать. Но и «Кенана съ Ренаномъ» прочесть не пришлось. Библіотекарь нашъ какъ разъ кончилъ курсъ и покинулъ Москву. Безслѣдно исчезла съ нимъ и «библіотека». Долго спустя мы, земляки, всегда со смѣхомъ вспоминали при встрѣчахъ: «А помнишь Кенана-Ренана?»...

2.

Но вотъ настала пора обнаружить себя и «Союзному Совѣту». Въ февралѣ 1899-го года вспыхнули студенческіе безпорядки, принявшіе, на тотъ разъ, всероссійскій масштабъ. Въ точности не упомню, какъ именно началось въ Москвѣ. Первое, что помню изъ этой эпохи — наша бесѣда, по поводу начавшейся забастовки, съ проф. Герье. Началась она, для насъ неожиданно, послѣ его лекціи въ «Большой Словесной». Какъ профессоръ, Герье не вызывалъ въ насъ особыхъ симпатій — лекторъ онъ былъ достаточно скучный, экзаменаторъ придирчивый, обязательныя практическія занятія велъ какъ-то по гимназически, — но какъ либеральнаго, по тому времени, и независимаго общественнаго дѣятеля и поборника высшаго

женскаго образованія, мы Герье уважали. Мы тѣмъ болѣе охотно откликнулись на его попытку заговорить съ нами о забастовкѣ, что бесѣда профессора со студентами не на учебную тему, въ аудиторіи, сама по себѣ была, по тому времени, событіемъ совершенно необычайнымъ. Искренно взволнованныя слова Герье, обращенныя къ намъ, заставили насъ насторожиться. Говорилъ онъ то, что на его мѣстѣ сказалъ бы, вѣроятно, любой представитель «власти» (мы не выдѣляли изъ нея, въ то время, нашихъ профессоровъ): «Васъ обманываютъ... превращаютъ въ орудіе... впослѣдствіи вы поймете»... и т. д. Въ устахъ Герье эти слова звучали однако для насъ чистой монетой. «Владимиръ Ивановичъ, отвѣтили мы, вотъ вы говорите — послѣ узнаемъ, ну а теперь вотъ, станьте на наше мѣсто и скажите совсѣмъ откровенно — на чьей сторонѣ ваши симпатіи — «благонамѣренныхъ» или «бунтовщиковъ»? — Герье помолчалъ и сказалъ: «Сейчасъ представить себя на вашемъ мѣстѣ мнѣ уже трудно, но когда я самъ былъ студентомъ, я находился во время студенческихъ безпорядковъ въ числѣ вожаковъ»... Этого было для насъ достаточно. Мы отвѣтили на слова «молодого Герье» взрывомъ аплодисментовъ, а что потомъ говорилъ намъ «умудренный опытомъ старецъ», равнодушно пропустили мимо ушей.

Не помню сходки. Должно быть на ней я и не былъ. Помню зато хорошо ежедневныя сборища студентовъ на дворѣ Стараго Зданія, около входа въ канцелярію. Тутъ все время была толкучка — читали бюллетени «Союзнаго Совѣта», дѣлились послѣдними новостями и слухами. Сюда сносились и пожертвованія. Помню не безъ волненія вручалъ я здѣсь какую-то сумму «самому Авксентьеву» — предсѣдателю, какъ было извѣстно всѣмъ, Союзнаго Совѣта Землячествъ, и, значитъ, верховнаго руководителя забастовки. Здѣсь же была пущена въ ходъ и новая версія «Галки»:

«Ужъ какъ Зерновъ генералъ
«Всѣхъ декановъ собиралъ...

А декановъ, т. е. Правленіе, тогдашній ректоръ университета Д. Н. Зерновъ собиралъ на предметъ расправы съ бастующими студентами. Правленіе уволило ихъ тогда изъ университета болѣе тысячи.

Землячества, наше по крайней мѣрѣ, роли въ движеніи не играли. Почему руководившій имъ органъ продолжалъ, по крайней мѣрѣ первое время, называться Союзнымъ Совѣтомъ, я не знаю: новые члены въ него избирались, во всякомъ случаѣ, не отъ землячествъ, а отъ «курсовъ», т. е. отъ случайно составлявшихся кружковъ однокурсниковъ. Помню, какъ мы, филологи разныхъ курсовъ, въ числѣ 10 - 12 , собирались на чьей-то квартирѣ и производили выборы представителей отъ всѣхъ четырехъ курсовъ. Точнѣе, это были выборы замѣстителей — на случай ареста Совѣта. Выбранные замѣстители уже сами затѣмъ должны были «кооптировать» себѣ своихъ замѣстителей. Въ эту вторую смѣну попалъ и я, хотя фактически участвовать въ Союзномъ Совѣтѣ мнѣ не пришлось.

Оффиціально забастовка была объявлена, но какъ на дѣлѣ осуществить ее съ желательной полнотой при невозможности не только большихъ общихъ сходокъ, но и маленькихъ собраній по курсамъ? Все представлялось, фактически, мѣстной, такъ сказать, иниціативѣ. Наша группа однокурсниковъ поступила такъ: мы раздобыли въ канцеляріи списокъ своихъ студентовъ съ адресами, и, разбивъ Москву на районы, рѣшили предпринять обходъ всѣхъ квартиръ для личнаго увѣщанія. Мнѣ досталась Малая Никитская, Грузины и окрестности Зоологическаго сада. Я долго бродилъ по какимъ-то грязнымъ дворамъ, взбирался на черныя лѣстницы, стучался въ клеенкой обитыя двери, но... никого не засталъ: кто же бы изъ студентовъ сталъ сидѣть тогда дома!..

Продолженіе обхода я отложилъ на другой день. Но на другой день рано утромъ въ мою комнату ворвалась перепуганная горничная: «Вставайте — полиція!» Въ тотъ же моментъ показалась въ дверяхъ и полиція въ лицѣ безукоризненно корректнаго околодочнаго. Должно быть видъ у меня былъ растерянный, ибо околодочный прежде всего попросилъ меня «не волноваться», а затѣмъ съ сочувственнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что я изъ университета уволенъ и долженъ немедленно отправляться «на родину». Черезъ какихъ-нибудь полчаса моя корзина съ бѣльемъ и книгами водружалась уже на передокъ къ извозчику, а самъ я усаживался сзади, рядомъ съ городовымъ. Такихъ извозчиковъ стояло на дворѣ нѣсколько, и «посадка» происходила въ томъ же порядкѣ — городовой, корзина, студентъ. На одного изъ извозчиковъ уса-

живался мой товарищъ по курсу, жившій въ одномъ со мной домѣ (онъ былъ полонъ студентовъ), Влад. Ник. Перцевъ. Новые извозчики съ высылаемыми студентами обгоняли насъ (или мы обгоняли ихъ) по всему пути до вокзала, къ которому мы подъѣхали цѣлой лентой. На Курскомъ вокзалѣ насъ ждали привезенные раньше, въ томъ числѣ арестованные наканунѣ на Тверскомъ бульварѣ и проведшіе ночь въ Охранкѣ. Въ послѣдней группѣ я замѣтилъ своего брата-медика и еще одного земляка. Оба они пробирались наканунѣ ко мнѣ въ Гнѣздниковскій переулокъ, и по дорогѣ были схвачены на бульварѣ: тамъ предполагалось, оказывается, летучее собраніе «Исполнительнаго Комитета» (новое имя «Союзнаго Совѣта»), и освѣдомленная о немъ полиція забирала безъ разбору всѣхъ приближавшихся къ роковому мѣсту студентовъ. Такъ были зачислены въ Исполнительный Комитетъ и мои неудачные гости, въ дѣйствительности никакого отношенія къ нему не имѣвшіе. Неудача стоила имъ исключенія изъ университета и высылки на два года изъ всѣхъ университетскихъ городовъ.

Ѣхали домой весело, въ особомъ, до отказа набитомъ вагонѣ. Пѣли:

«Русское правительство издало указъ,
«Чтобъ на мѣсто жительства водворили насъ...

Большинству высланныхъ, и лично мнѣ, «безпорядки» обошлись дешево: осенью насъ приняли въ университетъ обратно, на тотъ же курсъ. Годъ, значитъ, все же пропалъ...

3.

Не только мы вернулись въ университетъ болѣе зрѣлыми послѣ пережитаго опыта: казалось выросло и духовно окрѣпло само студенческое движеніе. Въ 1899-мъ году оно было, въ полной мѣрѣ, стихійнымъ: ни прочной организаціи, ни ясныхъ программъ въ немъ создаться еще не успѣло. Въ 1901-мъ году появилось и то, и другое. Внѣшне безплодное движеніе 99-го года оставило, такимъ образомъ, на студенчествѣ слѣдъ, открыло какіе-то клапаны, по которымъ маленькія струйки свѣжаго воздуха все же проникали въ затхлую атмосферу. Не теряя своей сти-

хійности, студенческое движеніе все же оформилось и возмужало. Знаменательнымъ фактомъ этого періода было появленіе въ общественно-активномъ студенчествѣ двухъ отдѣльныхъ теченій — «политиковъ» и «академистовъ». Первое цѣнило студенчество какъ передовой отрядъ въ народной борьбѣ съ самодержавіемъ, а внутри университета видѣло въ немъ угнетенный (начальствомъ и профессурой) классъ, всего могущій добиться «своей лишь собственной рукой». Второе ощущало себя органической частью академической корпораціи, и въ лучшихъ профессорахъ видѣло союзниковъ въ борьбѣ за права и свободу университета, какъ противъ реакціонной правительственной политики, такъ и противъ уличной демагогіи.

Безпорядки 1901-го года, какъ и два года назадъ, вспыхнули совершенно стихійно, но общественная атмосфера окружавшая ихъ была далеко не та. Движеніе перекинулось въ городъ и уже втягивало въ себя «разночинцевъ» (какъ любили выражаться правительственныя сообщенія). Въ 1899-мъ году студенты кучками толпились на университетскомъ дворѣ. Въ 1901-мъ году мы въ перемежку съ «разночинцами» въ теченіе нѣсколькихъ дней запруживали Никитскую и Моховую передъ Манежемъ, гдѣ сидѣли арестованные участники общей сходки. Временами мы стѣсняли движеніе конокъ. Студенты проѣзжавшіе на имперіалахъ, въ отвѣтъ на наши призывные крики, махали фуражками и, въ свою очередь крича что-то, по узенькой витой лѣсенкѣ спускались къ толпѣ. И другіе московскія улицы часто являли тогда необычный видъ. Толпы народа (часто съ преобладаніемъ «разночинцевъ») собирались въ различныхъ кварталахъ, предвосхищая, въ миніатюрѣ, картины 1905-го года. По улицамъ разъѣзжали отряды казаковъ, на помощь которымъ приглашены были вскорѣ сумскіе драгуны. Сборища оттѣснялись въ дворы, окружались, переписывались. «Зачинщики» арестовывались и отсылались въ Манежъ, населеніе котораго непрерывно росло. Вечеромъ толпа пыталась ворваться въ Манежъ и освободить арестованныхъ... Помню въ воскресный день вбѣгаетъ ко мнѣ (я жилъ на Петровскомъ бульварѣ) взбудораженный М. Д. Бальмонтъ: «Сознательные рабочіе примкнули... Теперь пойдетъ!..» Мы выскочили на бульваръ, и увидѣли довольно густую толпу рабочихъ, быстро двигавшуюся, почти бѣжавшую, по направленію къ Страстному...

Правительство, какъ извѣстно, пошло на уступки. Новый министръ Ванновскій получилъ отъ монарха заданіе «безотлагательно пересмотрѣть учебный строй» и въ отношеніи къ учащимся проявить «сердечное попеченіе». Позднѣе русское общество привыкло къ правительственнымъ «веснамъ», но эта была первая, и произвела впечатлѣніе. Будто электрическая искра пронеслась по воздуху. Университетъ вдругъ сталъ другимъ. Педеля и инспекція стушевались. Студенты свободно толпились въ аудиторіяхъ, обсуждая событія. Открылись курсовыя собранія, совѣщанія съ профессорами объ общихъ нуждахъ университета. Въ этой новой обстановкѣ обнаружилось впервые и упомянутое выше разслоеніе студенчества на два теченія. Въ ней же выдвинулись и изъ среды профессуры борцы за академическую свободу, пожелавшіе опереться на академически настроенное студенчество.

Первымъ выдвинулся изъ нихъ, въ качествѣ вождя, П. Г. Виноградовъ, начало популярности котораго среди студентовъ было положено его отказомъ подписать знаменитое воззваніе московскихъ профессоровъ къ студенчеству, всѣми нами (правильно или неправильно) истолкованное тогда, какъ проявленіе сервилизма *). Центральнымъ событіемъ академической жизни этого періода явилась «Виноградовская комиссія» — этотъ первый (и послѣдній) студенческій «парламентъ» въ Московскомъ университетѣ, созванный для обсужденія волновавшаго тогда всѣхъ вопроса объ оскорбленіи женской учащейся молодежи статьей кн. Мещерскаго въ «Гражданинѣ». Это была первая, на моей памяти, крупная побѣда университетской свободы, и именно такъ это событіе всѣми нами тогда и оцѣнивалось. Выборы происходили по курсамъ на спеціальныхъ избирательныхъ собраніяхъ, созывавшихся подъ предсѣдательствомъ представителей Совѣта. На нашемъ собраніи (филологовъ 4-го курса) предсѣдательствовалъ самъ Виноградовъ. Настроеніе будущихъ «политиковъ» и будущихъ «академистовъ» проявилось уже на немъ достаточно ясно: академисты довѣряли Виноградову безусловно и вмѣстѣ съ нимъ возлагали на Комиссію большія надежды; политики и къ Комиссіи, и къ Виноградову относились скептически. Но торжественность и

*) Кромѣ Виноградова воззваніе не подписали, насколько помню, Н. Я. Гротъ и К. А. Тимирязевъ.

необычайность момента (легальные выборы!) ощущались, думаю, всѣми: предвыборныя рѣчи даже такихъ «горячихъ» ораторовъ, какъ Г. А. Алексинскій, при всей своей страстности, не переходили, на этотъ разъ, извѣстныхъ границъ. Собраніе наше происходило въ Большой Словесной. Изъ ораторовъ запомнился почему-то, кромѣ Алексинскаго, «академистъ» С. П. Мельгуновъ, говорившій опершись руками о парту и съ глазами, устремленными въ полъ. Голосованіе было закрытымъ: гуськомъ подходили къ каѳедрѣ и клали въ студенческую фуражку записки. На нашемъ собраніи значительнымъ большинствомъ побѣдили кандидаты академистовъ — В. С. Протопоповъ, Н. А. Гейникеия.

Собраніе самого «Парламента» происходило вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Виноградова, гдѣ-то въ лѣвомъ крылѣ Стараго Зданія, кажется въ одномъ изъ старыхъ помѣщеній библіотеки. До открытія общаго собранія, т. е. до прихода профессоровъ, мы собрались въ сосѣдней комнатѣ для предварительнаго совѣщанія. Боролись два мнѣнія: «политики» во главѣ съ И. Церетелли предлагали самороспускъ Комиссіи на томъ основаніи, что единственной выразительницей воли студенчества можетъ быть общая сходка; мы, «академисты», настаивали на необходимости использовать создавшуюся «легальную возможность». На собраніи Комиссіи пренія возобновились. Голоса раздѣлились поровну: старшіе курсы высказывались за Комиссію, младшіе — за общую сходку. Рѣшающимъ оказался голосъ медиковъ 5-го курса, неожиданно присоединившихся къ сторонникамъ сходки. Виноградовъ спокойно всталъ и объявилъ первое делегатское собраніе студентовъ Московскаго университета распущеннымъ его собственной волей.

Несмотря на самороспускъ коллегія наша свою роль глашатая студенческихъ требованій все же отчасти сыграла. Случилось это въ связи съ пріѣздомъ въ Москву Ванновскаго. Онъ пожелалъ побесѣдовать съ представителями студентовъ, и вызвалъ къ себѣ въ Лоскутную гостиницу «курсовыхъ старостъ». Старостъ въ университетѣ, по дѣйствующему уставу, не полагалось; заново выбирать делегатовъ было некогда; отправились старые, по одному отъ каждой курсовой тройки. Отъ нашего курса вызвался пойти я. Перечень студенческихъ пожеланій, въ готовомъ видѣ, принесъ Церетелли. Мы наскоро утвердили

его въ передней, и на Церетелли же возложили обязанность словеснаго обращенія къ генералу. Церетелли началъ рѣчь съ выраженія благодарности Ванновскому, отъ имени московскаго студенчества, за «живую струю, внесенную имъ въ учебное дѣло», и перешелъ къ изложенію нашихъ желаній. Среди нихъ фигурировало пожеланіе объ уничтоженіи процентной нормы для студентовъ-евреевъ. Ванновскій началъ съ упоминанія о горячей расположенности къ учащейся молодежи монарха (какъ сейчасъ слышу: «Если бы знали, какъ добръ Государь»), а о еврейскомъ вопросѣ сказалъ: «Я понимаю ваши чувства товарищества, но если бы вы знали, какое зло приносятъ евреи Россіи, вы не стали бы настаивать на своей просьбѣ».

Помню при этихъ словахъ министра во мнѣ впервые шевельнулось сомнѣніе въ правильности нашей «академической» тактики.

4.

Осенью 1901-го года занятія въ университетѣ возобновились въ обычномъ порядкѣ, но необычное изъ жизни его уже не уходило. Настроеніе студентовъ было таково, что каждый день можно было ждать новаго взрыва. Броженіе проявлялось по самымъ различнымъ поводамъ, а иногда и безъ повода. Въ октябрѣ неожиданно выплылъ лозунгъ: «свистать Герье!» Почему? Оказывается въ качествѣ директора Женскихъ Курсовъ онъ долженъ былъ сугубо протестовать противъ выходки князя Мещерскаго, но долга своего не исполнилъ, а кромѣ того и самъ по отношенію къ курсисткамъ велъ себя «какъ сатиръ». Откуда поползла эта послѣдняя, явно нелѣпая, сплетня, не знаю, но въ листкахъ и въ устныхъ выступленіяхъ противъ Герье она играла большую роль. Мы, филологи старшихъ курсовъ, близко знавшіе Герье, пришли въ неистовство отъ такихъ проектовъ и буквально «ринулись въ бой». Это была первая, общеуниверситетская схватка политиковъ и академистовъ, въ процессѣ которой сложилась и организація этихъ «партій». Не Герье интересовалъ, конечно, политиковъ: имъ нужно было будить революціонныя страсти. Не одного Герье защищали и мы: мы вступались за университетскую корпорацію. Форменныхъ «безпорядковъ» въ университетѣ еще не было, но порохомъ

уже пахло. Агитація и контръ-агитація велись и въ устной и въ письменной формѣ — въ видѣ летучихъ листковъ и ораторскихъ выступленій въ аудиторіяхъ. Для выработки текста листковъ мы собирались по частнымъ квартирамъ. На этихъ собраніяхъ и родилась наша партійная организація. Выступали мы на всѣхъ факультетахъ. Одно выступленіе помню у медиковъ въ физической аудиторіи, другое у юристовъ, послѣ лекціи А. А. Мануилова. На послѣднемъ собраніи помню поднимающагося съ задней парты главнаго застрѣльщика анти-герьистовъ Г. А. Алексинскаго; помню фразы о «достойномъ поведеніи уважаемаго профессора» и о «безкорыстной защитѣ его кучкой учениковъ, озабоченныхъ благополучной сдачей зачета». По этой рѣчи можно судить, до какого градуса доходили въ то время страсти.

Побѣдителями изъ борьбы вышли мы: Герье такъ и не былъ освистанъ. Но борьба, какъ я упомянулъ, имѣла и другой результатъ: благодаря ей, въ значительной мѣрѣ, возникли въ университетѣ двѣ конкуррирующія организаціи — «самочинный» (какъ намъ казалось) «Исполнительный Комитетъ», взявшійся за политическую мобилизацію студенчества, и нашъ союзъ «сторонниковъ университетской свободы», поставившій своей задачей объединеніе студенчества для борьбы за свободный университетъ «академическими средствами и на академической почвѣ». Къ борьбѣ готовились всѣ, но лозунги были разные: у нихъ — «долой Самодержавіе!», у насъ — «долой инспекцію!», у нихъ — «демократическая конституція», у насъ — «автономія университета». Агитація съ обѣихъ сторонъ началась рѣшительная. Чуть не каждый день появлялись новые «бюллетени». Между лекціями происходили собранія. По рукамъ ходили каррикатуры. Особенно хорошо рисовалъ академистовъ будущій основатель «Братства Христіанской Борьбы» и философъ-соловьевецъ В. П. Свенцицкій, тогда еще гимназистъ. Объ учебныхъ занятіяхъ въ то время думали мало: для большинства студентовъ весь академическій (1901 - 1902) годъ пропалъ.

Много мы работали надъ текстомъ своихъ прокламацій, но еще больше времени отнималъ у насъ организаціонный вопросъ: что такое наше объединеніе — простое общество пропаганды или зародышъ общестуденческаго союза? Въ первомъ случаѣ, при пріемѣ новыхъ членовъ, необходимъ былъ строгій отборъ, во второмъ — важнѣе всего

было раскидывать организацію вширь. Немалое количество нашихъ собраній посвятили мы на разрѣшеніе этого спора. Спорили часами — до хрипоты голоса и до пустоты въ головѣ. Чаще всего собирались въ «Княжемъ Дворѣ» въ номерѣ будущаго лѣваго эсера А. И. Устинова. Во главѣ нашихъ «правыхъ», или «централистовъ» стояли А. И. Анисимовъ, Н. А. Гейнике, Б. Н. Фохтъ, во главѣ «лѣвыхъ», или «демократовъ», къ которымъ примыкалъ и я, В. С. Протопоповъ, В. В. Шеръ, Д. П. Кончаловскій и др.

Союзъ нашъ умеръ прежде чѣмъ мы успѣли договориться, и умеръ, какъ увидимъ сейчасъ, не вполнѣ естественной смертью. Событія быстро развивались не въ нашу пользу. Первый нашъ бюллетень вышелъ 15-го ноября, а черезъ мѣсяцъ нашъ главный союзникъ изъ профессуры Виноградовъ, разочаровавшись въ возможности мирнаго исхода университетскихъ конфликтовъ, покидалъ Москву. Еще черезъ нѣсколько дней (30-го декабря) вышли «Временныя правила» Ванновскаго о студенческихъ организаціяхъ, противъ которыхъ единогласно высказался и Совѣтъ университета, и мы. Нашъ очередной бюллетень признавалъ невозможность, въ дальнѣйшемъ, легальной борьбы и приглашалъ студенчество къ нелегальной организаціи. «Политики» подняли голову. Ихъ агитація за сходку и возобновленіе забастовки получала реальную почву. Сходка состоялась 9-го февраля. Она-то и явилась концемъ организованнаго академизма.

Случилось это такъ. Сходка, созванная Исполнительнымъ Комитетомъ, имѣла за себя большинство активно настроеннаго студенчества. Мы рѣшили итти на нее, чтобы тамъ провести наши лозунги и повернуть движеніе на академическій путь. Въ день сходки Моховая являла обычную картину «студенческихъ безпорядковъ». Манежъ наполненный полиціей и войсками (на этотъ разъ нѣхотой). Передъ университетомъ и на прилегающихъ улицахъ усиленные отряды городовыхъ и разъѣзды конныхъ жандармовъ. Студентовъ въ университетъ пропускаютъ. На обоихъ дворахъ сборища — въ Старомъ зданіи — передъ Актовымъ Заломъ — сторонники сходки, въ Новомъ — противники и колеблющіеся. Мы, ораторы академистовъ, вслѣдъ за другими проникаемъ въ Актовый Залъ. Наше появленіе, истолкованное очевидно, какъ присоединеніе къ Исполнительному Комитету, встрѣчается аплодисмен-

тами, но, когда недоразумѣніе разъясняется, намъ не даютъ говорить и свищутъ. Убѣдившись въ своемъ «провалѣ», мы рѣшили уйти.

«Уйти» совсѣмъ намъ однако не удалось: всѣхъ выходящихъ со сходки при выходѣ арестовывали и направляли въ Манежъ. Мы застали тамъ большую уже толпу, которая продолжала расти: арестованныхъ приводили и со сходки, и съ прилегающихъ улицъ. Приводимыхъ ставили по серединѣ Манежа группами человѣкъ по 100, отдѣленными одна отъ другой цѣпью солдатъ и городовыхъ. Среди арестованныхъ толкались подозрительнаго вида штатскіе — театрально лохматые въ явно непривычныхъ для нихъ очкахъ: какой-то «рабочій» демонстративно вырывалъ изъ записной книжки листки и уничтожалъ «адреса». Чувствовалось вначалѣ довольно бодро. Затянули пѣсни. Но пѣснямъ былъ быстро положенъ конецъ: командовавшій конвоемъ, молодой жандармскій офицеръ, ненавидѣвшій и презиравшій насъ каждой ниточкой своего безукоризненнаго мундира, при первыхъ звукахъ пѣсни, выхватывалъ шашку, высокимъ фальцетомъ кричалъ команду и съ цѣпью городовыхъ побѣдно врывался въ нашу толпу, быстро изолируя запѣвалъ. Къ вечеру начало сильно хотѣться ѣсть: горячій ужинъ принесли только солдатамъ, ожидаемаго хлѣбнаго пайка намъ не выдали и даже нашихъ денегъ на покупку продуктовъ не принимали. Еще больше страдали курильщики, лишенные папиросъ, хотя пѣхотные офицеры, тайкомъ отъ жандармовъ, и опустошили для нихъ свои портсигары.

Уже поздно ночью насъ, голодныхъ и уставшихъ отъ стоянія на голой землѣ, вывели наконецъ изъ Манежа и выстроили длинной колонной по улицѣ. Знакомый фальцетъ вызывающе грозно скомандовалъ: «Ка-анвойнымъ порядкомъ, въ пересыльную тюрьму, м-а-аршъ!»

Въ Бутырки пришли на разсвѣтѣ. Долго, ежась отъ холода, ждали у входа. Откуда-то сверху, изъ темноты (изъ «башни») долетѣлъ истерическій женскій голосъ: «Товарищи, вы политическіе?... Не падайте духомъ: и мы политическіе!...» Какая-то, очень должно быть молодая курсистка спѣшила подѣлиться съ нами радостью перваго пріобщенія къ Революціи. Въ пріемной внизу вдругъ начали вызывать: «Гейнике Николай, Шеръ Владимиръ, Херасковъ Иванъ!..» Я не откликнулся: «очень надо! отведутъ еще въ башню». Потомъ очутились въ камерахъ. Студен-

тамъ отведенъ цѣлый корридоръ. Осматриваемся съ любопытствомъ: длинныя нары, лампы-коптилки подъ потолкомъ, пятна клоповъ и сами клопы по стѣнамъ, тяжелыя двери съ желѣзными засовами, параша въ углу — никакого сомнѣнія, тюрьма настоящая. Принесли кипятокъ и продукты изъ лавки — французскія булки, селедки, сахаръ, чай, папиросы. Шумное оживленіе съ чаепитіемъ, ѣдой (наконецъ-то!), распредѣленіемъ наръ и выборомъ (тутъ-же!) камерныхъ старостъ. А утромъ формировались уже редакціи сатирическихъ журналовъ, кружки шахматистовъ, хоры пѣвцовъ. Тревога и недовольство спрятались вглубь; на поверхности души царило веселое предвкушеніе шумной безпечной жизни и яркихъ переживаній. И вдругъ опять: «Гейнике Николай, Шеръ Владимиръ, Херасковъ Иванъ»... На этотъ разъ я отозвался. «Херасковъ?... Въ контору!» Въ конторѣ объявляютъ: «Вы свободны!» Вотъ тебѣ и «башня»! «Почему? Я — одинъ?» Не одинъ: показываютъ списокъ академистовъ. Вернулся въ камеру «за калошами и фуражкой». Выходилъ, нагруженный письмами и записками, въ состояніи, близкомъ къ отчаянію...

Объяснилось все въ тотъ же день. Лидеры нашихъ «правыхъ» — Анисимовъ и Фохтъ — по собственной иниціативѣ и изъ добрыхъ, конечно, побужденій — передъ сходкой отправились, оказывается, къ ректору и, объяснивъ ему нашу позицію, вручили списокъ идущихъ на сходку ораторовъ-академистовъ. Ректоръ, тоже по собственной иниціативѣ, и, вѣроятно, изъ добрыхъ же побужденій, отправился со списками къ градоначальнику. Мы не знали, что дѣлать. Понимали одно, что Союзъ нашъ отнынѣ мертвъ. Больше такъ и не собирались. Объ «инцидентѣ» рѣшили молчать, а, кромѣ насъ, о немъ, вѣроятно, не зналъ никто...

5.

Академизмъ въ университетѣ, какъ направленіе, однако не умиралъ — ни въ студенческой средѣ, ни среди профессоровъ. Для учебныхъ занятій весенній семестръ 1902 года пропалъ. Тѣмъ усиленнѣе развивалась въ теченіе него академическая общественность: собирались совѣщанія студентовъ съ академически настроенными профессорами; возникали новые проекты и планы. Одному изъ нихъ уда-

лось воплотиться въ жизнь и сыграть въ исторіи Московскаго университета замѣтную роль. Я говорю о «Студенческомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ». Проектъ его возникъ въ февралѣ 1902-го года. Истиннымъ иниціаторомъ и душою его былъ преемникъ Виноградова по академизму князь С. Н. Трубецкой, а главными сотрудниками Трубецкого — старые кадры студентовъ-академистовъ.

Я увѣренъ, не у меня одного воспоминанія о Филологическомъ Обществѣ относятся къ числу самыхъ свѣтлыхъ университетскихъ воспоминаній. Они тѣсно связаны съ воспоминаніями о самомъ Трубецкомъ. Трудно сказать, кого мы, студенты, больше уважали его или Виноградова, но любили — его. Мы не чувствовали его отдѣленнымъ отъ нашей среды: онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ н а ш ъ. Не забыть нашихъ собраній у него на квартирѣ — при обсужденіи проектовъ Общества въ началѣ, при обсужденіи его дѣлъ (въ качествѣ бюро) потомъ. Трубецкой увлекался какъ мы, горячился, настаивалъ на своемъ, уступалъ, если убѣждался. Наши проекты, наше общество были во истину н а ш и м и, т. е. нашими и его, его даже нѣсколько больше, чѣмъ нашими, ибо ни въ комъ изъ насъ не было столько вѣры въ дѣло и такого сознанія долга, какъ въ немъ. И энтузіазма такого не было. Вотъ обсуждаемъ мы въ Бюро вопросъ о будущей экскурсіи въ Грецію. Рѣчь идетъ о нашихъ костюмахъ. Приглашенный на собраніе, какъ экспертъ, лейтенантъ В е с е л к и н ъ (кажется родственникъ Трубецкого) разсказываетъ объ «адовой жарѣ» въ Аѳинахъ. Вижу восторженное лицо Трубецкого, повторяющаго эти слова съ такимъ выраженіемъ, какъ будто именно въ «адовой жарѣ» и заключалась вся прелесть предстоявшаго намъ путешествія: «Вы слышите, господа, жара будетъ а-адова»!.. Въ Аѳинахъ потомъ на практикѣ оправдалось и предсказаніе Веселкина, и отношеніе къ нему Трубецкого. Въ самые жгучіе часы дня, когда все въ Аѳинахъ пряталось въ дома за закрытые ставни, мы съ такимъ веселымъ видомъ взбирались на раскаленный акрополь, что нелегко было, со стороны, рѣшить, что больше радовало насъ — видъ Парѳенона и Пропилей или вотъ эта самая «адова жара», до которой намъ удалось таки наконецъ дорваться... Нужно ли говорить, что среди фантастическихъ головныхъ уборовъ нашей стоически-эпикурейской толпы неизмѣн-

но виднѣлся воспѣтый аѳинской прессой бѣлый «княжескій шлемъ»...

Помню торжественное открытіе общества въ Физической аудиторіи (6 окт. 1902 г.). Яснымъ осталось воспоминаніе объ исключительномъ душевномъ подъемѣ, въ которомъ оно протекало. Изъ рѣчей почему то запомнились двѣ — рѣчь популярнѣйшаго въ тѣ времена студенческаго оратора М. Аджемова (тогда еще, кажется, медика), говорившаго объ общественныхъ работникахъ, которые будутъ «выковываться» (онъ говорилъ немножко — «виковываться») въ нашемъ Обществѣ и рѣчь В. В. Шера (юриста), который, увлекшись картиной прогресса несомаго странѣ Обществомъ, противопоставилъ ей картину мрачнаго прошлаго, когда люди охотились еще на «ихтіозавровъ въ лѣсу». И смѣялись же мы потомъ, вмѣстѣ съ ораторомъ, по поводу этихъ лѣсныхъ ихтіозавровъ!.. Торжество закончилось товарищескимъ ужиномъ въ «Прагѣ», съ профессорами, приглашенными на правахъ гостей. Здѣсь было еще веселѣе и отъ только что пережитыхъ впечатлѣній, и отъ выпитаго вина, и отъ яркаго остроумія такихъ собесѣдниковъ (да еще подвыпившихъ), какъ В. О. Ключевскій и Ф. Е. Коршъ...

Почему наше Общество внесло въ университетскую жизнь такое оживленіе? Что сдѣлало его, на время, такимъ популярнымъ? Думается то, что внутри несвободнаго университета оно явилось маленькимъ островкомъ свободы, живымъ символомъ подлиннаго академизма. Это былъ университетъ въ университетѣ — «университетъ» въ первоначальномъ значеніи слова, какъ корпорація или братство учащихся и учащихъ: полная свобода мысли и слова, высокій уровень духовной культуры, живая академическая общественность. Здѣсь чувствовалось свѣтло и уютно всѣмъ, даже оффиціальнымъ противникамъ Общества. А такіе, какъ увидимъ сейчасъ, у Общества были. Университетъ въ миніатюрѣ, Общество имѣло и свои «факультеты» въ лицѣ автономныхъ секцій, охватывавшихъ своимъ разнообразіемъ всѣ отрасли знанія — до медицины включительно. Въ дневномъ, оффиціальномъ университетѣ было больше научной солидности и системы, въ нашемъ, вечернемъ, больше свободы и чуткости къ жизни. Проникали сюда, въ соотвѣтствующемъ преломленіи, и политическіе интересы, и злобы дня. Помню одинъ докладъ, въ юридической секціи, о соціальныхъ романахъ Золя. Въ прені-

яхъ обсуждались проблемы соціалистической политики и въ частности «cas Millerand».

Къ общественной дѣятельности Общества можно отнести и сохранившійся въ памяти эпизодъ посѣщенія нашей делегаціей пріѣхавшаго въ Москву Б. Н. Чичерина. Насъ было, вмѣстѣ съ Трубецкимъ, человѣкъ пять. Привѣтственная рѣчь была поручена мнѣ. Подробностей ея не помню, но она напирала на общественную дѣятельность Чичерина: упоминалось въ ней что-то о «сплоченности темныхъ силъ», противъ которой борется Чичеринская «вѣра въ человѣка». Чичеринъ стоялъ передъ нами, опираясь на кресло или на палку, — совсѣмъ уже дряхлый старикъ, съ потухшими на половину глазами въ слезящихся, красныхъ вѣкахъ. Онъ слабымъ старческимъ голосомъ произнесъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ и протянулъ намъ трясущіеся пальцы руки. Мы были въ числѣ послѣднихъ, заставшихъ живымъ старѣйшаго тогда представителя борьбы за свободный университетъ. А онъ, глядя на насъ, можетъ быть думалъ, что видѣлъ передъ собой представителей поколѣнія, которое первое пожнетъ плоды этой борьбы... Въ разгаръ нашей дѣятельности сколько разъ мы сами поддавались этой иллюзіи!..

Конечно и въ самые лучшіе дни существованіе Общества далеко не представляло собой сплошной идилліи: слишкомъ тревожно текла тогда жизнь въ странѣ, и не намъ было свернуть ее съ трагическаго пути. Тревога за судьбу Общества не покидала насъ никогда: слишкомъ часто въ нашу «аполлоновскую» атмосферу врывалось «діонисіево» начало политики. Лидеръ борьбы за нашу внутреннюю свободу, Трубецкой становился постепенно и главной мишенью нападокъ. Однимъ изъ «героевъ» перваго крупнаго столкновенія случайно пришлось оказаться мнѣ. 9-го февраля 1903-го года было назначено общее собраніе Общества съ моимъ докладомъ «О соціологическомъ ученіи Кондорсэ». Выборъ дня былъ сдѣланъ случайно: никто не вспомнилъ о датѣ. О ней вспомнили наши «политики» (лидерами ихъ были теперь Г. Шрейдеръ, Фальковскій, И. А. Ильинъ): «Какъ! собраніе въ траурный для московскаго студенчества день!» (годовщина сходки). Бюро обсудило вопросъ и въ согласіи съ больнымъ тогда Трубецкимъ рѣшило не отмѣнять докладъ. Протестанты явились на собраніе, прочли негодующее заявленіе, но увлекли за собой не многихъ. Докладъ, подъ

предсѣдательствомъ А. А. Мануилова, состоялся при полной аудиторіи.

Болѣе серьезная угроза нависла надъ Обществомъ осенью того же года при перевыборахъ бюро. «Политики» проводили своихъ кандидатовъ съ явной цѣлью взорвать Общество изнутри. Академизмъ и на этотъ разъ побѣдилъ, но побѣда была по истинѣ Пирровой. Трубецкой уѣзжалъ тогда за границу. Рѣчь его въ день выборовъ являлась прощальной. Темой ея поневолѣ сдѣлалась тутъ же въ аудиторіи распространившаяся прокламація противъ «ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови», къ числу которыхъ причислялся и «умудренный житейской премудростью князь». Прощальная рѣчь Трубецкого оказалась прощальной и для Общества, и для академизма. Собранія Общества стали кончаться пѣніемъ Марсельезы, а вскорѣ и совсѣмъ прекратились...

6.

Черезъ два года мы хоронили Трубецкого. Какъ все за это время стало другимъ! Измѣнились и мы...

Вижу одну изъ большихъ аудиторій только что отстроеннаго тогда новаго корпуса, сверху до низу наполненную студентами — многіе въ шапкахъ и шинели въ накидку. Пока въ церкви идетъ отпѣваніе, здѣсь происходитъ спѣвка. Репетируютъ — «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой!» Мелодія, не пріѣвшаяся еще, звучитъ величественно и грустно. Поютъ всѣ — и бывшіе «политики», и б ы в ш і е академисты, недавніе соратники Сергѣя Николаевича по Историко-Филологическому Обществу, и бывшіе враги «умудреннаго житейской мудростью князя». Всѣ, съ одинаковымъ усердіемъ, готовятъ революціонные похороны борцу за свободный университетъ противъ революціи. Трудно было рельефнѣе выразить глубину пережитаго за эти два года Россіей...

Отпѣваніе кончилось. Кончилась и спѣвка. Потянулась процессія къ кладбищу. Огромной лентой двинулась по улицамъ невиданная еще въ Москвѣ масса студентовъ, курсистокъ и «разночинцевъ». Революціонное пѣніе умолкающее, нарастающее, волной перекатывающееся отъ группы къ группѣ. Красные цвѣты. Красныя ленты...

Конечно, мы хоронили Сергѣя Николаевича, но его ли

образъ виталъ надъ этой толпой? Не хоронили ли мы, вмѣстѣ съ прахомъ Трубецкого, подлинный обликъ его въ нашей душѣ? Тогда эти мысли едва ли приходили намъ въ голову... Мы пѣли со всѣми, не разсуждая. Каждый по своему, — съ разнымъ, можетъ быть, правомъ, — всѣ мы, пѣвшіе, причисляли Трубецкого къ лику «павшихъ въ борьбѣ роковой». Что изъ того, что многіе изъ насъ (почти всѣ) думали въ тотъ моментъ не о той борьбѣ, жертвой которой дѣйствительно палъ Трубецкой, а о другой — отъ которой онъ, до самой смерти своей, мечталъ уберечь Россію? въ лучшихъ своихъ представителяхъ и та, и другая борьба была «роковой» и двигалась искренней «любовью къ народу»!

И, думается, мы не измѣнили Трубецкому въ день его похоронъ. Мы пѣли новыя пѣсни послѣ окончанія прежней борьбы, послѣ того, какъ, вмѣстѣ съ Трубецкимъ, были въ ней побѣждены. Значило ли это, что раньше вмѣстѣ съ нимъ мы были неправы? Конечно, нѣтъ. Сейчасъ, всматриваясь въ это, такое уже далекое, прошлое какъ-то особенно становится ясно, что въ своемъ академическомъ энтузіазмѣ Трубецкой до конца былъ правъ. Въ стѣнахъ не побѣжденнаго стихіей университета, мы обязаны были бороться «на академической почвѣ» до конца, при самыхъ малыхъ шансахъ побѣды. А если не побѣдили, ну что же? Не судятъ побѣдителей, но не судятъ и побѣжденныхъ, до конца бывшихъ вѣрными долгу... И думается, въ качествѣ питомцевъ Московскаго Университета, мы посильно служили родинѣ именно нашей борьбой и вѣрой въ академическую свободу.

Ив. Херасковъ.

Изъ жизни Московскаго студенчества въ началѣ XX вѣка

Памяти проф. кн. С. Н. Трубецкого.

Когда говорятъ о Московскомъ университетѣ, то обычно вспоминаютъ при этомъ Москву съ ея старыми переулками... А я хочу разсказать о томъ, какъ мы чувствовали себя московскими студентами подъ голубымъ небомъ Эгейскаго моря, на берегахъ мелкаго Алфея, на вѣковыхъ камняхъ Аѳинскаго Акрополя... Прошло болѣе четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ я, студентомъ филологомъ втораго курса, участвовалъ въ студенческой экскурсіи въ Грецію. Многое исчезло изъ памяти и сама эта поѣздка — своеобразный семестръ практическихъ занятій — кажется теперь сномъ, прекраснымъ, запечатлѣннымъ въ памяти разсказами и воспоминаніями...

Но сначала нѣсколько словъ о тѣхъ корняхъ, изъ которыхъ выросла эта экскурсія.

***

6 октября 1902 года въ Большой физической аудиторіи Московскаго университета торжественно было открыто Студенческое Историко-Филологическое Общество. Въ воспоминаніяхъ о Московскомъ университетѣ этой студенческой организаціи нужно отдать должное. Это Общество, несмотря на свой короткій вѣкъ (какъ и всѣ, впрочемъ, студенческія организаціи того времени), сыграло въ жизни московскаго студенчества огромную роль. Важно отмѣтить и логику его происхожденія, и его несомнѣнное общественное значеніе для студенчества.

Въ началѣ XX вѣка, когда политическое движеніе въ Россіи приняло обостренныя формы, старый типъ студенческихъ волненій поневолѣ поблѣднѣлъ. Университетская жизнь уже перестала быть исключительнымъ баро-

метромъ общественныхъ настроеній: политическіе лозунги, бывшіе до того удѣломъ зеленой молодежи, провозглашались теперь людьми болѣе авторитетными и зрѣлыми и звучали поэтому болѣе грозно, чѣмъ студенческія прокламаціи. На этой почвѣ произошло разслоеніе студенческой политики. Университетскія аудиторіи уже переставали быть вмѣстилищемъ политическихъ демонстрацій — такимъ образомъ университетъ невольно разгружался отъ несвойственныхъ ему по существу политическихъ задачъ, и это дало возможность развернуться въ немъ студенческому теченію, такъ назыв. «академизма», на этотъ разъ именно въ его жизненныхъ и здоровыхъ сторонахъ. Какъ въ свое время и было отмѣчено «Освобожденіемъ», борьба съ «гнетущимъ режимомъ» дифференцировалась — появилась возможность всякому «своимъ» орудіемъ подтачивать его силу. Требованіе академической свободы, само по себѣ по тому времени революціонное, сплотило и студенчество и профессуру. Уже съ такъ назыв. «Виноградовской комиссіи» появился мостъ между профессорами и студентами, который дѣлался все устойчивѣе. Это теченіе университетской свободы и нашло своего выразителя въ лицѣ ея рыцаря проф. кн. С. Н. Трубецкого, съ незабвенной личностью котораго неразрывно связано это пятилѣтіе въ жизни Московскаго университета. Открывая Историко-филологическое Общество, С. Н. Трубецкой въ своей программной рѣчи подчеркнулъ его культурныя задачи. «Мы нуждаемся, — говорилъ онъ, — въ реформѣ жизненной, изнутри идущей. Намъ нужны не сочиненныя нормы, которыя ничего создать не могутъ: намъ нужно органическое развитіе и прежде всего намъ нуженъ подъемъ академической жизни — увеличеніе производительности университетскаго труда». Въ университетѣ Трубецкой видѣлъ «общественную миссію» сдѣлать науку «реальной и живительной общественной силой, — созидающей и образующей», и выпускать не только спеціалистовъ, но лицъ, надѣленныхъ широкимъ общимъ міровоззрѣніемъ. Мысль о необходимости для каждаго человѣка такого міровоззрѣнія была у Трубецкого любимѣйшей: ее онъ неуклонно развивалъ каждый годъ на своей вступительной лекціи къ своему курсу, собиравшей всегда огромное количество слушателей. Этой потребности и должно было удовлетворять студенческое Общество «вполнѣ свободно, внѣ какихъ либо обязатель-

ныхъ рамокъ, но при условіи дружной взаимопомощи со стороны студенчества, а также дѣятельной помощи со стороны преподавательскихъ силъ университета». Общество развило огромную дѣятельность. Возникшее въ кругу филологовъ, оно не было узкимъ и вмѣщало въ себя студентовъ всѣхъ факультетовъ. Эластичное по своему уставу, оно давало возможность создавать массу всевозможныхъ секцій, — отъ религіозно-философскихъ — до гимнастическихъ, скоро обзавелось библіотекой и читальней, всегда наполненной студентами, предполагалось изданіе сборника или даже журнала. Въ первый же годъ у него было болѣе тысячи человѣкъ членовъ. Успѣхъ Общества былъ очень показателенъ, онъ свидѣтельствовалъ о дѣйствительной нуждѣ студенчества въ такого рода организаціи, внутренне свободной и чуждой какой бы то ни было зубатовщины. Въ университетѣ открылся какъ бы вечерній университетъ, въ которомъ можно было найти отвѣты на многіе тревожные вопросы современности. Бывало, днемъ, на лекціяхъ можно было выбрать въ ряду объявленій докладъ на интересующія темы и пріятно и полезно провести вечеръ въ непринужденной и привычной обстановкѣ, на равной ногѣ со своими старшими сочленами. Здѣсь можно было услышать и послѣднее слово ученаго изслѣдователя и предложить свое — «плодъ недолгой науки».

Разумѣется, это Общество встрѣтило рѣзкій отпоръ и недовѣріе со стороны обоихъ фланговъ. Это было неизбѣжно, и требовались исключительное вліяніе и моральный авторитетъ С. Н. Трубецкого, чтобы выдерживать и шипѣніе съ подсиживаніемъ и доносами справа и наскоки безотвѣтственныхъ лѣвыхъ революціонныхъ группъ. Конечно, политика, бурлившая за стѣнами университета, неумолимо врывалась въ наше Общество и часто путала всѣ его академическіе распорядки. Вѣдь и самъ предсѣдатель Общества — кн. С. Н. Трубецкой былъ политическимъ борцомъ опредѣленнаго стана, такая же репутація была и у другихъ профессоровъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ дѣлахъ Общества — у П. И. Новгородцева, Н. В. Давыдова и др. Общество жило не только узкими научными интересами (развѣ возможно было иначе въ то время!), на его общихъ собраніяхъ, посвященныхъ административно-организаціоннымъ вопросамъ, кипѣли страсти, боролись партіи, вносились запросы, шла предвыборная

агитація и проч... Часть студенчества продолжала считать Общество простой «игрой въ общественность» подъ водительствомъ «искусившагося въ житейской премудрости князя-философа» (какъ значилось въ одной прокламаціи), и предлагала «плюнуть» на это дѣло и «соединиться въ революціонныя организаціи». Здѣсь была коренная ошибка. Студенческое Историко-филологическое Общество именно было настоящей общественной организаціей, отнюдь не «игрой», и его дѣятельность въ опредѣленно-выработанныхъ рамкахъ была дѣйствительно общественно-парламентской школой студенчества. Стоило только сравнить общія собранія Общества, подчасъ весьма бурныя (напр., выступленія студентовъ Ильина, Фальковскаго, Шнейдера, Аджемова и др.), съ безнадежной безпорядочностью общихъ сходокъ, чтобы признать безусловное значеніе и воспитательное вліяніе регулирующихъ засѣданій Общества. Въ этомъ отношеніи мнѣ вспоминается особенно одно засѣданіе. Когда послѣ ухода въ отставку перваго секретаря Общества, А. И. Анисимова, нужно было переизбрать и все бюро, боролись двѣ партіи: одна выдвигала въ секретари филолога Эрна, другая — юриста Фальковскаго. Въ «Большой юридической» аудиторіи, на выборахъ, кн. С. Н. Трубецкой (это было какъ разъ наканунѣ его отъѣзда въ заграничную командировку) произнесъ замѣчательную рѣчь. Покойный Сергѣй Николаевичъ былъ изумительный ораторъ. Его рѣчь, чуждая какихъ бы то ни было внѣшнихъ эффектовъ, была всегда полна огромной силой убѣжденія и такимъ горѣніемъ правды, что колдовала и слова ея глубоко западали въ душу. У него никогда не бывало недомолвокъ: программу и задачи момента онъ формулировалъ отчетливо и смѣло. «За стѣнами университета есть великія задачи, гораздо болѣе значительныя, нежели тѣ, о которыхъ я теперь здѣсь вамъ говорю», — говорилъ Трубецкой. «Университетъ никогда не былъ школой общественнаго индиферентизма и наше Общество тѣмъ паче», и онъ желалъ намъ «вынести изъ университета святую любовь, святую ненависть — святую ненависть по отношенію къ тому, что тормозитъ развитіе русской жизни». Онъ намѣтилъ рядъ вопросовъ, очень острыхъ по тому времени, для осуществленія которыхъ призывалъ сплотиться (автономія университета, уничтоженіе инспекціи, развитіе свободнаго преподаванія). Переходя къ очереднымъ дѣламъ собранія,

Трубецкой настаивалъ на обязательной необходимости найти выходъ, чтобы избѣжать въ дѣятельности Общества безотвѣтственной критики, обычной на студенческихъ собраніяхъ вообще. Какъ сейчасъ вижу его, дрожащаго отъ волненія, скрывшаго свои личныя симпатіи и вѣрящаго въ магическую силу убѣжденія. Въ моихъ ушахъ и сейчасъ звучитъ фраза, которою кн. Сергѣй Николаевичъ закончилъ свою рѣчь: «Господа! Выберите какое хотите бюро, но окажите этому бюро поддержку!» Сколько разъ потомъ, особенно въ революціонные годы, я вспоминалъ эту немудреную фразу, ощущая ея общественный смыслъ и жизненную правду, и на этихъ страницахъ мнѣ умѣстно вспомнить, что этотъ завѣтъ — сознаніе отвѣтственности за принятыя рѣшенія — мною впервые прочувствованъ въ стѣнахъ Московскаго университета.

***

Экскурсія въ Грецію была задумана, какъ большой показательный жестъ значенія Общества, и была организована необыкновенно обстоятельно. Было очень заманчиво, особенно филологу, побывать въ сокровенныхъ мѣстахъ міровой цивилизаціи, прослушать на мѣстѣ, съ наглядивѣйшей иллюстраціей, на раскопкахъ Шлимана, напр., лекціи выдающихся спеціалистовъ. Да и, помимо этого, — югъ, Средиземное море, Босфоръ, и прочія прелести, — одно слово — путешествіе за границу — увлекало. Записавшихся оказалось довольно много, такъ что пришлось произвести жеребьевку (впрочемъ, поѣхали всѣ желающіе — человѣкъ около полутораста). Весной 1903 года уже появились въ раздѣвалкѣ объявленія, относящіяся къ экскурсіи. Были выписаны черезъ Мандля, спеціальные «тропикали» изъ желтой матеріи, которыя на одномъ изъ собраній въ Большой словесной торжественно демонстрировались и примѣрялись. Обошлись они что-то чрезвычайно дешево — рублей пять за костюмъ...

Изъ своей Самарской губерніи я пріѣхалъ въ Одессу за нѣсколько дней до прибытія туда экскурсіи и явился «первой ласточкой» въ Ришельевскую гимназію, отведенную намъ подъ общежитіе. Здѣсь насъ навѣстилъ б. питомецъ этой гимназіи, нашъ проф. А. А. Мануйловъ, который, несмотря на упрашиванія Трубецкого, отказался

ѣхать съ нами — по его словамъ у него начиналась морская болѣзнь съ момента вступленія на пароходъ.

Самый пріѣздъ студентовъ въ Одессу представлялъ любопытную картину. Экскурсанты занимали нѣсколько вагоновъ и процессія ихъ съ вокзала въ гимназію собрала много зрителей. Поражало разнообразіе костюмовъ и дорожныхъ вещей. Такъ какъ формы не было (экскурсія заграничная), то костюмы были самые фантастическіе (косоворотокъ носить не рекомендовалось). Студенты въ запыленныхъ и помятыхъ тропикаляхъ вообще являли видъ печальный: эти тропикали послѣ первой стирки невѣроятно садились, и рукава и брюки становились короткими до смѣшного. Студентъ Гейнике, завѣдующій всей финансовой частью экскурсіи, былъ въ широкихъ офицерскихъ шароварахъ съ красными кантами.

Въ Одессѣ экскурсію постигло большое разочарованіе. Въ связи съ убійствомъ въ Македоніи русскаго консула, возникли какія-то дипломатическія осложненія и С. Н. Трубецкой получилъ отъ своего брата, секретаря нашего посольства въ Константинополѣ, телеграмму о затруднительности въ настоящее время осмотра турецкой столицы. Въ концѣ концовъ, С. Н. Трубецкой рѣшилъ отправиться одинъ впередъ въ Константинополь, чтобы лично на мѣстѣ выяснить вопросъ, а мы должны были ждать телеграммы. Городъ оказалъ намъ чрезвычайное вниманіе. Чего только насъ не приглашали осматривать: и музеи, и театръ, и поля орошенія, возили на пароходѣ на Большой Фонтанъ; въ Хаджибейскомъ лиманѣ состоялся цѣлый банкетъ съ рѣчами и тостами въ честь Московскаго университета и его студенчества! Словомъ, недѣля невольной задержки промелькнула очень быстро, благодаря радушному гостепріимству одесситовъ. Говорили даже, что одесскія встрѣчи насъ немножко деморализовали, потому что въ дальнѣйшемъ въ этомъ отношеніи далеко не все было благополучно, и нѣсколько порастрясли наши личные рессурсы.

**
*

Наконецъ, насъ принялъ огромный пароходъ Р. О. П. и Т.'а «Николай II». Отвели намъ чистое и хорошее помѣщеніе — не въ третьемъ классѣ, а кажется спеціальное помѣщеніе для паломниковъ. На каждой койкѣ мы нашли свѣжій матрасъ. Внутренно организовалась экскурсія уже

въ пути, на желѣзной дорогѣ. Всего было образовано 16 группъ, во главѣ которыхъ стояли старосты; на ихъ долю приходились обязанности сноситься съ центромъ, передавать соотвѣтствующія распоряженія и т. д. Не скажу, чтобы у старосты было мало всякихъ хлопотъ и заботъ: нашъ староста, напр., частенько скрывался отъ ворчни и назойливыхъ приставаній коллегъ. Затѣмъ появились разныя комиссіи по обслуживанію и улаживанію всевозможныхъ вопросовъ, встающихъ неизбѣжно въ пути. На дверяхъ одной каюты появилась громкая надпись «сыскное отдѣленіе» — туда передавались потерянныя вещи. Дѣятельно работала фотографическая комиссія, насчитывавшая очень много представителей, владѣвшихъ аппаратами разныхъ калибровъ — отъ 8×24 до маленькихъ кодаковъ. Свой аппаратъ я купилъ въ Одессѣ и былъ почти новичкомъ въ этомъ дѣлѣ. До сихъ поръ досадно, сколько драгоцѣнныхъ снимковъ я перепортилъ!

Для завтраковъ и обѣдовъ сервировался на палубѣ огромный столъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью, съ чистыми тарелками и салфетками... Послѣ столькихъ мытарствъ, теперь все это вспоминается съ долею зависти къ самому себѣ. Погода все время стояла превосходная; августъ, тепло, но не жарко въ морѣ. Море пѣнится и играетъ, дельфины ныряютъ... Какъ хорошо было дышать и стремиться въ синюю даль! Время проходило незамѣтно. Кто сидѣлъ на палубѣ и читалъ, въ рубкахъ играли въ шахматы (обязательно находились любители играть, какъ Чигоринъ, не глядя на доску); въ карты, но азартныхъ игръ не было. Разговоры на разныя темы — въ группахъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ. Въ сторонкѣ, въ углу А. И. Анисимовъ читаетъ по переводу Мережковскаго античныя трагедіи; читаетъ онъ съ дѣланнымъ чувствомъ и пафосомъ, отъ котораго немножко коробитъ — ему на это даже указываютъ, но онъ говоритъ, что такъ надо...

Наличіе спеціалистовъ дало возможность устроить рядъ лекцій. Онѣ начались еще въ Одессѣ, гдѣ проф. Мальмбергъ читалъ объ Акрополѣ, но здѣсь, на пароходѣ, онѣ были полны особой прелести. Трюмное помѣщеніе биткомъ набито студентами; большинство сидитъ на полу, многіе записываютъ. Въ маленькія окна иллюминаторовъ льется вечерній свѣтъ и протягивается желтыми лучами. Тихо. За бортомъ плещется вода. Раздается мѣрный голосъ священника Попова, прив.-доц. Московскаго уни-

верситета, онъ читаетъ о Константинополѣ. О Смирнѣ читалъ Р. Х. Леперъ, секретарь Археологическаго института въ Константинополѣ, присоединившійся къ нашей экскурсіи.

Организовался хоръ подъ управленіемъ студента Знаменскаго. Однажды на палубѣ, подъ тентомъ (шелъ дождь) была отслужена всенощная и пѣлъ, какъ говорили, недурно нашъ хоръ. Мы въ это время подходили къ родинѣ Сафо — Митиленѣ на Лесбосѣ. Очень много репетицій было потрачено на студенческія и русскія пѣсни вообще. Пѣли ихъ дружно и молодо — Н. В. Давыдовъ любилъ подтягивать баскомъ. Между прочимъ у профессоровъ возникла мысль подсочинить строфы къ Gaudeamus'у съ прославленіемъ современной Греціи на случай соотвѣтствующей встрѣчи. Въ рубкѣ, на диванахъ, я видѣлъ сосредоточенныя лица сочинителей, но дальше одного куплета дѣло не пошло. Въ немъ были слѣдующія строки:

Vivat clara Graecia.
Vivant cives ejus.

Войдя въ проливъ, мы остановились у Буюкъ-Дере, въ виду русскаго посольства, и къ намъ, на шлюпкѣ стаціонера подъ андреевскимъ флагомъ, подошелъ катеръ, въ которомъ сидѣлъ С. Н. Трубецкой и махалъ шляпой. Уѣзжая изъ Одессы, Сергѣй Николаевичъ говорилъ, что подождетъ насъ, чтобы вмѣстѣ со всѣми пережить впечатлѣніе отъ волшебной панорамы Босфора. Мы кричали ура и намъ отвѣчали матросы на стаціонерѣ...

Потянулись очаровательные виды Босфора. Фотографамъ было разрѣшено взойти на самую верхнюю палубу, передъ мостикомъ и, такимъ образомъ, ничто не мѣшало нашимъ съемкамъ. (Двадцать лѣтъ спустя, на дредноутѣ «Генералъ Алексѣевъ», я снова плылъ мимо этихъ береговъ, и, протискиваясь къ бортамъ среди бѣженской толпы, съ сжимающимся сердцемъ узнавалъ знакомыя мѣста)... Въ Константинополѣ вещи наши были отправлены въ Пантелеймоновское подворье, а мы всѣ отправились въ сопровожденіи директора Археологическаго института Ф. И. Успенскаго въ св. Софію — съ нея и начались наши осмотры. Федоръ Ивановичъ повелъ насъ сначала на хоры, а потомъ уже внизъ, и тѣмъ нѣсколько ослабилъ первое впечатлѣніе отъ храма...

Турція насъ встрѣтила довольно недружелюбно — по вечерамъ намъ не рекомендовалось въ одиночку углубляться далеко въ кварталы Стамбула. Такъ какъ осмотры всей экскурсіей были физически невозможны, то пришлось разбиться на группы. По вечерамъ составлялось расписаніе осмотровъ на слѣдующій день, и каждый выбиралъ себѣ то, что считалъ для себя наиболѣе интереснымъ. Пріятны были прогулки по Золотому Рогу, по пышнымъ базарамъ, гдѣ мы терялись среди лавокъ, торгуясь и покупая, и теряли приставленныхъ къ намъ нарядныхъ «кавасовъ»; въ Семибашенномъ замкѣ походили по обзеленѣлымъ стѣнамъ, прочитали выцарапанную на каменномъ столбѣ надпись «Василей Орша», памятникъ былой дипломатической неприкосновенности; смотрѣли знаменитыя фрески, закрытыя досками, какъ ставнями, въ Кахріе-Джами, гдѣ художникъ Клюге, работавшій тамъ, добродушно трепалъ за бороды улыбающихся муллъ (сильно бакшишъ дѣйствуетъ, — поясняль кто-то); долго осматривали Оттоманскій музей, во дворѣ котораго снялись группой у огромной статуи Мелькарта; любовались единственной въ своемъ родѣ коллекціей саркофаговъ, особенно «Александра» съ его нѣжными слѣдами раскраски, и «Плакальщицъ» — восемнадцать фигуръ, непохожихъ одна на другую. Побывали въ Германскомъ археологическомъ институтѣ, въ которомъ знаменитый Дерпфельдъ, сотрудникъ Шлимана, прочелъ лекцію о раскопкахъ въ Троѣ. Въ русскомъ археологическомъ институтѣ произошелъ инцидентъ, очень характерный для нашихъ настроеній того времени. Послѣ осмотра института, Ф. И. Успенскій, за завтракомъ, провозгласилъ тостъ: «За объединеніе русскаго студенчества исключительно на почвѣ научныхъ интересовъ». Въ отвѣтъ ни единый бокалъ не поднялся. «Не хотите, господа?» — спросилъ удивленный хозяинъ, и тогда ему стали возражать, что въ наше время неизбѣжно объединеніе студенчества и не только на почвѣ науки. Федоръ Ивановичъ немножко переоцѣнилъ академическое значеніе нашего историко-филологическаго общества...

Усталые, а разъ и промокшіе отъ дождя, возвращались мы въ прохладныя монастырскія подворья. Въ общирныхъ его помѣщеніяхъ пахло оливками, кипарисомъ, пряными пахучими травами и чѣмъ-то особеннымъ, монастырскимъ. Наша студенческая ватага не совсѣмъ подходила къ этимъ

выбѣленнымъ стѣнамъ съ видами св. Горы и портретами архіереевъ, но мы старались поменьше вносить «своего устава» въ «чужой монастырь» и, помнится, у насъ установились хорошія отношенія съ монахами, которые насъ угощали изумительной рыбой и великолѣпнымъ виномъ.

Вечерами многіе бродили по городу, заходили въ бесконечныя кафе, гдѣ разъ услышали на ломанномъ русскомъ языкѣ про Москву, «гдѣ пироги пекутъ горячи, ѣдятъ роскошные блины. Ахъ, Москва, Москва...» Въ одномъ изъ такихъ кабачковъ Владиміръ Зерновъ на вопросъ одного музыканта, что сыграть, самъ взялъ у него скрипку и сыгралъ мазурку Венявскаго... Большинство, намаявшись днемъ, сидѣло вечерами въ подворьѣ; писали письма, дневники и до глубокой ночи, ходя изъ номера въ номеръ, дѣлились впечатлѣніями дня. Съ высокой террасы подворья, ночью, я взглянулъ на удивительный городъ. Онъ былъ плохо освѣщенъ, надъ нимъ висѣла дымка не то пыли, не то тумана, по виду онъ казался мертвымъ, но — если прислушаться — несмотря на поздній часъ, былъ слышенъ никогда не замирающій шумъ, не машинный шумъ моторовъ и гудковъ, какъ въ Парижѣ, а совершенно особый, свойственный большимъ городамъ Востока, шумъ-гулъ разноязычной толпы, выкриковъ, непонятныхъ стоновъ; онъ не замолкалъ ни на минуту и казался жуткимъ.

***

Снова на пароходѣ. Мраморное море, далекія очертанія Троады, острова, розовые отъ вечерней зари... Идемъ въ Аѳины...

Нѣсколько словъ о нашихъ старшихъ товарищахъ и руководителяхъ экскурсіи.

Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, «князинька», какъ мы иногда его ласково называли, всегда вызывалъ въ насъ, молодыхъ студентахъ, особенно бережно-почтительное отношеніе. Держался онъ со студентами просто и очень доступно и быстро улаживалъ всякія тренія, неизбѣжныя въ пути. Онъ принималъ участіе въ общихъ шуткахъ, по дѣтски радовался и такъ же непосредственно огорчался. Въ моей памяти его духовный обликъ остался какимъ-то иконописнымъ.

Н. В. Давыдовъ, изящный баринъ, веселый, остроум-

ный разсказчикъ. Студенты его очень любили — отъ него вѣяло какой-то теплотой и привѣтливостью. Вечерами, около него собирался кружокъ и всѣ, затаивъ дыханіе, слушали его живую рѣчь. Старый москвичъ, онъ любилъ поразсказать о старинѣ, о старой Москвѣ, о своихъ встрѣчахъ и знакомствахъ; вспоминалъ о своемъ другѣ, Владимірѣ Соловьевѣ и читалъ его стихи, которые при этомъ (напр., «Les révénants»), казались особенно интимными и по своему осмысленными.

Проф. Л. М. Лопатинъ, съ большой бородой, разсѣянный, былъ предметомъ особыхъ заботъ. «Вы, господа, пожалуйста, слѣдите за нимъ, не оставляйте его одного, — говорилъ Трубецкой, — съ нимъ все можетъ случиться». Левъ Михайловичъ казался человѣкомъ изъ другого міра. Привыкшій къ странному образу жизни бодрствовать по ночамъ и спать днемъ, на пароходѣ казался выбитымъ изъ колеи, нигдѣ не находя себѣ мѣста. При большихъ осмотрахъ онъ могъ затеряться въ толпѣ, заплутаться, попасть не въ ту дверь, поэтому на сборныхъ пунктахъ всегда можно было слышать: «А Левъ Михайловичъ гдѣ? Господа, надо искать Льва Михайловича»...

Проф. Ал. Вас. Никитскій насъ ждалъ въ Аѳинахъ. Это былъ нѣсколько сухой по виду, строго-корректный профессоръ, спеціалистъ по греческой эпиграфикѣ. Въ экскурсіонной обстановкѣ онъ оказался весьма обходительнымъ человѣкомъ. Онъ хорошо зналъ Грецію и осмотры подъ его руководствомъ были очень интересны, а его спеціальность оживляла мертвые камни и они говорили, какъ живые свидѣтели исторіи. Между прочимъ, онъ показалъ, какъ нужно дѣлать эстампажи, т. е. бумажные слѣпки съ надписей — оттиски, похожіе на книги для слѣпыхъ; такимъ образомъ, сидючи въ Петербургѣ, можно читать надписи на камняхъ, находящихся гдѣ-нибудь въ Дельфахъ. По гречески онъ читалъ, какъ по русски, и я былъ очень пораженъ, когда подъѣзжая въ коляскѣ къ Коринфу, онъ вынулъ изъ кармана растрепанные листки Павсанія и при этомъ сказалъ: «Старые путеводители лучше новыхъ». Онъ зналъ хорошо и новогреческій и былъ однимъ изъ нашихъ постоянныхъ переводчиковъ и всегда читалъ намъ по утрамъ греческія газеты.

В. К. Мальмбергъ, тогда проф. Юрьевскаго университета, москвичъ по происхожденію, былъ полной противоположностью Никитскому. Насколько тотъ всегда былъ

ровенъ и сдержанъ, настолько этотъ казался немножко безалабернымъ. Къ тому же онъ истреблялъ неимовѣрное количество пива, хмелѣлъ и тогда казался скорѣе веселымъ буршемъ, нежели серьезнымъ профессоромъ. Внѣшне говорилъ онъ не гладко, но при объясненіяхъ увлекался и какъ то весь загорался. Въ Олимпіи, передъ Гермесомъ Праксителя, онъ, совершенно растроганный, подчеркивая каждую деталь, приговаривалъ: «Я увѣренъ, что вы его любите».

Свящ. Н. А. Поповъ читалъ курсъ исторіи Византіи и считался византологомъ. Но въ этихъ краяхъ онъ былъ впервые, и, въ сущности, древностей не зналъ. Это былъ очень добродушный человѣкъ, большой любитель сниматься: только поставятъ гдѣ-нибудь аппаратъ, онъ уже бѣжитъ, торопится. Бѣдняга сильно страдалъ отъ морской болѣзни. Послѣ поѣздки на Большой Фонтанъ при свѣжей погодѣ, его, въ числѣ первыхъ посадили на шлюпку, но, не доходя буквально двухъ саженей до берега, онъ не вытерпѣлъ и, подобравши свою бѣлую рясу, шагнулъ черезъ бортъ и по морю, аки по суху, направился къ берегу.

Изъ профессоровъ-нефилологовъ, кромѣ Давыдова, съ нами ѣздилъ Ив. Фрол. Огневъ, гистологъ. Я его помню неразлучнымъ съ фотографическимъ аппаратомъ и металлическимъ треножникомъ. Онъ снималъ необыкновенно тщательно, аккуратно отмѣчая названіе пластинки и время выдержки. Проявлялъ онъ въ Москвѣ, въ своей лабораторіи, не спѣша. А мы не могли терпѣть: проявляли въ отеляхъ, днемъ, завѣсивши окна одѣялами, въ уборныхъ парохода, — портили безъ конца, за то имѣли удовольствіе видѣть несравненный эффектъ появленія свѣжихъ снимковъ среди путешественниковъ.

***

Утромъ, поднимаясь на палубу, я увидѣлъ развалины храма Посейдона на мысѣ Суній. Стало сразу какъ-то отрадно на душѣ — вѣдь мы у береговъ Эллады! Скоро весь бортъ заполнился нашими паломниками, смотрѣвшими въ далекую кривизну береговъ, пока не обозначились знакомыя очертанія Акрополя, — такъ, вѣроятно, въ старину мореплаватели ждали появленія на зарѣ блеска золотого копья Аѳины...

Въ Аѳинахъ мы пробыли довольно долго, подробно ихъ осматривая. Долго изучали Національный музей (гдѣ видѣли «пупъ земли» — камень въ родѣ огромнаго грецкаго орѣха), сидѣли на скамьяхъ жрецовъ въ театрѣ Діониса, ходили по священной дорогѣ въ святилище Деметры въ Элевзинѣ, часами сидѣли на ступеняхъ маленькаго храма Ники и часто смотрѣли, какъ по вечерней зарѣ отслаиваются надъ моремъ облака, переходя въ различные оттѣнки, — вотъ онъ, этотъ воздухъ, аёr древнихъ физіологовъ. Намъ открыли Акрополь въ лунную ночь, чтобы унести въ душѣ и этотъ моментъ тихаго очарованія. Удивительная вещь эти развалины и обломки! всякая реставрація ихъ уже искажаетъ. Невозможно себѣ представить Парѳенонъ безъ этой вырванной порохомъ середины, — это знакъ исторіи, какъ остатки минарета и слѣды росписи Богородицы. Боги покинули свое убѣжище, но мѣста остались священными, и въ соприкосновеніи съ памятниками великаго вѣка заключается величайшій воспитательный моментъ, и мы, студенты, поднимаясь по Пропилеямъ, это чувствовали и переживали, хотя каждый по своему. Внизу — городъ, торгуетъ коринкой, рахат-лукумомъ, споритъ въ кафе о новостяхъ и, кажется, что онъ умираетъ каждый день, никому ненужный, а вотъ тамъ, на плоской скалѣ, притаились тѣни, видимыя всему міру...

***

Подъѣзжая къ Греціи, мы ожидали со стороны грековъ болѣе или менѣе внимательнаго отношенія. Трубецкой даже заказалъ студенту И. М. Хераскову рѣчь на случай возможной встрѣчи. Какъ же мы были удивлены, когда, вмѣсто предполагаемаго радушія, встрѣтили со стороны грековъ открытое выраженіе подозрительности и вражды! Вскорѣ все разъяснилось. Какъ это ни странно, македонскія обостренія создали здѣсь очень враждебное отношеніе къ Россіи вообще и къ нашей экскурсіи въ частности. Въ газетахъ писали, что это пріѣхали переодѣтые солдаты, и въ знакъ національнаго траура, предлагали закрыть на три дня магазины. Вообще, про нашу экскурсію писались невѣроятные курьезы. А. В. Никитскій каждый день намъ переводилъ мѣстныя репортерскія замѣтки. Комментировались наши костюмы и, между прочимъ, писали, что

«головной уборъ» кн. Трубецкого (обычный шлемъ, купленный имъ въ Константинополѣ) стоитъ 20.000 франковъ. Большое впечатлѣніе произвелъ нашъ артельный многоведерный самоваръ — и греки его подробно описывали въ газетахъ.

Но все это въ общемъ не мѣшало нашему знакомству съ Аѳинами, какъ древними, такъ и современными. Мы довольно часто посѣщали какую то выставку въ Фалерѣ, оттуда же, по приглашенію адмирала, командира русской эскадры, мы ѣздили на стоявшій тамъ броненосецъ «Николай I». Мы были радушно встрѣчены офицерами, которые показали намъ корабль. Корабль, блиставшій чистотой и порядкомъ, казался намъ необыкновенно мощнымъ, и мы были удивлены, когда услышали отъ мичмана, дававшаго намъ объясненія, что корабль совершенно устарѣлъ и для серьезнаго боя негоденъ. Черезъ два года, въ связи съ судьбой этого броненосца, я не разъ вспоминалъ эти слова. Въ большой адмиральской гостиной пили чай, танцовали съ пріѣхавшими изъ Аѳинъ женами офицеровъ и въ заключеніе, послѣ тоста за Московскій университетъ, предложеннаго хозяевами, пропѣли Gaudeamus подъ аккомпаниментъ одного изъ нихъ.

Мы были въ Аѳинахъ какъ разъ въ разгаръ выборовъ городского головы и были ошеломлены формами предвыборной агитаціи. Боролись двѣ партіи — Меркуриса и Ангелопулоса. Какъ-то сидимъ мы на площади Конституціи, вдругъ на одной изъ улицъ появляется шумная демонстрація. Музыка, плакаты, выкрики толпы. Всѣ побросали свои столики и побѣжали смотрѣть на это, непривычное для насъ, русскихъ, зрѣлище. Поразило насъ и то, что впереди демонстраціи важно и невозмутимо шествовалъ нарядъ полиціи — на случай встрѣчи съ враждебной демонстраціей. Впрочемъ, бывали и мирныя, и даже мелодичныя демонстраціи. Помню, поздно ночью по пустымъ улицамъ мы встрѣтили человѣка три, которые пѣли стройно и гармонично что-то въ родѣ «Зито, зито, о Меркурисъ». Черезъ нѣкоторое время, уже въ Россіи, С. Н. Трубецкой получилъ изъ Аѳинъ письмо, въ которомъ сообщалось, что при одной демонстраціи было убито около 18 человѣкъ. «Должно быть, сладко умирать за Меркуриса», прибавлялъ авторъ письма.

**
*

Вскорѣ всѣ эти дипломатическія опасенія со стороны нашей экскурсіи разсѣялись, и греческимъ правительствомъ намъ были предоставлены особые поѣзда для поѣздокъ въ Арголиду и Олимпію и старая-престарая канонерка, или минный транспортъ, «Канарисъ» для поѣздки въ Коринфъ и Дельфы. Хуже этого судна нельзя было ничего представить: удобствъ никакихъ, вдобавокъ ночью случился пожаръ, и мы проснулись отъ холодной воды, которая текла къ намъ подъ одѣяла на палубѣ. Но все это мелкія непріятности. На «Канарисѣ» мы прошли Коринфскимъ каналомъ и изъ маленькаго городка Итеа частью въ экипажахъ, а большинство верхомъ на ослахъ, направились въ святилище Аполлона. Это было очень интересное путешествіе, съ приключеніями, по маленькимъ тропинкамъ, по которымъ ослы шли пунктуально, обходя каждый камешекъ. Въ Дельфахъ мы пробыли цѣлый день, изучая богатѣйшія французскія раскопки, побывали и въ расщелинѣ Пифона, въ которой во второй половинѣ дня было уже такъ темно, что было трудно дѣлать моментальные снимки... Помнится, въ Дельфахъ-же, въ одномъ кафе, мы смотрѣли какую-то національную греческую пляску, крайне неестественную, подъ заунывные звуки пронзительной жилейки. Кто-то изъ профессоровъ послалъ съ гарсономъ бумажку въ нѣсколько драхмъ, которую тотъ послюнявилъ и прикрѣпилъ ко лбу одного изъ музыкантовъ.

Послѣ грандіозныхъ и нѣсколько мрачныхъ Дельфъ, Олимпія насъ плѣнила своимъ просторомъ и зеленью. Здѣсь раскопки — плоды германской археологіи. Съ большимъ волненіемъ ходили мы по мѣстамъ панэллинскихъ съѣздовъ, повидали въ музеѣ Гермеса Праксителя и крылатую Побѣду; искупались въ Алфеѣ и кто-то вспомнилъ:

Теонъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея...

Въ Олимпіи же, въ залахъ гостиницы, съ балкона которой открывается очаровательный видъ на цвѣтущую долину, насъ чествовали греки банкетомъ. Отъ имени грече-

скаго ученаго міра выступалъ Каввадіасъ, эфоръ древностей, одинъ изъ извѣстныхъ греческихъ археологовъ, а съ нашей стороны, въ числѣ безконечныхъ рѣчей, я помню (сказанную и по гречески) рѣчь проф. Никитскаго. Онъ, между прочимъ, говорилъ о желательности русскаго ученаго представительства на этой почвѣ всеобщаго мірового соревнованія и вѣрилъ, что въ ближайшемъ будущемъ откроется въ Аѳинахъ русскій археологическій институтъ. Къ концу обѣда пришла очередь пѣснямъ. Конечно, пѣлся Gaudeamus, и на этотъ разъ съ спеціально сочиненными словами, что чрезвычайно польстило грекамъ и на другой день текстъ строфы былъ напечатанъ въ газетахъ. Между прочимъ, греки просили насъ спѣть русскія пѣсни. Пѣли имъ и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и «Изъ страны, страны далекой», звучавшую здѣсь очень трогательно, а подъ конецъ: — «Ужъ какъ зимушка зима» съ припѣвомъ: «черная галка». Выпитое вино немножко насъ подразобрало, и мы эту студенческую пѣсню-сатиру отхватали дѣйствительно ухарски, съ одушевленіемъ. Содержаніе пѣсенъ грекамъ переводили, ну, а ужъ какъ имъ перевели «черную галку.. съ Марусенькой» — неизвѣстно. У насъ же начались споры по поводу умѣстности демонстрацій т а к и х ъ русскихъ пѣсенъ, но Трубецкой умѣрилъ страсти: «Увѣряю васъ, господа, сказалъ онъ, что греки слушали съ удовольствіемъ»...

Послѣ осмотра раскопокъ Шлимана въ Микенахъ и Тиринфѣ мы уперлись въ Навплій. Этотъ городъ насъ поразилъ своимъ восхитительнымъ видомъ съ высоты своей цитадели, Ичъ-Кале, но оставилъ у насъ очень тяжелыя воспоминанія. На самой вершинѣ скалы, куда ведетъ лѣстница со многими сотнями ступеней, оказалась каторжная тюрьма. Заключенные, увидя насъ на стѣнахъ внутренняго двора, бросились предлагать намъ свои издѣлія, протягивая ихъ вверхъ на длинныхъ шестахъ. Видъ цѣлаго лѣса шестовъ, которые каторжники держали въ рукахъ, былъ очень мучителенъ. Намъ говорили, что это единственное мѣсто въ Греціи, гдѣ производятся смертныя казни. Гильотину мы не видѣли, но площадку, на которой казнятъ, намъ показали. Изъ дворовъ тюрьмы, кромѣ неба, несчастнымъ ничего не видно, но зато съ послѣдняго мѣста на землѣ имъ открывается чудесный видъ на долину и безконечныя дали... Долго мнѣ потомъ мерещился замокъ Навплія и его контрасты...

***

Объ обратномъ пути у меня какъ-то осталось мало воспоминаній. Всѣ немного утомились и, отягощенные всевозможными сувенирами, торопились домой, думая о встрѣчахъ съ родными, на родной землѣ. Въ одесской таможнѣ насъ осматривали довольно поверхностно. Въ Константинополѣ я купилъ на память маленькую брошюрку — «Чудную» Короленка, которую благополучно и провезъ въ голенищѣ, а И. Н. Бороздинъ весь обмотался, какъ простыней, номерами «Освобожденія»; было жарко, онъ вспотѣлъ, и мокрые расползшіеся листы журнала потомъ сушились на солнышкѣ... По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, экскурсія таяла; въ Тулѣ я ее покинулъ, направляясь къ своимъ «пенатамъ»...

Среди моихъ университетскихъ воспоминаній аѳинская экскурсія занимаетъ видное мѣсто: для филолога это былъ настоящій, наглядно иллюстрированный, курсъ лекцій по исторіи. Но не только это. Болѣе сотни студентовъ различныхъ факультетовъ въ теченіе мѣсяца оплелись нитями прекрасныхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній. Мы всѣ, участники паломничества въ землю, о которой учили въ книгахъ съ раннихъ лѣтъ, почувствовали себя какъ бы посвященными въ одну тайну. И потомъ, послѣ окончанія университета, когда я встрѣчалъ «аѳинянина», то у насъ, помимо общихъ воспоминаній о родномъ университетѣ и Москвѣ, всегда находились слова, при произнесеніи которыхъ особенно раскрывались души...

Н. Кнорринъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

Предисловіе. 5

А. Кизеветтеръ. — МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ (Историческій очеркъ). 9

Н. Астровъ. — СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. 145

М. Новиковъ. — МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ БОЛЬШЕВИЦКАГО РЕЖИМА. 156

В. Стратоновъ. — ПОТЕРЯ МОСКОВСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ СВОБОДЫ. 193

ОТДѢЛЪ II. ВОСПОМИНАНІЯ.

Кн. Д. Д. Оболенскій. — УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ СТУДЕНТА ВЫПУСКА 1865 ГОДА. 245

П. Милюковъ. — МОИ УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ГОДЫ. 262

М. М. Ковалевскій. — ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 275

В. А. Маклаковъ. — ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ. 294

Сергѣй Завадскій. — ИЗЪ ЖИЗНИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ XIX СТ. (По воспоминаніямъ трехъ поколѣній). . . 319

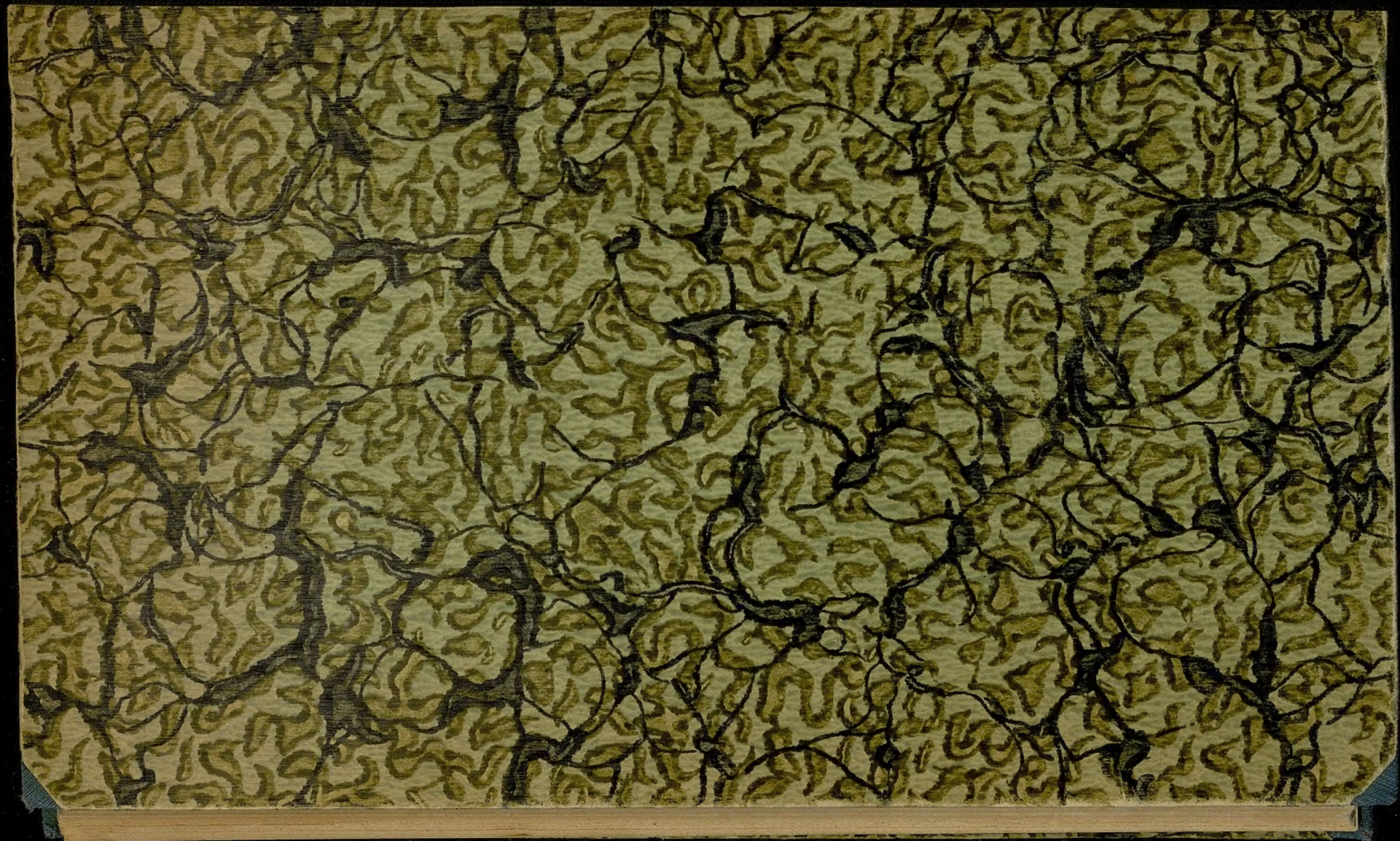
И. Алексинскій. — ПЕРВЫЕ ГОДЫ МОЕГО СТУДЕНЧЕСТВА (1889 — 1891). 355

С. Абрамовъ. — МЕДИЦИНСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 90-ХЪ ГОДОВЪ. 366

Н. Е. Осиповъ. — КОРСАКОВЪ И СЕРБСКІЙ (Первые профессора психіатріи Московскаго университета)... 405

Докторъ Вл. Б—ій. — СЛУЖИТЕЛИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. 427

Ив. Херасковъ. — ИЗЪ ИСТОРІИ СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ (Воспоминанія участника. 1897 — 1903). 431

Н. Кнорринг. — ИЗЪ ЖИЗНИ МОСКОВСКАГО СТУДЕНЧЕСТВА ВЪ НАЧАЛѢ XX ВѢКА. (Памяти проф. кн. С. Н. Трубецкого). 450

IMP. UNION, 13, RUE MÉCHAIN, PARIS